

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ: НОВЫЕ КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Монография

*Под научной редакцией
доктора политических наук, профессора
О.П. Иванова*

МОСКВА
КВАНТ МЕДИА
2021

УДК 327
ББК 66.4
М 43

Рецензенты:

Лебедева М.М. — доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России;

Белозеров В.К. — доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии ФГБОУ ВО МГЛУ

Редакционная коллегия:

Иванов О.П. — доктор политических наук, профессор;

Гаврилова С.М. — кандидат исторических наук

М43 **Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира:** монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. — Москва: Квант Медиа, 2021. — 624 с.

ISBN 978-5-6046526-6-4

В монографии освещаются ключевые проблемы современной мировой политики, вопросы международной, региональной и национальной безопасности. Авторами рассматриваются новые вызовы и угрозы в сфере международных отношений и международного права. Законодательство приведено по состоянию на 20 апреля 2021 года.

Издание предназначено для специалистов в области международных отношений, мировой экономики, международного права, студентов и аспирантов профильных вузов, а также для всех интересующихся данной тематикой.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-6046526-6-4

© Коллектив авторов, 2021

© Дипломатическая академия МИД России, 2021

© Оформление. ООО «Квант Медиа», 2021

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Борисов Алексей Владимирович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Варфоломеев Антон Александрович — кандидат политических наук, заведующий Центром новых вызовов и угроз Института актуальных международных проблем, доцент кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

Гаврилова Светлана Михайловна — кандидат исторических наук, начальник редакционно-издательского отдела, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Гласер (Кукарцева) Марина Алексеевна — доктор философских наук, профессор, профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Гуляева Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского права Дипломатической академии МИД России.

Данельян Андрей Андреевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе Дипломатической академии МИД России.

Иванов Олег Петрович — доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

Козюлин Вадим Борисович — кандидат политических наук, профессор Академии военных наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Коньшев Валерий Николаевич — доктор политических наук, профессор, профессор факультета международных отношений СПбГУ.

- Малов Андрей Юрьевич** — кандидат исторических наук, доцент кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.
- Мустафабейли Али Митхадович** — кандидат исторических наук, заведующий Центром евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.
- Мухина Яна Борисовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ.
- Неймарк Марк Афроимович** — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.
- Пашенцев Евгений Николаевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром цифровых исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.
- Пономарева Елена Георгиевна** — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (у) МИД России.
- Руднева Анастасия Олеговна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Дипломатической академии МИД России.
- Сергунин Александр Анатольевич** — доктор политических наук, профессор, профессор факультета международных отношений СПбГУ.
- Солтановский Иван Дмитриевич** — Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук, Постоянный представитель Российской Федерации при Совете Европы в Страсбурге.
- Сурма Иван Викторович** — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, член-корреспондент РАЕН.
- Тимакова Ольга Александровна** — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

Трефилова Юлия Александровна — кандидат политических наук, заместитель директора Департамента евразийской интеграции Министерства экономического развития Российской Федерации, старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Шамаров Павел Вячеславович — кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры Военной академии Министерства обороны Российской Федерации.

Шмелев Борис Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Штоль Владимир Владимирович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, ректор Центрально-Европейского университета (Словакия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Захарова М.В.</i> Предисловие	9
---	---

Глава I. НОВЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Неймарк М.А.</i> Тревожный мир и кризисная геополитика	11
<i>Трефилова Ю.А.</i> Мир без курса. Новые контуры глобального управления.	31
<i>Руднева А.О.</i> Мягкая сила в современных международных экономических отношениях	50
<i>Сурма И.В.</i> Цифровой суверенитет и проблема вмешательства во внутренние дела государств: внешнеполитические вызовы и угрозы.	68
<i>Штоль В.В.</i> Современные контуры международной безопасности: лидерство и мессианство в мировой политике	94

Глава II. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Малов А.Ю.</i> Запрет на ядерное оружие: решение или проблема	119
<i>Данельян А.А.</i> Кибербезопасность и международное право	153
<i>Гуляева Е.Е.</i> Проблемы обеспечения биобезопасности в современном международном праве	175
<i>Пашенцев Е.Н.</i> Дезинформационные кампании западных государств в современном мире: цели и методы.	212

Глава III. РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ	236
<i>Солтановский И.Д.</i> Совет Европы — QUO VADIS? (Страсбургская организация в поисках своей идентичности в условиях трансформации современного мирового порядка. К постановке проблемы)	236
<i>Гаврилова С.М.</i> Новые вызовы Старого Света	276
<i>Тимакова О.А.</i> Вызовы и угрозы безопасности в Средиземноморье	295
<i>Коньшев В.Н., Сергунин А.А.</i> Арктические стратегии России и США: гуманитарное измерение	322
<i>Иванов О.П.</i> Особенности оборонной стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе	349
<i>Варфоломеев А.А.</i> Многостороннее противодействие терроризму и экстремизму в Центральной Азии	368
<i>Мустафабейли А.М.</i> «Мягкая сила» Запада на пространстве СНГ	392
<i>Пономарева Е.Г.</i> Технологии смены политических режимов: казус Белоруссии	417
<i>Гласер (Кукарцева) М.А.</i> Особенности социетальной безопасности стран Африки	452
Глава IV. РОССИЯ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ	479
<i>Шамаров П.В.</i> Прагматизация миротворчества России — геополитическое требование современной международной обстановки	479

<i>Борисов А.В.</i>	
Гуманитарная политика России: эффективность, проблемы и перспективы	510
<i>Козюлин В.Б.</i>	
Роль России в глобальном регулировании технологий искусственного интеллекта	542
<i>Шмелев Б.А., Мухина Я.Б.</i>	
Политика России на постсоветском пространстве (2014–2021 гг.).	567
Литература	599

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография посвящена рассмотрению различных аспектов современной международной политики в их преломлении к сфере безопасности. В книге обстоятельно рассмотрены актуальные вызовы глобальной стабильности и безопасности, разнообразные факторы, формирующие международный и региональный ландшафт межгосударственных отношений, наиболее эффективные способы выработки договоренностей и мер доверия в условиях стремительно меняющегося мира. В отдельном разделе представлен научный взгляд на особенности отечественных подходов к сфере миротворчества и регулирования применения высоких технологий, а также на специфику проводимой Россией гуманитарной политики, в том числе в отношении государств ближайшего соседства, с учетом ее особой роли в поддержании международного мира и безопасности.

Принявшие необратимый характер процессы глобализации, выход на авансцену новых и ослабление «традиционных» центров силы, бурное развитие современных технологий, невиданное доселе возрастание значения контроля над информацией, климатические изменения — все это подтолкнуло мир к глубокой трансформации, затронувшей буквально все сферы человеческой жизнедеятельности. Время больших перемен — это сочетание открывающихся возможностей с принципиально новыми по своей природе и охвату опасностями и угрозами, что наглядно демонстрирует череда разнообразных кризисов и потрясений последних лет. Ситуацию усугубляют сохраняющиеся в международных отношениях рудименты логики силового соперничества и игры с нулевым результатом, неурегулированность целого ряда застарелых конфликтов, повсеместный рост социальной напряженности вследствие диспропорций в благосостоянии стран и их населения и ограниченности ресурсов.

Данный контекст формирует облик международной политики на современном этапе, где поиск оптимальных путей решения общемировых проблем на основе коллективных усилий неизбежно сопровождается попытками отдельных государств и их союзов обеспечить себе конкурентные преимущества и возможности оказывать решающее влияние на ход истории. Как отметил в ходе 9-й Московской меж-

дународной конференции по международной безопасности Министр иностранных дел России С.В. Лавров, «сегодня назрел серьезный разговор об обновленной, отвечающей современным многополярным реалиям инклюзивной архитектуре глобальной безопасности». Именно эта пестрая картина из противоречивых, а порой и разнонаправленных тенденций является основным предметом исследований в рамках настоящей монографии.

Книга также позволит читателю дополнить свои представления о теории и практике современных международных отношений, поскольку среди авторов статей-исследований не только академические специалисты в области научной политологии, но и практикующие дипломаты, состоящие в настоящее время на службе в системе МИД России.

Захарова Мария Владимировна

кандидат исторических наук

Чрезвычайный и Полномочный Посол

Директор Департамента информации и печати МИД России

Глава I

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Неймарк Марк Афроимович

ТРЕВОЖНЫЙ МИР И КРИЗИСНАЯ ГЕОПОЛИТИКА¹

Турбулентные трансформации в геополитическом пространстве создают новые, непредвиденные риски и вызовы мировому развитию. В кардинально изменившихся условиях понятие «геополитика» получило концептуально расширенное, адаптированное к современным реалиям наполнение, в рамках которого сугубо географический детерминизм уже не является единственно определяющим. Коронавирусная пандемия создала новую «нормальность» или, точнее, новую «ненормальность», в которой оказались страны независимо от их геополитического статуса и места в международной иерархии. Глобальный коронавирусный кризис усугубил и без того растущую неопределенность в мировых политических процессах. Контекст нынешних геополитических противостояний и конфликтно-конкурентного соперничества резко осложнился. «Тектонические изменения, происходящие в базовых инфраструктурах современного мира, в совокупности приводят к радикальному изменению места, роли и влияния всех

¹ Отдельные материалы главы опубликованы в журнальных статьях автора: Растрепанная реальность: к итогам президентских выборов в США// Международная жизнь. 23.11.2020; Коронавирусный форс-мажор и новый мировой порядок// Международная жизнь. 01.08.2020; Россия-НАТО: есть ли у прошлого будущее?// Обозреватель — Observer. 2020. № 12; Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность»// Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 3.

без исключения стран и народов в системе международных отношений. Они предполагают переоценку и переосмысление сложившихся в период двухполюсного миропорядка системы баланса и равновесия сил, союзников и противников, феномена сверхдержавности и гегемонии, господства и подчинения, места и роли великих и малых стран в мировых делах»².

Пандемия COVID-19 резко усугубила копившиеся в последние годы существенные изменения в стратегически важной для мировой политики и международных отношений цепочке «лидерство-гегемония-доминирование-господство», в которой многое, но, подчеркнем, далеко не все, синонимично переплетается. Причем степень такого переплетения в немалой степени зависит от акцентированной ставки властных структур ведущих государств мира на конкретное звено другой цепочки: «мягкая сила» — «жесткая сила» — «острая сила» — «умная сила». Вся же цепочка отражает многосложные типы влияния в современной геополитике, практико-политический функционал которых приобретает особое значение в макросистемных трансформациях мирового порядка и нарастающей неопределенности в них.

Еще в конце первого десятилетия XXI века Н. Талев в своей знаковой работе «Черный лебедь: под знаком непредсказуемости» выделил два типа неопределенности: «известная неопределенность» — «когда мы знаем, что что-то не знаем» и «неизвестная неопределенность» — «когда «мы не знаем, что чего-то не знаем»³. Специфику их непосредственной корреляции с использованием «умной силы» концептуально обозначает С.В. Михневич. Он считает, что «известная неопределенность» может выступить в роли источника предсказуемого поведения для актора, обладающего соответствующей информацией об отсутствующих данных относительно тех или иных значимых факторов. Сторона, принимающая решение, может моделировать и пытаться ре-

² Гаджиев К. Размышления о великой трансформации в условиях турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 81.

³ Талев Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2009. С. 257.

ализовать те или иные сценарии с учетом понимания имеющихся информационных лагун. Что же касается «неизвестной неопределенности», то она является основной проблемой при реализации политики, поскольку в случае ее проявления на разрешение возникающих проблем расходуется колоссальный объем ресурсов, в том числе и потому, что очень часто отсутствует понимание ее серьезности и возможных последствий. «Фактически проведение политики “умной силы”... непосредственно связано с “управлением неопределенностью” или ее переводом в состояние “известной” в отношении собственной политики актора и генерацией “неизвестной неопределенности” в приемлемых зонах для соперничающих центров силы»⁴.

В рамках дискуссионного обсуждения кейнсианской идеи неопределенности как неопределенности полной, лишенной всякой возможности просчета будущего, генеральный директор РСМД А.В. Кортунов зафиксировал одну из характерных специфических черт современного мира — возрастание по экспоненте количества независимых переменных, влияющих на нашу жизнь. В этом смысле неопределенность становится не просто одним из факторов, который надо учитывать, а, возможно, основным фактором, с которым приходится считаться политикам. В начале XXI в. обнаружился очевидный дефицит управляемости на разных уровнях, в разных регионах, в разных ситуациях. «И если тогда глобальный взрыв неопределенности, — пишет А.В. Кортунов, — можно было интерпретировать как следствие неожиданно быстрого, спонтанного слома системы миропорядка эпохи холодной войны, то десятилетие спустя это уже не выдерживает критики: неопределенность — не остаточное явление прошлого, а фундаментальная проблема будущего, с которой всем нам надо что-то делать». Комментируя один из самых известных политических афоризмов У. Черчилля «цена величия — ответственность» (*the price of greatness is responsibility*), А.В. Кортунов подчеркивает, что величие государственного деятеля определяется не только его способностью отвечать за свои поступки, не пытаясь приписать все

⁴ Михневич С.В. Фактор «умной силы» в процессах институализации международных отношений // Вестник международных организаций. 2015. № 10(4). С. 98.

победы себе, а поражения — внешним обстоятельствам, но и предвидеть не только ближайшие, но и отдаленные последствия своих действий⁵.

Сегодня, как никогда ранее, пожалуй, многозначительную актуальность приобретает другое остроумно-парадоксальное суждение У. Черчилля: человек, занимающийся политикой, должен предвидеть то, что произойдет через неделю, месяц, год, десятилетие, а потом — уметь объяснить, почему все это не произошло. Особое мнение в этой связи высказывает С.А. Караганов, считающий, что элемент неопределенности в мировой политике присутствовал всегда. И сейчас его не больше, а даже, пожалуй, меньше, чем во многие другие эпохи. Именно то, что из-за информационной революции массам доступны гораздо более широкие возможности влияния на политику, будоражит элиты, привыкшие решать, что нужно народу. Отсюда и сетования на якобы растущую непредсказуемость. На деле включение широких слоев населения в политику делает ее более предсказуемой, поскольку интересы масс людей просчитываются легче, чем интриги представителей истеблишмента. «Главная причина разговоров о непредсказуемости — нежелание доминировавших в интеллектуальном поле западных элит и тех, кто шел в их фарватере, видеть неприятное для себя будущее, — считает С.А. Караганов. — Интеллектуальный и политический класс Европы уверовал в неизбежность общемировой победы евромодели, а накопленный Западом потенциал (политический, военный, экономический, идеологический и информационный) позволяет навязывать всем такие взгляды»⁶.

На экспертном уровне высказывается опасливо-тревожное мнение, причем его разделяют отнюдь не единицы в отечественном политологическом сообществе, что коронавирусная пандемия приблизила мир к порогу новой геополитической эпохи — структурному суперци-

⁵ Кортунюв А. Политика: искусство неопределенности // Россия в глобальной политике, 2014. — URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Politika-iskusstvo-neopredelennosti-16326>.

⁶ Караганов С.А. Как самообман подменил серьезный анализ // Россия в глобальной политике, 2019. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/>

клу, который продлится несколько десятилетий и начнется с периода беспорядка и хаоса. «Мы станем свидетелями многомерного соперничества великих держав в эпоху глобальных катастроф: экономических кризисов, войн, масштабных кибератак, пандемий и стихийных бедствий, связанных с изменениями климата». И далее сугубо алармистский вывод: «Наступает очень жесткое, а возможно, и жестокое время холодных и горячих конфликтов. Это время продлится как минимум все третье десятилетие XXI века». При этом именно державы, которые смогут сохраниться и выстоять в этот период, «создадут новые правила и новый миропорядок»⁷.

Сегодня в связи с пандемическим кризисом высказываются самые разнообразные прогнозные суждения по широкому спектру проблем, имеющих прямое или опосредованное отношение к будущему мироустройству. Их можно условно разделить на две основные группы. В первой группе максимально учитываются факторы неопределенности в мировой политике, которые, судя по всему, будут воздействовать на нее довольно длительное время. Поэтому прогнозные модели нового мирового порядка, лишённые концептуальной категоричности, сопровождаются оговоркой, что они сугубо предварительны: их реализация будет зависеть от совокупности многих, пока еще не проявившихся переменных.

В другой группе выделяются прогностические оценки, слишком рано, на наш взгляд, фиксирующие более или менее завершенную картину нового мирового порядка. Встречаются и единичные случаи, когда шкала предвидения его будущей «новой нормальности» или «новой ненормальности» отрабатывается прежде всего на основе субъективных умозрительных конструкций и предположений. Но подчеркнем главное: линейная оценочная экстраполяция резких поворотов и бурных изменений современного геополитического ландшафта на отдаленные миросистемные реальности не в состоянии выявить сложнейшую диалектику взаимосвязи старого и нового в мировой политике.

⁷ Ильницкий А. Геополитическая основа будущего России // Парламентская газета. 14.12.2020. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/geopoliticheskaya-osnova-budushhego-rossii.html>.

В условиях резкой смены турбулентных событийных потоков было бы забеганием вперед описывать базовую конкретику нового мирового порядка: прогнозный анализ может легко сместиться к футурологическим предсказаниям, трактуемым к тому же весьма вольно.

Сегодня, в острокризисный пандемический момент, как, пожалуй, никогда ранее, востребовано аналитическое умение отделять главное, принципиально сущностное, от частного, второстепенного, единичного. Особую практико-политическую значимость приобретает неискаженное понимание переплетения однопорядковых, однородных элементов и разнородных противоположностей, которые с еще большей очевидностью будут давать о себе знать в новом мироустройстве.

Примечательно, что по мере преодоления пандемического шока представления о вызванном им мощном воздействии на формирование нового мирового порядка становятся менее категоричными, менее радикальными.

Прежде всего это относится к комплексу проблем, связанных с глобализацией. Ускорение разнонаправленных процессов в глобализованном пространстве оценивается сегодня в самом широком диапазоне терминологических обозначений: антиглобализм, деглобализация, ложный универсализм, контртенденции в развитии глобализации и т.д. Другие оценочные позиции прогностически сводятся к переформатированию глобализации, неоглобализму и даже — явно с размахистой поспешностью — к постглобализации.

Пандемия выразительно подчеркнула противоречие, связанное с обозначившимися ранее центробежными тенденциями в развитии глобализации: кризис — глобальный; противодействия ему — локальные, преимущественно в централизованных рамках «государствонация». Коронавирусный кризис подвел черту под эпохой неолиберальной минимизации роли национального государства. Отвергнута нарастающая в течение многих лет убежденность в неизбежности эрозии и даже исчерпанности функциональных возможностей государства. Обратный геополитический дрейф к «государству-нации» означает новое как хорошо забытое старое.

Преодоление травматического шока от коронавирусной пандемии вынужденно увязывается с поиском защиты непосредственно у го-

сударства, т.к. реальные возможности международных организаций для эффективного противодействия ей оказались суженными до малозначимых показателей. В условиях масштабной дезориентации неолиберального истеблишмента к государству возвращается роль централизованного регулятора. Угроза катастрофической депрессии понуждает его мыслить глобальными кризисными категориями, но ускоренно действовать в суверенных институциональных рамках. Из этого следует, что пандемия стала финализирующим фактором кризиса неолиберальной модели миропорядка, фактически одновременно, в концентрированном виде выявив новые и подтвердив проявлявшиеся ранее ее структурные и функциональные изъяны. Это, конечно же, отразится на формировании параметров нового мироустройства: неизбежны межгосударственные конфликты, чреватые усилением глобальных дисбалансов.

В этом контексте важное политико-методологическое значение приобретает вопрос о смысловом стержне понятий «многополярность» и «полицентризм». Они настолько «замылены» повседневным частотным употреблением, что почти автоматически отождествляются даже во внешнеполитических документах, не говоря уже о многочисленных публикациях, имеющих как прямое, так и отдаленное отношение к мировой политике и международным отношениям. Между тем исходное разграничение этих понятий, их содержательная спецификация задает вектор адекватного осмысления трансформационных перспектив мирового порядка. В полярности заложено в той или иной степени прямое конфликтное противостояние; полицентризм же подразумевает усложненное взаимодействие нескольких самостоятельных центров силы, способных создавать различные геополитические конфигурации, где сохраняются расширенные возможности защиты их национально-государственных интересов.

Эпоха гегемонистской униполярности США заканчивается. Такой «конец истории» стал неизбежным. Четко обозначившееся рассредоточение новых центров силы в мировой политике, тягаться с которыми по отдельности и тем более с их совокупным потенциалом США все труднее и обременительнее, становится определяющей особенностью грядущего полицентричного мирового порядка с неизбежными элементами асимметрии.

Привычные понятия лидерства и гегемонии в новом мировом порядке перейдут в плоскость иных, глубинно изменившихся (и уже меняющихся сегодня) соотношенностей. Дальнейшие перспективы американоцентричной модели лидерства, неизменно отождествляемой с гегемонизмом, исчезающе малы. Все идет к завершению формирования новых центров силы, созданию новых геополитических форматов без выраженной центрирующей роли одного из наиболее влиятельных акторов мировой политики.

Для адекватного понимания мирополитических изменений в условиях нарастающей неопределенности в глобальной политике продуктивными представляются аналитические подходы российских ученых, которые осмысливают их, разумеется, с учетом опыта западных коллег, в рамках теории сложности в науке о международных отношениях. Серьезные исследования, проводимые в МГИМО (У) МИД России, Дипломатической академии МИД России, ИМЭМО РАН, других научных центрах⁸, показывают практическую важность

⁸ Ключевые методологические проблемы анализа и прогнозирования политических изменений во многом по-новому представлены в трудах таких авторов, как: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014, 456 с.; Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / Редкол.: И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 218 с.; *Семенов И.С.* Эволюционные циклы и проблемы прогнозирования политических изменений // Полис. Политические исследования, 2015. № 1. С. 173–178; *Дегтярев Д.А., Истомин И.А.* Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 18–29; *Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И.* Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2013. 220 с.; *Метаморфозы мировой политики* / Ред. М.М. Лебедева. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.; *Зиновьева Е.С., Казанцев А.А.* Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4; *Бородкин Л.И.* Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1. С. 4–16; *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2015. 208 с.

применения в этой теории методологии прогнозирования политических изменений, основу которой определяет акцент на многофакторном и нелинейном развитии мирополитических процессов. Проблема в том, что современная международная система достигла такого уровня сложности, что это нередко препятствует определению однозначных причинно-следственных связей. Теория сложности указывает на непредсказуемость мировой политики, заложенную в ее природе, уточняют эксперты. Ситуация имеет много вариантов развития сама по себе, а не только по причине ограниченности наличных средств анализа. Поэтому универсальных рецептов эффективной внешней политики на все случаи жизни не существует. Причина и следствие международных событий могут быть непропорциональны, а целое не соответствовать сумме его составных частей, даже в количественном измерении. Более того, поведение государств и других акторов изменяет среду — изначальные модели поведения и их результаты зачастую влияют на последующие. Это порождает постоянные изменения, направленность которых нельзя определить, обозначив одну группу явлений как «причины», а другую — как «следствие». Примечательно, что в этом сходятся оценочные позиции и российских, и западных профильных исследователей⁹.

В этой связи обращает на себя внимание чрезвычайно актуальная монография известного французского политолога Паскаля Бонифаса «Геополитика пандемии Covid-19» с подзаголовком «Что обнажил коронавирусный кризис». Повышенный интерес к ней объясняется прежде всего тем, что автор с 1990 г. возглавляет Институт международных и стратегических исследований, который он превратил в авторитетный аналитический центр, входящий в рейтинг 50 наиболее известных мозговых центров мира. Кроме того, ученый принадлежит к тем французским и европейским в целом концептуальным миноритариям, кто давно выступает против бинарного, черно-белого

⁹ *Зиновьева Е.С., Казанцев А.А.* Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа // *Мировая экономика и международные отношения.* 2015. № 59 (4). С. 64; *Axelrod R.M.* *The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration.* Princeton University Press, 1997. P. 258.

восприятия мира, против его деления на «они» и «мы». Еще три десятилетия назад в одной из своих работ он назвал такой оценочный подход «диснейлизацией» международных отношений. Он убежден в том, что люди, занимающиеся аналитической работой, «должны постоянно опасаться собственных предубеждений и опираться на максимально возможное разнообразие источников, а не на те, которые подтверждают личное мнение»¹⁰.

У российских аналитиков есть объективные основания считать, что к началу третьего десятилетия XXI века весь глобализованный мир, испытывающий колоссальное давление масштабных технологических, социокультурных и геополитических перемен, оказался на пороге очередной, а вполне возможно и беспрецедентной по масштабам, кардинальной политико-институциональной трансформации, которая в перспективе изменит образ жизни и характер социальных интеракций во всем мире. Необходимость и закономерность такой трансформации в период 2017–2021 гг. и, шире, в период 2017–2029 гг. обоснована в рамках теории эволюционных циклов мировой системы. В рамках очередного эволюционного цикла она воплощает собою переход к фазе революции мирового рынка, критически важный начальный период этой геополитической и геоэкономической революции¹¹.

Уникальность коронакризиса исследователи видят в разрыве с вековой историей чисто экономических и финансовых циклических и структурных рецессий. «По-видимому, в перспективе геополитические, эпидемиологические, климатические, миграционные триггеры окажутся в фокусе прогнозирования циклической динамики и выработки контрциклических стратегий»¹². С этим выводом органично перекликается утверждение К.С. Гаджиева, что геополитика «переживает своего рода новое “осевое время”, в условиях которого

¹⁰ *Boniface P. Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot. Paris: Éditions Eurolles, 2020. P. 127.*

¹¹ *Лапкин В.В., Пантин В.И. Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России)// Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 58.*

¹² *Дынкин А., Телегина Е. Пандемия и посткризисный мир// Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64(8). С. 13.*

осуществляется процесс трансформации старого порядка, смена парадигмальных основ господствовавшего евро-западно-центристского мира и либерального/однополярного миропорядка. Такую трактовку событий можно рассматривать как новую Великую трансформацию, в процессе которой осуществляется завершение одного исторического периода и вступление современного мира в качественно новую фазу своего развития»¹³.

Пандемия COVID-19 не только спрессовала в единый проблемный узел накопленные в предшествующий период наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития, но и обозначила в нем новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности мирополитических, макроэкономических и социально-гуманитарных процессов в глобальном пространстве. Их последствия наиболее выпукло проявились в США, в решениях и действиях американского руководства, совокупность которых отразила сущность феномена трампизма. Внешнеполитические акции Д. Трампа, непредсказуемо и спонтанно накладываясь друг на друга, только добавляли неопределенности в мировой политике. В этом контексте нарастание конфликтного дискурса и откровенно анти-“soft power” действий Д. Трампа резко усилили как новые, так и существовавшие ранее геополитические диссонансы. Серьезный ущерб международному имиджу и репутации США нанесло решение Вашингтона о переводе своего посольства в Иерусалим. Несмотря на массивное дипломатическое давление, США не удалось помешать принятию на Генеральной Ассамблее ООН резолюции, осуждающей признание Вашингтоном в одностороннем порядке Иерусалима столицей Израиля.

Абсолютизация «жесткой силы», апология односторонних, все более репрессивных решений в мировой политике и международных отношениях стала определяющей чертой трампизма. Свой лозунг «Америка прежде всего» Трамп претворял в жизнь весьма специфически: США вышли из Совета по правам человека ООН (СПЧ ООН),

¹³ Гаджиев К. Размышления о великой трансформации в условиях турбулентности // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64(11). С. 80.

из Парижских соглашений по климату, из ЮНЕСКО, Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам, из ядерной сделки по Ирану, ДРСМД и Договора по открытому небу. В том же деструктивном ключе — объявленная Трампом готовность США, ультимативно обставленная очередными необоснованными требованиями к России, выйти в феврале 2021 г. из СНВ-3¹⁴.

И, наконец, нанеся мощнейший удар по гуманитарной составляющей «мягкой силы» США, Трамп разорвал отношения с Всемирной организацией здравоохранения, что не может не ослабить организационные структуры ООН. Тем самым «модельная мягкая сила» США, призванная служить образцом для других стран, пожалуй, в беспрецедентной степени подверглась коррозии. Примечательно, что на Всемирной ассамблее здравоохранения 18–19 мая 2020 г. США оказались в изоляции: два американских предложения — немедленно начать расследование об истоках заражения COVID-19 с обвинениями в адрес Китая и придать Тайваню статус наблюдателя в ВОЗ — провалились.

Фактически вытеснение Д. Трампом «мягкой силы» из внешней политики США вызвало болезненно-критическую реакцию Дж. Най, хорошо знающего «изнутри» хитросплетения американской политической жизни. Он подверг резкой критике Трампа за упрощенно-линейное, «туннельное видение» международной деятельности США. Обобщенный смысловой стержень его обвинений — «Трамп рубит сук, на котором покоится могущество Америки». Най характеризовал стратегию национальной безопасности США как оторванную от реальности, что убедительно доказала пандемия коронавируса: «COVID-19 показал, что нам не удастся подстроить нашу стратегию под этот новый мир»¹⁵. Еще более выразительно высказалась по этому поводу заместитель директора Международного института стратегических исследований Кори Шейк, заявившая, что США продемон-

¹⁴ Сменивший Д. Трампа на посту Президента США Дж. Байден продлил действие договора на 5 лет.

¹⁵ How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic// Foreign Policy. 2020. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>

стрировали «узколобый эгоизм и бездарное головотяпство» и — что важно геополитически — «провалили тест на лидерство»¹⁶.

Перенесемся на другую сторону Атлантики. Президентство Д. Трампа отличается заметным охлаждением отношений США с Евросоюзом. Большинство европейских аналитиков считают, что в подходе администрации Трампа к Евросоюзу превалировало деструктивное начало, поскольку она исходит из того, что европейская интеграция направлена против США и потому именно «разъединенные штаты Европы» отвечают их стратегическим интересам. Это означает, что США предпочитают выстраивать привилегированные двусторонние отношения с отдельными странами в зависимости от геополитической, региональной или конкретной страновой конъюнктуры. Американская поддержка Брекзита — наглядное тому подтверждение.

Проявлений беспрецедентного усложнения трансатлантических связей и взаимодействий предостаточно. В укрупненно-целостном виде это наглядно подтвердила состоявшаяся 15 июня 2020 г. видеоконференция министров иностранных дел 27 стран — членов ЕС с участием тогдашнего госсекретаря США Майка Помпео, итоги которой авторитетная французская газета «Монд» красноречиво охарактеризовала как «диалог глухих»¹⁷.

Геополитические претензии США на монопольную гегемонию в мире, убежденность в собственной исключительности вызывают все больший критический настрой даже у европейских стран-союзников, руководство которых едва скрывает раздражение американскими односторонними решениями, прямо игнорирующими их национальные интересы. Из выразительного жеста А. Меркель, отказавшейся под благовидным предлогом — пандемии коронавируса — принять приглашение Трампа приехать в конце июня 2020 г. в Вашингтон для участия в G-7, «Монд» сделала естественный вывод о больших проблемах в трансатлантических отношениях, имея в виду «импровиза-

¹⁶ How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy. 2020. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>

¹⁷ Le Monde. 21–22 Juin 2020.

ционную политику Белого дома, пренебрежение к союзникам и подавленное состояние, в котором они находятся»¹⁸. Обращает на себя внимание публикация в этой газете двух аналитических статей, посвященных трэмпизму. В одной, озаглавленной «Союзники США выражают сожаление в связи с их новым односторонним решением», отмечается, что выход США из Договора по открытому небу «усиливает разногласия в североатлантическом альянсе и наносит урон архитектуре европейской безопасности». Критикуя «брутальные методы администрации Трампа», говорится в статье, «Париж укрепился в своем стремлении действовать активно с целью усиления европейской суверенности», а потому «Франция считает, что темы доверия и безопасности, поднятые Э. Макроном и В. Путиным в 2019 г., сохраняют свою актуальность». А в статье «“Мягкая сила” США: конец игры?» речь идет «о серии односторонних агрессивных решений» США, в том числе в условиях пандемии, «нанесшей внушительный урон имиджу, который США любят создавать о себе как мощном, компетентном и эффективном государстве». В еще более жестких выражениях обобщается: «Американская модель глобального влияния стала неустойчивой в результате изменения курса президента Трампа...»¹⁹.

Анализируя в этой связи в широком комплексном охвате нынешнюю политику Запада, прежде всего США, под углом зрения последствий двойного кризиса — гуманитарно-пандемического и экономического, А.В. Яковенко с полным основанием констатировал: «Запад, разрывающийся между интересами экономики/бизнеса и императивом спасения жизни собственных граждан, получает “черные шары” не только в своих странах, но и на международной арене»²⁰.

Весомым конфликтогенным фактором в американо-европейских отношениях стало расхождение позиций по Ирану. Франция, Германия и даже самый близкий союзник США — Великобритания выступили против введения новых американских санкций, направленных

¹⁸ Le Monde. 5 Juin, 2020.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Яковенко А.В. «Мягкая сила» и коронавирус: кто в плюсе и кто в минусе// Международная жизнь. 2020. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25962>.

на Иран, прямо демонстрируя свое несогласие с установкой США на ликвидацию ядерной сделки по Ирану.

Существенно усилились разногласия в геополитическом треугольнике США-ЕС-НАТО. Знаковой приметой этих разногласий стал публично озвученный диагноз — «паралич мозга НАТО», который поставил Э. Макрон Североатлантическому альянсу, в котором определяющую роль играют США. За фактическим игнорированием многократного требования Трампа увеличить практически вдвое финансовый взнос Германии в НАТО последовало его решение сократить американский военный контингент в ФРГ на 9,5 тыс. человек под тем предлогом, что США несут чрезмерную нагрузку по обеспечению безопасности Германии.

При всей своей непредсказуемости Д. Трамп проводил свою линию в отношении военно-политического трансатлантического партнерства вполне последовательно. Внимательные наблюдатели вспомнят, что еще три десятилетия назад, выступая в прессе в поддержку одного из кандидатов на пост президента США, Трамп выражал недовольство тем, что американские ресурсы идут на защиту богатых стран-союзников, недостаточно инвестирующих в собственную оборону, а в результате от этого в выигрыше оказываются только они, но никак не Вашингтон. И потому, призывал Трамп, США не должны нести издержки такого мирового порядка, который отвечает только интересам других государств, даже если они являются союзниками США.

Примечательно, что в ответ на предложение руководства Польши создать на ее территории полноценную военную базу США за счет выводимого из Германии американского контингента Д. Трамп пригласил польского президента А. Дуду с визитом в США буквально за несколько дней до президентских выборов. Вмешательство США в летнюю избирательную кампанию 2020 г. в стране — члене ЕС было столь же очевидно, сколь и бесцеремонно. Не говоря уже о том, что тем самым А. Меркель был послан многозначительный знак — напоминание о ее отказе приехать в Вашингтон на июньский саммит G-7.

Группа французских политологов в исследовательском проекте «Положение в мире 2020» с конкретизированным названием в вопросительной форме «Конец американского лидерства?» выразили убежденность в том, что «в военном плане ЕС должен избавиться

от иллюзии защитного американского зонтика, обеспечивая свою собственную коллективную оборону. Стратегическое отдаление США (от Европы. — *М.Н.*) вписывается в долгосрочную перспективу. Следовательно, зависимость от НАТО может стать угрозой для безопасности на континенте»²¹.

Характеризуя американскую реакцию на пандемию коронавируса, директор французского института международных отношений Т. Гомар писал, что она «отражает всю меру дезорганизации федерального правительства после четырех лет президентства Трампа». В еще более критических тонах он оценивал его деятельность на внешнеполитическом контуре: «Трамп, будучи верен себе, с первых же дней своего президентства начал оказывать экономическое давление на ЕС и военное — на НАТО, внося свой личный вклад в разобщение Европы»²².

Вместе с тем было бы самонадеянным пророчеством и надуманным преувеличением говорить о «конце истории» трансатлантического партнерства. Апробированные временем союзнические связи ЕС-США на основе общих или совпадающих в целом ценностных, мировоззренческих, политических и экономических приоритетов проходят сегодня испытания глубинными международными вызовами и угрозами и одновременно — болезненными для ЕС инициативами, исходящими от американской администрации. По мере расхождения интересов сторон формат их отношений, конечно же, в той или иной степени изменяется или модифицируется, но до размывания самих скреп трансатлантического партнерства дело явно не дойдет. Вероятность его экстремально кризисного развития в нынешнем геополитическом контексте крайне мала. В условиях безусловно затяжного кризиса либеральной модели миропорядка конкурентное партнерство США и ЕС будет и дальше прорастать проблемными узлами конфликтного противостояния, которое все же не станет магистральным антагонистическим трендом в их отношениях. Основополагающий

²¹ Fin du leadership américain? L'état du monde 2020. Editions La Découverte. Paris, 2019. 181 p.

²² Гомар Т. Covid-19, или конец эпохи цифровой невинности// Россия в глобальной политике. 09.11.2020. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovoj-nevinnosti/>

принцип трампаизма «America first», игнорирующий новые геополитические и геоэкономические реальности, исходно закладывал мину замедленного действия под любые конструктивные попытки международного взаимодействия в создании будущего мирового порядка, отвечающего интересам всего мирового сообщества. Не приходится сомневаться в том, что в период президентства Дж. Байдена борьба на встречах геополитических и геоэкономических курсах получит новые или модифицированные старые центробежные импульсы. Достигать на переговорных площадках взаимоприемлемых компромиссов будет намного труднее.

Все идет к тому, что политика Дж. Байдена по отношению к России будет меняться к лучшему по худшему сценарию. Многостороннее партнерство и даже двусторонние союзнические связи становятся более хрупкими. Международное взаимодействие в целом усложняется, его в возрастающей степени характеризует ключевое обозначение — «конфликтно-конкурентное».

Как отмечается в аналитическом докладе Дипломатической академии МИД России, смена администрации в США в 2021 г. создает повод для своевременной «тонкой настройки» всего комплекса вопросов нашей внешнеполитической работы с позиций не только большей уверенности в собственных силах, но и большей ясности — в том числе для всех остальных игроков — перспективных трендов мирового развития, глобальной и региональной политики. «Речь идет в том числе и об “умной” (smart) реализации в мировых делах наших достижений последних двух десятилетий... Такая настройка/обновление в соответствии с требованиями времени неизбежно затрагивала бы вопросы стратегического планирования и мобилизационной готовности, что наиболее ярко проявилось в связи с пандемией коронавируса»²³.

Ставшая крупнейшим глобальным кризисом со времен Второй мировой войны, пандемия существенно расширила ареал неопределенности в геополитическом и геоэкономическом пространстве. По официальным данным, к концу первого квартала 2021 г. потери ми-

²³ Администрация Байдена: риски и возможности для российской дипломатии // Дипломатическая академия МИД России. 2021. — URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2186/ДОКЛАД_22.01.2021_РУС.pdf.

ровой экономики превысили 3,5 трлн долл., что в 2 раза больше, чем в результате мирового кризиса 2008 г. В рецессии оказалась огромная часть мирового сообщества, больше, считают эксперты, чем когда-либо прежде со времен Великой депрессии. По мнению главного экономиста Всемирного банка Кармен Рейнхарт и специалиста по экономической макростратегии Винсента Рейнхарта, нынешний кризис будет развиваться по аналогии с кризисом 2008 г., «но масштабы краха глобальной экономики станут катастрофическими». В подтверждение приводятся, в частности, такие факты: в 2020 г., по оценке Бюро трудовой статистики США, месячная безработица в стране достигла максимума за 72 года; неутешителен прогноз Банка Великобритании, фиксирующего самое значительное падение промышленного производства в стране с 1706 г. Ситуация в мировой экономике настолько тяжелая, что профильные эксперты назвали ее «пандемической депрессией»²⁴. К началу коронавирусного кризиса глобальный долг, состоящий из долгов домашних хозяйств, государств и компаний, достиг рекордной величины — 253 трлн долл. США. Отношение глобального долга к глобальному ВВП составило 322%. Отношение долга к ВВП США и Евросоюза — 383%, а китайского — приблизительно 310%. В развивающихся рынках долг нарастал быстро и достиг 72 трлн долл. США²⁵.

Пандемия выявила слабость ресурсного, адаптационного и мобилизационного потенциала международных институтов²⁶. Многие из них (например, ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ), выполняющие не толь-

²⁴ *Рейнхарт К., Рейнхарт В.* Глобальная экономика никогда не будет прежней// Россия в глобальной политике. 2021. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemicheskaya-depressiya/>

²⁵ *Ремчуков К.* Доктрина геополитически ограниченного суверенитета и отказ от основ глобализации// Независимая газета. 2020. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-05-31/1_7874_doctrine.html.

²⁶ О том, что именно от государства и национальных правительств граждане ждут спасения от коронавирусной пандемии, см., например, *Алексеева Е.* Последствия «короны»: «nuda vita» и «чрезвычайная власть» современного государства// РСМД. 2020. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posledstviya-korony-nuda-vita-i-chrezvychaynaya-vlast-sovremennogo-gosudarstva/>

ко функции поддержания глобальной безопасности в гуманитарной, финансово-экономической или медико-эпидемиологической сферах, но и обеспечения реального межгосударственного политического диалога, — демонстрируют довольно низкую способность к изменению и адаптации к новым условиям глобальной нестабильности, низкую эффективность в поддержании межгосударственной кооперации и противостоянии новым глобальным вызовам. «В итоге весь мир находится сейчас в переходном состоянии, чреватом различными потрясениями и кризисами, в своего рода фазе “интерлюдии”, когда прежняя модель мирового порядка и его институты функционируют все менее эффективно, а мотивации и импульсы к активному формированию новой модели и новых институтов еще не “вызрели”, не сформировались, не стали для политических сообществ императивом выживания в новых условиях»²⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что специализированный онлайн-саммит «Группы двадцати» по коронавирусу 21–22 ноября 2020 г., в повестке дня которого значилось намерение способствовать формированию «сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного миропорядка», сразу же выявил разногласия среди стран-участниц в вопросах доступности и распространения вакцин, улучшения систем здравоохранения, ослабления санкций, изменения климата, помощи бедным странам и реформирования международных отношений. В принятой декларации особо подчеркивалось, что именно государства мобилизовали ресурсы для удовлетворения финансовых потребностей в области глобального здравоохранения, чтобы поддержать исследования, разработки, производство и распространение безопасных и эффективных средств диагностики, лечения и вакцин от COVID-19. К обеспечению действенных механизмов многостороннего скоординированного сотрудничества в этой сфере призывали многие лидеры, отмечавшие практическую важность соблюдения международных медико-санитарных правил и мандата ООН и ее агентств по повышению эффективности Всемирной организации

²⁷ Лапкин В.В., Пантин В.И. Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России)// Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 59–60.

здравоохранения. Вопрос лишь в том, как и в какой степени эти заявления и пожелания будут обеспечены механизмами совместных действий и найдут практическое отражение в современной реальности и в постпандемических процессах перезагрузки международных отношений и формирования нового мирового порядка. В условиях обострения глобального коронавирусного кризиса реальные проблемы требуют действенных и быстрых ответов, а не бесконечного нарратива об «общих ценностях». «Нужны не линейные подходы, а постоянное кризисное управление, причем упреждающего характера. Исполнительская близорукость, управленческий автопилот в постоянно меняющейся среде — рецепт провалов. Инерция, боязнь изменений, отсутствие смелости и системного видения приводят к запаздыванию в оценке рисков и утрате возможностей их купирования»²⁸.

Точкой невозврата названа коронавирусная пандемия в докладе британского исследовательско-аналитического агентства The Economist Intelligence Unit, посвященном перспективам мировой политики и международных отношений в постковидный период. В докладе просчитываются те основные тенденции, которые, по мнению авторов, станут определяющими после преодоления коронавирусного кризиса. Прогнозируется расширение мировой дезинформационной войны; ускорение перебалансировки глобальной экономической мощи с Запада на Восток; усиление Китая как глобального игрока; уменьшение глобального лидерства США; ослабление Евросоюза из-за неспособности обеспечения общеевропейской мобилизации в борьбе с пандемией; выигрыш развивающихся стран — России, Турции и Ирана²⁹.

Таким образом, пристальное аналитическое внимание к ожидаемым и особенно — к непредвидимым рискам и вызовам мировому развитию в условиях растущей неопределенности в глобальной политике расширяет возможности государства максимизировать свои преимущества не только в двусторонних отношениях, но и в различных международных форматах.

²⁸ Дынкин А., Телегина Е. Пандемия и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64 (8). С. 7.

²⁹ The Economist Intelligence Unit. 12.05.2020.

Трефилова Юлия Александровна

МИР БЕЗ КУРСА. НОВЫЕ КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Последствия пандемии коронавируса выходят далеко за пределы традиционных горизонтов планирования всех без исключения участников глобального управления. Эпидемия выступила в роли мультипликатора кризисов последних лет, умножив глобальные и локальные «недоделки». Все существующие на начало 2020 года прогнозные сценарии растворились в бремени настоящего, не имея возможности быть реализованными в обозримой перспективе. Мир не будет прежним — звучит со всех сторон итог происходящего. А нужен ли нам тот самый прежний мир — в отсутствие сотрудничества и при односторонних решениях?

При наблюдении сегодня разбалансированной международной системы напрашивается вывод о том, что общемировые процессы, достигшие в своем развитии критической отметки, требуют не только управленческих знаний, умений и применения системного подхода, но прежде всего понимания сути происходящего.

Глобальная экономика и политика в растерянности, а противоречия между сильно взаимозависимым миром и отсутствием должного взаимодействия все очевиднее.

В теории глобальное управление — это процесс совместного руководства для решения общемировых задач, «общественный договор», объединяющий национальные правительства, многосторонние международные учреждения и организации, гражданское общество. При этом реализация глобального управления осуществляется посредством многоуровневой системы эффективных межгосударственных институтов в рамках открытого политического диалога.

На практике, при характеристике «глобального управления» сегодня, вспоминается образное выражение американского политолога, неореалиста Кеннета Нила Уолца: «современный мир функционирует по принципу “помоги себе сам”»¹ (self-help international system).

¹ Political Realism in International Relations. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/realism-intl-relations/>

Именно этот тезис красочно характеризует то, как акторы глобального управления реализовали идею «глобального соседства во имя мира и безопасности» (сформулирована в докладе «Наше глобальное соседство» 1995 года Комиссии ООН по глобальному управлению²) в момент спровоцированного пандемией цивилизационного кризиса. То есть глобальное управление — это пока только декларация намерений, но точно не сложившаяся международная система, которая необходима сегодня.

Реализация концепции «управление через цели»

В фокусе дискуссий термин «глобальное управление» появился благодаря деятельности Комиссии ООН по глобальному управлению (была создана с целью поиска решения глобальных проблем человечества), в упомянутом докладе «Наше глобальное соседство». В документе международные эксперты провозглашали наступление постбиополярной эпохи, в которой после долгих лет вражды и соперничества будет установлен порядок, построенный на сотрудничестве всех заинтересованных сторон в решении проблем мира, безопасности и вопросов сохранения природы. В докладе проблема глобального управления напрямую связывалась с проблемой развития международных институтов, и прежде всего ООН.

В традиционной академической среде проблема глобального управления действительно обычно сводится к ООН и ее реформе, которая бы позволила сочетать элементы межгосударственного управления с новыми сетевыми принципами. Однако в разное время на роль «глобальных управленцев» претендовали: Группа семи/восьми, Группа двадцати, ОЭСР, АТЭС, ВТО. При этом записать в актив какой-либо вышеобозначенной структуры решение глобальной проблемы или системного кризиса крайне сложно. А главной задачей всегда было — «развести орудия» и «не допустить худшего», как максимум — сохранить существующий статус-кво. При этом позитивная перспективная

² Our Global Neighborhood. Report of the Commission on Global Governance. — URL: <https://www.gdrc.org/u-gov/global-neighbourhood/chap1.htm>.

повестка всегда была декларативной и не носила обязательного характера, а возникающие кризисы, изменение условий функционирования или среды либо вели к ослаблению организаций, либо к их исчезновению (как фактически произошло с Группой семи/восьюми).

Долгое время принцип, формирующий основу глобального управления, отсутствовал, а конкретные цели и задачи, с которыми его можно было ассоциировать, не были обозначены.

В 2015 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В этот момент у глобального управления появилась цель — переход к «устойчивому развитию», а повесткой до 2030 г. были определены 17 целей, реализация которых, как заявлено, обеспечит поступательное развитие цивилизации, не разрушая окружающую природную среду. Таким образом ООН предложила новый подход к глобальному управлению, так называемое «управление через цели»³.

В то время как прошлые усилия глобального управления в значительной степени основывались на принципе «сверху вниз» или ситуационных подходах к регулированию, новый тип глобального управления предполагает наличие не имеющих обязательной юридической силы целей, принятых государствами — членами ООН.

Интересно то, что предложенный подход не определяет ни одну страну как «развитую» с точки зрения экономической «устойчивости» и превращает все страны мира в «развивающиеся страны», которым необходимо выдвигать планы по преобразованию своих обществ в «устойчивые».

Как оказалось на деле, 17 целей, предполагающих глобальную вовлеченность в процесс их реализации, имеют «дополненную реальность».

За фасадом концепции «устойчивого развития» скрыта критичная для многих стран модель перехода глобальной экономики на «зеле-

³ *Frank Biermann, Norichika Kanie, Rakhyun E. Kim. Global governance by goal-setting: the novel approach of the UN Sustainable Development Goals, Current Opinion in Environmental Sustainability. Volumes 26–27. 2017. Pp. 26–31. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.01.010>.*

ные» рельсы. Движение к низкоуглеродному будущему больно ударит не только по странам — экспортерам энергоресурсов, но и по тем, чей бюджет и планы на ближайшую перспективу не предполагают инвестиций в проекты с высокой технологической составляющей.

Страны с большей технологической составляющей в экономике, напротив, получают конкурентное преимущество и уже начали использовать «устойчивый» тренд в качестве инструмента экономического регулирования.

Стоит отметить, что в основной блок стран — инициаторов «зеленого перехода» входят 10 самых энергоэффективных стран мира (на основании Международного индекса энергоэффективности⁴). Первые позиции занимают страны Евросоюза (Германия и Италия — 1 место, Франция — 3 место), далее — Япония, Китай, Канада и США. Для них предложенные меры сразу дают конкурентные преимущества. Россия в этом рейтинге находится на 21 месте из 25 возможных.

Европейская сделка (Green Deal)⁵, например, является крупнейшей коррекцией экономического курса в истории Евросоюза. Проект предполагает реформы во всех отраслях с тем, чтобы к 2050 г. Евросоюз стал полностью углероднейтральным. В планах⁶ включение принципов экономики замкнутого цикла (предложена взамен линейной экономической модели) в соглашения о свободной торговле, в двусторонние, региональные и многосторонние документы и процессы, а также в инструменты финансирования внешней политики Евросоюза. Таким образом, «чистая экономика» Евросоюза предполагает внедрение стандартов, которые для других стран станут ограничительными барьерами.

⁴ The international Energy Efficiency Scorecard. — URL: <https://www.aceee.org/portal/national-policy/international-scorecard>.

⁵ A European Green Deal. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.

⁶ Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European Economic and Social committee and the Committee of the Regions, A new circular Economy Action Plan, Brussels, 11.03.2020, COM (2020) 98 final. — URL: https://ec.europa.eu/environment/circular-economy/pdf/new_circular_economy_action_plan_annex.pdf.

В начале своего зарождения концепция несла в себе новизну и предполагала дальнейшее развитие в качестве лифта для перехода стран на новую траекторию развития. Ожидалось, что, помимо возвышенных идей, которые нашли отражение в докладе «Наше общее будущее» (1987 год), на глобальном уровне будут приняты шаги, которые создадут условия для государств с целью достижения целей развития.

Сегодняшняя реальность состоит в том, что принцип «устойчивого развития» был принят не в качестве дорожной карты коллективных действий (хотя мог бы стать таковым), а в качестве причины, используемой развитыми странами для провоцирования конкуренции экономических систем и институтов, для решения внутренних экономических задач отдельных государств.

Перед странами, которые исчерпали традиционный индустриальный потенциал, встал вопрос о выработке стратегии, реализация которой позволила бы выйти на новый уровень развития. При этом в нашем взаимозависимом мире только глобальная, объединяющая цель (в данном случае — цели) могла, с одной стороны, привести все государства к общему знаменателю (как предполагалось — объединить), а с другой — создать необходимые условия для реализации такого перехода.

Концепция «устойчивого развития» стала идеальным мотивом, вобрав в себя критически важные для развития всей цивилизации цели, предполагая проведение глобальных институциональных преобразований, а также формирование особого бюджета с целью их успешной реализации (Фонд для реализации целей устойчивого развития, Фонд финансирования зеленых проектов).

При этом главная роль в новой игре — у стран (в первую очередь Евросоюз, США и Китай), которые не только осознают необходимость перехода к новому пониманию энергоэффективности (как единственному возможному варианту развития экономики на новом этапе), но и имеют для этого все возможности, получив при этом на глобальном уровне «санкцию на развитие». «Устойчивое развитие» при этом перестало быть возможностью для равноправного диалога, определив клуб «избранных стран». И уж тем более оно не смогло стать целью, консолидирующей акторов глобального управления полицентричной международной системы.

КНР, например, уже использует низкоуглеродное развитие как возможность ускорить модернизацию своей экономики. В 2015 г. Китай заявил об ускорении строительства «экологической цивилизации». Стратегия предполагает переход от материалоемкой к наукоёмкой и высокотехнологичной экономике, основанной на принципах энергоэффективности, ресурсосберегающих технологиях и безотходном производстве. Тем самым Китай не только принял правила новой игры, но и имеет все шансы на стратегическое возвышение в новой формирующейся реальности.

Появление понятия «устойчивое развитие» и формирование концепции в международной среде

Идея устойчивого развития, сформулированная в упомянутом докладе 1987 года⁷ Всемирной комиссией по вопросам окружающей среды «Наше общее будущее», приобрела за последние несколько лет широчайшее признание. Множится количество международных документов, в которых, в основном декларативно, зафиксирован принцип «устойчивого развития». Множится и количество форумов, конференций, главной темой которых является «устойчивое развитие». Список проблем, которые требуют внимания и скорейшего решения, также растет и постоянно расширяется благодаря усилиям чиновников и функционеров различных уровней, а также инициируемых грантов для дальнейшего продвижения данной темы.

Что же на самом деле значит термин «устойчивое развитие» и откуда он появился? Может ли развитие не быть «устойчивым»?

Термин «устойчивое развитие» (*нем.* Nachhaltigkeit) применялся в германском лесном праве⁸ еще в XVIII веке и обозначал принцип, согласно которому «для получения постоянного дохода, связанного

⁷ Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды. ГА ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.

⁸ Международное право. Серия Германская юридическая литература: современный подход. Книга 2. М., 2015. — URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/Граф-Витцтум-В.-Прёльсс-А.-Боте-М.-Дольцер-Р.-Международное-право.-Völkerrecht-2015.pdf>.

с лесом, нельзя изымать большее количество древесины, чем может быть компенсировано за счет роста оставшихся и высадки новых деревьев».

Из контекста международных документов по итогам форумов, начиная с доклада 1987 г., следует, что под устойчивостью имелась в виду не задача устоять перед лицом какой-то опасности, а постоянное, непрерывное развитие, без откатов назад. В докладе «Наше общее будущее» дано следующее определение: «устойчивое развитие заключается в том, что обеспечение потребностей настоящего поколения не должно подрывать возможности будущих поколений обеспечивать свои потребности». Идеи устойчивого развития из доклада комиссии «Брундтланд» довольно быстро стали преобразовываться и дополняться.

В 1972 г. в рамках Стокгольмской конференции также был подтвержден факт глубокого экологического неблагополучия в отдельных регионах и в целом на планете. Констатировалось, что апокалиптическое будущее совсем скоро настигнет человечество, если не будут приняты скорейшие меры. Идеи этой конференции впоследствии легли в основу программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

После конференции по окружающей среде и развитию на высшем уровне в Рио-де-Жанейро (1992 год) концепция была внедрена в национальное и наднациональное право европейских стран, а также приобрела широкую поддержку на международном уровне. В рамках конференции констатировалась невозможность⁹ движения развивающихся стран по пути, которым пришли к благополучию развитые страны. Признавалось, что такая модель ведет к катастрофе, и в связи с этим провозглашалась необходимость перехода мирового сообщества на рельсы устойчивого развития.

Новое тысячелетие ознаменовалось провозглашением 8 целей¹⁰, которые должны были стать своеобразным «мировым барометром»,

⁹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

¹⁰ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.

демонстрирующим прогресс международного сообщества на пути к достижению всеобщего благосостояния.

В 2002 г. после Международной конференции по финансированию развития в Монтеррее (Мексика) был представлен «программный» документ («Монтеррейский консенсус»), в котором были впервые предприняты попытки описать конкретные шаги международного сообщества на пути к достижению устойчивого развития. В нем содержались выводы относительно мобилизации национальных и международных ресурсов для реализации целей устойчивого развития. Сделан акцент на важности равноправного участия развитых и развивающихся стран в разработке международных финансовых программ и кодексов.

Именно в это время понятие «устойчивое развитие» стало постепенно внедряться в практику государственного управления Евросоюза, Китая, Японии, США, Канады.

В 2015 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят итоговый документ саммита ООН, который получил название «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». 17 целей¹¹, обнадеживающие устремления и отсутствие конкретных практических шагов на пути к их достижению, так термин «устойчивое развитие» с явной ориентацией на локальные экосистемы был перенесен в глобальную экономику и уготовил себе судьбу стать впоследствии международной доктриной.

Стоит все же отметить, что наиболее полное и развернутое содержание концепции отражено в докладе «Наше общее будущее» 1987 г. В нем развитие предполагает экономический рост, которому в свою очередь препятствует бедность. А постоянное развитие (устойчивое) рассматривается как процесс изменений, при котором происходит эффективная эксплуатация ресурсов, инвестирование в технологии, а также совершенствование и трансформация институтов государства в соответствии с потребностями настоящих и будущих поколений. То есть в своем изначальном варианте концепция имела ключевую идею, которая придавала ей новизну.

¹¹ Цели в области устойчивого развития. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

Устойчивое развитие через призму теории Path Dependence

Позволим себе внести ясность и дать оценку процессу и инициативам, которые сегодня подаются под лозунгом «устойчивого развития».

Для этого обратимся к работе известного американского экономиста, нобелевского лауреата Дугласа Норта¹² «Институты и экономический рост: историческое видение», в которой сформулирована «теория зависимости от предшествующего развития» (Path Dependence theory). Эта работа позволяет объяснить, как словосочетание «устойчивое развитие» стало «заклинанием» для развитых стран и их экономик и одновременно термином, которому можно присвоить практически любое значение, а также почему для развивающихся стран и стран с переходной экономикой устойчивое развитие сегодня лишь усложняющий тренд, дополнительно отягощающий экономику и социальную сферу государств.

Path Dependence theory впервые была применена для изучения истории технологических инноваций. Свою известность она получила, когда стала применяться для исследования институтов государства.

В работе Дугласа Норта развита идея о том, что формирование институтов государства напрямую зависит от их предшествующего развития. То есть изначальные различия в выборе институтов с течением времени увеличивают разрыв между национальными моделями экономики и уровнем экономического развития стран. Возникающий «эффект колеи» не позволяет странам совершить переход на другой уровень развития, каждый раз провоцируя откат назад.

Дуглас Норт также отмечал, что государства делают выбор в пользу тех или иных институтов, находясь в поворотном моменте своей истории, в моменте наибольшего напряжения. При этом поворот может быть результатом естественных причин цивилизационного развития или же может быть спровоцирован искусственно внешними обстоятельствами путем создания новых правил всеобщей игры.

¹² Норт Дуглас К. Институты и экономический рост: историческое введение. — URL: https://igiti.hse.ru/data/149/314/1234/2_1_4North.pdf.

Интерес представляет то, что инициаторами перехода к «устойчивому развитию» являются государства с развитыми экономиками, которые исчерпали потенциал традиционного индустриального развития, достигли пика своей эффективности и более не могут идти по пути современной (энергоемкой) экономической модели.

Они-то и создают новые правила глобальной игры. А для того чтобы совершить переход к другой модели развития, провоцируют глобальную конкуренцию экономических систем и институтов. Для того чтобы исход разыгранной партии удовлетворял запрос стран-инициаторов, нужна была глобальная, объединяющая, многокомпонентная повестка, которая бы позволила вовлечь в игру всех участников современных международных отношений. Так концепция «устойчивого развития» стала одновременно поводом для формирования рамок новой экономической системы и пусковым механизмом для создания новых возможностей экономического роста государств, имеющих такой потенциал.

Мировому сообществу была представлена идеальная модель устойчивого развития ООН (ряд принципов), к которой трудно применить количественные расчеты. Параметры, которые обеспечивают устойчивость развития государств, не были определены при формировании концепции. Вместе с тем очевидно, что для разных стран устойчивость развития должна складываться из разных параметров. А для перехода к устойчивому развитию необходима разработка адекватных индикаторов, которые бы контролировали достижение поставленных целей.

Провозглашенная в качестве повестки для глобального мира, концепция устойчивого развития становится триггером для формирования новых рамок институциональной экономики, главным принципом которой является глобальная конкуренция экономических систем и институтов.

То есть провозглашенное в качестве пути развития человечества на ближайшие столетия, «устойчивое развитие» станет таковым лишь для тех стран, которые не попадают в ловушку институциональной инерции (колеи). Для всех других государств «устойчивое развитие» представляет собой усложняющийся тренд, который нужно прежде осмыслить, а затем уже вырабатывать шаги

к его адаптации под имеющиеся условия в отношении каждого государства.

Успех перехода к устойчивому развитию зависит от ряда устойчивых факторов и почти невозможен в ближайшей перспективе для стран, попадающих в колею институциональной инерции.

Для природо- и энергоемких сырьевых моделей экономики, характеризующихся высокими темпами истощения природных ресурсов, движение к устойчивому развитию — это дополненная экономическая реальность, усложняющийся тренд. Экономики же развитых стран и стран, имеющих потенциал, используют «устойчивое развитие» в качестве инструмента новой конкуренции, который позволит перестроить паттерн мировой экономики.

То есть по своей сути переход к устойчивому развитию — это радикальная трансформация для государств, возможность реализации которой зависит от многих исходных параметров и в первую очередь — от потенциала их экономики.

Игра с прогнозируемым результатом для «избранных»

Концепция устойчивого развития сформировалась на трех базовых опорах: экономическое развитие, социальное равенство и защита окружающей среды. Однако в последние годы свое прикладное развитие концепция приобрела в тематике изменения климата. Именно она легла в основу процесса «зеленой трансформации» — нового свода правил игры для «избранных», которую инициировал европейский блок развитых стран.

Поступательные шаги по переходу экономики на «зеленые рельсы» воплотились в «зеленой сделке» (была анонсирована в рамках COP25¹³ в декабре 2019 г.), которую страны Евросоюза призвали принять на общемировом уровне. Обратим внимание, что данную идею активно поддержал и Китай. Сделка предполагает проведение радикальных реформ в экономике, энергетике, транспорте, чтобы сделать перечисленные сферы углеродонейтральными. То есть уже сейчас конкурентоспособность государств и их компаний во многом будет

¹³ United Nations Climate Change. — URL: <https://unfccc.int/cop25>.

определяться способностью адаптироваться к низкоуглеродному будущему. Для стран Европейского союза «зеленая трансформация» — это возможность снизить зависимость от импорта энергоресурсов, тем самым уйти от традиционной модели экономического роста.

В это же время страны с развивающейся и переходной экономикой, вовлеченные в игру с «новыми правилами», не обладают достаточными ресурсами для полноценной интеграции в новую экономическую парадигму. Находящиеся в колее институциональной инерции, эти страны ограничены в выборе и наборе действий своими траекториями развития. Поэтому предлагаемые развитыми странами новые институциональные модели не смогут быть применимы в развивающихся странах и странах с переходной экономикой в полной мере. Объявленный «зеленый переход» является регуляторным (стимулирующим и обязывающим) механизмом. И для экономических моделей некоторых стран (зависимых от экспорта нефтепродуктов и энергоносителей) он несет существенные риски.

Таким образом, страны, которые идут по разным траекториям развития, не смогут в одинаковой степени успешно реализовать концепцию устойчивости, так как она предполагает определенную совокупность исходных параметров, которыми должны обладать государства.

Для перехода к устойчивому развитию государство должно преодолеть институциональную неуверенность, то есть иметь гибкие, адаптивные институты, имеющие возможность своевременно и адекватно реагировать на изменяющиеся условия, которые диктует международная среда. Препятствием для успешного перехода на другую траекторию развития выступает углубленная сырьевая ориентация некоторых стран, в связи с чем инерционный сценарий развития является мощной альтернативой инновационному сценарию, своеобразной колеей, в которую попадает экономика развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

«Зеленый переход» мировых экономик

Приверженность «зеленому развитию» подтверждают все больше государств мира, пестуя «зеленую экономику» в качестве единственного возможного пути развития в будущем.

При этом реализация «зеленых инициатив» предполагает наличие у государств совокупности большого набора исходных параметров и возможностей. Может ли в таком случае «зеленый» путь быть равновозможным и справедливым для всех или путь будет «зеленым» только для избранных?

В 1980-е гг. канадский ученый-исследователь, экономист Кроуфорд Холлинг ввел в оборот экономической науки понятие «экологическая экономика» (синонимы: биоэкономика, экоэкономика). Под этим понятием исследователь понимал междисциплинарную отрасль академических исследований, целью которой является изучение влияния производственной деятельности человека на экосистему.

При этом экономисты-экологи занимались вполне конкретными вопросами: определение параметров и условий равенства доступа к ресурсам всех человеческих поколений, выработка механизмов для нивелирования необратимых изменений окружающей среды, а также, что особенно обращает на себя внимание сегодня, — разработкой методов определения результатов устойчивого развития.

Через 30 лет от «экологической экономики» отпочковался термин «зеленая экономика», достаточно быстро став новым модным трендом.

Идея «зеленой экономики» начала свое масштабное распространение в 2011 г. после выхода доклада Программы ООН по окружающей среде (далее по тексту — ЮНЕП). В докладе «Навстречу зеленой экономике»¹⁴ утверждалось, что экономика «зеленого пути» должна быть не только эффективной, но и справедливой. Как указано в документе, справедливость подразумевает «признание глобальных и страновых аспектов с целью обеспечения возможности справедливого перехода государств к низкоуглеродной, ресурсоэффективной, социально-ориентированной и инклюзивной модели экономики». При этом заявлено, что реализовать «зеленую» модель экономики возможно только посредством внедрения технологических инноваций,

¹⁴ Навстречу «зеленой» экономике. Обобщающий доклад для представителей властных структур. — URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf.

принимая во внимание проблему изменения климата и дефицит природных ресурсов. После конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 термин «зеленая экономика» стал окончательно политическим, укоренившись в оборотистой речи функционеров различного уровня. Тогда же «зеленая экономика» была заявлена инструментом достижения Целей устойчивого развития.

Сегодняшняя тенденция нарастания «зеленого тренда» вызывает все больше вопросов. Совсем не очевидна «справедливость» и «эффективность» «зеленой» экономической модели, предлагаемой развитыми странами остальному миру.

Предельно ясно, что «устойчивая зеленая модель», помимо решения конкретных задач развития, безусловно крайне важных, соответствующих современным потребностям человека, преследует и другие цели.

Во-первых, нельзя отрицать тот факт, что, несмотря на заявления о переходе, учитывающем страновые особенности каждого государства, механизмы для реализации такого подхода до сих пор не выработаны. Пока мы наблюдаем обратную ситуацию, когда под эгидой «зеленого перехода» формируются рамки унифицированного торгового режима, отвечающего интересам лишь избранной группы индустриально развитых стран без учета особенностей развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Во-вторых, главными драйверами устойчивой модели экономики являются технологии и человеческий капитал. Оба компонента напрямую зависят от экономической модели государств, и их развитие — долгий процесс, совпадающий с эволюцией государственного устройства. Например, у государств рентной модели (к таковым относится Россия) уровень технологического развития крайне низок и для преодоления технологической отсталости требуется перенастройка всей государственной системы.

В-третьих, «равный» доступ, заявленный «зеленой моделью» экономики, не реализуется в соответствии с поставленной задачей. Напомним, что доступ к фондам, финансирующим «зеленые проекты», ограничен компаниям и странам, в отношении которых применен санкционный режим, а значит, в обозримой перспективе они не смогут претендовать на соответствующую финансовую помощь.

Так что же сулит государствам «зеленый», устойчивый рост? Какая цель у возникающих новых финансово-экономических механизмов «зеленой экономики»?

Для объяснения рамок «зеленого перехода» также обратимся к экономической теории Path Dependence, которая получила свое развитие в работах американского экономиста, нобелевского лауреата Д. Норта, а в России термин path dependence стал известен как «теория колеи» благодаря исследованиям¹⁵ экономиста, профессора, декана экономического факультета МГУ А.А. Аузана. «Теория колеи» позволяет спрогнозировать потенциальные результаты «зеленого перехода» для государств, опираясь на их исходные параметры развития.

Например, страны увеличивают свою производственную корзину в основном за счет продуктов, производство которых требует тех возможностей, которыми они уже располагают. То есть государства исходят из возможностей своей «колеи развития», опираясь на свои уникальные параметры.

«Зеленая модель» экономики предполагает наличие у государства стратегических инвестиций для развития новых возможностей, с целью производства нового конкурентного продукта, и главная цель — преодоление потолка своей «колеи развития».

То есть «зеленый переход» создает дополнительный импульс для увеличения своей производственной корзины развитым государствам, потенциал которых позволяет совершить качественный скачок посредством инвестиций и инноваций.

Именно государства с развитыми экономиками явились инициаторами «зеленого перехода». Объясняется это тем, что они исчерпали потенциал своей индустриальной модели развития, достигли пика эффективности и более не могут идти по пути энергоемкой экономики. Таким образом, «зеленая экономика» для них — это модель их следующего цикла развития.

¹⁵ Аузан А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2017/10-t-61/contemporary-problems-of-development/path-dependence-problem-and-possibilities-of-its-overcoming>.

Тем временем развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, прочно зависимые от «колеи развития», едва ли могут претендовать на справедливый переход исходя из особенностей своих экономических моделей. Попытка решить «зеленое уравнение» для них несвоевременна и, вероятно, обернется откатом назад.

То есть «зеленый переход» может быть успешным только в случае соответствия текущей фазе цикла развития государства, когда имеется внутренняя потребность и ресурс для осуществления такого перехода, но не тогда, когда он навязан извне.

Переход к «зеленой модели» экономики — это закономерный процесс эволюции экономических моделей для индустриально развитых стран. «Зеленый путь» предполагает появление новых финансовых и экономических механизмов, формирует новые правила глобальной игры, стимулирует конкуренцию институтов.

Объявленный «зеленый переход» предполагает появление регуляторных (стимулирующих и обязывающих) механизмов. И в первую очередь для стран, зависящих от экспорта нефтепродуктов и энергоносителей.

В результате оценки эффекта введения Евросоюзом с середины 2021 г. трансграничного углеродного регулирования компания KPMG¹⁶, например, сделала вывод, что среднегодовая дополнительная нагрузка на российских производителей углеродоемких товаров, экспортируемых в ЕС (€5,3 млрд в год), существенно выше, чем на других экспортеров аналогичных товаров — США (€1,3 млрд), Китай (€1,2 млрд), Саудовскую Аравию (€0,6 млрд) и Катар (€0,3 млрд), что в значительной степени обусловлено структурой российского экспорта.

Таким образом, вполне очевидно, что справедливость «зеленой модели» экономики имеет крайне избирательный характер и в отношении ряда стран предполагает выработку богатого протекционистского инструментария, что противоречит положениям Рамочной конвенции ООН об изменении климата¹⁷, которые провозглашают не-

¹⁶ *Лукин В.* Углеродный гамбит. — URL: <https://mustread.kpmg.ru/articles/ekologiya/uglerodnyy-gambit/>

¹⁷ Рамочная конвенция ООН об изменении климата. — URL: <https://>

допустимость использования мер по борьбе с изменением климата для ограничения международной торговли.

Уже сейчас очевидно, что посредством «всеобщего озеленения» создается новая система торговли, а Евросоюз может вполне успешно реализовать один из своих приоритетных внешнеполитических треков — совершенствование инструмента санкций, добавив в санкционную корзину новый корректирующий механизм, вводя отраслевые санкции в отношении стран — углеродных изгоев.

Идеи «зеленой экономики», опираясь на постулаты об общих ценностях, безусловно, притягательны, но позволяют действовать в рамках собственного развития лишь ограниченному числу стран.

Они предполагают гармонизацию конкурирующих идей капитализма и устойчивости. Имея общую подоснову — стремление к увеличению капитала, эти идеи, однако, характеризуются наличием «слепых зон», которые подрывают их способность действовать в интересах глобальной устойчивости.

Тезис, положенный в основу конференции Rio+20, недооценивает сложности в реализации «политики устойчивости» в рамках нынешней глобальной экономической системы как на национальном, так и на наднациональном уровне.

В частности, идеалистический подход, лежащий в основе «зеленой модели экономики», игнорирует зависимость государств от феномена «колеи развития», когда наличие тех или иных институциональных рамок, характеризующих экономическую модель, а также выбор, сделанный государством в поворотные моменты истории, не позволяют проводить в жизнь политику устойчивости в текущем цикле развития.

Движение к устойчивости сопряжено с реализацией экономики технологий и инноваций, а циклы технологического развития государства также напрямую зависят от «колеи развития».

Кроме того, за тезисом об обоюдном выигрыше от «зеленой экономической модели» скрываются трудные компромиссы, которых придется достичь, если глобальное общество встанет на путь подлинно устойчивого развития.

Вспоминая известную фразу Дж. Оруэлла, сегодняшние трансформации в глобальной экономике можно охарактеризовать так: «зеленая экономика» — это модель, где все равны, но некоторые равны более других. Складывается ощущение, что «зелеными» идеями, прочно утвердившимися в глобальной повестке, хотят заткнуть брешь, образовавшуюся в машине мирового хозяйства и управления.

Последнее время тема устойчивого развития является основной новеллой в рамках представительных международных форумов самого высокого уровня. Так, главная тема юбилейного Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе в 2020 г. — сплоченные шаги глобального мира для достижения целей устойчивого развития. Основными экономическими рисками современности были названы последствия изменения климата на планете.

«Устойчивое развитие» вплетается в бизнес-стратегии крупных компаний и транснациональных корпораций, получая весомую поддержку бизнес-лобби по всему миру. А провозглашение приверженности целям устойчивого развития становится инструментом для продвижения бесконечного числа проектов, инновационных решений и откровенно конъюнктурных инициатив.

Основная проблема на сегодняшний день состоит в отсутствии концептуальной ясности и нечеткости определения целей устойчивого развития. В связи с этим провозглашенные амбициозные цели сложно преобразовать в конкретные практические меры и, как следствие, получить результат для развития.

* * *

В 2020 г. мир был «поставлен на паузу» и оказался беспомощным, доказав неустойчивость своего развития.

Главный вопрос для глобального управления сегодня — даже не в том, как скоро мир сможет оправиться от коронакризиса, а в том, с чем он останется. Есть два пути, по которому глобальное управление может пойти. Первый — продолжить делать ровно то, что было до кризиса: подкармливать демона потребления, продолжить инвестировать в неэффективные модели экономики, увеличивая пропасть между политикой и человеком. Второй — объединить усилия и пойти

по пути эффективной, адаптивной, гибкой модели развития. И самое важное — дать возможность каждому государству пройти этот путь, исходя из своей колеи развития, опираясь на свои возможности.

Предполагая путь этого развития, можно однозначно сказать, что это должны быть усилия в деле обеспечения равного доступа стран к новейшим решениям, их внедрения для развития национальных и глобальной экономик.

Пренебрежение интересами друг друга должно смениться эрой сотрудничества, вместо апатии нужен диалог, ведь эффективно или неэффективно глобальное управление — не само по себе. Оно зависит от возможности государств и их лидеров договориться.

Уже сейчас человечеству требуется принять скоординированные действия, предложить системные меры, решить две главные проблемы — коммуникации и доверия и начать серьезный разговор по выходу из кризиса, порожденного общемировыми проблемами последних лет и спровоцированного пандемией.

Как никогда сегодня миру нужна политика эффективности, осознанности. Миру нужна эволюция. Эволюция идей.

Руднева Анастасия Олеговна

МЯГКАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Прошрое столетие для человечества можно охарактеризовать как период турбулентности, когда лидеры ведущих держав формировали новый политический и экономический порядок. Для этого использовался самый жесткий инструментарий — оружие. Страны вступали в военное противоборство, ценой которого стали жизни миллионов людей.

Еще в 1910 г. британский публицист Норман Энджелл опубликовал свою книгу «Великое заблуждение»¹, за которую в 1933 г. ему присудили Нобелевскую премию мира. В книге, которую перевели на 25 языков, автор отмечал, что «война как явление невозможна, поскольку страны настолько взаимосвязаны, что она принесет ущерб всем, включая и ее инициаторов».

Но, как показывает история, амбиции инициаторов (среди них — Германия) оказались выше вероятных потерь. Так, генерал Фридрих фон Бернгарди в своей книге «Германия и следующая война» утверждал, что «нации должны прогрессировать или загнивать. Германия должна выбрать между мировым господством или падением. Среди других наций Германия в социально-политическом аспекте стоит во главе всего культурного прогресса, но зажата в узких неестественных границах. Она не сможет достичь своих целей без увеличения политической силы, расширения сфер влияния и новой территории»².

Идея национального превосходства подтолкнула Германию к развязыванию войны, которая довольно быстро приобрела общемировой характер. Результатом стал крах Германской, Российской, Османской и Австро-Венгерской империй, а «совокупные потери армий воюющих держав убитыми и умершими от ран составили порядка 10 млн

¹ *Норман Э.* Великое заблуждение. М.: Социум, 2009.

² *Бернгарди Ф. фон.* Германия и следующая война. СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1912. С. 12.

человек»³. Единственной экономикой, которая не понесла потерь, стали Соединенные Штаты Америки, которые все последующие годы наращивали свое экономическое и военно-политическое влияние на мировой арене. Локальные военные конфликты — Гражданская война в России, советско-польская война 1920 г., греко-турецкая война 1919–1921 г. и пр. — продолжились и по окончании Первой мировой войны и охватили территорию от Польши до российского Дальнего Востока, от Баренцева до Эгейского моря.

В 1939 г., после непродолжительной передышки, началась самая масштабная в истории человечества война, в которой приняло участие свыше 80% населения мира, а общие потери военного и гражданского населения, по разным оценкам, составили от 50 до 80 млн человек, в т.ч. около 27 млн — советских граждан.

Именно Вторая мировая война инициировала формирование нового мирового порядка, в основе которого — не политика жесткой силы, а достижение целеполагания неагрессивным, мирным путем.

Уже 1 января 1942 г. — дата начала летописи Организации Объединенных Наций — Франклином Д. Рузвельтом, Уинстоном Черчиллем, послом СССР в США Максимом Литвиновым, а также представителем Китая Сун Цзы-вэнь была подписана «Декларация Объединенных Наций». Впоследствии в рамках Потсдамской конференции было принято решение «о полном разоружении и демилитаризации Германии, предотвращении всякой нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды в стране»⁴.

За несколько дней до вступления в силу Устава ООН — организации, которая была призвана обеспечивать мир и стабильность, — 19 октября 1945 года впервые Джорджем Оруэллом в его статье «Ты и атомная бомба» был употреблен термин «холодная война», означавший, что крупнейшие акторы на мировой арене — США и Советский Союз, — имеющие в своем военном арсенале атомную бомбу, долж-

³ Будницкий О. Почему Первая мировая война не стала последней. — URL: <https://amp.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/11/09/785964-pochemu-pervaya-mirovaya-voina-ne-stala-poslednei>.

⁴ Ненужная война. Вторая мировая в цифрах и фактах. — URL: <https://tass.ru/spec/wwii>.

ны были договориться о запрете использования атомного оружия друг против друга, но находились бы при этом в состоянии противостояния, где превосходство обеспечивается иными, невоенными рычагами давления. Стало очевидным, что военная мощь этих стран настолько велика, что ее использование в дальнейшем будет иметь еще более разрушительные последствия для мирового сообщества, нежели мировые войны прошлого столетия.

По этой причине страны стали использовать новые, в т.ч. экономические, инструменты достижения целеполагания внешней политики.

Использование экономических инструментов направлено на формирование без насилия и вооруженных конфликтов отношений зависимости одной страны (как объекта) от другой страны (как актора) или группы стран. Эти страны координируют свои усилия в рамках действующих экономических институтов — МВФ, МБРР, ВТО и пр. Причем одна и та же страна в одних отношениях может выступать как объект, а в других — как актор.

Как правило, акторами выступают страны, которые стремятся либо удержать и расширить сферы своего влияния на мировой арене, либо проводят политику активной экспансии.

В первом случае речь идет о развитых странах, в частности это государства Большой семерки (G7) — США, Германия, Великобритания, Италия, Канада, Франция и Япония. Их экономический потенциал настолько велик, что позволяет странам выступать ключевыми игроками во всех сферах мирохозяйственных связей, и в первую очередь в производстве высокотехнологичной продукции — наименее волатильной в ценовом отношении товарной группы, что означает устойчивые развитые конкурентные преимущества для ее продуцентов.

Ведущие позиции этих акторов формировались постепенно, и с точки зрения генезиса их позиционирования на мировой арене можно выделить три этапа.

Первый этап (XV — первая половина XX века) — формирование и развитие отношений между метрополиями и колониями, начавшееся в эпоху Великих географических открытий и завершившееся созданием ООН и деколонизацией.

Из Большой семерки ключевые позиции в колониальном господстве занимали Великобритания (ее колонии — Индия, Цейлон,

Сингапур, Гонконг, Бахрейн, Бирма; Папуа Новая Гвинея, Соломоновы острова, Фиджи; Гана, Кения, Египет, Занзибар, Сьерра-Леоне; Багамские острова, Барбадос; Коннектикут, Мэн, Мэриленд, Нью-Джерси и др.), экономика которой оказалась тесно связанной с экономикой Соединенных Штатов Америки (первоначально США состояли из 13 штатов, которые были образованы из британских колоний), и Франция (ее колонии — Французский Судан, Конго, Французский Нигер, Французская Гвинея, Французская Западная Африка, Французский Чад, Мавритания, Кот-д’Ивуар, Сенегал, Гамбия; Убанги-Чари; Вьетнам, Французская Индия, Тайвань, французская концессия Шанхай, остров Шамянь; Палестина, французская Сирия, Йемен и др.).

По сути несколько ведущих акторов-субъектов, используя политику жесткой силы, обеспечили себе:

- доступ к дешевой рабочей силе и необходимому в производственном цикле сырью;
- эффективные логистические цепочки;
- унификацию правового поля, регулирующего мировую торговлю;
- спрос на свои товары на внешних рынках;
- престиж на мировой арене.

В XX веке противоречия между ключевыми акторами достигли пиковых значений. Передел сфер влияния обеспечивался военизированным путем. К концу Второй мировой войны сформировалась новая институциональная структура — система органов и специализированных учреждений ООН, которые позволяют обеспечивать цели внешней политики стран-участниц за счет инструментов мягкой силы.

Однако в основу большинства новых экономических институтов был намеренно заложен принцип взвешенного голосования, в результате чего власть сконцентрировалась в руках ключевых акторов, и в первую очередь США.

На втором этапе (1950–1960-е гг. — 2013 г.) происходило закрепление позиций Соединенных Штатов Америки как ведущего актора. Оно было связано с активной экспансией американского капитала на внешние рынки, спровоцированной реализацией плана Маршалла. План, рассчитанный на четыре года, был выдвинут госсекретарем

США Дж.К. Маршаллом и руководителем отдела планирования Государственного департамента США Дж.Ф. Кеннаном и вступил в действие в апреле 1948 г.

План Маршалла («Программа восстановления Европы») предполагал достижение целеполагания США невоенным, неагрессивным инструментарием. Для обеспечения превосходства на мировой арене Штатам было необходимо:

— укрепить позиции разрушенных Второй мировой войной европейских хозяйственных систем (восстановление экономик стран-партнеров, формирование коалиции — Западного военного альянса, создание Комитета европейского экономического сотрудничества, впоследствии переименованного в ОЭСР, запуск и интенсивное развитие интеграции на территории европейских стран);

— сформировать отношения зависимости — помощь (основные реципиенты — Великобритания, Франция, Италия и ФРГ — участники Большой семерки) в размере 17 млрд долл. предоставлялась из федерального бюджета США в виде безвозмездных субсидий и займов на приобретение излишков американских товаров; снижение таможенных тарифов, создание специальных фондов в национальной валюте, которая высвобождается в результате получения помощи от Штатов, контроль со стороны США (Администрация экономического сотрудничества) за использованием средств этих фондов⁵;

— ослабить СССР (запрет на торговлю со странами Восточного блока; декоммунизация — выведение коммунистов из правительств стран — получателей помощи).

План Маршалла дополнялся аналогичными программами помощи азиатским и африканским странам и обеспечил, среди прочего, господство Соединенных Штатов на мировой арене.

Дополнительным фактором, сформировавшим гегемонию США, стало закрепление за американским долларом функционала ведущей мировой валюты в условиях демонетизации золота.

По сути на данном этапе акторы перешли к активному использованию политики мягкой силы, что не отрицает локальных военных

⁵ Большая экономическая энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2189577.

конфликтов. Формируются отношения зависимости как от отдельных экономик (в частности, от США), так и от специализированных учреждений ООН.

Третий этап, начавшийся в 2014 г., связан с обострением конфронтации между ключевыми акторами на мировой арене и возникновением предпосылок для формирования нового мирового порядка.

Ключевыми событиями этого этапа стали:

— воссоединение 18 марта 2014 г. Крыма с Россией, что усилило санкционное давление на отечественную экономику со стороны Соединенных Штатов. Санкции коснулись весьма чувствительных для российской экономики секторов, включая нефтегазовую промышленность и банковский сектор. Более того, к США присоединился ряд стран, включая Европейский союз, который был и остается ключевым экономическим партнером для России;

— падение цен на мировом рынке нефти, начиная с июня 2014 г., когда цена за баррель нефти сорта Brent составляла 111,8 долл., и уже в январе 2015 г. она составила 47,76 долл. за баррель⁶; падение спровоцировало заключение в декабре 2016 г. картельного соглашения ОПЕК+ с целью сокращения мирового предложения нефти странами — членами Организации и еще 11 странами, включая Россию, не входящими в нее; в декабре 2018 г. было подписано второе соглашение по ограничению нефтедобычи крупнейшими игроками рынка;

— торговая война США и Китая, начавшаяся в январе 2018 г. с установления Штатами тарифов на ввозимые из Китая солнечные батареи и охватившая вскоре широкую номенклатуру импортируемых обеими странами товаров; торговая война была спровоцирована усилением позиций Китая на мировой арене в целом (динамика прироста его ВВП в 2 раза превосходит общемировую; этот показатель составляет порядка 14,4 трлн долл., приближаясь к показателю США в 21 трлн долл.) и в высокотехнологических секторах в частности — лидерство в создании оборудования для сверхскоростных сетей 5G, монопольное положение в поставках в США редкоземельных метал-

⁶ Официальный сайт Управления энергетической информации. — URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/rbrteD.htm>.

лов (до 80% их потребностей)⁷, что можно рассматривать как прямую угрозу для американской экономики в части производства электроники, электромобилей и ОПК;

— пандемия коронавируса, начавшаяся, по данным ВОЗ, 12 марта 2020 г. и спровоцировавшая кризисные явления глобального характера, связанные с усилением протекционистских настроений, сжатием глобального спроса, ухудшением ключевых макроэкономических показателей различных стран и ростом социально-экономической напряженности.

На этом этапе развитые страны стремятся удержать занимаемые ими позиции, что сделать весьма непросто в условиях объективного усиления стран, проводящих политику активной экспансии.

Речь идет о быстроразвивающихся экономиках, включая как отдельные развивающиеся страны (Китай, Индия, Бразилия), так и страны с переходной экономикой (Россия, Казахстан). В основе их роста лежат принципиально разные модели экономического развития, а именно развития, обеспечиваемого:

- инвестициями и, впоследствии, инновациями;
- экспортом энергосырья.

Сформировав благоприятные для иностранных инвесторов условия, реципиенты инвестиций и сопутствующих им технологий со временем сами становятся их продуцентами. Развивающиеся экономики все более активно финансируют свои НИОКР и создают предпосылки для формирования собственного человеческого капитала. И если ранее страна была лишь одним из элементов глобальной цепочки добавленной стоимости — часто лишь производством по сборке продукции из готовых узлов и деталей, то теперь она становится одним из центров инновационной активности, т.е. сама инициирует запуск новых глобальных ЦДС.

Энергосырьевая модель экономического развития основывается на определенных детерминантах, а именно на наличии:

— энергетического сырья в количестве, превышающем собственные энергетические потребности;

⁷ Официальный сайт «Ведомости». — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/02/06/822436-peremirie-torgovoi-vremenno>.

- технологий по разведке, добыче и транспортировке энергосырья;
- конкурентных преимуществ, которые определяются: качественными характеристиками энергосырья; наличием развитой транспортной инфраструктуры, обеспечивающей стабильные энергопоставки в контексте соблюдения сроков поставок, быстрой адаптации под изменяющиеся потребности импортера, наличия альтернативных логистических каналов, минимизации экологических рисков; а также соотношением цены и вышеперечисленных характеристик;
- устойчивого спроса, предъявляемого со стороны отдельных стран-энергопотребителей;
- благоприятной общемировой конъюнктуры, которая предполагает дисбаланс глобального спроса и предложения энергосырья в сторону постепенного роста спроса; этот рост связан с положительной динамикой экономического развития ключевых акторов на мировой арене, которые, кроме того, являются крупными энергопотребителями.

Учитывая тот факт, что мировая экономика не в состоянии продемонстрировать только лишь экономический рост и, более того, ей свойственны кризисные состояния, затрагивающие в той или иной мере все страны-участницы мирохозяйственных отношений, можно говорить о волатильности ценообразования на энергосырье. Более того, сам механизм формирования цен на этот вид продукции носит спекулятивный характер, поскольку цена на ключевой энергопродукт — нефть — как биржевой товар меняется ежедневно, в т.ч. под влиянием субъективных факторов, включая политические риски.

В этом смысле темпы развития такого типа экономики во многом коррелируют с динамикой мирового ценообразования на энергосырье, что в наибольшей степени характерно для таких стран, как Россия и Казахстан.

Но отсутствие устойчивости динамики экономического роста не означает, что эти страны не могут быть акторами. В частности, остается довольно дискуссионным вопрос, кто в большей степени оказывается зависимым от энергопоставок — экспортер или импортер энергосырья. В этом и заключается специфика механизма политики мягкой силы, когда отношения между сторонами приобретают диспаритетный характер и одна из сторон становится объектом экономических и политических воздействий, что формирует определенные

угрозы национальной безопасности, подрывающие основы устойчивого развития.

Формирование отношений зависимости предполагает последовательное прохождение трех этапов:

- поиск областей взаимного интереса, в которых актор может выстроить диспаритетные с объектом отношения;
- налаживание, углубление и расширение экономического сотрудничества;
- приоритизация и монополизация положения актора — субъекта экономических воздействий в чувствительных для актора-объекта областях.

1. Поиск областей взаимного интереса

Для актора и объекта интерес представляют следующие сферы.

1.1. Военно-политическая стабильность в регионе и мире.

Акторы осуществляют мониторинг военного потенциала всех стран мирового сообщества, контролируют процесс формирования недружественных коалиций, а также размещают на территории объекта/объектов военные базы как собственные, так и международной военно-политической организации, членом которой являются актор и объект.

1.2. Включение объекта в цепочку добавленной стоимости, иницирующим звеном которой является актор. Для этого необходимы:

- сырьевая обеспеченность объекта;
- наличие дешевых факторов производства, в том числе дешевой рабочей силы;
- благоприятные для иностранных инвесторов условия, включая гарантии со стороны объекта в части стабильности инвестиционного законодательства;
- географическое положение — желательно географическая близость, что повышает экономическую эффективность всех хозяйственных транзакций.

1.3. Экспорт товаров/услуг, для чего необходимы:

- емкий внутренний потребительский рынок объекта (численность населения), качественные характеристики рынка (реальный

располагаемый доход, зрелость спроса — готовность приобретать продукцию актора);

— благоприятные условия ввоза на территорию объекта — низкие или нулевые импортные пошлины; незначительные нетарифные ограничения.

1.4. Использование транзитного потенциала объекта. Следует учитывать:

— географическое расположение — первостепенное значение приобретает не только и не столько географическая близость, сколько возможность, исходя из локализации, включения объекта в глобальные логистические цепочки, когда транспортный коридор проходит через территорию разных стран и объединяет экспортера, транзитера/транзитеров и импортера/импортеров;

— отсутствие террористических угроз;

— военно-политическая стабильность в регионе.

2. Налаживание, углубление и расширение экономического сотрудничества

На данном этапе актор инициирует сотрудничество с объектом в контексте использования следующих инструментов:

— военно-политические блоки;

— соответствующие экономические институциональные структуры в рамках ООН и за ее пределами;

— двустороннее внешнеэкономическое сотрудничество;

— интеграционные объединения.

2.1. Военно-политические блоки. Участники одного блока, как правило, противопоставляют свои интересы интересам участников другого. Одной из наиболее влиятельных международных военно-политических организаций следует считать НАТО, созданную 4 апреля 1949 г. в целях «защиты Европы от советского влияния». Она объединяет 30 стран, включая Великобританию, Францию, Италию, Германию и США⁸.

⁸ Официальный сайт НАТО. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/nato_countries.htm.

На современном этапе по периметру российских границ на территории государств — сателлитов США кольцом, получившим название «кольца Анаконды», размещены военные базы НАТО.

В целом деятельность этой организации направлена на последовательное ослабление России, в частности:

— ликвидацию (1 июля 1991 г.) Организации Варшавского договора, которая давала «законное право для присутствия войск СССР на территории Восточной и Центральной Европы»⁹;

— распад СССР (26 декабря 1991 г.), фактически означавший победу США в холодной войне;

— усиление политической разбалансированности союзников — соседей России (поддержка цветных революций; последняя волна — в 2020 г. в Киргизии, Белоруссии и Армении — важных на постсоветском пространстве торгово-экономических и политических партнеров РФ).

Конечная цель — ослабление России, утрата ею территориальной целостности.

На смену Организации Варшавского договора пришел Договор о коллективной безопасности, который вступил в силу 20 апреля 1994 г. и объединил ряд стран постсоветского пространства, включая Россию, Казахстан, Киргизию и Белоруссию¹⁰.

Эта организация связывает страны-участницы с другими важными акторами — Китаем и Индией — через Меморандум о сотрудничестве с ШОС, хартия о создании которой вступила в силу 19 сентября 2003 г.¹¹

На современном этапе военно-политическое сотрудничество стран Евразии строится в рамках этой организации. Наблюдаемое в последние годы экономическое усиление евразийского континента в противовес с ослаблением позиций ведущего мирового актора — США — за-

⁹ Официальный сайт МИД России. — URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravochnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/k-25-letiu-rospuska-voennyh-struktur-organizacii-varsavskogo-dogovora?inheritRedirect=false.

¹⁰ Официальный сайт ОДКБ. — URL: <https://odkb-csto.org/structure/>

¹¹ Официальный сайт ШОС. — URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/20151208/16789.html.

ставляет Штаты формировать новые опорные точки и центры влияния (Япония), а также очаги напряжения на континенте, в т.ч. между крупными акторами Евразии, например между Китаем и Индией (вопрос принадлежности части индийского штата Арчуначал-Прадеш и горных территорий, расположенных на севере Кашмира¹²).

2.2. Соответствующие экономические институциональные структуры в рамках ООН и за ее пределами.

В частности, специализированные учреждения ООН имеют разную направленность, но в контексте реализации политики мягкой силы особое значение имеют организации, регулирующие:

— международное движение капитала, а именно прочие инвестиции (МВФ, МБРР, МЦУИС, МАР и др.) и предоставляющие так называемые обусловленные кредиты;

— международную торговлю товарами и услугами (ВТО, ЮНКТАД, ИКАО, ИМО и др.).

При принятии решений участники руководствуются различными подходами:

— одна страна — один голос (ВТО и др.);

— взвешенное голосование — чем больше доля участника организации в мировой экономике (показатель ВВП — ключевой), тем больше и его вес при принятии решений (МВФ; МБРР и др.).

В любом случае страны стремятся к формированию коалиций с целью упрочения своих позиций и усиления влияния в организациях.

Так, квота России в МВФ, определяющая, помимо прочего, число голосов, составляет всего 2,71%, и по этому показателю РФ уступает не только США (17,44%), но и Германии (5,60%), Великобритании (4,24%), Франции (4,24%) и Италии (3,17%). Однако при координации усилий со своими торгово-экономическими и политическими партнерами — Китаем (6,41%), Индией (2,76%) и Бразилией (2,32%)¹³ — Россия получает больший вес при принятии решений.

¹² Официальный сайт РБК. Индийская армия назвала незначительным столкновение на границе с Китаем. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/600e96149a7947f843e95571>.

¹³ Официальный сайт МВФ. — URL: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx>.

За пределами ООН функционирует ряд формальных и неформальных организаций и объединений, включая Большую семерку и Большую двадцатку. В рамках этих экономических институтов актор вступает во взаимодействие с другими игроками для достижения целей своей внешней политики. Так, Россия является участницей форума БРИКС, что позволяет ей более тесно сотрудничать с Китаем, Индией, Бразилией и ЮАР.

Членство в любом из перечисленных выше экономических институтов целесообразно для актора, поскольку он получает возможность поучаствовать в выработке коллективного решения, влияющего на направление и характер его внешнеэкономической деятельности. Это решение, как правило, носит компромиссный характер, т.е. учитывает интересы множества игроков, что, однако, не исключает возможности злоупотреблений со стороны наиболее влиятельных участников.

2.3. Двустороннее внешнеэкономическое сотрудничество.

На современном этапе преобладающая доля международных экономических отношений регулируется в рамках унифицированного правового поля, созданного и модифицируемого соответствующими международными организациями.

Однако эффективность их деятельности в последние годы вызывает много нареканий — ведущие акторы самостоятельно задают правила игры, используя международные регулятивные механизмы по своему усмотрению. Все в большей мере мировые акторы включаются в противостояние, используя санкционный формат и втягивая друг друга в торговые войны.

Более того, акторы своими действиями могут препятствовать работе институциональных структур, как это делали США в отношении апелляционного органа ВТО, блокируя назначение новых арбитров¹⁴.

Все это провоцирует поиск новых форм сотрудничества, в т.ч. двустороннего. Этот формат затрагивает, в первую очередь:

— международное движение капитала (о поощрении и защите капиталовложений); подобные соглашения предполагают опре-

¹⁴ Официальный сайт Коммерсантъ. Страны-участницы ВТО утратили интерес к торговым спорам. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4759828>.

деленный перечень гарантий и инструментов защиты иностранных инвесторов; инвесторам-нерезидентам предоставляется режим наибольшего благоприятствования, запрещающий их дискриминацию, а также национальный режим, который может быть ограничен исходя из норм и правил законодательства страны — реципиента капитала; убытки инвестора, связанные с прямой или косвенной экспроприацией со стороны актора, должны быть компенсированы; в Российской Федерации заключено свыше 80 соглашений подобного рода, в т.ч. с Китаем, Индией, Германией, Великобританией, Францией, Италией. Соглашение с США было подписано 17 июня 1992 г., но так и не было ратифицировано российской стороной¹⁵;

— взаимную миграцию (в частности, регулируются вопросы защиты прав иммигрантов и вопросы, связанные с нелегальной миграцией);

— взаимную торговлю — страны проводят двусторонние переговоры по вопросу поставок различных товаров и услуг; это могут быть и сырьевые товары, и готовая продукция, в т.ч. вооружение.

2.4. Формирование и развитие интеграционных объединений (из действующих на современном этапе: ЮСМКА — Соглашение между США, Мексикой и Канадой, ЕС — Европейский союз, МЕРКОСУР — Общий рынок стран Южного конуса, ЕАЭС — Евразийский экономический союз, КОМЕСА — Общий рынок Восточной и Южной Африки и др.).

Интеграция, «рассматриваемая как инструмент минимизации транзакционных издержек»¹⁶, предполагает, в первую очередь, устранение взаимных барьеров в товародвижении.

Актор является центром влияния внутри объединения, вовлекая в него одного и более объектов-соседей.

Любая интеграция будет более эффективной при соблюдении определенных условий:

¹⁵ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/investicionnye_soglasheniya/

¹⁶ Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020. 416 с.

- общая транспортная инфраструктура;
- тесное экономическое взаимодействие фирм стран-участниц;
- наличие опыта взаимной интеграции;
- наличие политической воли руководителей интегрирующихся акторов;
- взаимообусловленность экономик.

Говоря об интересе акторов, мы отмечаем факторы привлекательности объекта, и в первую очередь его ресурсную привлекательность. Что же касается самого объекта, его интерес к участию во взаимодействии, и не только интеграционном, связан с теми преимуществами, которые он получает за счет сотрудничества с более сильным партнером/партнерами.

Если экономики не останавливаются на этапе зоны свободной торговли и формируют общий рынок или единое экономическое пространство, то объект получает возможность качественно изменить структуру своей экономики за счет притока иностранных инвестиций и технологий, как это сделал, например, Китай, который из объекта превратился в одного из сильнейших акторов. Однако возможна и ситуация своеобразной консервации хозяйственного механизма — закрепления за объектом определенной роли, например донора рабочей силы (Молдова), в результате чего экономика лишается вариативности направлений собственного экономического развития и участие в международном разделении труда становится ограниченно эффективным.

Актор — инициатор интеграции берет на себя асимметричную экономическую нагрузку, когда в условиях регионального, а чаще мирового кризисов актор оказывает помощь, в первую очередь финансовую, другим участникам объединения. Это смягчает негативные эффекты и ускоряет выход из кризисных состояний. При этом актор может сам спровоцировать кризис регионального характера. В частности, девальвация национальной валюты актора приводит к девальвации валют других участников интеграции, поскольку ставит актора в привилегированное положение, повышая его региональную конкурентоспособность (по цене), и вынуждает других участников интеграции ослаблять свою национальную валюту.

По сути, региональная интеграция строится на взаимодействии экономик разного уровня развития — хотя интеграция между равны-

ми по силе игроками будет проходить интенсивнее, включение заведомо более слабого участника или участников позволяет выстраивать диспаритетные отношения, которые позволяют более эффективно реализовывать целеполагание актора.

3. Приоритизация и монополизация положения актора — субъекта экономических воздействий в чувствительных для актора-объекта областях, формирование диспаритетных отношений

В основе диспаритетности лежит неравноценный формат взаимоотношений, когда одна из сторон располагает инструментами влияния, обеспечивающими ей положение актора.

К числу таких инструментов можно отнести:

- экспорт вооружений;
- кредитование;
- преференции в торгово-экономических отношениях;
- монопольное положение актора.

3.1. Экспорт вооружений. Развитый оборонно-промышленный комплекс актора — это маркер высокой международной конкурентоспособности его экономики в контексте обеспеченности развитыми конкурентными преимуществами. Подобный тип экономики характеризуется высокой степенью инновационности.

Крупнейшие мировые игроки, и в первую очередь США и Россия, формируют зоны своего влияния, проводя совместные с другими странами учения и осуществляя в них экспорт вооружений. Для США в приоритете — страны Ближнего Востока, и в первую очередь Саудовская Аравия, для России — это Индия, Китай и Алжир, а также Сирия, Йемен, Ирак, Египет, Ливия и др.

3.2. Кредитование. Предоставление кредита объекту, в т.ч. обусловленного, приобретение его государственных облигаций — наиболее традиционный инструмент формирования отношений диспаритетности.

Чем более слаба экономика, тем меньше у нее шансов расплатиться по кредитным обязательствам. Если речь идет о группе наименее развитых стран, то их кредитование изначально предполагает высо-

кие риски невозврата, однако обеспечивает актора мощнейшим рычагом давления на объект.

Приобретение государственных облигаций — достаточно эффективный инструмент влияния, причем он может использоваться крупными акторами по отношению друг к другу. В частности, Китай до недавнего времени выступал крупнейшим держателем государственного долга США — американских государственных облигаций, выпущенных с целью покрытия дефицита их федерального бюджета. Однако из-за торговой войны к декабрю 2019 г. Народный банк Китая сократил портфель трежерис на 20 млрд долл. — до 1,07 трлн долл. (минимальное значение с начала 2017 г.). На современном этапе на смену Китаю пришла Япония (1,15 трлн долл.). Россия под влиянием санкционного давления с целью нивелирования гипертрофированных геополитических и экономических рисков также сократила свою долю в американских долговых обязательствах (до 9,97 млрд долл.)¹⁷.

3.3. Преференции в торгово-экономических отношениях. Актор может устанавливать особые, преференциальные отношения с другой страной-объектом.

Особые условия могут касаться:

— инвестирования — помимо законодательных инициатив, направленных на привлечение иностранных инвесторов в контексте улучшения инвестиционного климата, возможно совместное участие в инвестиционно-привлекательных проектах (например, связанных с НИОКР или с добычей полезных ископаемых);

— миграционных потоков — увеличение квот на выдачу приглашений на въезд в страну и разрешений на работу иммигрантов; возможность въезда иммигрантов без визы; смягчение карантинных требований;

— внешней торговли — в рамках интеграционных объединений (официальное изъятие из правил и норм ВТО, которое позволяет участникам интеграции торговать друг с другом на преференциальных условиях), а также двусторонних договоренностей (например, предоставление скидки на энергосырье актора стране-транзитеру).

¹⁷ Официальный сайт РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200221/1564982387.html>.

3.4. Монопольное положение актора. Если актор, а вернее, его компании выступают монополистами в какой-либо сфере (например, в оказании услуг по техническому обслуживанию и ремонту АЭС), то это усиливает диспаратность экономических отношений, особенно если монополист начнет злоупотреблять своим положением.

Даже находясь в отношениях созависимости, акторы используют довольно агрессивный инструментарий воздействия, включая санкции и торговые войны. В этом случае потери несут обе стороны, хотя чаще всего ущерб асимметричен и более слабый игрок страдает в большей мере. В случае если актор становится монополистом, его потери сводятся к минимуму и речь идет скорее об имиджевых рисках.

Подводя итог, следует сказать, что сегодняшние реалии заставляют крупнейшие мировые державы смещать акцент в своей внешней политике на использование инструментария мягкой силы. Его воздействие связано с поиском сфер взаимного интереса, формированием устойчивого внешнеэкономического диалога, укреплением и углублением сотрудничества. Каждый из участников стремится к усилению своего влияния за счет придания отношениям максимальной диспаратности. Учитывая множественность партнеров, один и тот же игрок может выступать как актором, диктующим свою волю, так и объектом, испытывающим влияние других игроков. Для укрепления своих позиций акторы вступают в коалиции и используют различные международные институциональные структуры, эффективность функционирования которых в условиях роста турбулентности в мировой экономике снижается и обостряет противоречия между новыми центрами силы.

Сурма Иван Викторович

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОБЛЕМА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Сегодня свобода слова, с одной стороны, и объективность и беспристрастность, с другой, фактически принесены в жертву политическому стечению обстоятельств, а глобальная информационная среда ухудшается и трансформируется до политически ангажированных фрагментов в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий и Интернета, формирующего современное глобальное информационное общество, не знает национальных границ и, как следствие, оказывает динамичное воздействие на все сферы общества и государства, включая процессы, происходящие в мировой политике. В настоящее время происходит трансформация каналов распространения информации. Если двадцать-тридцать лет назад СМИ, включая телевидение, активно осваивали интернет-пространство и новости попадали в блогосферу и социальные сети (которые сами в то время еще только формировались), главным образом, из официальных источников, то сейчас мы имеем множество каналов распространения информации и ложь (фейк или симулякр), которая может быть рождена и в Твиттере, и в Видеохостинге, и в Инстаграме и в других информационных ресурсах, а затем аккумулированная в новых новостных агрегаторах и пройдя те же социальные сети, может выдаваться за официальную точку зрения. При этом существенно усиливается интернет-влияние и расширяются возможности манипулирования общественным мнением. В настоящее время все большее внимание уделяют возможностям социального инжиниринга с использованием Интернета и управления большими группами людей, в том числе и в политических целях.

Фейки в геополитике. Социальные сети все чаще и чаще используются как эффективная среда для распространения ложной информации, недобросовестной конкурентной борьбы и политической про-

паганды. Недавние, казалось бы, невинные шутки проложили путь к технологиям дезинформации, построенной на циничной работе с использованием особенностей и специфики массовой аудитории в Интернете. Фейки стали дежурным инструментом политики и геополитики. Сегодня мировое сообщество приходит к пониманию того, что виртуальная реальность, основанная на фальшивках, начинает критически влиять на фактически происходящие политические процессы.

Если еще несколько лет назад фейки «вбрасывались» отдельными ангажированными личностями или структурами, то сейчас фейки «вбрасываются» основными политическими акторами:

— ведущими политическими партиями, в частности раскрутка «Рашенгейта» («предвыборного сговора» Трампа с Кремлем) Демократической партией США;

— международными организациями, например постановочные съемки «Белыми касками» химических атак в Сирии и др.

Это делается для достижения глобальных геополитических целей в условиях все больше нарастающей разбалансировки международных отношений. Масштаб и «поражающая способность» подобных фейков позволяют их инициаторам достигать сиюминутного значительного тактического выигрыша. Так, «Рашенгейт» на два года фактически дестабилизировал деятельность администрации Трампа по многим направлениям внешней политики, а фейковые съемки, выполненные «Белыми касками», послужили предлогом для многочисленных военных ударов западных сил по Сирии, что препятствовало правительственным вооруженным силам бороться с ИГИЛ (организацией, запрещенной в России).

С другой стороны, использование подобных грязных методов впоследствии влечет за собой огромный стратегический проигрыш для их инициаторов, когда эти «глобальные фейки» рушатся вследствие установления подлинных фактов. Так было со знаменитой «пробиркой Пауэлла», когда выяснилось, что никакого оружия массового поражения в Ираке не было, а в пробирке, которую госсекретарь США продемонстрировал на заседании в ООН, находился, скорее всего, стиральный порошок.

Так навсегда рухнула репутация «героических» «Белых касок» и их спонсоров, когда сначала сами участники постановочных съе-

мок, а затем и представители западных СМИ все настойчивее стали говорить о злонамеренной фабрикации видеоряда. Работающий в Сирии продюсер Би-би-си в своем Твиттере¹ написал, что видеозапись из госпиталя в сирийской Думе с пострадавшими от якобы химической атаки в апреле 2018 г. является сфабрикованной. Сотрудник Би-би-си Риам Далати заявил, что после почти шести месяцев расследований он может с уверенностью «доказать, что сцена в больнице в Думе была сфабрикована»².

Считается, что в настоящее время международная политика перестраивается на бизнес-мораль, что ярче всего проявляется в действиях на мировой арене нынешней американской администрации. Современный мир вообще склоняется к прагматике и проведению в жизнь собственных интересов. Но и в жестких условиях бизнес-среды обман и мошенничество, как известно из практики, могло и может навсегда лишиться любого, попавшегося на подобных неблагоприятных поступках, участия в дальнейшей сделке, да и вообще возможности присутствия в «порядочном обществе».

Тем не менее яркий пример политического троллинга в истории цифровой дипломатии был разоблачен одним из пользователей мировой паутины, который назвал свое сообщение «Путин спонсирует терроризм: клеветническая кампания Белого дома в “Твиттере” и Google»³. Оказалось, что Белый дом купил ключевые слова в Google, чтобы нанести удар по репутации В.В. Путина. Используя Keyword Spy (весьма уважаемый и широко используемый ресурс в SEO-индустрии), журналисты проверили сообщение и выяснили, что, действительно, Белый дом купил ключевые слова в Google, используя доменное имя WhiteHouse.gov.

Как считают журналисты портала «Переводика», проводившие расследование, такой набор слов связан с тем, что Telenor (огромная

¹ Фейк российских СМИ: «Мировая пресса признала, что химатак в сирийской Думе не было». — URL: <https://theins.ru/antifake/141216>.

² Продюсер Би-би-си в Сирии рассказал о съемках фейка о «химатаке» в Думе. — URL: <https://vz.ru/news/2019/2/13/964119.html>.

³ Клеветническая кампания Белого дома в Твиттере и Google. — URL: <https://news2.ru/story/411505/>

телекоммуникационная компания, базирующаяся в Норвегии и предоставляющая телекоммуникационные услуги в Восточной Европе) и Russia является, вероятно, популярным критерием поиска Google в России и на Украине. И Белый дом купил ключевые слова в Google, чтобы троллить В.В. Путина⁴. Все вышеприведенные примеры показывают, что сетевое сообщество активно реагирует на цифровую дипломатию, а та в свою очередь не оставляет без внимания эту реакцию.

Отличие мистификаций прошлых лет от современных новостных фальшивок состоит в активном влиянии последних на общество и политику. Такие псевдоновости могут быть вброшены в интернет-пространство с помощью специальных сайтов, главное назначение которых — создание и распространение «фальшивок». Например, фейковая информация с сайта AWD News, озаглавленная как «Министр обороны Израиля: Мы уничтожим Пакистан ядерным ударом, если он отправит войска в Сирию под любым предлогом», была явной провокацией, которая при определенных условиях могла бы спровоцировать начало ядерной войны. Соответственно пакистанский министр обороны в ответ через свой официальный аккаунт в Твиттере напомнил, что «Пакистан — тоже ядерная страна»⁵.

Виртуальная реальность и фейковые аккаунты. Как считает подавляющее большинство американских либералов, фейковые новости, которые распространяются с помощью Фейсбука и Твиттера, в конечном итоге привели в свое время к победе Трампа на президентских выборах в США⁶. Эксперты и критики подтверждают, что фальшивые новости распространяются с помощью социальных сетей значительно активнее, в отличие от их последующих разоблачений. К тому же даже представленный ряд примеров показал разнообразие

⁴ Белый дом скатился до уровня — «Тролль обыкновенный». — URL: <http://perevodika.ru/articles/24713.html>.

⁵ Fake news story prompts Pakistan to issue nuclear warning to Israel. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/26/fake-news-story-prompts-pakistan-to-issue-nuclear-warning-to-israel>.

⁶ Цукерберг: Facebook не виноват в том, что Трамп стал президентом. Русская служба BBC. — URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37946959>.

источников формирования ложных новостей. Подобные псевдонюности в интернет-пространство могут быть вброшены специальными сайтами, основным предназначением которых как раз и являются создание и распространение «фейков». Примерами таких сайтов могут служить украинские «Репортажист» и UaReview, американские Daily Rain и The Onion или российские Smixer.ru, Fognews, lapsha.ru, hobosti.ru и др. С другой стороны, лженюности появляются и в результате некоторого непрофессионализма журналистов, а иногда и намеренной цели распространить ложь. Этот процесс также может происходить после взлома интернет-медиа и умышленного вбрасывания дезинформации.

Здесь мы остановимся на одном из видов фейков в интернет-пространстве, а именно на фейковых аккаунтах, тем более что в последнее время эта тема получила довольно динамичное развитие в контексте работы МИД России (см. последние случаи с обнаружением фейковых аккаунтов некоторых наших посольств, а также ведущих работников министерств и ведомств Российской Федерации). До недавнего времени в Фейсбуке существовал фальшивый аккаунт Марии Захаровой, а в Твиттере — фальшивый аккаунт министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова.

Фейковые аккаунты как элемент «гибридного воздействия». Вызывает озабоченность тот факт, что информацию, размещенную на фейковых страницах, сознательно или по ошибке используют вполне серьезные СМИ. Не так давно на сайте телеканала Euronews (англоязычная версия) в своем комментарии на принятие региональным советом итальянской области Венето резолюции, которая призывала отменить санкции против России и признать статус Крыма, в качестве официальной реакции со стороны России приводился скриншот твиттер-«аккаунта С. Лаврова», хотя известно (см. официальный сайт МИД РФ), что у С.В. Лаврова нет аккаунта в социальных сетях. Эта дезинформация, целью которой является раскрутка фальшивого ресурса, предназначенного для дискредитации внешней политики России, представляет элемент того самого «гибридного воздействия», предпринимаемого западными элитами в ходе растущего противостояния с нашим государством. Любопытно, что Петр Федоров (Вице-президент наблюдательного совета Euronews), комменти-

руя публикацию текста со ссылкой на фейковый аккаунт министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова в Твиттере, назвал произошедшее проявлением непрофессионализма британской службы Euronews, а ошибка была допущена ими несознательно и что все работники Euronews «находятся под серьезным информационным давлением мейнстрима западных средств массовой информации, которые вольно или невольно принимают участие в информационной войне против России»⁷.

МИД России в свое время известил Роскомнадзор о фактах появления в Фейсбуке фальшивых аккаунтов российских дипломатических миссий в Чехии и Словакии, однако администрация Фейсбука не стала их блокировать. Фейковые «посольства» распространяли недостоверную информацию, а ситуация усугублялась тем, что вместо сотрудничества с реальными дипломатами администрация Фейсбука предпочла заблокировать официальные страницы посольств, сохранив поддельные аккаунты. После блокировки страницы посольства РФ в Словакии ее поддельный двойник был переименован в «Советское посольство в Чехословакии»⁸, а фейковая страница российской дипмиссии в Чехии переименована в «Неофициальный ресурс российского посольства в Чехии»⁹.

Как отметила Мария Захарова, авторы этих фейковых аккаунтов размещают новости по самым актуальным и резонансным темам, причем их профессиональный уровень «весьма высок». В качестве «информации к размышлению» можно добавить, что еще в октябре 2016 г. была создана структура МВД Чехии «по борьбе с пропагандой из России и прочими попытками иностранных государств влиять на мнение жителей страны». Как заявил глава этого ведомства Милан

⁷ Euronews объяснил публикацию фейкового твита Лаврова бессознательной русофобией. — URL: https://lenta.ru/news/2016/05/24/euronews_lavrov/

⁸ О фальшивой странице Посольства России в Словакии в «Фейсбуке». — URL: http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2735287.

⁹ О появившейся в социальной сети «Фейсбук» фальшивой странице Посольства России в Чехии. — URL: http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2727082.

Хованец, в новом подразделении числится 20 человек, оперативно реагирующих на дезинформацию в социальных сетях и обучающих государственных чиновников противодействовать ей. «Мы хотим попасть в каждый смартфон», — сказал М. Хованец¹⁰. Трудно отделаться от мысли, что вряд ли между созданием в Чехии подразделения по «борьбе с русской пропагандой» и появлением фейковых аккаунтов российских дипломатических представительств в Чехии и Словакии нет никакой связи.

Это не первый случай, когда в создании фейковых аккаунтов и фейковых новостей можно проследить участие государственных структур западных стран. Например, ряд федеральных министерств Германии финансируют создание фейковых аккаунтов, компрометирующих российские государственные органы и российских политических лидеров. Партия зеленых Германии «прямо участвует» в атаках на руководство России. Так, ведение фейкового аккаунта МИД России осуществляет глава киевского отделения фонда Генриха Белля, который связан с Партией зеленых. Фонд Генриха Белля (немецкая неправительственная организация, занимающаяся развитием правозащиты, гражданского общества, социальной активности и политическим образованием) существует, прежде всего, на деньги немецких граждан и используется в «нечистоплотных антироссийских целях». Хотя сам фонд и опровергает претензии, заявленные в его адрес официальным представителем МИД России Марией Захаровой, но в своем расследовании создатели сайта Info Trader определили, кто ведет популярный фейковый аккаунт «Мид Роисси» в Твиттере¹¹.

SMM- и SERM-структуры в формировании общественного мнения. Мировые события последнего времени сопровождаются массовыми вбросами в социальные сети ложной информации, ростом активности интернет-троллей и другими явлениями. В этих условиях технологии по воспроизводству фейков могут быть весьма востребованы в социальных сетях. Еще несколько лет назад Фейсбук опубликовал в своем блоге информацию о появлении функционала,

¹⁰ В Чехии создана служба для борьбы с российской пропагандой. — URL: <http://www.svoboda.org/a/28066756.html>.

¹¹ Фейковый сайт МИД России. — URL: https://twitter.com/fake_midrf.

позволяющего выделять так называемые «утки» на основе отметок пользователей. Тем не менее анализ показал, что пользователи просто не способны распознать подобные «утки» и что опровержения ложной информации распространяются гораздо медленнее и хуже, чем сама фальшивка. Фальшивые новости, как правило, активно используют «вау-фактор» и обладают высокой виральностью, то есть способностью быстро и широко распространяться. Опровержения же более обыденны и вызывают некоторое разочарование, которое не способствует их распространению. Этот эффект «вау-фактора» активно используется в ходе развернувшейся информационной атаки на Россию. В адрес России в зарубежных СМИ публикуется огромное количество обвинений, но не предоставляются никакие доказательства. В условиях усиливающейся конфронтации российское внешнеполитическое ведомство даже открыло специальную рубрику на своем официальном сайте, которая демонстрирует примеры подобных публикаций, распространяющих ложную информацию о России.

Для продвижения в информационном пространстве фейковых новостей широко используются фейковые аккаунты или боты. Использование оплачиваемых троллей и блогеров в политических или коммерческих целях не афишируется, но и не скрывается. Для некоторых SMM- и SERM-агентств (SMM — *Social Media Marketing* и SERM — *Search Engine Reputation Management* — это агентства, деятельность которых направлена на продвижение клиентов в социальных сетях и управление репутацией в Интернете) и других специально созданных структур публикация фейков становится одним из стандартных инструментов продвижения в социальных сетях.

Подобные инструменты используются как для PR, так и для дискредитации политических оппонентов или конкурентов. Помимо коммерческих агентств, в некоторых странах существуют квазигосударственные SMM- и SERM-структуры. Как правило, они непубличны и репутационных рисков для них не существует. Для дискредитации политических противников они используют любые легитимные SMM-инструменты.

Деградация информационного пространства. Фейковые аккаунты или боты — одна из самых существенных проблем в социальных сетях, а те социальные сети, которые перестают ее решать, те-

ряют живую аудиторию. В конечном итоге боты нарушают экологию Интернета. Боты распространяют спам, осуществляют кражу личных данных, вмешиваются в обсуждения и внутренние дела стран, влияют на тренды и нарушают цифровой суверенитет государства. Пока Твиттер не предложил способ борьбы с ботами, что может привести к смерти этой социальной сети¹². При этом боты, которые применяются для «раскрутки» и продвижения политического деятеля, могут при их обнаружении вместо улучшения репутации заказчика ее основательно разрушить (так в ходе одной из избирательных кампаний в США кандидат Митт Ромни (Республиканская партия) искусственно наращивал свою популярность в социальных сетях и, в частности, за один день число его фолловеров увеличилось с 673 002 до 789 924, что составило 17%-ный рост)¹³. К сожалению, подобные примеры можно найти и в отечественной практике. Например, группа «Инфо-метр» проверила, сколько фейковых аккаунтов среди пользователей, подписанных на каналы российских органов власти. Был определен характер активности таких подписчиков, и составлены рейтинги по количеству активных пользователей, подписанных на аккаунты Федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в Твиттере. Так, средний процент фейков среди подписчиков таких аккаунтов в Твиттере был 66,3%, что от общей аудитории составило 1 015 922 (бота)¹⁴.

Результаты анализа выявили зависимость (коэффициент корреляции 0,77) между количеством подписчиков и процентом фейковых аккаунтов. Например, аудитория подписчиков МИД России (на момент анализа) составляла 520 тыс. человек (рост аудитории за месяц составил 67 тыс.), а ботов среди них — 77%. Схожая ситуация и у ФАС (162 тыс. подписчиков и 72,5% фейков), а у Россотрудничества 92 тыс.

¹² Представленность федеральных органов исполнительной власти в популярных социальных сетях. Этап II: Twitter. — URL: http://infometer.org/analitika/foiv_twitter_2015.

¹³ Теневая экономика Twitter: процветающий бизнес по продаже фолловеров. — URL: <http://www.towave.ru/pub/tenevaya-ekonomika-twitter-protsvetayushchii-biznes-po-prodazhe-folloverov.html>.

¹⁴ Представленность федеральных органов исполнительной власти в популярных социальных сетях. Этап II: Twitter. — URL: http://infometer.org/analitika/foiv_twitter_2015.

и 74,5% фейков. Причин этого может быть несколько, однако основная проблема, по мнению экспертов, — это неправильная формулировка целей продвижения государственных структур в социальных сетях. Неверные цели приводят к неверным результатам, а поскольку из-за ботов теряется доверие аудитории, эксперты рекомендуют удалять из подписчиков фейковые аккаунты (например, с помощью инструментов, предоставляемых SMM- и SERM-агентствами).

Противодействие со стороны различных стран и международных институтов распространению фейков и цифровой суверенитет государства. Благодаря своим коммуникационным возможностям между пользователями Твиттер и ряд других социальных сетей стали удобной системой для мобилизации различных социальных групп по многочисленным задачам, например таким, как организация акций протеста. Следует отметить, что по этой причине правительства Китая, Ирана, Северной Кореи и Египта заблокировали работу сервиса Твиттер в этих странах в целях поддержания общественного контроля на их территориях. Твиттер использовался, чтобы организовать так называемые «твиттер-революции» и протестные движения, которые были скоординированы и спланированы через Твиттер для организации и мобилизации протестующих, а также трансляции в онлайн-режиме новостей на весь мир. Характерными примерами являются Египетская революция в 2011–2013 гг.; протесты на выборах в Иране и в Молдове в 2009 г.; протесты студентов-евреев во Франции в 2012 г.; акции против коррупции в Турции в 2014 г.; акции из-за переворота в Украине в 2013–2014 гг.; протесты и призывы к убийству в Венесуэле в 2014 и 2018 гг.

Следующим примером могут быть действия террористов во всех уголках мира, включая Сирию, Ирак и другие страны, с использованием возможностей Интернета. Если обобщить, то можно выделить восемь различных, хотя и иногда частично совпадающих, способов использования сети Интернет джихадистами. Это — психологическая война; реклама и пропаганда; сбор данных; сбор средств; вербовка и мобилизация; создание сетей; распределение информации; планирование и координация. Причем они используют технологии стратегической коммуникации, а именно синхронизацию «слова», «образа» и «действия». Особенно ярко потенциал и возможности ИГИЛ (орга-

низация, запрещенная в России) в Интернете, с использованием социальных сетей, проявились на фоне сирийского кризиса. Именно эта организация одной из первых создала административные структуры со штатом блогеров для ведения целенаправленной работы в Интернете, привлечения новых рекрутов и распространения идеологии терроризма. ИГИЛ (организация, запрещенная в России) активно внедрялась в существующие социальные сети: Твиттер, Фейсбук, Ютьюб, Инстаграм. За несколько лет ИГИЛ (организация, запрещенная в России) обзавелась там большим числом сторонников. С помощью социальных сетей решалось сразу несколько задач — презентация организации среди радикально настроенных мусульман, вербовка сторонников и бойцов, сбор средств, запугивание политических и военных противников. Десятки тысяч твитов, фотографии и видео расправ над противниками, где перемешиваются реальные и постановочные фото, оказывали деморализующее действие на солдат иракской и сирийской армий в ходе военных действий. Таким образом, социальные сети, и в частности Твиттер, стали «модным инструментом для монтажа и дестабилизации в информационной и психологической войне»¹⁵.

Ситуация с информационным полем, как национальным, так и международным, становится настолько серьезной, что многие страны начинают предпринимать различные, в том числе и законодательные, меры. В Китае с 1 марта 2015 г. было запрещено использование никнеймов с именами лидеров иностранных государств, знаменитостей и других псевдоучетных записей, а также использование информации, причиняющей ущерб государству и обществу. За создание фальшивых профилей в социальных сетях, как сообщает Independent¹⁶, пользователи в Великобритании могут быть привлечены к уголовной ответственности. Королевская прокурорская служба Великобритании будет преследовать тех, кто использует социальные сети под вымыш-

¹⁵ Viloría E. La guerra mediática a través de Twitter (12-08-2014). — URL: <http://www.aporrea.org/medios/a196347.html>.

¹⁶ Making a Facebook account that appears to belong to someone else may be outlawed under the new rules. — URL: <http://www.independent.co.uk/lifestyle/gadgets-and-tech/news/online-trolls-who-create-accounts-in-other-peoples-names-could-face-criminal-charges-a6909006.html>.

ленными аккаунтами для того, чтобы нападать на других людей. Новые английские принципы как ответ на меняющийся характер онлайн-преступности также позволят привлечь к ответственности людей, которые создают профили в социальных сетях «под именем жертвы с поддельной информацией, которая может повредить их репутации и унижить их»¹⁷. Социальные медиагиганты Твиттер и Фейсбук уже используют средства, сообщающие настоящее имя владельца профиля. Профиль под именем другого человека, созданный «для введения в заблуждение», теперь может быть навсегда закрыт. Фейсбук ужесточает политику по отношению к фальшивым аккаунтам, но социальная сеть не раскрывает деталей механизма противодействия этой угрозе. Фейсбук внес некоторые изменения, которые позволяют выявлять фейковые аккаунты, при этом алгоритмы Фейсбук анализируют такие паттерны, как наличие повторяющихся постов, увеличение количества отправляемых сообщений и т.п. Введенные изменения позволили найти и заблокировать во Франции более 30 тысяч фейковых аккаунтов. Сейчас следует отметить, что количество поддельных аккаунтов в Фейсбуке небольшое: так, в 2016 г. их доля составляла лишь 1% от общей аудитории пользователей сети¹⁸. Постепенно мировое общество приходит к пониманию того, что виртуальная реальность начинает критически влиять на процессы, происходящие в реальности действительной. Медиаресурсы сегодня переживают кризис доверия к ним, спровоцированный, прежде всего, резким падением профессиональных стандартов и массовым распространением «фейковых» новостей¹⁹. Такая дезинформация по степени ущерба сопоставима с вирусной эпидемией, а для борьбы с ней необходима стратегия противодействия на наднациональном уровне.

¹⁷ Making a Facebook account that appears to belong to someone else may be outlawed under the new rules. — URL: <http://www.independent.co.uk/life-style/gadgets-and-tech/news/online-trolls-who-create-accounts-in-other-peoples-names-could-face-criminal-charges-a6909006.html>.

¹⁸ Facebook усилил борьбу с фейковыми аккаунтами. — URL: <https://www.searchengines.ru/fb-fake-accounts.html>.

¹⁹ Медиаресурсы переживают кризис доверия: Захарова в ООН о мировых СМИ. — URL: <https://russian.rt.com/world/article/382543-mariya-zaharova-genassambleya-oon>.

Интересно отметить, что на этом фоне все настойчивее звучит призыв подвергнуть ревизии само понятие «суверенитет национального государства» в пользу некоторого глобализированного «объединенного суверенитета», обоснованием перспективности наднациональных (а не международных) структур и институтов. В этом плане глобальное информационное общество следует рассматривать как определенный вызов государственному суверенитету, так как отсутствие «информационного суверенитета» в современном мире может привести к потере государственного суверенитета в целом.

С другой стороны, обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере и развитие глобального информационного общества — практически взаимоисключающие задачи. Это обусловлено практической невозможностью определенного государства сохранять контроль над информационной политикой в условиях высокой интеграции в глобальное информационное общество. А контроль над этим обществом (над Интернетом в целом) осуществляется одним государством, что несет в том числе и ряд угроз. Например, если любая хакерская группа поставит под контроль хотя бы один из 13 корневых серверов, обеспечивающих нормальную работу Интернета, то она тем самым сможет контролировать все уровни, лежащие ниже по иерархии, включая IP-адресацию и социальные сети.

Таким образом, ключевым моментом в создании эффективных механизмов, направленных на минимизацию угроз, обусловленных развитием информационного общества, является необходимость обеспечения государственного суверенитета в информационной сфере. Однако меры, направленные на обеспечение цифрового государственного суверенитета, в свою очередь, приводят к сдерживанию процессов, направленных на развитие информационного общества. Эти взаимосвязь и взаимозависимость ставят перед международным сообществом непростую задачу — задачу поиска золотой середины или выбора между Сциллой и Харибдой.

Вмешательство во внутренние дела суверенного государства и искусственный интеллект. Дестабилизация общественно-политической ситуации в начале нынешнего века в ряде стран, так или иначе представляющих геополитический интерес для стран Запада и в особенности США, характеризуется определенной особенностью,

а именно практической реализацией технологий «цветной революции». Приведем несколько примеров, где была использована данная технология с применением инструментов дестабилизации, — в Югославии («Бульдозерная революция» 2000 г.), Грузии («Революция роз» 2003 г.), на Украине (2004 г. и «Евромайдан» 2013–2014 гг.), Ливане («Революция кедров» 2005 г.), Кыргызстане («Тюльпановая революция» 2005 и 2010 гг.), Молдавии («Сиреневая революция» 2009 г.), Египте («Революция лотоса» 2011 г.), Тунисе («Жасминовая» и «Финиковая революции» 2010–2011 гг.), Ливии (2011 г.), Сирии (2014 г.) как элементы «арабской весны и зимы», а также последние протесты в Белоруссии (май–август 2020 г.).

Отметим, что в настоящее время США являются бесспорными лидерами как в области теоретических исследований в сфере политических и геополитических технологий (Дж. Най, Д. Шарп и др.), так и в реализации технологии «цветной революции» (издается журнал *Foreign Affairs* для активного обсуждения новых внешнеполитических концепций и инициатив и формирования необходимого мировоззрения у общественной и научной мировой элиты; создаются неправительственные организации, выступающие под видом благотворительных и решающие на практике разведывательные и подрывные задачи в странах геополитического интереса; осуществляется экономическое и политическое давление на законное правительство стран в ходе «цветных революций» и т.п.)^{20, 21}.

Цель дестабилизации общественно-политической ситуации в государстве — генерирование протестного потенциала в обществе и создание политической сингулярности, что приводит к инфляции власти в этой стране, ее дискредитации и т.д. После прохождения точки политической сингулярности государство должно либо качественно измениться, либо быть уничтожено.

²⁰ Ювачёв М.Ю. Инструменты «мягкой силы» в дестабилизации общественно-политической ситуации в стране// Сборник материалов круглого стола «Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации». М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 572–584.

²¹ Нарочницкая Н. «Аналитические институты» — глаза, уши и мозг Америки// Наш современник. 2004. № 3. С. 185–194.

При этом используются кибератаки с высоким уровнем социального инжиниринга и применением комбинированных систем, включающих возможности искусственного интеллекта и различные роботизированные устройства (боты). Задачи, которые преследуются в этом процессе, — информационная поддержка и непосредственное сопровождение протестных выступлений в той или иной стране; придание своеобразного имиджа протестам и возведение их в ранг «народных»; управление и манипуляция народной массой в ходе протестных акций и склонение действующей власти к принятию требований протестующих, даже если они наносят ущерб национальным интересам государства.

Механизм непосредственного информационного сопровождения протестных выступлений также достаточно хорошо отработан в настоящее время и включает в себя создание и распространение информации о демонизации власти; активное распространение в медиапространстве выступлений и комментариев официальных представителей иностранных государств и международных организаций, артистов, звезд шоу-бизнеса и мнений «обычных» людей; сбор и рассылка материалов, обосновывающих справедливость и необходимость проведения акций, а также участия в них населения; распространение информации о планируемой акции, дате, времени и месте проведения, целях, лозунгах; создание и распространение информации о «сакральной жертве» и формирование жестокого образа правоохранительных органов с одновременным оправданием участников протестных акций и т.п.

Безусловно, всему этому процессу предшествует целенаправленное идеологическое и информационное воздействие, ключевыми задачами которого являются поощрение внутренних протестов и различного ненасильственного сопротивления с целью снижения активности страны на международной арене; ослабление веры в избирательную систему государства и формирование представления о том, что существующий в стране политический режим не преследует общественные интересы. В конечном итоге реализуется механизм создания общего негативного информационного поля в государстве с доминированием тяжелой, деструктивной информации. Также формируется негативное общественное мнение и отрицательное от-

ношение к институтам государства на фоне резкой активизации деятельности СМИ в критически важные моменты жизнедеятельности общества и государства в целом.

Примером может служить высокая информационно-коммуникационная технологичность протестов в Москве в июле–августе 2019 г. Причем при организации этих протестов были использованы новые каналы коммуникаций для привлечения большого количества людей к протестам и формирования негативного общественного мнения. Протестная активность была переведена из виртуальной плоскости в уличное противостояние, в ходе которого осуществлялась попытка радикализации протеста и практического захвата городского пространства. Подчеркнем, что в ходе протестов активно применялась тактика провокации правоохранительных органов, вынуждающих их к «жестким» (по мнению протестующих) действиям и задержаниям, а также к разгону «мирного» (по мнению протестующих) митинга. При этом в информационно-коммуникационном поле были приняты попытки подмены смыслов с целью проведения кампании по формированию негативного образа правоохранительных органов, а именно переложения ответственности за «жестокое» обращение с протестующими на представителей правоохранительных органов. Также осуществлялись попытки привлечения артистов и представителей шоу-бизнеса на сторону протестующих для поддержания протестного настроения у населения и демонстрации того, что поддерживать действующую власть сегодня непопулярно.

Такую же высокую информационно-коммуникационную технологичность эксперты отметили в «расовых бунтах» в США в мае–июне 2020 г. Массовые беспорядки в США, которые начались в конце мая 2020 г. после смерти афроамериканца Дж. Флойда, являются достаточно ярким примером использования инструментов дестабилизации общественно-политической ситуации, включая формирование протестного потенциала населения и дальнейшее информационное сопровождение протестных акций.

Назовем определенный механизм использования инструментов влияния при создании негативного информационного фона. В процессе проведения протестных акций были попытки со стороны СМИ показать американскому обществу якобы существующую в стране

проблему «полицейского произвола» в отношении чернокожих американцев. Кроме того, накануне протестных акций была проведена работа по формированию общественного мнения о том, что чернокожих американцев от коронавируса COVID-19 гибнет гораздо больше, чем белых американцев. С практической точки зрения, реализация технологий ненасильственного сопротивления осуществлялась через подрыв у населения доверия к государственному институту и правоохранительной системе в целом, включая традиционный захват уличного пространства. Причем в ходе массовых выступлений в США механизм подрыва правоохранительной системы государства включал несколько этапов, начиная от «возвышения толпы над порядком», «ограничения полномочий полиции» и «публичного признания недееспособности правоохранительных органов представителями органов власти» и заканчивая «сложением полномочий и сдачей городского пространства»²².

Как правило, за успешной реализацией данной технологии будет следовать реформа правоохранительной системы или как минимум изменение кадровой политики и обновление ее за счет кадров, лояльных той политической элите, которая будет находиться у власти.

Отметим, что в процессе дестабилизации общественно-политической ситуации в стране используются возможности современной трансформации информационно-коммуникационного и медийного пространства в целом, с широким применением виртуальной реальности и фейковых технологий²³ как элементов «гибридного воздействия», а также новых цифровых манипуляций, например таких, как Deep Fake Technology. Эта технология заключается в использовании искусственного интеллекта для создания и редактирования вполне реалистичных аудио- и видеозаписей различных людей. Для этого при-

²² Сурма И.В. Внешнеполитические вызовы и угрозы цифровому суверенитету государства // Сборник докладов участников XIII международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». 22–27 апреля 2019 г. Гармиш-Партенкирхен, Германия. М.: НАМИБ, 2020. С. 136–146.

²³ Там же.

меняются возможности различных нейронных сетей, таких как рекуррентные (Recurrent Neural Network, RNN), сверточные нейронные (Convolutional Neural Network, CNN) и генеративно-сопоставительные сети (Generative Adversarial Network, GAN), которые являются своего рода алгоритмом, способным создавать новые данные из существующих наборов данных (датасетов). Например, GAN может анализировать тысячи записей голоса конкретного человека, а затем на основе этого анализа создать полностью новый аудиофайл с таким же точно голосом, использующим те же самые речевые шаблоны.

Популярность Deep Fakes растет, а программы для их создания находятся в открытом доступе. С их помощью пользователи могут прикидываться Ким Чем Ыном, менять внешность президента Аргентины Маурисио Макри на внешность Адольфа Гитлера и т.п. С помощью таких программ можно создавать множество провокаций, не только абсурдных, но и более тонких, таких, в которые легко поверить. Скорее всего со временем Deep Fakes выйдут на уровень, когда отличить оригинал от копии без специальных инструментов будет попросту невозможно. А может быть, фейки будут даже более убедительными (например, если вспомнить, как Чарли Чаплин занял на конкурсе двойников только 3 место).

Беспокойство вызывает тот факт, что существует возможность использования данной технологии для создания и распространения фейковых аудио- и видеозаписей мировых лидеров, политиков и других публичных персон. Например, Deep Fakes известного политика, который якобы выступает с расистскими лозунгами, может существенно повлиять на результаты выборов или даже спровоцировать акты насилия.

Эти технологии напрямую касаются гигантов мирового ИТ-рынка, которые пытаются по-своему бороться с обилием фейковых аудио и видео. Например, Твиттер удаляет фейковый контент и ищет пути более качественного его отслеживания, Фейсбук инвестировал 10 млн долларов на создание организации «DeepFake Detection Challenge», а Google собрала огромный архив DeepFake-видео для анализа.

И тут на помощь может прийти тот же самый искусственный интеллект, который великолепно справляется со сбором, анализом, сортировкой и передачей данных, улучшая скорость и качество реали-

зации внутренних процессов. А технология блокчейн обеспечивает нормальную работу искусственного интеллекта и защищает данные и их последовательность от любых посягательств извне. Поэтому симбиоз искусственного интеллекта и технологии блокчейн является наиболее перспективным направлением.

Сегодня осуществляются исследования практически во всех областях современного искусственного интеллекта, в том числе распознавания изображений, управления знаниями, интеллектуальной визуализации и моделирования, многоагентных систем, речевых и неречевых технологий, интеллектуальных пользовательских интерфейсов и робототехники.

Искусственный интеллект (ИИ), как и все технологии Четвертой промышленной революции, в реальной жизни реализуется в трех основных направлениях: для развития экономики, общества и укрепления безопасности граждан; для военных целей; для целей криминального характера. Сегодня более 30 стран, включая Россию, разработали национальные стратегии развития искусственного интеллекта. В России, например, была создана так называемая экосистема развития искусственного интеллекта, неизменным ядром которой выступают Газпромнефть, Сбербанк, группа Mail.ru, Яндекс, Российский фонд прямых инвестиций, МТС и ряд компаний-разработчиков.

Еще раз подчеркнем, что для современного этапа характерно очень быстрое развитие технологий искусственных нейронных сетей, имитирующих работу биологических нейронов живых существ. В этом отношении является весьма интересным проект Blue Brain, базирующийся в Швейцарии, в котором исследуется работа ансамблей нейронов. Другой проект, SyNAPSE, финансируемый DARPA и корпорацией IBM, ставит своей задачей создание физической копии человеческого мозга, воплощенной в виде специальных микросхем с искусственными нейронами. Это направление получило название нейроморфной электроники. Аналогичные проекты развивает также и Китай. Тем не менее в настоящий момент исчерпывающее моделирование человеческого мозга невозможно в силу ограниченных возможностей современных суперкомпьютеров (для этого требуется производительность в десятки и сотни эксафлопс, то есть на 3–4 порядка больше достигнутой ныне). По данным 2020 г., самым мощным является суперком-

пьютер Summit (IBM, Национальная лаборатория Ок-Риджа, США)²⁴. В 2018 г. Summit стал первым суперкомпьютером, преодолевшим эксафлопный барьер. Анализируя геномные данные, он достиг пиковой пропускной способности в 1,88 эксафлопс, что составляет почти 2 миллиарда миллиардов вычислений в секунду. Вторым по мощности является суперкомпьютер Sierra (IBM, Ливерморская национальная лаборатория им. Лоуренса, США), который специально предназначен для оценки эффективности систем ядерного оружия и используется для прогнозных применений в управлении запасами в американской программе испытаний надежности и технического обслуживания ядерного оружия без каких-либо ядерных испытаний. К этим двум суперкомпьютерам приблизились китайские суперкомпьютеры Sunway TaihuLight (NRCPC, Национальный суперкомпьютерный центр в Уси, Китай) и Tianhe-2A (NUDT, Национальный суперкомпьютерный центр в Гуанчжоу, Китай)²⁵. Первый из них, в дополнение к наукам о жизни и фармацевтическим исследованиям, используется для моделирования Вселенной с десятью триллионами цифровых частиц, а второй в основном используется в приложениях моделирования, анализа и государственной безопасности. Причем Китай пытается достичь гораздо большего и уже официально заявил о своей цели стать лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г.

Следует отметить, что сегодня развитие искусственного интеллекта еще не является предметом какого-либо управления, но технология развивается гораздо быстрее, чем нормативно-правовое поле и дипломатические возможности. Тем не менее в международном поле договариваться о «правилах игры» уже необходимо сейчас. Но Европа остается относительно инертной, несмотря на расцвет общественных дебатов, при том что Соединенные Штаты, видимо, склоняются в сторону отмены своих мультилатеральных обязательств. Тем не менее все большее число новых участников, как государственных, так и негосударственных, заинтересованных в развитии потенциала искусственного интеллекта, нуждается в выработке мультикомпонентного управ-

²⁴ New-Science.ru. — URL: <https://new-science.ru/12-samyh-bystryh-superkompjuterov-v-mire-v-2020-godu/>

²⁵ Там же.

ления, где могли бы взаимодействовать правительства, гражданское общество и частные игроки, примерно как это происходит в Интернете. Были выработаны относительно ценные положения для регулирования процессов применения искусственного интеллекта и Big Data, которые содержатся в Европейской Этической Хартии использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительных системах, принятых Европейской Комиссией в декабре 2018 г., в итоговом заключении Конференции высокого уровня Совета Европы по вопросам развития влияния искусственного интеллекта на права человека и верховенство права в феврале 2019 г., а также в отчете об алгоритмических инструментах оценки рисков в системе уголовного правосудия США, принятом в начале 2019 г. Партнерством по искусственному интеллекту, в которое входят более 80 корпоративных разработчиков и пользователей искусственного интеллекта. Кроме того, важнейшие позиции по регулированию искусственного интеллекта закреплены в Принципах ответственного управления надежным искусственным интеллектом, которые поддержала в мае 2019 г. Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР).

Сегодня можно четко определить проблемные зоны и угрозы, реализуемые уже на данном этапе, и те, которые возможны в будущем²⁶:

- угрозы, связанные с использованием Big Data/нейросетей/Deep Fakes и бэкдоры в нейронных сетях;
- вмешательство через влияние посредством искусственного интеллекта на общественное мнение, в том числе, например, за счет вирусного распространения информации;
- проблема идентификации ответственных за вмешательства (помимо сложности в идентификации с точки зрения влияния одного государства на другое, идентификация усложняется еще и за счет возможности влияния отдельного гражданина/группировки (самое очевидное — террористической) и непреднамеренного влияния из-за сбоя в автоматизированных системах искусственного интеллекта);

²⁶ Сурма И.В. Виртуальное противоборство и кибербезопасность: внешнеполитические вызовы и угрозы // Сборник материалов круглого стола «Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации». М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 481–497.

— искусственный интеллект — технология двойного назначения;

— потребность в многостороннем сотрудничестве и необходимость создания нормативно-правовых механизмов межгосударственного взаимодействия с целью обеспечения безопасности как в целом (по причине возможной и вероятной милитаризации искусственного интеллекта и появления новой формы гибридной войны, а также начинающейся новой гонки вооружений), так и в киберпространстве.

Отметим важную и ответственную роль и инициативы России на международных площадках по этим вопросам, которая предложила план международного сотрудничества в области создания нормативных актов для искусственного интеллекта в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также выступила с инициативой разработки пакета предложений, касающихся системы мониторинга безопасности использования искусственного интеллекта на международном уровне и динамической системы оценки рисков и последствий внедрения искусственного интеллекта в области информационно-коммуникационных технологий.

Вызовы и угрозы в информационной сфере и меры по противодействию им. Сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стала в настоящее время ареной противостояния между ведущими участниками мировой политики. Отличительной характеристикой современной международной обстановки являются непрекращающиеся попытки некоторых стран использовать свои преимущества в экономико-технологическом развитии и превосходство в вооруженной силе с целью:

— навязывания другим государствам представлений о должном международном порядке;

— разрушения международного права и его замены стандартами и правилами, удобными некоторым западным странам и отражающими их представления о добре и зле как основании для применения силы в нарушение Устава ООН и в обход Совета Безопасности ООН.

В Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности четко выделены ключевые виды угроз в информационно-коммуникационной среде. Это прежде всего:

— использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических и иных сферах для подрыва суверенитета и территориальной целостности государств и иных действий в ИКТ-среде, препятствующих поддержанию международного мира, стабильности и безопасности;

— использование ИКТ-технологий в террористических (пропаганда терроризма и привлечение новых сторонников) и экстремистских целях, включая вмешательство во внутренние дела суверенных государств;

— применение ИКТ-технологий для кибератак на информационные ресурсы государства, включая критическую информационную инфраструктуру;

— использование ИКТ-технологий в криминальных целях для совершения киберпреступлений и различного вида мошенничеств;

— использование отдельными странами технологического доминирования в глобальном информационном пространстве, включая монополизацию этой сферы и ограничение доступа других стран к передовым ИКТ-технологиям, для усиления их зависимости и информационного неравенства.

Кроме того, обостряются и разногласия в основных подходах различных стран к определению приоритетов в противодействии этим угрозам, а также к поиску взаимоприемлемых компромиссов, в частности в работе Групп правительственных экспертов ООН по достижениям в области информатизации и коммуникаций в контексте обеспечения международной безопасности (работавших в 2016–2017 и 2018–2019 гг.), а также сессий Генеральной Ассамблеи ООН (2018 и 2019 гг.). С одной стороны, в международном сообществе существует единство в понимании необходимости применения международного права к регулированию основных отношений в информационно-коммуникационной сфере, а с другой, ряд стран существенно расходятся в представлениях о путях и способах решения этой задачи. Например, в вопросе о создании условий для практической реализации рекомендованных Группой правительственных экспертов (Доклад 2015 г.) правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде не удалось достичь согласования базовых позиций. Прежде все-

го отсутствует общее видение подходов к разрешению противоречий в вопросе о методах и способах применения международного права в информационно-коммуникационном пространстве. Это нисколько не приближает к цели, поставленной Генеральной Ассамблеей ООН, а именно к созданию открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной среды информационно-коммуникационных технологий. 26 ноября 2020 г. на заседании коллегий министерств иностранных дел Российской Федерации и Белоруссии Министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров отметил: «В нашей повестке дня стоит вопрос международной информационной безопасности. ... Очевидно, что без универсальных договоренностей мир рискует погрузиться в киберхаос, последствия которого могут оказаться катастрофически».

Усилия России в этой сфере очевидны. Начиная с 2019 г. по инициативе Российской Федерации под эгидой ООН начал работать созданный профильный переговорный механизм по данной проблеме — Рабочая группа открытого состава (РГОС), что явилось одним из немногих позитивным фактором в области формирования современной системы международной информационной безопасности. Сегодня в поле интересов международных экспертов различных стран по наиболее актуальным проблемам международной информационной безопасности находятся следующие направления:

- совершенствование нормативного регулирования отношений в ИКТ-среде;
- меры укрепления доверия между государствами в ИКТ-среде;
- практическое применение правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде;
- сотрудничество в области предотвращения конфликтов, обусловленных инцидентами в ИКТ-среде и использованием информационно-коммуникационных технологий способами, приводящими к нарушению международного мира и безопасности;
- применение международного права к отношениям в ИКТ-среде для предотвращения злонамеренного и агрессивного использования информационно-коммуникационных технологий.

Актуальность приведенных проблем подтверждается, в том числе, и содержанием целого ряда встреч и дискуссий, проведенных в рам-

ках Рабочей группы открытого состава ООН и в ходе обсуждения проекта итогового документа по результатам работы РГОС.

Кроме того, российской стороной было предложено выработать глобальную конвенцию по борьбе с киберпреступностью, которая получила поддержку многих стран мира.

Сегодня для России необходимо сохранить преемственность своего стратегического курса на предотвращение конфликтов в информационном пространстве, следует более энергично продвигать российские инициативы и активизировать участие в переговорном процессе как в двустороннем формате, так и на площадках международных структур и форумов, прежде всего, конечно, Организации Объединенных Наций, по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий. Тем более что в последние годы ООН уделяет серьезное, повышенное внимание вопросам обеспечения безопасности и развития международного информационного пространства и необходимо добиваться, чтобы российские инициативы и предложения на площадке этой универсальной организации воплощались в конкретные решения.

Также весьма важно активно развивать диалог по вопросам международной информационной безопасности, проводя на регулярной основе двусторонние и многосторонние экспертные консультации, согласование позиций и основных направлений сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ), объединения БРИКС, государствами — членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), «Группы двадцати», другими государствами и международными организациями.

Самое серьезное внимание необходимо уделять формированию механизмов практического сотрудничества в обеспечении безопасности глобальной информационной среды, и прежде всего в вопросах обеспечения безопасного и стабильного функционирования и развития сети «Интернет» на основе равноправного участия стран — членов мирового сообщества в управлении данной сетью и повышении роли Международного союза электросвязи в этом управлении. Здесь

существует достаточно широкое поле для сотрудничества, от обмена опытом и совместного реагирования на компьютерные инциденты до программ подготовки кадров и проведения совместных научных исследований. Кроме того, необходимо развивать сотрудничество с правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств и международными организациями по вопросам противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий, включая сеть «Интернет», в террористических целях, в том числе и для пропаганды терроризма и экстремизма, и для привлечения к террористической деятельности новых агентов.

В заключение отметим, что следует решительно опираться на потенциал и возможности научных и экспертных кругов, делового сообщества и, конечно, Национальной ассоциации международной информационной безопасности. Для этого необходимо укреплять действующие и формировать новые международные дискуссионные площадки как в России, так и за рубежом. И в рамках продвижения российских инициатив по формированию системы обеспечения международной информационной безопасности требуется проработка инструментов и формата участия представителей российского научного и экспертного сообщества в научно-исследовательском, аналитическом и научно-методическом международном сотрудничестве.

Конечно, для формирования, совершенствования и эффективной реализации государственной политики, определенной в новой редакции Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, нужна системная и результативная деятельность соответствующих органов власти. Здесь, прежде всего, важна координирующая роль аппарата Совета безопасности, а также Министерства иностранных дел Российской Федерации по продвижению на международной арене позиции России по вопросам обеспечения международной информационной безопасности и в пределах своей компетенции во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, в том числе в форматах целевых межведомственных групп и на основе государственно-частного партнерства.

Штоль Владимир Владимирович

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЛИДЕРСТВО И МЕССИАНСТВО В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В период глобальной эволюции усилилось соперничество великих держав в борьбе за контроль над миром и лидерство в нем. Побеждает, как правило, тот, кто по своему суммарному материальному и интеллектуальному потенциалу, внешнеполитической активности превосходит других и диктует им прямо либо опосредованно свои правила игры. Их стали называть великими державами. Это может быть лидер в цивилизационном аспекте или просто геополитический гегемон.

Но в этом ли только заключается суть феномена лидерства в контексте будущего? Ведь роль лидера заключается во вкладе в развитие цивилизации, хотя бы в виде «мягкой силы», «умной силы» и т.д., хотя эти инструменты широко использовались во все времена (подарки, подношения, междинастические браки, а также интриги, яды, санкции и т.д.).

Вопрос заключается в том, насколько эти государства, позиционирующие себя «властителями мира», соответствуют понятию «государство-лидер».

Термин «лидер» неизбежно интерпретируется через ценностную систему объекта и его образные стереотипы, находящиеся в глубинных структурах национального языка, в его парадигмах. И поэтому каждая лингвистическая общность, объединенная языком, имеет дело со своим особым миром, с особой вселенной смыслов. Иерархия выстраивается в соответствии с национальной ценностной системой и критериями в ту или иную эпоху (военная и экономическая мощь государства, уровень развития технологии и науки, культуры и образования, принадлежность к конфессии и т.д.). При этом и геополитическая конкуренция формировала особую великодержавную (имперскую) психологию, которая была проникнута духом превосходства и особенности, патернализма и культуртрегерства, а также экспанси-

онизма по отношению к внешней среде. Рост великодержавных настроений у политических элит и общества, как правило, происходит на определенном этапе существования государства, когда достигнут значительный эффект в развитии социально-экономической базы, политической консолидации, культурной ассимиляции внутренних периферий, т.е. существует достаточная основа для внешней экспансии этнокультурных ценностей, политической культуры и социального опыта.

Источником формирования психологии великих держав является и имперский синдром как таковой. Он всегда глобален, пределы его территориальной и идеологической экспансии безграничны, и он мифологичен. Глобальность притязаний определяет и особую психологию и общества, и внешней политики страны, и ее отношения с другими государствами. Более того, до определенного времени имперский миф психологически чрезвычайно комфортен для восприятия коллективным сознанием, так как несет в себе компенсаторную возможность ухода от неоднозначного выбора и сложностей личной самоидентификации, дает ощущение важности любых личных жертв во имя сохранения «великой и уникальной» государственности — защиты единоверцев, распространения какой-то универсальной идеи. В рамках этого мифа человек легко социализируется и, как правило, становится патриотом. Одновременно снижается внутригосударственная конфронтационная дихотомия, переходя во внешнее пространство.

Компенсаторное социально-психологическое состояние продолжаться вечно не может. Прекращение воздействия имперского мифа на общество происходит, когда он исчерпывает свои политико-психологические возможности и в стране возрастает дифференциация населения и появляются ценности, отличные от ценностей имперского мифа.

Непосредственным поводом для краха имперского мифа в истории всегда был распад империи после поражения в войне, череде неудачных войн, потере части территории или внутренней революции. Но речь шла не просто о территориальных утратах, а о возникновении особого психического состояния общества — «постимперском синдроме», для которого характерна совокупность признаков комплекса

пораженчества, имеющих общий механизм возникновения и характеризующих общественное сознание в условиях его кризиса.

В настоящее время только некоторые великие державы имеют исторические имперские корни. Причем большинство из них осуществили это через политическую модернизацию (отказались от своих колоний или изменили форму государственного устройства, перейдя, например, от монархии к демократии) и психотерапию сознания (адаптацию к новым реальностям), в итоге став современными государствами. Но это происходило не просто, а весьма болезненно и даже с попытками сохранить (вернуть) империю и удержать стремящиеся к независимости народы силой (например, Британская империя и Индия).

Классическим примером постимперского синдрома может быть внутриполитическая ситуация во Франции во время и после Алжирской войны и войны в Индокитае. Другим примером может быть Португалия, которая стала последней колониальной империей. В прошлом ей принадлежало более половины мира. Она была первым европейским государством, начавшим масштабную колонизацию с одновременным осуществлением миссионерской и культуртрегерской деятельности за пределами Европы, с экспортом европейских ценностей и знаний. Все это сформировало у страны типичную великодержавную психологию. Борьба Португалии за сохранение своих владений в Африке носила длительный и жесткий характер, итогом которой было поражение. Постимперский синдром привел к политическому кризису и революции «красных гвоздик», а как следствие — свержению диктаторского режима (1974 г.)

Постимперский синдром преодолевается по-разному. Например, через формирование нового мифа и новой системы ценностей или мобилизацию на развитие и стратегический прорыв.

В настоящее время к великим державам можно отнести США, Китай, Россию, а также такую неординарную структуру, как Евросоюз. Но здесь важны не радиопоказатели (совокупная государственная мощь), а еще и самоощущение себя великой державой и понимание этого обществом. Данное особое психическое состояние, с одной стороны, мобилизует на прорыв, глобальную ответственность и «великие дела», а с другой — воссоздает «имперский дух» и имперскую

политику. Последнему способствует отсутствие рефлексии коллективного бессознательного и рефлексивного управления, постоянной психотерапии политического и общественного сознания.

В Новейшей истории признание мировым сообществом высокого статуса какого-либо государства означает, что в соответствии с международным правом страны соглашаются с его правом применять свои ресурсы в определенных ситуациях (например, осуществление миротворческой миссии, гуманитарной интервенции; урегулирование международного или внутрисоциального конфликта и т.д.) от имени и по поручению ООН как единственной организации, в которую входят все без исключения страны мира на равноправной основе. На практике часто западные державы или не справляются, или злоупотребляют предоставленными им полномочиями¹. Более того, они берут на себя некую миссию. Но за мессианской деятельностью почти всегда стоят конкретные интересы геополитики и геоэкономики, которые меняются, а стремление к мессианству все равно сохраняется.

Если проанализировать мировую историю с точки зрения того, кто и почему был страной (империей)-лидером, то на статус государства-лидера в определенные исторические эпохи претендовали, например, такие империи, как: Римская и Китайская, Александра Македонского и Чингисхана, Великих Моголов и Карла Великого². Эти государственные образования отличались не только своей военной мощью и геополитическим влиянием, но были и системообразующим ядром региональных цивилизаций, обладая передовым для своего времени технологическим, научным и культурным потенциалом.

Исследователи утверждают, что по многим своим качествам эти империи были лидерами глобального развития³, внося свой вклад

¹ *Матар Дж.* Двойные стандарты в международных отношениях. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20160802/237396789.html>.

² *Фортуатов В.В.* История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2011.

³ *Моммзен Т.* История Рима. В 5 т. / пер. с нем. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1936–1949; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира / пер. с фр. М.: Прогресс, 1992.

в человеческую цивилизацию. Пожалуй, именно с этих позиций и следует оценивать государство в контексте понятия «лидер» в исторической ретроспективе.

Как отмечал известный швейцарский филолог-эллинист Андре Боннар, «цивилизации в своем развитии проходят путь созданий природы, например растений. Они зарождаются, развиваются, укрепляются; достигая эпохи своего классицизма, они расцветают, затем увядают, старятся, клонятся к упадку, гибнут. Возможно, однако, что они совсем не гибнут. Они сохраняются для людей будущего, как тоска по родине, как шелест воспоминаний об их прошлом, и потомкам иногда случается согласовывать с ними свои замыслы, свои новые творения. Даже потерпев неудачу, они являют собой надежды несбывшиеся, но и не превратившиеся в ничто, а живые и действенные в памяти человечества»⁴. Более того, Боннар утверждал, что «эти периоды упадка, эти “наклонные плоскости” цивилизаций не всегда целиком отрицательны и бесплодны: они еще создают новое; они ставят перед человечеством новые, иногда более сложные проблемы. ...Периоды упадка — это также и периоды открытий; цивилизации скорее изменяются, чем умирают, их существование — непрерывное возрождение»⁵.

Например, Европа получила в наследство от античной цивилизации не только римские дороги и право, но и идею империи как института, а главное — идею демократии как формы общества, обеспечивающей достаточный для развития уровень разнообразия.

Античная цивилизация возродилась в Ренессансе, деятельности просветителей и идеях Французской революции, когда Франция на какой-то период стала лидером, на нее обращал внимание весь мир. Как констатировал французский историк Мишель Фуше, «революция 1789 года имела двойное значение для Европы. Она породила универсальные идеалы: права человека, политическое равенство, гражданство»⁶, т.е. именно то, что делает из человека

⁴ Боннар А. Греческая цивилизация. В 3 т. Т. 3. От Еврипида до Александрии / пер. с фр. М.: ИЛ, 1958. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. Эссе / пер. с фр. М.: Международные отношения, 1999. С. 34;

личность. При этом «свободолюбивая» Америка неоднозначно приняла результаты революции⁷. По словам известного исследователя американской цивилизации В. Паррингтона, «внеся... социальный идеализм в политическую мысль, революция не только возвысила демократический идеал, но и создала философскую основу, отсутствие которой серьезно мешало демократам во время великой контрверсии. И эта новая философия... обладала непосредственной притягательной силой для огромного большинства, которое все еще оставалось лишенным политических прав. Она пробудила в нем политическое самосознание и усилила последующее размежевание классовых сил. Страна резко разделилась на левых и правых, и по мере развития событий во Франции политические споры становились все более острыми. Объявление Англией войны Франции привело Америку к политическому кризису и обострило партийный раскол. Федералисты встали на сторону Великобритании и яростно обрушились на демократическое движение, нападая на него со все большим ожесточением. Демократы же объявили себя сторонниками Франции и поносили всех аристократов с истинно республиканским пылом, становясь все радикальнее по мере усиления французского якобинства...

Вначале вся Америка искренне сочувствовала новому движению во Франции... Однако с приходом к власти жирондистов среди американцев наметился раскол: Гамильтон, Джон Адамс и другие крайние федералисты осудили Францию и отшатнулись от нее; а с усилением якобинства партийный раскол стал еще более острым и резким. По всей Америке либералы стали создавать демократические клубы... Федералисты яростно напали на демократов...

Фюре Ф. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998; *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. 1789–1793. М.: Наука, 1979; *Palmer R.R.* The World of the French Revolution. N.Y., 1971.

⁷ The United States and the French Revolution, 1789–1799. — URL: <https://history.state.gov/milestones/1784-1800/french-rev>; *Александренко В.Н.* Внешняя политика САСШ и учение Монроэ// Журнал министерства юстиции. 1903. № 4. С. 143; Effects of the French Revolution in U.S. — URL: http://www.publicbookshelf.com/public_html/Our_Country_vol_2/effects_of_bfi.html.

Вокруг движения быстро создалась атмосфера *odium theologicum*⁸, которая распространилась на всю демократическую философию. Имевшие добрые намерения, но невежественные джентльмены видели в якобинстве одно безбожие и безнравственность. Джон Адамс восклицал, что он не знает, “что можно ждать от республики, состоящей из тридцати миллионов безбожников”, и приписывал этот при- скорбный итог деятельности “энциклопедистов и экономистов Дидро и Д’Аламбера, Вольтера и Руссо” и их безумным учениям о “равенстве людей и имущества”⁹.

Стоит отметить, что в Америке рабство официально было отменено только в декабре 1865 г., т.е. через 76 лет после революции во Франции. И все равно даже сейчас, через 156 лет, Соединенные Штаты остаются расовым государством с тяжелейшими проблемами. Только в 2020 г. изгоями общества стало белое население (хотя афроамериканцев всего 15%), что можно объяснить только политической целесообразностью (!) тех, кто манипулирует американской внутренней политикой.

Европейские монархи с ужасом восприняли события в Париже конца XVIII в.¹⁰ Следующий век, XIX, в Европе прошел под тезисами «Манифеста коммунистической партии», в частности основного его постулата: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» и борьбы рабочих за свои права.

После окончания Первой мировой войны на статус мирового лидера в идеологическом плане общемирового цивилизационного развития претендовала Советская Россия, которая попыталась развить появившуюся в Европе социалистическую идею и реализовать ее в формате «Советское государство».

После Второй мировой войны уже Советский Союз предложил миру некую универсальную модель «социальной гармонии». Как

⁸ Религиозная ненависть (*лат.*).

⁹ *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. В 3 т. М.: ИЛ, 1962. Т. 1. Система взглядов колониального периода (1620–1800). С. 399–401.

¹⁰ *Надлер В.К.* Меттерних и европейская реакция. Харьков: Университетская типография, 1882.

было отмечено в одном из документов КПСС, СССР «является ярким примером и самым могущественным оплотом для народов всего мира в борьбе за... социальный прогресс»¹¹.

Тот факт, что изначально заявленные социальные идеи, например Французской революции (1789–1794 гг.) и Октябрьской революции в России (1917 г.), не реализовались, вовсе не исключает значимости этих идей как таковых. При эволюции человеческой цивилизации возникла потребность в социальной гармонии и справедливости или хотя бы в каком-то балансе социальных интересов, пусть и на перспективу как ориентир, так как существуют проблемы будущего человеческой цивилизации и планеты Земля, которые необходимо решать¹².

СССР внес огромный вклад в мировую историю, так как идеи социализма были приняты целым рядом стран и народов третьего мира, поспособствовав обретению многими из них независимости. В определенной степени достижения Советского государства являлись ориентирами и для западных государств в их социальной политике.

Можно также говорить о бесценном советском опыте толерантности, достигнутом в многонациональном и многоконфессиональном государстве, о практике культурной модернизации общества. Поэтому бесспорно, что даже при всех существовавших «но» СССР был одним из цивилизационных лидеров в мировой истории. Советский Союз объективно внес свой вклад в глобальное развитие человеческой цивилизации, в частности победив во Второй мировой войне фашизм и принеся свободу народам Европы и Азии.

После распада СССР заявку и на статус единственной сверхдержавы и абсолютного мирового лидера сделали Соединенные Штаты Америки. Тезис о том, что «США — мировой лидер», конечно, может оспариваться, как и могут оспариваться любые претензии на это других государств, хотя бы потому, что неопределенность развития человеческой цивилизации остается. На звание модели «светлого» бу-

¹¹ Программные документы борьбы за мир демократию и социализм. М.: Госполитиздат, 1961.

¹² *Мазур И.И., Чумаков А.Н., Кацура А.В.* Планетарное человечество. На краю пропасти. М.: Проспект, 2016. С. 15–17, 33–34.

дущего вряд ли сейчас кто-то может претендовать, хотя бесполезно отрицать большие технологические, финансовые и военные возможности США.

Целесообразно в методологическом плане рассмотреть, что скрывается по существу за терминами «полюс», «центр силы», «сверхдержава», «государство-мессия», т.е. «спаситель мира».

Мессиянство как мироощущение исходит из того, что мир по определению несовершенен, следовательно, его необходимо изменить, спасти от катастрофы. А вот истоки же самого понятия «мессия» надо искать в эпохе распространения мировых религий.

Сегодня государства-лидеры по-разному видят свою роль в эволюции. Одни усматривают свое предназначение в обеспечении международной безопасности; другие — в культуртрегерстве / модернизации; третьи — в распространении определенной идеологии.

В XIX и начале XX в. наиболее развитым политическим и международно-правовым опытом в области регулирования международных отношений обладали именно европейские державы, включая Россию¹³. Очевидно, что войны и восстания заставили их политические элиты задуматься над вопросами мироустройства, включая проблемы социальных и идейных истоков международного насилия, соотношения внутренней и внешнеполитической деятельности и стабильности, путей ее достижения и т.п. В указанный период европейские державы неоднократно собирались на международные конференции, на которых вырабатывались основы международного права и модели безопасного мироустройства¹⁴.

И сегодня Европейский союз является особым цивилизационным полюсом. Он стимулировал свое развитие за счет расширения европейского пространства и продвижения своих исторических ценностей, истоки которых следует искать в эпохе крестовых походов,

¹³ *Bridge R.* Europe's Balance of Power, 1815–1848 // *Allied Diplomacy in Peacetime: The Failure of the Congress 'System', 1815–23* / Alan Sked. 1979.

¹⁴ *Талейран Ш.-М.* Мемуары. М.: Academia, 1934; *Ермошин В.В.* Проблема мира в политико-правовых учениях Нового времени. М.: Наука, 1989; *Файф Ч.А.* История Европы XIX века. В 3 т. М.: К.Т. Солдатенков, 1889–1890.

империи Карла Великого, Великих географических открытий, Ренессанса и Просвещения. Испытанием для Европы стала массовая миграция беженцев из стран третьего мира (Азии и Африки). Как отмечают исследователи, наблюдается не просто численный рост иммигрантов в странах Евросоюза, но идут изменения в культурном облике Европы как цивилизационного пространства, происходит рост неевропейской составляющей, представители которой не принимают европейские ценности. С мигрантами в Европу приходит их цивилизация, и прежде всего афро-азиатская культура. Поэтому возможно размывание и даже вытеснение традиционной европейской культуры вследствие растущей экспансии иноевропейских культурных традиций. В этом случае неопределенность глобального развития возрастает, что может привести к изменению в балансе мировых цивилизаций.

Современная Европа своей миссией считает международное сотрудничество в сфере глобальной безопасности и традиционно — распространение гуманистических и демократических ценностей, хотя современный европейский либерализм доведен до абсурда (вроде ЛГБТ-сообществ, провалившейся политики толерантности и мультикультурализма).

У Российской империи также была своя великодержавная миссия. Начало положила теологическая и мировоззренческая идея «Третьего Рима»¹⁵. Культивируемая в течение нескольких столетий, эта идея в конечном итоге трансформировалась во внешнеполитическую миссию — освобождение от османского ига славянских и православных народов Балкан и их единение под эгидой России. В концепции панславизма центральное место занимала оппозиция: «Россия — страны романо-германской Европы»¹⁶. Это выражалось в создании и обосновании концепции единения/объединения народов и государств славянской этноязыковой группы. Как бы ни относиться к названным идеям, но они привели к пониманию российской национальной самобытности. Идеи славянофилов способствовали развитию общественного

¹⁵ Палеолог М., Штоль В. Православная церковь и истоки ирредентизма в Восточной и Юго-Восточной Европе // Обозреватель — Observer. 2013. № 7. С. 10.

¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Эксмо, 2017.

сознания, пониманию собственной культуры и ее самодостаточности. Ряд сторонников панславизма выступали за создание политического союза, а некоторые даже за объединенное государство всех славян и православных. В панславизме присутствовал и свой гуманистический потенциал — освобождение славян от иноземного насилия.

Русская традиция была заимствована Советским Союзом в формате социалистической идеи как альтернативы европейскому либерализму. Социалистическая идея в СССР имела четко выраженный мессианский характер. Советский Союз не только пытался распространять свое идеологическое влияние, но и поддерживал революционные и национально-освободительные движения в колониях, а также страны социалистической ориентации. Кроме того, СССР своей важной миссией на мировой арене считал борьбу за сохранение и укрепление всеобщего мира.

В свою очередь, преувеличение оценки Соединенными Штатами своего вклада в победу над Третьим рейхом во Второй мировой войне при умелом использовании социально-экономических и политических проблем Западной Европы, в том числе страха перед военным потенциалом СССР, возможно сильно преувеличенным в 1945 г., обеспечило им послевоенный рост суммарной мощи, укрепило их изначальное мессианство, «веру в то, что Америка — помазанница божья»¹⁷. Более того, американская модель общества уже стала рассматриваться как нечто универсальное: начинается продвижение/экспансия американского образа жизни¹⁸. Кстати, стоило бы понять, в чем заключается эта «особость». Может быть, в жестком освоении Запада, что нашло отражение в концепции «Манифест судьбы»¹⁹ (1845 г.), идея которой

¹⁷ Шлезингер А. Циклы американской истории / пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 83.

¹⁸ *Иноземцев В.Л.* США в новом столетии: лидер или империя? // Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. С. XXXI.

¹⁹ Общее понятие «Манифест судьбы» включало в себя не только мандат на территориальный экспансионизм, но и понятия индивидуализма, идеализма, американской исключительности, романтического национализма, белого превосходства и веры в присущее ему величие того, что называлось «англосаксонская раса». При этом предполагается, что коренные народы

сводится к «божественному предназначению американской нации» и заключается в ее миссии в расширении на запад Североамериканского континента, а также в агрессивной политике «изоляционизма», позволившей США получить максимум геополитических выгод по итогам Первой и Второй мировых войн при минимальных своих материальных затратах и человеческих потерях?

Мессианское предназначение США является составной частью национального самосознания американцев, которое генетически наследует рациональную ментальность пуритан — переселенцев из Англии. В борьбе североамериканских колоний за выживание и независимость от метрополии — Британской империи — произошел своеобразный синтез изоляционизма первых общин переселенцев и рационалистических идей, свободных от традиций Старого Света. В общественном сознании утвердились принципы свободы и представления о превосходстве заокеанской цивилизации над старым миром. Эти представления послужили основой для формирования мифа об американской исключительности как главного источника мессианизма, т.е. убежденности, что североамериканское общество может и должно продемонстрировать всему миру образец правильного жизнеустройства и оказать помощь всем остальным в его организации.

Так, своеобразно трансформированный пуританский миф оформился и получил свое развитие в мессианской глобальной политике США во второй половине XX в. — это период холодной войны и борьбы против СССР как «Империи зла».

На Востоке в роли миссионеров выступали такие страны, как Китай и Япония, хотя они и не выходили за пределы своего региона. Исследователи отмечают, что «первоначальное самосознание китай-

примитивны, «другие», их образ жизни и мышление требуют социализации, сегрегации или, если необходимо, уничтожения, а англосаксы должны оккупировать землю и использовать ее для таких полезных целей, как сельское хозяйство (John O'Sullivan on "Manifest Destiny" 1845. — URL: http://www.sonic.net/~scds/resources/US-History/1845_John%20L.%20O'Sullivan,%20On%20Manifest%20Destiny.pdf. — URL: <https://ru.ecolaf.net/5881-msnifest-destiny.html>).

ской общности сформировалось в VII–VI вв. до н.э., став составной частью конфуцианского» восприятия мира²⁰. Основы этого восприятия сохранялись и сохраняются в памяти поколений, влияя прямо или косвенно на их отношение к окружающему миру.

При этом современный Китай все больше и больше осознает себя прямым наследником и продолжателем многотысячелетней «страны-цивилизации» мирового уровня, сохранившей, несмотря на войны, восстания, иностранную оккупацию и кризисы, потенциал к развитию. На протяжении большей части своей истории Китай доминировал в регионе Восточной Азии и оказывал значительное культурное влияние на его развитие. Но первые качественные изменения в представлениях китайского общества обнаруживаются во второй половине XIX — начале XX в. Пересмотр традиционных ценностей был весьма сложным и длительным, а под влиянием социалистических движений в Европе подобное зарождается и в Китае.

Руководители КПК не просто мечтали о восстановлении исторического величия Китая, но и в пику Коминтерну и КПСС стали рассматривать свою страну в качестве потенциального центра всемирной революции, непременно хотели иметь «все свое», включая «собственный» китаизированный марксизм-ленинизм, который позиционировался как идеология модернизации и одновременно исторического реванша страны.

На XIX съезде КПК (18–24 октября 2017 г.) говорилось не только о том, что за последние несколько лет Китай перешел от роли игрока на международной арене к лидеру, определяющему повестку глобальных процессов, но и о том, что необходимо сформировать более справедливые международные отношения нового типа, основой которых являлось бы сотрудничество и взаимный выигрыш. Говорилось, что на примере «китайского пути» человечеству будет продемонстрирована новая модель развития в его поиске лучшего общественного строя.

Соседняя с Китаем Япония исторически не принадлежала к великим державам и долгое время являлась «страной в себе». Ее пери-

²⁰ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 355.

ферийное положение неизбежно рождало комплексы и страхи по отношению к внешнему миру и, как следствие, потенцию к агрессии. Стремясь вырваться из своего островного положения, она попыталась сначала «китаизироваться», а затем «европеизироваться».

В конечном итоге Япония приходит к выводу, что ей предназначена особая судьба и особый путь. Именно с этого момента, как признают сами японские исследователи, «природный» этноцентризм начинает трансформироваться в «концептуальный национализм, в котором избранность японской нации и ее мессианская предназначенность являются основными элементами»²¹. Теперь речь идет уже о том, чтобы бросить вызов как историческому региональному гегемону Китайской империи, так и колониальным державам — европейским метрополиям и стать мировым лидером. Япония — страна-интроверт, и для поддержания этой внутренней национальной идентичности ей нужны были ресурсы. В соответствии с меморандумом Танаки она должна была постепенно завоевать (иногда рекомендовалась ползучая агрессия через торговлю) Китай, Маньчжурию, Монголию, русские территории на Дальнем Востоке и в Сибири, Филиппины, Гавайские о-ва, о. Суматру и о. Яву, Юго-Восточную Азию, Индию и т.д. Все эти планы обосновывались паназиатской доктриной: «Азия для азиатов».

В середине 1920-х гг. в Японии была издана карта, демонстрировавшая структуру японского мира. Центр — сама Япония; вторая зона — острова в Тихом океане, Корея, Маньчжурия и часть Монголии. Это называлось «сферой влияния»; третья зона — Северный Китай и часть Сибири; четвертая — весь остальной Китай, Индокитай, Гавайские о-ва, о. Борнео; пятая зона — Австралия и западные берега Канады и США.

Госсекретарь США Г. Стимсон, оценивая военные действия Токио в Северо-Восточном Китае, считал, что их нельзя рассматривать как случайность, на чем настаивала японская делегация в Совете Лиги Наций. Это заранее спланированные операции, разработанные по указанию высшего военного командования в Токио²².

²¹ Тосака Дзюн. Японская идеология. М.: Прогресс, 1991. С. 85–102.

²² Стимсон Г. Дальневосточный кризис / пер. с англ. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 20.

Победа Японии над Китаем (1894–1895 гг.) и в Русско-японской войне (1904–1905 гг.) подогрела националистические милитаристские настроения японских властных элит, причем победа в Русско-японской войне имела особое символическое значение для японского общества — это была победа над «белой расой». Соответственно, росли амбиции правящих кругов и зарождались экспансионистские планы в отношении всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Экспансионистская политика Японии на континенте осуществлялась под лозунгом глобальной миссии по отношению ко всем народам региона и призывом осуществить паназиатскую солидарность.

Японский премьер-министр Хара Танака в мае 1919 г. открыто заявлял, что «XX век должен стать веком распространения теории национального объединения “цветных народов” и отказа от чуждой цивилизации». Япония, утверждал он, как самая передовая сила в Азии, призвана стать освободителем «цветных народов» от «белого империализма»²³. Обязательным «долгом Японии является сражаться с Россией и вытеснить ее с востока, а затем создать основу для великого континентального объединения, включающего Маньчжурию, Монголию и Сибирь как один регион»²⁴. Более того, в интерпретации военного министра Угаки Япония призвана закрыть дорогу в Азию не только европейскому деспотическому капитализму, но и уничтожить и русский большевизм²⁵. У современной Японии особое место в ряду ведущих западных и азиатских государств. Несмотря на отсутствие пока стратегического военного потенциала, она обладает большой технологической мощью и особой культурой. Сохраняя свои традиции, Япония много восприняла от Запада.

В Османской империи османистические идеи приводят к возрождению мессианской идеи как исторического реванша тюркских наций. Соответственно, ставилась цель борьбы с европейскими колониаль-

²³ Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М.: Наука, 1972.

²⁴ *Сюмпэй Окамото*. Японская олигархия в русско-японской войне / пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. С. 87.

²⁵ Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М.: Наука, 1972. С. 82.

ными империями в союзе с Германией, что явилось одной из причин вовлечения страны в Первую мировую войну, которая закончилась ее поражением и крахом.

В целом восточный мир после окончания Первой мировой войны пережил состояние сильнейшей фрустрации. Надеясь на освобождение, как плату за свой вклад в победу государств Антанты, они не получили ожидаемого. Поэтому на Востоке зарождаются корни этнонационалистического и религиозного экстремизма. Те же страны, которым удалось добиться права на создание своих государств, оказались под властью авторитарных режимов, зачастую враждующих между собой.

Исторически находит подтверждение следующий факт: панэтническая идея, сформулированная тем или иным государством на определенном этапе его развития, может выйти за рамки своего государства и обрести мессианский характер, ибо практически все этнические идеологии претендуют на свою исключительность и одновременно на универсальность и некую особую историческую миссию, в частности в XX в. это были Германия (*Deutschland über alles*) и Италия. Их расистско-националистическая идеология провозглашала превосходство одной нации и расы над всеми другими, а сейчас на это претендуют США со своим *Pax Americana*.

После распада биполярной системы (90-е годы XX в.) встал вопрос о том, на каких организационных и ценностных принципах будет основываться новый мировой порядок и глобальная безопасность и какова роль государства, претендующего на статус лидера.

Исследователи отмечают, что в современном мире разворачивается «сложный процесс становления новых приоритетов и ценностей, утверждаются новые глобальные и региональные “центры силы”, увеличивается состав активных членов международного сообщества, усложняется содержание взаимоотношений между ними. Положение каждого государства определяется сейчас пересечением уникальной комбинации множества подсистем системы международных отношений, частью нескольких из которых оно является»²⁶.

²⁶ Хазанов А.М. Центральная Азия среди планетарных и региональных игроков // Центральная Азия в системе международных отношений. М., 2004. С. 21.

Итак, произошло существенное изменение в системе международных отношений, и как следствие — миропорядка, а значит, наступило время новой системы глобального управления, а следовательно, и форм самоорганизации. Причем в эту систему включаются не только новые государственные, но и негосударственные акторы. Среди последних есть такие, как, например, запрещенное в России «Исламское государство», которые своими экстремистскими действиями разрушают мировой порядок и провоцируют глобальный хаос, а также разномастные НПО.

По мнению ряда исследователей, политиков и дипломатов, «многополярная» модель является оптимальной в условиях глобализации как альтернатива силовой модели биполярного мироустройства времен холодной войны и постбиполярной гегемонии. Если говорить о многополярной модели мироустройства, то статусом «полюсов» могут обладать такие государства, как Китай, Россия и США. Кроме того, возникают и международные коалиции стран (Евросоюз, ЕАЭС, БРИКС и др.). В то же время остается открытым вопрос о том, какова идеология многополярного мира.

В настоящий момент следует признать факт силового доминирования США в мировой политике. В то же время по своим геополитическим и экономическим параметрам, своей совокупной мощи и темпам развития Китай можно однозначно рассматривать как полюс влияния или как центр силы мирового уровня, который объективно уравнивает гегемонистские устремления американцев. И все же Китай — больше чем государство, это цивилизация мирового уровня, т.е. мировой цивилизационный полюс, который способен предложить свою модель развития. А вот Соединенные Штаты и их союзники — это разношерстный конгломерат либеральных идей и авторитаризма, основой которого является поклонение «золотому тельцу», т.е. доллару. Это, безусловно, важный стимул, но на этом цивилизационная идея не формируется, самобытная цивилизация не возникает и поэтому не оставляет заметного следа в истории.

Россия по своим показателям является великой евразийской державой — одним из геополитических полюсов мировой политики, играющей важную стабилизирующую роль в системе международной безопасности. Совокупная национальная мощь Российской Федера-

ции дает основания для таких утверждений. Следует подчеркнуть, что в отличие от некоторых национальных стран Российское государство претендует на статус альтернативной цивилизации, предполагающей защиту национально-самобытной и классической мировой культуры, а также сохранение традиционных нравственных ценностей.

У России кроме ВПК есть несколько сфер, где можно говорить о ее безусловных достижениях и приоритетах. Это космос, атомная энергетика, преимущество географического положения и связанные с ним логистические возможности. Континентальная протяженность России и положение между Западом и Востоком с прямыми выходами на три океана заставляют учитывать этот геополитический факт другим державам в своей политике. Важное геоэкономическое значение имеет наличие у России крупнейших в мире запасов природных ресурсов как в целом, так и по отдельным их видам и т.д.

Атомная энергетика всегда вызывала много дискуссий. С одной стороны, высоки затраты на строительство атомных электростанций, но с другой — стоимость вырабатываемой электроэнергии на АЭС невелика, а при современной конструкционной безопасности энергоблоков и соблюдении технологии их эксплуатации вероятность опасного радиоактивного загрязнения окружающей среды сравнительно невысока. Аварии на АЭС в Великобритании (Уиндскейл, 1957 г.) и США (Три-Майл-Айленд, 1979 г.), СССР (Чернобыль, 1986 г.) и Японии (станция «Фукусима», 2011 г.) говорят о том, что главной причиной, из-за которой произошли трагедии, особенно в Чернобыле и на «Фукусиме», стал человеческий фактор и стремление сэкономить на строительстве. Конечно, не исключены и случайности. Но при любых видах использования атомной энергии необходимо помнить и говорить не только о последствиях аварий, но также и об отрицательных воздействиях на природу и человека всех этапов технологического цикла — от добычи урановой руды, ее переработки до обогащения, использования и хранения отработанного ядерного топлива.

Кроме того, работа реакторов АЭС рассчитана примерно на 30 лет работы, после чего необходимы их демонтаж и утилизация, что тоже само по себе проблема. Учитывая все отмеченное, в ряде стран отказались от строительства АЭС, стали их консервировать, ориентируясь на новые возобновляемые и сберегающие природные ресурсы техно-

логии. Закрыли все имеющиеся АЭС Бельгия, Германия, Испания, Швейцария. Тайвань осуществляет долгосрочную политику по отказу от ядерной энергетики. Нидерланды, Швеция также планировали отказаться от атомной энергетики.

Тем не менее ядерная энергия в мире затребована. И не только на гражданских объектах. Ядерные реакторы стоят на военных кораблях и подводных лодках, на АЭС-платформах и т.д. Более того, существует и модернизируется ядерное оружие, а клуб ядерных держав медленно, но расширяется.

А как Россия должна укреплять свое положение лидера, великой державы, используя преимущества своего географического положения?

Американских военных беспокоит, что Россия, как они считают, лучше подготовлена к конфликту в Арктике, чем Америка, так как в вооруженных силах России есть подводные лодки, самолеты и танки, специально предназначенные для военных действий в условиях низких температур, атомные ледоколы. В дополнение к самому сильному в мире ледокольному флоту Россия строит еще восемь судов, в том числе два ледовых военных корабля, вооруженных крылатыми ракетами. Эти суда позволяют российскому флоту реагировать на угрозы безопасности и обеспечивать коммерческую деятельность по Северному морскому пути (СМП).

Уровень российского присутствия в Арктике вполне объясним даже чисто географически. Общая протяженность Арктического побережья 38 700 км, из них у России — 22 600 км, а арктические владения России — 5,842; Канады — 1,430; Норвегии — 0,746; Дании — 0,372; США — 0,126 млн кв. км. При этом в зоне хребта Ломоносова образовалась спорная территория между Данией, Россией и Канадой, которая также спорит с Данией по поводу принадлежности о. Ханса. Учитывая протяженность своего арктического побережья, Россия обязана обеспечить не только свою экономическую деятельность в регионе, но и защиту границ. При этом российский арктический флот позволяет использовать Северный морской путь как транспортную артерию круглогодично.

К СМП как торговому пути проявляют интерес и Китай, и другие представители Азиатско-Тихоокеанского региона, а также практически все европейские страны, так как он существенно сокращает путь

из Азии в Европу и исключает пиратство, процветающее в Южно-Китайском море и районе Персидского залива. А последняя авария в Суэцком канале, прервавшая судоходство чуть ли не на неделю с огромными экономическими потерями, показывает ненадежность единственного торгового пути и необходимость использования альтернативных вариантов.

Беспокойство США объясняется тем, что они понимают: в регионе Арктики они не лидеры и до этого им очень далеко. А вот обеспокоенность России тем, что она по всему периметру своих сухопутных и морских границ окружена американскими базами, а на постсоветской территории идут постоянные конфликты различной этиологии, спровоцированные коллективным Западом, ни в Европе, ни в Америке не принимается во внимание. У США зоны национальных интересов могут находиться далеко от их госграниц, и там они их защищают (например, весь «Большой Ближний Восток», Черноморский регион, Балтика и т.д.), а вот признать, что у России тоже есть свои национальные интересы и свои зоны национальных интересов в мире, американцы не могут.

Другими словами, геополитическое противостояние идет по нарастающей, и холодная война продолжается, набирая ускорение, переходя в новое качество. Но «ядерная зима» страшнее арктических морозов, ибо в ней нет победителей. А по проблеме взаимодействия государств в сложившейся ситуации консенсуса как не было, так и нет. И все-таки, как жить человечеству дальше...

Опасности «ядерной зимы», о возможности которой предупреждали еще советские ученые²⁷, вряд ли могли насторожить политиков, озабоченных очередной выборной кампанией, «геополитикой момента». Их не напугал и апокалипсис, представленный в американском фильме «На следующий день» (*The Day After*, 1983 г.) и в советском — «Письма мертвого человека» (1986 г.), в которых говорилось о возможной катастрофе и ее последствиях для человеческой цивилизации.

Новым вызовом явилась пандемия 2020 г., масштаб которой превысил все предыдущие эпидемиологические катастрофы человечества. Пустые улицы городов в результате самоизоляции граждан

²⁷ Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. Человек и биосфера. М.: Наука, 1985.

могли навести на мысли о Европе времен Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), в результате которой население многих европейских земель сократилось наполовину²⁸, или о кадрах из фантастических фильмов о «ядерной зиме».

Можно еще упомянуть испанский грипп во время Первой мировой войны. После завершения войны демобилизованные разнесли смертельную заразу сначала по всей Европе, а затем и по другим континентам. «Испанка» — одна из самых смертоносных болезней в истории: за два года от нее погибли от 20 до 50 млн чел., а около трети населения планеты — 500 млн — ею переболели.

Международная геополитическая ситуация в то время не только не позволяла осознать данную проблему, но и не могла это сделать по чисто объективным причинам, в том числе из-за уровня развития самой медицины.

В XX в. в мире начали создаваться институты здравоохранения, разрабатываться медицинские технологии и усиливаться международное сотрудничество в борьбе с болезнями. Наконец, в 1948 г. была основана Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Тем не менее эпидемии и пандемии продолжались с неизменной регулярностью. Так, только в прошлом веке было с десятков крупных пандемий и еще больше эпидемий.

Однако на современном этапе глобализации ситуация с пандемией коронавируса предполагает иной уровень понимания (новую философию и методологию выживания человечества) существующей реальности с действиями на опережение. Это относится в том числе к безопасности человека и способам ее достижения.

В методологическом плане следует исходить из того, что, по В.И. Вернадскому, земная цивилизация — это целостная система тесно взаимосвязанной живой и неживой природы, а эволюция биосферы определяется человеческой деятельностью в самых различных ее аспектах²⁹. Поэтому изменения в одной части планеты так или

²⁸ *Веджвуд С.В.* Тридцатилетняя война. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012.

²⁹ *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 58.

иначе влияют на ее состояние в другой части и в итоге — планеты в целом. Мировое сообщество, хотя бы в лице ООН, должно ставить вопрос об ответственности великих держав человеческой цивилизации.

Очевидно, что человечество подвергается серьезному испытанию: оно обременено не только традиционными угрозами и нерешенными проблемами, но и вызовами эволюции как таковой, а именно неопределенностью развития земной цивилизации.

Это основная проблема. А что могут противопоставить всему этому государства-лидеры, которые по-прежнему сосредоточены на геополитическом соперничестве?

Сформировавшийся за годы эволюции менталитет человека, его поведение уже не соответствуют новым условиям жизни. По мнению академика Н.Н. Моисеева, человечеству следует переходить на модель коэволюции и стратегии устойчивого развития^{30, 31}. В целом же необходимо говорить о переустройстве сознания человека, переходе к новой форме существования и восприятия безопасности.

Для обеспечения этого человечество должно следовать прежде всего экологическим и нравственным императивам. Это требование обозначает совокупность запретов на те виды деятельности, которые чреваты необратимыми изменениями в биосфере, несовместимыми с самим существованием человека. Соответственно, требуется изменение мировоззрения людей, а именно переоценка потребительского способа существования³² и стереотипных представлений об отношении человека к природе и человека к человеку³³.

³⁰ *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.

³¹ *Акаев А.* Учение В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева о ноосфере, коэволюции// Партнерство цивилизаций. 2013. № 1–2.

³² *Овруцкий А.В.* Глобальный кризис как кризис сверхпотребления: социально-философские аспекты// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4; *Коос С.* Объясняя этическое потребительское поведение в Европе (эмпирические данные по 19 странам)// Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. Март. — URL: <http://www.ecsoc.msses.ru>.

³³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги)// Pro et Contra. 1997. Т. 2. С. 117.

Очевидно, что многое зависит от держав, обладающих превосходящей над другими государствами совокупной мощностью и конкурирующих между собой не только за обладание ресурсами, геополитическим пространством, но и за статус лидера. Эта конкуренция определяет современную ситуацию в международных отношениях, продолжающуюся холодную войну.

У России есть большие потенциальные возможности реализовать себя в качестве глобального лидера, объективно являясь таковым в ООН, ОБСЕ и таких международных образованиях Евразии, как СНГ, Таможенный союз и ЕАЭС, Организация Договора о коллективной безопасности, ШОС. Россия — один из разработчиков и идеологов теории многополярного мира. СССР (Российская Федерация как его правопреемница) стоял у истоков образования ООН, Российская Федерация постоянным членом ее Совета Безопасности. В то же время необходимо понимать причины российско-американского соперничества в военных и стратегических областях. Такое положение вещей стало традицией, истоки которой лежат в итогах Второй мировой войны, когда Советский Союз практически в одиночку сумел прервать победоносное шествие войск Третьего рейха на своем фронте и в короткие сроки восстановить экономику и выйти на второе место в мире по уровню НТП, создал атомную бомбу и отправил первого космонавта на орбиту, соперничая вполне успешно с США за мировое лидерство. Да, потенциала не хватило, да и внутренняя «пятая колонна» помогла. Но Россия постепенно преодолевает последствия 90-х годов.

Естественно, что между полюсами многополярного мира возникают различного рода проблемы, и часто государства-полюса не находят консенсуса по вопросам международной безопасности (например, иракская, иранская, сирийская, украинская проблемы и др.). При этом мировые государства-полюсы и центры силы имеют различные системы ценностей, которые сохраняют воспоминания о прошлых конфликтах в своей исторической памяти. Другими словами, хотя многополюсный мир лучше однополюсного или биполярного, но это не гарантирует обеспечения международной безопасности, а соперничество между странами препятствует решению глобальных проблем человечества.

Следует учесть, что в статусе «лидер» присутствует и субъективная составляющая. Лидерство того или иного государства требует признания этого статуса другими государствами. Только в этом случае лидерские качества могут реализоваться в полной мере³⁴.

В любом случае оценку государству-лидеру может дать только история; важно, чтобы претендующая на статус лидера страна понимала это. Но часто мешают геополитическое мышление и амбиции элит. На международном уровне статус государства — это представление членов мирового сообщества о положении этого государства в иерархии других государств. «Иерархия выстраивается в соответствии с ценным в сообществе критерием — например, военной мощью государства, размером или душевыми показателями его экономики, привлекательностью культуры и т.д. Признание высокого статуса какого-либо государства означает согласие членов международного сообщества с правом этого государства применять ресурсы (например, силовые или экономические) для достижения важных для него целей в определенных ситуациях (например, на осуществление гуманитарной интервенции или включение соседей в “сферу особых интересов”»)³⁵.

В настоящее время значительную роль в формировании положительного/негативного образа государства или признание/непризнание его мировым лидером играют средства массовой информации и интернет-ресурсы, особенно в условиях современных гибридных войн и киберугроз.

В современном мире в состоянии кризиса находятся и Запад, и Восток. Причем все больше государств замыкаются в себе. Даже в Евросоюзе нарастают сепаратистские процессы, ширятся ряды евроскептиков, особенно с учетом проблем борьбы с COVID-19. Наряду с государствами увеличивается влияние негосударственных акторов, представляющих различные идеологии, в том числе и экстремистского толка, которые претендуют на глобальные, т.е. их можно рассма-

³⁴ *Блищенко В.* Признание государства в международном праве // *Обозреватель — Observer.* 2017. № 5.

³⁵ *Троцкий М.* Сила и слабость иерархии // *Независимая газета — Сценарии.* 2016. 23 декабря.

тривать как новые идеологические центры.

Итак, в настоящее время человеческая цивилизация переживает состояние хаоса как следствие развернувшегося глобального системного кризиса, и чем дальше, тем больше появляется глобальных вызовов и угроз. Человечество научилось только плодить общемировые проблемы, а все научное сообщество занято их классификацией, проработкой возможных сценариев их развития и т.п. наукообразной схоластикой. К таким проблемам относятся терроризм, религиозный экстремизм, национализм, угрозы международной безопасности, состояние экологии и климатические катастрофы; гонка вооружений, ядерное оружие и другое ОМП, милитаризация космоса и т. п. Список угроз для человеческой цивилизации можно продолжить.

Как видно, все проблемы в большей степени имеют антропогенный характер и существуют десятилетиями. Но все мировое сообщество даже не подступило к реальному решению ни одной из них.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что вся сложная архитектура современного мегасоциума постоянно проверяется на прочность. Возникают все новые вызовы, угрозы и конфликты, приводящие к серьезным кризисам, в том числе и глобального характера. В этом смысле главная опасность заключается в том, что человечество не умеет эффективно противостоять глобальным угрозам. Коллективный опыт, имеющийся в этой сфере, в большей степени носит негативный характер.

Можно вспомнить усилия ООН и результирующий эффект таких глобальных программ, как «Новый международный экономический порядок» (70-е годы), «Международная экономическая безопасность» (80-е годы), «Концепция устойчивого развития» (90-е годы), а также «Новый мировой порядок», провозглашенный США после распада биполярной системы международных отношений.

Хотелось бы надеяться, что все усиливающийся глобально-цивилизационный кризис поможет найти необходимые решения.

Глава II

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Малов Андрей Юрьевич

ЗАПРЕТ НА ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ: РЕШЕНИЕ ИЛИ ПРОБЛЕМА

Октябрь 2020 года ознаменовался событием в международной жизни, которое, несмотря на пропагандистскую кампанию, на наш взгляд, не привлекло особого международного экспертного внимания. 25 октября 2020 г. Гондурас, своей пятидесятой ратификацией Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), открыл через установленные в документе 90 дней возможность полноценного функционирования этого международного правового инструмента — 22 января 2021 г. Договор формально вступил в силу¹.

Отсутствие повышенного внимания международного экспертного сообщества к этому факту внешне вполне объяснимо — это сама внутренняя ущербность документа, носящего запросный, не консенсусный и не инклюзивный характер. Инструмент вводит формальный запрет на ядерное оружие (ЯО) и одновременно оставляет за «скобками» государства, де-юре и де-факто обладающие ЯО.

Кроме того, международная повестка дня продолжала и продолжает быть перенасыщенной прочими актуальными темами, среди которых на первом плане оставалась проблематика COVID-19 и последствия пандемии.

¹ Договор о запрещении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. — URL: [http://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/CONF.229/2017/8](http://www.undocs.org/pdf/symbol=ru/CONF.229/2017/8).

Между тем, как представляется, тема введения юридического запрета на ЯО весьма поучительна и завязана на целый комплекс актуальных аспектов современного состояния международной безопасности, включая проблематику стратегической стабильности.

Общий стратегический контекст

Во времена холодной войны высокие потенциалы ядерного сдерживания достаточно надежно обеспечили стабильность в существовавшем тогда биполярном мире. Этот факт признается практически всеми «школами» сдерживания².

При этом «абсолютное» оружие, каким ЯО нередко представляется, не могло и не может обеспечить решения всех политических и военных проблем государств. Обладание значительным ядерным потенциалом не «помогло», к примеру, предотвратить распад СССР и социалистической системы (правда, в известном смысле уберегло страну от югославского сценария кровавой схватки «всех против всех»).

Одной из принципиальных особенностей ЯО стало то, что оно породило идеологию сохранения мира с помощью ограниченного по масштабам комплекса средств вооруженной борьбы. Однако в настоящий момент мы имеем дело с качественно новыми угрозами международной безопасности и, как следствие, новыми подходами к ее обеспечению.

С одной стороны, изменились военные цели государства. Борьба за обладание территориями сменилась соперничеством за продвиже-

² *Kenneth N. Waltz. Nuclear Myths and Political Realities// American Political Science Review. 1990. Vol. 84. P. 720–730; Thinking about deterrence// Air University Press, December 2013. Pp. 345; Арбатов А.Г. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза// Российский совет по международным делам, 29 января 2019. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rol-yadernogo-sderzhivaniya-v-strategicheskoy-stabilnosti-garantiya-ili-ugroza>; *Morgan P. Deterrence Now. Cambridge University Press, 2003. Pp. 40–42; Morgan M. Patrick. The Concept of Deterrence and Deterrence Theory// Oxford Research of Politics, July, 2017.**

ние своих ценностных установок, а также контролем над ключевыми подсистемами мировой экономики. Победа, достигнутая за счет полного разрушения промышленности и структуры противника, которую обеспечивает ЯО, теряет свою привлекательность.

Однако приобретение и применение оружия и в целом военная сила продолжает рассматриваться не только как косвенный, но и как прямой путь к обеспечению безопасности и достижению идеологических, геополитических и стратегических целей³.

Появление качественно новых видов и типов вооружений как в ядерном, так и в обычном снаряжении — тому подтверждение. В пользу данного тезиса говорит и тенденция на придание ЯО фактора применимости за счет управляемой мощности боезаряда, вплоть до самой малой, с одновременным качественным повышением точности соответствующих средств доставки.

В этом контексте дальнейшее развитие получает программа создания и перспективной постановки на вооружение ядерных зарядов «малой мощности», что на практике означает резкое снижение порога применения ЯО и превращения его из фактора стратегического сдерживания в оружие «поля боя»⁴. При этом радикальные политические и экономические перемены в мире продолжают играть двойственную роль: с одной стороны, они призваны стимулировать отказ от «легкости» в применении силы, а с другой — выдвигают повышенные требования к эффективности оружия⁵.

Весьма показательна в этой связи эволюция взглядов США на роль и значение ЯО. С одной стороны, на рубеже 2000-х гг. рядом авторитетных экспертов США высказывалось мнение о «закате» роли ЯО и даже о курсе на отказ от него. Достаточно привести из-

³ Nye J.S. The future of power. Public Affairs, 2011. — 320 p.; Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. — Cal., RAND. 2018. P. 8; Tomes R. Releaning Countersurgency Warfare// US Army War College, 2004.; Overextending and Unbalancing Russia. RAND. 2019.

⁴ Debate: U/S/ Nuclear Weapon Modernization// Center for Strategic and International Studies// CSIS Headquarters. Washington. 2017. June 29.

⁵ Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. — Cal., RAND. 2018. P. 8.

вестную статью бывших государственных секретарей Г. Киссинджера и Дж. Шульца, экс-министра обороны У. Перри и бывшего главы комитета по обороне американского Сената С. Нанна «Мир, свободный от ядерного оружия», где говорилось о необходимости не только радикально сократить ядерный потенциал, но и предлагалась некая «дорожная карта» движения к ядерному нулю, правда без должной детализации⁶.

С другой стороны, весь комплекс практических действий США в этой области заставляет усомниться в движении к отказу от ЯО. Так, отправной точкой открытой части обнародованного 2 февраля 2018 г. «Обзора политики США в ядерной сфере» является утверждение о том, что за последние годы обстановка в сфере международной безопасности «стремительно ухудшилась». В связи с этим США не могут, дескать, как раньше, держать курс на снижение роли ядерного оружия⁷.

В качестве реакции на «возросшие угрозы» в документе предусмотрен широкий комплекс мер по модернизации и обновлению всех компонентов ядерной «триады», боеприпасов и системы управления, укреплению ядерно-производственного потенциала. Цель — обеспечить руководство в Вашингтоне «гибким» набором опций реагирования на различные виды угроз и «устранить у потенциальных противников» любые сомнения в решимости Вашингтона применить ядерное оружие «для защиты жизненно важных интересов США, союзников и партнеров».

Вместе с тем, с точки зрения складывающейся на международной арене расстановки сил, реальностью становится тот факт, что в мире появились новые центры военной силы и экономической мощи, способные бросить вызов американской исключительности, значимо проявившей себя после окончания холодной войны. Как следствие,

⁶ Kissinger H., Perry B., Nunn S., Shultz G. A World free from Nuclear Weapons//WSJ. 2007. January 4.

⁷ Nuclear Posture Review. February 2018// U.S. Department of Defense. — URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>; Michael Fabey. New US nuclear posture cites need to upgrade sub force// Janes Defence Weekly. 2018. February 14. P. 13.

Вашингтону приходится вести внешнюю политику в соответствии с новыми реалиями, требующими применения более гибких подходов, основанных на балансе силовых, в том числе ядерных, и не силовых возможностей⁸.

Системный кризис в США, проявившийся в ходе президентской кампании 2020 г., высветил историческую бесперспективность многолетней стратегии Вашингтона, нацеленной на безусловную реализацию своих геополитических целей вопреки существующим нормам международного права за счет намеренного обострения обстановки и развития глобальной нестабильности.

Одновременно в правящих элитах США, да и Запада в целом, нет единства взглядов на то, обеспечивает ли ядерное и в целом подавляющее военное превосходство достижение целей национальной и глобальной политики. Для элит США — это удержание лидирующего положения страны как военной и экономической сверхдержавы, обеспечение свободы действий на международной арене и беспрепятственного доступа в наиболее важные регионы⁹.

Отражением таких настроений служат политические баталии, развернувшиеся в последние годы вокруг бюджетных статей, предусматривающие значительные расходы на модернизацию наземной составляющей американской ядерной триады.

Весьма показательна в этом контексте развернувшаяся политическая борьба вокруг бюджета Пентагона, проводить ли 100 миллиарднодолларовую замену 400 ракет Minuteman III. Пентагон и его лоббисты в Конгрессе, аналитические центры и оборонные подрядчики настаивают на безусловном выделении данных средств. В то же самое время «прогрессивное» крыло пришедшей к власти Демократиче-

⁸ *Gompert L., Binnendijk H.* The Power to Coerce. Countering Adversaries Without Going to War. Cal., RAND, 2016. Pp. 1–40; Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование // Совместный доклад аналитического центра Katchon и РИСИ, 20 февраля 2016.

⁹ Transformation is feasible. A. Read to the Club of Rome 17 October 2018. P. 46; *Speier R.H., Nacouzi G., Lee C.A., Moore R.M.* Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons // Rand Corporation.

ской партии настаивает на приостановке программы перевооружения СНВ, утверждая, что это может сэкономить значительные средства с учетом того, что будущие соглашения могут потребовать меньшего количества МБР, а то и вовсе проложить дорогу к их перспективной ликвидации¹⁰.

Тем не менее реальностью остается курс, взятый США и рядом ведущих государств на использование угрозы применения силы в качестве средства политического давления, на резкое снижение порога использования военной силы, особенно против тех государств, которые не обладают достаточным потенциалом сдерживания. Таким образом, вооруженные силы объективно продолжают рассматриваться ими в качестве важнейшего практического инструмента не только и даже не столько поддержания стратегического сдерживания, сколько реального средства достижения своих идеологических, политических и экономических целей¹¹.

Современная военная машина перенастраивается под новые идеологические и политические задачи. Приведем лишь некоторые наиболее характерные пути такой перенастройки на примере лидирующей военной машины США.

Анализ последних доктринально-концептуальных документов США в области безопасности, прежде всего это «Стратегия национальной безопасности» от декабря 2017 г., «Военная стратегия США» и «Обзор ядерной стратегии» от января и февраля 2018 г., показывает, что особенностью нынешнего этапа военного строительства США, нацеленного на будущее, продолжает оставаться трансформация военной организации во все более интегрированный, управляемый, эффективный, глобальный по охвату и гибкий инструмент для реали-

¹⁰ National Defence Authorization Act the Fiscal Year 2019, May 24, 2018. — URL https://armedservices.house.gov/sites/republicans.armedservices.house.gov/files/wysiwyg_uploaded/HR%205515%20Summary%20FY19%20NDAA.pdf

¹¹ *Kyle Yohoe*. An Offensive Leap: Fn Analogy of Hypersonic Weapons to Early ICBMs// Centre for Strategic and International Studies (CSIS). Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan., 2019. P. 12; 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. Wash., 2019. P. 8–14.

зации планов американской элиты по переустройству мира по своим представлениям и под свои интересы¹².

Под прикрытием мобилизации усилий на борьбу с международным терроризмом со странами, представляющими либо прямую угрозу, либо охваченными «стремлением к реваншизму» (Китай и Россия), военно-политическое руководство страны наращивает потенциал ВС на основе новейших достижений НТР для ведения ограниченных войн на любом театре военных действий. При этом современные ядерные стратегии ориентированы на применение ЯО малой мощности¹³.

Причем военно-экономические возможности США во все большей степени нацеливаются на парирование не только традиционных угроз и даже не на т.н. новые вызовы и угрозы, включая терроризм и распространение ОМУ, но и на те угрозы, которые связаны с потенциальной способностью государств в какой-либо форме оспорить доминирование США в военной области.

Одновременно активно разрабатывается модель развития военных возможностей, нацеленных не на противодействие конкретному противнику, а на весь спектр возможных угроз будущего, исповедующая основные принципы — высочайшая мобильность, эффективность, управляемость. Этим же целям служит система распределения ответственности между союзниками в рамках НАТО, линия на повышение их финансового и материального вклада в дело «общей обороны».

¹² Nuclear Posture Review. February 2018// U.S. Department of Defense (Официальный сайт). — URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America// U.S. Department of Defense (Официальный сайт). — URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2019. P. 12; The National Security Strategy of the United States of America 2017. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

¹³ *Borger J.* US to loosen nuclear weapons constraints and develop more 'usable' warheads// *The Guardian*, January 9, 2018. — URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/09/us-to-loosen-nuclear-weapons-policy-and-develop-more-usable-warheads>.

К активным ядерным приготовлениям подключается и ближайший союзник США — Великобритания. В рамках т.н. Комплексного обзора оборонной и внешней политики страны до 2030 года предусматривается увеличение количества ядерных боеголовок с нынешних 180–200 до 260¹⁴.

При этом НАТО продолжает рассматриваться как наиболее удобный инструмент для легализации планов США по переустройству мира. По сути создается единая интегрированная система обеспечения качественного превосходства над любым потенциальным противником в интересах как продвижения своих геополитических целей, так и ценностных установок¹⁵.

Историческая трансформация альянса мыслится через проведение внутренних реформ натовской структуры, дальнейшее расширение зоны географической ответственности, «затачивание» потенциала блока для агрессивного сдерживания России и Китая.

Для целей нашего исследования важно отметить, что НАТО по-прежнему остается «ядерным» альянсом. Данные подходы убедительно демонстрируются в рамках подготовки к принятию новой стратегической концепции и соответствующего доклада «НАТО 2030: Единство в Новой Эре»¹⁶.

Претворяемая в жизнь посредством силы и сопровождающаяся подавляющим военным превосходством США, доктрина одностороннего мира по-американски, при объективном росте возможностей и влияния других центров силы, вызывает у одних опасения, у других — растущее сопротивление, заставляя наращивать и совершенствовать свои боевые возможности, включая ядерные. Данные

¹⁴ UK Integrated Review 2021. Defence outlines 2030 vision for the armed forces. — URL: <http://www.gov.uk>.

¹⁵ European deterrence initiative// The U.S. Department of Defense, February 6, 2018. — URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/fy2019_EDI_JBook.pdf; Кучинская М.Е. Политика сдерживания России: «новая норма» (a new normal) для НАТО// Проблемы национальной стратегии» № 1 (40). 2017.

¹⁶ NATO2030: United for a New Era. NATO, 25.11.2020. — URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/201201-reflection-group-final-report-uni.pdf.

тенденции объективно меняют расстановку сил на международной арене, заставляя ущемленные государства либо встраиваться в навязываемый новый мировой уклад, основанный на неких «правилах поведения», либо брать долговременный курс на отстаивание своих интересов, в том числе полагаясь на свои военно-технические возможности. Как представляется, ядерному оружию в данном раскладе отводится не самая последняя роль¹⁷.

Одновременно следует предположить, что поведение новых ядерных государств, особенно в условиях «ползучего» ядерного распространения, в конфликтных и кризисных ситуациях может существенно отличаться от того, что составляло основу взаимоотношений СССР и США, России и США после десятилетий противостояния в условиях холодной войны. Объективно возникает новый вариант глобальной стратегической стабильности, который существенно отличается от существовавшего в биполярном мире¹⁸.

Эволюция подходов к обеспечению стратегической стабильности продолжается, и уместно предположить, что в будущем ее формула будет отличаться от той, которая имеется на сегодня. При этом, как представляется, говорить об отсутствии «места» для ЯО в нарождающейся на обозримую перспективу новой формуле глобальной стратегической стабильности не приходится.

¹⁷ *Gompert L., Binnendijk H.* The Power to Coerce. Countering Adversaries Without Going to War. — Cal., RAND, 2016, 2016. P. 1–40; *Дегтев Д.А.* Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. — М.: ВАГШ ВС РФ, 2019; *Крамаренко А.* Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «независимая Америка» и «мирное сосуществование»? // Российский совет по международным делам, 9 января 2018; *Assessing the impact of cost-imposing options* // RAND report. April. 2019. P. 5 Источник: https://politexpert.net/153115-rand-corporopublikjvala-fntirossiiski-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2.

¹⁸ *Gates R.M.* Speech on Nuclear Deterrence. Carnegie Endowment for International Peace. 2008. 30 October. — URL: <http://www.america.gov>; See *Koblentz G.D.* Strategic Stability in the Second Nuclear Age / Council on Foreign Relations. Special Report № 71. November 2014; *Косошин А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009. С. 79.

Однако ситуация вокруг ЯО и попыток установления на него запретов не столь однозначна.

Исторический контекст

Как известно, попытки построения мира без ядерного оружия имеют свою историю. Достаточно вспомнить предложение, которое было сделано еще СССР на высшем уровне в 1959 г., о всеобщем и полном разоружении и ликвидации ЯО. В 1960-е гг. на волне подготовки и принятия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) высказывались оценки, что данный Договор прокладывает путь к быстрому безъядерному миру¹⁹.

В 1982 г. на второй специальной сессии ГА ООН по разоружению было предложено принять универсальное обязательство о неприменении ЯО. Тогда же Советский Союз взял на себя обязательство не применять первым ЯО. Идея не была поддержана американской стороной, о чем было заявлено в ходе российско-американской встречи в верхах в Рейкьявике в октябре 1986 г., и тогдашний лидер СССР Михаил Горбачев предложил обнулить ядерные потенциалы в глобальном масштабе. Данное предложение, как известно, осталось без ответа.

В этом контексте представляется весьма затруднительным судить с позиций сегодняшних реалий, чем предложения о мире без ЯО были продиктованы — отсутствием практической осведомленности о реальной стратегической значимости ЯО на историческую перспективу, пропагандистскими целями или известной «романтизацией» международных отношений, свойственной отдельным лидерам.

Фактом остается то, что после окончания холодной войны международное внимание к теме ядерного разоружения, помимо российско-американского стратегического диалога, оставалось в основном сосредоточено на двух международных многосторонних площадках — обзорном процессе ДНЯО и Конференции по разоружению в Женеве.

¹⁹ Договор о нераспространении ядерного оружия// Организация Объединенных Наций. — URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

В последнее время мы наблюдаем известный ренессанс в отношении идеи построения безъядерного мира. В мире развернулась широкая кампания в пользу отказа от ядерного оружия, которую поддерживают политические и общественные деятели многих стран. К теме привлечено внимание влиятельных профильных аналитических структур, а также весьма активных международных НПО.

Впервые конкретно сформулированная идея в отношении выработки договора, вводящего запрет на ЯО, публично проявилась по итогам Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия 2010 г. (ДНЯО-2010), которая ознаменовалась растущим недовольством неядерных государств недостаточными, на их взгляд, действиями и практическими результатами со стороны ядерных государств (ЯГ) в отношении процесса ядерного разоружения в соответствии с положениями ключевой профильной Статьи VI ДНЯО²⁰.

Показательно, что уже на данном этапе в рамках обзорного процесса ДНЯО предлагался не просто «запрет» на конкретный вид оружия, а пробрасывалась идея о всеобъемлющей конвенции, устанавливающей фиксированные сроки ядерного разоружения и вводящей соответствующий верификационный механизм.

Важно подчеркнуть, что большинство государств — членов ядерной «пятерки» — Великобритания, Россия, США и Франция — уже на данном этапе с различной степенью определенности давали понять, что не поддерживают призывов к началу переговоров по выработке инструмента, вводящего запрет на ЯО. При этом позиция КНР отличалась известной расплывчатостью.

Подобные подходы были также неоднократно продемонстрированы и на Конференции по разоружению (КР) в Женеве, призванной быть «единым» переговорным органом, нацеленным на выработку договоренностей в сфере контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН) и действующего под эгидой ООН

²⁰ Договор о нераспространении ядерного оружия// Организация Объединенных Наций. — URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

на консенсусной основе. При этом обсуждения вопросов ядерного разоружения предусматривались отдельным пунктом принимаемой ежегодно повесткой дня Конференции, но выявили существенные разногласия по данной теме²¹.

В этих условиях радикально настроенные против ЯО государства, среди которых значительно число государств — участников Движения неприсоединения (ДН), ряд европейских стран (Австрия, Ирландия, Норвегия), а также влиятельные НПО и международные организации при лидерстве Международного Комитета Красного Креста (МККК), начали продвигать в практическое русло идею нового подхода к переговорам о глобальном запрещении ЯО, получившую название «Гуманитарная инициатива»²².

Подготовительный период предусматривал серию конференций (всего их было проведено три — в Норвегии, Мексике и Австрии), объединенных общей идеей неприемлемых «гуманитарных последствий применения ЯО».

Таким образом, был создан необходимый фон международного общественного и политического давления, направленного на «стигматизацию», т.е. постановку «вне закона», не просто применения ЯО, но и самого факта обладания им.

Показательно, что к процессу выработки документа по запрету ЯО была активно подключена ООН и ее центральные органы — профильный Первый Комитет Генеральной Ассамблеи ООН и сама Генассамблея. Именно формат ГА ООН, на котором, в отличие от Конференции по разоружению в Женеве, не действует принцип консенсуса и решения принимаются «большинством», позволил формально запустить процесс юридической подготовки документа.

23 декабря 2016 г. Генассамблея ООН приняла резолюцию 71/258 «Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению», которая, в частности, предусматривала проведение конференции для выработки юридически обязывающего

²¹ Конференция по разоружению// Повестка дня. — URL: <http://meetings.unoda.org/section/cd-agenda>.

²² The Humanitarian Initiative// ICRC. — URL: <http://icrc.org/en/nuclear-ban-treaty-no-to-nukes>.

инструмента, запрещающего ядерное оружие с целью его последующей полной ликвидации»²³.

В формате Генассамблеи ООН 113 государств проголосовали — за, 35 — против и 13 — воздержались. Результаты голосования по этой резолюции показывают, что некоторые государства на этапе ее одобрения просто предпочли не участвовать в процессе голосования — практика, применяемая в отдельных, политически «деликатных» случаях.

Соответствующая конференция прошла в Нью-Йорке в два этапа: 27–31 марта и 15 июня — 7 июля 2017 г.

Документ был одобрен 7 июля 2017 г. на конференции в Нью-Йорке, созванной в соответствии с резолюцией ГА ООН 71/258 «Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению».

На ней по результатам голосования был принят проект Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). На финальном этапе конференции за него проголосовало 122 страны, одна страна была против — Нидерланды и одна воздержалась — Сингапур²⁴.

Весьма показательным, что ряд государств предпочел не участвовать в работе конференции, в том числе все девять стран «ядерного клуба».

Отражением внимания, которое было уделено работе конференции, ее итогам, а также вступлению в силу Договора со стороны ООН послужило заявление Генерального секретаря ООН Антониу Гуттерриша, в котором указывается на то, что «Договор является важным шагом на пути к достижению цели построения мира, свободного от ядерного оружия, и убедительно демонстрирует поддержку в отношении многосторонних подходов к ядерному разоружению».

²³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/258 Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению// Организация Объединенных Наций. — URL: <http://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/71/258>; Организация Объединенных Наций. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/71/258>.

²⁴ Договор о запрещении ядерного оружия// Организация Объединенных наций. — URL: <http://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/CONF.229/2017/8>.

Аналогичную оценку высказали такие структуры, как Международный Комитет Красного Креста, Международная кампания за запрещение ядерного оружия (ICAN)²⁵.

ДЗЯО был открыт для подписания в ООН 20 сентября 2017 г. Договор предусматривал, что он вступит в силу через 90 дней после его ратификации 50 участниками. Таким пятидесятым участником стал Гондурас, который ратифицировал Договор в октябре 2020 г.

Что представляет собой Договор?

Если коротко суммировать, то в тексте Договора нашли отражение все ключевые для ядерных радикалов постулаты. Прежде всего, следует подчеркнуть явную «гуманитарную» направленность документа²⁶.

Преамбула документа перенасыщена ссылками на принципы международного гуманитарного права (МГП), права человека, катастрофические последствия применения ЯО, диспропорции воздействия радиации на коренные народы, ее особый «гендерный» вред для женщин и т.п.

По задумкам разработчиков Договора, вся эта совокупность гуманитарных факторов является не только этическим, но и юридическим императивом, обуславливающим запрет ядерного оружия. Причем преамбула Договора цементирует нетерпимое отношение не только к применению ЯО, но и к самому факту обладания им.

Политические и стратегические аспекты документа весьма примечательны. Так, в документе подчеркивается, что государства должны воздержаться в международных отношениях от угрозы использования силы и отказаться от опоры на ядерное оружие в своих доктринах безопасности.

Констатируется озабоченность медленными темпами процесса ядерного разоружения — прямой выпад против государств —

²⁵ Заявление Генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша от 22 января 2021 года // Организация Объединенных Наций. — URL: <http://www.newsun.org>ru/story/2021/01/1394852; Why Nuclear Ban Matters// ICRC. — URL: http://www.icrc.org//documents/why-nuclear-dan-treaty-matters>.

²⁶ Договор о запрещении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. — URL: <http://www.undocs.org>pdf?symbol=ru/CONF.229/2017/8>.

обладателей ЯО, которые, по широко укоренившемуся мнению большинства неядерных стран — в основе своей представляющих Движение Неприсоединения (ДН), явно «не дорабатывают» в выполнении своих обязательств по ключевой Статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1967 г., что, в свою очередь, по их оценкам, ставит под сомнение саму эффективность и справедливый характер этого основополагающего Документа в области международной безопасности²⁷. В качестве баланса ДЗЯО подтверждает неотъемлемое право государств-участников (ГУ) на «мирный» атом.

Показательно, что на этапе подготовки текста документа в формате рабочих групп отразились весьма серьезные разногласия между группой стран, настроенных крайне радикально в отношении вводимых норм, и группой «умеренных» государств.

Идея антиядерных радикалов, среди которых выделялись такие государства, как Австрия, Бразилия, Египет, Куба, Мексика, Эквадор, ЮАР и ряд других, заключалась в выработке полноценной конвенции по ЯО, с введением прямых юридических запретов на ЯО и выдвиганием идеи форсированного ядерного разоружения в фиксированные сроки при наличии соответствующего механизма верификации и проведения инспекций «по вызову», аналогичных режиму Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО)²⁸.

Одновременно «умеренные», среди которых присутствовали и ряд западных государств, проводили идею о поэтапном продвижении в международную повестку дня общего запрета на ЯО. В качестве первого этапа предлагался договор об «общем» запрете на ЯО, без конкретных сроков ликвидации, механизма проверки и жестких обязательств в отношении ядерных государств.

²⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия// Организация Объединенных Наций. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

²⁸ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении// Организация Объединенных Наций. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chwc.shtml.

В результате «разменов» и компромиссов на этапе выхода на уровень Генассамблеи ООН возобладала идея договора, в котором по типу Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО) не будет содержаться прямая норма юридического запрета, в данном случае — на ЯО.

Договор, таким образом, не вводит тотальный прямой запрет на ЯО и не предусматривает каких-либо новых обязательств для ядерных держав до тех пор, пока они не примут решения о присоединении к нему.

В ключевых положениях документа прописаны обязательства участников не разрабатывать, не испытывать, не производить, не изготавливать, не приобретать каким-либо иным образом, не обладать и не накапливать ЯО или ядерные взрывные устройства; не передавать их кому-либо прямо или косвенно и не принимать контроль над ними, а также не применять ЯО или другие ядерные взрывные устройства и не угрожать их применением; не помогать кому-либо и не побуждать никоим образом кого-либо осуществлять запрещенную деятельность. ДЗЯО запрещает размещение ЯО на территории ГУ или в другом месте под его юрисдикцией, а также предписывает помогать лицам, пострадавшим от применения или испытания ЯО, восстанавливать окружающую среду в загрязненных районах.

Таким образом, ключевые положения Договора фактически обеспечивают его двойственную «природу» — быть не только инструментом в области нераспространения, но и разоруженческим документом.

Последний аспект усиливается прописанным порядком подключения к Договору ядерных государств. В частности, постулируется, что в случае принятия национального решения о присоединении к Договору ядерной державы она обязана незамедлительно вывести ЯО из состояния оперативной готовности и ликвидировать его в соответствии с юридически обязывающими сроками, зафиксированными в национальном плане проверяемого и необратимого процесса ликвидации ЯО. В документе прописывается порядок выработки и утверждения таких национальных планов. Именно данный аспект явился предметом компромисса, достигнутого между «радикалами», ратующими за универсально обязательный процесс ликвидации ЯО, и «умеренными», оставляющими процесс уничтожения ЯО под национальную ответственность.

Весьма примечательным в этом контексте выглядит пункт о порядке действий ГУ, на территории которых размещено ЯО, независимо от того, находится ли оно под национальным контролем или контролем другого государства. Данный пункт явился той «лакмусовой бумажкой», которая определила отношение к ДЗЯО со стороны европейских государств — членов НАТО, находящихся под ядерным «зонтиком» США. Несмотря на широко распространенные в общественных кругах ряда европейских стран антиядерные настроения, союзники США по НАТО либо уклонились от участия в процессе выработки Договора в формате рабочих групп, либо свели свое участие к объяснению аргументов в пользу невозможности на данном этапе присоединиться к Договору. Среди западников исключение составляют Австрия, Ирландия и Норвегия — активисты безъядерного движения и активные разработчики Договора, а также Швейцария, которая, несмотря на то, что воздержалась при голосовании по проекту резолюции ГА ООН по запуску работы над ДЗЯО, тем не менее приняла участие в работе Конференции и проголосовала «за» договор.

Показательны также требования к ядерным государствам при принятии ими решения о присоединении к ДЗЯО. В случае подобного рода присоединения, которое, если оставаться на позициях реализма, явно не просматривается, ядерные государства обязаны заключить с МАГАТЭ соглашения о гарантиях, «достаточные», чтобы предоставить надежные заверения относительно непереклочения заявленного ядерного материала с мирной ядерной деятельности на военную и отсутствия незаявленных ядерных материалов или деятельности в государстве в целом. Таким образом, факт присоединения к ДЗЯО ядерных государств накладывает на них аналогичные обязательства в отношении гарантий МАГАТЭ, какие имеются у неядерных государств²⁹.

Весьма показательно конкретное обязательство государств после присоединения к Договору в отношении информирования его депозитария — Генсекретаря ООН. В течение 30 дней после вступления в Договор государства-участники предоставляют Генсекретарю за-

²⁹ *Timerbaev R., Welch S. The IAEA`Role in Nuclear Arms Control// The Nonprolifer. Rev. 1994. Spring-Summer. Vol. 1. No 3. P. 19–20.*

явление с информацией о том, владеют ли они или владели ЯО или ядерными взрывными устройствами, ликвидировали ли они свою программу ядерного оружия.

При этом в контексте роли и функций МАГАТЭ крайне важна некая непроясненная «серая» зона, которая оставлена в отношении возможного механизма проверки соблюдения как сворачивания ядерных программ для ядерных держав, так и для недопущения запуска подобных программ для неядерных государств.

Участие Агентства в подобных проверках, в отличие от первоначальных вариантов текста документа, прямо не предусматривается, но такую возможность формулировки Договора не исключают. Для контроля над демонтажем ЯО ГУ должен быть «назначен» некий «международный компетентный орган». Таким образом, создается элемент намеренной и явно «неконструктивной» неопределенности, идет ли здесь речь о создании организации по Договору (подобно Организации по запрещению химического оружия — ОЗХО в Гааге), или о попытках наделить проверочными функциями какую-либо из существующих международных структур, в том числе МАГАТЭ³⁰.

Отсутствие ясности в отношении некоего «компетентного международного органа», который к тому же, по задумкам разработчиков Договора, призван играть ключевую роль в выполнении ДЗЯО, не может не настораживать. Особенно с учетом тех пробросов, которые делаются ядерными активистами в отношении эвентуальной проверочной деятельности МАГАТЭ. Подобные попытки могут оказаться разрушительными для Агентства, мандат и потенциал которого не имеют и не должны иметь никакого отношения к ядерному разоружению и его верификации. Ситуация с МАГАТЭ может еще более осложниться с учетом продолжающихся попыток ряда западных стран политически «прикрывать» осуществляемое ими внедрение в рамках МАГАТЭ концепции осуществления т.н. «гарантий на уровне государ-

³⁰ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении // Организация Объединенных Наций. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conventions/chwc.shtml.

ства» как рычага политического давления на конкретные политически «не удобные» страны. Попытки «политизировать» Агентство могут иметь крайне дестабилизирующий характер не только для судьбы этого органа и не только для процесса ядерного нераспространения, но и для глобальной стабильности и устойчивости всей архитектуры международной безопасности.

Существуют и другие положения Договора, вызывающие серьезные вопросы и даже озабоченности.

Речь идет о Статье 17, согласно которой за каждым участником «запретительного» Договора признается право выйти из него при наступлении «исключительных обстоятельств», которые «поставили под угрозу высшие интересы его страны». Причем выход вступает в силу по истечении 12 месяцев, если участник не является стороной вооруженного конфликта. Процедура выхода осуществляется в уведомительном порядке. То есть фактически получается, что содержащиеся в Договоре обязательства носят обратимый характер. В этой связи возникает вопрос, какие цели ставили разработчики ДЗЯО, включая положение об обратимости в правовое «тело» документа³¹.

Во-первых, если учитывать, что речь идет о возможном отказе от запрета на ЯО для неядерных стран, то сразу возникает вопрос, как это сочетается с обязательствами по ДНЯО и с «нераспространенческой» сутью ДЗЯО.

Во-вторых, одновременно, применительно к существующим ядерным странам, возможность наличия подобных «особых обстоятельств» и интересов безопасности, в силу которых они пошли на создание ЯО и продолжают сохранять его, изначально отвергается. То есть налицо двойной подход.

Серьезные вопросы вызывает и Статья 18 ДЗЯО, в соответствии с которой «осуществление Договора не наносит ущерба обязательствам государств-участников в отношении существующих международных соглашений, в которых они участвуют, если эти обязательства согласуются с Договором»³².

³¹ Договор о запрещении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. — URL: <http://www.undocs.org/pdf/symbol=ru/CONF.229/2017/8>.

³² Там же.

Таким образом, данное положение по сути позиционирует ДЗЯО в качестве приоритетного по отношению к другим существующим международным соглашениям. Его можно интерпретировать таким образом, что после вступления в силу ДЗЯО, о котором следует говорить как о свершившемся факте, государства-участники будут применять другие международные соглашения, в том числе и ключевой ДНЯО, только в части, согласующейся с новым ДЗЯО.

Получается, что участники ДЗЯО могут по своему усмотрению отказываться от своих обязательств по другим договорам, включая ДНЯО — принципиально важный для ядерного нераспространения и для всей системы международной безопасности Договор. А если это так, то утверждать, что ДЗЯО «работает» на укрепление режима ядерного распространения и глобальной безопасности, на чем настаивают разработчики Договора, нет никаких оснований.

Политический контекст

Вступление в силу ДЗЯО — не просто констатация факта, имеющего символический характер.

Ситуация вокруг ДЗЯО не столь однозначна и не должна рассматриваться через упрощенную призму «белое и черное», т.е. — запрета на это «негуманное оружие» как на «абсолютное зло» против попыток ряда государств продолжать делать на это «зло» стратегическую ставку. По нашему мнению, в лице ДЗЯО, напротив, мы имеем дело с целым комплексом весьма деструктивных последствий как для судьбы режима ядерного нераспространения, так и для перспектив переговорного процесса в области КВРН и, как это ни парадоксально, для идеи построения безъядерного мира.

Как представляется, весьма поспешные радикальные действия сторонников немедленного запрета ЯО не только могут иметь обратный эффект, но и привести к целой серии негативных стратегических последствий.

Суммируя комплекс негативных последствий, следует отметить среди них прежде всего подрыв ДНЯО и в целом «раскачивание» режима ядерного нераспространения и всего многостороннего разоруженческого механизма в рамках ООН. Это напрямую чревато

опасными последствиями для международной безопасности и стратегической стабильности.

Кроме того, подход, основанный на принуждении ядерных держав к отказу от имеющихся у них арсеналов без учета их национальных интересов в сфере безопасности и существующих стратегических реалий, привел бы к резкой антагонизации между ядерными и неядерными странами, в то время как реальные шаги возможны только через уважительный и инклюзивный межгосударственный диалог, в ходе которого будут приняты во внимание все факторы, влияющие на глобальную стратегическую стабильность³³.

Как представляется, только такой подход способен помочь сформировать такую международную атмосферу, которая бы способствовала осуществлению дальнейших шагов в области ядерного разоружения.

В нынешних условиях, когда стратегическая стабильность испытывается на прочность, все большее значение приобретает устойчивое функционирование ДНЯО и защита его целостности. Для этого необходимо объединение усилий всех сторон Договора, которые совместно могли бы работать на укрепление трех его составляющих — нераспространение, разоружение, мирное использование атомной энергии — в их гармоничной взаимосвязи.

Что касается России, то как в доктринальных документах, так и из уст ее официальных представителей, включая самый высокий уровень, неоднократно признавалось, что страна далека от оправдания самого существования ЯО в исторической перспективе. Россия за последнее время выступила с рядом важнейших инициатив в области КВРН, которые могут рассматриваться как весомая часть позитивной международной повестки дня. Россия неоднократно высказывалась по проблеме всеобщего ядерного разоружения, отмечая, что выступает за освобождение мира от ЯО и других видов ОМУ.

³³ *Арбатов А.Г.* Кризис контроля над ограничением и нераспространением ядерного оружия// Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 10. С. 897–901; *Getting to Zero: The Path to Nuclear Disarmament.* Ed. by Catherine McArdle and Judith Reppy. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 432 p.

Так, в выступлении Министра иностранных дел С.В. Лаврова на 71-й сессии ГА ООН, еще до принятия ДЗЯО, указывалось, что практическое «продвижение по пути ядерного разоружения должно осуществляться при полноценном учете всей совокупности факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность, включая влияние ... глобальной системы ПРО, разработку стратегических ударных вооружений в неядерном оснащении, угрозу размещения оружия в космосе, неспособность обеспечить вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, растущий дисбаланс обычных вооружений в Европе»³⁴.

Что касается проблематики ядерного разоружения, то Россия внесла свой существенный вклад в процесс ядерного разоружения, включая полное выполнение ранее заключенных соглашений в данной сфере. Дальнейшее продвижение на этом направлении должно осуществляться в строгом соответствии со статьей VI ДНЯО. Оно может быть только поэтапным, на основе принятия консенсусных решений, учитывающих интересы всех стран и ведущих к упрочению международного мира и стабильности при укреплении безопасности всех без исключения государств.

В этом контексте весьма показательны высказывания С.В. Лаврова на Международной конференции по нераспространению в Москве 20 октября 2017 г. о том, что полная ликвидация ЯО возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения при условии обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и для обладателей ЯО³⁵.

³⁴ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 71-й сессии ГА ООН, Нью-Йорк, 23 сентября 2016 года. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJEO2Bw/content/id/2468262; Концепция внешней политики Российской Федерации 2016. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJEO2Bw/content/id/2542248; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>.

³⁵ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Московской конференции по нераспространению, Москва, 20 октября 2017 года. — URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJEO2Bw/content/id/2913751.

Суммируя отношение России к ЯО, уместно привести высказывания Президента РФ В.В. Путина о том, что Россия, с одной стороны, всегда будет «очень ответственно» относиться к своему ядерному статусу, а с другой, что «ядерное разоружение возможно» и что Россия будет к этому стремиться³⁶.

Предельно ответственное отношение к обладанию ЯО и к ядерному сдерживанию наиболее полно проявилось в принятых Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, утвержденных Указом Президента РФ 02.06.2020 № 355³⁷.

Уникальность документа заключается в предельной степени прозрачности и предсказуемости в отношении возможного задействования российского ядерного потенциала. В этом отношении данный документ можно рассматривать как практическую меру укрепления транспарентности и доверия в ядерной области.

В этом контексте безусловное продление Договора о СНВ 2010 г., который обеспечивает предсказуемость в стратегической сфере, оказывает стабилизирующее влияние в глобальном масштабе и вносит значительный практический вклад в процесс ядерного разоружения.

При этом как на официальном уровне, так и на уровне экспертов отмечалось, что игнорирование серьезной сдерживающей роли ЯО, значимости для удержания мира от скатывания в стратегическую нестабильность и разрушения всей архитектуры международной безопасности, при всей растущей значимости неядерных средств сдерживания, было бы проявлением политической близорукости. Особенно с учетом складывающейся в настоящее время международной обстановки³⁸.

³⁶ Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай». Сочи. 2017. 19 октября. — URL: <http://rremlin.ru/events/president/news/55882>.

³⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, утвержденные Указом Президента РФ 02.06.2020 № 355//Администрация Президента России, официальный сайт. — URL: <http://www/kremlin.ru/acts/bank/45562>.

³⁸ *Бочаров И.Ф.* Практические аспекты ядерного сдерживания// США и Канада. 2009. № 12. С. 17–32; *Ермаков А., Стефанович Д.* Возможно ли неядерное сдерживание?// РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhno-li-neydernoe-sderzhivanie/>.

В этих условиях поспешный непродуманный отказ от ЯО без учета всей совокупности факторов, влияющих на стабильность, способен привести лишь к резкому снижению порога применения силы в международных отношениях.

Представляется крайне важным при этом исходить из соблюдения следующего ключевого критерия — способствует ли дальнейший практический процесс ядерного разоружения повышению уровня международной безопасности и стратегической стабильности или нет.

Как представляется, такому универсальному критерию не соответствует подход, который предусматривает линию на принуждение ядерных государств к отказу от своих ядерных арсеналов без учета их законных оборонных интересов и существующих стратегических реалий.

Кроме того, нарабатываемые в настоящее время возможности нового поколения т.н. обычных вооружений уже вплотную приблизили их по своей разрушительной мощи и возможностям поражения к ядерным средствам.

В этом контексте свое видение нового «уравнения безопасности», которое могло бы лечь в основу будущих переговоров по проблематике КВРН, российская сторона неоднократно излагала³⁹.

Российская концепция подразумевает выработку договоренностей о контроле над наступательными и оборонительными вооружениями в ядерном и неядерном оснащении, способными решать стратегические задачи. Важным фактором также является соблюдение зафиксированного в ДСНВ-2010 принципа неразрывной взаимосвязи между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями. Поэтому учет фактора глобальной ПРО, разворачиваемой в интересах США, для России носит безальтернативный характер.

Что касается наступательных вооружений, то особое внимание следует уделить фактору появления и развития ударных комплексов,

³⁹ Интервью зам. Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова международному информационному агентству «Россия сегодня» 17 февраля 2021 г.// Официальный сайт МИД России. — URL: <http://www.mid.ru>.

в том числе и в неядерном оснащении, которые могут быть применимы в первом контрсилловом ударе для нейтрализации потенциала сдерживания оппонента или для резкого ослабления такого потенциала. Таким образом, фактор неядерных высокоточных вооружений, в том числе и дальнего действия, также следует учитывать при поддержании адекватного уровня стратегической стабильности.

В данную формулу следует также включить выработку общих подходов к решению задачи предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

Как представляется, только такой комплексный подход способен помочь сформировать международную атмосферу, способствующую осуществлению дальнейших шагов в области ядерного разоружения, к которым на определенных этапах и при определенных условиях могли бы подключаться и другие члены «ядерного клуба».

Кроме того, следует учитывать, что для России в условиях вступления ДЗЯО в силу наступает новая реальность — членами Договора могут являться государства, которые связаны с РФ союзническими отношениями. Речь, в частности, идет о Казахстане — активном стороннике ядерного разоружения и разработчике ДЗЯО, который одновременно является государством — членом ОДКБ.

В отношении международно-правовых аспектов ДЗЯО представляется, что нет оснований соглашаться с многократно звучавшими из уст приверженцев ускоренного ядерного разоружения тезисом о якобы имеющихся «правовых лакунах» в данной разоруженческой сфере⁴⁰.

Достаточно привести Статью VI ДНЯО, где четко зафиксировано, что полная ликвидация ядерных арсеналов должна состояться в соответствии с договором о всеобщем и полном разоружении⁴¹.

В последнее время это положение намеренно игнорируется. ДНЯО при этом — единственно реально действующий консенсусный

⁴⁰ Договор о запрещении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. — URL: [http://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/CONF.229/2017/8](http://www.undocs.org/pdf/symbol=ru/CONF.229/2017/8).

⁴¹ Договор о нераспространении ядерного оружия // Организация Объединенных Наций. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml.

юридически обязывающий инструмент, лежащий в основе глобальной системы нераспространения, разоружения и мирного использования атомной энергии. Его расшатывание и подрыв — крайне опасны.

В этом контексте вступление в силу ДЗЯО накануне проведения отложенной из-за COVID-19 X Обзорной конференции ДНЯО, скорее всего, сработает лишь на долговременное углубление имеющихся серьезных противоречий в позициях ГУ ДНЯО по ряду вопросов выполнения обязательств по этому Договору, перспективы решения которых пока не просматриваются.

Следует ожидать, что, как и в ходе состоявшейся на этапе подготовки к ОК ДНЯО серии Подготовительных комитетов, так и в рамках X ОК ДНЯО и в последующие межсессионные периоды апологеты ускоренного ядерного разоружения будут, вооружившись вступившим в силу ДЗЯО, усиленно предлагать альтернативный поэтапному подходу путь — через сам ДЗЯО и подключение к нему ядерных держав. При этом, опираясь на солидную экспертную юридическую поддержку, будут, с одной стороны, продвигать идею о «неподрыве» режима ДНЯО со стороны ДЗЯО, а с другой — активно «педалировать» несоответствие ЯО нормам и принципам МГП, используя в том числе и заключение Международного Суда ООН в отношении ядерного оружия⁴².

Как представляется, «гуманитарные» аспекты продвижения в жизнь «ядерного нуля» заслуживают отдельного внимания.

В целом, на наш взгляд, «гуманитарный» подход к вопросам ядерного разоружения объективно ведет к подмене понятий и неоправданному смещению акцентов в разоруженческой сфере с задач поддержания глобальной стратегической стабильности на достижение достаточно абстрактных «гуманитарных стандартов». Такая постановка вопроса не только отвлекает международное внимание от стратегических аспектов в их взаимной увязке, но смещает фокус дей-

⁴² Резолюция ГА ООН от 10 января 2002 г. T56/24S. Мероприятия в развитие консультативного заключения международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения (по докладу Первого комитета (A/56/536)) [электронный ресурс]// Организация Объединенных Наций. — URL:<http://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/T56/24S>.

ствий в русле МГП, нормы и принципы которого в последнее время нередко становятся объектом манипуляций и инструментом продвижения вполне конкретных геополитических, военных и даже экономических целей.

В качестве примера манипулирования принципами и нормами МГП в целях продвижения определенных стандартов в военно-политической сфере уместно привести попытки «навесить ярлыки» на существующие и перспективные виды вооружений с точки зрения их соответствия гуманитарным нормам и фактически разделить вооружения на «хорошие» и «плохие». В частности, в т.н. Ословской конвенции по запрету кассетных боеприпасов (КБ), порядок подготовки и принятия которой был весьма сходным с ДЗЯО, за скобками запретов остаются производимые в основном в европейских странах КБ на основе разделения этого вида боеприпасов на «гуманные» и «негуманные» с приведением необъективных, неубедительных и не устраивающих Россию критериев. Как следствие, Россия не принимала участия в выработке Конвенции и не присоединилась к этому инструменту.

В качестве отдельного аспекта следует остановиться на дестабилизирующих последствиях вступления в силу ДЗЯО для многостороннего разоруженческого механизма (МРМ) ООН и его разоруженческой «триады» — Первого Комитета ГА ООН (ПК), Комиссии ООН по разоружению (КОР) и Конференции по разоружению (КР). Как известно, ПК ГА ООН определяет ключевые направления деятельности государств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН) на текущую сессию Генассамблеи, КОР призвана выработать рекомендации по решению актуальных проблем КВРН, а КР в Женеве должна вести переговорную работу с целью выработки новых соглашений.

В этом контексте важно подчеркнуть, что устойчивость МРМ ООН обеспечивается взаимосвязанностью и взаимодополняемостью его элементов, их подчиненностью единой цели — обеспечению международной безопасности.

К сожалению, вступление в силу ДЗЯО и обстановка вокруг этого Договора объективно ведут к дальнейшему нарушению сбалансированности МРМ ООН при сохранении застойных тенденций в КОР

и на КР, к фрагментации международных усилий по контролю над вооружениями и к дальнейшему размежеванию среди государств по актуальным проблемам разоруженческой повестки дня.

В качестве примера можно привести работу ооновской КОР в ходе последнего (2017–2019 гг.) трехлетнего цикла ее работы в трех рабочих группах (РГ), отражающих повестку дня по трем вопросам:

- «Рекомендации по достижению цели ядерного разоружения и нераспространения ЯО» (РГ-1);
- «Практические меры укрепления доверия (МУД) в области обычных вооружений» (РГ-2);
- «Меры укрепления доверия в космическом пространстве» (РГ-3).

Следует признать, что РГ-1 по «ядерным» вопросам действовала под жестким прессингом антиядерных радикалов (Австрия, Бразилия, Египет, Куба, Мексика, Эквадор, ЮАР и др.), оснащенных после принятия ДЗЯО дополнительной аргументацией в пользу своих позиций.

Активисты запрета на ЯО фактически блокировали любые компромиссные предложения, настаивая на «заполнении пробелов» в международно-правовом обеспечении ядерного разоружения не только за счет ДЗЯО, но выбирая еще более радикальный подход — путем выработки и принятия конвенции по запрету ЯО с нормами «прямого действия», вводящими запрет на ЯО и устанавливающими верификационный механизм.

Радикалы настойчиво проталкивали тематику «гуманитарных» последствий обладания ЯО, якобы «отражающую политическую волю 80% государств». Одновременно предпринимались активные попытки убрать из проекта итогового документа работы Группы ссылки на «стратегическую стабильность» в качестве неперемennого условия поэтапного продвижения к безъядерному миру.

Показательно, что в этом вопросе российские представители координировали свои действия с делегациями «ядерной пятерки».

В этом контексте уместно подчеркнуть важность продолжающегося диалога на экспертном уровне представителей «ядерной пятерки», несмотря на имеющиеся существенные разногласия и свою специфику по ряду вопросов, связанных с проблематикой

ЯО, — прежде всего по вопросам ядерных доктринальных установок, транспарентности и верификации, а также по ряду региональных аспектов ядерной безопасности и предоставления гарантий неядерным государствам. Так, Китай, как правило, акцентирует свою «особую позицию», связанную с провозглашенным им принципом неприменения первыми ЯО.

Не добавит единства взглядов и отмеченный выше поворот доктринальных установок Великобритании в пользу наращивания своего ядерного потенциала⁴³.

Данный фактор способен также еще более осложнить отношения «пятерки» с ядерными разоруженцами.

Тем не менее представляется важным обеспечивать хотя бы минимальный уровень взаимодействия в «ядерной пятерке». На многосторонних площадках последних лет позиции в отношении ядерных радикалов и самого ДЗЯО звучали не раз. Так, в марте 2017 г. в Совбезе ООН от имени западных участников «ядерной пятерки» США дали понять, что эти государства не будут принимать участие в выработке ДЗЯО, не присоединятся к нему и не ратифицируют его. Аналогичное заявление от имени «ядерной пятерки» было сделано на заседании Первого комитета 73-й сессии ГА ООН⁴⁴.

Важно, чтобы этот диалог сохранился как в контексте МРМ ООН, так и в рамках обзорного процесса ДНЯО. В частности, безусловная пролонгация на 5 лет ДСНВ-2010 объективно предоставляет возможность России и США оперировать дополнительными аргументами в пользу конкретного вклада в выполнение Статьи VI ДНЯО. Показательно, что такие совместные выступления российских и американских представителей на международных, в частности ооновских, площадках, раскрывающие суть договоренностей в области ограни-

⁴³ UK Integrated Review 2021. Defence outlines 2030 vision for the armed forces. — URL: <http://www.gov.uk>.

⁴⁴ Совместное заявление Великобритании, Китая, Российской Федерации, США и Франции. Первый комитет 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тематические дебаты (ядерное оружие), 29 октября 2018 г. // МИД РФ. — URL: http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/3384609.

чений и сокращений СНВ, были способны оказывать существенное «охлаждающее» воздействие на радикально настроенные делегации и представителей общественных структур⁴⁵.

Одновременно, говоря о расстановке сил в рамках обзорного процесса ДНЯО, следует подчеркнуть, что европейские союзники США в целом продолжают свою линию на «контрпродуктивность» идеи ДЗЯО, подчеркивают важность учета общестратегического подхода (как они его понимают) и актуальность поэтапного подхода к ядерному разоружению.

На первый взгляд — вполне сбалансированная позиция. Однако при более близком рассмотрении проявляется и общая для натовских союзников и для радикалов тема. Это проблематика транспарентности и «дополненной верификации» ядерного разоружения.

При этом в адрес России и Китая как от натовских союзников, так и от «радикалов» выдвигаются дополнительные требования предоставить более подробные отчеты по ядерным арсеналам, как стратегическим, так и нестратегическим, развернутым и неразвернутым, средствам доставки, конкретным мерам по снижению роли ядерного оружия в доктринах безопасности и т.д. Весьма не случайно в этой связи, что в фокус внимания этой ситуативно объединенной «по интересам» команды выдвигается тема НСЯО России и необходимости обеспечения «транспарентности» размещенных «в Европе» российских тактических ядерных боезарядов⁴⁶.

При этом намеренно за скобками внимания остаются американское тактическое ядерное оружие (ТЯО) в Европе, которому в последнее время активно придаются характеристики «оружия поле боя», и явное повышение роли ЯО в последних доктринальных документах США, о чем говорилось выше⁴⁷.

⁴⁵ (Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Конференции по разоружению, Женева, 28 февраля 2018 года// МИД РФ. — URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/3102270.

⁴⁶ Brad R. Ban the Bomb? Or bomb the Ban?// European Leaders Network. Policy Brief. 2018. 22 March. P. 2.

⁴⁷ Borger J. US to loosen nuclear weapons constraints and develop more

В этом контексте фактор вступившего в силу ДЗЯО способен стать не только инструментом продвижения целей ядерного разоружения, но и фактором манипуляций со стороны США и их союзников для оказания политического давления на Россию и Китай руками ядерных радикалов. Данный тезис способен приобрести особое звучание в свете пришедших к власти в Вашингтоне демократов, имеющих традиционно хорошо наработанные связи с многочисленными профильными НПО и манипулирующих в своих целях их нередко позорным радикализмом.

В целом, как представляется, предсказуемой может оставаться позиция не участвующих в ДНЯО де-факто ядерных Индии, Пакистана и Израиля — они, скорее всего, будут продвигать устраивающие их традиционные подходы. Как известно, на ооновских площадках, в частности в формате ПК ООН и КР, индийцы продолжают выступать за закрепление понятий «глобального и недискриминационного ядерного разоружения в фиксированные сроки». Пакистан обозначает «готовность к компромиссным формулировкам» в отношении ядерного разоружения, выводя себя из-под зоны критики «радикалов». При этом Исламабад продолжает указывать на неприемлемость любых ссылок на запрещение производства оружейного расщепляющегося материала (ЗПРМ).

Бессрочное продление ДНЯО, согласие на которое со стороны группы арабских государств в ходе ОК ДНЯО–1995 было обусловлено практическим продвижением идеи создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ (ЗСОМУ), и проведения соответствующей международной конференции, процесс подготовки которой пробуксовывает, вызывает весьма сложную реакцию у руководства еврейского государства.

Таким образом, фактор ДЗЯО «ложится» дополнительным «грузом» противоречий на целый комплекс серьезных разногласий вокруг ядерной проблематики. Это такие темы, как «негативные» гарантии безопасности со стороны ядерных держав неядерным государствам;

‘usable’ warheads// The Guardian, January 9, 2018. — URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/09/us-to-loosen-nuclear-weapons-policy-and-develop-more-usable-warheads>.

зона, свободная от ядерного оружия (ЗСЯО) и ЗСОМУ, на Ближнем Востоке; идея Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ); Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); «нераспространенческая» резолюция СБ ООН 1540; ситуация на Конференции по разоружению в Женеве, где вот уже более 20 лет не удается запустить предметный переговорный процесс.

Кроме того, именно комплекс острых проблем, связанных с ядерным разоружением, представляет собой одну из основных причин нарастающего кризиса в области КВРН на Первом Комитете ГА ООН. В сочетании с зашкаливающей политизацией ведущихся на этой нью-йоркской площадке дебатов такая ситуация приводит к нарастающей тенденции снижения числа консенсусных документов. В этом контексте вступление в силу ДЗЯО способно явиться дополнительным «фактором раздора», способствующим дальнейшей фрагментации разоруженческого механизма ООН.

Как представляется, общие негативные тенденции, влияющие на обстановку на многосторонних разоруженческих площадках, сохраняются и будут сохраняться.

Явный «минус» здесь — отход Запада от попыток совместно с остальным мировым сообществом вести поиск компромиссных решений по ряду наиболее чувствительных проблем КВРН. Наглядный пример — стабильно негативное солидарное (порядка 50 стран — европейцы, США, Австралия, Израиль, Канада, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония) голосование на ПК ГА ООН и КР по важнейшим для международной безопасности и приоритетным для России вопросам предотвращения гонки вооружений в космосе (ПГВК)⁴⁸.

Неоднократное обращение к теме космоса в исследовании не случайно, так как реальные приготовления по превращению космического пространства в «поле боя» с выведением ударных космических систем, в случае их практического воплощения, во-первых, способны кардинально изменить всю стратегическую обстановку в мире и,

⁴⁸ Resolution of the UN General Assembly A/RES/69/31 Prevention of an arms race in outer space [electronic source]// United Nations [official website]. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/69/31>.

во-вторых, подорвать создание необходимых условий для стратегической стабильности, без поддержания которой практические меры в отношении ядерного разоружения будут лишены всяких оснований.

Более того, акцент, который делается США и их союзниками по НАТО на комплексное системное и внезапное задействование ударных средств, как ядерных, так и неядерных, стратегических и нестратегических, для проведения многосферных (мультидоменных) операций с задействованием космического и киберпространства практически не оставляет шансов на удержание ответных мер в неядерной плоскости.

Такого рода столкновение может привести к крупномасштабной войне с весьма быстрым применением ОМУ. В таких условиях трудно, если вообще возможно, прогнозировать практические радикальные меры по ядерному разоружению.

Как представляется, и в предстоящий обозримый период придется сталкиваться с подчеркнuto политизированной и даже идеологизированной — с учетом прихода к власти в Вашингтоне команды Демократической партии США и стоящих за ними либералами-интервенционалистами — позицией США и их ближайших союзников на профильных международных площадках по ключевым аспектам КВРН.

* * *

Таким образом, ДЗЯО представляет собой документ, который разрабатывался без учета стратегических реалий, фундаментальных принципов, лежащих в основе ДНЯО, которые следует применять последовательно и без искажений. ДЗЯО вряд ли способен внести практический вклад в процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений. Он не устанавливает какие-либо новые стандарты либо нормы и не способствует развитию норм обычного международного права (*customary law*). Вступление его в силу вряд ли что-либо меняет в этом смысле.

Альтернативой такому подходу может быть запуск предметного обсуждения тематики КВРН и вопросов ядерного разоружения в их взаимосвязи, в многостороннем формате. Такой разговор должен ве-

стись на основе консенсусного принятия решений, гарантирующего дееспособность и эффективность вырабатываемых международных инструментов, с учетом законных интересов всех сторон, без внешнего нажима или принуждения.

При этом продвижение на направлении ядерного разоружения должно осуществляться в строгом соответствии со статьей VI ДНЯО. Оно может быть только поэтапным, на основе принятия консенсусных решений, учитывающих интересы всех стран и ведущих к упрочению международного мира и стабильности при укреплении безопасности всех без исключения государств.

Что касается полной ликвидации ЯО, то она возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения при условии обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и для обладателей ЯО. Что касается более широкого аспекта сохранения восстребованности ЯО для поддержания международной стабильности, то как в настоящее время, так и в видимой перспективе нет оснований предполагать, что произойдет отказ от ядерного сдерживания.

Данельян Андрей Андреевич

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Кибербезопасность считается одной из самых актуальных тем современного международного права, крайне важной для обеспечения национальной безопасности государств. В современном мире существенно возросло количество преступлений, совершаемых в киберпространстве. Регулярно появляются новые виды вредоносного программного обеспечения, используемого для достижения незаконных целей. По оценкам экспертов, материальный ущерб мировой экономике от преступлений, совершаемых с помощью информационно-коммуникационных технологий, исчисляется триллионами долларов США.

Информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы в целях негативного воздействия на экономические, социальные, культурные и политические отношения, могут нанести ущерб экономическому, военному, оборонному потенциалу государства и общества. В связи с этим международное сообщество проявляет серьезную заинтересованность в разработке многосторонней правовой основы сотрудничества в области кибербезопасности.

Однако единый подход к решению данной задачи на международной арене пока не выработан, поскольку **сложность правового регулирования** киберпространства обусловлена виртуальной характеристикой складывающихся в этой сфере отношений.

Термин «киберпространство» (*англ.* cyberspace) был введен в научный оборот относительно недавно. Большинство специалистов сходятся во мнении, что данное понятие было впервые использовано в 1981 г. писателем-фантастом У. Гибсоном¹. Этимологически слово

¹ Впервые американско-канадский писатель-фантаст Уильям Гибсон использовал понятие «киберпространство» в 1982 году в рассказе «Сожжение Хром» («Burning Chrome»), а затем популяризировал его в 1984 году в романе «Нейромант» («Neuromancer»). В романе «Нейромант» автор описал киберпространство как «консенсуальную галлюцинацию», которую трудно отличить от реальности и в которой компьютерные системы являются своего

«киберпространство» связано с «кибернетикой» — наукой, изучающей общие закономерности процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе.

В научной литературе киберпространство достаточно часто ошибочно ассоциируется с Интернетом. Одной из причин этого заблуждения является отсутствие единого определения понятия «киберпространство». Так, по данным американского эксперта Ф.Д. Крамера, в западной научной доктрине насчитывается порядка 28 определений «киберпространства»². Французский профессор С.И. Лоран указывает, что «киберпространство — это социально-техническая реальность, которая глубоко сопряжена с политическим контекстом»³. По мнению Д.Е. Добринской, «киберпространство есть продукт функционирования любых информационно-коммуникационных технологий (в том числе и интернета)»⁴. Исследовательской службой Конгресса США было предложено определение киберпространства как «всеохватывающего множества связей между людьми, созданного на основе компьютеров и телекоммуникаций вне зависимости от физического и географического положения»⁵. В то же время министерство обороны США полагает, что киберпространство — это «сфера (область), в которой применяются различные радиоэлектронные средства (связи, радиолокации, разведки, навигации, автоматизации, управления и наведения) для приема, передачи, обработки, хранения, видоизменения (трансформации) информации, и связанная с ними информационная

рода заменой реального мира, существующего только в памяти компьютеров и умах его пользователей.

² Киберпространство как стратегический инструмент социальной инженерии. — URL: <https://whatisgood.ru/theory/analytics/kiBERprostranstvo-kak-strategicheskij-instrument/>

³ Там же.

⁴ *Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18 «Социология и политика». 2018. Т. 24. № 1. С. 58.

⁵ См.: *Макаренко С.И.* Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. — СПб.: Наукоемкие технологии, 2017. С. 237.

инфраструктура вооруженных сил»⁶. В Китае с 1 июня 2017 г. вступил в силу закон о кибербезопасности, регламентирующий действия поставщиков сетевых продуктов и услуг по сбору, хранению и обработке пользовательских данных; порядок и специфику обеспечения безопасности информационной инфраструктуры в стратегически важных отраслях. Главной целью принятия закона провозглашается защита национального «киберсуверенитета» КНР⁷. В Российской Федерации нет действующих нормативно-правовых документов с названием «киберпространство»⁸, однако Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, в которой «...под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений»⁹.

Киберпространство — это сочетание компьютеров, мобильных устройств и пользователей, которые вступают между собою во взаимодействие на расстоянии. Интернет, в свою очередь, используется для подключения этих компьютеров и мобильных устройств. Кибер-

⁶ AFDD 3-13. Information Operations. USAF, 2011. 65 p.

⁷ 中华人民共和国网络安全法 Чжунхуа жэньминь гунхэго ванло аньцюань фа [Закон о кибербезопасности КНР]// 全国人民代表大会 Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй [Всекайтайское собрание народных представителей]. — URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm.

⁸ Если не считать проект Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации, подготовленный Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf>.

⁹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50. Ст. 7074.

пространство шире Интернета, Интернет находится в киберпространстве. В современных условиях киберпространство становится главным каналом распространения и хранения информации.

В научной литературе встречается справедливая, по нашему мнению, точка зрения, что проблематика киберпространства в целом, и кибербезопасности в частности, актуализировалась в результате войны в Персидском заливе 1990–1991 гг., в ходе которой использование новейших военных технических достижений сопровождалось мощной информационной кампанией и освещением в прессе.

После указанных событий ученые и политики стали переосмыслять понятия «информационная война», «кибервойна». Киберпространство стали рассматривать в качестве «пятого пространства»¹⁰, используемого для достижения политических целей с помощью информационно-коммуникационных технологий¹¹.

Данные новые обстоятельства вызвали необходимость разрешения на межгосударственном уровне вопроса применимости существующих международно-правовых норм и принципов к информационной сфере, а также разработки специальных правил поведения в киберпространстве в целях правового противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в незаконных целях.

В последние годы эта проблема была предметом исследования многих специалистов в отечественной и зарубежной доктринах международного права¹².

¹⁰ Наряду с сушей, морским пространством, воздушным пространством и космосом.

¹¹ *Warden J.A.* The Enemy as a System// *Airpower Journal*. 1995. Vol. 9. № 1.

¹² *Батуева Е.В.* Политический диалог по вопросам управления Интернетом// *Мировая политика: новые проблемы и направления: сборник научных статей/ под ред. М.М. Лебедевой.* М.: МГИМОУниверситет, 2009. С. 15–22; *Бедрицкий А.В.* Американская политика контроля над кибернетическим пространством// *Проблемы национальной стратегии.* 2010. № 2 (3). С. 25–40; *Крутских А.В., Стрельцов А.А.* Проблемы применения международного права к злонамеренному использованию ИКТ// *Международная жизнь.* 2014. № 11; *Касенова М.Б., Якушев М.В.* Управление интернетом. Документы и материалы. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 395 с.; *Касенова М.Б.* Интернет и международное публичное право: ретро-

В научном сообществе идет дискуссия относительно вопроса: возможно ли применять существующие международно-правовые нормы к киберпространству или необходимо выработать новые правила регулирования этой сферы отношений?

В доктрине международного права можно выделить два подхода по данному вопросу:

— «реальное» право — подход, в рамках которого Интернет рассматривается как явление, аналогичное предшествующим ему технологиям коммуникации. Следовательно, любые существующие правовые нормы могут применяться и по отношению к Интернету;

— «киберправо» исходит из предположения, что Интернет породил новый вид отношений, существующих в киберпространстве. Следовательно, для их регулирования возникает необходимость формулировать новые правовые нормы.

Согласно наиболее распространенному мнению ученых, большая часть существующих правовых норм может применяться к киберпространству. Однако в ряде случаев требуется их видоизменение либо принятие новых правовых норм.

спектива доктринальных подходов// Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 18–24; *Касенова М.Б.* Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права// Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 43–64; *Determann L., Guttenberg K.T.* On War and Peace in Cyberspace: Security, Privacy, Jurisdiction/ Symposium 2014: The Value of Privacy Hastings Constitutional Law Quarterly UC// Hastings College of the Law San Francisco, California. 2014. April; *Knake R.* Internet Governance in the Age of Cyber Insecurity/ Robert K. Knake. New York: Council on Foreign Relations, 2010. 43 p.; *Kurbalija J.* Internet Governance: Issues, Actors and Divides/ Jovan Kurbalija and Eduardo Gelbstein. Diplo Foundation and the Global Knowledge Partnership, 2005. 144 p.; *Malcolm J.* Multi-stakeholder Governance and the Internet Governance Forum/ Jeremy Malcolm. Perth: Terminus Press, 2008. 611 p.; *Mansell R.* Imagining the Internet: Communication, Innovation, and Governance/ Robin Mansell. Oxford: Oxford University Press, 2012. 289 p.; *Mathiason J.* Internet Governance: the New Frontier of Global Institutions/ John Mathiason. New York: Routledge, 2009. 178 p.; *Mueller M.L.* Networks and States: the Global Politics of Internet Governance/ Milton L. Mueller. Cambridge, Mass: MIT Press, 2010. — 313 p. и др.

Вместе с тем в современных условиях проблема «адаптации» международного права к информационной сфере является крайне политизированной.

В юридической литературе США и некоторых других стран Запада доминирует мнение, согласно которому для обеспечения информационной безопасности требуется только принятие соответствующих технических мер, направленных на защиту информации. Ряд ученых других стран придерживаются иного подхода, в соответствии с которым информационная безопасность может быть обеспечена не только техническими мероприятиями, но и совокупностью политических, социальных, экономических и правовых мер.

В российской научной литературе внимание акцентируется на противоречиях, которые существуют между США и Россией в данной области. Причиной противоречий является различие в возможностях и, как следствие, интересах в информационной сфере. США являются лидерами в сфере информационно-коммуникационных технологий и не заинтересованы в ограничении своей «свободы рук». Россия же стремится ограничить возможные риски, связанные с информационным пространством, укрепляя, таким образом, национальную и международную безопасность. Кроме того, Россия добивается закрепления принципа невмешательства в информационное пространство.

Вместе с тем зарубежные эксперты с большей озабоченностью отмечают обострение противоречий между США и Китаем в сфере обеспечения информационной безопасности. Если Китай, как и Россия, выступает за государственное регулирование информационной сферы и обеспечение информационной безопасности на основании международных договоров, то США предпочитают частную модель регулирования и уклоняются от признания военно-политической составляющей информационной безопасности, делая акцент на террористической и преступной компонентах.

Как правило, подход стран ЕС, которые также выступают в роли влиятельных игроков в глобальном информационном пространстве, трактуется как схожий с подходом США в силу, прежде всего, союзнических обязательств по НАТО, а также значительной взаимозависимости в экономических аспектах развития интернет-индустрии.

Традиционно страны ЕС выказывали озабоченность, прежде всего, относительно защиты от информационных угроз для экономики.

В настоящее время в практике национально-правового регулирования киберпространства различных государств сложилось три основные модели:

— первая модель заключается в установлении полного контроля государства за распространением информации в сети Интернет (КНР);

— согласно второй модели, интернет-провайдеры несут ответственность за любые действия пользователя (Франция);

— в соответствии с третьей моделью интернет-провайдеры освобождаются от ответственности при условии выполнения предусмотренных законодательством действий в части предоставления услуг и взаимодействия с пользователями (Германия).

В доктрине международного права среди современных актуальных проблем в сфере обеспечения информационной безопасности называются: вовлечение в сферу правового регулирования так называемого Даркнета (DarkNet), а также отношений, связанных с созданием и использованием технологий искусственного интеллекта; проблематика правового регулирования использования технологий больших данных в контексте обеспечения безопасности и конфиденциальности информации; DDoS-атаки на важные объекты инфраструктуры; создание фейковых новостей на базе искусственного интеллекта; распространение антиправительственной информации через скрытые сетевые ресурсы сети Интернет как непосредственная угроза для конституционной целостности государства и поддержания общественного порядка.

На современном этапе не сложился единый международно-правовой режим обеспечения информационной безопасности. Международное взаимодействие по данной проблеме находится на стадии определения повестки дня. Однако предположение о том, что международно-правовые обязательства государств, включая обязательства, вытекающие из международных договоров, не применимы к киберпространству, привело бы нас к выводу об отсутствии правового регулирования и о свободе государств от каких-либо международно-правовых обязательств в этой сфере. Иными словами, мы бы столкнулись с правовым пробелом, наличие которого позволило бы поставить под

сомнение государственный суверенитет в киберпространстве, а наряду с этим вызвало бы необходимость принятия для киберпространства новых норм, не основанных на принципах Устава ООН. По этой причине является недопустимым предположение об отсутствии правового регулирования киберпространства нормами современного международного права.

В то же время киберпространство обладает определенной спецификой, обусловленной виртуальной характеристикой глобального информационного пространства как объекта права, в котором расстояние не имеет значения. В связи с этим общепризнанные принципы и нормы международного права в ряде случаев не могут применяться к киберпространству методом простой экстраполяции понятий. Так, например, такие понятия, как «акт агрессии», «применение силы», «вооруженное нападение», нельзя применять к любой компьютерной атаке, а используемое политологами и в средствах массовой информации понятие «информационная война» нельзя применять к понятию «война» в его международно-правовом понимании. Некоторые существующие обязательства государств могут исполняться в киберпространстве согласно принципу «*mutatis mutandis*» с изменениями, основанными на особой природе киберпространства. При этом надо признать, что концептуальные основы существующего международного правопорядка порой достаточно сложно адаптируются к угрозам, возникающим в киберпространстве.

Координирующая роль в области правового регулирования информационно-коммуникационных технологий остается за государствами. Очевидно, что опыт внутригосударственного регулирования должен быть использован при выработке международно-правовых норм.

Так, например, в Российской Федерации принята Доктрина информационной безопасности, которая предусматривает в числе мер по обеспечению информационной безопасности, среди прочего, сугубо правовые меры по обнаружению, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации их последствий.

26 июля 2017 г. принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Правовое регулирование отношений в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры в Рос-

сии дополняется Федеральным законом от 7 июля 2003 г. №126-ФЗ «О связи». Кроме того, в Уголовном кодексе Российской Федерации выделен особый состав по неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1) в Главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

С октября 2019 г. в России начал действовать т.н. «Закон о цифровых правах», предусматривающий поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации. В новой статье 141.1 кодекса установлено, что содержание и условия осуществления цифровых прав будут определяться правилами информационной системы, которая должна отвечать признакам, установленным законом.

В текущий момент Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разрабатывает пакет документов по технологической независимости КИИ Российской Федерации. В него входит проект Указа Президента Российской Федерации, в котором предусматривается утверждение требований к программному обеспечению и оборудованию на объектах КИИ и порядок перехода на преимущественное использование российского программного обеспечения.

В середине 2019 г. Правительство Российской Федерации в рамках реализации национального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» подготовило законопроект «О национальной системе управления данными и о внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации в Российской Федерации”».

8 июня 2020 г. был принят Федеральный закон № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации».

С 1 июля 2020 г. в России вступила в силу новая редакция закона «Об электронной подписи».

С 1 июля 2020 г. в Москве начался пятилетний эксперимент по внедрению технологий ИИ на территории столицы в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В декабре 2019 г. в рамках Недели российского Интернета (RIW-2019) был принят «Кодекс этики использования данных» в Россий-

ской Федерации, одним из разработчиков которого была «Ассоциация больших данных». Этот свод профессиональных стандартов этического поведения закрепил принципы взаимодействия граждан, представителей бизнеса и государства при сборе, обработке, использовании и хранении данных.

Основы международно-правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий рассматриваются в доктрине международного права и на практике в основном через призму прав человека. Это связано с закреплением на универсальном уровне права человека на информацию. Так, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. установлено, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на их свободное выражение: «...это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Это право получило договорное закрепление в 1966 г. с принятием Международного пакта о гражданских и политических правах.

По мнению ряда ученых, основными источниками права в данной области являются Устав ООН, международные договоры, заключаемые в развитие положений Устава ООН по обеспечению международного мира и безопасности, международные договоры по гуманитарным аспектам ведения войны, решения Международного Суда, содержащие трактовки положений международного права использования силы¹³.

Если же обратиться к вопросу создания новых норм для регулирования киберпространства, то в настоящее время усилия государств, к сожалению, сконцентрированы на узкой сфере вопросов, касающихся прав человека, конфиденциальности данных и др. Более того, не все государства заинтересованы в создании современного и эффективного механизма сотрудничества, открыто выступая против разработки новых международно-правовых инструментов. По этой причине в настоящее время отсутствует всеобъемлющая международно-правовая база в сфере киберпространства.

¹³ Стрельцов А. О проблемах адаптации международного права к информационным конфликтам. — URL: <https://digital.report/problemnyi-adaptatsii-mezhdunarodnogo-prava-k-informatsionnyim-konfliktam/>

В настоящий момент, например, вопросам использования и передачи информационных технологий посвящены отдельные нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 109 Конвенции запрещается несанкционированное вещание из открытого моря.

С февраля 1999 г. была полностью введена в эксплуатацию Глобальная морская система связи при бедствии. Теперь судно, терпящее бедствие в любой точке Мирового океана, может получить помощь, даже если экипаж судна не имеет возможности передать по радиации сигнал о помощи, поскольку соответствующее сообщение будет передано автоматически.

Еще одним примером внедрения ИТ является использование технологии блокчейн для отслеживания перемещения морских грузов, регистрации сведений о судах, автоматизации процесса обработки документов.

Ограниченной применимостью к информационным конфликтам обладает международное гуманитарное право, многие положения которого были выработаны применительно к обычным условиям ведения войны и в современных условиях требуют доработки. Источниками гуманитарного права применительно к информационной сфере являются ряд Женевских и Гаагских конвенций.

Международное гуманитарное право обладает наибольшим потенциалом применительно к защите критических информационных инфраструктур. Большое значение в праве вооруженных конфликтов придается защите гражданских объектов: «гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий». Несмотря на то что термин «защита критических инфраструктур» не используется в конвенциях, безопасность человека, в особенности гражданского населения, имеет прямое отношение к их содержанию. Вполне эффективно могут применяться положения Дополнительного протокола Гаагской конвенции 1907 г., запрещающие подвергать нападению или уничтожению объекты, необходимые для выживания гражданского населения (запасы пресной воды, запасы продуктов питания и др.).

Термин «информационное оружие» используется в ряде международных документов, принятых в рамках ШОС и СНГ. Например, согласно ст. 2 Соглашения между Правительствами государств — чле-

нов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июля 2009 г.¹⁴, главной угрозой международной информационной безопасности является «разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны». Ее признаками являются «...воздействие на системы транспортировки, коммуникаций и управления воздушными, противоракетными и другими видами объектов обороны, в результате чего государство утрачивает способность обороняться перед лицом агрессора и не может воспользоваться законным правом самозащиты; нарушение функционирования объектов информационной инфраструктуры, в результате чего парализуются системы управления и принятия решений в государствах; деструктивное воздействие на критически важные структуры»¹⁵.

Позицию стран НАТО, прежде всего США, по вопросу международно-правового регулирования военно-политического аспекта информационной безопасности отражает опубликованное 19 марта 2013 г. Таллинское руководство по применению международного права в кибервойнах¹⁶. Данный документ, подготовленный группой экспертов Центра совместной киберобороны НАТО в Таллине, посвящен вопросам применения международного права к конфликтам в информационной сфере, прежде всего в ее технологическом измерении. Справедливости ради следует отметить, что данный документ не является юридически обязательным.

Разработчики Таллинского руководства исходят из того, что киберпространство ничем не отличается от иных сфер отношений и не требует особых подходов к его правовому регулированию, а основные принципы международного права, нормы международного гуманитарного права применимы к действиям в киберпространстве. Так, согласно смыслу Таллинского руководства, термин «оружие» применим к кибертехнологиям, а крупномасштабные кибератаки могут считаться «вооруженным нападением» по смыслу статьи 51 Устава ООН.

¹⁴ Бюллетень международных договоров. 2012. № 1. С. 13–21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. February 2017. 638 p.

В Таллинском руководстве по сути рассматриваются два основных положения: *jus ad bellum*, определяющее условия применения государством силы в международных отношениях, и *jus in bello*, определяющее аспекты конфликта, представляющие гуманитарный интерес. Как известно, основным источником права *jus ad bellum* является Устав ООН, а основными источниками *jus in bello* являются Гаагские конвенции, Женевские конвенции и другие международные договоры, подписанные в развитие норм и идей данных конвенций.

Проблеме адаптации международного права вооруженных конфликтов к киберпространству посвящены ряд научных статей в российской и зарубежной доктринах международного права. Как отмечает А. Стрельцов, «ст. 41 и ст. 42 Устава ООН выделяют два основных вида “силы” — сила, связанная с использованием вооруженных сил (оружия), и сила, не связанная с использованием оружия. ... Международные отношения в области злонамеренного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в основном урегулированы нормами ст. 2(4) Устава ООН, предъявляющими к государствам требование воздерживаться от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, в том числе и в киберпространстве»¹⁷. В то же время А. Стрельцов отмечает, что, «несмотря на “очевидность” возможности использования ИКТ в военных целях, практически все специалисты считают, что ИКТ не являются оружием»¹⁸.

Однако следует учитывать, что в соответствии с консультативным заключением Международного Суда ООН «О законности применения ядерного оружия» осуществление права на самооборону не зависит от типа оружия, которое применяется для нападения, достаточно самого факта применения силы¹⁹.

¹⁷ Стрельцов А. О проблемах адаптации международного права к информационным конфликтам. — URL: <https://digital.report/problemi-adaptatsii-mezhdunarodnogo-prava-k-informatsionnyim-konfliktam/>

¹⁸ Там же.

¹⁹ «These provisions not apply to specific weapons. They apply to any use of force, regardless of the weapons employed». Legality of the threat of use of nuclear weapons. ICJ Advisory Opinion, 8 July 1996, Par.39.

Анализ существующей практики демонстрирует, что в настоящее время расширяется трактовка понятия «оружие». Так, террористическая атака 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке с использованием захваченных террористами самолетов была де-факто приравнена к «вооруженному нападению» в смысле ст. 51 Устава ООН. В данном случае гражданские самолеты, не являющиеся по своей природе оружием, в результате их нецелевого использования были превращены в средство нападения. В рассматриваемом примере США, при поддержке международного сообщества, объявили о своем праве на индивидуальную и коллективную самооборону.

Несколько иного мнения придерживается У.М. Шталь, который отмечает, что «...положения Устава ООН не позволяют четко установить равнозначность хакерской атаки, совершенной одним государством против другого, вооруженному нападению, дающему нации право на ответные силовые действия. Кроме того, концепция Устава ООН относительно “применения силы” не охватывает действия террористов и других негосударственных субъектов, которые часто стоят за хакерскими атаками. Поскольку акты киберагрессии не поддаются традиционной классификации в соответствии с международно-признанными нормами ведения боевых действий, как правило, принято считать, что государства должны относиться к международным хакерским атакам как к разновидности уголовного преступления»²⁰.

В связи с обозначенной выше позицией ряд специалистов в целях правовой определенности задают следующие вопросы: какие ситуации охватываются понятием «вооруженный конфликт» в информационной сфере; каков круг лиц, защищаемых нормами права в данных конфликтах; где та грань, за которой немеждународный информационный вооруженный конфликт переходит в международный; какими нормами права (международными или внутригосударственными) регламентируются действия воюющих сторон в таких конфликтах и др.

В обычном международном праве есть понимание того, что не любое применение силы может считаться вооруженным нападением. В решении Международного Суда по делу о военной и военизированной

²⁰ *William M. Stahl.* — URL: <http://interlaws.ru/kiberbezopasnost-imezhdunarodnoe-pravo/>

ной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа от 27 июня 1986 г. был обозначен «критерий масштаба» вооруженного нападения какого-либо из государств на другое государство. Впоследствии критерий масштаба был подтвержден в ряде других решений Международного Суда²¹.

В контексте использования информационно-коммуникационных технологий критерий масштаба теоретически может считаться выполненным, если кибератака выходит за рамки отдельных незначительных инцидентов. В качестве примера эксперты приводят непосредственный вывод из строя инфраструктуры, которую невозможно достаточно быстро исправить, с блокирующими последствиями для способности государства действовать или для элементарных жизненных условий населения. Таким образом, если последствия от компьютерной атаки по своему эффекту соответствуют эффекту от нападения регулярных вооруженных сил, критерий масштаба теоретически может считаться выполненным.

Справедливости ради следует отметить, что критерий масштаба признается не всеми государствами. Например, Госдепартамент США возражал против применения Международным Судом критерия масштаба в решениях по Никарагуа и нефтяным платформам.

Традиционными требованиями к ответным действиям государства на вооруженное нападение, осуществляемым в рамках права на самооборону, согласно ст. 51 Устава ООН, являются необходимость и пропорциональность. Указанные требования не закреплены непосредственно в Уставе ООН, однако они отражают содержание международного обычая в данной области²².

Согласно действующему международному праву для ответа

²¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда (1948–1991). Издание ООН. С. 205; Case concerning oil platforms. International Court of Justice, Judgement of 6 November 2003. Par. 51, 62; Jus ad bellum. Ethiopia's Claims 1-8. Eritrea Ethiopia Claims Commission, Partial Award, 19 December 2005.

²² Помимо уже упомянутых решений Международного Суда ООН по делам о Никарагуа и о нефтяных платформах, а также Консультативного заключения о применении ядерного оружия, можно привести решение Международного Суда по военным действиям на территории Конго.

на «вооруженное нападение» силой следует определить, что ответственность за нападение несет другое государство. Применительно к киберпространству достаточно затруднительно установить исполнителя нападения и определить, действует ли он под контролем государства. В то время как местоположение цели атаки очевидно, местоположение ее источника часто не поддается определению.

Вышеуказанные обстоятельства демонстрируют определенные сложности в применении существующих норм современного международного права к киберпространству. Решению многих вопросов в этой сфере, по мнению автора, могло бы способствовать обсуждение проблемы с техническими специалистами в области использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе в военных целях.

В практическом плане в контексте права на самооборону по ст. 51 Устава ООН международному сообществу следовало бы выработать четкие категории, позволяющие квалифицировать кибератаку как «применение силы» или «акт агрессии», а также соответствующие критерии для квалификации информационно-коммуникационных технологий в качестве оружия, при осознании в полной мере всей сложности реализации данной задачи.

Если же обратиться к вопросу создания новых норм для регулирования киберпространства, то в настоящее время усилия государств, к сожалению, сконцентрированы на узкой сфере вопросов, касающихся прав человека, конфиденциальности данных и др. Более того, не все государства заинтересованы в создании современного и эффективного механизма сотрудничества, открыто выступая против разработки новых международно-правовых инструментов. По этой причине в настоящее время отсутствует всеобъемлющая международно-правовая база в сфере киберпространства.

Единственным многосторонним договором, касающимся преступной деятельности в сфере информационных технологий, является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, принятая 23 ноября 2001 г. в Будапеште²³.

²³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). — URL: <https://base.garant.ru/4089723/>

Конвенция имеет пять основных целей: 1) гармонизация материального уголовного законодательства по борьбе с киберпреступностью; 2) гармонизация уголовно-процессуального законодательства; 3) содействие взаимной правовой помощи; 4) кодификация международного права, с акцентом на юрисдикционные нормы на основе территориальности; 5) обеспечение правовой базы для содействия развитию и пониманию вопросов, связанных с киберпреступностью.

Указанная Конвенция предусматривает меры в отношении таких преступлений, как: преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств); правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств (подлог с использованием компьютерных технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий); правонарушения, связанные с детской порнографией; правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Следует учитывать, что данная Конвенция разрабатывалась в то время, когда уровень развития информационно-коммуникационных технологий был невысок²⁴ и многие виды сетевых угроз еще не были известны. По этой причине статья 1 Конвенции, содержащая определения, и последующие статьи Конвенции даже не упоминают об используемых злоумышленниками «ботнетах», «фишинге», «спаме» и др.

Однако основная проблема состоит в том, что для России, как и для и многих других стран, неприемлем подход, заложенный в пункте «б» Статьи 32 Будапештской конвенции. Данная норма заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью: «Сторона может без согласия другой Стороны: ... б) получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой Стороны компьютерным данным или получать их, если эта Сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет закон-

²⁴ Конвенция разрабатывалась с 1997 года и была открыта для подписания в 2001 году.

ные полномочия раскрывать эти данные этой Стороне через такую компьютерную систему»²⁵. Как видим, данный пункт Конвенции предусматривает возможность для государства-участника получить трансграничный доступ к информации, источник которой находится в другом государстве, без уведомления компетентных органов государства, в котором находится источник информации. На наш взгляд, таким образом в Будапештской конвенции закрепляется «лазейка» для прямого нарушения принципа государственного суверенитета в информационном пространстве, что недопустимо.

Не менее важно и то, что пункт 32 «b» Будапештской конвенции создает почву для нарушения фундаментальных прав и свобод человека в цифровой сфере, и в частности права на неприкосновенность личной жизни.

Существуют и некоторые другие региональные и двусторонние механизмы борьбы с киберпреступностью, однако они не способствуют, к сожалению, выработке общего понимания ключевых аспектов противодействия незаконным действиям в киберпространстве.

Позиция Российской Федерации по данному вопросу заключается в необходимости разработки полноценной универсальной международно-правовой базы сотрудничества и единой терминологии. Российскими экспертами был разработан и распространен для ознакомления на профильных международных площадках²⁶ проект Кон-

²⁵ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185. — URL: <https://base.garant.ru/4089723/>

²⁶ Документ был распространен в ходе презентаций на XV Совещании руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств — партнеров ФСБ России (Санкт-Петербург, 27–28 июля 2016 г.), Восьмой международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности (н.п. Варакино Тверской обл., 23–25 мая 2017 г.), «на полях» 26-й сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Вена, 22–26 мая 2017 г.), IV Всемирной конференции по вопросам Интернета (Учжэнь, КНР, 3–5 декабря 2017 г.). 28 декабря 2017 г. российский проект был распространен в качестве официального документа Генассамблеи ООН по пункту 107 повестки дня ее 72-й сессии «Предупреждение преступности и уголовное правосудие» (№A/C.3/72/12 от 16 октября 2017 г.).

венции Организации Объединенных Наций «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности»²⁷.

В статье 1 Конвенции обозначены три основные цели: а) содействие принятию и укреплению мер, направленных на эффективное предупреждение преступлений и иных противоправных деяний в сфере ИКТ и борьбу с ними; б) предотвращение действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности ИКТ, и предупреждение злоупотреблений в сфере использования ИКТ, путем обеспечения наказуемости деяний, описываемых в настоящей Конвенции, и предоставления полномочий, достаточных для эффективной борьбы с такими преступлениями и иными противоправными деяниями, путем содействия выявлению и расследованию таких деяний и преследованию за их совершение как на внутригосударственном, так и на международном уровнях и путем разработки договоренностей о международном сотрудничестве; с) повышение эффективности и развитие международного сотрудничества, в том числе в контексте подготовки кадров и оказания технической помощи в предупреждении преступлений в сфере ИКТ и борьбы с ними²⁸.

Конвенция содержит широкий понятийный аппарат: «бот-сеть», «вредоносная программа», «детская порнография», «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ), «информация», «объекты критической инфраструктуры», «спам», «устройство ИКТ» и др. Так, например, согласно Конвенции, «бот-сеть» означает два и более устройства ИКТ, на которые установлена вредоносная программа, управляемая централизованно и скрытно от пользователей²⁹. Под «информационно-коммуникационными технологиями» (ИКТ) понимается «совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью формирования, преобразования, передачи, использования и хранения

²⁷ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности». — URL: <https://www.mid.ru/documents/>

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

информации»³⁰. «Спам» определяется проектом конвенции как «отправка электронных сообщений по списку (базе данных) адресов лицам, не сообщавшим отправителю своих адресов доставки сообщений и не дававшим свое согласие на получение подобного рода сообщений и не имеющим возможности отказаться от получения таких сообщений от отправителя»³¹.

Конвенцией также предусматривается техническое содействие, порядок оказания взаимной правовой помощи на досудебной стадии, в том числе в экстренных случаях, и механизм претворения в жизнь положений Конвенции.

В главе II Конвенции устанавливается ответственность за: неправомерный доступ к информации в электронной форме; неправомерный перехват; неправомерное воздействие на информацию; нарушение функционирования ИКТ; создание, использование и распространение вредоносных программ; распространение спама; создание и использование бот-сетей; преступления, связанные с детской порнографией; преступления, связанные с «фишингом», и др.

Выдача лиц, подозреваемых в совершении преступлений, регулируется статьей 48 Конвенции. В указанной статье предусматривается один из основополагающих принципов международного уголовно-правового сотрудничества — «либо выдай, либо суди».

В целях обеспечения оперативного содействия в проведении расследований, преследований или судебных разбирательств в связи с преступлениями, имеющими отношение к компьютерным системам и данным, или в сборе доказательств в электронной форме по уголовным преступлениям, статья 57 Конвенции предусматривает создание каждым государством-участником контактного центра, работающего 24 часа в сутки 7 дней в неделю (Сеть 24/7).

Конвенция конкретизирует основные направления деятельности по разработке и совершенствованию специальных программ подготовки персонала, несущего на национальном уровне ответственность

³⁰ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. — URL: <https://www.mid.ru/documents/>

³¹ Там же.

за предупреждение преступлений в сфере использования ИКТ и борьбу с ними с целью создания потенциала в области разработки и планирования стратегической политики противодействия таким преступлениям.

Что касается механизма осуществления, Конвенция учреждает Конференцию государств — участников Конвенции в целях расширения возможностей государств-участников и сотрудничества между ними, а также содействия осуществлению Конвенции и проведения обзора хода ее реализации.

Предлагается, чтобы Конференция государств-участников учредила Международную техническую комиссию как постоянно действующий орган по противодействию преступности в сфере использования ИКТ для повышения уровня координации государств — участников Конвенции.

Проект Конвенции, как отмечалось ранее, был распространен на различных международных площадках, в том числе 28 декабря 2017 г. он был распространен в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи ООН по пункту 107 повестки дня ее 72-й сессии «Предупреждение преступности и уголовное правосудие». Данный документ был переведен с русского языка на все официальные языки Организации Объединенных Наций и в электронном виде размещен на официальных веб-сайтах ООН и МИД России.

Однако некоторые делегации открыто выступают против данного проекта Конвенции, а также против разработки каких-либо новых международно-правовых инструментов в этой сфере, настаивая на том, что существующий международно-правовой механизм, под которым обычно понимается упоминавшаяся ранее Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, является достаточным для успешной борьбы с преступностью в киберпространстве.

Таким образом, несмотря на применимость принципов и норм современного международного права к информационной сфере, требуется универсализация существующего международно-правового регулирования применительно к киберпространству с учетом его определенной специфики и в целях эффективного правового противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в незаконных целях.

Усилия государств по разработке специальных правил поведения в киберпространстве сконцентрированы в настоящее время на узкой сфере вопросов, касающихся прав человека, конфиденциальности данных и др. Далеко не все государства заинтересованы в создании современного и эффективного механизма сотрудничества в киберпространстве, открыто выступая против разработки новых международно-правовых инструментов. По этой причине российская инициатива о необходимости принятия Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» не нашла поддержки, что влечет за собой отсутствие полноценной универсальной международно-правовой базы сотрудничества в сфере киберпространства.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОБЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В последнее время стали возникать новые проблемы и угрозы человечеству на глобальном, международном, региональном и национальном уровнях. Исследования и разработки в современных областях биотехнологии, включая усовершенствование человека (CRISPR-Cas9) и использование генетического оружия, вполне могут изменить природу войны и международной политики. Генетическое оружие следует относить к оружию массового уничтожения, наряду с химическим, биологическим, бактериологическим и ядерным. Создание биологического («молекулярного») оружия нового поколения вскоре станет реальностью. По оценкам экспертов, биотехнологическая революция в военном деле принесет огромные преимущества технологически развитым государствам, но поднимет много вопросов о справедливой войне в международном гуманитарном праве, о применении основополагающих принципов современного международного права (принцип неприменения силы или угрозы ее применения, право на самооборону государств в случае биоатаки, принцип мирного разрешения международных споров, принцип невмешательства во внутренние дела государств, контроль над вооружениями, ответственность), о возникновении

новых видов суверенитета¹: биосуверенитета², кибербиосуверенитета³ и геномного суверенитета⁴ государств, о международных биопреступлениях (т.н. «геномоцид») в международном уголовном праве, о юридической квалификации биотерроризма, биоагрессии, биополитики, биоэкономики, о правовом регулировании постгеномных технологий, создании национальных и персонифицированных биобанков населения в государствах, обеспечение биобезопасности личности и биобезопасности государства, об обеспечении безопасности геномных исследований и конфиденциальности генетических данных, а также вопросы кодификации международного права в области биоэтики (например, принятие биоэтического кодекса) и в области защиты прав человека (право на жизнь, запрет пыток, право на частную и семейную жизнь, запрет дискриминации и прочее).

¹ В литературе и практике весьма распространен взгляд, согласно которому любое международное обязательство ограничивает суверенитет или даже что международное право и суверенитет несовместимы. По мнению Г. Кельзена, «государства, несущие обязанности по международному праву, уже в силу этого не являются суверенными» (*American Journal of International Law*. 1950. № 1. P. 276). Американский юрист М. Дженис утверждает: «Суверенитет и международное право явно антагонистичны» (*Janis M. An Introduction to International Law*. Boston, 1993. P. 151). Как свобода человека может быть обеспечена лишь в рамках права, так и суверенитет может быть реальным для всех государств лишь в условиях международного правопорядка.

² *Sovereignty and Law: Between Ethics and Politics A Conex Marie Skłodowska-Curie Research Project Critiquing Sovereign Violence: Law, Biopolitics, Bio-juridicalism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.

³ *Lauren C. Richardson, Nancy D. Connell, Stephen M. Lewis, Eleonore Pauwels, Randy S. Murch*. Cyberbiosecurity: A Call for Cooperation in a New Threat Landscape. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbioe.2019.00099/full>.

⁴ *Калиниченко П.А., Некотенева М.В.* Геномный суверенитет развивающихся стран: приоритеты правового регулирования // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики. Монография / Отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М.: Проспект, 2020.

До сих пор в ряде государств и на международном уровне не решена проблема запрещения некоторых видов биомедицинских исследований⁵. Понятие «биологическая безопасность» в настоящей работе имеет широкое толкование и включает в себя рассмотрение вопросов из смежных отраслей.

Сегодня мы являемся свидетелями динамично развивающейся междисциплинарной области, именуемой **кибербиобезопасностью**, которая сочетает в себе кибербезопасность, биозащиту и киберфизическую безопасность в отношении биологических систем⁶. Биологическая безопасность напрямую связана с обеспечением экологической безопасности, так как экологическая биотехнология (*environmental biotechnology*) направлена на оптимальное использование природы в форме растений, животных, бактерий, грибов и водорослей для производства возобновляемой энергии, продуктов питания и питательных веществ в синергетическом интегрированном цикле, когда отходы одного процесса становятся сырьем для другого. При этом применение биотехнологий, быстрая индустриализация и урбанизация наносят существенный вред окружающей среде и способствуют истощению природных ресурсов. Существует тесная связь между экологической и продовольственной безопасностью, которая вызывает все больше беспокойства в связи с применением ГМО. В международном морском праве открытием последних лет называют морские генетические ресурсы, которые становятся предметом дискуссии на площадках ООН, где отмечается, что крупные частные фармакологические компании добывают природные ресурсы не для научных исследований во благо человечества, а в коммерческих целях для извлечения прибыли. Таким образом, выделяют морскую биобезопасность, целью которой является сохранение биоразнообразия на нашей планете⁷.

⁵ Тарасьянц Е.В. Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. М.: БИ, 2011. 224 с.

⁶ Murch R. Cyberbiosecurity: An Emerging New Discipline to Help Safeguard the Bioeconomy DOI:10.3389/fbioe.2018.00039 — URL: https://www.researchgate.net/publication/324224452_Cyberbiosecurity_An_Emerging_New_Discipline_to_Help_Safeguard_the_Bioeconomy.

⁷ Marnie L. Campbell, Kaeden Leonard, Carmen Primo and Chad L. Hewitt. Marine Biosecurity Crisis Decision-Making: Two Tools to Aid “Go”/“No Go” Decision-Making. — URL: <https://www.researchgate.net/>

Государствам необходимо тесно сотрудничать в вопросах предупреждения, пресечения биотерроризма и координации совместных усилий и действий в борьбе с новыми видами биологических угроз в целях поддержания международного мира и обеспечения международной биобезопасности. Под эгидой Генерального секретаря ООН создан механизм по расследованию предполагаемых биологических атак и предпринимаются усилия по созданию надежной международной лабораторной сети, которая будет оказывать судебно-медицинскую поддержку (*forensic biotechnology*) таким расследованиям. Эффективность лабораторий по обнаружению генетических модификаций в настоящее время не всегда оптимальна, поэтому лабораторная сеть может быть усилена за счет дополнительных инструментов и доступа к существующим технологиям. Кроме того, в докладе 2021 года Международной уголовной полиции (далее — Интерпол) внимание при оценке угроз международному сообществу уделяется такому фактору, как «*COVID-19 и биомедицина*». Учитывая возможность значительных человеческих жертв, Интерпол разработал стратегию по предотвращению преступлений с применением биоматериалов в области биобезопасности. Как следствие, было составлено «Руководство по планированию и реагированию на случаи биотерроризма».

Острым вопросом до сих пор остаются создание международного контрольного механизма в области мониторинга за нераспространением биологического оружия и принятие Протокола к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении⁸ (далее — Конвенция 1971 года по биологическому оружию,

publication/327849983_Marine_Biosecurity_Crisis_Decision-Making_Two_Tools_to_Aid_GoNo_Go_Decision-Making DOI:10.3389/fmars.2018.00331.

В этом обзоре содержится оценка эффективности связанных с биобезопасностью параметров биоразнообразия, полученных из образцов эДНК/ эРНК.

⁸ «Каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять:

1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы ни было их происхождение или метод производства, таких видов

КБО). В свою очередь администрация президента Буша еще в 2001 г. заявила, что принятие Протокола создает угрозу конфиденциальной деловой информации американских фармацевтических компаний⁹.

Однако на межгосударственном уровне обсуждаются вопросы о выработке совместных практических мер по предотвращению угроз национальной, региональной и международной безопасности, связанных с воздействием опасных биологических факторов. Например, секретари Советов безопасности стран Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на заседании в Душанбе договорились разработать меры по предотвращению биологических угроз¹⁰. В рамках ОДКБ ведется разработка проекта Конвенции «о биологической безопасности»¹¹.

и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей;

2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах».

Конвенция о запрете разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении заключена 16.12.1971 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 58–61.

⁹ Testimony of Ambassador Donald A. Mahley, House Government Reform Committee, Subcommittee on National Security, Veterans Affairs and International Relations, The Biological Weapons Convention: Status and Implications, July 10, 2001. U.S. Government Printing Office, 2002. 93 p.

¹⁰ Страны ОДКБ договорились выработать меры по предотвращению биоугроз. — URL: <https://iz.ru/1158527/2021-04-29/strany-odkb-dogovorilis-vyrabotat-mery-po-predotvrashcheniiu-biougroz>.

¹¹ «Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года. В документе содержатся положения, направленные на укрепление режима Конвенции по запрещению биологического и токсинного оружия, включая проработку вопросов, которые позволят продвигать инициативу, чтобы в рамках этой Конвенции все государства

Так, в конце 2020 г. был принят Федеральный закон № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»¹², регулирующий деятельность по обеспечению биобезопасности на территории нашей страны. До принятия Закона в российском законодательстве отсутствовал понятийный аппарат, определяющий деятельность по обеспечению биобезопасности граждан. Закон предусматривает меры для предотвращения террористических актов и диверсий с применением биологического оружия. На территории России существует как минимум 30 объектов, способных представлять химическую или биологическую опасность.

В российском научном сообществе в 2021 г. «состав номенклатуры научных специальностей пополнили четыре новые группы, в частности компьютерные науки и информатика, *биотехнология*, недропользование и горные науки, когнитивные науки»¹³. Это служит основанием констатировать особую значимость данной темы для внешней и внутренней политики Российской Федерации.

К вопросу о расширении юридического понятия «биологическая безопасность»

Поддержание состояния биологической безопасности является важной задачей мирового сообщества и с ростом глобализации при-

взяли на себя обязательства обеспечить полную транспарентность своей биологической деятельности за пределами национальных территорий. — URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezопасности_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасности_na_period_do_/. В качестве примера следует упомянуть, что 6 мая 2021 года Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Армения подписали межправительственный меморандум по вопросам обеспечения биологической безопасности с целью укрепления общего пространства биологической безопасности.

¹² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации».

¹³ В России появились новые специальности с присуждением ученых степеней. — URL: https://www.rbc.ru/society/10/04/2021/607167f39a794766130f7984?from=materials_on_subject.

обретает все большую актуальность, определяющуюся угрозами, исходящими от инфекционных болезней и их возбудителей, приобретающими в современном мире всеобъемлющий характер. До недавнего времени основное содержание биологической безопасности было связано, главным образом, с вопросами санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Современный этап эволюции взглядов на биологическую безопасность характеризуется существенным расширением ее основного содержания.

Классификация биологических угроз в настоящее время включает перечень опасных биологических факторов как естественной природы (инфекционные заболевания, возникающие, возвращающиеся, новые, появляющиеся на новых территориях, природно-очаговые), так и искусственных угроз, обусловленных профессиональной деятельностью человека (усложнение и интенсификация исследовательских работ, неконтролируемое высвобождение или распространение живых организмов с неустановленными механизмами влияния на экосистемы, увеличение количества биологически опасных объектов с предельно допустимыми или полностью исчерпанными техническими и технологическими ресурсами, аварии на объектах, где проводятся работы с патогенными микроорганизмами)¹⁴.

Отдельное место отводится биологическим угрозам, вызванным актами преднамеренного использования патогенных биологических агентов (биоагрессии¹⁵, биотерроризм, «экологические» войны). Именно этот вид угроз, как наименее контролируемых, по мнению многих специалистов, представляет наибольшую опасность для человечества. Ведущие специалисты в области биологической безопасности прогнозируют также возможное появление принципиально новых

¹⁴ Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации. Коллектив авторов Волгоградского научно-исследовательского противочумного института // Журнал микробиологии. 2018. № 3. С. 87–96.

¹⁵ Определение агрессии утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.

угроз, связанных с передовыми биотехнологиями и созданием биологического («молекулярного») оружия.

Очевидна отмечаемая многими специалистами необходимость в постоянном развитии системы биологической безопасности. Таким образом, биологическая безопасность, являясь в современных условиях обширной областью деятельности, становится также и отдельной областью знаний, объединяющей как практику, так и теорию защиты человека от опасных биотических факторов.

Международное уголовное право: криминализация биотерроризма в международном праве

По мнению международных экспертов ООН, генная инженерия сегодня представляет угрозу в части редактирования генома в соответствии с Конвенцией о биологическом оружии 1971 г. Для обнаружения «редактора» генома разрабатываются инструменты, которые могут исследовать геном возбудителя на предмет индикаторов генной инженерии. Проект IARPA Finding Engineering-Linked Indicators (FELIX) направлен на разработку новых экспериментальных и вычислительных инструментов для этой цели¹⁶. Идентификация личности «редактора» генома представляет собой еще одну проблему, поскольку установление того, что организм был создан с помощью генной инженерии и вида модификации, не позволяет сделать вывод, кем является исполнитель. В процессе могут быть задействованы разные категории специалистов: от людей, работающих в медицинских лабораториях, до университетских исследовательских групп, промышленных лабораторий и государственных предприятий по производству биологического оружия.

Современные научные методы редактирования генома вызывают обеспокоенность из-за возможности злоупотребления со стороны государств или террористических организаций и выделяют медицинские методики, угрожающие биобезопасности человека, в частности:

¹⁶ Finding Engineering-Linked Indicators (FELIX). — URL: <https://www.iarpa.gov/index.php/research-programs/felix>.

- 1) создание более опасных патогенов и их использование в преступных целях; применение небезопасных исследований существующих патогенов для здоровья человека;
- 2) риск разработки новых патогенов или агентов, способных вызывать раковые и иные заболевания;
- 3) новые направления в иммунотерапии, клеточные терапии и усиленный вирусный клиренс; совершенствование производства биологически активных материалов, в частности в биофармацевтике, биосинтезе и биопроизводстве, которые потенциально могут быть использованы в качестве оружия массового уничтожения;
- 4) изменения черт характера у будущих поколений человечества, не продиктованных целями системы здравоохранения.

Распространение универсальной юрисдикции Международного уголовного суда в случае применения биологического и генетического оружия

В теории международного права использование, разработка, производство или хранение биологического оружия любым лицом, включая дипломатических агентов и глав государств, рассматриваются как международное преступление, наказуемое посредством применения универсальной юрисдикции¹⁷, поскольку биологическое оружие (ОМУ), по сути, *hostis humani generis* — враг всего человечества. Более того, использование биологического/генетического оружия государством или террористической организацией подлежит уголовному наказанию в соответствии с международным гуманитарным правом и международным уголовным правом в вопросах борьбы с террориз-

¹⁷ Гарвардская программа по химическому и биологическому оружию, вооружению и ограничению вооружений (Harvard Sussex Program on Chemical and Biological Warfare Armament and Arms Limitation) синтезировала эту идею в предлагаемой Конвенции о предотвращении и наказании преступления, связанного с разработкой, производством, приобретением, накоплением, сохранением, передачей или применением биологического или химического оружия. Использование, разработка или владение биологическим оружием может рассматриваться как преступление по международному праву с учетом принципа универсальной юрисдикции.

мом. Наличие факта использования государством (напрямую или посредством финансирования государством актов терроризма) биологического оружия против гражданского населения считается военным преступлением и, в зависимости от характера биологической атаки, потенциально преступлением против человечества¹⁸. Однако применение биологического оружия террористами уже является преступлением, подлежащим уголовному преследованию со стороны любой страны — участницы Конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом¹⁹ 1997 г. Архитектуру современного международного правопорядка составляют основополагающие принципы международного права (*normы jus cogens*). В частности, на практике, в случае применения биологического оружия, может возникнуть вопрос о нарушении принципа неприменения силы или угрозы ее применения согласно ст. 51 Устава ООН²⁰. Право на самооборону должно использоваться в случае необходимости, и предпринимаемые меры должны быть пропорциональными, не должны выходить за рамки того, что требуется для отражения агрессии. Применение силы или ее угрозы в нарушение положений Устава ООН является незаконным, и, как отмечено в Декларации 1987 г.²¹, «никакие соображения не могут использоваться в качестве оправдания» этому. Согласно ст. 5 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» 1974 г., «агрессивная война является преступлением против международного мира. Агрессия влечет за собой международную ответственность».

¹⁸ Этот вывод вытекает из принципа иммунитета гражданского населения от нападения по международному гуманитарному праву, а не из принципа, предусматривающего уголовную ответственность за использование биологического оружия.

¹⁹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml.

²⁰ Устав Организации Объединенных Наций 1945 года. — URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>.

²¹ Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. Принята резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи от 18 ноября 1987 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/useofforce_refraining.shtml.

Следовательно, предложение ввести уголовную ответственность за использование биологического оружия государствами или террористическими организациями основывается на существующих принципах, осуждающих и криминализирующих подобное поведение. Сторонники этого предложения стремятся к прямой и явной криминализации использования, владения биологическим оружием и его несанкционированной разработки со стороны любого лица. Актуальный вопрос заключается в том, окажет ли такое решение в международном уголовном праве значительное влияние на позицию государств и террористических организаций относительно наличия у них биологического оружия. Практика международного уголовного права в таких сферах, как вооруженный конфликт и применение пыток, показывает, что сдерживающий эффект криминализации определенного поведения государства или личности в соответствии с международным правом невелик.

Международное право и контроль за нераспространением инфекционных заболеваний в мировых масштабах

Проблема потенциального распространения биологического оружия и биотерроризма вызывает беспокойство на международном уровне, как и вопрос кризиса мировой системы здравоохранения. В связи с этим международные специализированные учреждения ООН (ВОЗ, ВТО) пересматривают международные правила в области здравоохранения, а также пытаются устанавливать запреты и ограничения в международном торговом праве. Ограничение торговли товарами между странами допускается в случае наличия убедительных научных доказательств опасности трансграничного их перемещения и распространения инфекционных заболеваний²².

В настоящее время существует достаточный массив законодательства, защищающий геномное достоинство человека и устанавливаю-

²² General Agreement on Tariffs and Trade. 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Final Act Embodying the Results of the Uruguay Round, Annex 1A, art. XX (b).

щий ответственность за нелегальное поведение «редакторов» генома и лиц, давших согласие на такие манипуляции с геномом, перед будущими поколениями, которые получают отредактированный геном, о чем фактически не просили. За последние годы в судебной практике появились известные широкой общественности дела, связанные с патентными спорами вокруг прорывной биотехнологии по редактированию генома человека (CRISPR-Cas9). Как следует из практики, желание получить юридически закрепленный статус изобретателя технологии модификации генома было обусловлено не столько научными амбициями и корректным отношением к геномному суверенитету, сколько коммерческим интересом к перспективной технологии. Учитывая эти обстоятельства, в будущем может понадобиться пересмотр патентного законодательства на государственном и международном уровнях в целях защиты здоровья населения.

Вопросы разработки и применения биологического/ бактериологического и токсинного оружия (как государствами, так и отдельными лицами в рамках террористических актов)

Терроризм является одной из серьезнейших проблем, охватывающей большинство стран мира. Использование физическими лицами и террористическими организациями оружия массового уничтожения представляет собой угрозу мирового масштаба²³, в связи с чем необходима особая защита биологических и токсинных материалов, использование которых позволяет создать действующее оружие.

Биотерроризм рассматривается как биологическая атака²⁴, а именно преднамеренное высвобождение вирусов, бактерий и иных микробов с целью заражения или уничтожения людей, животных и расте-

²³ Criminalizing Bioterrorism. — URL: https://www.centerforhealthsecurity.org/our-work/pubs_archive/pubs-pdfs/2012/sloan_book/CH-03_Criminalizing%20BT_Preparing%20for%20Bioterrorism_Dec2012.pdf.

²⁴ Department of Health and Human Services/ Centers For Disease Control And Prevention// Bioterrorism Overview (Corporate Authors: Centers for Disease Control and Prevention (U.S.)) February 28, 2006. P. 1. — URL: <https://stacks.cdc.gov/view/cdc/44106/>.

ний. Особая опасность заключается в бесконтрольности наносимого урона, в его скрытой форме. При массовой гибели животных и людей от вирусов и болезней могут возникать затруднения в выявлении истинных причин, поскольку при террористических атаках могут использоваться такие штаммы микроорганизмов и вирусов, которые существуют в природе объективно. Отграничение естественных вспышек от искусственно созданных может занять некоторое время, а последующее установление виновных ввиду этого весьма усложняется. Кроме того, использование биологического и токсинного оружия считалось мало возможной угрозой до 2001 г., когда посредством почтовых отправок террористы распространили сибирскую язву. Жертвами стали 4 человека, пострадало 15²⁵. Тогда не только руководство США, но и мировое сообщество осознало всю опасность биологического терроризма. До данного инцидента власти не придавали значения возможности масштабного нанесения урона таким способом. Иным случаем применения биологического материала в качестве оружия в террористических целях можно считать применение рицина в 2013 г. в США.

Субъектами биотерроризма могут выступать как террористические группировки, так и отдельные физические лица (террористы-одиночки). Способы осуществления биотерроризма весьма многочисленны и различны: распыление патогенных микроорганизмов над пастбищами, заражение водоемов, продуктов питания, животных, пастбищ.

Биотерроризмом можно считать²⁶ угрозу применения либо само применение биологических агентов одним лицом либо группой ввиду политического, религиозного, экономического или иного идеологиче-

²⁵ Споры сибирской язвы, рассылавшиеся по почте неизвестными террористами, произведены в США. –URL: <https://ria.ru/20011108/10991.html>.

²⁶ Hochschule für Angewandte Wissenschaften Hamburg/ Fachbereich Ökotrophologie/ Studiengang Gesundheit/ Diplomarbeit/ Die Bedrohung durch den Bioterrorismus und das Management “biologischer Gefahrenlagen“ in Deutschland/ Eingereicht am ..Vorgelegt von. Svetlana Zunder .. Katzberg 17. 21502 Geesthacht/ Elbe .. Matrikelnr.: 1589048 .. Betreuender Prüfer: Prof. O.-W. Naatz .. Zweiter Prüfer: Prof. Dr. C. Canavas/ Vgl. Stemmler, 2001. P. 19. — URL: https://edoc.sub.uni-hamburg.de/haw/volltexte/2008/416/pdf/wis_y_6.pdf.

ского мотива. Биотерроризм может быть привлекателен для преступников ввиду того, что его акты не так легко распознать, т.к. вирусы и болезни, порождаемые биологическим материалом, изначально носят естественный характер. Однако в качестве оружия могут использоваться как обычные штаммы патогенных микроорганизмов, так и модифицированные искусственным путем. Особая опасность последних обосновывается тем, что искусственно «улучшенный» вирус тяжелее поддается лекарственным препаратам и вакцинам.

При биологической атаке масштаб поражения может быть весьма обширным. Так, человек, преднамеренно зараженный опасным вирусом, может легко заразить массу остальных людей ввиду того, что симптомы обычно проявляются лишь спустя некоторое время после инкубационного периода. Результат — запоздалая реакция государственных органов, отвечающих за общественную безопасность.

Государствам запрещено разрабатывать, производить и хранить биологическое оружие, т.к. при его существовании в той или иной стране очевидна опасность того, что террористическая ячейка может получить доступ²⁷ к патогенным микроорганизмам. Опасный биоматериал может быть украден из лаборатории и в дальнейшем использован в террористических целях. Эта и иные причины подтолкнули мировое сообщество к разработке Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Данная Конвенция содержит ряд важнейших положений, обеспечивающих международную биобезопасность:

— государства-участники обязуются не совершать ряд действий как с микробиологическими, так и с иными биологическими агентами и токсинами (а именно разрабатывать, производить, накапливать, приобретать и сохранять), объемы и виды которых могут служить агрессивным целям (например, для ведения вооруженных конфликтов и проявления агрессии) (ст. 1). Кроме того, им запрещается осуществлять перечисленные действия в отношении оружия, оборудования и

²⁷ *David P. Fidler. Bioterrorism, Public Health, and International Law// Maurer School of Law: Indiana University. P. 8. — URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1427&context=facpub>.*

средств транспортировки, рассчитанных на применение вышеперечисленных агентов либо токсинов в рамках вооруженных конфликтов, а также в иных враждебных целях (ст. 1);

— государства-участники обязуются не передавать каким-либо образом или способом иным государствам, международным организациям и иным лицам биологические агенты, оружие, средства транспортировки, токсины. Также государства-участники не должны поощрять или содействовать производству и приобретению кем-либо обозначенных объектов (ст. 3);

— государства-участники обязуются на основании национальных конституционных процедур осуществить меры как по запрещению, так и по предупреждению разработки, производства, накопления, приобретения или сохранения вышеперечисленных объектов в рамках суверенной территории такого государства, а также на иных территориях, которые находятся либо в его юрисдикции, либо под его контролем (ст. 4).

Необходимо отметить, что данная Конвенция содержит лишь один способ воздействия на государство-участника, деятельность которого не соответствует ее важнейшим положениям. Так, в соответствии со ст. 6, Совет Безопасности ООН может принять меры в отношении такого государства, но исключительно в том случае, если в Совет Безопасности поступит жалоба от иного государства с соответствующими доказательствами. Однако нет четкой правовой регламентации того, какими способами можно получить подобные доказательства. Таким образом, нет ни протокола, ни резолюции, которые регулировали бы средства и способы проверки осуществления государствами-участниками данной Конвенции, что по сути может привести к тому, что государство-участник будет основываться лишь на своей доброй воле при принятии решений об отказе от биологического и токсинного оружия.

Кроме того, данная Конвенция актуальна исключительно для тех государств, которые ратифицировали ее. Следовательно, ее действие ограничено и не несет универсального характера. По сути государство может разрабатывать, производить и накапливать биологическое и токсинное оружие, даже если оно подписало Конвенцию, но не ратифицировало ее, в чем подозреваются США и некоторые другие страны.

Согласно положениям ФЗ²⁸ США «О единении и сплочении Америки в борьбе с терроризмом» лица, занимающиеся разработкой биологического и токсинного оружия, освобождаются от уголовного преследования при условии, если подобная деятельность надлежащим образом санкционируется американским правительством, что категорически противоречит целям и духу как Женевского протокола 1925 г.²⁹, так и Конвенции 1971 г. Таким образом, США могут заниматься разработкой биологического оружия вопреки международному праву, а действующего механизма, который мог бы осуществлять контроль за деятельностью государств в сфере биологической безопасности, нет, из-за чего достигнутые международные договоренности по большей части остаются бесполезными.

Так, согласно данным, опубликованным МИД РФ³⁰, США в лице Министерства обороны, а также аффилированных структур осуществляют деятельность на территории Грузии («Управление медицинских исследований сухопутных войск США — Грузия»). Хотя американское руководство объясняет эту деятельность оказанием помощи в развитии услуг здравоохранения в Грузии, тем не менее есть факты, согласно которым активность проводится с участием американских военных структур. Очевидно, что для достижения подобных целей не требуется помощи военных. Отметим, что Конвенция 1971 г. была ратифицирована Грузией, а следовательно, есть опасения, что Грузия

²⁸ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001. P. 115. — URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf>.

²⁹ Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женевский протокол 1925 года) от 17 июня 1925 года. — URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm>.

³⁰ Официальный сайт МИД России. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с докладом США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРП)/ 1027-04-07-2020/ — URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya//asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4207201#4.

нарушает нормы международного права, позволяя структурам США вести деятельность в исследовательском центре им. Р. Лугара.

Еще одной важной характеристикой является отсутствие четкого и ясного списка биологического материала, подпадающего под действие данной Конвенции. Ее положения носят слишком широкий характер ввиду того, что непонятно, как именно и по каким критериям стоит определять возможные цели использования материала³¹. Например, при работе с инфекцией натуральной оспы в лаборатории могут сослаться на разработку вакцины, хотя по сути могут производиться акты модификации данного вирусного заболевания в целях разработки биологического оружия. Затруднительно определить, каков необходимый минимальный объем для проведения мирных экспериментов в поисках вакцины. Опасность заключается в том, что угрозу для населения может представлять сравнительно небольшой объем зараженного биоматериала.

Разработка и принятие юридически обязывающего Протокола, дополняющего Конвенцию, тормозится США с 2001 г. Если российские представители предлагают принять Протокол во исполнение Конвенции посредством «институциональной основы для ее реализации», то Великобритания и США настаивают на привлечении к контролю за исполнением положений Конвенции уже существующие международные организации (ВОЗ и другие). Принятие Протокола, на котором настаивает Россия, позволило бы сделать более транспарантной деятельность биологических объектов. Особую сложность в отслеживании деятельности с биологически опасными материалами создает уникальность опасных биологических штаммов, т.к. в отличие от химического, огнестрельного и иных типов оружия данные объекты (биологические штаммы) несут опасность в весьма малых объемах.

Опасность разработки и накопления биологического оружия и токсинов также проявляется и в том, что может произойти утечка патогенных штаммов микроорганизмов из самой лаборатории, что произошло, например, в 1979 г. в Свердловске. Хоть споры сибирской язвы и не исполь-

³¹ The International Legal Regime Affecting Bioterrorism Prevention/ National Security Law Journal. University of Central Florida. 2014. 44 p. P. 8. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2478444.

зовались в лаборатории для создания биологического оружия, их утечка представила огромную опасность, т.к. ее жертвами стали 66 человек³².

Особую значимость имеет Резолюция Совета Безопасности 1540 (2004)³³, которая по своей сути дополняет и расширяет положения Конвенции в области неприменения биологического оружия. Согласно данной Резолюции государства несут ответственность за сдерживание возможных биологических и ядерных угроз, субъектами которых могут выступать негосударственные акторы. Хотя данная Резолюция не посвящена конкретно борьбе с терроризмом, тем не менее противодействие угрозе терроризма подразумевается. «Негосударственные акторы» могут включать как отдельных физических лиц (террористы-одиночки), так и их группы (террористические организации).

Подразумевается разработка соответствующего национального нормативного материала в случае его отсутствия либо его улучшение, а также сотрудничество государств в достижении главной цели — пресечения преступных действий в отношении химических, биологических и ядерных материалов, представляющих угрозу безопасности. Таким образом, Резолюция содержит три существенных положения:

— запрет на помощь со стороны государства иным субъектам в осуществлении незаконной деятельности, связанной с биологическим, химическим и ядерным оружием, а также со средствами их транспортировки (первый международный акт³⁴, устанавливающий контроль за перемещением биологически опасных объектов);

³² Kupferschmidt K. Anthrax genome reveals secrets about a Soviet bioweapons accident// Science. 2016// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. 2016. №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2016-04-003-kupferschmidt-k-genom-sibirskoy-yazvy-raskryvaet-sekrety-intsidenta-s-sovetskim-biologicheskim-oruzhiem-kupferschmidt-k>.

³³ Резолюция 1540 (2004), принятая Советом Безопасности на 4956-м заседании от 28 апреля 2004 года/ S/RES/1540. URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1540%20\(2004\)&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1540%20(2004)&Lang=R).

³⁴ The International Legal Regime Affecting Bioterrorism Prevention/ 3 National Security Law Journal (2014)/ 44 Pages Posted: 11 Aug 2014/ Eric Merriam/University of Central Florida. 2014. P. 28. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2478444.

— приведение в соответствие национального законодательства в сфере контроля над химическим, биологическим и ядерным оружием;

— осуществление надзора и контроля за оборотом, перемещением и использованием биологического, химического и ядерного материала негосударственными субъектами.

Для наиболее полной имплементации Резолюции 1540 была принята Резолюция 1977 (2011)³⁵, в соответствии с которой международные, региональные и субрегиональные организации также вовлекаются в борьбу с распространением химического, биологического и ядерного оружия посредством оказания помощи деятельности Комитету 1540³⁶.

Деятельность Интерпола в обеспечении биологической безопасности

Не секрет, что процесс глобализации несет в себе как положительные аспекты — снижение расходов и издержек, модернизацию и развитие производства, активное внедрение и разработку передовых наукоемких технологий, сближение государств и народов, так и отрицательные — экологические, демографические проблемы, а также транснациональный характер преступности.

В XXI столетии сформировалась устойчивая тенденция к появлению природных инфекционных агентов с новыми свойствами, которые являются следствием частых, масштабных и быстрых естественных генетических мутаций, происходящих под действием различных глобализационных процессов — климатических катаклизмов, значительно возросшего всемирного потока людей, биоматериалов, сельхозпродукции и т.п.

В этих условиях особую актуальность приобрел вопрос организации международного сотрудничества по борьбе с преступной деятель-

³⁵ Резолюция 1977 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6518-м заседании от 20 апреля 2011 года S/RES/1977. — URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1977\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1977(2011)).

³⁶ BioWeapons Monitor 2014. — URL: <http://www.bwpp.org/documents/BWM%202014%20WEB.pdf>.

ностью в данной сфере. Одним из старейших примеров организации подобного сотрудничества является Интерпол³⁷, странами-участницами которого являются 194 государства.

С 2005 г. Интерпол реализует прогрессивную Программу предотвращения биотерроризма. Основная ее цель заключается в том, чтобы помочь всем своим 194 странам-участницам понять угрозы и риски, связанные с биологическими материалами, используемыми в качестве оружия. Эта инициатива стала следствием атак с использованием сибирской язвы в США осенью 2001 г.

Первая Глобальная конференция по предотвращению биотерроризма прошла в марте 2005 г. в Лионе (Франция) и привлекла большую глобальную аудиторию высокопоставленных представителей правоохранительных органов. Проблема, с которой столкнулся Интерпол, заключалась в том, как осуществить работу по обеспечению биобезопасности в пределах правовых рамок и Устава Организации. Первым шагом стал сбор группы экспертов из стран, чьи правоохранительные органы обладали достаточным опытом по описанной тематике. Первая встреча экспертов состоялась в 2006 г. и включала представителей Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства, Австралии и Канады. На встрече присутствовали также и неправительственные эксперты, которые представляли американские Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC) и Институт Роберта Коха (RKI) из Германии.

Самым важным результатом первой встречи было признание того, что правоохранительные органы не могут реагировать на угрозы биологического терроризма в одиночку и что другие организации в каждой стране будут также играть очень важную роль. Прежде всего это касается создания условий для взаимодействия с местными органами здравоохранения.

Учитывая возможность значительных человеческих жертв, Интерпол разработал стратегию по предотвращению преступлений с применением биоматериалов с помощью техник в области биобезопасности. Как следствие, было составлено «Руководство по планированию

³⁷ Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола. Вступил в силу 13.06.1956.

и реагированию на случай биотерроризма». Биологическое оружие³⁸ относят к оружию массового уничтожения по причине имеющихся возможностей для создания паники среди населения, значительных человеческих жертв и экономических убытков.

В разрезе обсуждаемой темы участия Интерпола в обеспечении биологической безопасности особенно остро воспринимаются версии, озвучиваемые, в частности, в СМИ, об искусственном происхождении коронавирусной инфекции либо об «оказании поддержки» в преодолении межвидового барьера и передачи штамма человеку от животных. Ведь исходя из такого положения дел, можно сформулировать вывод о том, что контроль биологических лабораторий, транспортировки и недопущения распространения биологических материалов в преступных целях в настоящее время не находится на должном уровне.

Хотя случаи использования биологических материалов в качестве оружия ранее были очень редкими, их количество стало увеличиваться. Даже ложные угрозы могут стать эффективным способом создания массовой паники среди населения.

Будущие угрозы и основные принципы биобезопасности

В настоящее время наблюдается существенное увеличение угроз и рисков, связанных с применением биологических материалов в виде преднамеренного преступного акта, в связи с чем проблема обеспечения безопасности биологических материалов выглядит актуальнее, чем когда-либо прежде. Террористические группы стали более многочисленными и организованными, имеют устойчивое финансирование.

В январе 2014 г. был обнаружен ноутбук, который содержал детальное описание того, как получить бубонную чуму и снарядить ее в самодельное взрывное устройство типа гранаты, которое могло бы использоваться в общественных местах с целью убийства и заражения гражданских лиц.

³⁸ ГОСТ Р 22.0.04-95 Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения.

В ноябре 2014 г. в Гвинее транспортное средство, перевозящее пробирки с кровью, взятой у пациентов с подозрением на вирус Эболы, было остановлено неизвестными вооруженными лицами, а содержимое было украдено. Как оказалось, целью вооруженного ограбления были не пробирки, но этот случай указывает на уязвимость инфекционных биологических объектов.

Стоит отметить, на примере того же вируса Эболы, что он, хотя и является «старым» известным биологическим агентом, может вести себя атипично. В связи с этим отдельного рассмотрения заслуживает вспышка инфекции вируса Эболы в 2014 г. Ранее вспышки этого опасного заболевания, хотя и заканчивались смертью значительной части заболевших, были весьма ограничены в масштабах и достаточно эффективно блокировались противоэпидемическими мероприятиями.

Несомненно, в настоящее время угроза биологического терроризма не имеет масштабов опасности, сравнимых с применением взрывчатых веществ, химического или ядерного оружия, что приводит к ее недооценке в перспективе. Тем не менее угроза использования бактериологического и иного биологического оружия растет вместе с ростом нестабильности и распространением биотехнологий, особенно в государствах, прямо или косвенно поддерживающих терроризм.

Касательно задач, стоящих на данном направлении перед Интерполом, стоит также сфокусировать внимание на феномене «домашней биотехнологии». В ближайшие годы, ввиду популярности данного увлечения и относительной доступности научно-технического оборудования, особенно бывшего в употреблении, число таких лабораторий в мире может заметно возрасти и послужить питательной средой как для биотеррористов, так и для различных спонтанных открытий, способных привести к человеческим жертвам. Таким образом, с развитием науки возможности, которыми ранее обладали лишь большие коллективы и крупные компании, становятся доступными для небольших групп и даже одиночек.

Исходя из изложенного, страны — члены Интерпола должны составить список тех биологических материалов, которые, по их мнению, следует выделить в качестве приоритетных, как представляющих самый большой риск в отношении возможного использования не по назначению, с целью последующего усиления контроля над ними.

В области вирусных инфекций наиболее вероятным агентом для террористической атаки считается возбудитель оспы. И хотя оспа в природе полностью вымерла, а вирусы натуральной оспы официально хранятся только в США и России, современные методы синтетической биологии позволяют химически воспроизвести полноразмерный геном вируса и ввести его в культуру клеток, полностью воссоздав природный патоген. Не случайно такие технологии находятся под строжайшим запретом Всемирной организации здравоохранения.

В Интерполе работает специальное подразделение по предотвращению биотерроризма — INTERPOL Bioterrorism Prevention Unit³⁹, призванное предупреждать и реагировать на преднамеренное использование бактерий, вирусов или биологических токсинов, которые угрожают или причиняют вред людям, животным или сельскому хозяйству.

Помимо составления и распространения разведывательных отчетов по биологической обстановке, специализированный персонал подразделения проводит оценку потребностей той или иной страны или региона и предлагает оперативную поддержку соответствующей правоохранительной деятельности на местах.

В заключение также стоит отметить фактор повышения уровня преступной деятельности в телекоммуникационных сетях, в частности в скрытой сети DarkNet. С целью оказания содействия сотрудникам правоохранительных органов в выявлении и пресечении потенциальной преступной деятельности, связанной с доступом к биологическим и химическим материалам и торговлей ими с использованием DarkNet, командой экспертов «Оперативного руководства Интерпола по расследованию биологического и химического терроризма в даркнете» было разработано соответствующее руководство, в котором излагаются основные концепции, передовой международный опыт, а также методы и процедуры, полезные как для следователей, так и для аналитиков при проведении расследований в телекоммуникационных сетях.

³⁹ Interpol CBRNE Bioterrorism Prevention Program. — URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Terrorism/Bioterrorism>.

Правовые аспекты обеспечения генетической безопасности в рамках биосуверенитета государств

В эпоху бурного прогресса биомедицины и биотехнологий юридические гарантии неприкосновенности человеческой личности и защиты прав пациентов закреплены в специальной Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (ETS №164) 1997 г. (далее — «*Конвенция Овьедо*»)⁴⁰. В их числе принципы обеспечения биобезопасности и добровольного информированного согласия на любые манипуляции с генетическим материалом человека, в том числе с медицинскими и исследовательскими целями⁴¹. Гарантии соблюдения прав и основных свобод человека и обеспечения свободы исследований были сформулированы во Всеобщей Декларации ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г. Этот документ пошел даже дальше «*Конвенции Овьедо*», подчеркивая, что личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам, и требуя непреложного уважения его уникальности и неповторимости. В XXI веке каждый человек имеет фундаментальное право на уважение своего достоинства и субъективных прав независимо от генетических ха-

⁴⁰ Конвенция является прямо обязывающим международным инструментом по защите прав человека в сфере биомедицины; она открыта для подписания 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо (Испания). Официальный текст см.: — URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004>. 24 января 2002 г. в Страсбурге подписан Дополнительный протокол о трансплантации органов и тканей человека, а 25 января 2005 г. еще один Протокол относительно биомедицинских исследований. Российская Федерация до сих пор не участвует как в самой Конвенции, так и в обоих ее протоколах.

⁴¹ Хотя впервые еще в ходе Нюрнбергского судебного разбирательства над 23 немецкими учеными-медиками, которые обвинялись в проведении жестоких бесчеловечных опытов над военнопленными, стал важнейшим «нюрнбергским принципом» категорический запрет на производство опытов на человеке без его добровольного согласия.

рактеристик и право на защиту собственных генетических данных⁴². Оба принципа конфиденциальности и недискриминации по признаку генетического наследия закреплены в статьях 6 и 7 Декларации о геноме.

Сегодня в мире миллионы людей страдают от серьезных хромосомных болезней, генетических мутаций, моногенных заболеваний (нарушений в строении генома), таких как мышечная дистрофия, онкология, синдром Дауна, муковисцидоз и другие. Прорыв в лечении этих заболеваний обещает новая технология модификации генома CRISPR-Cas9, на основе которой можно работать с любым организмом на Земле, редактировать любой ген всего лишь за несколько часов, что обходится пациенту не дороже полсотни долларов. Нередко данную технологию редактирования называют «генные ножницы»⁴³. Потенциально CRISPR-атака способна остановить даже развитие ВИЧ. Сегодня приступают к разработке CRISPR-системы, нацеленной на противодействие коронавирусу COVID-19. Поэтому коммерческий и собственно юридический интерес к этой технологии только возрастает, активизируя научно-исследовательские поиски в сфере молодой отрасли биоправа и становясь поводом для настоящих «патентных войн».

В предмет регламентации биоправа (*англ.* biolaw; *фр.* biodroit; *ит.* biodiritto) входит обширная система правоотношений по вопросам экологии и социобиологии, биомедицины и нейрофизиологии, генетики и геномики, и др. С позиции биополитиков⁴⁴ и юристов эти

⁴² Леоценко В.С. Новый аспект в международной защите прав человека: этика и биомедицина // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2000. № 2. С. 135.

⁴³ Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats — короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами, как инструмент редактирования генома позволяет удалять, добавлять или изменять последовательные участки ДНК (Sontheimer, 2015: 413–414).

⁴⁴ Critiquing Sovereign Violence: Law, Biopolitics, Bio-Juridicalism Gavin Rae. 2019. Edinburgh University Press. P. 232. — URL: <https://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctvnbjbfxx>. Биополитика государства связана с задачей правительства содействовать качеству жизни населения, «анатомической политикой человеческого тела как глобальной массы, на которую влияют общие

аспекты приобретают дополнительную этико-правовую и прикладную юридическую окраску⁴⁵.

В современный период на доктринальном уровне замечено выделение такого направления — подотрасли международного биоправа, как правовое регулирование геномных исследований и практики обращения к их результатам, которое условно обозначают «геномное право» (дискуссионный термин). В его предметную сферу могут быть включены такие направления юридической регламентации, как: 1) генетическая идентичность человека, юридическая защита персональных данных и анонимность геномной информации; право не знать свой генетический состав; «геномика больших данных»; геномная безопасность и юридическая ответственность; запрет генетического оружия (геномоцид); 2) геномная регистрация и генетическое тестирование, включающее генный скрининг, мониторинг, ДНК-дактилоскопия и судебная генетическая экспертиза; 3) правовой статус лиц — участников геномных исследований; медицинские, технические и биоэтические аспекты геномных исследований, в том числе генетического редактирования и генного инжиниринга; «кодекс геномных исследований», «Нюрнбергский кодекс»; 4) оказание услуг по обработке, хранению и внедрению результатов геномных исследований; патентование и потребительский рынок, обращение генетических данных; применение ДНК-технологий в генеалогии, палеонтологии, генетической паспортизации, генной терапии, биомедицине, спорте и др.

характеристики, характерные для жизни, такие как рождение, смерть, производство, болезнь и т.д.» В своей лекции «Общество необходимо защищать» Фуко исследует государственный биополитический расизм. Исследователь констатирует фундаментальное различие между биополитикой и дисциплиной: «Там, где дисциплина — это технология, используемая для того, чтобы заставить людей вести себя, чтобы они были эффективными и производительными работниками; биополитика применяется для управления населением (например, с целью обеспечения здоровой рабочей силы)». Foucault, Michel (2007). *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France*. Basingstoke: Palgrave. p. 1.

⁴⁵ *Denisenko Vladislav, Trikoz Elena*. Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic// E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175. № 14013. P. 1–7.

В целом считается, что биоэтика возникает в результате трех аспектов: 1) появление парадигмы прав человека в послевоенном мире и движения за гражданские права, и в частности в сфере медицины и здоровья; 2) стремительное развитие и моральная неопределенность научно-технического прогресса, его последствия для выживания человеческого рода и благосостояния людей, а также заботы об окружающей среде и правах будущих поколений; 3) проблемы правосудия в биомедицине и реализации права на судебную защиту и права на доступ к медицинским услугам.

Следует отметить, что определенные действия по оказанию ряда медицинских услуг криминализированы в различных странах мира (суррогатное материнство, торговля человеческими органами, тканями и клетками, а также искусственное прерывание беременности посредством аборта). Незаконное оказание данных услуг, приобретающих статус преступных деяний, представляет прямую *угрозу биологической безопасности человека*. При этом под биологической безопасностью человека в рамках данного контекста следует понимать нормальное функционирование человеческого организма с точки зрения физиологии, целостность и неприкосновенность тела человека в целях его защиты от различных форм эксплуатации, напрямую связанных с медицинским вмешательством. Биологическая безопасность, по моему мнению, напрямую связана с гарантией и защитой соматических прав человека. Преступные посягательства на соматические права подвергают опасности биологическое благосостояние личности. Так, Е.В. Тарасьянц подробно изучает международно-правовые основы защиты и поощрения прав человека в области биомедицинских исследований, в том числе с позиций их обеспечения и значения в системе поколений прав человека⁴⁶.

За последнее десятилетие наблюдается стремительное развитие биоэтики на международном региональном уровне, в практике ЕСПЧ появляется соответствующая категория дел. ЕСПЧ периодически напоминает о том, что в соответствии со ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека 1950 г. государства — члены Совета Европы

⁴⁶ Тарасьянц Е.В. Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. М., 2011. 224 с.

обязаны защищать право каждого человека на жизнь и что достоинство человеческой личности должно быть защищено от возможного неправомерного использования достижений научного прогресса⁴⁷.

Одной из наиболее животрепещущих проблем XXI века стала проблема генных модификаций человека⁴⁸. Изменения в зародышевых клетках (репродуктивные клетки, включая человеческие эмбрионы, яйцеклетки, сперматозоиды и их клетки-предшественники) будут унаследованы потомками пациента, что означает вмешательство в жизнь будущих поколений, не дававших свое согласие на такое вторжение в их геном⁴⁹, которое также посягает на сам принцип биологического разнообразия поколений людей⁵⁰.

Как известно, ВОЗ учредила в декабре 2018 г. глобальную междисциплинарную группу экспертов для изучения научных, этических, социальных и правовых проблем, связанных с редактированием соматического и репродуктивного генома человека⁵¹. Группа занимается систематизацией научной литературы о состоянии исследований и их применении, об отношении общества к различным видам ис-

⁴⁷ *Trikoz E., Gulyaeva E., Belyaev K.* Russian experience of using digital technologies in law and legal risks of AI. — E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 224. No. 03005. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022403005>. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/84/e3sconf_TPACEE2020_03005.pdf.

⁴⁸ *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 42–56.

⁴⁹ *Krekora-Zajac D.* Civil liability for damages related to germline and embryo editing against the legal admissibility of gene editing // Palgrave Communications. 2020. Vol. 6. Issue 1. P. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-020-0399-2; *Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е.* Правовое регулирование процедуры генного редактирования: зарубежный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. Т. 25. № 1.

⁵⁰ *Rogers A., De Bousingen D.D.* Bioethics in Europe. Strasbourg: Council of Europe Press. 1995. 366 p.

⁵¹ Human Genome editing. – URL: <https://www.who.int/ethics/topics/human-genome-editing/en/>

пользования геномной технологии. Экспертная группа готовит для ВОЗ рекомендации относительно соответствующих инструментов (или средств) надзора и управления как на национальном, так и на универсальном уровне, с целью понять, как гарантировать прозрачность и надежность экспериментов, обеспечить взвешенную оценку соотношения рисков/пользы до принятия любого решения о внедрении генно-модифицирующих технологий.

Европейским союзом принят ряд директив в сфере редактирования генома⁵². Так, в Правилах № 536/2014 Европейского парламента и Совета от 16 апреля 2014 г. о клинических испытаниях лекарственных средств для использования человеком установлен прямой запрет на проведение клинических испытаний с применением генной терапии, если это приводит к изменениям в генетической идентичности зародышевой линии субъекта (ст. 90)⁵³.

Обеспечение экологической, биологической и продовольственной безопасности в связи с применением продуктов ГМО в рамках ЕС

В совместной компетенции Евросоюза и государств-членов находятся продовольственные проблемы и вопросы защиты окружающей среды. Экологическая политика ЕС в отношении зерновых культур ГМО объединяет политику производства и политику потребления, предусматривает принятие новых технологий продуктов и инструк-

⁵² Directive 2004/23/EC on setting standards of quality and safety for the donation, procurement, testing, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:324:0121:0137:en:PDF>; Regulation (EC) No 1394/2007 on Advanced Therapy Medicinal Products; Directive 2001/20/EC on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States relating to the implementation of Good Clinical Practice in the conduct of clinical trials on medicinal products for human use (Art. 9 para. 6). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0020>.

⁵³ Regulation (EU) No. 536/2014 on clinical trials on medicinal products for human use, and repealing Directive 2001/20/EC. — URL: https://ec.europa.eu/health/human-use/clinical-trials/regulation_en.

ций по их обороту, исключает потенциальные экологические риски производства ГМО.

Европейский союз остается по-прежнему наряду с США главным центром формирования политики регулирования рынка ГМО-продуктов и экологичности продукции. По мере расширения научных знаний в сфере биотехнологий существенно меняется в ЕС и сама система регулирования производства и оборота продукции, содержащей ГМО. Здесь область генетических исследований и геномных модификаций живых организмов и генетики растений является сферой с наиболее «жестким» законодательством (включая такие страны, как Норвегия, Исландия и Швейцария). Тем не менее в этом регионе продолжают использовать ГМО в сельском хозяйстве, продуктах питания и товарах потребления. В Европе генно-модифицированными считаются любые продукты, содержащие более 0,9% одобренных ГМО, или же 0,5% для тех продуктов, которые еще ожидают одобрения. Такие продукты, поступающие в торговую сеть в Европе, должны иметь на упаковке соответствующее уведомление об их генно-модифицированной природе⁵⁴, в отличие от США, Канады и Аргентины, где маркировка требуется только при существенном изменении качества продукта или есть риск здоровью (например, аллергия)⁵⁵.

Большинство государств — членов ЕС приняло комплексное законодательство по регулированию таких вопросов, как лицензирование ГМО, обращение с ГМО-продуктами, требования безопасности в сфере генетики растений и живых организмов.

Более того, развиваются также конвенционный (надгосударственный) уровень регулирования и идеологический уровень развития коммунитарной биополитики в регионе⁵⁶. В Конвенции Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением

⁵⁴ European Commission. Questions and answers on the regulation of GMOs in the EU (Memo/02/160-REV). Brussels, 2003.

⁵⁵ *Kym A., Lee A.J.* Why Are US and EU Policies Toward GMOs So Different? // *AgBioForum*. 2003. No 6(3).

⁵⁶ *Denisenko V., Trikoz E.* Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic // *E3S Web of Conferences*. 2020175, 14013. — URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017514013>.

достижений биологии и медицины (ETS №164) 1997 г. были впервые затронуты на таком высоком уровне вопросы биобезопасности в связи с манипуляциями генетическим материалом, в том числе преследующими медицинские и исследовательские цели. Данная Конвенция предоставила ЕСПЧ консультативную судебную юрисдикцию в целях защиты т.н. «четвертого поколения прав человека».

В Европейском союзе действуют фактически самая строгая в мире законодательная регламентация и ограничения в отношении ГМО⁵⁷.

Интерес представляет унифицированное регулирование на основании Правил Regulation (EC) 1829/2003. Этот документ, учитывающий нормы и правила ВТО и требования Картахенского протокола по биологической безопасности 2000 г., считается основным по регламентации производства и оборота ГМО-продукции в Европейском союзе. Он предусматривает принятие решений по допуску ГМО на рынки на уровне всего ЕС.

В целом общеевропейская экорегуляция предполагает, что все ГМО признаются «новыми продуктами питания». Европейское управление по безопасности пищевых продуктов (*The European Food Safety Authority, EFSA*) проводит всестороннюю, индивидуальную и научно обоснованную оценку пищевых продуктов на основе критериев: безопасность, свобода выбора, маркировка и место изготовления. Кроме того, Комитет Европейского парламента по внутреннему рынку и защите потребителей (*the European Parliament's Committee on*

⁵⁷ Перечислим наиболее важные юридические инструменты ЕС в рассматриваемой сфере, такие как: Directive 2001/18/EC on the deliberate release of GMOs into the environment; Regulation (EC) 1829/2003 on genetically modified food and feed; Directive (EU) 2015/412 amending Directive 2001/18/EC as regards the possibility for the Member States to restrict or prohibit the cultivation of GMOs in their territory; Regulation (EC) 1830/2003 concerning the traceability and labelling of genetically modified organisms and the traceability of food and feed products produced from genetically modified organisms; Directive 2009/41/EC on contained use of genetically modified micro-organisms; and Regulation (EC) 1946/2003 on transboundary movements of GMOs. The Commission Directive (EU) 2018/350 of 8 March 2018 amending Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council as regards the environmental risk assessment of genetically modified organisms.

the Environmental, Public Health, and Consumer Protection) утвердил в отношении ГМО стандарт «безопасность прежде всего», который предполагает наступление ответственности за любые негативные последствия для здоровья от ГМО.

В практике Европейского суда в Люксембурге (*European Court of Justice*) известно следующее знаковое решение от 25 июля 2018 г. Согласно ему поставщики продуктов питания в ЕС, работающие с технологиями генной инженерии, должны отныне строго придерживаться действующих в Союзе стандартов использования ГМО в пищевой промышленности. В деле рассматривалась практика применения технологии искусственного мутагенеза, в основу которой положено искусственное внесение изменений в структуру ДНК растений и удаление ряда ее участков. Это делается для улучшения хозяйственно-биологических показателей и урожайности. Первыми тревогу забили и вчинили иск представители Французского союза сельхозпроизводителей, которые забеспокоились из-за побочных эффектов мутагенеза для людей, животных и окружающей среды. Согласно решению Суда Европейского союза все сельхозпроизводители, которые будут распространять такую продукцию, полученную с использованием мутагенеза, должны обязательно маркировать ее как ГМО-продукцию.

Особый интерес представляет также «*принцип предосторожности*», провозглашенный в решении ЕСJ от 13 сентября 2017 г. Итоговый вердикт гласил, что запретить культивировать ГМО-продукты можно лишь при наличии веских научных доказательств их вреда для здоровья человека. В этом деле столкнулись интересы правительства Италии и американской корпорации «Монсанто», выращивавшей генно-модифицированную кукурузу. Данная продукция была признана, по результатам исследований итальянских ученых, опасной для здоровья людей. В то же время Европейское управление по безопасности пищевых продуктов подготовило другое заключение, по которому никаких научных доказательств опасности данного сорта кукурузы не нашли. И только в решении ЕСJ было установлено, что правила ЕС по использованию ГМО-продуктов питания и ГМО-кормов должны обеспечивать «высокий уровень защиты здоровья человека и бесперебойное функционирование внутреннего рынка». Следовательно, по мнению высоких судей, полностью запретить

ГМО-продукты можно лишь в единственном случае — при наличии неоспоримых доказательств их «серьезного риска для здоровья».

Перспективным направлением правового регулирования становится вычислительная селекция, которая в недалеком будущем может прийти на смену генно-модифицированным продуктам и биотехнологиям. Вычислительная селекция позволяет уже сейчас выводить перспективные сорта растений, не прибегая к помощи генной модификации, а опираясь лишь на информацию датчиков и алгоритмов искусственного интеллекта⁵⁸.

Обеспечение биобезопасности на национальном уровне в Российской Федерации

К основным действующим на сегодняшний день в России законам и нормативным актам, регулирующим сферу биотехнологии в стране, относят: Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений», Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», Лесной кодекс Российской Федерации (с изменениями на 22 декабря 2020 г.), Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”», Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р), Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ

⁵⁸ *Trikoz E., Gulyaeva E.* Ecological cases of the ECHR and the environmental risk of GMO. — E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 244. No. 12024. — URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202124412024>. — URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/20/e3sconf_emmft2020_12024.pdf; *Trikoz Elena N., Gulyaeva Elena E., Belyaev Konstantin S.* Russian experience of using digital technologies in law and legal risks of AI// E3S Web of Conferences. 224, 03005 (2020).

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» с изменениями и поправками в виде Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу обращения биомедицинских клеточных продуктов».

Знаковым юридическим событием является принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», который регулирует деятельность по обеспечению биобезопасности в Российской Федерации. С этой целью в России будет создана государственная информационная система по биологической безопасности, с помощью которой будет осуществляться мониторинг биологических рисков, а также разработок в сфере биологии, *биотехнологии* и *генно-модифицированной продукции*. Законом вводится широкий ряд терминов, связанных с обеспечением защиты граждан РФ от биологических и химических угроз. До принятия Закона в российском законодательстве отсутствовал понятийный аппарат, определяющий деятельность по обеспечению биобезопасности граждан. Содержательная часть Закона определяет основы государственной политики и полномочия федеральной и региональной власти в этой сфере.

Помимо единой информационной системы мониторинга и контроля за распространением инфекционных болезней, Законом вводится учет производства, потребления и перемещения за границу РФ антимикробных препаратов, обладающих риском возникновения у человека устойчивости (нечувствительности) к антибиотикам. Такие препараты будут продаваться только по рецепту. Закон определяет также меры для предотвращения террористических актов и диверсий с применением биологического оружия.

В России внесен проект Федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения»⁵⁹, закрепляющий правовые

⁵⁹ Проект Федерального закона № 97802181-2 «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения». — URL: <https://base.garant.ru/3101506/>

основы этики государственной политики в области здоровья и здравоохранения. Кроме этого, Российская Федерация приняла на себя международные обязательства в сфере защиты персональных данных. Данный протокол, вносящий изменения в «Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» закрепляет защиту новых прав человека. В нем содержатся требования к принципам пропорциональности, минимизации и законности сбора, обработки и хранения персональных данных⁶⁰; вводится новая категория чувствительных данных — генетических данных. Роспотребнадзором разработан законопроект по включению генетических данных в понятие «Специальные категории персональных данных»; определены новые права, предоставляемые гражданам, для управления своими персональными данными при их обработке на основе математических алгоритмов, искусственного интеллекта и т.д. Также вводится обязанность операторов персональных данных уведомлять уполномоченный надзорный орган об утечках, устанавливается четкий режим трансграничных потоков данных⁶¹.

* * *

В современном международном праве очевидна проблема принятия Протокола, устанавливающего международный контрольный механизм проверки запретов на разработку, производство и накопление биологического оружия. Прецедентом эффективного регулирования оборота опасных веществ в мире можно считать принятую в 1993 г.

⁶⁰ Ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁶¹ 10 октября 2018 года представитель России подписал в Страсбурге протокол, вносящий изменения в «Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». Цель новаций — повышение уровня защиты персональных данных на международном уровне. Конвенция на сегодняшний день является единственным масштабным международным документом в сфере защиты персональных данных, носящим юридически обязывающий характер.

Конвенцию о запрещении химического оружия⁶², которая содержит механизм проверки соблюдения запретов Конвенции. Международное сообщество в 2013 г. во время войны в Сирии прибегало к этому механизму в качестве мирного средства разрешения международных споров в соответствии со ст. 33 Устава ООН. Биологическое оружие представляет собой принципиально иной вызов, чем ядерное и химическое оружие. Дипломатические попытки создать Протокол к КБО натолкнулись на политические и технические трудности, которые доказали, насколько сложно осуществлять международный контроль над биологическим оружием.

Применение террористическими организациями новых видов биологического оружия представляет реальную угрозу для государств всего мирового сообщества в целом. Реагирование на биотерроризм отличается от реагирования на химический и ядерный терроризм, потому что первыми респондентами в случаях биотерроризма являются здоровье нации и системы здравоохранения. Качество национальной инфраструктуры и возможности общественного здравоохранения являются приоритетными для обеспечения национальной безопасности и обороны страны в целях борьбы с актами биотерроризма.

Благодаря современным биомедицинским технологиям, ставшим относительно доступными в наше время, человек получает возможность излечиться от того или иного недуга (в случае трансплантации человеческого органа, ткани или клетки) и даже обрести семью (процедура экстракорпорального оплодотворения — IN VITRO). Однако данная сфера жизни общества также стала своеобразным полем для получения незаконной выгоды и нарушения прав человека. Биологическая безопасность как отдельного человека, так и общества в целом находится под угрозой ввиду того, что многие достижения науки и биомедицины не имеют тщательно разработанной правовой регламентации в большинстве стран мира. Несмотря на то что международное сообщество так или иначе нормативно урегулировало

⁶² Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Принята в Париже 13 января 1993 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml.

некоторые аспекты по оказанию услуг, связанных с суррогатным материнством, трансплантологией и искусственным прерыванием беременности (абортом), тем не менее нет унифицированных источников права, которые могли бы единообразным способом бороться с транснациональной преступностью, угрожающей биологической безопасности, а также репродуктивным и соматическим правам человека.

Следует создать и обеспечить эффективные механизмы на универсальном и региональном уровнях в рамках международных региональных организаций по коллективной безопасности и создать Комиссию по расследованию преступлений в сфере биобезопасности.

В принятом Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» отдельное положение посвящено международному сотрудничеству в области обеспечения биологической безопасности. Внешняя политика России ориентирована на укрепление режима Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении в целях обеспечения полного запрета биологического оружия. Важнейшими целями Конвенции являются также расследование случаев предполагаемого применения биологического и токсинного оружия; предотвращение, локализация и ликвидация чрезвычайных ситуаций в области обеспечения биологической безопасности международного характера.

Пашенцев Евгений Николаевич

ДЕЗИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЦЕЛИ И МЕТОДЫ

Тему настоящей статьи делает актуальным непрекращающееся информационно-психологическое противоборство на мировой арене, которое только усилилось с наступлением кризиса, связанного с коронавирусной пандемией. Падение доходов граждан, потеря рабочих мест усиливают социальную напряженность, и для сохранения своих позиций элиты Запада политизируют обсуждение пандемии, что мы видим на примере обвинений, которые власти США выдвигают против Китая. Бездоказательные обвинения в попытке отравления оппозиционера Алексея Навального, высказываемые в адрес российской государственной власти, также связаны с поиском «виновных» и стремлением отвлечь внимание от внутренних проблем самого коллективного Запада, а кроме этого — нанести ущерб сотрудничеству России и стран Европы, в частности в энергетической сфере. Дезинформация остается актуальным инструментом информационно-психологических операций даже в эпоху Интернета, когда доступность информации для широкой общественности постоянно растет.

В работе над статьей использовались открытые источники, преимущественно материалы СМИ, так как предмет исследования — дезинформация в медиапространстве, степень и пути ее распространения, влияние, оказываемое ею не только на общественное мнение, но и на принятие политических и бизнес-решений. При этом дезинформация сама по себе часто может быть не причиной, а поводом для того или иного решения, давно назревшего у инициатора дезинформационной кампании, искаженное общественное мнение нужно лишь для легитимации таких решений. Вторичные источники представлены монографическими исследованиями¹, научными

¹ *Пашенцев Е.Н.* Стратегическая провокация «Украина». М.: МЦСПИК, 2014; *Bazarkina D., Kramar K.* Chapter 6. Reputation Management of Russian Companies in the European Union in the Context of Russia and

статьями² и аналитическими отчетами³, интервью государственных деятелей и специалистов⁴, как отечественных, так и зарубежных.

the EU's Strategic Communication// Strategic Communication in EU-Russia Relations: Tensions, Challenges and Opportunities. Ed. by Evgeny Pashentsev. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 161–211, etc.

² *Пашенцев Е.Н., Фан К.Н.А., Дам В.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности// Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80; *Цыганов В.В., Ковалев В.И., Бочкарева Ю.Г.* Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне// Информационные войны. 2013. № 3 (27); *Пашенцев Е.Н.* «Закон о борьбе с противниками Америки через санкции» в контексте стратегической информационно-психологической войны// Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66; *Акопов Г.Л.* Медиаменеджмент в контексте информационных войн и распространения дезинформации// Век информации. 2018. № 2-2 и т.п.

³ Санкции+. Что еще в арсенале давления Запада на Россию? Аналитический доклад/ Под ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2014; U.S. Image Plummet Internationally as Most Say Country Has Handled Coronavirus Badly// Pew Research Center. 15.09.2020. — URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/PG_2020.09.15_U.S.-Image_FINAL.pdf; *Freier N.P.* Known Unknowns: Unconventional «Strategic Shocks» in Defense Strategy Development. PKSOI Papers. November 2008. — URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/ssi_freier.pdf; *Colley Th., Granelli F., Althuis J.* Disinformation's Societal Impact: Britain, COVID, and Beyond. Defence Strategic Communications. 2020. Volume 8. Autumn. DOI: 10.30966/2018.RIGA.8.3; Combatting Targeted Disinformation Campaigns. A Whole-of-Society Issue. Public-Private Analytic Exchange Program. October 2019. — URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ia/ia_combatting-targeted-disinformation-campaigns.pdf, etc.

⁴ *Яковенко А.В.* Почему западные страны озаботились дезинформацией// Международная жизнь. 22.04.2020. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26092>; Интервью: Открытость властей, добросовестность СМИ, информационная грамотность граждан — вот что нужно противопоставить дезинформации о коронавирусе// Новости ООН. 16.04.2020. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/04/1376212>; *Kumar S.* Интервью с Крейгом Сильверма-

Цели дезинформационных кампаний западных государств в рамках информационно-психологического противоборства на мировой арене

Поставить противника в положение, когда он должен ответить на целевую эскалацию событий определенным образом, теряя при этом свои позиции, материальные и нематериальные активы, — в этом заключается главная цель любой международной провокации, и дезинформация — один из основных компонентов последней. В 2003 г. Государственный секретарь США Колин Пауэлл в ООН, держа пробирку в руке, заявил, что Ирак имеет оружие массового уничтожения, что послужило основанием для вооруженного вторжения в эту страну. В результате — хаос длительной гражданской войны и сотни тысяч жертв.

Для того чтобы выявить цели дезинформационных кампаний западных государств, необходимо определить *субъектов*, инициаторов данных кампаний. Это, прежде всего, часть финансовой и промышленной элиты США и (в меньшей мере) европейских стран, чьи интересы оказались под ударом по мере усиления экономической мощи Китая. Долг США перед Китаем составляет \$1,07 трлн по состоянию на июль 2020 г.⁵ Китай (второй по объемам держатель американского госдолга после Японии) может в любой момент установить жесткие условия для погашения этого долга. Стратегические интересы США

ном: дезинформация, дипфейк и демократия// Международная журналистская сеть. 17.11.2019. — URL: <https://ijnet.org/ru/story/интервью-с-крейгом-силверманом-дезинформация-дипфейк-и-демократия>; «Я устал все время заниматься российской дезинформацией»: интервью с главой Bellingcat// Русская служба BBC. 12.12.2019. — URL: <https://sova.news/2019/12/12/ya-ustal-vse-vremya-zanimatsya-rossijskoj-dezinformatsiej-intervyu-s-glavoj-bellingcat/>; *Wu A.* Interview With Gen. Spalding: the CCP's Disinformation Campaign, the TikTok Ban// The Epoch Times. 07.10.2020. — URL: https://www.theepochtimes.com/interview-with-gen-spalding-the-ccps-disinformation-campaign-the-tiktok-ban_3529112.html.

⁵ Major foreign holders of treasury securities (in billions of dollars). Holdings 1/ at end of period// US Treasury. 16.09.2020. — URL: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>.

вливают и на отношения России и Европейского союза, в том числе и в аспекте экспорта газа в Европу. Так, в 2019 г. «Газпром» признал серьезной проблемой для себя поставки сжиженного природного газа из США на европейский рынок. США же в свете отмены запрета на экспорт нефти в 2015 г., по прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), могут к 2024 г. стать вторым по величине экспортером нефти в мире, что, безусловно, чревато для России перспективой будущих изменений на рынках⁶. Стремление элиты США приостановить или отсрочить запуск российского проекта «Северный поток-2», в частности, нашло свое отражение в 2017 г. в «Законе о борьбе с противниками Америки через санкции»⁷.

В этой ситуации США ищут пути увеличения доли своей торговли по всему миру. Конечно, в экономической гонке ключевые игроки проявляют агрессивность в информационно-психологическом противоборстве. Исходя из главной, экономической, цели, с которой тесно связаны политические задачи, можно определить *объекты дезинформационных кампаний* Запада. Это, прежде всего, Китай и Россия, а также такие страны, не поддерживающие США на мировой арене, как Иран, Северная Корея, Венесуэла. *Цели дезинформационных кампаний* Запада по сути не изменились как минимум с начала украинского конфликта и могут быть представлены в самом общем виде десятью пунктами.

1. *Возложить ответственность за текущий социально-экономический и политический кризис, возможный финансово-экономический крах в США и всей несправедливой мировой финансово-экономической системы на происки внешнего «врага».* На эту роль как нельзя лучше подходят Россия и Китай. Затем планируется списать последующее

⁶ См. подробнее: Bazarkina D., Kramar K. Chapter 6. Reputation Management of Russian Companies in the European Union in the Context of Russia and the EU's Strategic Communication// Strategic Communication in EU-Russia Relations: Tensions, Challenges and Opportunities. Edited by Evgeny Pashentsev. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 161–211.

⁷ An Act to Provide Congressional Review and to Counter Aggression by the Governments of Iran, the Russian Federation, and North Korea, and for Other Purposes// US Treasury. — URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/hr3364_pl115-44.pdf; см. анализ проблемы: Bazarkina D., Kramar K. Op. cit.

катастрофическое ухудшение материального положения населения Запада и всего земного шара на эти страны и вызвать их отчуждение на мировой арене. Общественное мнение многие годы подвергается воздействию ведущих англо-американских СМИ в этом направлении.

Под давлением администрации Д. Трампа США перешли к практически открытой конфронтации с Китаем, с которым Д. Трамп пригрозил в мае 2020 г. «разорвать все отношения»⁸. По состоянию на 20 мая 2020 г. в США было подано десять исков к Китаю в связи с коронавирусом⁹. Госсекретарь Майкл Помпео заявил, что мир будет вынужден «возложить расходы» за коронавирус на Китай, а сам он представил Д. Трампу ряд вариантов, которые «заставят коммунистический режим компенсировать жителям США ущерб от пандемии»¹⁰. США усиливают свое давление на ведущие китайские научно-технические бренды, прежде всего Huawei, с целью не допустить глобального лидерства Китая в сфере высоких технологий¹¹. Примечательно, что курс на конфронтацию с Китаем сегодня получает поддержку большей части американской элиты, что, в частности, подтверждает и жесткая антикитайская риторика нового президента Дж. Байдена. И республиканец Трамп, и кандидат демократов Байден в ходе предвыборной кампании обвиняли друг друга в слабости в отношении Китая¹².

⁸ *Soergel A. Trump Threatens to 'Cut Off' Relationship With China, Claims Coronavirus Proved 'Trump Was Right'*// U.S. News. 14.05.2020. — URL: <https://www.usnews.com/news/economy/articles/2020-05-14/trump-threatens-to-cut-off-relationship-with-china-claims-coronavirus-proved-trump-was-right>.

⁹ В США подано десять исков к Китаю в связи с коронавирусом// Regnum. 11.05.2020. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2945227.html>.

¹⁰ *Zito S. Pompeo tells Salena Zito the world must 'impose costs on China' for coronavirus*// Washington Examiner. 17.05.2020. — URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/pompeo-tells-salena-zito-the-world-must-impose-costs-on-china-for-coronavirus>.

¹¹ *Пашенцев Е.Н., Фан К.Н.А., Дам В.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности// Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 180.

¹² *Khalid A. Biden and Trump Battle over Who Is 'Weak on China'*// NPR.

2. *Поднять доверие к США на международной арене и среди самих американцев.* Как показывает опрос Исследовательского центра Пью, репутация США в мире за 2020 г. серьезно снизилась. Например, только 41% опрошенных в Великобритании выражают позитивное отношение к США, во Франции — 31% (как в марте 2003 г., в разгар напряженности между США и Францией из-за войны в Ираке). Только 26% жителей Германии оценивают США положительно (аналогично 25% в марте 2003 г.). Во всех 13 странах, где проводился опрос, медианный показатель по ответу, что США проделали «хорошую работу» по борьбе со вспышкой болезни, — всего 15%¹³. Но если будет «найден» враг, который опасен для всех, к США обратятся за помощью, а это в свою очередь поднимет их международный авторитет и доверие к ним. Страх перед «врагом» — также средство для контроля над населением своей собственной страны, что особенно актуально на фоне протестов движения «Black Lives Matter» и против карантинных мер¹⁴.

3. *Оправдать в глазах общественности долговременные чрезвычайные меры по «наведению порядка».* Доклад Института стратегических исследований Военного колледжа Армии США предостерегает, что разрушительное гражданское насилие может стать реальностью в ближне- и среднесрочной перспективе по всему миру, включая США, в результате серии кризисов, которые обозначены в докладе как «стратегический шок»¹⁵. План действий по подавлению гражданских бес-

22.04.2020. — URL: <https://www.npr.org/2020/04/22/840558299/biden-and-trump-battle-over-who-is-weak-on-china>.

¹³ U.S. Image Plummetts Internationally as Most Say Country Has Handled Coronavirus Badly// Pew Research Center. 15.09.2020. — URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/PG_2020.09.15_U.S.-Image_FINAL.pdf.

¹⁴ См., например, Protesters at Statehouse demand state reopen as DeWine announces schools to remain closed// The Columbus Dispatch. 21.04.2020. — URL: <https://www.dispatch.com/news/20200420/protesters-at-statehouse-demand-state-reopen-as-dewine-announces-schools-to-remain-closed>.

¹⁵ Freier N.P. Known Unknowns: Unconventional «Strategic Shocks» in Defense Strategy Development. PKSOI Papers. November 2008. P. 17–18. — URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/ssi_freier.pdf.

порядков был разработан в США в ответ на беспорядки 1960-х гг. Различные его ранние версии были рассекречены и стали доступны для общественности. Версия под названием CONPLAN3502 известна лишь фрагментарно, но и то, что известно, позволяет говорить о широкомасштабной подготовке силовых структур к гражданским беспорядкам. Директива Пентагона, выпущенная в марте 2019 г. и касающаяся чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, уполномочивает военных командиров вводить карантин и изоляцию, а тем, кто нарушает их, могут грозить штрафы или тюремное заключение¹⁶.

4. *Получить основания для развертывания новой масштабной гонки вооружений как средства оживления экономики.* Ее стратегические задачи — достичь решающего военного превосходства над противником и закрепить мировую гегемонию военным путем или измотать противника непосильными военными расходами (по опыту холодной войны с Советским Союзом), с целью провоцирования беспорядков и свержения правительств в России и Китае. Отсюда постоянный поток материалов дезинформационного характера: соответствующие выступления политиков¹⁷, доклады аналитических центров¹⁸ и пропаганда в глобальных СМИ, направленные на преувеличение военных потенциалов России и Китая в работе с массовыми целевыми аудиториями по всему миру.

5. *Обеспечить переход к новому технологическому укладу.* Это не только требует большого количества финансовых и материальных

¹⁶ *Arkin W.M.* Inside the U.S. Military's Plans to Stop 'Civil Disturbances' Amid Coronavirus Pandemic, Something They Haven't Done in 30 Years// Newsweek. 20.03.2020. — URL: <https://www.newsweek.com/inside-us-militarys-plans-stop-civil-disturbances-amid-coronavirus-pandemic-something-they-1493485>.

¹⁷ *Coleman J.* Pompeo says he and Pentagon warned Russia against bounties on US troops in Afghanistan// The Hill. 13.08.2020. — URL: <https://thehill.com/policy/international/511970-pompeo-says-he-and-pentagon-warned-russia-against-bounties-on-us-troops>.

¹⁸ *Dobbins J., Shatz A. J., Wyne A.* Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue: Different Challenges, Different Responses. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. — URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html>.

ресурсов, но и предполагает резкое сокращение, а затем и почти полную ликвидацию малоквалифицированной рабочей силы, быстрое сокращение сферы услуг, «белых воротничков» в системе управления. Быстрое сокращение рабочей силы в условиях внедрения нового технологического уклада может привести к массовым волнениям и необходимости их обуздать в «рамках закона и порядка», что дополнительно подтверждает наличие третьей цели из нашего списка.

6. *Объединить вокруг себя распадающиеся военные и политические союзы, использовать военную истерию для подчинения стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Евросоюза своим интересам.* К примеру, еще в 2014 г. Генеральный секретарь НАТО объявил события в Крыму самой серьезной угрозой европейской безопасности после холодной войны¹⁹. Ряд восточноевропейских стран поспешили выступить за расширение присутствия НАТО на их территории.

7. *Расстроить сотрудничество ЕС и России, ЕС и Китая.* Укрепление сотрудничества и взаимодействия между континентальной Европой и Россией, по мнению определенных кругов в США, чревато их постепенным вытеснением из Европы. Особенно беспокоят США возможности тесного сближения Германии и России, чей совместный вес может угрожать глобальным интересам американской элиты²⁰. Вашингтон пытался заставить Берлин отказаться от строительства газопровода «Северный поток-2». В 2020 г. США усилили давление, заявив, что введут санкции против любого, кто инвестирует или будет работать над строительством или обслуживанием трубопровода в будущем²¹. Санкции и политическое давление на своих европейских

¹⁹ Ukraine crisis: NATO chief calls tensions in Crimea greatest threat to European security since the Cold War// The Telegraph. 19.03.2014. — URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10710044/Ukraine-crisis-Nato-chief-calls-tensions-in-Crimea-greatest-threat-to-European-security-since-the-Cold-War.html>.

²⁰ *Friedman G.* Germany and Russia Move Closer// Stratfor. Global Intelligence. 22.06.2010. — URL: www.stratfor.com/weekly/20100621_germany_and_russia_move_closer#ixzz2zFoTpkLv.

²¹ Trump says US won't protect Germany as it 'pays Russia billions for energy' in 1st tweet after Pentagon announces troop withdrawal// RT. 30.06.2020. — URL: <https://www.rt.com/news/496584-germany-withdrawl->

союзников по вопросам строительства «Северного потока-2» продолжила администрация Байдена²², но недостаточно решительная позиция президента в этом вопросе не удовлетворяет самых активных противников проекта²³. Что касается Китая, США стремятся, прежде всего, расстроить возможности его сотрудничества с ЕС в области высоких технологий.

8. *Оправдать начало вторжения в страны, богатые энергоресурсами, такие как Венесуэла и Иран.* Вовлеченность США в подготовку реакционных военных переворотов имеет давнюю традицию. Венесуэльцы хорошо помнят, как в 2002 г. Вашингтон торопливо признал хунту, утвердившуюся у власти в результате госпереворота в апреле. Только масштабный народный протест и решительные действия прогрессивных кругов вооруженных сил остановили мятежников и позволили вернуться в Каракас триумфатором У. Чавесу. Не скрывает Вашингтон и своей крайней враждебности к правительству под руководством Н. Мадуро.

9. *Получить прибыль от контроля над поставками энергоресурсов, в условиях новой холодной (и, хотя бы частично, горячей) войны.* Внезапное прекращение поставок из России обернется большими убытками для стран ЕС, и они пойдут на это лишь в крайнем случае. Но принять решение в пользу диверсификации своих энергопоставок и вложить средства в дорогостоящий американский проект страны ЕС под влиянием системных непрекращающихся провокаций вполне могут, и они уже делают это.

10. *По возможности дестабилизировать ситуацию в России и Китае, вплоть до «управляемой сегментации» этих государств и получения на их месте безъядерных сателлитных образований.*

troops-gas/

²² Benjamin D. How One European Pipeline Is Derailing Biden's 'America Is Back' Promise. Politico. 18.03. 2021. — URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2021/03/18/how-one-european-pipeline-is-derailing-bidens-america-is-back-promise-476901>.

²³ Gregor P.R. Do Biden's 'tough new sanctions' give Putin Nord Stream 2?// MSN News. 03.03.2020. — URL: <https://www.msn.com/en-us/news/politics/do-biden-s-tough-new-sanctions-give-putin-nord-stream-2/ar-BB1ecnqt>.

К примеру, контролируя территорию распавшейся России через марionеточный режим (режимы), США смогут в случае необходимости установить почти полную блокаду Китая и получить важнейший рычаг военно-экономического давления на него. Финансово-олигархические элиты Запада и дальше будут стараться использовать и направить в нужное для себя русло экономические проблемы, социальные противоречия, существующие в Китае и России.

Методы и инструменты дезинформационных кампаний

Объемы дезинформации резко возрастают в критические периоды, которые характеризуются «возрастанием активности двух сторон конфликта; возрастанием неоднозначности, что позволяет вносить дезинформацию в более облегченном режиме... дефицитом информации, когда сам потребитель информации максимально заинтересован в ее поиске и получении»²⁴. Именно таким стал 2020 год, ознаменовавшийся кризисом, связанным с коронавирусной пандемией. Это кризис получил свое дальнейшее развитие в 2021 г. Дезинформационные сообщения в большинстве случаев распространяются по каналам, не связанным напрямую со спецслужбами или корпорациями, поэтому мы не можем говорить о том, что такие кампании *напрямую* организованы тем или иным государством. Однако то, что вредоносными слухами, конспирологическими теориями и т.п. могут пользоваться противники в информационно-психологическом противоборстве, очевидно. Кроме того, часть негосударственных акторов, постоянно находящихся под воздействием образа врага, может (вольно или невольно) стать проводниками дезинформации.

В данном случае показательна ситуация, сложившаяся вокруг китайской компании Huawei. В 2018 г. США начали кампанию против этого гиганта, который встал в авангарде развития мобильной связи 5G. США обратились к ряду стран с просьбой прекратить приобретение технологии 5G. В то же время, начиная с 12 марта 2020 г., широ-

²⁴ Цыганов В.В., Ковалев В.И., Бочкарева Ю.Г. Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне // Информационные войны. 2013. № 3 (27). С. 5.

кое распространение получило мнение д-ра Томаса Коуэна о том, что коронавирус может быть вызван 5G, высказанное им на саммите по здравоохранению и правам человека в Тусоне, штат Аризона²⁵. Его утверждения в основном были опровергнуты в Интернете, но обсуждение на множестве платформ привлекло много сторонников. Это вполне объяснимо в условиях нарастающей паники, активно поддерживаемой значительной частью СМИ и социальных сетей. Под влиянием гипотезы Т. Коуэна более 4 000 человек подписали петицию на сайте *change.org*, чтобы остановить развертывание сетей 5G в Кейптауне²⁶, аналогичные петиции есть и на интернет-ресурсах в самой ЮАР. Вряд ли можно сомневаться в том, что гипотеза Т. Коуэна стала, независимо от его намерений, инструментом конкурентной борьбы.

В Великобритании Huawei работает в сфере телекоммуникационной инженерии с 2011 г.²⁷ Здесь США оказывали открытое давление на правительство. В январе 2020 г. британское правительство объявило, что оно позволит «поставщикам высокого риска», таким как Huawei, играть ограниченную роль в создании своих сетей 5G. В ответ на это в феврале министр обороны США заявил, что использование технологий 5G от Huawei поставит под угрозу сотрудничество разведок²⁸, а двухпартийная группа американских сенаторов призвала британских законодателей пересмотреть раз-

²⁵ South Africa's Rain and Huawei Build the First 5G Transport Networks Using OXC+200G Solution// Huawei. 26.02.2020. — URL: <https://www.huawei.com/en/press-events/news/2020/2/5g-transport-networks-oxc-200g-solution>.

²⁶ Watch: Debate Raging on Link between 5G Technology, Coronavirus Pandemic// Independent Online (IOL). 18.03.2020. — URL: <https://www.iol.co.za/capetimes/news/watch-debate-raging-on-link-between-5g-technology-coronavirus-pandemic-45124913>.

²⁷ Goldman D.P. Why the US is Losing Its War against Huawei// Asia Times. 17.02.2020. — URL: <https://asiatimes.com/2020/02/why-the-us-is-losing-its-war-against-huawei/>

²⁸ Wintour P. US Urges Britain to Take Another 'Hard Look' at Letting Huawei into 5G// The Guardian. 14.02.2020. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/feb/14/us-urges-britain-to-take-another-hard-look-at-letting-huawei-into-5g>.

решение на использование оборудования Huawei²⁹. В марте среди пользователей социальных сетей в Великобритании также начали распространяться конспирологические теории о том, что 5G может негативно повлиять на иммунную систему. Знаменитости, включая австралийского хореографа Джейсона Гардинера, американско-британскую модель Калума Беста, рэпера M.I.A., актера Вуди Харрельсона³⁰, боксера Амир Хана³¹, американского музыкального продюсера Тедди Райли³², американскую певицу Кери Хилсон (4,2 миллиона подписчиков в Twitter), публиковали заявления о том, что внедрение сотовой связи 5G из Китая напрямую связано с распространением COVID-19³³.

В начале апреля 2020 г. канцлер герцогства Ланкастерского Майкл Гоув, отвечая на вопрос, могут ли вышки 5G влиять на распространение болезни, назвал этот вымысел «опасной чепухой»³⁴. Однако минимум 20 вышек по всей Великобритании были сожжены или иным образом разрушены в течение нескольких дней в начале апреля³⁵, что

²⁹ *Musil S.* US Senators Ask UK to Reconsider Use of Huawei Gear// CNET. 03.03.2020. — URL: <https://www.cnet.com/news/us-senators-ask-britain-to-reconsider-use-of-huawei-gear/>

³⁰ *Christodoulou H.* Holy Smoke. Idiots ‘Burning 5G Masts’ after Conspiracy that ‘Radiation Sparked Coronavirus’ Is Spread by Celebs// The Sun. 03.04.2020. — URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11320198/coronavirus-5g-conspiracy-theory-masts/>

³¹ *Winter A.* Signal Failure. Four More 5G Phone Masts Attacked after Ridiculous Conspiracy Theory Blaming Them for Coronavirus Runs Wild// The Sun. 05.04.2020. — URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11332762/four-more-5g-masts-attacked-conspiracy-theory-coronavirus/>

³² *Finley T.* No, Keri Hilson, 5G Did Not Cause Coronavirus [Update]// Huffington Post. 16.03.2020. — URL: https://www.huffpost.com/entry/keri-hilson-5g-did-not-cause-coronavirus_n_5e6f8ba7c5b6dda30fce0348.

³³ *Finley T.* Op. cit.

³⁴ *Faulconbridge G., Holton K.* 5G Coronavirus Conspiracy Theory Is Dangerous Fake Nonsense, UK Says// Yahoo News. 04.04.2020. — URL: <https://www.yahoo.com/news/uk-says-5g-coronavirus-conspiracy-155046408.html>.

³⁵ *Waterson J., Hern A.* At Least 20 UK Phone Masts Vandalised over False 5G Coronavirus Claims. The Guardian. 04.06.2020. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/jun/04/uk-5g-masts-vandalised>.

причинило отрасли значительный ущерб³⁶. Управление по контролю за продуктами и лекарствами и Федеральная комиссия по связи в США также опровергали ложные слухи³⁷. Facebook была вынуждена удалить несколько страниц, поощряющих вандализм³⁸. Однако, согласно правилам кризисных коммуникаций, запоздалые синхронные шаги властей по запрету достаточно популярной точки зрения могут лишь привлечь к ней еще больше сторонников. Необходимо было действовать быстро, когда гипотеза Т. Коуэна еще не так широко распространялась в Интернете.

О несомненной заинтересованности элит США в данной дезинформационной кампании говорят и ограничения на доступ Huawei к важнейшим компонентам. В августе 2020 г. министерство торговли США ужесточило правила, которые не позволяют компании получать полупроводники без специальной лицензии. Д. Трамп в интервью Fox News заявил, что Huawei «шпионит за американцами», назвав компанию «катастрофой»³⁹; таким образом, в демонизации Huawei и самого Китая участвуют первые лица в США.

Дезинформационные кампании выстраиваются по вполне определенной схеме. Тактическая цель кампании — изменить мнение аудитории о каком-либо явлении и заставить ее совершить действия, выгодные манипулятору, к примеру проголосовать за определенного кандидата, бойкотировать партию, продукт и т.п. На первом этапе изучается целевая аудитория и основные пути распространения информации, принятые в ней. Выявляются социальные противоречия и проблемы, которые затем будут использованы при дезинформа-

www.theguardian.com/technology/2020/apr/06/at-least-20-uk-phone-masts-vandalised-over-false-5g-coronavirus-claims.

³⁶ *Smith M.* Vandalism of 5G Masts over ‘Crazed’ Coronavirus Theory ‘Putting Lives at Risk’// *Mirror*. 06.04.2020. — URL: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/vandalism-5g-masts-over-crazed-21822621>.

³⁷ Watch: Debate Raging on Link between 5G Technology, Coronavirus Pandemic...

³⁸ *Waterson J., Hern A.* Op. cit.

³⁹ *Vega N.* Trump administration turns up heat on Huawei// *New York Post*. 18.08.2020. — URL: <https://nypost.com/2020/08/18/trump-administration-turns-up-the-heat-on-huawei/>

ции, разрабатывается план кампании. К примеру, в случае кампании против Huawei распространители ложных слухов воспользовались страхами в британском обществе, связанными с техническими новинками («идея о том, что устройства, испускающие радиоволны или микроволны, могут повредить здоровью»), а также с восприятием Китая как угрозы национальной безопасности Великобритании⁴⁰ (сформировавшегося не без помощи британских же СМИ).

После изучения целевой аудитории создается инфраструктура кампании (выделяются вычислительные ресурсы, персонал, создаются учетные записи пользователей, привлекаются «лидеры мнений», интернет-сайты, готовятся боты). На высоком уровне фон, на котором проводится кампания, может быть подготовлен с помощью пропагандистских сообщений, вплоть до дипломатических усилий и/или публичных заявлений официальных лиц⁴¹. Затем происходит вброс поддельного, вводящего в заблуждение контента и запускается кампания по его доставке на различные площадки (онлайн-форумы или социальные сети). Доставка контента в разные места с использованием разных учетных записей создает иллюзию, что существует несколько источников распространения истории. Следующей фазой кампании становится копирование дезинформационного контента: написание статей, блогов и/или новых сообщений в социальных сетях, ссылающихся на оригинальное сообщение. Различные акторы в медиасреде, распространяющие дезинформацию намеренно (если их интересы совпадают с интересами инициаторов кампании), могут помочь, используя свои медиаплатформы. Таким образом происходит придание дезинформационному контенту дополнительной «легитимности», часто растет качество его исполнения.

Для усиления дезинформации сообщение продолжает распространяться по каналам коммуникации, которыми предпочитает поль-

⁴⁰ Colley Th., Granelli F., Althuis J. Disinformation's Societal Impact: Britain, COVID, and Beyond. Defence Strategic Communications. 2020. Vol. 8. Autumn. Pp. 108–109.

⁴¹ Combatting Targeted Disinformation Campaigns. A Whole-of-Society Issue. Public-Private Analytic Exchange Program. October 2019. — URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ia/ia_combatting-targeted-disinformation-campaigns.pdf.

зоваться целевая аудитория. Использование ботов и поддельных учетных записей помогает обеспечить стартовый взрывной рост целевого контента, затем он может распространяться другими агентами вольно (якобы независимыми журналистами) и невольно (лицами и группами, распространяющими контент, не зная о его природе и назначении). Наиболее успешны те кампании, в которых контент рассылается по каналам, пользующимся наибольшим доверием, таким как крупные СМИ. Это создает определенный тренд, и дезинформация более интенсивно распространяется самой целевой аудиторией. На финальной стадии инициатор кампании может контролировать эффект, углубляя конфликт и/или укрепляя иллюзию консенсуса с помощью интернет-троллей. При прямых обвинениях в дезинформации манипулятор может категорически отрицать это, обвинить противоположную сторону в распространении ложных сообщений⁴². Эффектом таких кампаний может стать не только массовое согласие граждан с выдворением той или иной компании с национального рынка (или голосование за нужного кандидата), но и недоверие ко всем каналам коммуникации.

При осуществлении социальной инженерии в ходе дезинформационных кампаний манипулятор исходит из предпосылок, что аудитория «плохо разбирается в истинной и ложной информации» и люди не обязательно вспомнят, что сообщение было ложным. Информационная перегрузка приводит к тому, что люди используют очень короткие пути для проверки достоверности сообщений. Именно в силу этого репутационный ущерб от дезинформации часто непоправим, даже если ложная информация была опровергнута. Знакомые темы или близкие мнения могут быть привлекательными, даже если они ложны. Заявления с большей вероятностью будут приняты, если они подкреплены доказательствами, даже поддельными. Видимость объективности может повысить доверие к дезинформации⁴³. Отсюда

⁴² Combatting Targeted Disinformation Campaigns. A Whole-of-Society Issue. Public-Private Analytic Exchange Program. October 2019. — URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/ia/ia_combatting-targeted-disinformation-campaigns.pdf.

⁴³ *Paul Chr., Matthews M. Op. cit.*

стремление облекать пропаганду в информационно-психологическом противоборстве в форму аналитических публикаций, ссылаться на авторитет экспертов, манипулировать статистикой и т.п.

Неотъемлемая часть дезинформации — *многократное повторение желаемых установок*. Ставка делается именно на массовость сообщений, а не на качество доказательной базы или согласованность действий. Типичное высказывание Барака Обамы конца августа 2014 г.: «Российские войска, которые вошли на Украину, — это не гуманитарная или миротворческая миссия. Там находятся российские боевые части с российским оружием и на российских танках. Это факты, которые можно доказать». При этом достоверные факты и доказательства не были представлены широкой общественности⁴⁴, а в отношении действий России в Крыму в официальном дискурсе США и ЕС и сейчас используется термин «аннексия».

Важным фактором успеха дезинформации становится то, что «все чаще в традиционных СМИ основные новости сводятся к воспроизводству новостной продукции социальных медиа»⁴⁵. Источники для цитирования выбираются редакцией в соответствии с внутренней политикой издательства, которая либо навязана собственником СМИ, либо оплачена рекламодателями. Таким образом, информационный фон чаще всего формируется транснациональными корпорациями в соответствии с внутрикorporативными целями⁴⁶. Такой механизм создает идеальную среду и для вброса дезинформации со стороны спецслужб в информационно-психологическом противоборстве. Видимым общественности остается только негосударственный субъект, вбрасывающий дезинформацию (к примеру, знаменитость). Это закономерное явление в мире, где государства, на которые распространя-

⁴⁴ См.: Санкции+. Что еще в арсенале давления Запада на Россию? Аналитический доклад/ Под ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2014; *Пашенцев Е.Н.* «Закон о борьбе с противниками Америки через санкции» в контексте стратегической информационно-психологической войны... С. 29.

⁴⁵ *Акопов Г.Л.* Медиаменеджмент в контексте информационных войн и распространения дезинформации // Век информации. 2018. № 2-2. С. 136.

⁴⁶ Там же.

ется действие международного права, даже военные задачи отдаются на аутсорсинг частным военным и охранным компаниям.

Злонамеренное использование искусственного интеллекта в дезинформационных кампаниях

Постоянно растет роль новейших технологий, и дезинформационные кампании здесь не исключение. Боты составили более 50% всего интернет-трафика в 2016 г.⁴⁷ Организации, которые искусственно продвигают контент, могут манипулировать повесткой дня: чем чаще люди видят определенный контент, тем более важным они его считают. В будущем не исключено активное использование в дезинформационных кампаниях технологии *deepfakes* («глубоких фейков») — создания поддельного аудио-, видео- и фотоконтента при помощи продуктов искусственного интеллекта. При этом, как и в доцифровую эпоху, главным условием действенности дезинформационных кампаний останется, прежде всего, комплексность воздействия на целевую аудиторию по всем возможным каналам с многократным повторением выгодных для манипулятора сообщений.

В 2018 г. 26 авторов из 14 учреждений, охватывающих академические круги, гражданское общество и промышленность в США и Великобритании, написали отчет о злонамеренном использовании искусственного интеллекта (ЗИИИ), в котором они заявили: «Мы считаем, что есть основания ожидать, что атаки, вызванные растущим использованием ИИ, будут особенно эффективными, тонко нацеленными, трудноопределимыми и, вероятно, будут использовать уязвимости в системах ИИ»⁴⁸. Специалисты из разных стран на междуна-

⁴⁷ *Пащенко Е.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 286–287.

⁴⁸ *Brundage M., Avin S., Clark J., Toner H., Eckersley P., Garfinkel B., Dafoe A., Scharre P., Zeitoff T., Filar B., Anderson H., Roff H., Allen G.C., Steinhardt J., Flynn C., Ó Héigeartaigh S., Beard S., Belfield H., Farquhar S., Lyle C., Crotoof R., Evans O., Page M., Bryson J., Yampolskiy R., and Amodei D.*

родном семинаре по Злонамеренному использованию искусственного интеллекта (ЗИИИ), состоявшемся 14 июня 2019 г. в Дипломатической академии МИД РФ, заявили в итоговом документе: «Технологии искусственного интеллекта ... в плохих руках могут вызвать серьезные дестабилизирующие последствия для социально-политического развития той или иной страны и системы международных отношений, в том числе в сфере международной психологической безопасности»⁴⁹. Существует вероятность, как отмечает в своей статье Фу Ин, бывший заместитель министра иностранных дел Китая и главный специалист Академии общественных наук КНР, что если смотреть на мир как на игру с нулевой суммой в погоне за абсолютной безопасностью, то нет никаких сомнений в том, что ИИ будет подобен атомной бомбе или спутникам в 1950-е гг. и что он станет новым фокусом конкуренции между великими державами⁵⁰.

Злонамеренные действия могут вытекать из узкорпоративных интересов отдельных не находящихся у власти организаций и физических лиц. Внимание общественности обычно приковано к таким частным проявлениям ЗИИИ. Но, к сожалению, есть растущие риски системного применения ЗИИИ в интересах властных групп, что представляется особенно опасным. В широком смысле, чем более реакционно государство, тем более злонамеренным становится использование его ресурсов в антиобщественных целях. При этом чем более развитым в научно-техническом отношении является реакционное

The malicious use of artificial intelligence: forecasting, prevention, and mitigation, 1st ed. Future of Humanity Institute, University of Oxford, Oxford, AZ, 2018. P. 5.

⁴⁹ EU-RU-CM Network (2019) For Cooperation between Countries, Expert Communities and Civil Society Organizations against the Malicious Use of Artificial Intelligence and the Destabilization of the International Psychological Security and Democratic Institutions. In: Geopolitica Estului. — URL: <https://geopoliticaestului.ro/for-cooperation-between-countries-expert-communities-and-civil-society-organizations-against-the-malicious-use-of-artificial-intelligence-and-the-destabilization-of-the-international-psychological-se/>

⁵⁰ Fu Y (2019). 傅莹：人工智能变动国际格局，中国倡导什么规则？ (Artificial Intelligence Changes the International Pattern — China Advocates What Rules?). In: GuanCha. — URL: https://www.guancha.cn/fuying/2019.04.12.497340_3.shtml.

государство, чем большим экономическим и военным потенциалом оно обладает, тем опаснее оно для населения данного государства и других стран. Отсюда даже на первый взгляд мирные и нужные всем или большинству людей достижения начинают служить антисоциальным целям, как это было, например, в нацистской Германии. Сегодня внутренняя и внешняя политика США и стран Запада в целом дает немало оснований для опасений по поводу использования ЗИИИ в дезинформационных кампаниях.

В 2013 г. вышла в свет монография нобелевского лауреата и бывшего вице-президента США Альберта Гора под названием «Будущее». Исследователь сделал неблагоприятный вывод относительно возможности американского истеблишмента решить существующие проблемы: «...ослабленное состояние демократического процесса принятия решений в США и усиленный контроль над американской демократией сил богатства и корпоративной власти парализовали способность страны принимать рациональные решения в пользу политики, которая могла бы исправить эти проблемы»⁵¹. Особую опасность с точки зрения информационно-психологической безопасности общества может представлять ЗИИИ в сфере функционирования современных СМИ в условиях деградации демократических структур, роста влияния немногочисленной олигархии и ее агрессивности на международной арене.

Роль СМИ в определении повестки дня оказывает большое влияние на общественную и политическую жизнь. В последние годы на формирование повестки дня все более серьезно влияют быстро развивающиеся технологии ИИ, что стало предметом рассмотрения многих ис-

⁵¹ Gore A. *The Future*. NY: WH Allen. 2013. P. 121. См. также: *Winters J. & Page B. Oligarchy in the United States?//Perspectives On Politics. No 7(4). 2009. P. 731–751. Gilens M. & Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens// Perspectives On Politics, No 12(3). P. 564–581; Fazio C. Trump, Mattis And The Asymmetric War Against Venezuela, MintPress News. 2017.10.06. — URL: <https://www.mintpressnews.com/trump-mattis-asymmetric-war-venezuela/232953/>; Brzezinski Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. New York, NY: Basic Books. 2012. P. 4 etc.*

следований⁵². Процесс производства новостей — от сбора, обработки и анализа информации до составления сообщений для СМИ и последующего распространения новостей — все чаще осуществляется при помощи ИИ-технологий. Например, ИИ с помощью распознавания изображений может идентифицировать привлекательность передачи для целевых аудиторий и предоставлять наиболее выгодные ее эпизоды для размещения рекламы. Глубинное обучение и нейронные сети могут помочь в определении отношения зрительской аудитории к тому или другому телеэпизоду и предоставить возможность вставлять релевантные рекламные объявления. Пробная версия Channel 4 с использованием ИИ для идентификации телевизионных сцен и размещения контекстной рекламы привела к увеличению покупательского спроса на 13%. Но это только начало широкого применения ИИ в рекламе⁵³.

ИИ может помочь в определении стилистических аномалий в речи, используя расширенные функции системы транскодирования или редактирования. Символический ИИ с помощью распознавания речи и изображений может создавать метаданные, связанные с любым контентом. Но ИИ выводит метаданные на следующий уровень, посредством машинного обучения обеспечивая соответствующую клас-

⁵² *Jannach D., Zanker M., Felfernig A. and Friedrich G.* Recommender Systems (An Introduction). 2012. New York: Cambridge University Press; *Malhotra S.* 10 Powerful Applications for AI in Broadcast. 2018. Globecast. Available. — URL: <https://www.globecast.com/blogpost/10-powerful-applications-ai-broadcast/>; *Marconi F.* Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. 2020. New York: Columbia University Press. 2020; *McCombs M. and Valenzuela S.* 2020. How AI powers the next generation of broadcasting. [online] Tech Wire Asia. Available. — URL: <https://techwireasia.com/2018/06/how-ai-powers-the-next-generation-of-broadcasting/>; *Schrage M.,* 2020. Recommendation engines. Cambridge, MA — London: The MIT Press; *Banik R.* Hands-On Recommendation Systems with Python: Start building powerful and personalized, recommendation engines with Python. Birmingham: Packt Publishing. 2018; *Christin A.* Metrics at Work: Journalism and the Contested Meaning of Algorithms. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2020.

⁵³ *Malhotra S.,* 2018. 10 Powerful Applications for AI in Broadcast. Globecast. Available. — URL: <https://www.globecast.com/blogpost/10-powerful-applications-ai-broadcast/>

сификацию или группировку контента. С помощью нейронных сетей можно добиться и большего, например связав контент с его популярностью среди возрастных групп⁵⁴. Постоянно совершенствуя ИИ, вещательные компании могут гораздо точнее, чем прежде, измерить все факторы, влияющие на качество обслуживания клиентов. Компании также могут получить представление о том, как улучшить долгосрочную привязанность и удовлетворенность клиента, тем самым повышая доходность информационного бизнеса⁵⁵. Надо учитывать и текущие кризисные условия пандемии, которые в целом облегчают проникновение в сознание потребителя с помощью ИИ-технологий.

Основная концепция создания современных новостных лент состоит в том, чтобы обучать нейронные сети на прошлом поведении потребителя для прогнозирования вероятности тех или иных его действий в будущем. А это нужно для выбора наиболее привлекательных историй и верного определения их места в ходе телетрансляции. Сейчас компании пытаются найти с помощью ИИ способы оптимизации долгосрочных показателей эффективности трансляции⁵⁶.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе речь идет не о полной замене людей в производстве и распространении новостей, а о симбиозе людей и алгоритмов, при возрастании роли ИИ в производстве и распространении новостей, но общие параметры этой работы в обозримом будущем будут задаваться людьми.

Всегда надо принимать во внимание, кто, в чьих интересах и с какими не декларируемыми, а истинными целями осуществляет использование ИИ при формировании повестки дня. Оценка по делам, а не по словам представляется наиболее сбалансированной и продуктивной. Учет социально-экономического и политического контекста ЗИИИ через повестку дня, на наш взгляд, совершенно необходим,

⁵⁴ Omata S. How AI powers the next generation of broadcasting. [online] Tech Wire Asia. 2018. — URL: <<https://techwireasia.com/2018/06/how-ai-powers-the-next-generation-of-broadcasting/>>

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Your Social Media News Feed And The Algorithms That Drive It. Quora, 2018. Forbes. — URL: <https://www.forbes.com/sites/quora/2017/05/15/your-social-media-news-feed-and-the-algorithms-that-drive-it/?sh=489c1b6e4eb8>.

чтобы уловить глобальную закономерность в злонамеренном использовании ИИ со стороны любого антисоциального актора.

Таким образом, высокотехнологичное формирование повестки дня может быть инструментом контроля общества со стороны власти, механизмом общественного влияния в руках конкурирующих властных группировок той или иной страны, средством межгосударственного и межкорпоративного противостояния на международной арене (наглядный пример — вакцинные войны), а также инструментом достижения целей различными преступными организациями.

Следует учитывать, что относительная дешевизна, простота в передаче софта, привлечение криминальными структурами компьютерных специалистов делают возможным проведение относительно небольшими группами информационно-психологических операций с использованием ИИ-технологий, способных дестабилизировать обстановку в отдельных странах или даже на глобальном уровне. Однако все вышеприведенные варианты ЗИИИ лишь подчеркивают важность умелого использования ИИ-технологий социально-ориентированными силами не только на государственном уровне, но и через различные структуры гражданского общества с целью нейтрализации угроз информационно-психологической безопасности общества.

То, что цели дезинформационных кампаний западных государств во главе с США остались актуальными как минимум с начала украинского конфликта, свидетельствует о стратегическом характере информационно-психологического противоборства на мировой арене. Определенный цинизм, с которым против России и Китая выдвигаются бездоказательные обвинения, говорит о том, что скорейший рост напряженности, возможно с дальнейшим развязыванием локальных военных конфликтов, угрожающих безопасности России и КНР, крайне необходим инициаторам дезинформации для решения своих внутренних проблем (прежде всего, экономических и социальных). Поэтому в ближайшем будущем на прекращение потока дезинформации рассчитывать не приходится.

Глубокий внутренний системный кризис, кризис стратегического планирования и стратегической коммуникации США и в целом стран

Запада позволяет использовать его для нейтрализации дезинформационных кампаний. В частности, целесообразно использовать дезинформационные кампании властвующих элит на Западе, обусловленные острыми взаимными противоречиями, для разоблачения *realpolitik* США, которые раньше долго и небезуспешно эксплуатировали в своей внешней политике миф о защите прав человека. Под флагом защиты прав человека США осуществляли вмешательство во внутренние дела десятков других стран, не прекращают этих попыток они и сегодня, будь то «беспокойство» о правах человека в Крыму или обвинения со стороны западных стран в геноциде уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР)⁵⁷.

10 ноября 2020 г., через неделю после президентских выборов в США и через три дня после того, как СМИ объявили о победе Дж. Байдена, госсекретарь Майк Помпео стоял на трибуне в зале брифингов Госдепартамента и распространял, по оценке исследователей из США А. Сомервилля и Й. Хиринга, дезинформацию. Он заявил, что будет «плавный переход ко второй администрации Трампа»⁵⁸. При этом главный дипломат Соединенных Штатов продемонстрировал основной сдвиг в дезинформационном ландшафте вокруг выборов в США: «сдвиг от нарратива об иностранном вмешательстве к нарративу о внутренней дезинформации»⁵⁹.

Помимо тактических ответов на дезинформационные кампании, России необходимо укрепление собственной стратегической коммуникации как синхронизации «дел», «слов» и «образов» с опорой, прежде всего, на «дела». В контексте анализа информационного присутствия России на Балканах автор данной статьи уже обращал внимание⁶⁰

⁵⁷ МИД КНР отверг обвинения в геноциде уйгуров// ТАСС. 22.02.2021. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10761535>.

⁵⁸ *Somerville A., Heering J.* The Disinformation Shift: From Foreign to Domestic// *Georgetown Journal of International Relations*. 28.11.2020. — URL: <https://gjia.georgetown.edu/2020/11/28/the-disinformation-shift-from-foreign-to-domestic/>

⁵⁹ *Ibidem.*

⁶⁰ *Пашенцев Е.Н.* Проблемы и перспективы расширения российского информационного присутствия на Балканах. Аналитическая записка. Апрель 2020 г.

на необходимость развития Россией собственных открытых аналитических центров, способных к широкому распространению не пропагандистских заявлений (как это часто делают западные «фабрики мысли»), а взвешенного научного анализа острых вопросов текущей экономической и политической обстановки в мире. Это поможет наладить диалог и сотрудничество с той частью западного общества (включая политические партии, научные учреждения, гражданские институты), которая заинтересована в развитии отношений с нашей страной, а также повысить доверие к России, к примеру в странах ЕС.

Для разоблачения дезинформации уже используются такие средства, как представление мнения авторитетных лиц, приведение фактических данных, переключение внимания на реальные проблемы. Однако возможности дезинформации еще далеко не исчерпаны, и важно определить сценарии ответа на будущие дезинформационные кампании, в особенности усиленные с помощью технологий искусственного интеллекта. Стоит изыскать возможности для создания в России исследовательского центра по изучению угроз злонамеренного использования искусственного интеллекта против системы международной информационно-психологической безопасности.

Международный обмен опытом противодействия дезинформации, взаимодействие с другими государствами, подверженными информационно-психологическим атакам (Китай, Венесуэла, Иран и др.), представляются важными для эффективного обеспечения национальной безопасности нашей страны. Предпринимаются и будут предприниматься разнообразные попытки дискредитации взаимодействия России с этими странами по разным каналам, включая СМИ, «независимых» экспертов, аффилированные аналитические структуры. Поэтому России необходимо продолжать ставить теоретические и практические вопросы противодействия дезинформационным кампаниям на обсуждение на соответствующих международных площадках (ООН, ЮНЕСКО и др.). Однозначно не удастся в обозримом будущем избавить мир от дезинформационных кампаний западных государств, но сделать их менее эффективными — вполне выполнимая задача.

Глава III

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Солтановский Иван Дмитриевич

СОВЕТ ЕВРОПЫ — QUO VADIS? (СТРАСБУРГСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ПОИСКАХ СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Мой товарищ по работе сказал: «Совет Европы (СЕ) никого не оставляет равнодушным». После пяти с половиной лет работы в Страсбурге не могу не согласиться с такой оценкой. 25-летний юбилей вступления России в СЕ, отмечающийся в 2021 г., вновь выявил широкий разброс мнений у нас и за рубежом относительно места и перспектив страсбургской организации в европейской архитектуре, значения для России участия в Совете Европы с его разветвленной конвенционной системой и роли нашей страны в этой европейской организации. Накал эмоций объяснялся как заметно обострившейся геополитической обстановкой, отразившейся и на страсбургской площадке, так и продолжающейся борьбой за дальнейший путь Совета Европы, что имеет далеко не абстрактные, а практические последствия для всех 47 стран — членов СЕ. Россия здесь — не исключение.

Сложно не согласиться с многими российскими общественными деятелями, что с момента создания Совета Европы в 1949 г. эта Орга-

низация идеологически противопоставлялась коммунистической доктрине, и Советскому Союзу в частности.

Вместе с тем уже в то время «отцы-основатели» прекрасно отдавали себе отчет, что существование европейского объединения невозможно без России. У. Черчилль в своем выступлении в Цюрихском университете, которое считается отправной точкой в создании Совета Европы, говорил: «...Америка и, я надеюсь, Советская Россия — в действительности будут или, что ж, должны стать друзьями и покровителями новой Европы и стоять за ее право жить и процветать»¹. В середине прошлого столетия Совет Европы смог сыграть ключевую роль в послевоенном примирении беспокойного европейского региона. В условиях динамичного развития современного мира Совет Европы должен снова закрепить за собой объединительную роль, которая позволит находить компромиссы по самым сложным вопросам в многополярной Европе.

Участие России в Совете Европы — это прежде всего возможность взаимодействия на основе равенства и взаимоуважения между странами Европы, причем как представителями «европейского мейнстрима» (среди которых, кстати, тоже зачастую возникают разногласия), так и носителями собственной, во многом альтернативной позиции по широкому спектру вопросов политико-социального мироустройства.

Мы вступали в Совет Европы не с «завязанными глазами», а осознанно, отдавая себе отчет как в очевидных преимуществах участия в принципиально важных для нас конвенциях, начиная с Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ), так и взяв на себя серьезные обязательства. В то же время, осознавая свою ответственность за построение будущего Европы, Российская Федерация никогда не рассматривала Совет Европы как оторванный от жизни статусный дискуссионный «клуб джентльменов», где ей уготована роль «великого немого». Мы всегда исходили из принципиальной оценки СЕ, сформулированной в Концепции внешней политики Российской Федерации, где Совет Европы характеризуется как «самостоятельная универсаль-

¹ Выступление У. Черчилля в Цюрихском университете 19.09.1946 г. — URL: <http://kpaten.narod.ru/librq/Churchill/19-09-1946.html>.

ная европейская организация, обеспечивающая за счет своих уникальных конвенционных механизмов единство правового и гуманитарного пространств континента»². Для нас принципиальное значение имела и продолжает иметь зафиксированная в ст. 1 Устава СЕ задача «достижения большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу»³. Основное предназначение Совета Европы Россия видела и видит в строительстве Европы без разделительных линий и формировании общего европейского гуманитарного и правового пространства.

Спустя 25 лет резонно возникает вопрос — насколько эта организация выполняет свое предназначение, насколько самостоятельным игроком на международной арене она является? В какой степени эволюция СЕ в последнее время отражает происходящие в мире и Европе процессы, насколько он оправдывает надежды граждан «Большой Европы»? Насколько восприимчив СЕ (его структура, механизмы, конвенционная система, практика и т.д.) к другим — если не противоположным, то заметно отличающимся от «мейнстрима» — взглядам на развитие общества, государства и индивидуума? Способна ли Страсбургская организация к их адаптации и, наконец, по большому счету, перевешивает ли позитив от активного участия России в ней неизбежные сопутствующие издержки, связанные с попытками задействовать потенциал и авторитет Совет Европы в давлении на нас?

Не претендуя на роль «Нострадамуса от дипломатии», постараемся если не ответить на эти вопросы, то, по крайней мере, расставить некоторые акценты.

Стоит, очевидно, начать с *отличительных особенностей* Совета Европы: его состава, структуры, специфической конвенционной «сети», принципов и системы ценностей, механизмов и инструментов,

² Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». — П. 67 // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf>.

³ Устав Совета Европы от 5 мая 1949 г. ETS/STE No. 001 // Официальный сайт Совета Европы. — URL: <https://rm.coe.int/1680306055>.

схематично обозначить их развитие сквозь «призму» времени и абсолютно новых вызовов и задач.

Состав и географический охват Совета Европы по сути уникальны. В СЕ входят 47 европейских государств (исключение — Белоруссия и Ватикан), из которых 27 на настоящий момент — члены Евросоюза. В отличие от ОБСЕ, США и Канада в СЕ являются наблюдателями. Численное преобладание государств — членов ЕС в страсбургской организации после волны расширения Евросоюза в 1990-х гг. — важнейший политический фактор, влияющий на деятельность и перспективы Совета Европы во всем спектре его задач.

Другая особенность СЕ — отсутствие требования достижения консенсуса при принятии подавляющего большинства решений. Длительное время государства-участники и страна, председательствующая в Совете Европы в момент принятия решений в Комиссии министров Совета Европы (КМСЕ), стремились не доводить дело до голосования по наиболее важным вопросам (по Уставу для принятия основных решений требуется большинство в 2/3 от стран — членов Совета Европы, участвующих в голосовании). Однако в условиях участвовавших вбрасываний конфронтационных сюжетов в повестку Совета Европы заметно возросло искушение определенной группы государств, претендующих на обладание «истиной в последней инстанции» в вопросах соблюдения прав человека, продавливать через достижение арифметического большинства решения, на деле подрывающие саму идею поддержания диалога и нахождения развязок по любым, даже самым чувствительным вопросам.

Яркими примерами такого подхода являются принимаемые на уровне постпредов вот уже десяток лет решения по «конфликту в Грузии», а также продавленное германским председательством в мае 2021 г. решение о «правах человека в Крыму и Севастополе».

Роль и значение СЕ в европейской архитектуре существенно менялись за более чем 70 лет его существования вместе с эволюцией самой этой архитектуры. Схематично: изначально СЕ функционировал как организация западноевропейских государств, провозгласивших в ст. 1 Устава цель достижения большего единства. Дальнейшие кардинальные геополитические сдвиги не «сняли» и не девальвировали приоритетное значение этой уставной цели Организации.

В то же время последовавшее расширение членства в СЕ после тектонических сдвигов в конце 80-х гг. XX века и особенно вступление в СЕ России в 1996 г. придали Организации поистине общеевропейский характер, поставили перед ней качественно новые задачи. При этом существенно расширилась конвенционная база СЕ, в центре которой — ЕКПЧ. Изменились охват и суть самих конвенций, в значительной мере возрос «удельный вес» правочеловеческой тематики в деятельности всех структур и механизмов СЕ. Эволюция Организации происходила неоднозначно, она не избежала и острого институционального кризиса 2014–2019 гг.⁴, грозившего Совету Европы по сути фрагментацией его общеевропейской роли. Закрыв эту страницу, Страсбург получил возможность укрепить свой уникальный статус в общеевропейской архитектуре.

Переломным моментом здесь может стать беспрецедентный вызов — коронавирусная пандемия COVID-19. Она потребовала от СЕ «разворота» в первую очередь к социальной проблематике, вопросам здравоохранения — комплексу проблем, затронувших «ткань» всего общества и каждого человека. Инструментарий СЕ здесь как никогда востребован, политизация и конфронтация должны уступить место совместной работе в рамках объединительной повестки дня.

Совет Европы часто сравнивают с айсбергом. Для того чтобы просто обозначить все стоящие перед ним задачи, не хватит и десятка монографий. Поэтому «охват» статьи ограничен как хронологически (в основном — периодом последнего десятилетия), так и тематически. С учетом огромной роли во всей советоевропейской иерархии ЕКПЧ и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), высокой политической чувствительности как самой деятельности Суда, так и вопросов исполнения его решений, в том числе затрагивающих конституционную идентичность государств — членов СЕ, этим вопросам в статье уделено большое внимание. Затронута и проблематика деятельности главного уставного органа — Комитета министров Совета Европы, ведущейся в Страсбурге межправительственной работы на абсолют-

⁴ Был вызван неправомерным лишением полномочий делегации Федерального Собрания Российской Федерации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ).

но новых направлениях, вызванных к жизни и технологическим прогрессом, и COVID-19. В то же время вне рамок статьи остался подробный анализ деятельности второго уставного органа Совета — ПАСЕ, равно как и Конгресса местных и региональных властей Совета Европы (КМРВСЕ), Конференции международных неправительственных организаций (КМНПО), других механизмов и структур Совета Европы. Мы сознательно не затрагивали принципиально важный для СЕ блок проблем, связанных с борьбой за выход из институционального кризиса в СЕ 2014–2019 гг. и условиями его преодоления, заслуживающих отдельного исследования. Одно, на наш взгляд, ясно: Совет Европы в наше время — уже не «спящая красавица на берегах Рейна», как назвал его в свое время Шарль де Голль.

ЕСПЧ — двигатель перемен или рычаг давления?

Став членом Совета Европы, Россия подписала и ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод — своего рода «Конституцию» Совета Европы, создавшую «механизмы коллективной защиты прав человека и основных свобод на европейском континенте»⁵. Войдя в качестве составной части в правовую систему России, ЕКПЧ стала сильным рычагом модернизации отечественной правовой системы.

Наша страна тем самым признала закрепленные в ЕКПЧ функциональные права — право на жизнь (ст. 2), запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 3), запрещение рабства и принудительного труда (ст. 4), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5). К ним же относится и свобода въезда в свою страну и выезда из нее (ст. 2 Протокола № 4 к ЕКПЧ)⁶.

По точному определению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «в результате проявления

⁵ *Москалькова Т.В.* Взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с Советом Европы: история, достижения, перспективы // *Международная жизнь.* 2021. № 2. С. 45.

⁶ Цит. по: *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. Учебник для вузов / под ред. М.Л. Энтина.* М.: Норма Инфа, 2011. С. 298.

гибкого подхода КС к осмыслению конституционной идентичности России в свете ее обязательств как члена Совета Европы, она за прошедшее с момента вступления в Совет Европы время претерпела изменения», и теперь ее неотъемлемой частью является признание недопустимости назначения смертной казни⁷. Отмена смертной казни или немедленное введение моратория на приведение в исполнение смертных приговоров, пока смертная казнь не будет объявлена «вне закона» (через ратификацию Протокола № 6 к ЕКПЧ⁸), отметим в целях объективности, фигурировали в качестве второго по важности обязательства для каждого из вступающих в СЕ государств в соответствии с т.н. «доктриной вступления (в Совет Европы) в терапевтических целях»⁹. Оставим без комментариев вызывающую сомнения формулировку названия этой доктрины.

К числу обязательств вступающих в Совет Европы государств, кроме отмены смертной казни, были, в том числе, отнесены подписание и ратификация: Европейской конвенции по предупреждению пыток, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, Европейской хартии местного самоуправления, рассмотрение для целей ратификации Европейской социальной хартии и Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, а также рассмотрение для целей ратификации и применения основных принципов остальных конвенций Совета Европы, в частности: о выдаче, о взаимной правовой помощи по уголовным делам, о передаче осужденных лиц и об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от пре-

⁷ Зорькин В.Д. «Суть права»: Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации 18 мая 2017 г.

⁸ Как отмечала бывшая зам. Председателя ЕСПЧ и судья от ФРГ А. Нусебергер на Международной конференции «Конституция в эпоху глобальных перемен и задача конституционного контроля» 15.05.2018 г. в Санкт-Петербурге, то, что с 1999 г. в России «ни один человек не был приговорен к смертной казни или казнен, это — весомое достижение, к которому привело в основном очень мудрое решение Конституционного Суда» (ко времени подписания ЕКПЧ Россия была третьей в Европе по числу исполнения смертных приговоров).

⁹ Цит. по: Дени Юбер. Десять лет, которые вошли в историю Совета Европы: 1989–1999. М.: Международные отношения, 2002. С. 165.

ступной деятельности; обязательство разрешать как международные, так и внутренние споры мирными средствами, которые обязаны соблюдать все государства — члены Совета Европы¹⁰. Отметим, что принятие обязательств по большинству универсальных конвенций в этом списке отвечало интересам России.

В списке не упомянута Европейская культурная конвенция 1954 г., которую эксперты по Совету Европы по своему значению, учитывая ее нацеленность на «постепенное объединение Европы под знаменем ее культурной идентичности, выходящей за рамки политических расхождений»¹¹, относят к наиболее важным конвенциям Совета Европы.

Присоединившись к ЕКПЧ, «Россия активно включилась в систему международной защиты прав человека, имплементации международных стандартов в правовую систему страны»¹². Это событие, безусловно, стало «мощным детерминантом интеграции нашей страны в европейское правовое пространство, а также новой вехой развития национальной правоприменительной практики»¹³. К числу решений системных проблем, которые были причиной многочисленных обращений наших граждан в ЕСПЧ, российский уполномоченный при этом Суде, заместитель Министра юстиции М.Л. Гальперин в том числе отнес «проблемы отмены в надзорном порядке вступавших в силу решений российских судов, длительности судопроизводства, исполнения судебных актов по денежным обязательствам государства и муниципальных образований»¹⁴. Добавим сюда и то, что исполнение постановлений ЕСПЧ привело к кардинальным шагам по созданию достойных условий содержания в пенитенциарных учреждениях,

¹⁰ Цит. по: *Дени Юбер*. Десять лет, которые вошли в историю Совета Европы: 1989–1999. М.: Международные отношения, 2002. С. 165.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² *Гальперин М.Л.* Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 60.

¹³ *Москалькова Т.В.* Взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с Советом Европы: история, достижения, перспективы // *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 46.

¹⁴ *Гальперин М.Л.* Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 60.

в конце 2019 г. в России федеральным законом введен национальный компенсаторный механизм защиты от соответствующих нарушений¹⁵.

Созданная в 2008 г. для подготовки доклада о реформе и повышении эффективности ЕСПЧ «группа мудрецов» дала Суду следующую характеристику: «ЕСПЧ является единственным международным судом, к которому имеют доступ любое физическое лицо, неправительственная организация или группа лиц с целью обеспечения соблюдения их прав в соответствии с Конституцией. Право индивидуальной жалобы... является как ключевой частью системы, так и основной характеристикой европейской правовой культуры в этой области». И далее — «Механизм защиты возлагает на ЕСПЧ одновременно и роль надзора за отдельными делами, и “конституционную” миссию». Последняя «позволяет ему устанавливать общие принципы и стандарты, связанные с правами человека, и определять минимальный уровень защиты, который должны соблюдать государства»¹⁶.

Коснемся вкратце лишь некоторых проблем, связанных с ЕСПЧ и имеющих отношение к рассматриваемой теме. Пожалуй, главная из них — *политизация работы Страсбургского суда*. Если «спрямить углы» и перевести вопрос сугубо в практическую плоскость: ЕСПЧ — это рычаг перемен или рычаг давления? Или же и то и другое? Проиллюстрируем ситуацию на примерах, причем касающихся не только России.

10 декабря 2009 г. ЕСПЧ принял решение по делу «Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины». Суд принял аргументы заявителей против дискриминации нацменьшинств в БиГ (истцы — представители цыганского и еврейского меньшинств), лишенных прав избираться в высшие исполнительные и законодательные органы Республики. В своем решении ЕСПЧ обязал БиГ обеспечить право всем гражданам Республики, вне зависимости от их национальности, избираться в указанные структуры, а для этого — провести необходимые

¹⁵ Гальперин М.Л. Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 60.

¹⁶ Цит. по: Основные результаты 181 суток работы Комитета министров Совета Европы под российским председательством 19 мая — 15 ноября 2006 г., МИД России и Совет Европы. С. 400–401.

реформы избирательного законодательства. Будучи логичным с правовой точки зрения и соответствуя положениям ЕКПЧ, это решение, в случае буквальной реализации, подорвало бы основы дейтонской конструкции, зафиксировавшей принцип равноправия трех государствообразующих народов и двух энтитетов БиГ в качестве основы децентрализованного административно-территориального устройства страны. Под угрозой оказалась бы политическая стабильность этого государства.

Пример другого рода, когда ЕСПЧ, как считают многие эксперты, смог противостоять внешнему давлению (в данном случае — Вильнюса), — принятое 6 января 2011 г. решение по делу экс-президента Литвы Р. Паксаса, смещенного со своего поста в 2004 г. и лишённого права выдвигать свою кандидатуру на пост президента и все другие должности, где необходимо принимать присягу. Судьи ЕСПЧ признали неправомерным пожизненный запрет Р. Паксасу избираться в парламент страны, посчитав непропорциональным средство обеспечения демократического порядка и сделав вывод о нарушении права на участие в свободных выборах.

Юристы-международники, критикуя политизированные решения ЕСПЧ в отношении России, отмечали превышение судом своей компетенции, участвовавшие случаи противоречия прецедентной практики Суда принципам и нормам общего международного права, несоблюдения со стороны ЕСПЧ принципа subsidiarity. Сразу в нескольких постановлениях по делам против Российской Федерации, связанным с Приднестровьем («Илашку», «Катан» и др.), ЕСПЧ сформировал критерии своей собственной автономной концепции эффективного контроля, существенно снизив порог вменения государству ответственности.

В постановлении по делу «Катан» ЕСПЧ открыто признал полное отсутствие свидетельств какой-либо причастности России к заявленному нарушению, а именно — к закрытию приднестровских школ. В пунктах 114 и 119 постановления прямо указано, что нет никаких доказательств причастности России или одобрения с ее стороны языковой политики властей Приднестровья. Более того, Суд отметил, что Россия, наряду с Украиной и ОБСЕ, сразу же, как было допущено закрытие школ, активно действовала в качестве посредника по урегу-

лированию сложившейся ситуации и благодаря этой посреднической миссии школы были вновь открыты. И при таких обстоятельствах Суд парадоксальным образом возложил на Россию эффективный контроль над происшедшим со ссылкой на то, что наша страна оказывала политическую и экономическую поддержку властям Приднестровья и что в рассматриваемый период на территории Приднестровья находились российские военнослужащие.

К проявлениям политизированности функционирования ЕСПЧ, требующей «совместного решения государствами Совета Европы», М.Л. Гальперин отнес «не вполне прозрачную систему отбора и движения дел, при котором приоритет пока всегда отдается делам, где заявителями выступают оппозиционные деятели, а сами судебные процедуры по таким делам начинаются, несмотря на отсутствие доказательств нарушения Конвенции и исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. При этом “обычные” заявители ждут решения дел в ЕСПЧ годами»¹⁷. Перечислим, не вдаваясь в подробности, достаточно «резонансные» для России решения ЕСПЧ в этом контексте: постановления по ряду дел А. Навального, в отношении Б. Немцова, Г. Каспарова, Л. Яшина (в связи с ограничениями на их участие в массовых мероприятиях), «квазипилотное» постановление по делу «Лашманкин и другие» (о порядке организации и проведения митингов и демонстраций), об убийстве А. Политковской, по делу С. Магнитского и др.

Один из последних примеров действий ЕСПЧ по резонансному делу — назначение Судом 10 февраля 2021 г. «обеспечительных мер» в соответствии с Правилем 39 своего регламента в отношении А. Навального, осужденного по делу «Ив Роше», с требованием о его незамедлительном освобождении из-под стражи. В Минюсте России это решение охарактеризовали как грубое вмешательство в работу судебной системы суверенного государства, определенный переход за «красную линию». С юридической точки зрения, подтвердили в ведомстве, во-первых, «в силу принципа субсидиарности ЕСПЧ не может подменить суд национальный... Во-вторых, обеспечительные

¹⁷ Гальперин М.Л. Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 62.

меры вообще не предусмотрены Конвенцией о защите прав человека, они исполняются скорее по воле государств... В-третьих, освобождение осужденного лица из пенитенциарных учреждений явно противоречит правовой природе обеспечительных мер, которые направлены на обеспечение нормального процесса рассмотрения дел в ЕСПЧ¹⁸: Отечественные юристы сразу обратили внимание на то, что «правило 39 Регламента ЕСПЧ применяется в ситуациях чрезвычайных, создающих угрозу не только отдельному лицу, но и группе людей или даже нации»¹⁹, а в Совете Федерации подчеркнули, что «если принимать во внимание аргумент о существовании риска для жизни арестованного, то такой мерой нужно обеспечить любого осужденного в Европе гражданина»²⁰. Наконец, ЕСПЧ не последовал даже собственной практике, касающейся оценки реальности угрозы жизни, — утверждения А. Навального были просто приняты Судом «на веру».

Целый ряд вопросов, связанных с беспристрастностью ЕСПЧ, его репутацией и значением в реальной европейской политике, возникает в связи с резким ростом числа принятых к рассмотрению *межгосударственных жалоб*, напрямую затрагивающих политические вопросы.

Характеризуя в общем плане подходы ЕСПЧ в контексте проблематики межгосударственных жалоб, М.Л. Гальперин выделил «отсутствие в ЕСПЧ норм, регламентирующих [их] рассмотрение, в том числе применительно к распределению бремени доказывания (учитывая, что сторонами в процессе выступают два равноправных государства с одинаковыми возможностями по сбору доказательств и предоставлению своей позиции в суд), относимости и допустимости доказательств, основаниям и порядку представления государством-заявителем в процессе интересов конкретных граждан,

¹⁸ Минюст: Россия не освободит Навального в рамках обеспечительных мер в случае требований СЕ. 16.02.2021 г. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/10713313> utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

¹⁹ *Портнов В.* От редактора // Права человека. Практика европейского Суда по правам человека. 2021. № 2 (179).

²⁰ См. заявление сенатора А. Башкина на заседании «Круглого стола» в Совете Федерации. — URL: <https://newdaynews.ru/moscow/717301.html>.

присуждению пострадавшим компенсаций и т.п.»²¹. Добавим сюда и параллельное рассмотрение множества жалоб, затрагивающих одни и те же вопросы.

В 2021 г. четко обозначилось намерение руководства ЕСПЧ придать ускорение рассмотрению таких дел²². Зачастую можно услышать «аргумент», что ЕСПЧ не может позволить себе повторение прецедента рассмотрения в течение 12 лет межгосжалобы «Грузия против России II» по событиям 2008 г.²³

²¹ *Гальперин М.Л.* Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // *Международная жизнь*. 2021. №2. С. 60.

²² Показательный пример — объединение Европейским Судом по правам человека, вопреки мнению российской стороны, жалобы по Юго-Востоку Украины и жалобы Нидерландов по рейсу МН-17.

²³ Это постановление от 21 января 2021 г. имеет важное значение, поэтому имеет смысл подробно изложить его оценку со стороны Минюста России в его пресс-релизе от 05.02.2021 г. Из него следует неоднозначный характер решения Суда. С одной стороны, отмечается, что ЕСПЧ пришел к выводу, что Российская Федерация не несет ответственности за инциденты, которые произошли во время отражения российскими военнослужащими вооруженной агрессии против миротворческого контингента и местного гражданского населения с 8 по 12 августа 2008 г. Не поддержал ЕСПЧ и утверждения властей Грузии о якобы вторжении вооруженных сил РФ на территорию Южной Осетии 7 августа 2008 г., т.е. до нападения грузинских военных на г. Цхинвал. «Грузинская сторона в этом деле безуспешно пыталась доказать, что ЕСПЧ применяется не только в мирное время, но и в условиях военных действий, что в действительности подрывает основы международного гуманитарного права. Мы смогли убедить европейских судей, что правовая оценка действий российских вооруженных сил в Ю. Осетии и Абхазии 8–12 августа 2008 г. выходит за пределы их юрисдикции. ЕСПЧ также не нашел подтверждений хотя бы одного случая нарушения прав гражданского населения со стороны российских военнослужащих во время событий августа 2008 г.»

С другой стороны, Минюст России выразил несогласие с рядом выводов ЕСПЧ, в т.ч. по вопросу возложения на российскую сторону ответственности за инциденты, имевшие место на территории Ю. Осетии и Абхазии после 12 августа 2008 г., при том, что непосредственная причастность к ним российских военнослужащих тоже не была установлена.

Хотя в экспертных кругах и судебском корпусе многие восприняли упомянутое решение ЕСПЧ «нейтрально», власти Грузии, по понятным причинам, сразу же стали трактовать его в свою пользу.

Определенную аналогию — в части «подстраивания» вердиктов ЕСПЧ под свою внутривосточную повестку — можно, на наш взгляд, провести и с промежуточным решением ЕСПЧ от 14 января 2021 г. по межгосжалобе «Украина против России (Крым)», предметом которой являлись события 2014–2015 гг. в Крыму. Хотя ЕСПЧ, в числе прочих, «сделал вывод о недоказанности целого ряда обвинений, выдвинутых украинскими властями против Российской Федерации, в том числе о якобы имевших место случаях убийства мирных граждан, безосновательного задержания и запугивания иностранных журналистов, незаконного изъятия имущества украинских военнослужащих, дискриминации этнических украинцев, политически мотивированного уголовного преследования проукраински настроенных лиц, отказов в регистрации религиозных и иных организаций»²⁴, официальный Киев, естественно, сделал акцент на признании Судом жалобы Украины по Крыму «частично приемлемой», вменении России «эффективного контроля» над полуостровом с февраля 2014 г. и трактовке со стороны ЕСПЧ российской юрисдикции в Крыму как «экстерриториальной».

С тематикой Крыма связано и другое одиозно-политизированное решение ЕСПЧ. В апреле 2020 г. было принято единоличное решение судьи ЕСПЧ о неприемлемости жалобы по водной блокаде Крыма со стороны Украины, ранее обеспечивавшей до 85% потребности полуострова в пресной воде через идущий от Днепра Северо-Крымский канал («Крымский производственный рыбокомбинат против

И далее, уже на примере этого постановления ЕСПЧ, Минюст повторяет принципиальную оценку концепции экстерриториальной юрисдикции, «содержание которой расходится с позицией Международного суда ООН и общепризнанными нормами международного права», вследствие чего и была дана вышеупомянутая оценка обстоятельств участия РФ в защите гражданского населения и предотвращении эскалации вооруженного конфликта (цит. по <https://minjust.gov.ru/events/48301/>).

²⁴ Цит. по: ЕСПЧ сделал вывод о недоказанности ряда обвинений по жалобе «Украина против России (Крым)» — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48296/>.

Украины»)²⁵. Каких-либо обоснований, по сложившейся в Суде процедурной практике, подобного рода единоличные решения не требуют. У российской же стороны возникли серьезные сомнения в отношении соблюдения принявшим это решение судьей норм судебной этики ввиду явного конфликта интересов у этого судьи, не взявшего, согласно требованиям регламента ЕСПЧ, самоотвод²⁶. Заявителям же никаких процедурных прав по отводу судей, даже в случае явного конфликта интересов, регламент Суда не дает, а любые иные механизмы блокируются тем, что заявителей не извещают заранее о составе судей.

Вопрос *беспристрастности и независимости судей* ЕСПЧ был «поставлен ребром» в докладе НПО «Европейский центр за право и справедливость» (вышел в начале 2020 г.), где приведены далеко не единичные случаи конфликта интересов у ряда судей ЕСПЧ, подверженных, в силу обстоятельств субъективного и объективного порядка, внешнему влиянию со стороны откровенно политизированных структур, преимущественно подконтрольных Дж. Соросу²⁷.

Думается, улучшению репутации ЕСПЧ существенно помогло бы и решение вопроса о придании более транспарентного характера основополагающему процессуальному документу — Регламенту Суда, принимаемому сейчас самими судьями, а не государствами — участниками Конвенции²⁸. Это напрямую касается и вызывающих вопросы критериев, которыми руководствуется Суд, отдавая приоритет в отборе и продвижении одних дел по сравнению с другими. Очевидно, руководствуясь наилучшими намерениями и понимая остроту про-

²⁵ О намерении подать жалобу в ЕСПЧ на Украину из-за перекрытия этого канала в апреле 2020 г. заявил глава Комитета крымского парламента по законодательству С. Трофимов. Жалобы, по его словам, будут адресованы как государству Украина, так и представителям органов власти (см.: URL: <http://ria.ru/20210408/krym-1727325613>).

²⁶ Регламент Европейского Суда по правам человека от 1 января 2020 г. // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_RUS.pdf.

²⁷ Report on instances of collusion at the ACHR. — URL: [html?utm_source=xxnews&utm_medium=desktop](http://www.achr.org/html?utm_source=xxnews&utm_medium=desktop).

²⁸ *Портнов В.А.* От редактора // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. М., 2020. № 11. С. 1–5.

блемы, в 2021 г. новый председатель ЕСПЧ Р. Спано заявил о «необходимости смены парадигмы». Главным направлением большей фокусировки Суда «на совершенствование своей политики приоритизации» Р. Спано назвал «уделение бóльшего внимания оперативному выявлению дел, имеющих последствия и значимость для заявителей и государств — членов Совета Европы»²⁹. Оставим экспертам правовую оценку внесенных Судом изменений в политику очередности рассмотрения жалоб. Со своей стороны отметим, что, по нашему мнению, признание существования проблемы как таковой и внесенные изменения³⁰ — лишь первый шаг, отнюдь не снимающий остроту кардинального решения этой важной проблемы.

В целях решения многих проблем, связанных с деятельностью ЕСПЧ, Россия вместе с другими государствами — членами СЕ участвует в *процессе реформ* Суда. Одна из главных целей — скорректировать и минимизировать «политические издержки» в работе ЕСПЧ, добиваясь сохранения его практики в правовом поле общего международного права и Европейской Конвенции по правам человека. Российские эксперты активно работают в этом направлении в рамках Комитета экспертов по системе ЕКПЧ (DH-SYSC-IV) и Руководящего комитета по правам человека (CDDH). Заметным вкладом в продвижение к урегулированию отмеченных выше проблем, в том числе связанных с линией ЕСПЧ на автономную интерпретацию отдельных положений международного публичного права и в отношении концепций «эффективного контроля» и экстратерриториальной юрисдикции, а также по вопросам пределов эволютивного толкования Судом положений ЕКПЧ, стал доклад о месте ЕКПЧ в международном и европейском правопорядках.

Принципиальное значение для будущего системы ЕКПЧ приобрело установление равноправных *отношений между СЕ и ЕС*,

²⁹ Цит. по: ЕСПЧ внес изменения в политику очередности рассмотрения жалоб. — URL: www.rapsinews.ru/international_news/20210318/306863258.html.

³⁰ В соответствии с изменениями в эту политику выделяется новая субкатегория дел, позиция Суда по которым, по мнению ЕСПЧ, имеет особое значение для развития систем защиты прав человека и толкования ЕСПЧ. Подобного рода дела классифицируются с пометкой *impact* («последствия»). (Цит. по: РАСПИ. — URL: www.rapsinews.ru/international_news/20210318/30686332.)

а применительно к вопросам формирования единого правового пространства — «применение разработанных Советом Европы норм и стандартов всеми европейскими странами». В противном случае — как неоднократно подчеркивалось российской стороной — мы можем столкнуться с проблемой возникновения двух параллельных правовых систем в правочеловеческой сфере, в том числе в контексте создания Агентства основных прав ЕС³¹.

Именно этим подходом руководствуются эксперты, активно включившиеся в возобновившийся почти после семилетнего перерыва процесс переговоров о присоединении ЕС к ЕКПЧ. В конечном итоге присоединение Евросоюза на основе согласованных ранее принципов, без каких-либо особых привилегий, к ЕКПЧ должно привести к усилению системы защиты прав человека во всей Европе. И на политическом, и на экспертном уровне данный стратегический вопрос рассматривается и в ЕС, и в Совете Европы как первостепенный и даже экзистенциальный для будущего «европейской правовой архитектуры»³².

Большой резонанс в СЕ, и в частности в ЕСПЧ и Европейской комиссии за право через демократию (Венецианская комиссия — ВК), вызвало принятие *поправок в Конституцию РФ*, прежде всего поправки в ст. 79. Ее дополнение положением о том, что «решения межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации», было сходу интерпретировано оппонентами как отказ России от выполнения тех решений Страсбургского суда, которые ее не устраивают. При этом по сути не принимались разъяснения российской стороны о сохранении в неизменном виде основополагающих частей Конституции, включая статью 15, предусматривающую, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Россий-

³¹ В настоящее время устоявшееся название — Агентство ЕС по основным правам. (Цит. по: РАСПИ: — URL: www.rapsinews.ru/international_news/20210318/30686332.)

³² *Лобов М.Б.* Четверть века в общеевропейском правовом поле // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3 (81). С. 6.

ской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Российские юристы, специалисты по конституционному праву, представители судейского корпуса, международники подчеркивали, что, не имея целью отказ от исполнения решения межгосударственного органа (в данном контексте — ЕСПЧ), внесение упомянутой поправки в ст. 79 Конституции фиксирует уже имеющийся в конституционном законодательстве России и применяемый принцип обеспечения высшей юридической силы национальной Конституции³³.

В ответ на запрос ПАСЕ к ВК подготовить заключение об изменениях, вносимых в ст. 79 Конституции в части, касающейся исполнения в России постановлений ЕСПЧ, в июне 2020 г. ВК приняла соответствующее заключение. Последнее, хотя адекватно и довольно полно излагает аргументы российской стороны, в конечном итоге имеет необоснованно критическую направленность и достаточно предвзято. На очереди — уже более комплексное заключение ВК по всему комплексу поправок к Конституции РФ³⁴, который известен и правовым системам других стран-членов.

³³ См. «Вопросы соотношения национального и международного права не уникальны для РФ — Хабриева»; — URL: www.rapsinews.ru/heman_rights_protection_news/20201211/306585238.html.

³⁴ Примечательно, насколько регулярным стало обращение государств — членов СЕ к экспертизе и заключениям Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии — ВК) в периоды обострения отношений между высшими национальными органами власти и политических кризисов. Из последних примеров — Молдавия и Украина. В первом случае и президент М. Санду, и лидеры парламента запросили ВК на предмет законности и соответствия Конституции досрочного роспуска парламента, во втором — относительно мер, принятых президентом В. Зеленским против судей Конституционного суда Украины. Во внутривнутриполитическом контексте обеих стран заключения ВК — консультативного по своей природе органа — получили диаметрально противоположные оценки и были использованы политическими оппонентами как дополнительный аргумент каждого в свою пользу. Помимо прочего, это предъявляет повышенные требования к профессиональной квалификации экспертов Венецианской комиссии, их беспристрастности и пониманию большой ответственности за практические последствия выносимых ВК заключений.

В «тени» ЕСПЧ — межправительственное сотрудничество в построении уникального правового пространства на европейском континенте

В архитектуре европейских институтов и безопасности у Совета Европы — уникальная роль в вопросах *формирования единого правового пространства континента*. В период своего председательства в СЕ в 2006 г. Россия особенно четко сформулировала свою позицию в этом вопросе, подчеркнув: «Общее правовое пространство необходимо Европе для сближения всех европейских государств... мы убеждены в том, что именно СЕ должен быть главным инструментом, к которому будут обращаться его государства-члены в случае необходимости поиска коллективных общеевропейских ответов на вызовы личности, обществу и государству»³⁵.

Сотрудничество *в межправительственном формате* охватывает целый ряд важнейших областей. В их числе — здравоохранение, борьба с терроризмом, коррупцией и иными преступлениями, новейшие биотехнологии, защита персональных данных, миграция, сотрудничество в сфере молодежной политики, спорта, культуры и образования, кинопроизводство и многие другие. Совместная работа государств с Советом Европы в этих сферах позволяет формировать общие сбалансированные стандарты и на их основе гармонизировать законодательство стран-членов.

Особо уязвимой группой населения в нынешних условиях становятся *дети*. Убеждены, что Совет Европы обладает необходимым потенциалом для их защиты. В частности, большое значение здесь имеет Лансаротская конвенция о борьбе с сексуальным насилием в отношении детей.

Последнее время наблюдается резкое обострение *миграционного кризиса* в Европе: массовые скопления в «фильтрационных лагерях», рост заболеваемости, повышение уровня преступности. Зафиксированы многочисленные случаи нарушения прав человека. Несмотря на навязываемую Брюсселем политику «открытых границ», все больше стран вводят жесткие ограничительные меры.

³⁵ «Основные результаты...». С. 110.

У Организации есть все возможности внести достойный вклад в защиту прав мигрантов и беженцев, дать принципиальную оценку в связи сознательным отступлением ряда европейских государств от своих правозащитных обязательств под предлогом «регулирования потока беженцев». Однако Совет Европы не проявляет должной активности на этом направлении, как, возможно, следовало бы. Посмотрим, к чему приведут дебаты по новой повестке СЕ в миграционной сфере на 2021–2024 гг.

Борьба с терроризмом давно является одним из приоритетных направлений деятельности Совета Европы. Усилия в этой области заключаются, прежде всего, в создании нормативно-правовой базы для укрепления сотрудничества правоохранительных органов различных стран.

В Европейской конвенции о пресечении терроризма зафиксированы обязательства в области выдачи и правовой помощи по преступлениям террористического характера. Разработанная по инициативе России Конвенция СЕ, наряду с криминализацией подстрекательства к терроризму, а также вербовкой и подготовкой террористов, содержит принцип «выдай или суди». Дополнительный протокол 2015 г. к этой Конвенции СЕ предусматривает уголовную ответственность за поездки в другие страны для участия в деятельности террористических организаций. Наконец, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма позволила создать механизмы по предотвращению терактов за счет перекрытия финансирования террористических организаций.

В то же время сводить всю работу к взаимодействию правоохранителей вряд ли целесообразно. Важно устранять причины радикализации общественных настроений, содействовать миру и терпимости в обществе. Россия имеет тысячелетнюю историю мирного сосуществования различных народов, религий и культур. Многонациональным и многоконфессиональным государствам, безусловно, есть чем поделиться со странами Западной Европы, у которых такого опыта нет. Совету Европы необходимо наращивать потенциал в этой области, в первую очередь посредством восстановления действовавших ранее форматов межкультурного и межрелигиозного диалога.

Бесспорно, стабильное общество невозможно без борьбы с коррупцией и финансовой подпиткой преступников. В этом контексте большое значение имеют североевропейские структуры, такие как Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) и Комитет по вопросам борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (МАНИВЭЛ). Экспертный опыт, накопленный Советом Европы в этой области, способствовал созданию системы борьбы с соответствующими видами преступлений в целом ряде стран, а в России также помог преодолеть всплеск экономической преступности, вызванный масштабными реформами 1990-х гг.

В настоящий момент по инициативе России в СЕ ведется разработка Конвенции об управлении доходами, на которые наложен арест по просьбе запрашивающего государства, и возврате активов, конфискованных по запросу иностранных государств.

Распространение новейших технологий, «цифровизация» общества, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и т.д. не только привносят удобство в жизнь человека, но зачастую влекут за собой нарушение его прав. Проблема, с которой сталкивается практически каждый человек в современном мире, — сохранность персональных данных. Конвенция Совета Европы о защите частных лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция № 108) обеспечивает права граждан стран — членов Конвенции даже при передаче данных в государства, не участвующие в ней, включая США, что имеет особое значение, учитывая хорошо известное пренебрежительное отношение Вашингтона к праву на неприкосновенность частной жизни, да и к правам человека в целом.

Вопросы *культуры, образования, молодежного сотрудничества и спорта* принадлежат к числу старейших направлений работы Совета Европы. Их истоки восходят к 1954–1955 гг., когда была разработана и вступила в силу Европейская культурная конвенция, образующая правовые основы работы Совета Европы в указанных областях. Важно ограждать эти вопросы от политизации, сохраняя предметное взаимодействие, нацеленное на достижение конкретных практических результатов.

Успешно и динамично развивается сотрудничество в молодежной сфере. Убеждены, воспитание сознательной, ответственной молоде-

жи, восприимчивой к культуре и традициям своих соседей, способно оказать содействие в поиске ответов на вызовы современности. Россия в 2006 г. стала первой страной, подписавшей с Советом Европы двустороннюю программу сотрудничества в области молодежной политики. Особое значение имеет международный семинар «Память и уроки Второй мировой войны» в Санкт-Петербурге, приуроченный к 80-летию начала блокады.

Роль Совета Европы в области спорта выходит далеко за рамки европейского континента, что не в последнюю очередь связано со стремлением Организации стать основным «разработчиком» правовых норм международного спортивного сотрудничества на основе конвенционной базы СЕ. За заместителем Генсекретаря Организации традиционно закреплено место в Совете Учредителей Всемирного антидопингового агентства (ВАДА), что позволяет «транслировать» европейский подход на площадке ВАДА. В 2016 г. СЕ сыграл важную позитивную роль в преодолении т.н. допингового кризиса и способствовал сокращению срока ограничений, наложенных на Российское антидопинговое агентство (РУСАДА).

Совет Европы внес вклад и в успешное проведение Чемпионата мира по футболу в России в 2018 г. Работа Центра международного полицейского сотрудничества, организованного МВД России на время проведения турнира, строилась на основании Конвенции СЕ об обеспечении безопасности на стадионах.

В 2021 г. отмечаем десятилетний юбилей присоединения нашей страны к Европейскому фонду поддержки совместного производства и проката кинематографических и аудиовизуальных работ (*Евримаж*). Ведущим направлением деятельности Фонда (годовой бюджет — 30 млн евро) является содействие совместному кинопроизводству как минимум двумя странами — членами Евримаж. Один из последних примеров практических результатов нашего участия в Евримаж — фильм «Довлатов» (реж. А. Герман-младший), созданный командой из России, Польши и Сербии и получивший «Серебряного медведя» 68-го Международного кинофестиваля в Берлине.

Приоритетное значение имеют усилия по *борьбе с фальсификацией истории* и попытками навязывания рядом стран своих искаженных взглядов на события Второй мировой войны.

Совместно с Российским историческим обществом в штаб-квартире СЕ мы организовали целый ряд мероприятий по исторической тематике, в частности выставку «Первая мировая война: героизм, самопожертвование, милосердие», показ фильма «Собибор», круглый стол к 80-летию Мюнхенского сговора.

В ноябре 2020 г. решением КМСЕ было создано новое Расширенное частичное соглашение «Обсерватория по преподаванию истории в Европе» (РЧС), в фокусе внимания которого школьные программы по историческим предметам. РЧС будет аккумулировать информацию о том, как государства подают детям исторические факты, на чем ставят акценты, что уходит в тень. Обсерватория не задумывалась как очередной мониторинговый механизм СЕ, но благодаря ее работе станет труднее откровенно исказить историческую действительность тем, кто этим сейчас цинично и откровенно грешит.

Сотрудничество в перечисленных областях не лишено трудностей. Некоторые страны не оставляют попыток политизировать и эти направления работы Организации, а некоторые — и вовсе отказаться от них. Однако на сегодняшний день Совету Европы в целом удастся сохранять и успешно развивать гуманитарное сотрудничество, которое зачастую выступает стабилизирующим фактором в непростых политических взаимоотношениях.

Испытание пандемией

Нельзя не упомянуть о главном, безусловно, вызове последнего времени — *пандемии коронавируса*, которая оказала влияние на весь мир. Совет Европы не стал исключением. С самого начала пандемии Россия решительно призывала всех членов Организации отказаться от пустых декларативных заявлений и сплотиться для борьбы с общей угрозой, не знающей границ и национальностей. При этом мы исходили из того, что ни колебания политической конъюнктуры, ни экономические соображения не должны ставиться выше интересов защиты жизни и здоровья граждан наших стран. В этой связи мы выразили готовность к сотрудничеству в области вакцинации на площадке СЕ, последовательно отстаивая принцип равного доступа всех желающих к сертифицированным вакцинам на европейском континенте.

Возросший в период пандемии спрос на медикаменты, к сожалению, способствовал активизации недобросовестных производителей и привел к увеличению количества подделок лекарственных средств. В этих условиях Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и другими преступлениями, угрожающими здоровью населения (*Московская конвенция Медикрим*), разработанная в 2011 г. по предложению России, приобрела особое значение. В настоящий момент в Конвенции участвует 18 государств из Европы, Африки и Латинской Америки. Ни одна страна не может бороться с фальсификацией медицинской продукции в одиночку, поскольку это преступление носит трансграничный характер. В этой связи важно, чтобы те страны СЕ, кто еще этого не сделал, присоединились к этому важнейшему международному инструменту.

Пандемия выдвинула на передний план *социальное измерение* деятельности Совета Европы, которое уже длительное время находится «в тени» политических вопросов. Основа правового регулирования в этой области — Европейская Социальная Хартия, закрепляющая широкий спектр гарантий достойного уровня жизни: права на жилье, медобслуживание, безопасные условия труда, бесплатное начальное и среднее образование, доступ к высшему образованию, свободу профсоюзов, защиту от бедности и множество других.

Отдельного внимания заслуживает то, как СЕ — его руководство, профильные структуры и механизмы — адаптировал свою деятельность под задачи решения многочисленных проблем, вызванных кризисом COVID-19. Ведь пандемия предъявила повышенные требования не только к государствам, но и к международным организациям с точки зрения их стрессоустойчивости, востребованности и адекватности их подходов к кардинально изменившейся ситуации.

Отдадим здесь должное нынешнему Генсекретарю СЕ. Уже по сути в установочном выступлении на Петербургском международном юридическом форуме 9½ «Законы коронавируса» 7 апреля 2020 г. М. Пейчинович-Бурич, упомянув опубликованные ею «Руководящие принципы для содействия государствам-членам в соблюдении принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях COVID-19», в первую очередь выделила «право на здоровье и право

на равный доступ к медицинской помощи»³⁶. Сославшись на неподготовленность систем здравоохранения целого ряда государств к чрезвычайной ситуации, Генсекретарь СЕ поставила задачу использования советоевропейских международных механизмов для «оказания государствам помощи... в укреплении их возможностей для соблюдения общих стандартов СЕ. В число этих механизмов она включила Европейскую социальную хартию, Конвенцию “Медикрим”, Конвенцию о правах человека и биомедицине (Конвенция Овьедо), а также Европейскую Фармакопею»³⁷.

Сквозная мысль Генсекретаря — необходимость обращать особое внимание на положение уязвимых групп, к которым она отнесла тяжело больных людей, находящихся в исключительно трудных условиях, пожилых и лишенных свободы лиц, в том числе большое количество мигрантов³⁸. И далее — вывод, давно не звучавший на уровне руководства Совета Европы: «Роль и подход Совета Европы в сфере экономических и социальных прав должны быть пересмотрены, поскольку ясно, что Европа стоит у начала экономического кризиса»³⁹.

Сам по себе весьма детальный, объемный по своему охвату и предметный документ («Инструментарий») Генсекретаря СЕ обобщил принятые рядом Комитетов СЕ заявления, рекомендации и принципы, адаптирующие имплементацию соответствующих конвенций к условиям пандемии коронавирусной инфекции.

В частности, в Заявлении о принципах, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, в контексте COVID-19 от 20 марта 2020 г. Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (*ЕКПП*) констатировал особую серьезность пандемии для персонала различных мест лишения свободы, в том числе работников камер заключения в отделениях полиции, учреждений уголовно-исполнительной системы,

³⁶ Цит. по: «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека в карантине». Специальный выпуск. ООО «Развитие правовых систем», 2020. С. 12.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

иммиграционных центров, психиатрических больниц и социальных центров, а также различных вновь созданных учреждений/зон, куда люди помещаются на карантин⁴⁰.

Другой наглядный пример «разворота» структур Совета Европы к обеспечению не «абстрактных», а самых что ни на есть реальных прав человека в условиях пандемии — заявление *Комитета по биоэтике* Совета Европы. Его исходный постулат — констатация исключительности Конвенции Овьедо как единственного юридически обязательного документа на международном уровне, «регулирующего права человека в области биомедицины, создающего уникальную нормативную правовую базу в области прав человека, в том числе в контексте управления чрезвычайными ситуациями и кризисами в сфере здравоохранения, которой необходимо руководствоваться при принятии решений и осуществлении различных видов практик как в клинической, так и в научно-исследовательской деятельности»⁴¹. В качестве одного из особенно актуальных в контексте текущей пандемии Комитет выделил принцип справедливого доступа к медобслуживанию (ст. 3 Конвенции Овьедо), требующий, чтобы состояние уязвимости не приводило к дискриминации в отношении доступа к здравоохранению. Подчеркнув, что это актуально не только для лечения пациентов с COVID-19, но и для иных видов лечения, осуществление которых может быть затруднено вследствие введения карантина и перераспределения медицинских ресурсов для борьбы с пандемией, Комитет по биоэтике особо выделил необходимость защиты наиболее уязвимых людей, в частности лиц с ограниченными возможностями, пожилых людей, беженцев и мигрантов⁴².

Проблеме обеспечения реализации необходимых гарантий защиты при принятии чрезвычайных мер по охране здоровья населения во многом посвящено Совместное заявление Председателя Комитета сторон Конвенции № 108 А. Пьеруччи и Комиссара Совета Европы

⁴⁰ Цит. по: «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека в карантине». Специальный выпуск. ООО «Развитие правовых систем». 2020. С. 96.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

по защите данных Ж.Ф. Вальтера о *цифровом отслеживании контактов* от 28 апреля 2020 г.⁴³ В заявлении подробно изложены принципы, которыми должны руководствоваться органы государственной власти, принимая решение об использовании цифрового отслеживания контактов, в том числе в рамках эпидемиологического мониторинга в целях снижения уровня распространения инфекций, выявлений лиц, которые могли вступать в контакт с инфицированным человеком, и т.д. Среди них — доверие и добровольный характер, четкое определение в качестве цели отслеживания контактов идентификации лиц, потенциально подверженных воздействию вируса (что требует явно выраженного согласия для дальнейшей обработки данных в целях проведения эпидемиологических исследований или в статистических целях), сведения к минимуму данных, обрабатываемых в целях цифрового отслеживания контактов, хранение таких данных только в течение периода борьбы (management) с пандемией COVID-19 и др.⁴⁴

В апреле 2020 г. конкретные рекомендации по применению Московской конвенции «Медикрим» предложил Комитет участников этой конвенции. Среди них — рекомендации государствам сотрудничать в целях разрушения сетей поставок фальсифицированной медицинской продукции и исключения их из государственных систем здравоохранения, сотрудничать в максимально возможной степени в уголовных делах, в том числе для выявления преступников, причастных к преступлениям, охватываемым Конвенцией⁴⁵.

Наконец, обратимся к принципам, которые сочла необходимым напомнить государствам — членам Совета Европы Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) в целях преодоления трудностей для работы национальных судов и судебных органов. В декларации от 10 июня 2020 г. подчеркнута необходимость обеспечения постоянного функционирования судебной системы и предоставления

⁴³ Цит. по: «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека в карантине». Специальный выпуск. ООО «Развитие правовых систем». 2020.. С. 116.

⁴⁴ Там же. С. 120–122.

⁴⁵ Там же. С. 124–126.

услуг, оказываемых сотрудникам системы правосудия, на основе европейских стандартов. Отмечая необходимость публичного отправления правосудия в максимально возможной степени, в т.ч. с помощью альтернативных способов, декларация акцентирует обязательность уделять особое внимание уязвимым группам лиц и отдавать приоритет затрагивающим данную группу лиц делам, например делам о домашнем насилии, в частности в отношении женщин и детей, делам с участием пожилых лиц или лиц с ограниченными возможностями или делам, касающимся тяжелого экономического положения⁴⁶.

Вместо заключения — что ждет СЕ впереди?

Попробуем самыми широкими мазками хотя бы приблизительно обобщить некоторые тенденции, которые наблюдались в СЕ в последнее время, и обрисовать возможные перспективы его развития.

Ведь сама постановка несколько лет тому назад вопроса о целесообразности и возможности проведения очередного саммита СЕ (последний был в 2005 г. в Варшаве), подготовка солидного доклада по этому вопросу членом ПАСЕ итальянцем М. Николетти⁴⁷, последовавшие попытки взглянуть в «стратегическое будущее» организации со стороны его коллеги голландца Т. Кокса⁴⁸, а в ближайшую перспективу — от Генсекретаря СЕ М. Пейчинович-Бурич наглядно, на наш взгляд, подтверждают вызревший запрос на перемены как ми-

⁴⁶ В плане обеспечения т.н. киберправосудия отмечается также, что внедрение информационных технологий, их использование и доступность для всех пользователей должны иметь четкую правовую основу. (Цит. по: «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Права человека в карантине». Специальный выпуск. ООО «Развитие правовых систем». 2020. С. 132.)

⁴⁷ Call for a Council of Europe Summit to reaffirm European unity and to defend and promote democratic security in Europe, rapporteur: Mr. Michele Nicoletti, Doc. 14396, 15 October 2017. — URL: <https://pace.coe.int/en/files/24017>.

⁴⁸ The Assembly's vision on the strategic priorities for the Council Tiny Cox, Netherlands, Group of the United European left, Doc. 15252, 31 March 2021. — URL: <https://pace.coe.int/en/files/29101>.

нимум в «месседже» Совета Европы и в принципе — определения роли этой организации в европейской архитектуре⁴⁹. Принципиально важно, что вопреки существенному дефициту доверия и нагнетанию конфронтации в геополитическом плане, вдоль условной линии Восток-Запад, и резкому всплеску европессимизма безотносительно блоково-политических границ, Страсбург остается важной диалоговой площадкой по самому широкому спектру проблем т.н. мягкой безопасности. Общие рамки, первооснова для активизации конкретной работы здесь СЕ заложены Уставом организации, нацелившим государства-члены на «заключение соглашений и проведение совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях, равно как и путем поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод»⁵⁰. Вопрос в том, как и в каких целях используется эта площадка.

Если исходить из максималистски-идеалистических подходов/критериев к тому, насколько результаты деятельности СЕ на настоящий момент соответствуют изначально заложенным при его создании целям и принципам, немудрено предаться определенному унынию. Ведь осложнение геополитического «бэкграунда», на фоне которого работает СЕ, выливается и в периодические ожесточенные нападки одной группы стран на немногочисленные другие с обвинениями в «прямом покушении на ценности Совета Европы». При этом сознательно размывается то во многом общее понимание этих ценностей, которым руководствовались государства, включая Россию, вступившие в СЕ на более позднем историческом этапе, на волне кардинальных перемен в их внутренней и внешней политике. Глобалистская и ультралиберальная трактовка ценностей в политике

⁴⁹ Примечательна в этом контексте постановка вопроса бывшим генсекретарём СЕ в «переломное» для всей Европы время К. Лалюмьер «о необходимости перестройки европейского проекта». (Цит. по: «Europe: a Human Enterprise. 30 Stories for 70 Years of European History 1949–2019», Council of Europe Publishing/Éditions du Conseil de l'Europe, September 2019. С 106.)

⁵⁰ Устав Совета Европы от 5 мая 1999 г. ETS/STE No 001 // Официальный сайт Совета Европы. — URL: <https://rm.coe.int/1680306055>.

многих западноевропейских (и не только) государств применительно ко всему «дереву» советоевропейских институтов, конвенций и механизмов усугубляет принципиальные расхождения между «апологетами» упомянутого прочтения ценностей и теми, кто придерживается в отношении них традиционалистского подхода, основанного на собственной социокультурной и исторической специфике. Показательный пример здесь — принципиальный отказ целого ряда государств руководствоваться концепцией т.н. социального гендера, вошедшей в качестве одного из составных элементов в Стамбульскую конвенцию о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и качественно искадившей основной смысл конвенции, отраженный в ее названии⁵¹.

В более общем плане, на наш взгляд, в СЕ довольно сильно пустила корни «большевистская» тенденция продавливать подходы, разделяемые численно преобладающим большинством государств ЕС (притом далеко не всех!) вопреки возражениям других стран, что неизбежно чревато «внутренним взрывом», тем более в условиях острого социального-экономического и политического кризиса, охватившего европейские государства в последнее время. Данная тенденция достигла своего апогея в практике ЕСПЧ, применяющего доктрину «европейского консенсуса» для разрешения наиболее чувствительных для государств — участников Конвенции вопросов⁵².

⁵¹ Денонсация этой Конвенции Турцией в 2021 г. была воспринята многими, в т.ч. руководством СЕ, как чуть ли не удар по всей конвенционной системе СЕ, хотя, на наш взгляд, это отражает скорее кризис политики навязывания воли конъюнктурно сложившегося большинства в вопросах семейных ценностей тем, кто исходит в них из традиционных представлений об отношениях мужчины и женщины.

⁵² «Возвращаясь к проблеме европейского консенсуса, надо отметить и то обстоятельство, что сложившийся в тех или иных условиях текущий консенсус может быть обусловлен разного рода ситуативными конъюнктурными и т.п. причинами. Кроме того (что особенно важно), решение, основанное на позиции большинства европейских стран по какому-то вопросу, может игнорировать (или, по меньшей мере, недооценивать) некоторые важные моменты, отражающие такие социокультурные особенности той или иной страны, учет которых необходим для более полной и эффективной защиты

Такие подходы работают на разъединительную, а не объединительную повестку дня СЕ, еще более востребованную в контексте многоаспектной борьбы с масштабными последствиями коронавирусной пандемии.

Остается, как мы полагаем, неотвеченным вопрос — насколько восприимчивы структуры и механизмы Совета Европы, его конвенционная система и судебная практика ЕСПЧ к другим, альтернативным взглядам на развитие общества и государства, во многом дополняющим и обогащающим опыт Страсбургской организации, но отнюдь не ставящим под сомнение базовые принципы и установки СЕ?

Миссионерство, как метко отметил С.В. Лавров в другом контексте⁵³, никогда до добра не доводило, и если доминирующие на каком-то отрезке времени в СЕ политико-идеологические подходы будут взяты за основу линии Страсбурга в отношении соседних Европе регионов и государств (рассматриваемых, используя терминологию ПАСЕ, в качестве «партнеров по демократии»), не отбрасывает ли тем самым СЕ перспективу быть для них притягательной моделью? Думается, деидеологизация и деполитизация подходов СЕ по самому широкому спектру его проблематики лишь облегчит потенциальные перспективы наведения мостов Совета Европы с упомянутыми государствами и их объединениями, если сам Страсбург до этого «созреет»⁵⁴.

прав человека. В наибольшей степени это касается вопросов, связанных с глубинными ценностями и нормами, образующими в своей совокупности тот морально-культурный код нации, который, хотя и не всегда понятным нам образом, несомненно влияет на конституционную идентичность государства» (*Зорькин В.Д.* «Проблемы реализации Конвенции по правам человека»).

⁵³ Интервью С.В. Лаврова программе «Большая игра» на Первом канале, Москва, 1 апреля 2021 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4662534.

⁵⁴ Показательна в этом смысле реализованная инициатива Мексики по принятию Декларации о стратегическом партнерстве СЕ и Мексики. На этапе ее обсуждения постпред Мексики (страны-наблюдателя в СЕ) говорил о перспективах использования страсбургской организации его страной в ка-

Пока же Совет Европы является ареной противоборства не только идеологических установок, но и — глобально — цивилизационных парадигм. Роль России здесь критически важна не только для нас самих, но и для будущего всей Европы. Мы выступаем авангардом «здоровых сил», направленных на восстановление многостороннего сотрудничества на базе уважения суверенитета и норм международного права.

Применительно к ЕСПЧ все больше в фокусе дискуссий — его подходы к рассмотрению межгосударственных жалоб, дилемме «национальное — и наднациональное» в трактовке положений ЕКПЧ при вынесении своих постановлений. Не в пользу Суда идет безоглядная идеализация его деятельности, что, разумеется, не означает отказа от выполнения его решений, если они основываются на строгом уважении суверенитета государств-членов и общих принципов и норм международного права.

Не могут не тревожить приводившиеся нами ранее случаи прямого вторжения Суда в компетенцию национальных конституционных и других судебных органов.

В то же время характерно, что, например, в период острого вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном 2020 г. обе стороны ввели в действие положение о т.н. «дерогации» (временном отступлении от выполнения положений ЕКПЧ), тем самым стремясь ограничить для себя выполнение соответствующих обязательств по этой Конвенции и обезопасить себя от возможных обвинений в ее невыполнении.

На фундаментальный и для нынешнего СЕ, и для его перспектив вопрос: отражают ли принимаемые различными органами решения, действующие механизмы, институт, процедуры и т.д. суверенное равенство государств — членов Организации? — однозначный ответ дать, как нам представляется, все еще нельзя.

честве «моста» к региональным объединениям Южной Америки. И хотя эта идея поддержки не нашла, сама постановка вопроса примечательна. Страсбургский опыт и модель, в частности в вопросах борьбы с наркотиками, коррупцией, в ряде вопросов уголовно-правовой сферы, вызывают растущий интерес внерегиональных государств.

Так называемый «российский вопрос»⁵⁵ по-настоящему встряхнул Организацию, заставив прагматично и перспективно мыслящих политиков и функционеров СЕ искать нестандартные решения в правовом поле Организации. Найденный выход из ситуации во многом снял остроту проблемы, позволил СЕ преодолеть системный кризис 2014–2019 гг., грозивший в случае выхода России из СЕ утратой им общеевропейского характера и маргинализацией роли страсбургской организации на европейском пространстве. В то же время полностью решить задачу восстановления принципов подлинного парламентского демократизма применительно к механизмам функционирования ПАСЕ пока не удастся. Ассамблея остается достаточно волатильной и непредсказуемой структурой, а с учетом ее роли во всей иерархии институтов СЕ, это — важный фактор. Так, в Регламенте Ассамблеи пока сохраняется возможность задействовать политически мотивированные процедурные рычаги против парламентских делегаций в ПАСЕ, ущемляющие их суверенные права (самый яркий пример — оспаривание полномочий по политическим основаниям). На деле это лишь стимулирует деструктивно заряженные политиканствующие силы в ПАСЕ на провоцирование конфронтации в этом органе. Застарелой, важной и до сих пор нерешенной проблемой остается архаичная система мониторинга ПАСЕ выполнения вступительных обязательств большой группы государств (в нее входит и Россия), весьма произвольно отнесенных к числу тех, кто должен держать полноформатный ответ перед мониторами. Сохранение «двухъярусного», «селективно-кастового» принципа мониторинга по сути дискредитирует принципы и цели Организации, под которыми подписались вступившие в нее государства. Отрадно, однако, что наличие проблемы как таковой не отрицается в Страсбурге растущим числом высших функционеров и экспертов СЕ, да и представителями

⁵⁵ Так в обиходе в СЕ стали называть по сути институциональный кризис в Организации 2014–2019 гг., когда в ответ на противоуставные дискриминационные шаги ПАСЕ в отношении делегации РФ было принято решение о «заморозке» российских взносов в бюджет СЕ вплоть до полного, без исключений, восстановления прав российских парламентариев в Парламентской Ассамблее СЕ.

реалистично мыслящего и прагматично настроенного «ядра» государств-членов.

В то же время не стоит недооценивать и *позитивные моменты* в деятельности как СЕ и его органов, так и в подходах некоторых государств к страсбургской организации.

На волне выхода из системного кризиса СЕ остро была поставлена задача гармонизации деятельности ее двух уставных органов — КМСЕ и ПАСЕ (последняя органически давно отошла от закрепленной за ней консультативной роли и в пик кризиса превратилась в арену сведения политических счетов в Организации, использовалась деструктивными элементами фактически как орган, дестабилизирующий работу не только Ассамблеи, но и всей Организации). Реальное наполнение в принципе правильной и логичной линии на такую гармонизацию зависит, безусловно, от общей обстановки и расклада политических сил, но сама тенденция, на наш взгляд, идет в логичном, правильном направлении, превентивно «выпуская пар» по вопросам, имеющим потенциально конфликтный характер для взаимодействия двух уставных органов СЕ.

Проведение регулярных встреч «тройки» (Генсекретарь СЕ, Председатель ПАСЕ, Председатель КМСЕ), принятие ими совместных заявлений, взаимное информирование о важнейших мероприятиях по «своей линии» и самое общее согласование позиций — только самые первые «ласточки» на этом направлении, требующем развития и закрепления. Только когда «операция по деконфликтингу» между КМСЕ и ПАСЕ⁵⁶ будет доведена до конца, можно будет говорить о том, что их взаимодействие стало фактором стабильности для всей страсбургской организации.

Далее, среди безусловно позитивных фактов последнего времени — возобновление переговоров о вступлении ЕС в ЕКПЧ. Принципи-

⁵⁶ Мы столь подробно затронули этот вопрос, поскольку, при всей справедливой критике в адрес ПАСЕ, не стоит недооценивать значение этого органа. Как правильно отметил Т. Кокс, «Комитет министров разделил часть своих полномочий с Парламентской ассамблеей», выступление Т. Кокса в ПАСЕ 29 января 2020 г. — URL: <https://pace.coe.int/pdf/b5cf3d474d1f46fed2616e0e489cc39eg505566d0b5116f889634b611c34448/verbatim.pdf>.

пиальнейший вопрос — обеспечение совместимости правовых полей СЕ и ЕС в рамках единого общеевропейского правового пространства, недопустимости их конкуренции, необходимости купирования врожденных инстинктов бруссельской бюрократии воспринимать решения есовских институтов, включая Люксембургский Суд ЕС, как истину в последней инстанции. В какой степени ЕС проявит готовность встроиться в правовое поле ЕКПЧ без каких-либо принципиальных исключений, а тем более привилегий для себя — послужит лакмусовой бумажкой его *bona fides*. В политическом плане это будет ярким индикатором готовности Брюсселя выстраивать на деле, а не на словах отношения со Страсбургом на равных, не рассматривая СЕ в качестве своего рода «субподрядчика» Евросоюза в сфере обеспечения прав человека, верховенства закона и демократии. Вопрос — принципиальный не только для не входящих в Евросоюз стран — членов СЕ, но и для государств, являющихся членами обеих организаций. Ведь свою специфику, идентичность, «общеевропейскость» и в конечном итоге востребованность в европейской архитектуре и политике Совет Европы может доказать, не допуская нависания «тени Брюсселя над Страсбургом». Вопрос остается во многом открытым.

Итак, где же сегодня находится Совет Европы? Как бы банально это ни звучало, — действительно на своего рода распутье. Значительную группу стран, комфортно чувствующих себя в устоявшейся либерально-демократической парадигме, явно устраивает сложившийся *status quo* функционирования основных институтов и механизмов организации, требующих, в их представлении, периодической «тонкой доводки» (*fine-tuning*) к новым вызовам, прежде всего социально-политического и технологического характера. К ним относятся всплеск миграции, «популизма», расовой и религиозной нетерпимости, угрожающих «несущим скрепам» западной демократии и вносящих элементы хаоса в устоявшуюся «картину мира». К возмутителям спокойствия применительно к этой модели⁵⁷ все больше относят Россию,

⁵⁷ Примечателен в этой связи термин «нелиберальная демократия» (*illiberal democracy*), использованный председателем Венецианской комиссии Дж. Буккикио, без конкретизации. Цит. по «Venice Commission ...». С. 136.

выступающую в рамках продвигаемой ею объединительной повестки дня Совета Европы зачастую с альтернативными проектами, воспринимаемыми чуть ли не как вызов «европейским ценностям», а в контексте рассмотренных выше конституционных поправок и критики политизированных решений ЕСПЧ — едва ли не как подрывающую нормативно-правовые основы функционирования системы, базирующейся на ЕКПЧ. В этом же ряду и Турция, которая, денонсировав Стамбульскую конвенцию, нанесла сильный удар по описанной выше модели, и Азербайджан, и даже отчасти выбивающиеся из рядов стран — членов ЕС в вопросах приоритета традиционных семейных ценностей Венгрия и Польша.

Совет Европы объективно не может быть полностью изолированным от обострившегося в последнее время геополитического противостояния, что сродни второй версии холодной войны. В наибольшей степени это, пожалуй, по традиции проявляется в ПАСЕ (в первую очередь с подачи представляющей себя в роли «жертвы агрессии России» Украины, депутатов от стран Балтии, Польши, Великобритании), периодически, но гораздо в меньшей степени, выплескивается и на заседания главного уставного органа Организации — КМСЕ, к сожалению отражается и в ряде несбалансированных решений ЕСПЧ, используемого вследствие этого фактически как инструмент политического давления на государства, выбивающиеся из политического «мейнстрима». К факторам, явно не способствующим выполнению Советом Европы своих уставных обязательств, мы бы отнесли проецируемые брюссельско-есовской бюрократией вовне ЕС прецеденты использования коллективных санкций против «проштрафившихся» (в ее понимании) государств и искушение использовать страсбургскую организацию в своих целях. Область прав человека в политизированной трактовке Брюсселя открывает для этого обширные возможности. Повышенная турбулентность внутри и вокруг ЕС (выход Великобритании, сложности в отношениях с Вашингтоном в период администрации Д. Трампа, резкий рост настроений европессимизма в том числе среди стран ЕС, непрекращающееся «диссидентство» ряда государств в рамках самого ЕС), на наш взгляд, отнюдь не привела к понижению «градуса» амбиций Евросоюза в Совете Европы. «Миссионерство» Брюсселя, подталкиваемое, среди прочего, жела-

нием государств, провозгласивших своей целью вступление в ЕС, использовать ради этого Страсбургскую организацию как своего рода «госприемку», выдающую «сертификаты» соответствия стандартам соблюдения прав человека, принципов демократии и верховенства права, имеет свои и географические, и политические пределы. Думается, за решением ЕС возобновить переговоры о вступлении в ЕКПЧ не в последнюю очередь стоял и политический расчет «подправить» изрядно потрепанный имидж есовского Брюсселя и проецируемую им вовне модель для подражания, в том числе в сферах верховенства закона и соблюдения прав человека. Для нас же важно взглянуть на «уравнение» ЕС — СЕ с угла Страсбургской организации. В этом плане, как и сквозь призму никем не оспариваемой главной задачи — построения единого общеевропейского правового и гуманитарного пространства, — ключевое значение будут иметь итоги переговоров о присоединении ЕС к ЕКПЧ. По сути — речь о готовности Евросоюза на равных войти в правовое поле этой уникальной Конвенции, а для Совета Европы — опровергнуть распространенный штамп-мифологему о себе как о «субподрядчике» ЕС в областях своей компетенции.

Важнейший вопрос для СЕ и его будущего — способность своевременно и адекватно реагировать на принципиально новые вызовы научно-технического прогресса, создающие не существовавшие ранее области правового регулирования. К числу последних В.Д. Зорькин относит, в частности, развитие биотехнологий, информатизацию всех сторон общественной жизни, проблемы донорства органов и тканей человека, искусственный интеллект⁵⁸, оказывающие непосредственное влияние на сферу прав человека и потенциально имеющие огромные последствия для жизни человека и общества. Отметим, что по проблематике ИИ в рамках Совета Европы уже развернута масштабная работа в рамках соответствующего Специального Комитета (САНАИ)⁵⁹, целью которой обозначено создание правовой базы

⁵⁸ См.: Зорькин В.Д. «Конституционный контроль в контексте современного правового развития». Выступление 15 мая 2018 г.

⁵⁹ Сама структура и направление работы над правовыми аспектами регулирования ИИ в будущем документе СЕ по ИИ (его характер еще окон-

для обеспечения разработки и использования систем искусственного интеллекта.

Одним из несомненных преимуществ Страсбургской организации, предпосылкой ее соответствия новейшим вызовам технологического и общественно-политического характера (к последним, помимо кратко затронутых выше, отнесем и заметно возросшую активность гражданского общества и его институтов) являются ее огромный экспертный потенциал, наработанный десятилетиями инструментарий и опыт решения сложных проблем, находящихся в том числе на стыке права, политики, правочеловеческих вопросов, вызовов социального и философско-этического порядка. Все это может использоваться — и активно используется — многими странами — членами СЕ при решении своих внутренних проблем. В своем деидеологизированном и деполитизированном виде этот потенциал Совета Европы, убеждены, — источник позитивной практики и для нас, с учетом, разумеется, отечественной специфики.

В «актив» Совета Европы, на наш взгляд, можно отнести и его зримый разворот в сторону решения практических проблем, связан-

чительно не определен и остается предметом переговоров) говорят о размахе работы и широком спектре абсолютно новых вызовов — практического, юридического даже философского плана. В частности, обсуждаются вопросы обеспечения «автономии человека» (ограничения потенциальной зависимости человека от систем ИИ), надзора со стороны человека за этими системами, закрепления прав на информацию и взаимодействие с ИИ, защиты частной жизни и персональных данных, права на цифровую личность и цифровую целостность (*digital identity and digital integrity*). Отдельный блок проблем связан с использованием систем ИИ и обеспечения предусмотренных ЕКПЧ прав человека в управлении государством (судебной системе, органах исполнительной власти, парламентских структурах, включая организацию выборов и законотворчество). Добавим, что в рамках Европейской комиссии по эффективности правосудия разработан Европейский кодекс этики по использованию ИИ в судебных системах.

При этом в СЕ признают важность унификации в будущем разрабатываемого документа по ИИ с есовским правовым режимом. В поле зрения советоевропейцев и участников переговоров — и наработки экспертных групп ЮНЕСКО (АНЕГ) и ОЭСР.

ных с появлением коронавируса, о чем мы говорили ранее⁶⁰. Наиболее дальновидные функционеры СЕ и целый ряд государств в этом контексте пытаются придать «второе дыхание» Социальной Хартии, некогда воспринимавшейся в качестве одного из «столпов» конвенционной системы СЕ, но впоследствии фактически отодвинутой на второй план среди приоритетов страсбургской организации.

К числу «спящих красавиц» СЕ, на наш взгляд, можно отнести и Европейскую культурную конвенцию и в целом направление культурного сотрудничества, рассматривавшееся в 50–60-е гг. прошлого века как важнейший инструмент сближения европейских народов. Значительный потенциал, в том числе в урегулировании проблем, связанных с COVID-19, миграционным кризисом и т.д., — и у наиболее деполитизированной из структур СЕ — Конгресса местных и региональных властей, уже вносящего заметный вклад в развитие европейской региональной интеграции и совершенствование местного самоуправления⁶¹.

Стабилизатором деятельности всего Совета Европы в кризисных условиях призвано стать межправительственное сотрудничество, в идеале — менее подверженное политической конъюнктуре. «Это — одна из наиболее важных предпосылок выполнения СЕ своей “ключевой роли” — генератора позитивной повестки дня, ради которой эта организация создавалась»⁶².

⁶⁰ О том, как непросто идет этот процесс, говорит и прохладное отношение целого ряда государств к российскому, как мы убеждены логичному, предположению о воссоздании ранее упраздненного Комитета СЕ по здравоохранению.

⁶¹ Правовой основой деятельности КМРВСЕ является Европейская хартия местного самоуправления. Россия подписала ее при вступлении в СЕ в феврале 1996 г., а ратифицировала в 1998 г.

Подробнее о роли этой Хартии, ее использовании в практике КС РФ и мониторинге применения Хартии по линии КМРВСЕ см.: *Сивицкий В.А., Гулумян В.Г.* Европейская хартия местного самоуправления как субсидиарная система гарантий местного самоуправления в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3 (81). С. 13–20.

⁶² См. *Лобов М.Б.* Четверть века в общеевропейском правовом поле // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3 (81). С. 11.

Но для этого, как представляется, необходима кардинальная, не косметическая реформа всего СЕ. Вопрос о ней не просто актуален, он «перезрел» — и институциональный кризис 2014–2019 гг. обнажил массу проблем, требующих не профилактических, а долгосрочных решений. Не случайно «зазвучала» идея проведения саммита СЕ, пока что отошедшая на второй план в условиях нагнетания международной напряженности. И если значительную группу государств устраивает *status quo* в подходах и роли нынешнего СЕ, то те, кто заинтересован в повышении роли Страсбургской организации в европейской архитектуре, выступают за корректировку ее базовой философии и направлений деятельности. Без снижения напряженности и восстановления минимального уровня доверия между европейскими государствами, в том числе в рамках СЕ, нахождение «общего знаменателя» по серьезной реформе Совета Европы, очевидно, маловероятно. Соответственно, в подвешенном состоянии остается и вопрос о способности Страсбурга к автономному плаванию в направлении реального строительства общеевропейского правового гуманитарного пространства.

Гаврилова Светлана Михайловна

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СТАРОГО СВЕТА¹

Европейский союз — один из самых значимых акторов на современной мировой политической арене, и перемены внутри этого сообщества оказывают значительное влияние на систему международных отношений и всю мировую политику. На пороге глобальных трансформаций мировой политики Старый Свет — и как консолидированное интеграционное объединение в лице Евросоюза, и как совокупность связанных общим цивилизационным путем развития национальных государств — находится перед лицом новых вызовов. Как культурно-историческая и политическая общность, Европа сталкивается в последние десятилетия с целым рядом вызовов и угроз, оказывающих влияние как на единое европейское сообщество в лице ЕС, так и на отдельные национальные государства. В европейских странах существенно изменился политический климат, социальные условия, само самосознание европейца прошло в последние годы через трансформацию под воздействием новых тенденций в мировой политике. Кризис, вызванный миграционными потоками, спровоцированные им новые угрозы безопасности и изменения в общественной жизни и даже политическом устройстве отдельных стран и всего общеевропейского дома изменили облик жизни современного европейца. Кардинальные трансформации политической жизни европейских стран привели к формированию нового типа мышления как в массовом сознании, так и в культуре политических элит. Не обошли Европу стороной и сложности в сфере экономики. Новые вызовы провоцируют появление новых форм ответов, новых методов реализации трансформирующихся целей, которые возникают в условиях роста нестабильности и числа внутренних и внешних угроз.

¹ Отдельные части работы ранее опубликованы в статьях: *Гаврилова С.М.* «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь*. 2018. № 10. С. 125–140; *Гаврилова С.М.* Современная Европа: преемственность и поиск новых решений // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2021. № 2. С. 195–205.

Поиск ответов на новые вызовы в Единой Европе

Идея поиска новой европейской идентичности, проходящая красной нитью через европейскую политику последних лет, в контексте новых вызовов и угроз, стоящих перед Евросоюзом, предстает как более многогранное, затрагивающее основы цивилизационной сущности европейской общности явление. Безусловно, политический, экономический, социальный контексты являются ключевыми в самой идее Единой Европы, однако столь успешное интеграционное объединение немислимо без более глубинной интегрирующей идеи, исторически формировавшейся на континенте в течение почти двух тысячелетий и основанной на контрасте сходств и различий разных частей христианского мира — национальных государств, объединенных одной религиозной общностью. Несомненно, эта интегрирующая общность останется основой европейской идентичности и в дальнейшем, и рассуждения о поиске идентичности новой, скорее, сводятся к оценке трансформации уже устоявшихся основ европейской цивилизации, которые в меняющемся мире попросту должны оставаться «конкурентоспособными» и подстраиваться под вызовы нового, полицентричного, глобализирующегося и взаимозависимого мира.

Отдельной важной темой современных европейских исследований выступает спровоцированный пандемией так называемый «коронакризис», больно ударившей по Европе. COVID-19 стал серьезным испытанием для европейской идентичности не только с точки зрения экономики, но и как вызов самим основам европейской солидарности — и нельзя сказать, что испытание это было пройдено без стратегических потерь. Приоритет заботы о собственных границах — культурных, эпидемиологических, нравственных — стал очевиден в политике национальных государств в период пандемии. В данном контексте по-новому встает вопрос, уже давно выдвинутый представителями «политической альтернативы» в Европе, — может ли общеевропейский дом стать защитой в равной степени для всех его обитателей.

В последние годы становится все более значимым в европейской политике фактор политического лидерства, и, рассматривая методы политической борьбы и способы осуществления реальной политики

крупнейшими фигурами европейского политического спектра, можно дать характеристику «новым идеям» европейской реальности и вероятному будущему Единой Европы. Так, становится все более очевидно, что идеи популизма прочно вошли в образ мысли и деятельности европейских политиков — даже тех, кто по своему положению в политическом спектре далек от них. Новые популистские лидеры выдвигаются на авансцену европейской политики на волне массового недовольства «традиционными» политиками и их методами, не отвечающими современным политическим реалиям.

Европейский союз, являясь, несомненно, самым удачным интеграционным объединением в современной истории, тем не менее не может претендовать на состоявшуюся политическую интеграцию — доказательством является тот факт, что в 2005 г. не произошло принятия Конституции ЕС.

Несомненно, ключевым событием европейской политики нового тысячелетия, а политики Европейского союза — за весь период существования интеграционного объединения, стал Брекзит. Значение этого события для будущего всего мирового сообщества сложно переоценить — настолько существенными стали его последствия. Выход Великобритании из ЕС изменил облик Единой Европы, оказал воздействие как на крупнейшие экономики ЕС, так и на миллионы жизней простых граждан. Существенное влияние Брекзит оказал и на формирование бюджета ЕС.

Все чаще со стороны самых «старых» членов ЕС раздаются голоса опасения относительно дальнейшего пути европейской интеграции, в основном — из лагеря евроскептиков. Европейское единство оказывается под угрозой. При этом представить себе ситуацию, когда ЕС сталкивается, например, с «Италэкзитом», в настоящее время невозможно: интеграция стран — основательниц Евросоюза в общеевропейские структуры, несомненно, выше, чем у вступившей в интеграционное объединение гораздо позже и в особых условиях Великобритании. Не стоит, однако, забывать, что устойчивость единства Евросоюза все сильнее зависит от необходимости соблюдения баланса между наднациональным и внутригосударственным измерениями.

Важным моментом в данном контексте является идея создания европейской армии, неоднократно появлявшаяся в риторике крупных

европейских политиков. Подобная структура, очевидно, все же не появится в ближайшее время по причинам как объективного — финансового — характера, так и в связи с нежеланием ряда государств — членов ЕС совершать шаг на пути углубления интеграции в данном направлении и брать на себя дополнительные обязательства, передавая важную часть национальных приоритетов на наднациональный уровень.

Важную роль в жизни интеграционного объединения играет религиозный аспект жизни европейского сообщества. В этой связи особенно важным становится рост религиозности европейских политиков. Как отмечает российский исследователь Р.Н. Лункин, в Европе наблюдается «рост влияния если не самой религии, то, по крайней мере, христианского и мусульманского факторов в жизни европейских стран»². Примечательно, что религиозный фактор становится одним из инструментов современных европейских популистов и используется ими в политической борьбе даже с традиционными консервативными силами.

Совершенно очевидно, что рост значения и влияния христианства и ислама в социальной, политической, экономической сферах жизни Европы налицо в последние годы. Безусловной необходимостью для европейских стран, в условиях роста числа мусульманского населения — и не только за счет прибывающих в результате увеличения миграционных потоков последних лет, но и за счет мигрантов второго и третьего поколения, уже являющихся гражданами стран ЕС по рождению, — становится поиск баланса между религиозностью и ассимиляцией норм и установок другой культуры в традиционные европейские ценности. При этом, как отмечает Р.Н. Лункин, в Европе набирает популярность тренд на поиск идентичности без стремления «вписать или переделать ее под глобальные ценности»³, что особенно заметно в среде современных европейских популистов, занявших прочное место в политическом спектре ряда национальных государств. Критика подобного «архаичного» подхода к политиче-

² Европа в поиске новых решений / Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осолов. — М.: Институт Европы РАН, 2020. С. 73.

³ Там же.

ской деятельности со стороны «прогрессивных» политиков и экспертов наталкивается на противоречие с самими базовыми принципами, заложенными в основу формировавшегося в русле идей христианской демократии Европейского сообщества. Особенно интересной представляется позиция Ватикана — настолько утрированно либеральная, что зачастую даже политики, позиционирующие себя как ярые католики, подвергаются критике со стороны Святого Престола. Так, М. Сальвини неоднократно осуждался Ватиканом за жесткую позицию в вопросах миграции, но при этом пользовался широкой поддержкой избирателей. Очевидно, что католической церкви — одному из сильнейших и старейших институтов Европы — также необходим поиск более устойчивого баланса в своем стремлении к открытости и либеральности. Очевидно, что в новой формирующейся европейской социальной действительности роль религиозного фактора становится более «мобильной».

При этом необходимо отметить, что вера в Европе становится все более политизированной: различные конфессиональные общины и представители высшей церковной иерархии все чаще заявляют о своих политических предпочтениях, высказывают симпатию и даже поддержку определенным политическим лидерам, в том числе тем, кого прямо осуждает папа Франциск. Важно отметить и то, что «традиционалистская реакция» и усиление консервативных тенденций характерны не только для католической церкви, они проявляются и в других конфессиях. Это — очевидный показатель поляризации не только политического спектра и общества в Европе, но и самой европейской идентичности. В условиях нарастания конфронтации тем важнее становится укрепление базовых принципов единства европейского сообщества, сочетания модернистских тенденций с традиционализмом, толерантности с консерватизмом.

Главным вызовом европейскому единству, несомненно, стала пандемия коронавируса, больно ударившая не только по экономической и социальной сферам, но и по морально-этической стороне идеи европейской интеграции. Данный фактор пытались использовать в своих целях европейские популисты, акцентируя внимание на неэффективности наднациональных органов в борьбе с распространением вируса и его последствиями. Попытки использовать сложившуюся ситуацию

для достижения собственных политических целей стали трендом европейских популистов в период пандемии, однако использование подобных методов вполне может привести к потере политических очков, учитывая, что даже самые жесткие меры, вводимые правительствами в странах Европы, уже становятся понятными для избирателей с точки зрения их необходимости.

Не приносят дополнительной популярности этим силам и попытки переключить внимание на две проблемы или «смешать» их — пандемию и миграцию. Очевидно, что всплеск поддержки популистов в европейских странах в условиях пандемии снизится, поскольку избирателей уже не так сильно волнуют проблемы миграции, «опасности» наднационального вмешательства в дела государства, как угроза жизни и здоровью. Следует, однако, предположить, что рост социальной напряженности в перспективе все же принесет дивиденды упрочившим свои позиции в последние десятилетия европейским популистам.

Пандемия принесла заметные экономические потери и оказала значительное психологическое воздействие на европейцев: как политиков, так и простых граждан. Следует согласиться с исследователями из Института Европы РАН в том, что вполне вероятным может стать глубинное переосмысление образа жизни и представлений о современном мире в Европе⁴. Кризис, вызванный пандемией, обнажил многие проблемные точки европейской политики, усугубил их общественный резонанс.

Особенности политического развития Европы: кризис традиционных политических сил и рост «политической альтернативы»

Политическая жизнь Европы в последние годы была отмечена системным кризисом, обусловленным рядом обострившихся проблем в политической, социальной, экономической сферах. Страны — члены ЕС столкнулись с кризисными явлениями в экономике. Миграционный кризис обусловил рост напряженности в социальной и

⁴ Европа в поиске новых решений / Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осолков. — М.: Институт Европы РАН, 2020. С. 126.

культурной сферах жизни европейских государств. На первый план вышли проблемы в области безопасности, напрямую увязываемые в общественном сознании с миграционным вопросом. Рост евроскептицизма в ряде стран Единой Европы ставит под вопрос будущее всего Евросоюза. Все это обусловило глубокий и затяжной системный кризис.

Европа в целом и Европейский союз в частности не смогли дать ответы на вызовы кризиса последних лет. Особенно отчетливо указанные проблемы проявляются именно в рамках Единой Европы: надежды, возлагаемые на наднациональные структуры, оказались неоправданными. В условиях падения уровня доверия избирателей к традиционным политическим силам и росту поддержки альтернативных партий и движений особенно остро проявляется кризис концепции либерального государства в европейских странах.

Традиционные политические силы оказались не в состоянии найти адекватные ответы на новые вызовы и угрозы, электоральные предпочтения сместились от традиционных центров притяжения. Позиции «классических» европейских партий ослабли.

Способствовали этим явлениям и такие факторы, как закрытость политических элит и их неспособность «традиционными» технократическими средствами решать новые проблемы. Все это ведет к падению уровня доверия не только к представителям политических элит, но и к государству как механизму защиты прав и безопасности граждан в целом. В данном контексте можно говорить о кризисе доверия к наднациональным структурам, ожидания от деятельности которых в условиях системного кризиса не оправдались. Политические элиты фактически оказались неспособны предложить ответы на возникающие вызовы и угрозы. Представители политического истеблишмента, обещая в ходе предвыборных кампаний широкие социальные и политические реформы, фактически не реализуют их на практике, что подрывает уровень доверия избирателей, которые стремятся найти ответ на насущные проблемы у альтернативных партий и движений, поскольку у них еще просто не было возможности обмануть доверие электората.

В сложившихся условиях наблюдается стремительный рост популярности «протестных», «несистемных» или «альтернативных» пар-

тий и движений, набирающих популярность на волне недовольства деятельностью традиционных политических сил.

Первоначально представители «политической альтернативы» не пользовались высокой поддержкой избирателей, однако усугубление кризисных явлений в политической, экономической, культурной, социальной областях жизни европейских стран стало катализатором роста их популярности. Ранее считавшиеся маргинальными партии и движения добились существенного расширения своей электоральной базы за счет использования популистских лозунгов, часто с добавлением националистической риторики, которые отвечают ожиданиям электората в связи с обострением назревших проблем. Ряд подобных политических образований добился вхождения в высшие эшелоны власти: так, в Германии и Франции правые входят в парламент, а в Италии «несистемное» «Движение Пяти звезд» и правопопулистская «Лига» (бывшая «Лига Севера») в 2018 г. сформировали правительство. Ультраправая Австрийская партия свободы и националистическая Швейцарская народная партия также вошли в национальные коалиционные правительства.

Одной из причин роста популярности политической альтернативы в Европе стала трансформация современного общества под воздействием глобализации, информационной и технической революции, изменения под их влиянием рынка труда и самой структуры общества. Поддержка протестных идей, выразителями которых на политической арене европейских стран являются партии нового типа, стала ответом общества на эти трансформации, проявлением их недовольства относительно изменений общественного уклада и угрозы росту благосостояния. Увеличение безработицы, падение уровня социально-экономического развития, дифференциация среднего класса, незначительный экономический рост — все эти факторы подорвали сами основы либеральной модели демократии и лишают доверия традиционных выразителей ее идей на политической арене.

Рост популярности протестных партий стал закономерным процессом развития партийно-политических систем европейских стран. Речь идет уже о новой версии популизма, отражающего настроения широких масс населения. Ключевым фактором в данном контексте выступает существенно дифференцированный средний класс, кото-

рый составляет основу электората европейских стран⁵. Именно значительное расслоение этой части населения, его обеднение привели к усилению недовольства сложившейся политической системой европейского общества. В совокупности с указанными проблемами в политической и экономической сферах, в области культурно-цивилизационной самоидентификации и в условиях роста угроз в сфере безопасности, это недовольство выливается в широкий электоральный протест.

В ряде европейских стран на политической арене усилили свои позиции правопопулистские (Италия) или националистические (Германия, Франция, Австрия) силы. В некоторых случаях наблюдается рост поддержки левых «альтернативных» политических объединений (Испания). Общей тенденцией стал беспрецедентный отток электоральной поддержки традиционных политических партий в пользу альтернативных сил.

Партии и движения политической альтернативы, в большинстве своем существенно отличающиеся от традиционных европейских политических сил как по структуре, так и по методам деятельности и своему «политическому портрету», стали выразителями протестных настроений электората.

Рост популярности подобных партий и движений среди различных слоев населения стал подтверждением углубления системного кризиса как Евросоюза и Европы как культурно-цивилизационной общности в целом, так и отдельных европейских стран.

Если в начале 2010-х гг. при упоминании «протестных» партий речь шла преимущественно о представителях правого полюса политического спектра, то в последние годы уже можно говорить о распространении «левого популизма» (партия «Подemos» в Испании). В целом термин «популизм» уже вышел за рамки привычного употребления. «Популистские» лозунги и методы политической деятельности берутся на вооружение партиями различного типа, включая традиционные политические силы. Это связано с тем, что и традиционные, и «альтернативные» партии в условиях обострения политиче-

⁵ Европа в эпоху перемен / Отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.

ской борьбы стремятся любыми способами сохранить или увеличить свою электоральную поддержку.

Партии «нового типа» становятся не просто выразителями протестных настроений электората европейских стран. В отличие от традиционных политических партий эти силы предлагают конкретные меры решения возникающих проблем. Часто это всего лишь кратковременные решения, представленные яркими популистскими лозунгами, однако на фоне роста недовольства граждан европейских стран назревшими проблемами подобная тактика находит отклик у избирателей. Так, достаточно радикальные предложения правых националистических партий по решению вопросов, связанных с мигрантами, часто воспринимаются как единственно возможное решение миграционного кризиса в отдельных странах. «Датская народная партия», например, определяет жесткую миграционную политику страны. Лидер итальянской «Лиги» Маттео Сальвини, занимавший с июня 2018-го по сентябрь 2019 г. пост министра внутренних дел, последовательно претворял на практике объявленные им ранее меры, направленные на ужесточение миграционного законодательства. При этом говорить об успехе подобной тактики пока преждевременно, поскольку подобная политика идет вразрез с генеральной линией ЕС в данной области и в перспективе может осложнить ситуацию внутри общеевропейского дома.

«Альтернативные» партии и движения могут позиционироваться как «антипартии», которые не имеют аналогов в современной партийно-политической системе⁶ и, соответственно, представляют единственный «выход» из сложившегося кризиса. «Протестные» партии могут не укладываться в традиционную схему деления на «правых и левых», а их программные установки включают ряд ключевых вопросов, волнующих значительное число избирателей. Среди них в первую очередь следует выделить экономические проблемы, кризис идентичности в странах Европы, обусловленный увеличением миграционных потоков и размыванием культурных границ. Альтернатив-

⁶ *Нестеров А.Г., Джаяни М.С.* Движение пяти звезд как феномен «протестной партии» в Италии XXI века // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 291.

ные партии как в правом, так и в левом лагере используют в своей риторике одни и те же лозунги, в основном сводящиеся к критике наднациональных структур, «защите» государственного суверенитета и интересов нации и народа. При этом несистемные партии из левого лагеря могут противопоставлять себя системным левым («Непокоренная Франция» и французские социалисты), а обновленные правые дистанцироваться от национал-радикалов и неонацистов («Альтернатива для Германии» и «ПЕГИДА»). Таким образом, альтернативные силы, сочетая популистскую риторику и предлагая ответы на самые острые вопросы современности с рядом традиционных политических установок, характерных для системных партий, фактически демонстрируют более высокий уровень политического реализма.

Для некоторых стран характерен высокий уровень преемственности альтернативных политических сил с традиционными. Так, в Греции ряд подобных партий был сформирован на основе фракций, отколовшихся от традиционных политических сил. Следует выделить «обновленные» несистемные партии, прошедшие путь от крайне радикальных позиций к «облику» системных политических сил («Национальное объединение» во Франции). При этом большинство представителей политической альтернативы в Европе — образованные на волне общественных протестов партии и движения нового типа, сформировавшиеся недавно и не имеющие традиций преемственности с какими-либо историческими партиями. Именно объединения данного типа, как подтверждают результаты электоральных циклов в Италии и Испании, в последние годы добиваются больших успехов.

При этом ставка делается не на конкретные социальные, гендерные, возрастные или иные группы: акцент смещается именно в сторону протестного потенциала, уровень которого представители политической альтернативы повышают практически всеми доступными средствами, включая даже — в отдельных случаях — крайне радикальные идеи.

Характерной особенностью деятельности «протестных» сил стала широкая активность в интернет-пространстве и электронных СМИ, непредсказуемость действий, использование популистских лозунгов и упрощение понятий.

Эти тенденции оказывают непосредственное влияние на уровень реальных протестных акций, число которых заметно выросло в странах Европы. При этом требования протестующих охватывают широкий спектр: от сепаратистских, антиевропейских и антииммигрантских выступлений до аграрных проблем и вопросов образования и социального обеспечения.

Альтернативные политические партии и движения условно можно разделить на три типа: националистические, популистские и сепаратистские⁷. При этом практически все представители политической альтернативы главный акцент в своей риторике делают на сохранении национального государства.

Основой для роста поддержки популистских партий в последние годы стал фактор национальной идентичности, выдвинувшийся на первый план в большинстве европейских стран. Популистская риторика занимает прочные позиции в общественном дискурсе. Избирателей не отталкивают даже сомнительные политические лозунги популистов, предлагающих простые, но заведомо невыполнимые решения.

На фоне падения доверия к наднациональным структурам и смещения фокуса внимания на национальный уровень популизм оказывается неразрывно связан с евроскептицизмом.

При этом евроскептицизм часто оказывается достаточно «подвижным» инструментом: даже самые ярые евроскептики среди альтернативных политических сил не выступают против наднациональных решений, способных принести пользу национальному государству.

В условиях экономических проблем Единой Европы особую тоналность приобретают сепаратистские тенденции. Так, каталонский вопрос в Испании в 2015–2016 гг. на продолжительный срок фактически парализовал процесс формирования национального правительства. Сформированное социалистическое правительство в сложившихся условиях было готово на беспрецедентный шаг — фе-

⁷ Швейцер В.Я. Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новые диспозиции // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Доклады Института Европы РАН № 357. 2018. С. 11.

дерализацию государства. Особое значение в Великобритании в контексте Брекзита получил шотландский и североирландский вопрос. Это в значительной степени осложнило положение правительства консерваторов в Великобритании. В Италии, напротив, сепаратистская по своим программным установкам «Лига» (бывшая «Лига Севера»), получив доступ к высшей исполнительной власти, отказалась от идеи создания независимого государства на севере Италии. При этом прежние установки сменились популистскими лозунгами в духе антииммигрантской риторики и евроскептицизма. На повестке дня, однако, вновь оказалась проблема итальянского Южного Тироля: австрийское правое правительство предлагало Италии предоставить австрийское гражданство немецкоязычному населению региона, а в перспективе готово поднять и вопрос о проведении референдума относительно национальной принадлежности территории.

В целом практически все политические силы современной Европы, выступающие с позиций сепаратизма, можно отнести к «протестным» партиям условно: они находятся ближе к политическому центру («Новый фламандский альянс» в Бельгии, «Конвергенция и Союз» в Испании, «Шотландская национальная партия» в Великобритании)⁸.

Важным показателем эволюции представителей «политической альтернативы» в настоящее время является заметное снижение уровня радикальности политических лозунгов и установок. Так, ряд альтернативных политических сил — особенно тех, которые сумели добиться доступа в высшие эшелоны власти, — отошли от крайних евроскептических взглядов. В первую очередь это связано с тем, что основная часть электората европейских стран, согласно статистическим данным, по-прежнему оказывает доверие наднациональным политическим институтам и не видит иного пути развития для собственного государства, кроме как в рамках Единой Европы. При этом очевидна и тенденция заимствования альтернативными партиями и движениями взглядов представителей традиционного политического истеблишмента. В данном контексте вполне вероятным кажется

⁸ Нарочницкая Е.А. Типология и перспективы европейского сепаратизма // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Доклады Института Европы РАН № 357. 2018. С. 25.

дальнейшее сближение взглядов традиционных и альтернативных политических сил и их сотрудничество в ряде европейских стран.

Снижение уровня радикализма демонстрируется тем фактом, что лидеры альтернативных политических сил в перспективе рассчитывают на приход к власти и реализацию «протестных» идей и заявлений на практике традиционным демократическим путем.

Все это говорит о глубоком расколе в обществе как отдельных национальных европейских государств, так и Европейского союза в целом. Очевидно, что степень поддержки альтернативных политических сил пропорциональна глубине этого раскола и социальных проблем в стране. При этом необходимо учитывать, что подобные кризисные явления в социальной сфере на национальном уровне оказывают значительное воздействие на наднациональные структуры. В свою очередь, кризис европейской интеграционной модели является причиной усиления указанных проблем в странах — членах ЕС.

Поддержка «протестных» политических сил и падение популярности традиционных партий — взаимосвязанные тенденции в политической жизни Европы. Они стали проявлением широкого недовольства политикой, проводимой как правительствами национальных государств, так и наднациональными европейскими структурами.

Результаты выборов различного уровня в странах Европы в последние десятилетия подтверждают рост популярности альтернативных политических сил у электората. С 2014 г. в ряде европейских стран особенно заметным становится рост популярности правоориентированных, часто — антиевропейских, популистских партий и движений. Это нашло отражение в результатах региональных и парламентских выборов 2014–2017 гг. Так, итоги выборов в Европарламент 2014 г. показали рост влияния евроскептиков в политическом истеблишменте стран Европы⁹. Политики правого толка, настаивающие на необходимости восстановления контроля на национальных границах, укрепления национального суверенитета и ограничения миграции, получили поддержку значительной части электората в ряде европейских государств. Ультраправые и правопопулистские партии

⁹ Мозель Т.Н. Тернистый путь европейской интеграции // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4. С. 8.

сформировали в Европарламенте единую фракцию (с участием представителей французских, британских, итальянских, австрийских, бельгийских, голландских, польских парламентариев).

Главной особенностью электорального цикла 2015–2017 гг. стала трансформация европейской партийной системы, основным показателем которой является потеря монополии на власть традиционными системными партиями. Основной опорой правопопулистского — антиглобалистского — движения в Европе стали протестные настроения граждан, интересы и требования которых не учитывались политическими силами, находящимися у власти¹⁰. В отдельных случаях крайне правые силы получили до 30% голосов избирателей на выборах. Дополнительные голоса как правым, так и левым популистам приносит заметное размывание границ между программными установками ведущих политических сил и их нерешительность.

Изменения в расстановке партийно-политических сил в отдельных странах имеют свою специфику. Однако общей тенденцией для европейских государств является рост недовольства электората принятыми политическими решениями, тем более что, сменяя друг друга, во власти зачастую остаются политики одних и тех же взглядов, неспособные принимать действенные решения. В итоге выразителями недовольства становятся популистские или протестные партии и лидеры, которые выступают с лозунгами и идеями, находящими поддержку. Нарастание подобных тенденций является отражением расширяющегося разрыва между ожиданиями электората и тем, что осуществляют на практике политические элиты.

Термин «несистемные партии», ранее использовавшийся в отношении представителей «политической альтернативы», уже фактически несостоятелен в настоящее время: те политические силы, которые прежде оставались «вне системы» в ряде европейских стран, не просто стали ее частью, но и оказывают непосредственное и заметное влияние на ее трансформацию. При этом, став частью системы, сами альтернативные политические силы эволюционируют: в условиях достижения определенного уровня политического влияния, вплоть

¹⁰ О выборах в США и Европе в контексте кризиса неолиберального глобалистского миропорядка. — URL: <https://riss.ru/analytics/40349/>

до формирования национальных правительств, эти силы неизбежно сталкиваются с проблемой соотношения программных установок и реального осуществления властных полномочий. Это влечет снижение радикализации политической риторики и достижение в ряде вопросов консенсуса с политическим истеблишментом. При этом очевидно взаимовлияние риторики традиционных и альтернативных политических сил, что в перспективе может привести к их успешному сотрудничеству в рамках национальных государств.

Трансформация партийно-политических систем в странах Европы, появление новых — «альтернативных» — политических сил, ломка традиционной двухполярной системы свидетельствуют о необходимости системных перемен. Эти явления не могут быть проигнорированы традиционными политическими акторами. В противном случае им грозит сокращение поддержки со стороны населения, а в отдельных случаях — и угроза ухода с авансцены политической жизни.

Одной из основных причин роста популярности многих «протестных» партий стало расширение их социальной базы, включение в нее тех представителей населения европейских стран, которые испытывали негативное воздействие глобализации. В целом кризис глобализации является одной из основных причин роста правого популизма в Европе. Эта тенденция характеризуется радикализацией общества в европейских странах.

Разочарование в традиционных политических силах стало обще-европейским феноменом. Примечательно, что в странах Южной Европы протесты проявляются более бурно — в виде акций на улицах, митингов и активной критики правительства, тогда как в Центральной Европе, в частности в Германии, электорат склонен к компромиссам и выступает за перемены исключительно в рамках парламентской деятельности.

Рост поддержки альтернативных политических сил в странах Европы отразил качественные изменения политического процесса. «Альтернативные» партии появляются как на правом («Национальный Фронт», «Движение Пяти звезд», «Австрийская партия свободы»), так и на левом («Подemos», «СИРИЗА») флангах политического спектра, однако в своей риторике могут использовать одинаковые ло-

зунги, призывая обращать внимание на одни и те же проблемы, волнующие избирателей.

Необходимо отметить, что если ранее (как в Италии в 1990-е гг.) снижение доверия к национальным политикам привело к росту еврооптимизма, то в 2010-е гг. падение популярности партий власти сопровождается усилением евроскептических тенденций и антиглобализма. Большинство как правых, так и левых популистов, составляющих большую часть «протестных» партий, объединяет критика Евросоюза как «проекта», игнорирующего интересы простых граждан стран-участниц.

С изменением традиционных политических сил меняется весь ландшафт политической жизни Европы, что неизменно влечет за собой трансформацию как власти национального уровня, что особенно заметно на данный момент в таких странах, как Италия, Испания, Польша, так и наднационального уровня управления. Системный кризис Евросоюза, способствовавший появлению большинства «несистемных» политических партий и движений, под их влиянием — в связи с ростом их электоральной поддержки и той заметной ролью, которые эти силы стали играть в национальных государствах, — входит в следующую фазу, которая может стать этапом существенной трансформации ЕС.

Дальнейшее существование Европейского союза, его политических институтов и экономического пространства, самого интеграционного объединения — самого успешного в истории — в настоящее время не вызывает сомнения. Однако становится очевидным, что под воздействием внутривнутриполитических трансформаций в странах Европы, которые невозможно игнорировать на наднациональном уровне, общеевропейский дом также подвергается изменениям. Будущее Евросоюза сейчас зависит от того, насколько успешными окажутся на политической арене национальных государств партии и движения нового типа и как эти силы смогут сотрудничать в рамках Единой Европы.

Еще недавно считавшиеся маргинальными, фактически исключенные из политического истеблишмента силы занимают прочные позиции в политическом ландшафте европейских стран. Рост их влияния внутри национальных государств оказывает воздействие

как на внешнюю политику последних, так и на ситуацию в общеевропейском доме. Важным фактором роста популярности представителей политической альтернативы стала тенденция к созданию имиджа более умеренных, уважаемых участников политического процесса и их отмежевание от маргиналов с радикальной риторикой. Эти альтернативные силы, однако, создают угрозу общеевропейской стабильности, даже несмотря на смягчение антиевропейской риторики: они по-прежнему делают акцент на национальной идентичности, необходимости обеспечения национальной безопасности, сохранении национальных границ и суверенитета за счет наднационального уровня.

Очевидно, что представителям традиционных политических элит не удастся найти способ вытеснить с политической арены новые альтернативные силы. Можно констатировать глубокую укорененность в общественном сознании тех идей, которые последовательно проповедуют представители политической альтернативы. Вероятно, в тех странах, где представителям партий и движений нового типа, уже достигшим определенного уровня политического влияния, не удастся реализовать на практике эти идеи и оправдать ожидания электората, произойдет отток голосов избирателей в пользу либо традиционных, либо более умеренных новообразованных политических сил. Однако феномен политической альтернативы, прочно укрепившийся в партийно-политическом ландшафте современной Европы, вряд ли отойдет на задний план. Уровень кризисных явлений на современном этапе развития европейского общества свидетельствует о потребности альтернативных решений назревших проблем, и традиционные политические силы уже не смогут найти приемлемые условия их решения. Включение представителей политической альтернативы в политическую жизнь европейских стран, их превращение из «несистемных» в «системные» партии становится той необходимостью, которая лежит в основе стабилизации современного европейского общества.

* * *

Одной из ключевых проблем для Единой Европы на современном этапе стала очевидная разобщенность европейского сообщества,

нуждающегося в кардинальном пересмотре если не устоявшихся форм, то способов осуществления работы интеграционной модели. Солидарность стран — членов ЕС оказалась под сомнением именно в тот момент, когда более всего была необходима Союзу. При этом выдвижение на первый план отошедших ранее в тень национальных принципов, традиций, культур способствует обновлению всей европейской идентичности, восстановлению различных, но схожих основ цивилизационной общности стран Европы. Именно эти ценности — взамен аморфных ценностей «общечеловеческих», глобализационных — могут в итоге стать новым стимулом углубления интеграции, обновленной основой европейской цивилизации. «Единство различий», в конечном итоге, ничем не уступает единству глобализации, но позволяет сохранять национальные ценности и приоритеты, тем самым снижая уровень отторжения идеи наднационального контроля, возросший в последние годы. Важную роль в данном контексте по-прежнему играют политические силы европейских стран — традиционные и «альтернативные», возрастает и роль религиозных институтов. Феномен «политической альтернативы», ставшей неотъемлемой частью европейской политической жизни в последние годы, безусловно, является одним из самых ярких показателей многофакторного кризиса Евросоюза. Однако можно предположить, что эволюция представителей «политической альтернативы», их стремление отвечать запросам граждан национальных государств в перспективе смогут стать стабилизирующим фактором потерявшей устойчивость под воздействием новых вызовов и угроз европейской политической жизни.

Единая Европа, столкнувшись с самым серьезным кризисом за весь период своего существования, может отыскать решение новых проблем «старыми» средствами — обратившись к основам европейской цивилизации, используя исторический опыт и культурное богатство отдельных национальных государств на уровне интеграционного объединения.

Тимакова Ольга Александровна

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Средиземноморский регион остается точкой пересечения интересов многих акторов мировой политики и мировой экономики. Средиземноморье сегодня представляет собой «геополитический парадокс»¹: регион является одновременно и фрагментированным, и в то же время взаимосвязанным.

С одной стороны, архитектура безопасности, на которой строится политическая, экономическая, социальная и культурная стабильность Средиземноморского региона, вызывает все большие сомнения из-за множества кризисов, противостояния интересов мировых держав, идеологических и межрелигиозных столкновений. С другой стороны, регион является платформой для экономических, энергетических и инфраструктурных связей между Европой, Африкой и Азией.

За последнее десятилетие регион претерпел глубокую трансформацию. Масштабные вызовы — политическая нестабильность, терроризм, миграция, экологические проблемы и стихийные бедствия — невозможно контролировать исключительно в пределах субрегионов. Кризисные тенденции на Ближнем Востоке и в большей части Северной и Центральной Африки могут вызвать непредсказуемые, а главное значительные побочные эффекты, сказывающиеся не только на региональной безопасности и стабильности, но и на функционировании мировой системы.

Интересы трансатлантического сообщества на протяжении многих веков были связаны с регионом Средиземноморья. Однако дестабилизационные события второго десятилетия XXI века привели к тому, что теперь Средиземноморье рассматривается государствами Евро-Атлантики как источник экзистенциальных угроз, лишь некото-

¹ The Italian Strategy in the Mediterranean. Stabilizing the Crises and Building a Positive Agenda for the Region. Rome: Farnesina. 2018. — URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-eng.pdf>.

рые из них: нестабильность и радикализм, неконтролируемая миграция, организованная преступность и терроризм.

Эту тенденцию признают на официальном уровне в государствах Европы, а также и в ЕС, и в НАТО. Если, например, Стратегия Безопасности Европейского союза 2003 г. декларировала, что «Европа никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной»², то уже к 2016 г. возникло понимание, что что «[ЕС] нужна более сильная Европа. Это то, чего заслуживают наши граждане, этого ожидает весь мир. Мы живем во времена экзистенциального кризиса как в Европейском союзе, так и за его пределами», констатируется в Глобальной стратегии³.

В рамках европейского политического дискурса сформировалось понимание «новой нормальности»⁴, под которой подразумеваются взаимозависимые кризисные тенденции в ближнем зарубежье, которые усугубил коронавирусный кризис. Определение такой ситуации дали исследователи Х. Риттель и М. Веббер еще в 1973 г.: «В основе этого ощущения фундаментальной незащищенности лежит не только количество кризисов и угроз в Европе и за ее пределами, но и понимание того, что они по своей сути сложны: сегодняшние кризисы характеризуются множеством взаимозависимостей, выходящих за пределы не только географических границ, но и технических, политических и дисциплинарных, а также отсутствием готовых решений»⁵.

Для достижения стабильности, которая имеет критическое значение для всех акторов, как региональных, так и внерегиональных, необходимо понимание концептуального видения региона и взаимосвязи ключевых кризисных тенденций, среди которых были выделе-

² European Security Strategy — A Secure Europe in a Better World// European Council. 2003.

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy// European Union. 2016.

⁴ *Witney N., Dennison S.* Europe's Neighbourhood: Crisis as the New Normal// European Council on Foreign Relations. Policy Memo. 2015.

⁵ *Rittel H.W.J., Webber M.M.* Dilemmas in a General Theory of Planning// Policy Sciences. 1973. No 4. P. 155–169.

ны: общая нестабильность и радикализация политического процесса, миграционный кризис и экологические угрозы.

Концептуализация Средиземноморского пространства

Подходов к концептуализации Средиземноморского пространства осуществлялось большое количество. В целях систематизации подходов в рамках исследования логично будет выделить две большие группы работ. Одна группа — условно обозначенная как «европейский подход» — подразумевает видение Средиземноморского региона как зону единения и сотрудничества. Вторая — названная «подход Юга» — указывает на фрагментированность и взаимозависимость региона и предполагает негативные коннотации колониального прошлого.

1. «Европейский подход»

Традиционно принято исходить из основополагающего труда Ф. Броделя⁶, посвященного концептуализации Средиземноморья. Взяв за отправную точку XVI век, он постулировал единство средиземноморской цивилизации, важной особенностью которой является ее гомогенность и значимость этой цивилизации для истории всего человечества.

Продолжателями исследований Ф. Броделя стали П. Хорден и Н. Парселл⁷, которые в 2000 г. опубликовали монументальное исследование о Средиземноморском пространстве и агентах в рамках школы конструктивизма. Они также утверждали «отличительную целостность» Средиземноморья и строили свою работу на дифференциации агентов Средиземноморья и агентов, действующих в Средиземноморье. Авторы расширили концепцию Броделя: если Бродель видел географию системообразующим элементом региона, то Хорден и Парселл добавляют социальные связи между сообществами,

⁶ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.

⁷ Horden P., Purcell N. The corrupting sea: A study of Mediterranean history. Oxford, England/Malden, Mass: Blackwell. 2000.

т.е. взаимозависимость микросред, или, как они их называют, «микро-экологий». Более того, взаимосвязи выстраиваются главным образом для скоординированного ответа сообществ на вызовы окружающей среды, природные катастрофы и изменение климата.

Единство Средиземноморского пространства в дальнейшем широко изучалось. В том числе можно выделить теории, утверждающие, что единство состоит, как ни парадоксально, в изменчивости региона⁸. При этом отмечается, что хотя Европа и Средиземноморье неразрывно связаны, последние события демонстрируют преобладание нарратива дезинтеграции и делегитимации, причина которых кроется в гибридных угрозах.

Дискурс необходимости борьбы с гибридными угрозами и достижения стрессоустойчивости в политическом пространстве как Европейского региона, так и ближайшего зарубежья настолько прочно вошел в европейские экспертные и официальные дискуссии, одновременно не получив достаточного уровня концептуального осмысления, что это привело к потере его смысловой наполненности. Аналитическое издание *Foreign Policy* выразилось по этому поводу более жестко: «Если на конференции по европейской безопасности сыграть в игру, где участники должны выпить каждый раз, когда упомянуты “гибридные угрозы” или “гибридная война”, то вскоре все напьются»⁹.

Анализ стратегии Европейского союза по отношению к государствам ближнего зарубежья чаще всего рассматривается именно в рамках программ соседства. В целом Европа рассматривает себя как «нормативную силу», чье влияние на мировую политику заключается в том, чтобы подавать идеальный пример источника мира, благополучия и демократии¹⁰. А система отношений с соседями

⁸ *Abulafia D.* Mediterranean history as global history // *History and Theory*. 2011. № 50(2). P. 220–228.

⁹ *Gramer R.* The Definitive European Security Conference Drinking Game // *Foreign Policy*. 17.02.2017. — URL: <https://foreignpolicy.com/2017/02/17/european-security-conference-drinking-game-nato-eu-brussels-panel-networking-and-noshing-on-stale-pastries/>

¹⁰ *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. No 40(2). P. 235–258.

в регионе Средиземноморья в рамках, например, Барселонского процесса 1990-х гг. в целом воспринимается как реализация концепции «вечного мира» И. Канта¹¹.

Неспособность Европейского союза выработать общий подход к восстаниям «арабской весны» продемонстрировала, что такой оптимизм и даже самоуверенность явно не соответствуют реалиям политического процесса в Средиземноморье. Необходимо обратить внимание, что экспертное сообщество в Евро-Атлантике не игнорировало угрозы с Юго-Востока Средиземноморья. Еще в 1990-е гг. исследователи указывали, что Запад должен поддерживать стабильность на Ближнем Востоке, или «[он] дестабилизирует Запад»¹².

Лейтмотивом новой политики ЕС в регионе Средиземноморья выбрана концепция стрессоустойчивости — Глобальная стратегия Европейского союза, опубликованная в 2016 г., обозначила стрессоустойчивость как главный руководящий принцип всей внешней политики Союза¹³. Концепт «стрессоустойчивости», несколько десятков раз упомянутый в Стратегии, призван заменить настолько же неопределенную концепцию «стабильности», а также концепции «демократизации», «прав человека» и «гуманитарной безопасности», которые обычно соседствуют с ним в документах¹⁴.

«Стрессоустойчивость» остается довольно широким и неопределенным понятием. Эксперты и аналитики¹⁵ способствовали его большей проработке, но единого подхода к стрессоустойчивости вы-

¹¹ *Cusumano E., Hofmaier S.* Projecting Resilience Across the Mediterranean. Cham: Palgrave Macmillan. 2020.

¹² *Havel V.* NATO's Quality of Life// New York Times. 13.05.1997. — URL: <https://www.nytimes.com/1997/05/13/opinion/nato-s-quality-of-life.html>.

¹³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy// European Union. 2016.

¹⁴ *Wagner W., Anholt R.* Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising?// Contemporary Security Policy. 2016. № 37(3). P. 414–430.

¹⁵ *Bourbeau P.* On Resilience. Cambridge: Cambridge University Press. 2018; *Chandler D., Coaffee J.* (Eds.) The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge. 2016; *Coaffee J.* From Counterterrorism to Resilience// The European Legacy. 2006. № 11(4). P. 389–403.

работано не было, более того, на практике данный термин может подразумевать различные стратегии.

Некоторые ученые утверждают, что стрессоустойчивость пришла в теорию международных отношений из биологии, а конкретно — экологии. Концепция стрессоустойчивости в соответствии с дарвинистской логикой подразумевает адаптацию к изменениям окружающей среды и в конечном итоге влечет за собой выживание сильнейших, «естественный отбор» в мировой политике¹⁶. Наблюдается «тревожный консенсус», как выразился профессор Университета Шеффилда Дж. Джозеф, между государствами, бизнесом и другими акторами мировой политики и стрессоустойчивость по умолчанию и без всякого сомнения подразумевает ценность, к которой нужно стремиться любой ценой¹⁷.

Концепция стрессоустойчивости постоянно упоминается не только в стратегических документах Европейского союза, но и отдельных государств Европы. В частности, данная концепция фигурирует в документах Великобритании, Дании, Франции, Швеции и Швейцарии¹⁸. Более широко концепция стрессоустойчивости применяется и международными институтами. Например, ПРООН, в том числе в рамках Целей тысячелетия, указывает на достижение стрессоустойчивости сообществ как на эффективную стратегию противодействия государственной несостоятельности¹⁹.

В самой Стратегии ЕС стрессоустойчивость определяется весьма размыто, как «способность государств и обществ к реформам, таким образом противостоя и восстанавливаясь от внутренних и внешних

¹⁶ Walker J., Cooper M. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation// Security Dialogue. 2011. № 42 (2). P. 143–160.

¹⁷ Joseph J. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.

¹⁸ См., например: Defining Disaster Resilience: A DFID Approach Paper. London: UK Department of International Development// United Kingdom Department of International Development. 2011.

¹⁹ Towards Human Resilience: Sustaining MDG Progress in an Age of Economic Uncertainty. New York: United Nations Development Programme (UNDP). 2011.

кризисов»²⁰. Следовательно, можно утверждать, что создание стрессоустойчивых государств, а также государственных институтов и гражданского общества в Юго-Восточном Средиземноморье (в субрегионах Магриба, Сахеля, Леванта) является одинаково необходимым для ЕС, НАТО и государств-членов.

Для интерпретации положений Глобальной стратегии ЕС в 2017 г. было выработано совместное коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя ЕС по внешней политике под названием «Стратегический подход к стрессоустойчивости во внешней политике ЕС»²¹. Европа теперь намерена сосредоточиться не только на предотвращении кризисов или любых других потрясений как таковых, но и на поддержании функционирования институтов в условиях шока и посткризисного восстановления государств.

Глобальная стратегия показывает, что ключевые идеи Стратегии 2003 г. по-прежнему актуальны для Европы: в 2003 г. констатировалось, что «лучшая защита [европейской] безопасности — это мир хорошо управляемых демократических государств». Стратегия 2016 г. в подобной манере утверждает, что «в основе стрессоустойчивого государства» лежит стрессоустойчивое общество, ключевыми чертами которого указываются «демократия, доверие к институтам и устойчивое развитие». Совместное коммюнике подтверждает приверженность ЕС принципам демократии и фундаментальным правам человека, на которых будет основаны все внешнеполитические акции Союза, и поясняется, что плохое государственное управление, несоблюдение демократии, прав человека и верховенства закона, гендерное неравенство, коррупция и недостаточная репрезентация групп населения представляют фундаментальный вызов эффективности усилий по развитию стрессоустойчивости. Недееспособное государство угрожает жизненно важным интересам ЕС. А недееспособность

²⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy// European Union. 2016.

²¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action// European Commission/High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 2017.

исходит из недемократичности и несоблюдения прав человека, поскольку «репрессивные режимы по своей природе недееспособны», а противостоять этому поможет стрессоустойчивость.

2. «Подход Юга»

Второй подход основан на предположении об окончательном разобщении и конфликтной природе Средиземноморского региона. Средиземное море в таком случае превращается в границу или разделительную линию между цивилизациями.

Одна из теорий предполагает, что Южный берег представляет экзистенциальную угрозу для Севера, как, например, в знаменитой работе С. Хантингтона²². В «Столкновении цивилизаций» происходит возврат к роли культурного императива в мировой политике и констатируется безальтернативность конфликта между Западом и мусульманским миром.

Противоположная ей теория устанавливает, что именно Северный берег подрывает развитие Юга, — в данном случае значимы постколониальные интерпретации, в том числе как ответ на теорию Хантингтона. Исследователи постколониальной парадигмы идентифицировали Средиземноморский регион как центральную точку соприкосновения между доминирующим Глобальным Севером и противостоящим ему Глобальным Югом.

В то время как первая теория фокусируется на материализации культурных ценностей и норм, вторая считает основным фактором экономическую эксплуатацию и несправедливую конкуренцию. Подход Хантингтона, первоначально являвшийся реакцией на другую не менее известную и спорную работу Ф. Фукуямы — «Конец истории», получил особое распространение после трагических событий 11 сентября 2001 г., в частности в форме публицистического популизма²³. Концепция Хантингтона часто критикуется за чрезмерное упро-

²² *Huntington S.P.* The clash of civilizations?// *Foreign Affairs*. 1993. No 72 (3).

²³ *Abrahamian E.* The US media, Huntington and September 11// *Third World Quarterly*. 2003. No 24 (3). Pp. 529–544; *Bottici C., Challand B.* Rethinking

щение: например, многие конфликты интересов рассматриваются как конфликты ценностей, а внутрирегиональные конфликты (в рамках одной цивилизации) игнорируются в принципе²⁴.

С точки же зрения постколониализма, существует фундаментальный конфликт между Севером и Югом Средиземноморья — он происходит от неспособности европейских акторов к рефлексии и исправлению ошибок их колониального прошлого²⁵. Возвращаясь к идеям Э. Саида о том, что воображаемая география способна превратить расстояние в различия, постколониалисты утверждают, что это уже произошло в Средиземноморье: разделение на «мы — они» становится нормативным основанием для несправедливых практик. И несмотря на то что Средиземноморье представляет собой систему с множеством структурных связей, регион останется дестабилизированным из-за неразрешенных глубинных противоречий²⁶. Более того, все программы сотрудничества, инициированные Европой в регионе, являются или попыткой обозначить и закрепить разграничительную линию²⁷, или «замаскировать неоколониальные концепции под транснациональные идеи»²⁸.

Данные теории в значительной степени влияют на восприятие политического процесса в Средиземноморье элитами и обществами Юго-Востока региона. Подход ЕС к определению акторов, инструментов и повестки взаимодействия в регионе без учета интересов самих региональных государств лишь усугубил эту тенденцию.

С конца 2010 г. арабские восстания стали поворотным моментом в

political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy// *European Journal of Social Theory*. 2006. No 9(3). Pp. 315–336.

²⁴ *Gerges F.A.* America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: Cambridge University Press. 1999.

²⁵ *Bicchi F.* The Mediterranean, between unity and fault line// *Global Affairs*. 2018. No 4(2–3). Pp. 329–339.

²⁶ *Chambers I.* Mediterranean crossings: The politics of an interrupted modernity. Durham, NC: Duke University Press. 2008.

²⁷ *Pace M.* The politics of regional identity: Meddling with the Mediterranean. London/New York: Routledge. 2006.

²⁸ *De Cesari C.* Museums of Europe: Tangles of memory, borders, and race// *Museum Anthropology*. 2017. No 40(1). Pp. 18–35.

отношениях между ЕС и регионом Ближнего Востока и Северной Африки. Изменение политического, экономического и социального восприятия Европы в шести странах — Египет, Ирак, Иордан, Марокко, Тунис и Ливия — отражено, например, в опросе ТрансАраб, который показал несоответствие между тем, «что ЕС, как он считает, добился в регионе, и местным восприятием провала политики ЕС в его влиянии и воздействии на регион»²⁹.

Отсутствие прогресса в различных инициативах ЕС по Евро-средиземноморскому партнерству с момента начала кризисов «арабской весны» привело к потере общественного доверия в регионе. Например, такую тенденцию демонстрируют опросы ЕвроМед и МедРесет³⁰. В частности, респонденты указывают, что ЕС в качестве поставщика мира и гаранта безопасности и стабильности воспринимается лишь незначительным количеством населения, так как он не в состоянии удовлетворить ожидания южных партнеров в вопросах безопасности и экономического развития. Большинство же убеждены, что реакция ЕС на события «арабской весны» оказалась провалом: несмотря на возможность реализации принципов Союза по продвижению демократии, прав человека, верховенства закона и уважения к человеческому достоинству, скоординированной стратегии Европы не было.

Критика ЕС усугубляется политикой Союза в противодействии миграционному кризису и секьюритизацией им данной проблемы, а в условиях коронавирусной пандемии остановкой всех миграционных потоков в Европу в принципе³¹. Отдельно отмечается, что ЕС настаивает на усилении пограничного контроля, возвращении беженцев, как это предусмотрено в новой Миграционной стратегии вместо

²⁹ The Arab Transformations Project: Executive Summary// ArabTrans, 2016. — URL: http://arabtrans.eu/documents/ArabTrans_Executive_Summary.pdf.

³⁰ 5th Euromed Survey of Experts and Actors// IEMed, Barcelona, 2014; Elite Survey: How Local Elites Perceive the EU and its Policies in the Mediterranean// MEDRESET, December 2018. — URL: <http://www.medreset.eu/?p=13741>.

³¹ What do “The People” Want? Citizens’ Perceptions of Democracy, Development, and EU-MENA Relations in Egypt, Iraq, Jordan, Libya, and Morocco in 2014// European Policy Briefs, May 2016. — URL: http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_briefs/arabtrans_pb_062016.pdf.

того, чтобы обеспечить защиту фундаментальных прав человека, которые являются высшей ценностью для Европы.

Дополнительно роль и политика ЕС как международного актора часто смешиваются в сознании людей с действиями отдельных государств или других организаций, например НАТО. У альянса не лучшая репутация в Юго-Восточном Средиземноморье. Несмотря на отсутствие систематических данных опросов общественного мнения конкретно по этому вопросу, крайне вероятен общественный негативный консенсус к НАТО в большинстве стран региона. НАТО даже на уровне элиты, военнослужащих и экспертов рассматривается с некоторым скептицизмом, а намерения альянса на юге, как правило, воспринимаются негативно. Операция в Ливии — или, скорее, последствия ее — оказывает дополнительный отрицательный эффект.

Страны Юго-Восточного Средиземноморья к тому же не воспринимают регион как единое целое. В исследовании, проведенном в девяти странах Северной Африки и Ближнего Востока, концептуализация Средиземноморья в нарративах элит выявляет «фрагментацию»: регион описывается очень «неоднородным» в его политических, социальных и экономических аспектах³². Скорее, акцент делается на взаимодействии в регионе Большого Средиземноморья, что частично или полностью размывает концепцию уникальной среды региона. Эти страны рассматривают ЕС как «мягкую власть» в экономической сфере, и перспективы взаимодействия в данном случае ограничиваются торговлей и деловыми контактами. Что же касается политических отношений или решения проблем безопасности, то влиятельными акторами здесь признаются внерегиональные силы: США, Россия, Китай.

Что касается содействия демократии в Юго-Восточном Средиземноморье, то политика ЕС не всегда рассматривается как отвечающая внутренним потребностям и интересам стран региона. Эксперты утверждают, что акцентирование усилий Европы на продвижении собственной модели демократии ведет к недостаточному пониманию специфики и акторов региона. В результате местные элиты обращают внимание, что заявленные цели и задачи ЕС не реализованы.

³² *Görgülü A., Kahyaoglu G.D.* The Remaking of the Euro-Mediterranean Vision. Bern: Peter Lang AG. 2019.

Среди местных элит существует все же общее предположение о том, что ЕС должен быть среди акторов, вовлеченных в разрешение региональных кризисов и предотвращение эскалации обстановки. Но при этом указывается на необходимость изменения европейского подхода к различным взаимосвязанным угрозам в регионе.

Нестабильность и радикализация пространства Средиземноморья

Начиная с середины 1990-х гг., популярность получил подход о «дуге нестабильности», включающей все Юго-Восточное побережье Средиземного моря. Данная концепция отражает идею о том, что в целом стабильная стратегическая среда Средиземноморья проверяется на прочность периодическими конфликтами и кризисами на Южном побережье. В рамках этой теории кризисы, хотя и могут представлять серьезную угрозу, являются спорадическими и ограниченными по времени, разрешить их можно традиционными методами антикризисного управления и адаптацией архитектуры безопасности. Через десять лет после начала революций «арабской весны», в дополнение к непрекращающимся конфликтам в Афганистане и Ираке, войне в Сирии и нестабильности в Ливии, пришло понимание, что кризис в Средиземноморье принял перманентную форму. Арабские восстания и их последствия способствовали восприятию района как зоны неуправляемого хаоса.

В конце 2010 г. начались массовые протесты, получившие обобщенное название «арабская весна», а иногда «арабские восстания», изменившие регион и не прекращающиеся до сих пор. Недавний пример: новая волна протестов в Алжире и Судане вынудила действующих президентов подать в отставку. Как указывают западные эксперты, вопрос с созданием стабильных демократических институтов управления далек от завершения³³.

³³ Sudan and Algeria Overthrow Despots but Not Their Political Systems// The Economist. April 17, 2019. — URL: <https://www.economist.com/international/2019/04/20/sudan-and-algeria-overthrow-despots-but-not-their-political-systems>.

Протесты «арабской весны» отличались от предыдущих масштабных выступлений тем, что не были идеологически мотивированными или политическими в традиционном смысле этого слова. Главной движущей силой стала фрустрация населения и тяжелая экономическая ситуация.

Арабскими же экспертами данные события воспринимаются как начало кардинально нового этапа развития региона. Например, в книге Хамида Дабаша «Арабская весна: конец постколониализма» автор подчеркивает, что арабские восстания, в их транснациональном духе, демонстрируют преобразование арабского сознания, отход от идей мистификации, навязанных колониальным прошлым³⁴. Он утверждает, что, как и социализм, национализм и исламизм — это идеологические конструкты, унаследованные от колониального правления, которые служат для создания иллюзии разделения мира на центр и периферию — Запад и остальных.

Восстания в их начальных фазах показали перспективы серьезных политических и социальных изменений и ставили вопрос о смене системы регионального порядка. Однако существующая система оказалась более стрессоустойчивой, чем хотели признать многие официальные лица и аналитики. Восстания привели к очень разным результатам в разных частях арабского мира, но по большей части они не достигли тех целей, что требовали демонстранты. Арабские восстания остановились, а в некоторых государствах фактически повернули развитие событий в обратном направлении³⁵. Режимы в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене были свергнуты, но чем дальше развивается ситуация, тем больше она возвращается в предконфликтное состояние. Непрекращающиеся конфликты в Ливии, Сирии и Йемене стали причиной самого тяжелого в современной истории гуманитарного кризиса и привели к массовому оттоку населения, спровоцировав европейский миграционный кризис, который в свою очередь привел

³⁴ *Dabashi H.* The Arab Spring: The End of Postcolonialism. NY: Zed Books. 2012.

³⁵ *The Arab World Beyond Conflict.* Arab Center Washington DC. Washington, DC: ACW. 2019.

к поляризации европейской политики. В Леванте также остро стала проблема государственности и государственных границ. Сложный, интернационализированный конфликт в этом субрегионе осложняется также арабо-израильским противостоянием и является одной из главных «горячих точек», урегулирование которой в ближайшей перспективе не предвидится. На фрагментацию и распад региональной системы безопасности повлияли также появление террористической организации Исламское государство³⁶ в Ираке и Сирии, возрождение этнических сепаратистских движений в Курдистане и эскалация меж- и внутриконфессиональных противоречий.

В Египте «арабская весна» сначала привела к власти исламистскую партию «Братья-мусульмане», но в течение года восстановила военное правление, созданное еще Гамалем Абдель Насером, которое возглавил нынешний президент Абдель Фаттах аль-Сиси. Только в странах Магриба массовые демонстрации привели к относительно мирному процессу реформ: государственные лидеры и правительства подали в отставку, политические системы стали несколько более инклюзивными. Страны Персидского залива, где не произошло никаких восстаний, за исключением быстро подавленного в Бахрейне, продемонстрировали стрессоустойчивость правительств, способных быстро адаптироваться к внешним условиям, и начали процесс реформ в обществе.

«Арабская весна» первоначально была провозглашена на Западе как своего рода демократическое пробуждение. Одновременно, еще в 2011 г., сразу после начала народных волнений в регионе, Глава комиссии ЕС по расширению и политике соседства Стефан Фюле признал неспособность Евросоюза достаточно четко обозначить свою позицию по защите прав человека и поддержке местных демократических сил и даже ошибочность их предположения, что авторитарные режимы были гарантией стабильности в регионе³⁷. Однако последующее развитие событий в регионе поставило под сомнение существую-

³⁶ Запрещена в Российской Федерации.

³⁷ *Stefan Füle*. Speech on the Recent Events in North Africa// European Commission. Brussels, 28 February 2011. — URL: <http://europa.eu/rapid/press-releaseSPEECH-11-130en.htm>.

ющие системы регионального управления и резко поменяло представление Брюсселя о Юго-Восточном Средиземноморье от «кольца друзей» на «кольцо огня»³⁸. Среди элит и экспертного сообщества развивался нарратив, что Средиземноморье теперь преимущественно нестабильное пространство и источник угроз ЕС и его государствам-членам³⁹.

Рычаги влияния стран Северного Средиземноморья на Южное для поддержания стабильности не так многочисленны. Несмотря на то что западные организации (ЕС и НАТО) пропагандируют «политику открытых дверей», страны Юго-Восточного Средиземноморья не входят в список стран-кандидатов, для которых существует возможность членства даже в отдаленной перспективе. Включение стран Центральной, Восточной Европы и Балканского полуострова в ЕС и НАТО, хотя и не лишено критики, позиционируется как несомненный успех организаций и важный шаг в поддержании стабильности в Европе. Страны Северной Африки и Ближнего Востока не имеют такого же стимула для проведения всеобъемлющих реформ и согласования собственной политики с принципами и нормами ЕС и НАТО.

Неэффективность ЕПС для адекватной реакции на «арабскую весну» и поддержки развивающихся процессов политической либерализации, в сочетании с вспышкой новых конфликтов, привели к пересмотру политики ЕС в 2015 г.⁴⁰ Ключевой характерной чертой подхода

³⁸ *Maass A.* Financial Instruments and the European Neighbourhood Policy/ In T. Schumacher, A. Marchetti, T. Demmelhuber (Eds.) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. Oxon: Routledge. 2017. P. 234–245; *Bildt C.* Europe Surrounded Not by a Ring of Friends-But by a Ring of Fire. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies. 2015.

³⁹ *Schumacher T.* Uncertainty at the EU's Borders: Narratives of EU External Relations in the Revised European Neighbourhood Policy Towards the Southern Borderlands// *European Security*. 2015. No 24 (3). P. 381–401.

⁴⁰ Review of the European Neighbourhood Policy. JOIN(2015) 50 final. European Commission. Brussels. November 18, 2015. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf; European Neighbourhood Policy (ENP). European External Action Service. Brussels. December 21, 2016. — URL: https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/northern-dimension/330/european-neighbourhood-policy-enp_en.

Европы к созданию кольца стрессоустойчивых государств является то, что ответственность за безопасность сдвигается от государственных институтов к представителям гражданского общества, которые позиционируются как «активные и ответственные участники сферы безопасности»⁴¹. В случае если правительства не могут обеспечить безопасность на подконтрольной территории или оградить государство от угрозы извне, гражданам следует самоорганизоваться на местах для обеспечения безопасности сообществ.

Геополитика региона также существенно изменилась с 2011 г. Попытки ЕС проецировать стабильность (или влияние) на регион, как уже было указано в предыдущем разделе статьи, вынуждены соперничать с аналогичной политикой внерегиональных акторов. Например, с 2015 г. Россия заявила о себе как о гаранте безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Столкновение интересов ведущих мировых держав в Средиземноморье несет несомненный дестабилизирующий эффект, проецируя борьбу за новый мировой порядок на достаточно взрывоопасный регион, одновременно способствует сохранению государственности и предотвращает хаос и распространение терроризма.

В регионе началась борьба за так называемое региональное лидерство, или региональную гегемонию. Кроме внерегиональных акторов, цели которых, в первую очередь, связаны не с региональными интересами, а глобальными, среди самых активных участников противостояния — Турция, Саудовская Аравия, Иран. Страны Персидского залива, в частности Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, проявили себя в большей степени в конфликте в Йемене, но их влияние заметно и в сирийском конфликте. Иран, являясь одним из главных участников конфликта в Сирии, использует широкую сеть прокси для установления своего влияния в разных странах региона.

Что же касается главного внерегионального актора региона — Соединенных Штатов Америки, — то уже при администрации Б. Обамы начался процесс «поворота в сторону Азии» и отход США от уча-

⁴¹ *Coaffee J., Fussey P. Constructing Resilience Through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience// Security Dialogue. 2015. No 46(1). P. 86–105.*

ствия в региональных взаимодействиях. Соединенные Штаты были одним из центральных элементов региональной системы безопасности в Юго-Восточном Средиземноморье в течение нескольких десятилетий. Еще в начале 2000-х гг. эксперты были уверены, что «любая будущая система безопасности региона будет невозможна без военного присутствия США»⁴². Но уже больше 10 лет официальные лица и исследователи сходятся во мнении, что США утратили *raison d'être* своей политики в регионе. На протяжении десятилетий как до, так и после холодной войны стратегические интересы Америки в регионе были сконцентрированы на вопросе нефти. Во втором десятилетии 2000-х гг. импортируемая из региона нефть перестала иметь такое же значение для экономики США, как это было в 1980-е гг. Именно Б. Обама впервые заявил о том, что военное присутствие США на Ближнем Востоке более не необходимо⁴³. А стратегия Б. Обамы «лидерства из-за сцены» (*leading from behind*) являлась полной противоположностью интервенционистской стратегии его предшественника Дж. Буша-мл. и была сразу интерпретирована как признание Соединенными Штатами окончания своей региональной гегемонии⁴⁴.

Гуманитарная безопасность и миграционный кризис в Средиземноморье

С начала 1990-х гг. концепция человеческой, или гуманитарной, безопасности занимала значительное место в глобальных дискурсах мира, устойчивого развития и прав человека, несмотря на критику, касающуюся ее концептуальной двусмысленности. Проблема беженцев и перемещенных лиц является одной из самых сложных гуманитарных и политических проблем, определяющих политический процесс в современном Юго-Восточном Средиземноморье.

⁴² *Wehrey F., Sokolsky R.* Imagining a New Security Order in the Persian Gulf. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2015.

⁴³ *Sick G.* US Persian Gulf Policy in Obama's Second Term // Gary's Choices. March 19, 2013. — URL: <https://pomaps.org/the-obama-doctrine>.

⁴⁴ *Ehteshami A.* Making Foreign Policy in the Midst of Turmoil // R. Hinnebusch, A. Ehteshami (eds.) *The Foreign Policies of Middle East States*. Boulder, CO: Lynne Rienner. 2014.

Причины вынужденной миграции часто имеют гибридный характер: несовершенство государственных институтов управления; демографическая проблема; конкуренция за контроль над распределением ресурсов; трайбализм; слабая судебная система; но самое главное — военные конфликты. Непрекращающиеся кризисы в Сирии, Ираке и Ливии стали причиной самого крупного миграционного кризиса после Второй мировой войны. Европа, благодаря своей географической близости, безопасности и экономической стабильности, является предпочтительным пунктом назначения для мигрантов из Африки и Ближнего Востока. Миграция в Европу за последние два десятилетия была классифицирована как смешанная, включая экономических мигрантов, беженцев, просителей убежища и др. Между тем миграционная стратегия ЕС в основном направлена на предотвращение миграции в Европу. Критики политики ЕС по приему беженцев обращают внимание на то, что политика Союза имеет односторонний характер и никак не коррелируется с их принципами справедливости и прав человека.

Количество беженцев и внутренне перемещенных лиц, оставшихся в регионе, в несколько раз больше тех, кто попытался мигрировать в Европу. Согласно данным ООН, только в субрегионе Леванта внутренне перемещенными лицами и беженцами стали более 6 млн человек⁴⁵, а в целом суммарно Ирак, Сирию и Йемен покинули более 12 млн человек⁴⁶. Только в 2015 г., по подсчетам, 1 миллион человек попытались пересечь Средиземное море по пути в Европу, и половина из них предположительно сирийцы.

Миграционный кризис в Европе начался в 2015–2016 гг., но потоки беженцев и вынужденных переселенцев продолжают концентрироваться в прибрежных районах Юго-Восточного Средиземноморья. По оценкам УВКБ ООН, 84% беженцев остаются в развивающихся регионах мира. Большинство сообществ, которые принимают этих

⁴⁵ Situation Syria Regional Refugee Response. Operations Portal Refugee Situation. UNHCR. 2018.

⁴⁶ 1 per cent of humanity displaced: UNHCR Global Trends report// UNHCR. 2020. — URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2020/6/5ee9db2e4/1-cent-humanity-displaced-unhcr-global-trends-report.html>.

беженцев, живут в регрессивных социально-экономических условиях и крайней нищете⁴⁷. Этот процесс оказывает давление на социально-экономическую сферу государств Северной Африки и Ближнего Востока, где также растет поляризация общества, развивается ультра национализм, ксенофобия и генерализованный образ «другого».

Еще в 2017 г. УВКБ ООН предложила стратегию, которая опирается на существующие международные, региональные и национальные партнерские программы, политические рамки и дорожные карты, чтобы создать согласованную международную стратегию по антикризисному управлению миграционным кризисом. Для успешной ее реализации потребуется порядка 800 млн долл. США и еще 1 млрд долл. на урегулирование средиземноморского миграционного кризиса в целом⁴⁸. Но из года в год ООН заявляет о недополучении заявленного странами-донорами финансирования, объемы которого могут достигать лишь до 50%.

Большинство лагерей беженцев находятся не в самых пригодных для жизни регионах, где доступ к достаточному количеству воды, плодородной почве и рынкам, чтобы позволить беженцам продавать свои товары, ограничен. Все это ведет к истощению, голоду и, как следствие, проблемам со здоровьем. Дети, страдающие анемией, не могут получить качественное образование в школах, а, следовательно, их перспективы на будущее трудоустройство снижаются. Это ведет к увеличению опасности вербовки молодежи в повстанческие и экстремистские группировки. «Тем самым сохраняется цикл насилия и создается еще одно потерянное поколение»⁴⁹. Меры сдерживания пандемии коронавируса также усугубляют ранее существующие риски насилия и дискриминации, с которыми сталкиваются мигранты,

⁴⁷ Global Trends: Forced Displacement// UNHCR. 2016. — URL: <http://www.unhcr.org/globaltrends2016/>

⁴⁸ The Central Mediterranean Route: Working on the Alternatives to Dangerous Journeys, Supplementary Appeal// UNHCR, January–December 2017. — URL: <http://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20Central%20Mediterranean%20Route%20SB%20Jan-Dec%202017%20-%2017JUL17.pdf>.

⁴⁹ *Boulby M., Christie K.* Migration, Refugees and Human Security in the Mediterranean and MENA. 2017. Cham: Palgrave Macmillan.

беженцы и вынужденные переселенцы, дополнительно к ущемлению по признаку пола, возраста, этноса, инвалидности, психического здоровья и психосоциальных потребностей. В условиях увеличения показателей нищеты в развивающихся странах в 2020 г., напряженность между мигрантами и принимающими общинами увеличивается, особенно в общинах, где от гуманитарной помощи зависят обе стороны⁵⁰.

В европейских странах распространяется мнение, что беженцы, прибывающие в Европу, являются представителями другой культуры с чуждыми ценностями, что они нецивилизованные и необразованные и, таким образом, воры и преступники⁵¹. Другая сторона проблемы беженцев — в получении статуса. Многие мигранты специально избавляются от своих документов, чтобы выдать себя за граждан другой страны и получить статус беженца⁵². Такое негативное восприятие мигрантов приводит к росту популистских и ультранационалистских настроений, давлению политиков по принятию протекционистских мер — например, в крайних случаях даже закрытие границ, возведение заборов и использование регулярной армии. Угроза терроризма длительное время находится на повестке дня безопасности Европейского союза. Но миграционный кризис усугубил исламофобию и ксенофобию в европейском обществе — согласно опросам Pew Research Centre 2017 г., обеспокоенность населения угрозой исламского экстремизма в среднем по Европе составляет больше 40%.

Миграционный вопрос в отношениях между Севером и Югом Средиземноморья находится не только в сфере безопасности — он в значительной степени затрагивает экономический сектор и рынок труда. Таким образом, миграционный кризис становится социально-экономическим процессом со значительными политическими послед-

⁵⁰ Sahel Crisis: Overview of Humanitarian Needs and Requirements// ОCHA. May 2020. — URL: <https://reliefweb.int/report/nigeria/sahel-crisis-overview-humanitarian-needs-and-requirements-may-2020>.

⁵¹ *Janjac D.* Othering refugees in the Netherlands// Prezi. 1 June 2016. — URL: <https://prezi.com/7sugtikfhfk1/othering-of-refugees-in-the-netherlands/>

⁵² *Toaldo M.* Libya's migrant-smuggling highway: Lessons for Europe// European Council on Foreign Relations Policy Memo. November 2015. — URL: http://www.files.ethz.ch/isn/195092/ECFR-147_Libyas_Migrant_Smuggling_Highway1.pdf.

ствиями. Миграционный кризис в Средиземноморье включает в себя также проблему рабства и принудительных работ. Распространена она не только в Юго-Восточном Средиземноморье, но и в Северном, в государствах Европы.

На территории Ближнего Востока и Северной Африки почти 3 млн лиц находятся в рабстве, в том числе около 600 тысяч человек привлечены к принудительному труду, а региональные органы власти не обеспечивают защиту уязвимых и маргинализированных групп населения⁵³. Рабство в регионе принимает разные формы: принудительный брак и долговой труд. Пытающихся попасть в лагеря для беженцев на побережье Средиземного моря часто похищают, продают и под угрозой насилия принуждают к работам. В других странах, в частности в Персидском заливе, мигранты на законодательном уровне обязаны найти себе спонсора для получения разрешения на работу — так называемая система Кафала⁵⁴.

Эксперты ОБСЕ обращают внимание, что на низкооплачиваемом труде мигрантов строится экономический рост развитых государств Европы⁵⁵. Другие указывают, что именно экономическая конкуренция в Европе становится причиной использования иностранной низкоквалифицированной рабочей силы⁵⁶. Мигранты же соглашаются на работы, которые получили аббревиатуру 3D: грязную, опасную и трудную (*dirty, dangerous and difficult*). Но иногда этот выбор они не делают добровольно. В Европе беженцы живут в центрах временного содержания, которые управляются и охраняются частными фирмами, получившими государственную лицензию. Согласно исследованиям,

⁵³ The Middle East and North Africa// Global Slavery Index. 2016. — URL: <https://www.globalslaveryindex.org/region/middle-east-north-africa>.

⁵⁴ Qatar: Labor Reforms Leave Abusive System Intact: Migrant Workers Vulnerable to Abuse, Exploitation// Human Rights Watch. 2017. — URL: <https://www.hrw.org/news/2017/01/12/qatar-labor-reforms-leave-abusive-system-intact>.

⁵⁵ Analysing the Business Model of Trafficking in Human Beings to Better Prevent the Crime// Office of the Special Representative and Co-ordinator for Combating Trafficking in Human Beings. 2010. — URL: <http://www.osce.org/cthb/69028?download=true>.

⁵⁶ *Boulby M., Christie K.* Migration, Refugees and Human Security in the Mediterranean and MENA. 2017. Cham: Palgrave Macmillan.

такие центры поставляют рабочую силу для клининговых компаний и общепита⁵⁷. Мигранты и беженцы не с состоянием оспорить условия и оплату труда из опасения быть высланными из стран Европы⁵⁸.

Экологическая безопасность и угроза изменения климата

Экологическая безопасность (Environmental Security) остается неустановленным термином, а трактовки концепции иногда кардинально различаются. Больше всего разногласий возникает в классификации угроз, которые должны быть включены в концепт⁵⁹. Один из подходов сконцентрирован на негативном влиянии изменения климата на конкуренцию и даже эскалацию конфликтов. Второй подход исходит из последствий гонки вооружений времен холодной войны и тем давлением на окружающую среду, которое оказывают военные базы и вооруженные столкновения. Третий фокусирует внимание на последствиях изменения климата на жизни и благосостоянии населения, что близко к концепции гуманитарной безопасности.

В рамках концепции гибридных угроз, однако, четко разграничить три подхода не представляется возможным из-за сложной взаимозависимости причинно-следственных связей. Например, влияние войн на окружающую среду, связанное с перемещением войск, бомбардировками (которые к тому же приводят к пожарам, отравлению почвы и воздуха химикатами и создают большое количество твердых отходов), ведет к вынужденному переселению людей, увеличению потребностей в ресурсах, часто распределяемых неравномерно, и вовлечению в конфликт других акторов. Сам военно-промышленный комплекс региона потребляет большой объем бюджета, остав-

⁵⁷ *Arbogast L.* Migrant Detention in the European Union: A Thriving Business; Outsourcing and Privatisation of Migrant Detention// Migreurop. 2016. — URL: <http://www.migreurop.org/IMG/pdf/migrant-detention-eu-en.pdf>.

⁵⁸ *Boulby M., Christie K.* Migration, Refugees and Human Security in the Mediterranean and MENA. 2017. Cham: Palgrave Macmillan.

⁵⁹ *VanDeveer S.* Environmental Security: Conceptual Contestation and Empirical Relevance in the Mediterranean. Security and Environment in the Mediterranean. Berlin: Springer. 2003.

ляя на социальные, экономические и экологические сферы меньше ресурсов. Военно-морские операции региональных держав и вне-региональных акторов в Средиземноморье также оказывают дополнительный загрязняющий эффект.

Исследование Национально-разведывательного Совета США «Глобальные тенденции 2030» установило, что глобальные потребности в основных природных ресурсах (продовольствие, вода и энергия) вырастет примерно на 35, 40 и 50% соответственно к 2030 году⁶⁰. Изменение климата станет сопутствующим фактором, усложняющим доступ к данным ресурсам и их производство. Последние исследования подтвердили, что все субрегионы Средиземноморского бассейна подвержены влиянию антропогенных изменений в окружающей среде⁶¹. Данные показывают, что, по сравнению с другими регионами мира, Средиземноморье находится под большей угрозой от выбросов парниковых газов⁶². В Средиземноморье ежегодная средняя температура уже поднялась выше нормы на 1,5 °С, и прогнозируется, согласно сценариям Парижского соглашения по климату, что до 2100 г. она вырастет еще на дополнительные на 2,0–6,5 °С. Экстремальные погодные условия (штормы, проливные дожди и наводнения, засухи и эрозия почвы, пиковые температуры) уже наблюдаются в различных средиземноморских субрегионах — в дальнейшем будет увеличиваться их продолжительность, интенсивность и частота, что повлияет на существование и благополучие миллионов людей, проживающих в этом регионе.

Изменение климата по-разному влияет на сообщества Средиземноморского региона в зависимости от плотности населения, уровня экономического развития, степени продовольственной безопасности, уровня доходов и инфляции, вопросов здравоохранения, в том числе

⁶⁰ Global Trends 2030: Alternative Worlds. ODNI. 2012.

⁶¹ Climate and Environmental Change in the Mediterranean Basin — Current Situation and Risks for the Future. MedECC. Ed. by W. Cramer, J. Guiot, K. Marini. Marseille: Union for the Mediterranean. 2020.

⁶² Cramer W., Guiot J., Fader M. Climate change and interconnected risks to sustainable development in the Mediterranean// Nature Clim Change. 2018. No 8. Pp. 972–980.

психологического урона от природных катастроф и качества медицинского обслуживания.

В Европе был разработан индекс уязвимости к изменению климата, который сочетает в себе физические и экономические последствия ключевых процессов и позволит изучить степень, в которой регионы будут затронуты последствиями изменения климата⁶³: более одной трети населения ЕС — в общей сложности 170 миллионов человек — проживают в регионах, которые наиболее пострадают от изменения климата. Это регионы Юга и Востока Европы (Испания, Италия, Греция, Болгария, Кипр, Мальта и Венгрия, а также бóльшая часть Румынии и юг Франции). Влияние на уязвимые секторы экономики окажут изменение уровня осадков и увеличение температуры. А в Венгрии и Румынии основную угрозу будет представлять катастрофический разлив рек.

Так как затронутыми окажутся страны Европы с наименьшим ВВП на душу населения, предполагается, что усилия национальных правительств по борьбе с предотвращением засух, пожаров, наводнений, эрозии почвы, защиты населения от пиковых температур и адаптации к новым условиям не будут достаточны. Изменение климата окажет дополнительную нагрузку на экономические, социальные и экологические системы. Среди секторов, наиболее подверженных угрозе изменения климата: сельское хозяйство и рыболовство, крупномасштабное энергетическое производство, туризм, здравоохранение и др.

В сельском хозяйстве изменение климата приведет к снижению урожайности и необходимости применять новые методы производства. В сфере рыболовства основной опасностью станет чрезмерный рыбный промысел, что негативно скажется на морских экосистемах. Снижение потока туристов ожидается в течение всего года: теплые зимы и отсутствие снежных покровов ударят по отрасли в горных районах Европы; превышение комфортной летней температуры на средиземноморском побережье не только затронет сферу туризма, но и поставит под угрозу сохранение биоразнообразия.

⁶³ Climate Change Vulnerability Index// Verisk Maplecroft. — URL: <https://www.maplecroft.com/risk-indices/climate-change-vulnerability-index/>

Экстремальные температуры приведут к большей энергозатратности производств в различных секторах экономики, в том числе для обеспечения работы самих электростанций, работающих на возобновляемых источниках энергии.

Эти тенденции приведут к разделению в экономическом росте в Европе. Поэтому влияние изменения климата на окружающую среду, экономику и общество является центральным в повестке дня европейских институтов. Политика ЕС в области противодействия изменению климата в первую очередь направлена на сокращение выбросов парниковых газов (ПГ), а также как мера по адаптации к последствиям изменения климата.

Масштабная цель ЕС, обозначенная в программной стратегии «Зеленая сделка», принятой в 2019 г., предполагает достижение углеродной нейтральности к 2050 г.⁶⁴ А к 2030 г. эмиссия ПГ должна быть снижена не менее чем на 55%. Как следствие реализации данных установок, в ближайшее десятилетие Европейский союз должен снизить потребление угля на 70%, нефти — на 25%, газа — на 20%. Соответственно, к 2050 г. ЕС должен полностью обеспечивать свои энергетические нужды за счет чистых, возобновляемых источников энергии. ЕС также взял на себя роль международного лидера по борьбе с изменением климата.

И если потенциал стран Европы в рамках Европейского союза достаточен для адаптации к новым условиям, то дисбалансы, связанные с изменением климата, глобальным потеплением и чрезмерным использованием жизненно важных природных ресурсов, негативно повлияют на качество жизни в Юго-Восточном Средиземноморье.

Средиземноморье особенно уязвимо к изменению климата. Являясь в большей степени засушливым регионом, средиземноморское пространство особенно остро нуждается в пресноводных ресурсах. Наиболее уязвимыми в данном случае являются государства Юго-Восточного Средиземноморья. Регион Ближнего Востока и Северной Африки переживает наибольший дефицит пресной воды в мире. Еще Бутрос Бутрос-Гали, бывший Генеральный секретарь ООН, предска-

⁶⁴ A European Green Deal// European Commission. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.

зывает, что причиной новых войн в регионе будет борьба за водные ресурсы. Рост населения и энергетических затрат городов одновременно увеличивает потребности в пресной воде. Например, еще в исследовании 2012 г. было установлено, что водные ресурсы в странах региона сократятся на 12% к 2050 г., в то время как потребность увеличится на 50%⁶⁵. Йемен, с его населением более 30 миллионов человек, истощил запасы пресной воды из-за чрезмерного использования водоносных горизонтов и растущего потребления ресурсов городами. Иордания объявила о нехватке пресной воды для нужд собственного населения и содержания многомиллионных лагерей беженцев из Ирака и Сирии. Существует опасность эскалации конфликтов между Ираком, Турцией и Ираном за водные ресурсы рек Тигр и Евфрат и между Египтом, Суданом и Эфиопией — за ресурсы Нила.

Эксперты Всемирного банка уточнили, что даже если страны региона адаптируют практику энергоэффективности водных ресурсов и инвестируют в новые технологии водопотребления, к 2050 г. все равно ежегодный спад ВВП из-за нехватки воды будет составлять 6%⁶⁶.

Логически вытекающая из этого проблема связана с производством продовольствия. Государства региона уязвимы к нехватке продуктов питания, так как не производят достаточно пищи для достижения продовольственной безопасности. Все это ведет к зависимости от внешних поставок и дополнительной нагрузке на население из-за колебания цен. И хотя продовольственная проблема не была главной причиной начала арабских восстаний, о которых речь шла в предыдущем разделе статьи, она оказала дополнительное давление на население.

* * *

Средиземноморское пространство характеризуется серией взаимосвязанных и взаимозависимых кризисов. Государства региона ис-

⁶⁵ *Droogers P., et al. Water resources trends in Middle East and North Africa toward 2050// Hydrology and Earth System Sciences 16. 2012.*

⁶⁶ *High and Dry: Climate Change, Water, and the Economy. World Bank. 2016.*

пользуют концепцию принципиальной уязвимости сообществ в условиях нестабильной среды безопасности в интересах достижения общественной поддержки по секьюритизации различных сфер жизни общества⁶⁷. Риторика неизвестной, но неизбежной опасности может также поощрять подозрительное поведение граждан, что ведет к разобщению социальных групп и потере доверия в обществе.

Беженцы и мигранты лишь усугубляют разрушение действующей региональной системы безопасности. Глобальная стратегия, однако, не предполагает ответов на решение вызовов, которые стоят перед Европой в Средиземноморье. Хотя в отношении миграции в Стратегии 2016 г. есть ссылка на «общую глобальную ответственность» в противодействии причинам, приведшим к вынужденному перемещению людей, общая стратегия до сих пор не выработана.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе изменение климата в Средиземноморье приведет к дополнительному давлению на социально-экономические сферы жизни общества. А эпоха после исчерпания ближневосточных углеводородных ресурсов будет характеризоваться дополнительным увеличением количества внутренних конфликтов и гибридных угроз в регионе.

⁶⁷ *Evans B. & Reid J. Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge: Polity Press. 2014.*

*Коньшев Валерий Николаевич,
Сергунин Александр Анатольевич*

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ И США: ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Россия и США являются ключевыми «игроками» в Арктике в силу их географического положения. Оба государства имеют значительную территорию, расположенную в Арктике, протяженную береговую линию и обширные исключительные экономические зоны (ИЭЗ) в Северном Ледовитом океане (СЛО). США и Россия имеют существенные интересы в регионе и обладают значительным потенциалом для утверждения своих позиций в нем. По этой причине для будущего развития Арктики большое значение имеет то, как сложатся отношения между Москвой и Вашингтоном в этом районе мира.

Учитывая значимость России и США для дальнейшего развития региона, необходимо ясное понимание сходства и различий в их подходах к освоению Арктики, чтобы оценить перспективы их сотрудничества в различных сферах. Одним из перспективных форматов такого сотрудничества может стать гуманитарное измерение их арктической политики, которое находит свое выражение в концепции безопасности человека (*human security*). Сравнительный анализ арктических стратегий США и России через призму концепции безопасности человека позволяет точнее сформулировать точки соприкосновения интересов и возможности сотрудничества между этими странами.

Приступая к сравнению арктических стратегий России и США, отметим, что стратегия Москвы по развитию Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) складывалась систематически и последовательно. Она проделала эволюцию от практически полного забвения АЗРФ в 1990-х гг. к идее превращения этого региона в основную ресурсную базу страны на обозримую перспективу. При этом ставится задача сделать российскую Арктику местом комфортного проживания для ее жителей и обеспечить устойчивое развитие региона. При-

¹ Исследование поддержано грантом Российского Фонда Фундаментальных Исследований № 20-514-22001.

оритеты «мягкой безопасности» и международного сотрудничества вышли на передний план государственной политики, а задачи в сфере «жесткой безопасности» сводятся к обеспечению экономических интересов и суверенитета России.

В отличие от российского концептуального видения своей арктической стратегии, доктринальные основы американского курса формировались довольно хаотично, часто под влиянием внешних факторов, а не в ответ на собственные потребности. Они заметно менялись в зависимости от того, кто находился у власти в Белом доме. При администрации Дж. Буша-младшего акцент делался на военно-стратегических аспектах американского курса в Арктике. При Б. Обаме преобладал более конструктивный подход к вопросам регионального сотрудничества и социально-экономического развития. При Д. Трампе снова произошел сдвиг в сторону конфронтационного мышления и соперничества с Россией и Китаем. Позиция недавно избранного президента Дж. Байдена по арктической «повестке дня» пока еще не определилась, и американская позиция по этому вопросу сохраняет значительный элемент непредсказуемости.

Социально-экономическое развитие арктических регионов России и США

Стратегии России и США по развитию своих северных территорий существенно различаются. В России обеспечение устойчивого развития АЗРФ — предмет заботы государства, хотя и участием бизнеса и гражданского общества в этом деле отводится значительная роль. В США роль государства (федерального правительства и властей штата) в развитии Аляски сводится к регулированию социально-экономических и экологических процессов косвенными средствами: принятие законов, кредитно-финансовые рычаги, инвестиции в развитие инфраструктуры «двойного назначения» (для военных и гражданских целей). Считается, что частная инициатива и свободный рынок отлаживают функционирование региональных хозяйственных, финансовых, социальных механизмов без особого вмешательства государства. Подобная управленческая «философия» диктует различия в конкретных стратегиях России и США.

В России большое внимание отводится стратегическому планированию в отношении АЗРФ. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» каждый уровень власти — федеральный, региональный и муниципальный — должен иметь свои собственные стратегические документы в области планирования. В этом же законе были определены основные принципы стратегического планирования, которым все субъекты арктической политики должны следовать неукоснительно: единство и целостность системы планирования; разграничение полномочий между федеральными, региональными и муниципальными властями; преемственность и непрерывность процесса планирования; сбалансированность системы стратегического планирования; результативность и эффективность планирования; ответственность участников стратегического планирования; прозрачность процесса планирования; реалистичность планов; ресурсная обеспеченность; измеряемость целей планирования; соответствие показателей целям; программно-целевой характер планирования².

Как показывают отдельные исследования различных практик применения этих принципов, все субъекты арктической политики в целом стараются планировать свою деятельность в соответствии с указанными принципами стратегического планирования. В то же время нехватка компетентных кадров на местах, ограниченность ресурсов региональных и муниципальных властей, масштаб накопившихся социально-экономических и экологических проблем, неразвитость институтов гражданского общества и диалога с экспертно-аналитическим и академическим сообществами — все это препятствует полному и эффективному внедрению научно обоснованных принципов стратегического планирования в работу различных государственных органов в АЗРФ³. Последним предстоит еще

² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»// Российская газета. 2014, 3 июля. — URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>.

³ *Бобылёв Н.Г., Сергунин А.А.* Принципы стратегического планирования устойчивого развития российских арктических городов// Вестник Севе-

многое сделать на пути совершенствования своей деятельности в данной области.

Конкретная программа развития АЗРФ на период до 2035 г.⁴ включает в себя следующие меры.

— Внедрение специального экономического режима, способствующего переходу к экономике замкнутого цикла, осуществлению частных инвестиций в проведение геологоразведочных работ, созданию новых и модернизации действующих промышленных производств, развитию наукоемких и высокотехнологичных производств, разработке новых нефтегазовых провинций, месторождений твердых полезных ископаемых и трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, наращиванию объемов глубокой переработки нефти, производства сжиженного природного газа и газохимической продукции.

— Предоставление инвесторам государственной поддержки при осуществлении ими капитальных вложений в объекты транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры.

— Разработка и реализация программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

— Упрощение порядка предоставления гражданам земельных участков в целях осуществления экономической и иной деятельности.

— Развитие цифровых сервисов для лиц, которым предоставляются в пользование лесные и рыбноводные участки.

— Разработка и реализация программы геологического изучения АЗРФ.

— Продолжение работы по подготовке материалов, необходимых для обоснования внешней границы континентального шельфа.

— Создание и развитие новой модели реализации экономических проектов на континентальном шельфе, предусматривающей частно-государственное партнерство.

ро-восточного федерального университета. Серия «Экономика, социология, культурология». 2019. № 2 (14). С. 7–15.

⁴ Путин В. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

— Оказание государственной поддержки развитию технологий по освоению нефтегазовых месторождений, производству сжиженного природного газа.

— Стимулирование использования промышленной продукции российского производства при реализации новых экономических проектов.

— Оказание государственной поддержки проектам по созданию и модернизации рыбоперерабатывающих комплексов, предприятий рыбоводных и тепличных хозяйств, животноводческих комплексов.

— Разработка правовых и организационных мер по предотвращению незаконной добычи и реализации морских биологических ресурсов, а также по стимулированию реализации легально добытых морских биологических ресурсов.

— Разработка механизма государственной поддержки интенсификации лесовосстановления и глубокой переработки лесных ресурсов, развитие системы авиационной охраны лесов от пожаров.

— Государственная поддержка строительства на территории России круизных судов арктического ледового класса и развития туристической инфраструктуры.

— Систематическое оказание мер государственной поддержки экономически активному населению России, готовому к переселению в АЗРФ.

— Разработка механизма государственной поддержки проектов по повышению эффективности генерации электроэнергии, осуществляемых на изолированных и труднодоступных территориях и предусматривающих использование сжиженного природного газа, возобновляемых источников энергии и местного топлива.

— Обеспечение малочисленных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности мобильными источниками энергоснабжения и средствами связи.

В США стратегическое планирование на уровне федерального правительства и штатов отсутствует как таковое. Планы развития существуют только на уровне отдельных министерств, ведомств и государственных корпораций, а также на уровне отдельных муниципальных образований. Аляска не является исключением из этого правила. У федерального правительства и властей штата нет какой-либо общей

концепции развития Аляски. Офис губернатора штата может поддерживать лишь конкретные бизнес-проекты посредством займов. Власти штата также устанавливают требования относительно того, какие параметры должны включать в себя планы развития муниципалитетов. Так, в Комплексном плане развития г. Ном до 2030 г. отражены такие параметры, как землепользование, физическое состояние города, экологическая ситуация, состояние общественного пространства, природные ресурсы, муниципальные услуги и хозяйство, транспорт, экономическое развитие, образование, общественная безопасность, минимальный прожиточный минимум, социальные службы и места отдыха⁵.

Следует подчеркнуть, что большинство этих ведомственных и муниципальных планов имеет не обязательный, а рекомендательный (индикативный) характер. Они корректируются в зависимости от наличия или отсутствия у ведомств и муниципалитетов финансовых средств на их реализацию. Несмотря на то что планы развития могут приниматься на довольно долгий срок, их конкретные приоритеты утверждаются в рамках ежегодных бюджетов и могут сильно меняться в зависимости от политической и финансовой конъюнктуры.

Отдельные экспертно-аналитические сообщества штата могут выступать со своими инициативами по поводу разработки комплексных и долгосрочных планов развития штата. В 2015 г. группа ученых Университета Аляски предложила министерству торговли, регионального и экономического развития правительства штата развернутый план развития Аляски на долгосрочную перспективу⁶. Предлагалось «вписать» штат в складывающееся глобальное «разделение труда», что позволило бы ему выйти из экономического «тупика», в котором он оказался из-за истощения углеводородных месторождений. Однако инициативы так и не вышли за пределы правительства штата и не были воплощены в жизнь.

⁵ Minutes of the Nome Planning Commission's regular meeting, 2020, 2 June. P. 14. — URL: <https://mccmeetings.blob.core.usgovcloudapi.net/nomealaska-pubu/MEET-Packet-2d616b3104e94b038825c03ccea21a06.pdf>.

⁶ Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development. School of Natural Resources and Extension. Fairbanks. University of Alaska Fairbanks, 2015.

Что касается общенациональных дискуссий по поводу будущего Аляски, то они в основном сводятся к спорам о том, как преодолеть так называемое «ресурсное проклятье» и обеспечить ее устойчивое социально-экономическое и экологическое развитие. Одна группа политиков и экспертов, близких к Демократической партии США и экологическим движениям, выступает за консервацию природных ресурсов Аляски, свертывание промышленной и военной деятельности на ее территории и переориентацию экономики штата на высокотехнологичные отрасли и рекреационную индустрию. Другие силы, представленные Республиканской партией и крупным бизнесом, считают, что развитие высокотехнологичного и рекреационного секторов экономики штата вполне может сочетаться с разработкой новых месторождений нефти и газа, в том числе в заповедных зонах и на шельфе. Но этот спор далек от своего завершения, и создание единой модели развития Аляски пока не предвидится.

Последствия изменения климата и охрана окружающей среды как факторы социально-экономического развития Арктики

При всем том, что и Россия, и США заинтересованы в поисках адекватных путей и способов адаптации к глобальному изменению климата и решения экологических проблем Арктики, их стратегии в этой области сильно различаются между собой.

В 2015 г. Россия поддержала два без преувеличения эпохальных решения ООН — принятие Целей устойчивого развития и заключение Парижского соглашения по изменению климата — и сделала их частью своей арктической стратегии. Выполнение основных задач в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности АЗРФ осуществляется путем реализации целой системы мер. Планируется провести силами ведущих научных учреждений страны (РАН, отраслевые институты, университетские центры) серию исследований по проблемам адаптации экономики и инфраструктуры АЗРФ к изменениям климата и разработать практические рекомендации органам государственной власти и частному бизнесу, действующему в регионе.

Предусмотрено продолжение курса на создание особо охраняемых природных территорий в АЗРФ, обеспечение соблюдения режима их особой охраны, включая внесение сведений о них в Единый государственный реестр недвижимости РФ. Будут также продолжены работы по выявлению, оценке и учету объектов накопленного вреда окружающей среде и организация работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Следует отметить, что эта работа активно идет с 2011 г. и уже достигнут существенный прогресс в очистке различных территорий АЗРФ от мусора, промышленных и бытовых отходов. Ставится также задача по развитию единой системы государственного экологического мониторинга с применением современных информационно-коммуникационных технологий и систем связи.

Планируется проведение масштабных работ в области гидрометеорологии, в том числе повышение плотности наблюдательной сети и технической оснащенности систем наблюдения за состоянием окружающей среды на основании рекомендаций Всемирной метеорологической организации. Намечены меры по минимизации выбросов в атмосферный воздух, сбросов в водные объекты загрязняющих веществ при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в АЗРФ, а также по государственной поддержке, направленной на внедрение при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в АЗРФ наилучших доступных технологий.

Субъектам хозяйственной деятельности в российской Арктике предписано заранее принимать меры по предотвращению негативных экологических последствий при освоении природных ресурсов. Учитывая рост масштабов добычи минеральных ресурсов в АЗРФ, Москва ужесточает свою политику в этом вопросе, вводя в качестве обязательной не только государственную, но и общественную экспертизу хозяйственных проектов. Характерно, что нефтяная платформа на месторождении «Приразломная» была введена в строй на полтора года позже намеченного срока из-за того, что проект не сразу прошел общественную экологическую экспертизу. Техногенная катастрофа на ТЭЦ в Норильске в мае 2020 г. лишней раз продемонстрировала необходимость создания и развития единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в целях осуществления мероприятий по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, в том числе

в акваториях СМП и иных морских транспортных коридоров.

Москва намерена проводить регулярную оценку экологических и социально-экономических последствий антропогенного воздействия на окружающую среду АЗРФ, в том числе обусловленного переносом загрязняющих веществ из государств Северной Америки, Европы и Азии. Она также собирается принять меры по предупреждению попадания в АЗРФ из-за рубежа высокотоксичных и радиоактивных веществ, а также опасных микроорганизмов.

Среди других мер природоохранного характера Россия планирует проведение регулярной оценки влияния объектов использования атомной энергии, расположенных в АЗРФ, на окружающую среду и население; обеспечение рационального использования попутного нефтяного газа в целях минимизации его сжигания; осуществление государственной поддержки деятельности в сфере обращения с отходами в АЗРФ, совершенствование системы обращения с опасными отходами в этом регионе; создание системы оперативного информирования органов государственной власти и населения о возникновении или увеличении рисков вредного воздействия наиболее опасных загрязняющих веществ и микроорганизмов в связи с чрезвычайными ситуациями, обусловленными изменениями климата⁷.

Что касается США, то при администрации Б. Обамы они, как и Россия, поддержали обе указанные инициативы ООН и в целом выстраивали свою климатическую и экологическую политику на Крайнем Севере в соответствии с этими документами и международными обязательствами⁸. Однако при администрации Д. Трампа Вашингтон официально вышел из соглашения по изменению климата и неоднократно пытался «разморозить» проекты по геологоразведке и добыче углеводородов в заповедных территориях штата и на арктическом шельфе. Как показали первые шаги администрации Дж. Байдена

⁷ Путин В. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

⁸ Сахаров А.Г. Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета// Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 66–79.

в сфере экологической политики, включая ее решение вернуться в Парижское соглашение по климату, она, скорее всего, сохранит курс на «зеленую» стратегию Б. Обамы.

«Человеческое измерение» арктических стратегий России и США

Социальная политика двух стран в их арктических регионах существенно отличается друг от друга. В России государство традиционно считает себя ответственным за население АЗРФ. Так, «социальный блок» нынешней политики России в АЗРФ, рассчитанной до 2035 г., включает меры по модернизации системы здравоохранения; повышению доступности качественного общего образования и обеспечению условий для организации дополнительного образования детей, в том числе в населенных пунктах, расположенных в удаленных местностях и сельских населенных пунктах, развитию дистанционных образовательных технологий; поддержке программ образовательных организаций высшего образования, их интеграции с научными организациями и предприятиями; обеспечению сохранения и популяризации культурного наследия, развития традиционной культуры, сохранения и развития языков малочисленных народов; созданию условий для занятия населения физкультурой и спортом; совершенствованию механизмов субсидирования магистральных, межрегиональных и местных (внутрирегиональных) авиаперевозок; формированию в населенных пунктах современной городской среды с учетом природно-климатических особенностей Арктики и внедрению передовых цифровых и инженерных решений; государственной поддержке жилищного строительства; определению системы социальных гарантий, предоставляемых гражданам, работающим и проживающим в АЗРФ; созданию системы государственной поддержки завоза в населенные пункты, расположенные в отдаленных местностях, топлива, продовольствия и других жизненно необходимых товаров и пр.⁹

⁹ Путин В. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Относительно недавно в России заговорили об ответственности не только государства, но и бизнеса за население северных территорий. И хотя практически все крупнейшие компании, действующие в АЗРФ, приняли на вооружение концепцию корпоративной социальной ответственности, в реальности российский бизнес находится лишь в начале пути к выработке адекватной социальной политики в регионе¹⁰.

В США государство на уровне федеральной власти и на уровне властей штатов берет на себя минимум обязательств в социальной сфере, ограничиваясь лишь поддержкой базовых программ социального обеспечения. Исключение составляют только коренные народы, в отношении которых проводится особая политика. В целом же считается, что американские граждане сами должны заботиться о своем благосостоянии. Расчет делается на то, что должен работать принцип корпоративной социальной ответственности, который довольно давно внедрен в практику деятельности американского бизнеса.

Политика Москвы и Вашингтона в отношении коренных народов Севера представляет собой важный компонент социогуманитарной стратегии обеих стран в Арктике. Отметим, что в положении коренных народностей Севера в России и США много общего. Во-первых, коренное население Аляски, как и АЗРФ, различно по своему этническому и культурному составу. Во-вторых, народы Севера России и Аляски сталкиваются со схожими проблемами социально-экономического характера и сохранения культурно-исторического наследия. Наконец, непросто складываются правоотноше-

¹⁰ *Forbes B.C.* Equity, Vulnerability and Resilience in Social-Ecological Systems: Contemporary Example from the Russian Arctic // *Research in Social Problems and Public Policy*. 2008. No 15. P. 203–236; *Henry L.A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M.* Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No 8. Pp. 1340–1368; *Kelman I., Loe J., Rowe E.W., Wilson E., Poussenkova N., Nikitina E., Fjærtøft D.B.* Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region // *Arctic Review on Law and Politics*. 2016. Vol. 7. No 2. P. 152–178.

ния между коренным населением АЗРФ и Аляски, с одной стороны, и государством — с другой¹¹.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживало 247,5 тыс. граждан из числа коренных малочисленных народов¹². Из них 82,5 тыс.¹³ представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС) проживает в АЗРФ, характеризующейся низкой плотностью заселения, высоким уровнем урбанизации (порядка 80%) и слабым инфраструктурным обеспечением. Для этой категории населения характерен целый ряд социальных проблем. По разным данным, уровень безработицы среди коренных народов АЗРФ составляет от 30 до 60%¹⁴. Средняя продолжительность жизни этих народов в 2019 г. составила всего 47 лет¹⁵ при общероссийском показателе в 73,4 года¹⁶.

¹¹ Голомидова П.С., Сабуров А.А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы// Арктика и Север. 2016. № 25. С. 61–77.

¹² Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Парламентские слушания «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в части обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». 2017. 12 октября. — URL: council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/84801/

¹³ Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы// Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5. С. 46.

¹⁴ *Sergunin A., Konyshev V. Russia's Arctic Strategy// Russia: Strategy, Policy and Administration. Ed. by Irvin Studin. London: Palgrave, 2018. Pp. 138; Rohr J. IWGIA Report 18: Indigenous Peoples in the Russian Federation. Copenhagen: International Work Group for Indigenous Affairs, 2014. P. 34. — URL: http://www.iwgia.org/iwgia_files_publications_files/0695_HumanRights_report_18_Russia.pdf.*

¹⁵ Представитель Ассамблеи КМНС о народах Севера: продолжительность жизни — 47 лет, им не светит работа и полноценная медпомощь// Новый день. 2019. 25 ноября. — URL: <https://newdaynews.ru/ugra/interview/677413.html>.

¹⁶ Ментюкова С. По итогам 2019 года продолжительность жизни в РФ увеличилась до 73,4 лет// Российская газета. 2020. 21 мая. — URL: <https://>

В России существует довольно обширная нормативно-законодательная база, регламентирующая политику в отношении коренных народностей Севера. Среди принятых в постсоветский период федеральных нормативно-правовых актов, содействующих регулированию социально-экономического развития КМНС России, особое место занимает Федеральный закон № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», в котором впервые о КМНС заговорили как субъекте российского права, требующем особого внимания и защиты.

Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» устанавливал общие принципы организации и деятельности общин КМНС, которые могли создаваться в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов указанных коренных малочисленных народов, а также определял правовые основы общинной формы самоуправления и государственные гарантии его осуществления.

Основным законом, гарантирующим права коренных малочисленных народов на обеспечение приоритетного традиционного природопользования и промыслов, сохранение их традиционного уклада жизни и быта, стал Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Однако он не урегулировал некоторые важные вопросы создания, использования и упразднения территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов.

Кроме того, несогласованность положений этого закона с Земельным кодексом Российской Федерации, предусматривающим утверждение границ территорий традиционного природопользования Правительством Российской Федерации, создает дополнительные препятствия для оформления территорий традиционного природопользования регионального и местного значения.

В Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года № 132-р, ставились конкретные задачи по улучшению социально-экономического положения КМНС, «подтягиванию» их жизненных стандартов до уровня общероссийских показателей и сохранению их традиционного образа жизни и самобытной культуры¹⁷. Реализация этой концепции была поручена 22 федеральным органам исполнительной власти в рамках утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2016 г. № 1792-р плана мероприятий по реализации Концепции в 2016–2025 гг.

В 2012 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹⁸. Этот документ устанавливает приоритеты национальной политики России, определяет принципы координации деятельности органов федеральной и региональной государственной власти, их взаимодействия с институтами гражданского общества, а также выстраивания национальной политики.

В целях реализации механизмов национальной политики, в апреле 2015 г. было создано Федеральное агентство по делам национальностей. Среди задач агентства значились следующие: выработка и реализация государственной национальной политики; нормативно-правовое регулирование и оказание государственных услуг в сфере государственной национальной политики; мониторинг межнациональных отношений по взаимодействию с национально-культурными автономиями, обществами и иными институтами гражданского обще-

¹⁷ Путин В. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/902142304>.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. № 1666// Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

ства; разработка и реализация государственных и федеральных целевых программ в сфере межнациональных отношений¹⁹.

Для оценки состояния и прогнозирования развития межнациональных отношений в России, выработки оптимальной модели их управления в 2014 г. Президентом России В.В. Путиным была выдвинута инициатива создания в России единой системы мониторинга и предупреждения конфликтов на этнической почве. В 2015 г. работа по разработке параметров системы была возложена на Институт политических исследований (ИПИ). После того как работа по определению индикаторов мониторинга была завершена ИПИ, данная система была внедрена во всех регионах России, в том числе в субъектах федерации АЗРФ. Во всех 9 субъектах России, входящих в АЗРФ, региональными правительствами были разработаны и приняты региональные стратегии и программы развития межнациональных отношений. В 2015 г. при правительствах регионов закончилось формирование структур, ответственных за выстраивание межнациональной политики.

В целях сохранения культуры и традиций коренных малочисленных народов, поддержки их экономического и социального развития была принята государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532, в которую включена специальная подпрограмма «Коренные малочисленные народы Российской Федерации» с объемом финансового обеспечения до 2025 г. 1,3 млрд рублей.

Государственная поддержка также осуществляется за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и внебюджетных источников. Так, например, на условиях софинансирования за счет средств федерального и региональных бюджетов в 2016–2017 гг. было осуществлено строительство в Ненецком автономном округе объекта «Школа на 100 мест в селе Тельвиска Ненецкого автономного округа», в Ямало-Ненецком автономном округе

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации «О Федеральном агентстве по делам национальностей» от 31.03.2015 № 168// Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2106.

ге — «Строительство детского сада на 240 мест, село Яр-Сале Ямальского района».

С целью реализации прав малочисленных народов на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации в регионах России создаются соответствующие образовательные организации, классы, группы, в том числе предоставляется возможность дистанционного обучения. В рамках указанных программ осуществляется издание на родных языках учебников, учебных пособий и учебной литературы, реализуются возможности дистанционного образования и возможности целевого приема в высшие учебные заведения представителей коренных малочисленных народов. Кроме того, оказывается поддержка средствам массовой информации на родных языках.

В рамках работы по сохранению племенных обычаев в ряде регионов Российской Федерации образовательными учреждениями обеспечивается подготовка специалистов по таким уникальным направлениям профессиональной деятельности, как «Хозяйка усадьбы», «Резчик», «Оленевод-механизатор», «Декоративно-прикладное искусство народов Севера» и другим. В Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена еще с советских времен ведется подготовка учителей для АЗРФ.

В рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» также реализуется комплекс мероприятий, направленных на этнокультурное развитие коренных малочисленных народов.

В целях укрепления связи детей коренных малочисленных народов с традиционной культурой школы-интернаты трансформировались в учреждения семейного типа, в которых не только изучаются общеобразовательные предметы, но и проводятся занятия по традиционному творчеству, декоративно-прикладному искусству, природопользованию. Кроме того, в Российской Федерации реализуется такой проект, как мобильно-кочевая школа. Такие школы играют ключевую роль в приобщении детей к родному языку и культуре, в сохранении среды функционирования языка. Подобные школы открыты на Ямале, на Таймыре, в Эвенкии, в Ненецком автономном округе, на Чукотке, в Якутии.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации по поручению Президента РФ в июле 2017 г. был создан Благотворительный фонд поддержки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Средства Фонда будут формироваться из добровольных взносов, пожертвований и вкладов спонсоров, партнеров и субъектов, где проживают коренные малочисленные народы, и будут направлены в том числе на содействие реализации указанных Стратегии-2012 и Концепции-2009.

Несмотря на то что федеральными и региональными властями России были выработаны достаточно эффективные механизмы организации политики в отношении КМНС, а также инструменты ее реализации, для обеспечения этнической стабильности, подразумевающей устойчивое социально-экономическое и культурное развитие народов, которые составляют этнокультурное пространство российской Арктики, необходима существенная доработка принятых ранее мер.

Ряд экспертов считает, что необходимо адекватное регулирование миграционных потоков в АЗРФ, меняющих демографическую и этническую структуру региона, и создание условий для сохранения культуры, традиций коренного населения и их традиционных форм природопользования, сохранение и умножение человеческого капитала полярных регионов страны²⁰. В частности, необходима организация управления миграционными потоками на основе межрегионального взаимодействия в целях перераспределения избыточных и дефицитных трудовых ресурсов. Важно обеспечение равных социально-экономических и культурных возможностей и условий для различных этносов, проживающих в АЗРФ.

Эксперты также считают, что в политике в отношении к коренным народам необходимо сохранение принципов патернализма, но в тесной связи с социальной и экономической активностью этносов в процессе принятия решений по важнейшим вопросам регионального

²⁰ Зайков К.С., Тамицкий А.М. Указ. соч. С. 50; Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Степанов В.В. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. — URL: www.ras.ru/scientificactivity/ras-programs/arctic.aspx.

развития. Становится необходимым, помимо выделения субсидий на занятия традиционным хозяйствованием, осуществлять выработку комплекса мер по вовлечению представителей коренных народов в развитие приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, развитию предпринимательской среды. Работа в сфере профилактики межэтнических отношений, повышения культуры взаимоотношений и толерантности должна включать комплексную и сознательную общественно-просветительскую работу на всех этапах социализации населения²¹.

Другая группа российских экспертов считает, что нужно говорить не о политике патернализма (пусть и «просвещенного») в отношении КМНС, а о социальном партнерстве²² и даже «соуправлении»²³ определенными территориями АЗРФ с коренными народами.

Подчеркнем, что реализация предлагаемых мер целесообразна при осуществлении так называемого «гуманистического» управленческого подхода к освоению территорий арктических широт, который основывается на сбережении и развитии уже имеющегося человеческого капитала и который рассматривается в качестве основного ресурса территорий на основе их тесной интеграции и сотрудничества.

Как уже отмечалось, наряду с государственной политикой в отношении КМНС, в последнее время в АЗРФ получила развитие и концепция корпоративной социальной ответственности. Существует немало примеров реализации промышленными и ресурсодобывающими компаниями программ содействия социально-экономическому развитию коренных малочисленных народов. Опыт подобного взаимовыгодного сотрудничества существует у таких компаний, как «АЛРОСА», «ГАЗПРОМ», «ЛУКОЙЛ», «Новатэк», «Роснефть», «Сур-

²¹ *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Указ. соч. С. 50; *Тишков В.А.* и др. Указ. соч.

²² *Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение* / под ред. В.А. Тишкова. М.: СПб.: Нестор-История, 2016.

²³ *Лагутина М.Л.* Соуправление в Арктике или «арктические партнерства»: российский подход // *Международное сотрудничество в Арктике* / под ред. Н.К. Харлампиевой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 44–47.

гутнефтегаз», «Норникель» и пр. В Республике Саха (Якутия), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах, Красноярском крае действует практика заключений соглашений о сотрудничестве с промышленными компаниями в части социально-экономического развития коренных малочисленных народов²⁴.

Интересен опыт работы компании «Сургутнефтегаз» с КМНС в АЗРФ. Основные принципы политики этой компании в области взаимодействия с КМНС включают:

- соблюдение федерального и регионального законодательства, направленного на защиту прав и законных интересов коренных малочисленных народов;
- сохранность исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренного населения, а также природопользования малочисленных народов;
- рациональное использование земель и природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС;
- обязательное уважительное отношение к этнической самобытности, культуре и местным порядкам коренных жителей;
- сохранение баланса интересов компании и представителей коренных малочисленных народов Севера путем принятия взаимных самоограничений и обязательств;
- обеспечение участия представителей КМНС в принятии решений по размещению хозяйственных объектов на территории их проживания и ведения традиционного хозяйства;
- заключение экономических соглашений и договоров с целью компенсации за ограничение традиционного режима природопользования в качестве важнейшего инструмента поддержания равноправных партнерских отношений с коренными жителями;

²⁴ Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Парламентские слушания «Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в части обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. С. 60–71, 164–171.

— открытость и доступность общественно значимой информации об экологической деятельности предприятия и состоянии природной среды, взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Севера.

Реализуя социально-экономические проекты по развитию инфраструктуры, поддержке образования, культуры, повышению уровня жизни коренного населения, недропользования в границах территорий традиционного природопользования, способствующие решению социальных проблем местного населения, компания заключает с субъектами права традиционного природопользования специальные соглашения. Мониторинг и контроль исполнения договорных отношений осуществляется посредством специального программного обеспечения «Коренные малочисленные народы Севера»²⁵.

Несмотря на наличие у промышленных и ресурсодобывающих компаний позитивного опыта в области социального партнерства с КМНС, отношения между бизнесом и коренными народами пока еще не вышли на оптимальный уровень, удовлетворяющий обе стороны.

Что касается США, то их политика в отношении коренного населения Аляски имеет свою существенную специфику. Аборигенное население штата состоит из нескольких основных групп народов, отличающихся в культурном и языковом отношениях: алеуты, атабаски, эйя, эскимосы, хайда, тлинкиты, цимшианы. Ряд исследователей предлагает более крупное деление: эскимосы, индейцы и алеуты²⁶. Всего на территории Аляски проживает 229 из 566 официально признанных племен коренных народов США. В языковом отношении выделяются 4 основные языковые группы (эскимосско-алеутская, цимшианская, хайда, атабаско-эйятлинкитская), включающие в себя 20 языков²⁷.

²⁵ Сургутнефтегаз. Политика в области взаимоотношений с КМНС. — URL: <https://www.surgutneftegas.ru/responsibility/ecology/vzaimootnoshenie-s-kmns/politika-v-oblasti-vzaimootnosheniy-s-kmns/>

²⁶ *Barnhardt C.* A history of schooling for Alaska native people// Journal of American Indian Education. 2001. Volume 40, Number 1 Fall. — URL: <http://www.ankn.uaf.edu/curriculum/Articles/CarolBarnhardt/HistoryofSchooling.html>.

²⁷ *Roderick L.* Do Alaska Native People Get Free Medical Care? And other frequently asked questions about Alaska Native issues and cultures. Anchorage: University of Alaska Anchorage and Alaska Pacific University, 2008; *Williams G.*

На уровне федеральных законов политика в отношении народов, проживающих в арктической зоне или других районах Аляски, как правило, не отделена от общей политики в отношении коренного населения США. Американские индейцы и коренное население Аляски (American Indians and Alaska Natives) являются единым объектом политики и статистического учета. На федеральном уровне политика в отношении коренного населения Аляски, как и в отношении всех коренных народов США, регулируется президентом, Конгрессом (в части принятия законов), Министерством внутренних дел США (Бюро по делам индейцев — Bureau of Indian Affairs и Бюро образования индейцев — Bureau of Indian Education). Значительную роль играет законодательство и решения судов на уровне штата Аляска²⁸.

Стратегические документы США в отношении Арктики уделяют довольно значительное внимание коренным народам. Директива президента США № 66 от 2009 г. указывает в качестве одного из направлений политики привлечение коренных народов Арктики к принятию решений, которые могут повлиять на них²⁹. Национальная стратегия США в Арктическом регионе 2013 г. повторяет это положение и подчеркивает уникальные правовые отношения между племенными правительствами и федеральными властями США³⁰. Одним из принципов, закрепленных в стратегии, является консультация и координация действий с коренными народами Аляски в соответствии с указом президента США № 13175 «Консультация и координация с правительствами индейских племен» 2000 г. и Принципами проведения исследований Аляскинской федерации коренных народов, принятыми в 1993 г.³¹

Race and Ethnicity in Alaska// Alaska Economic Trends. 2001. October. Pp. 11–21. — URL: <http://laborstats.alaska.gov/trends/oct01art2.pdf>.

²⁸ Чернухина Л.С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия// Журнал Российского права. 2014. № 7(211). С. 104–116.

²⁹ National Security Presidential Directive (NSPD-66) and Homeland Security Presidential Directive (HSPD-25). Arctic Region Policy.

³⁰ National Strategy for the Arctic Region.

³¹ U.S. President. Executive Order 13175 of November 6, 2000 — Consultation and Coordination with Indian Tribal Governments. — URL: <http://www.state.gov/documents/organization/136740.pdf>.

Племена коренных народов Аляски признаны правительством США и, наряду с племенами американских индейцев, имеют право на самоуправление, юрисдикцию над своими членами, заключение договоров, влияние на содержание школьного образования, принятие мер по сохранению культурного наследия. Однако есть несколько важных отличий. Очевиден более высокий уровень мобилизации коренного населения Аляски по сравнению с американскими индейцами, проживающими в других штатах США.

Закон об удовлетворении требований коренных жителей Аляски (ANCSA) 1971 г. обеспечил собственность аборигенного населения над значительной частью территории Аляски³². Благодаря предусмотренному этим законом наличию некоммерческих корпораций, коренное население имеет возможность направлять средства этих корпораций на развитие образовательных программ, системы здравоохранения и сохранение культурного наследия. ANCSA также отменил резервации на территории Аляски, кроме резервации Метлакатла в юго-восточной Аляске. По этой причине на Аляске нет так называемых «индейских казино», которые могут располагаться только на территории резерваций. В сфере образования несомненными успехами являются обязательство штата Аляска обеспечить каждое сельское поселение средней школой и разрешенное билингвальное образование в школах.

Наравне с признанными на федеральном уровне племенами, важными субъектами политики являются объединения коренных народов Аляски, такие как Аляскинское братство коренных народов (Alaska Native Brotherhood, основано в 1912 г.), Центральный совет тлинкитов и хайда (Tlingit and Haida Central Council, основан в 1939 г.), Аляскинская сестринская община коренных народов (Alaska Native Sisterhood), Аляскинская федерация коренных народов (Alaska Federation of Natives, основана в 1966 г.), Циркумпольная конференция инуитов (Inuit Circumpolar Conference, основана

³² Jones R. Alaska Native Claims Settlement Act of 1971 (Public Law 92-203): History and Analysis together with Subsequent Amendments. Report No. 81-127 GOV. June 1, 1981. — URL: www.alaskool.org/projects/ancsa/reports/rsjones1981/ancsa_history71.htm.

в 1975 г.). Эти организации сыграли большую роль в защите прав коренного населения³³.

Аборигенные народы Аляски входят в международные организации, объединяющие коренные народы разных стран. Одной из наиболее влиятельных организаций подобного рода в Арктике является Циркумпольный совет инуитов (Inuit Circumpolar Council), постоянный участник Арктического совета. Также постоянными участниками Арктического совета являются другие объединения, включающие в себя коренные народы Аляски: Международная ассоциация алеутов, Арктический совет атабасков и Международный совет гвичинов.

Несмотря на нормативно-правовое обеспечение политики мультикультурализма в отношении аборигенных народов Аляски, ее результаты оказались неоднозначны с точки зрения социально-экономического благополучия коренных жителей. Получение аборигенным населением в собственность земель и ресурсов стало беспрецедентным примером. Однако принятие ANCSA воспринимается самими аляскинцами не только положительно. Создание корпораций не означает, что каждый коренной житель получает дивиденды от их деятельности. Во-первых, не все корпорации получают прибыль. Во-вторых, акционерами в большинстве случаев являются лица, родившиеся не позднее 18 декабря 1971 г. — времени принятия ANCSA. 21% коренных жителей населения Аляски живет за чертой бедности. Это ощутимо ниже аналогичной цифры для индейцев США (27%), но значительно выше среднего значения по стране (14,3%)³⁴. Значительная часть сельского населения по-прежнему живет только за счет традиционных промыслов — охоты и рыбной ловли.

Несмотря на специальные программы в сфере здравоохранения, смертность коренного населения Аляски в 2000 г. была заметно

³³ *Левит Л.В.* Приполярный совет инуитов как институт гражданского общества в арктических государствах и орган по защите прав и интересов аборигенного населения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 11. С. 58–62.

³⁴ *Macartney S., Bishaw A., Fontenot K.* Poverty Rates for Selected Detailed Race and Hispanic Groups by State and Place: 2007–2011. 2013. P. 2. — URL: <http://www.census.gov/prod/2013pubs/acsbr11-17.pdf>.

выше, чем у других групп населения. И сегодня у аборигенных жителей наблюдается более высокий уровень самоубийств: 50,9 случаев на 100 000 населения, что превышает среднюю цифру по стране в 4 раза³⁵. Актуальными проблемами социального характера являются высокий уровень насилия и потребления алкоголя.

Если в целом успешной можно признать политику в области охвата образованием коренных народов Аляски, то проблемой является более низкая успеваемость коренного населения Аляски, которые чаще отчисляются из школ и колледжей, чем остальные студенты. Но меры поддержки, включая стипендии от корпораций и фондов, позволили улучшить ситуацию за последние годы.

По-прежнему острой проблемой остается вопрос сохранения языков: 17 из 20 языков народов Аляски насчитывают менее 1 000 носителей³⁶. С 1970-х гг. на уровне штата ведется активная деятельность по изучению, поддержке преподавания языков и сохранению языкового наследия. В настоящее время Университет Аляски (кампус в г. Фербенкс) реализует 6 образовательных программ и 9 отдельных курсов по языкам коренных народов Аляски, прежде всего для школьных учителей³⁷. В 2014 г. парламент Аляски одобрил Билль о коренных языках Аляски (*Alaska Native Languages Bill*), согласно которому 20 языков коренных народов Аляски становились государственными наряду с английским. Несмотря на то что этот закон был впоследствии отменен в судебном порядке на федеральном уровне³⁸, это говорит о том, что вопросы сохранения культурного и языкового наследия стоят на повестке дня федеральных и региональных властей и активно обсуждаются в обществе.

Современная политика США в отношении коренных народов Аляски строится на принципах мультикультурализма, признания и поддержки развития традиционных культур. Среди ее достижений

³⁵ Голомидова П.С., Сабуров А.А. Указ. соч. С. 74.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Alaska native languages introduction and history. — URL: <http://www.akhistorycourse.org/alaskas-cultures/alaska-native-languages-introduction-and-history>.

можно выделить высокий уровень самоорганизации и самоуправления коренного населения, законодательно закрепленные права на землю и ресурсы, успехи в сохранении культурного наследия. Вместе с тем наследие многих лет поддерживаемой государством и широкими слоями общества политики ассимиляции и сегрегации не преодолено окончательно. Проблемы социально-экономического характера, с которыми сталкиваются коренные жители, представляют потенциальную угрозу для политической стабильности на Аляске. Среди них низкий уровень доходов коренного населения, высокая смертность, высокий уровень потребления алкоголя, самоубийств, насилия, более низкий уровень образования. Серьезным вызовом является также сокращение носителей преобладающего числа традиционных языков народов Аляски.

* * *

В отличие от периода холодной войны, когда Арктика была зоной глобальной конфронтации между СССР и США/НАТО, в настоящее время Москва и Вашингтон в целом видят в Арктике регион международного сотрудничества. Хотя угрозы «жесткой» безопасности сохраняются, повестка «мягкой» безопасности все же является более важной с точки зрения долгосрочной стратегии России и США в Арктике.

Внутри арктического региона нет противоречий, которые требовали бы военного решения. Россия в большей степени обеспокоена вызовами «мягкой» безопасности АЗРФ: преобладание добывающей индустрии и экспорта энергоносителей, социально-экономическое неравенство между северными российскими регионами, деградация городской инфраструктуры, экологические проблемы, угрозы традиционному образу жизни коренных народов Севера и Дальнего Востока. Москва сосредоточена на выработке управленческих решений в области социально-экономической политики в АЗРФ и не претендует на территориальный или иной передел за счет соседей.

Освоение арктических пространств и превращение АЗРФ в основную ресурсную базу на обозримую перспективу требует реализации долгосрочных планов устойчивого развития региона. Не только Россия, но и другие арктические прибрежные государства в развитии

своих северных территорий опираются на международное сотрудничество для привлечения инвестиций и технологий, для организации совместных природоохранных и поисково-спасательных действий, для проведения научных исследований. При этом они все едины в том, что экономические и суверенные права на территории и водные пространства Арктики должны быть надежно защищены в рамках национальной юрисдикции и международного права.

Россия как арктическое государство и трезвомыслящие силы в США считают, что повестка дня арктического сотрудничества могла бы включить в себя следующие области: борьба с последствиями изменения климата, охрана окружающей среды, борьба с чрезвычайными ситуациями, безопасность на воздушном и морском транспорте (включая имплементацию Полярного кодекса, нанесение на карту безопасных морских путей и картографирование), поисковые и спасательные операции, арктические исследования, проблемы коренных народов, трансграничное и приграничное сотрудничество и культура.

Для реализации этой амбициозной повестки дня необходима основательная институциональная поддержка со стороны США и России. Для этой цели региональным организациям в лице Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона, а также глобальным в лице Международной морской организации, Программе ООН по окружающей среде, Программе ООН по развитию, несколько снизившим свою активность в Арктике из-за недавнего ухудшения отношений между Россией и Западом, нужно придать новый импульс для развития сотрудничества.

«Человеческое измерение» арктической политики имеет важное значение и для России, и для США. Все указанные выше сферы сотрудничества создают перспективу для дальнейшего исследования специфики вызовов для безопасности человека в Арктике, позволяя адаптировать это понятие применительно к региональным условиям. Концепция безопасности человека в Арктике способна стать удобным форматом двустороннего сотрудничества России и США в современных условиях. Однако к настоящему времени в доктринальных документах двух государств концепция безопасности человека не используется, она «растворена» в широком спектре решаемых социально-экономических, экологических, культурных и других задач.

Между тем разработка национальных концепций безопасности человека применительно к условиям Арктики позволила бы системно решать соответствующие задачи, увязывая их между собой в единую перспективу, а не распыляя ответственность между многочисленными ведомствами.

В силу исторических особенностей освоения арктических территорий, особенностей взаимодействия с федеральными властями, правовым статусом коренных народов, политической культурой России и США, угрозы и вызовы безопасности человека имеют свою специфику, так же как и пути их нейтрализации. В то же время у России и США есть и общие точки соприкосновения для сотрудничества, особенно такие, как сохранение культурного уклада коренных народов, повышение их экономического благосостояния, медицинского обслуживания и образования; выработка стратегий устойчивого развития применительно к Арктике; сохранение традиционной среды обитания и природоохранная деятельность; культурное взаимодействие коренных народов Аляски и Русской Арктики.

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОННОЙ СТРАТЕГИИ США В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Несколько лет назад Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш говорил о реальной опасности возникновения новой холодной войны. В своем широком выступлении перед Генеральной Ассамблеей глава ООН изложил стратегию решения проблемы, которую он назвал «четыре всадника среди нас», или всадники Апокалипсиса, и призвал страны воспользоваться 75-летием Организации Объединенных Наций для обеспечения мирного будущего для всех людей. По его мнению, главными вызовами международной безопасности являются геополитическая напряженность, климатический кризис, глобальное недоверие и злоупотребление техническим прогрессом.

Можно дискутировать о том, что вызывает геополитическую напряженность, — глобальное недоверие или наоборот, но факт остается фактом: мир не становится более стабильным и безопасным. По оценкам ученых, кардинально меняется мировой геополитический ландшафт. Одни, как Г. Киссинджер, считают, что он чем-то напоминает Европу конца XIX — начала XX века. Другие, как С. Караганов, дают более пессимистическую оценку, заявляя, что «теряет эффективность, а то и сознательно разрушается большинство институтов и режимов международного регулирования. В геополитическом отношении намечилось формирование чего-то похожего даже не на вестфальскую, а на довестфальскую систему — без понятий и правил. Это одна из главных, хотя и не единственная причина возрождения роли военной силы в международных отношениях»¹. Активным игроком и в значительной степени триггером таких изменений являются США, которые сохранили свои прежние приоритеты глобальной и региональной стратегии, заключающиеся в следующем:

— сохранение американского доминирования с помощью поддержания выгодного для США баланса сил в мире;

¹ Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2.

- недопущение появления равного по силам государства-соперника или коалиции держав, которые могли бы нарушить сложившийся баланс силы в каком-либо важном для США регионе;
- распространение западной либеральной демократии и американских ценностей.

В настоящее время особенное место на геополитической карте мира занимает Индийский океан и АТР. Именно там поднимаются самые влиятельные геополитические и геоэкономические центры силы, и именно там проходят основные морские пути, которые обеспечивают не только рост ведущих акторов, но и всей мировой экономики в целом.

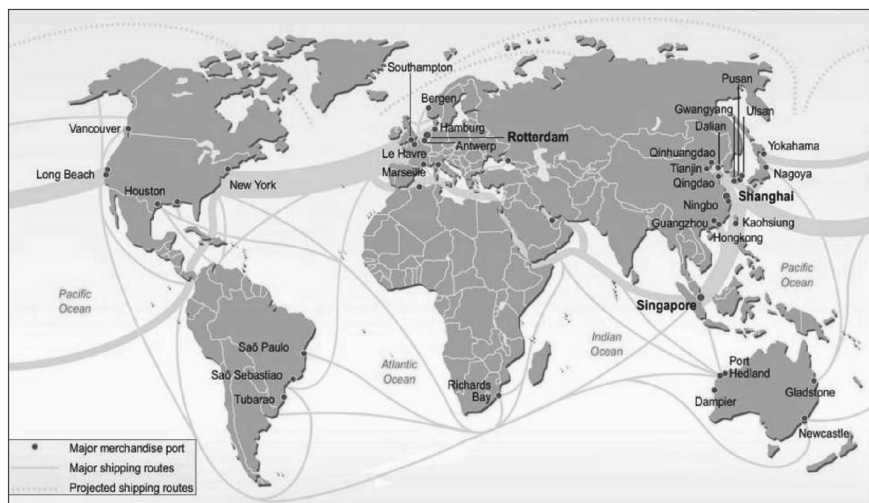

Рис. 1. Основные мировые морские торговые пути²

По словам американского геополитика Р. Каплана, регион Индийского океана фактически стал «центральной ареной XXI века», а высокопоставленный сингапурский дипломат Б. Каусикан назвал Юго-Восточную Азию «Балканами Азии». Эти изменения получили свое отражение и в американском видении своих стратегических задач. На саммите АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 г. президент Д. Трамп

² Pivot to the Pacific? The Obama Administration's «Rebalancing» Toward Asia, Congressional Research Service, March 28, 2012. P. 27.

заявил о своем понимании роли и места АТР и региона Индийского океана, которое было позже воплощено в Индо-Тихоокеанскую стратегию США. Эту стратегию необходимо рассматривать в контексте стратегии национальной безопасности США (2017 г.), в которой постулировался отход от войны с терроризмом как главной угрозы безопасности США и их союзникам к соперничеству между крупными державами, в числе которых ведущее место занимает КНР.

Несмотря на смену администрации в Белом доме после президентских выборов 2020 г., оценка Китая как главного геополитического соперника не изменилась. Государственный секретарь Э. Блинкен заявил: «Мы справимся с самым большим геополитическим испытанием XXI века: нашими отношениями с Китаем... Китай — единственная страна с экономической, дипломатической, военной и технологической мощью, способная серьезно бросить вызов стабильной и открытой международной системе — всем правилам, ценностям и отношениям, которые заставляют мир работать так, как мы хотим, потому что он в конечном счете служит интересам и отражает ценности американского народа. Наши отношения с Китаем будут конкурентными, когда это необходимо, совместными, когда это возможно, и состязательными, когда это требуется. Общим знаменателем является необходимость вовлечения Китая с позиции силы. Это требует работы с союзниками и партнерами, а не их очернения, потому что наш общий вес гораздо труднее игнорировать Китаю. Это требует участия в дипломатии и в международных организациях, потому что там, где мы отступили, Китай занял свое место»³.

Согласно Индо-Тихоокеанской стратегии министерства обороны США этот регион важен для страны по ряду факторов, в частности таких, как: двусторонняя торговля США в рамках АТЭС достигает \$2,3 триллиона, прямые инвестиции насчитывают \$1,3 триллиона. Это больше, чем инвестиции КНР, Южной Кореи и Японии вместе взятые. Среди 10 самых крупных армий мира 7 находятся в этом регионе, в то время как 6 стран региона обладают ядерным оружием.

³ *Blinken A.A* Foreign Policy for the American People, Washington D.C., March 3, 2021. — URL: <https://www.state.gov/a-foreign-policy-for-the-american-people/>

Для полноты картины необходимо выделить еще ряд факторов, которые повлияли на геополитические изменения в регионе, а именно: уже упоминавшийся сдвиг центра мировой геополитической и геоэкономической силы в АТР и повышение роли региональных держав и организаций, таких как АСЕАН; рост влияния КНР в регионе АТР и расширение его через реализуемый проект «Один пояс — один путь» в регион Индийского океана и дальше в Европу; продолжающаяся ядерная программа КНДР; необходимость сохранения контроля США над растущим потенциалом союзников, таких как Япония, стремящихся приобрести возможности для проецирования силы через развитие передовых военных технологий. К ним относятся быстро модернизирующиеся БЛА (беспилотные летательные аппараты) и противокорабельные ракеты. Государства, обладающими такими технологиями, способны поставить под сомнение монополию США на абсолютное традиционное военное превосходство в этом регионе. Определенную роль сыграли и выход США из Транстихоокеанского партнерства в 2017 г., и нежелание президента Д. Трампа участвовать в многосторонних международных форматах, а также его заявление об уменьшении затрат США на военную поддержку союзников и партнеров, перекладывание на них финансовой ответственности за свою безопасность. В частности, США потребовали от Южной Кореи увеличить ее долю на ежегодную оплату американских военных объектов с \$870 млн до почти \$5 млрд. Относительно всех этих процессов и явлений наметилась тенденция уменьшения влияния США на протекающие в этой части мира процессы.

Сам факт геополитических и геоэкономических сдвигов в регионе не произошел одновременно, как и повышение его важности. Все это привлекло внимание еще президента Б. Обамы, который предложил свою стратегию «перебалансировки» (rebalancing). Президент Трамп предложил объединить АТР с регионом Индийского океана в Индо-АТР как новый геополитический концепт.

Вместе с тем необходимо отметить некоторые отличия стратегии администрации Трампа от стратегии Обамы в этом регионе. В первых, если в стратегии Обамы Китай больше рассматривался как соперник или конкурент за лидерство, то при Трампе Китай перешел в разряд ревизионистской державы, вызывающей еще бóльшую угро-

зу для США, особенно в данном регионе. Во-вторых, новое, что появилось в риторике руководителей США, — это заявления о Китае не только как о стране, меняющей баланс силы, но еще и как о стране, нарушающей международный порядок, построенный на правилах, которые создали и продвигают США и их союзники, пытаются отодвинуть ООН и нарушая тем самым международное право. В-третьих, согласно Индо-Тихоокеанской стратегии, США предполагают продвижение интеграции в регионе (*networked region*) под своим управлением, привлекая к этому проекту своих союзников и партнеров, предложив им разделить и расходы за обеспечение безопасности.

Рис. 2. Индо-Тихоокеанский регион

В то же самое время некоторые западные эксперты отмечали, что концептуализация Индо-Тихоокеанского региона была недостаточно обоснованной, т.к. она ограничивала определение региона от западных берегов США до западного побережья Индии. Таким образом, исключался весь западный Индийский океан, Ближний Восток, Пакистан, Восточная Африка и многие островные государства. Вполне вероятно, администрация Байдена внесет свои коррективы и расширит границы региона.

Индо-Тихоокеанскую стратегию США следует рассматривать через призму официальных национальных интересов, сформулирован-

ных в стратегии национальной безопасности, которые заключаются в следующем.

1. «Защитить американский народ, территорию и американский образ жизни.

2. Укреплять американское процветание через справедливые и взаимные экономические отношения, выправляя торговые дисбалансы.

3. Сохранить мир, модернизируя нашу военную силу, чтобы она оставалась преобладающей, и полагаться на союзников и партнеров с целью нести справедливую часть нагрузки ответственности для защиты от общих угроз.

4. Продвигать американское влияние, конкурируя и беря на себя ведущую роль в многосторонних организациях так, чтобы американские интересы и принципы были защищены»⁴.

США серьезно озабочены все более растущей ролью Китая в регионе и политикой, направленной на усиление своего влияния. Разведывательный обзор США констатирует: «Наша оценка заключается в том, что китайские руководители постараются расширить глобальную экономическую, политическую и военную зону влияния, используя военные возможности Китая, заморскую инфраструктуру и инвестиции в энергетику в рамках инициативы “Один пояс — один путь” с целью уменьшить американское влияние. Китай построил свой первый заморский военный объект в Джибути и, вероятно, изучает возможность создания баз, объектов поддержки или соглашений по доступу в Африке, Европе, Океании, Юго-Восточной и Южной Азии»⁵. В Морской стратегии трех родов вооруженных сил США подчеркивается, что «в то время как военно-морские силы США глобально рассредоточены, поддерживая американские интересы и сдерживая агрессию от многочисленных угроз, численно превосходящие силы Китая сконцентрированы главным образом на западе АТР. Однако по мере того как Китай стремится установить свою ге-

⁴ National Security Strategy of the United States of America, 2017. Washington D.C. P. 4.

⁵ World Wide Threat Assessment of the US Intelligence Community, January 29, 2019. P. 25.

гемонию в регионе, он также расширяет свой глобальный охват. Китайская инициатива «Одного пояса и одного пути» расширяет свою заморскую логистику и размещает инфраструктуру таким образом, чтобы позволить своим силам действовать дальше от побережья, чем когда-либо ранее, включая Заполярье, Индийский и Атлантический океан»⁶.

Таким образом, в документах подтверждается, что США рассматривают рост присутствия КНР в этих регионах как враждебную попытку укрепить свое влияние, вытеснив оттуда США, а проект «Один пояс — один путь» соответствующим инструментом в реализации этого долгосрочного замысла.

С другой стороны, озабоченность США вызывает недостаточность их предыдущих военных усилий для того, чтобы остановить или существенно затормозить подъем азиатского гиганта. «Сегодня мы отходим от стратегической атрофии, понимая, что наше конкурентное военное превосходство подорвано... Межгосударственное стратегическое соперничество, а не терроризм является главной проблемой для национальной безопасности США»⁷. Отсюда следует заключение, что если не принимать соответствующие меры, то будет подорвана способность США сохранить выгодный для себя региональный баланс силы и свое доминирование в Индо-АТР.

Одна из особенностей стратегии Трампа заключается в том, что она носит интегрированный характер. Стратегия нацелена на создание единого взаимосвязанного региона, в котором будут активно поддерживать США не только такие традиционные партнеры по АТР, как Япония или Австралия, но и Индия, а также АСЕАН. Цель стратегии заключается в том, чтобы как минимум затормозить, а как максимум остановить рост влияния КНР. Непосредственно сама стратегия направлена на срыв китайского проекта «Один пояс — один путь», который реализуется в данном регионе.

⁶ Advantage at Sea Prevailing with Integrated All-Domain Naval Power. Washington D.C., December 2020. P. 4.

⁷ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington D.C., 2018. P. 1.

Рис. 3. Индо-Тихоокеанская стратегия США

Реализуя Индо-Тихоокеанскую стратегию, США опираются на свой военный потенциал. Глобальные интересы полностью проецируются и в Индо-АТР. В развитие этих интересов министерство обороны США сформулировало свое видение того, какие универсальные задачи оно должно решать в мире. В частности:

- «1) защитить территорию страны от нападения;
- 2) сдерживать противников от покушения на наши жизненно важные интересы;
- 3) сохранить выгодный баланс силы в Индо-Тихоокеанском регионе, в Европе, на Ближнем Востоке и в Западном полушарии;
- 4) защищать союзников от вооруженной агрессии, поддерживать партнеров против принуждения и выступать за справедливое распределение ответственности для взаимной обороны»⁸.

Здесь необходимо выделить региональный уровень. Начальник стратегического командования США (USSTRATCOM) адмирал Ч. Ричард, выступая в комитете Сената по вооруженным силам

⁸ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, Sharpening the American Military's Competitive Edge. P. 4.

США, отметил: «Китай продвигает всеобъемлющую программу модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и создает сильную, смертоносную силу, способную покрыть все сферы (ведения боевых действий. — *О.И.*), электромагнитный спектр и информационную среду. Эти инициативы усиливают способность Китая проецировать силу дальше от своей территории и поддерживают его устремления навязать свою волю всему Индо-Тихоокеанскому региону. Военная модернизация Пекина поддерживает долгосрочные цели установить региональную гегемонию, лишить США возможности проводить операции по проекции силы в Индо-Тихоокеанском регионе и вытеснить США как партнера по выбору в безопасности»⁹. Такая оценка подразумевает, что стратегическое командование США рассматривает регион как особую зону своей ответственности и будет препятствовать росту влияния КНР в рамках своих возможностей и полномочий.

В настоящее время все военное планирование на театре военных действий (ТВД) региона подчинено возможному противостоянию крупных держав. Выступая в Военно-морском колледже США, американский министр обороны М. Эспер подчеркнул, что, во-первых, Индо-Тихоокеанский регион является приоритетным ТВД для ВМС США и министерство обороны все больше исходит из необходимости готовиться к соперничеству великих держав. В частности, Эспер отметил: «Многие из вас провели большую часть своей карьеры, участвуя в иррегулярной войне или готовясь к ней, но времена изменились»¹⁰.

Региональная составляющая американской стратегии реализуется через концепцию передового присутствия (*forward presence*). В настоящее время численный состав индо-тихоокеанского командования США насчитывает «более 2 000 боевых самолетов, 200 кораблей и подводных лодок и более чем 370 000 военнослужащих

⁹ Statement of Charles A. Richard Commander United States Strategic Command before the Senate Committee on Armed Services, February 13, 2020. P. 3–4.

¹⁰ Esper calls for new basing investments in the Pacific. — URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2019/08/27/esper-calls-for-new-basing-investments-in-the-pacific/>

и гражданских лиц, находящихся в зоне ответственности»¹¹. Как отмечается в докладе, основная часть вооружений расположена в Японии и в Южной Корее. Большая группировка сил также находится на острове Гуам, с которого поддерживается оперативная деятельность всех сил, действующих в Индо-АТР.

Согласно докладу по Индо-Тихоокеанской стратегии США, дислоцированные в АТР американские вооруженные силы должны быть динамичны и одновременно распределены по региону таким образом, чтобы обеспечить быстрый доступ во все точки региона. При этом непременным условием их успешных действий должно быть заблаговременное размещение необходимого военного снаряжения в регионе. Сами же войска должны отвечать определенным критериям, а именно:

- иметь экспедиционный характер;
- иметь гибкое размещение военно-морских и военно-воздушных сил;
- силам специального назначения находиться в состоянии боеготовности к иррегулярным действиям;
- быть готовыми к ведению борьбы с подводными лодками;
- быть способными вести кибервойну;
- обладать необходимыми средствами ведения разведки.

На фоне растущего влияния КНР и меняющегося баланса сил в регионе в пользу Китая начальник индо-тихоокеанского командования США адмирал Ф. Дэвидсон, выступая в Конгрессе, предложил свою стратегию под названием «Восстановить преимущество» (Regain the Advantage). Суть стратегии заключается в том, чтобы «убедить потенциальных противников, что любое упреждающее военное действие будет чрезвычайно затратным и, вероятно, провальным в результате проекции военной силы во время кризиса и предоставляет президенту и министру обороны несколько гибких вариантов сдерживания, включающих полный оперативный план, если это будет необходимо»¹².

¹¹ Indo-Pacific Strategy Report, Department of Defense, June 1, 2019. P. 19.

¹² National Defense Authorization Act (NDDA) 2020, Section 1253 Assessment, U.S. Indo-Pacific Command's Investment Plan for Implementing the National Defense Strategy, Fiscal Years 2022- 2026. Washington D.C. 2020. P. 1.

Кроме этого были озвучены и необходимые финансовые затраты на ее реализацию в 2022–2026 гг. в сумме \$20 млрд. По сути дела предложено направить стратегию «Восстановить преимущество» по пути американской «Европейской инициативы по сдерживанию» России и создать нечто похожее на нее, но уже в регионе АТР и Индийского океана, где главным объектом воздействия является Китай.

Согласно стратегии «Восстановить преимущество» предусмотрены следующие направления:

1) эффективность действий объединенных сил. В рамках этого направления предусматривается развернуть интегрированную систему ПВО (Homeland Defense System — Guam) на Гуаме, а также высокоточные, повышенной выживаемости ударные комплексы вдоль Первой островной цепи. «Эти комплексы оперативно децентрализованы и географически разбросаны вдоль архипелагов в западной части АТР для сдерживания и обороны, а также для устранения возможности по закрытию доступа и пространства с целью ограничить свободу действий и доступа американским силам к жизненно важным морским и воздушным путям»¹³;

2) структура вооруженных сил и их размещение. Здесь предусматривается отход от концентрации сил на крупных централизованных базах в пользу более разбросанных баз с ротацией личного состава, способного обеспечить эффективность и выживаемость. Последнее становится особенно актуальным ввиду того, что КНР успешно развивает вооружение дальнего радиуса действия;

3) поддержка союзников и партнеров. США продолжают уделять большое внимание своим союзническим и партнерским связям, которые они рассматривают как необходимый инструмент обеспечения своих национальных интересов. Союзнические и партнерские связи не только поддерживают американские ценности и способствуют их распространению. «Союзы за годы укрепили доверие, понимание, уважение, оперативную совместимость, обмен информацией и общий взгляд на региональный ландшафт безопасности. Они также создают

¹³ National Defense Authorization Act (NDDA) 2020, Section 1253 Assessment, U.S. Indo-Pacific Command's Investment Plan for Implementing the National Defense Strategy, Fiscal Years 2022–2026. Washington D.C. 2020. P. 2.

основу для укрепления взаимосвязанной архитектуры безопасности, которая обеспечивает дополнительную оперативную совместимость и координацию. Американские союзы и партнерства лежат в основе поддержки международного порядка, построенного на правилах»¹⁴. Очевидно, что Китай, считающийся ревизионистской страной, остается за пределами международного порядка, построенного на американских правилах, а вся деятельность США направлена на поддержание коалиции, нацеленной на сдерживание КНР;

4) учения, испытания и инновации. Адмирал Дэвидсон заявил, что «в настоящее время США проводят 90 учений каждый год в Индо-Тихоокеанском регионе. Для того чтобы изменить расчеты наших противников, мы должны лишить их возможности контролировать воздушное и морское пространство вокруг Первой островной цепи. Вооруженные силы США должны быть готовы воевать в жесткой конкурентной среде против высокотехнологичных противников, минимизируя при этом свое обнаружение в сферах боевых действий»¹⁵. Упоминание Первой островной цепи однозначно указывает на то, что военное руководство США готовится к боевым действиям против КНР. Программа военной модернизации Китая, которая все больше делает возможным проецирование военной силы все дальше от материковой части страны, вызывает особую озабоченность в США;

5) тыловое обеспечение и безопасность. Расширение ТВД и присутствия вооруженных сил США в регионе требует и соответствующих изменений в тыловом обеспечении. Здесь военное руководство США планирует расширить возможность ремонта боевой техники, аэродромов, а также укрепить инфраструктуру для С4И (command, control, communications, computers, intelligence — командование, контроль, связь, компьютеры, разведка). Важной сферой деятельности является обеспечение морской безопасности совместно с союзниками и партнерами США, нацеленной на борьбу с наркотиками и терроризмом. Особенно отмечают информационные операции.

¹⁴ National Defense Authorization Act (NDDA) 2020, Section 1253 Assessment, U.S. Indo-Pacific Command's Investment Plan for Implementing the National Defense Strategy, Fiscal Years 2022–2026. Washington D.C. 2020. P. 4.

¹⁵ Ibidem. P. 5.

В документе подчеркивается: «Меняющаяся роль информации в Индо-Тихоокеанском регионе позволяет как государственным, так и негосударственным акторам подрывать наши отношения с партнерами и союзниками. Индо-тихоокеанское командование США поддерживает применение различных средств контрпропаганды, нацеленных на враждебное влияние»¹⁶.

В качестве подготовки к противостоянию крупных держав США, кроме сохранения своего лидирующего положения, считают необходимым расширить свое военное присутствие, включая те точки региона, где раньше их не было. По оценкам американских экспертов, это включает усиленное сотрудничество с такими традиционными союзниками, как Сингапур и Филиппины, а также использование аэродрома Ю-Тапао ВМС Таиланда и более широкое сотрудничество с Вьетнамом. Кроме этого созданы возможности для доступа военных США к инфраструктуре в Малайзии и Индонезии. В поле зрения военных США попали особо не интересовавшие их ранее Федеративные Штаты Микронезии и Содружество Северных Марианских островов. На острове Папуа-Новая Гвинея США вместе с Австралией строят новую военно-морскую базу. Другие острова, Яп и Палау, а также водные просторы вокруг них являются важными для обеспечения доступа ВМС и ВВС США. Бывший специальный помощник главы Тихоокеанского командования США Э. Сэйерс отмечает: «Это позволяет нам диверсифицировать базы, которые есть в нашем распоряжении, тем самым усложнив планирование НОАК (Народно-освободительной армии Китая. — *О.И.*), избегая при этом зависимости от крупных баз, которые могут стать точками провала, и дает возможность снизить политические и дипломатические риски, слишком полагаясь на такие места, как Филиппины, где мы можем получить доступ только в случае спора, в котором они (Филиппины. — *О.И.*) участвуют»¹⁷.

¹⁶ National Defense Authorization Act (NDDA) 2020, Section 1253 Assessment, U.S. Indo-Pacific Command's Investment Plan for Implementing the National Defense Strategy, Fiscal Years 2022- 2026. Washington D.C. 2020. P. 7.

¹⁷ Esper calls for new basing investments in the Pacific. — URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2019/08/27/esper-calls-for-new-basing-investments-in-the-pacific/>

Кроме ВМС и ВВС большое значение военное командование США придает корпусу морской пехоты. Согласно планам, около 5 тыс. морских пехотинцев будет переброшены с острова Окинава на разные базы: 2 700 человек на Гавайи, 1 300 в Дарвин (Австралия) и 4 100 на Гуам.

Особое место в стратегии США занимают союзники и партнеры. «Во времена холодной войны и до настоящего времени региональная архитектура безопасности в АТР выглядела в виде “колеса”, где США играли роль “втулки”, в которую вставлялись “спицы” — двусторонние альянсы США со своими союзниками в регионе. При этом союзники замыкались на Соединенные Штаты и были слабо связаны друг с другом. По сути это была веерная блоковая система безопасности»¹⁸. В настоящее время в связи с изменениями, произошедшими в регионе, такая система уже не полностью отвечает требованиям США. Возникает необходимость привлечения новых стран на свою сторону и создания нового формата отношений с ними. В предыдущей системе государства-спицы были равны перед США. Индо-Тихоокеанская стратегия меняет расклад сил. Одни государства, такие как Австралия, Япония, Индия, помогают США охватывать КНР. Другие же, такие как Вьетнам, Сингапур, Южная Корея, оказываются в группе менее важных партнеров. Таким образом, например, равный статус перед США для Южной Кореи и Японии оказывается под вопросом. Есть определенные ограничения и в двустороннем сотрудничестве между Южной Кореей и Японией после того, как Президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин отказался возобновить двустороннее соглашение об обмене разведывательными данными. Кроме этого некоторые эксперты указывают и на проблемы общего характера в отношениях между США и их союзниками. В частности, к ним относятся недостатки в координации, несовпадающие мнения по решению вопроса о совместном несении расходов, односторонняя отмена президентом Трампом крупных учений между США и Южной Кореей, которая осложнила двустороннее сотрудничество в области безопасности. В то же самое время Япония недовольна тем, что США не уделяют должного внимания ее торговым приоритетам и ее озабоченности относительно КНДР.

¹⁸ Современный мир и геополитика. — М.: Канон +, 2015. С. 323.

В последнее время наблюдается определенное сближение Индии и США. Как Индия, так и в особенности США озабочены ростом влияния Китая в регионе и охотно идут на взаимное сближение в рамках реализуемой американской стратегии. В свое время министр обороны США Л. Панетта отмечал, что взаимодействие с Индией является «несущей осью» в американской стратегии по «расширению военного сотрудничества и присутствия США в геостратегической дуге от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии»¹⁹. Сегодня Индия получила статус главного оборонного партнера США. В рамках стратегического партнерства была создана новая платформа сотрудничества Диалог 2+2, включающая министров обороны и руководителей внешнеполитических ведомств обеих стран. С 2019 г. начались новые военные учения «Триумф тигра», которые способствуют налаживанию большей координации двух стран и обмену опытом и знаниями в оборонной области. Министр обороны Индии Сингх отметил в ходе совместного брифинга с американскими партнерами в декабре 2019 г.: «В последние несколько лет мы приняли осознанное решение диверсифицировать и организовать на месте наши закупки вооружений. Увеличение оборонной торговли с США также является одним из важных аспектов. Мы также работаем над тем, чтобы поощрять более широкое сотрудничество между оборонными производственными секторами в Индии и США. Заключение соглашения о промышленной безопасности с США обеспечит необходимую основу для осуществления совместных разработок и налаживания совместных производственных связей в оборонно-промышленном секторе»²⁰.

Не секрет, что такое плотное сотрудничество направлено на сдерживание Китая в регионе. Государственный секретарь США Помпео

¹⁹ Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США// Россия в глобальной политике, сентябрь, 2018. — URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Indo-Tikhookeanskaya-strategiya-SShA-19762>.

²⁰ US Government. — URL: <https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-secretary-of-defense-mark-t-esper-minister-of-external-affairs-subrahmanyam-jaishankar-and-indian-minister-of-defense-shri-rajnath-singh-at-a-press-availability/>

отметил в ходе совместного брифинга с индийскими партнерами в декабре 2019 г.: «А что касается Китая, то мы обсудили риски, которые создают построенные Китаем коммуникационные сети, в том числе 5G, для наших заветных свобод, и то, как несправедливая и хищническая экономическая деятельность Китая в Индо-Тихоокеанском регионе представляет собой риск для этих самых свобод»²¹.

Однако, несмотря на некоторое сближение Индии с США, между ними сохраняются определенные нестыковки. На концептуальном уровне возникла проблема: как согласовать стратегию Трампа «Америка в первую очередь» с индийской концепцией премьер-министра Моди «Сделай в Индии». Как отмечают некоторые эксперты, обозначилось различное понимание и важности границ региона. Для США регион начинается от западного побережья США и достигает восточного побережья Африки. Этим объясняется переименование тихоокеанского командования США в индо-тихоокеанское и изменение оперативной зоны ответственности. Для Индии имеет значение территория от Австралии до Южной Африки и Персидского залива. Последний особенно важен для Индии. В то же самое время Индия не стремится играть такую же активную роль в АТР, как в Индийском океане. Таким образом, Индия вносит некоторую путаницу во взаимодействие с США, а также в разграничении зон ответственности американского Центрального и Африканского командования.

Несмотря на определенное сближение в своем стратегическом партнерстве, нельзя говорить о союзнических отношениях между Индией и США. Американский эксперт Аберкромби, работавшая в министерстве обороны США и имеющая опыт взаимодействия с Индией, обращает внимание на несколько характерных особенностей двусторонних отношений. Во-первых, в настоящее время военное партнерство не создало «привычки сотрудничества» в отличие от союзников США в регионе. Двусторонним отношениям не хватает зрелости, а ожидания от сотрудничества отличаются по своему уровню. Во-вторых, од-

²¹ US Government. — URL:<https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-secretary-of-defense-mark-t-esper-minister-of-external-affairs-subrahmanyam-jaishankar-and-indian-minister-of-defense-shri-rajnath-singh-at-a-press-availability/>

ним из главных мотивов стратегии США является наращивание оперативной совместимости США со своими союзниками и партнерами для совместных действий как в штатной ситуации, так и в условиях кризиса и конфликта. В то время как Индия не стремится, по крайней мере сейчас, к такой парадигме отношений. По мнению Аберкромби, «Нью-Дели похоже желает проводить консультации и координировать свои действия с Соединенными Штатами по оборонным вопросам взаимной озабоченности, но действует параллельно, а не совместно, добиваясь выгоды от сотрудничества, но в то же время сохраняя свою стратегическую автономность»²². Здесь также отмечается различие в подходах США и Индии. «Когда США делают акцент на оперативной совместимости и глубине взаимодействия, министерство обороны Индии рассматривает учения как способ создания доверия с иностранными партнерами и вместо этого подчеркивает широту, стремясь к взаимодействию со многими, но ни с кем к совместимости»²³.

При этом нужно иметь в виду, что степень сближения США и Индии в их взаимодействии в регионе будет зависеть от ряда факторов и их дальнейшей эволюции. Во-первых, неясно, как долго сохранится разница в понимании региональных приоритетов, т.е. пожелает ли Индия увеличить степень своей активности и взаимодействия с США в АТР. Во-вторых, будет ли Китай проводить такую политику, которую Индия станет рассматривать как угрозу своей безопасности, и как в целом будут развиваться отношения между Китаем и Индией. Если фактор Китая будет оцениваться как растущая угроза, то Индия может пойти на дальнейшее сближение с США. А если нет, то сближение не получит дополнительного импульса и будет иметь ограниченный характер. В-третьих, как возможное сближение с США отразится на отношениях с Россией. Индия, скорее всего, постарается сбалансировать дрейф в сторону США, сохранив при этом позитивную повестку дня с Россией.

Несмотря на выдвижение новой американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе и громкие заявления о сохранении своего

²² The United States, India, and the Future of the Indo-Pacific Strategy. — URL: <https://www.nbr.org/publication/the-united-states-india-and-the-future-of-the-indo-pacific-strategy/>

²³ Ibidem.

лидерства, США не вполне убедительно для стран региона демонстрируют свою приверженность, уменьшая свою вовлеченность в региональные процессы, выйдя из ТТП, отменив совместные учения с Южной Кореей, а также ведя тарифную войну со своими партнерами. При Трампе это свидетельствовало о противоречивости политики. К тому же американские партнеры чувствуют себя некомфортно, когда США ставят их перед выбором: сотрудничать с ними или с Китаем.

Оценка России относительно американской стратегии в Индо-АТР была озвучена Министром иностранных дел С.В. Лавровым: «Совместно с нашими индийскими друзьями на уровне Президентов, Премьер-министров, на уровне министров, экспертов, консультантов мы обсуждали как практические вещи, так и концептуальные вопросы, в т.ч. исходящие из новой концепции “Индо-Тихоокеанская стратегия”. Не считаем, что это лишь изменение в терминологии. Если Вы посмотрите на это с точки зрения географии, тогда “индо” отсылает нас ко всем странам, граничащим с Индийским океаном. Однако Восточная Африка (как нам сказали) не включена в “Индо-Тихоокеанскую стратегию”. Персидский залив тоже в нее не включен. Что включено? Как недавно заявил Госсекретарь США М. Помпео, США, Австралия, Индия, Япония — это каркас свободного открытого Индо-Тихоокеанского региона. Австралийцы, японцы и американцы продвигают этот формат и открыто говорят, что важно обеспечить стабильность в Южно-Китайском море для того, чтобы сдерживать Китай.

Обсудив это с моим хорошим другом Министром иностранных дел Индии С. Джайшанкараром и другими индийскими коллегами, я понял, что они четко понимают: некоторые страны хотят использовать “Индо-Тихоокеанскую стратегию” так, чтобы это не было инклюзивно и предполагало некоторую конфронтацию. Наши коллеги в АСЕАН считают так же. Они обеспокоены тем, что подобное агрессивное навязывание, продвижение таких концепций будет подрывать центральную роль АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе и в различных форматах, в т.ч. в Восточноазиатском саммите (ВАС), в центре которого в течение многих лет находится АСЕАН»²⁴.

²⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по ито-

В настоящее время США продолжают реализовывать свою стратегию через создание группировки QUAD (Австралия, Индия, США, Япония) в качестве своего инструмента, одновременно пытаясь оттеснить АСЕАН и КНР от активного участия в геополитических и геоэкономических процессах в регионе.

Можно предположить, что если США продолжат линию на жесткое сдерживание Китая в этом регионе, то напряженность будет увеличиваться, а соперничество может перерасти в вооруженный конфликт. Нужно иметь в виду, что соперничество и конкуренция отнюдь не означают неизбежность силового сценария. Что важно в этой ситуации — это не ставить визави перед единственным выбором, т.е. применением военной силы. Было бы продуктивно, если бы Китай избегал цели устранить США из этого региона, а США отказались бы от стратегии сдерживания Китая. Всем вовлеченным сторонам было бы целесообразно создать *modus operandi*, когда смогла бы эффективно работать предложенная некоторыми экспертами трехуровневая модель, состоящая из кризисного регулирования, справедливой конкуренции и взаимодополняющего сотрудничества. Если такая модель будет создана и сможет эффективно функционировать, то тогда можно будет двигаться в сторону создания «среды бесконфликтного сосуществования»²⁵, о которой говорил президент В.В. Путин в своем ежегодном послании в апреле 2021 г., и появится шанс избежать риска того, что регион Индо-АТР превратится в центральную арену конфликта ведущих мировых держав в XXI веке.

гам деятельности российской дипломатии в 2020 году, Москва, 18 января 2021 года. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/4527635.

²⁵ Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2021 г. Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418>.

Варфоломеев Антон Александрович

МНОГОСТОРОННЕЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В сентябре 2020 г. в подмосковной Кубинке состоялось первое в истории совместное заседание министров обороны СНГ, ОДКБ и ШОС¹. Министры одобрили коммюнике, в котором подтвердили, что противодействие терроризму — это несомненный приоритет сотрудничества. Также на заседании было принято решение о проведении тремя организациями первых совместных антитеррористических учений. Ряд экспертов увидели в указанных действиях признаки интеграции антитеррористической деятельности трех структур — прежде всего на пространстве центральноазиатского субрегиона. По высказанным оценкам, сопряжение усилий СНГ, ОДКБ и ШОС в области антитеррора — это движение в верном направлении, поскольку часть работы трех организаций здесь дублируется. Ситуация пандемии заострила необходимость консолидации ресурсов государств-участников, и сопротивляемость внутренних бюрократических структур изменениям стала менее обоснованной.

В каком направлении могут пойти изменения? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, в чем уникальная роль каждого из трех форматов в сфере антитеррора (естественно, мы говорим обо всей полноте сотрудничества, а не только об усилиях, предпринимаемых оборонными ведомствами).

Начнем с субъектного состава. Этот критерий является отправным. Вместе с тем он во многом формален. Очевидно, что некоторые де-юре полноправные участники той или иной международной организации в практическом сотрудничестве могут играть даже меньшую роль, нежели страны-наблюдатели или диалоговые партнеры, — достаточно одного одиозного примера членства в СНГ Украины.

¹ Информационное сообщение Минобороны России. — URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12312384@egNews.

Тем не менее официальное участие государств в СНГ, ОДКБ и ШОС можно визуализировать следующим образом:

	СНГ	ОДКБ	ШОС
Азербайджан	×		
Молдова	×		
Туркменистан	×		
Украина	×		
Армения	×	×	
Беларусь	×	×	
Казахстан	×	×	×
Киргизия	×	×	×
Таджикистан	×	×	×
Россия	×	×	×
Узбекистан	×		×
КНР			×
Индия			×
Пакистан			×

Рис. 1. Государства — участники СНГ, ОДКБ и ШОС

СНГ из трех международных организаций де-юре является наиболее многочисленной. Содружество объединяет 11 республик бывшего Советского Союза. Однако общее прошлое, к сожалению, не влечет за собой полной общности подходов к оценке современных угроз безопасности, включая угрозы терроризма. Даже убрав Украину за скобки, можно констатировать, что геополитические интересы отдельных государств — участников СНГ, а также манипулирование ими со стороны внешних сил не позволяют говорить о едином видении проблем. Усугубляют положение вещей сложнейшие региональные конфликты и противоречия, например противостояние Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе, куда осенью 2020 г. осуществлялась переброска боевиков-террористов и наемников из Сирии и Ирака. Учитывая все вышесказанное, в текущий период и на среднесрочную перспективу нельзя ожидать равной вовлеченности всех 11 стран в деятельность профильных антитеррори-

стических органов СНГ. Для СНГ была изобретена формула т.н. «разноскоростной интеграции». Однако в части практического сотрудничества по безопасности это несомненная слабая сторона формата.

Сильной стороной организации можно считать то, что основатели задумывали СНГ как некое конфедеративное образование, новую форму для сохранения интеграционных связей, сложившихся между республиками бывшего СССР. Многие надежды основателей не оправдались. Тем не менее начальная логика предопределила то, что СНГ является универсальной международной организацией, а не специализированным военно-политическим блоком или институтом экономической интеграции. Отсюда большой набор организационно-правовых моделей взаимодействия. СНГ располагает арсеналом органов — как исполнительных, так и условно «законодательных», которые вносят вклад в сотрудничество по антитеррору.

Наиболее заметные достижения, как представляется, имеются в формировании общего политико-правового пространства СНГ в области безопасности. С учетом разницы в подходах к борьбе с терроризмом и экстремизмом акцент здесь делается на *деполитизированной* части такой деятельности — сотрудничестве в противодействии конкретным видам преступности, правовой помощи по уголовным делам, обмене наилучшими практиками.

К настоящему времени мандат СНГ по антитеррору основывается на двух десятках международных договоров и концептуальных документов².

² • Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом.

• Договор государств — участников СНГ «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма».

• Договор государств — участников СНГ о межгосударственном розыске лиц.

• Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием.

• Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий.

Через имплементацию международных норм и стандартов, заключенных в этих документах, осуществляется гармонизация национального законодательства стран — участниц СНГ.

Вместе с этим у Содружества есть еще один механизм гармонизации, который во многом уникален. Речь идет о практике подготовки модельных законов. Основную ответственность за эту работу несет Межпарламентская Ассамблея СНГ.

К настоящему времени для использования законодателями всех государств-участников подготовлены: Модельный Уголовный кодекс, Модельный Уголовно-процессуальный кодекс (с изменениями и дополнениями); модельные законы «О противодействии терроризму», «О противодействии экстремизму», «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление

- Соглашение о сотрудничестве в подготовке специалистов антитеррористических подразделений в учебных заведениях компетентных органов государств — участников СНГ.

- Соглашение о защите секретной информации в рамках СНГ.

- Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств — участников СНГ.

- Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

- Концепция антитеррористической деятельности на железнодорожном транспорте государств — участников СНГ.

- Концепция согласованной пограничной политики государств — участников СНГ.

- Концепция сотрудничества органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ в сфере информационного противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма.

- Концепции сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий.

- Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

актов терроризма на территории других государств», «О контроле за оборотом радиоактивных материалов», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О противодействии финансированию терроризма», «О безопасности на воздушном транспорте», «О безопасности на транспорте».

Работа Межпарламентской Ассамблеи СНГ по гармонизации антитеррористического законодательства членов организации была особо отмечена Генеральным секретарем ООН Антониу Гутеррешем на заседании Совета Безопасности ООН 25 сентября 2019 года³. Это служит объективным признанием значительных достижений СНГ на данном направлении.

Очень важно, что такая работа ведется системно. Разработаны Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом⁴. Они включают в себя не только общие принципы, но и конкретные предложения для реализации государствами-участниками. Например, понижение возраста уголовной ответственности за террористические преступления до 14 лет или уточнение диспозиций норм, устанавливающих ответственность за захват заложника.

Антитеррористический центр государств — участников СНГ (АТЦ СНГ) был создан Решением Совета глав государств СНГ (СГГ) от 21 июня 2000 г. Он является постоянно действующим специализированным отраслевым органом и предназначен для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств — участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. Правовой статус, основные задачи, функции, состав и организационные основы деятельности АТЦ СНГ определяются соответствующим Положением, утвержденным Решением СГГ от 1 декабря 2000 г. Общее руководство работой Цен-

³ Заседание Совета Безопасности, посвященное сотрудничеству ООН с СНГ, ШОС и ОДКБ в борьбе с терроризмом под председательством мининдел России С.В. Лаврова. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1363642>.

⁴ Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом. — URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/253>.

тра осуществляет Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств — участников СНГ (СОРБ).

Положение определяет основные задачи и функции Центра:

1) выработка предложений о направлениях развития сотрудничества в борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

2) обеспечение координации взаимодействия компетентных органов;

3) анализ поступающей информации о состоянии, динамике и тенденциях распространения международного терроризма и иных проявлений экстремизма;

4) проведение аналитических исследований;

5) формирование и развитие Специализированного банка данных (СБД) Центра;

6) участие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений;

7) содействие заинтересованным государствам — участникам СНГ в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий и комплексных операций по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

8) содействие заинтересованным государствам — участникам СНГ в осуществлении межгосударственного розыска лиц, совершивших преступления террористического характера и скрывающихся от уголовного преследования или исполнения судебного приговора;

9) участие в подготовке модельных законодательных актов, нормативных документов, а также международных договоров, затрагивающих вопросы борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма;

10) содействие в организации подготовки специалистов и инструкторов подразделений, участвующих в борьбе с терроризмом;

11) разработка моделей согласованных антитеррористических операций и оказание содействия в их проведении;

12) участие в разработке межгосударственных программ государств — участников СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Основным документом, определяющим спектр задач для АТЦ СНГ, является Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма.

В настоящее время действует Программа на 2020–2022 годы⁵.

Программа, в частности, предполагает разработку модельных законов по вопросам: государственной безопасности; общественной безопасности; оперативно-розыскной деятельности; использования боевых отравляющих, радиоактивных, сильнодействующих ядовитых веществ, а также патогенных биологических агентов в террористических целях.

В Бишкеке действует Отделение АТЦ СНГ по Центральноазиатскому региону. При этом специализация на регионе Центральной Азии пересекается с аналогичными усилиями ОДКБ.

Важную роль в противодействии терроризму и экстремизму на пространстве Центральной Азии играет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Сам Договор был подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте. Он предусматривает беспрецедентный на постсоветском пространстве уровень интеграции государств-членов в военно-политической сфере. ОДКБ изначально имела вид классического военно-политического блока и некоторыми экспертами, особенно на Западе, рассматривалась как антагонист НАТО, пришедший на смену Организации Варшавского договора. Однако постепенно сотрудничество в формате ОДКБ стало выходить за рамки военно-оборонительной деятельности. В какой-то степени это было зеркальным ответом на соответствующее расширение мандата НАТО.

С целью совершенствования формата сотрудничества государств — участников Договора 7 октября 2002 г. в Кишиневе был подписан Устав Организации Договора о коллективной безопасности, юридически оформивший создание ОДКБ.

В соответствии со Статьей 13 Устава ОДКБ Высшим органом Организации является Совет коллективной безопасности (СКБ),

⁵ Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы. — URL <https://www.cisatc.org/1291/1334>.

который, в числе прочего, определяет основные направления совместной работы по противодействию современным вызовам и угрозам.

Консультативными и исполнительными органами являются Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны и Комитет секретарей Советов безопасности ОДКБ (соответственно, СМИД, СМО, КССБ). Они организуют выполнение решений и рекомендаций СКБ ОДКБ, координируют деятельность государств-членов, содействуют поддержанию контактов и проведению консультаций между ними, вырабатывают предложения, рассматривают оперативные вопросы сотрудничества по направлениям своей работы.

Текущие приоритеты ОДКБ по антитеррору подтверждены в Совместном заявлении секретарей советов безопасности от 17 ноября 2020 г.⁶ К числу важнейших направлений сотрудничества документ относит борьбу с финансированием терроризма, которое ведется, в том числе, за счет доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, а также с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в террористических целях.

В 2005 г. при КССБ была создана Рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом. Цель рабочей группы — выработка предложений, которые были бы направлены на совершенствование мер борьбы с терроризмом и другими вызовами и угрозами коллективной безопасности. Согласно Положению о Рабочей группе этот орган имеет следующие полномочия:

— подготавливать рекомендации и предложения о проведении совместных практических мероприятий стран — участниц ОДКБ с целью борьбы с незаконной миграцией и терроризмом и противо-

⁶ Совместное Заявление секретарей советов безопасности государств — членов ОДКБ об укреплении сотрудничества и координации усилий в целях борьбы с международным терроризмом, распространением террористической и связанной с ней экстремистской идеологии (17.11.20). — URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-odkb-ob-ukreplenii-sotrudnichestva-i-k/>.

действия другим вызовам и угрозам системе коллективной безопасности ОДКБ;

— осуществлять экспертно-правовое сопровождение проектов, которые подготавливаются в соответствии с решениями КССБ ОДКБ;

— принимать участие в аналитической работе и процессе информационной подготовки, которая необходима для выполнения возложенных на КССБ задач.

Регион Центральной Азии имеет важнейшее геополитическое и геостратегическое значение для антитеррористической деятельности ОДКБ. Это определяется следующими причинами:

1) общая граница Таджикистан — Афганистан;

2) близость с Восточноазиатским, Ближневосточным, Кавказским и Южноазиатским регионами, с «Евразийской дугой нестабильности»;

3) развитие региональных инфраструктурных и энергетических проектов («Один пояс — один путь», Россия — Казахстан — Туркмения — Иран);

4) природно-ресурсный потенциал.

Полагаем, что, учитывая субъектный состав и военные возможности ОДКБ, ее специализация на проблемах Центральной Азии объективна. В отличие от СНГ, ОДКБ демонстрирует не только намерение, но и реальные возможности влиять на обеспечение безопасности региона, включая весь широкий спектр вопросов, связанных с Афганистаном.

Еще один отличительный момент ОДКБ и ее определенное конкурентное преимущество — то, что антитеррористическую работу в данном формате координируют советы безопасности государств-участников. Во-первых, в обоих других форматах ведущую роль играют органы безопасности. Для некоторых национальных служб безопасности, обеспечивающих содержательную и организационную работу сразу в СНГ и в ШОС, деятельность «на два фронта» влечет определенный дефицит идей и возможностей. Во-вторых, аппараты советов безопасности имеют прямой выход на главы государств и зачастую выполняют по их поручению важные координационные функции. Они активны в сотрудничестве с зарубежными

партнерами. В этом плане Аппарат Совета безопасности России имеет большой потенциал для развития практического диалога ОДКБ по антитеррору, например со странами Ближнего Востока. В принципе антитеррористическое сотрудничество на перспективу должно стать одной из основ для укрепления статуса ОДКБ в качестве базовой многофункциональной структуры обеспечения безопасности в Евразии.

Как и Межпарламентская Ассамблея СНГ, Парламентская Ассамблея ОДКБ ведет работу по гармонизации правовых основ государств-участников в сфере борьбы с терроризмом. Такая работа имеет результатом в большей степени методологические рекомендации и, некоторым образом, перекрывается результатами, демонстрируемыми в СНГ.

Далее рассмотрим роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

С точки зрения субъектного состава, очевидна особая роль ШОС как единственной организации, чья юрисдикция — с учетом членства КНР, Индии и Пакистана — выходит за пределы бывшего СССР. Субъектный состав ШОС силен также тем, что Беларусь имеет статус государства-наблюдателя при организации, а партнерами по диалогу ШОС являются члены СНГ Азербайджан и Армения.

Усилия ШОС по антитеррору не носят изолированного характера — они вписаны в политическую линию, которую сообща ведут государства — участники организации.

Правовые и концептуальные основы противодействия терроризму и экстремизму закладываются такие международные договоры, как Шанхайская Конвенция, Хартия ШОС, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму, Соглашение между государствами — членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре.

В настоящее время действует Программа сотрудничества государств — членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019–2021 гг.

Текущие приоритеты ШОС обозначены в Московской декларации, принятой по итогам заседания Совета глав государств — членов ШОС в формате видеоконференции 10 ноября 2020 г.

Одна из важных практических задач, отмеченных как в Программе, так и в Декларации, — совместные мероприятия по выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц для участия в террористической деятельности, в том числе перемещения на территории государств — членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности.

Другие важные направления совместной работы — противодействие идеологии терроризма, борьба с его финансированием, защита от террористических и экстремистских проявлений Интернета, социальная реабилитация и реинтеграция граждан, ставших жертвами терроризма. Заметно, что многие из тем перекликаются с приоритетами работы ОДКБ и АТЦ СНГ.

Региональная антитеррористическая структура (РАТС) — постоянно действующий орган ШОС со штаб-квартирой в Ташкенте, предназначенный для содействия координации и взаимодействию компетентных органов сторон в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. РАТС имеет статус юридического лица и право заключать договоры.

Главные функции РАТС, как и у АТЦ СНГ, координационные. Это разработка предложений по борьбе с терроризмом, сбор и анализ информации, формирование банка данных о лицах и организациях, оказывающих поддержку преступникам, содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с названными явлениями, поддержание контактов с международными организациями.

Интересно, что ШОС как специализированная организация, изначально задумывавшаяся для борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, постепенно дрейфует в сторону полноформатного международного института, также развивающего политическое и социально-экономическое сотрудничество. Показательны активность Делового совета и Межбанковского объединения ШОС. В какой-то степени ШОС стала перетягивать на себя долю социально-экономического сотрудничества, которое ранее велось в формате СНГ. Как представляется, ШОС имеет значительный потенциал сотрудничества по устранению социально-экономических основ терроризма и экстремизма.

Четыре страны — Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан являются государствами-участниками всех трех международных организаций — СНГ, ОДКБ, ШОС. Для них вопросы пересечения анти-террористических и антиэкстремистских мандатов этих организаций стоят наиболее остро — как с точки зрения эффективного расходования ресурсов, так и с точки зрения содержательного наполнения соответствующей работы. Диалог экспертов именно этих четырех, наиболее заинтересованных, стран имеет принципиальное значение для перспектив разведения или интеграции мандатов СНГ, ОДКБ и ШОС по борьбе с терроризмом и экстремизмом. При этом Россия должна выступать в качестве центрального элемента, который связывает интересы всех сторон и способствует эффективному обеспечению безопасности на большей части постсоветского пространства, а также с партнерами по ШОС.

С определенных пор регион Центральной Азии стал объектом пристального внимания со стороны США и союзников Вашингтона. Многие проекты многостороннего сотрудничества в регионе они используют для продвижения собственных интересов. В частности, это относится к сотрудничеству под эгидой концепции «*противодействия насильственному экстремизму*». Рассмотрим этот сюжет более подробно.

Как известно, резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г. была принята *Глобальная контртеррористическая стратегия ООН* (ГКТС).

30 ноября 2011 г. Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан одобрили *Совместный план действий по осуществлению ГКТС в Центральной Азии* (СПД). Тогда же Узбекистан присоединился к СПД в качестве наблюдателя. Позднее аналогичный статус получил Афганистан. СПД стал первой стратегией по поддержке реализации ГКТС, принятой на региональном уровне. Со стороны системы ООН с самого начала работу по СПД координировали Региональный центр по превентивной дипломатии для Центральной Азии (РЦПДЦА) совместно с Целевой группой по осуществлению контртеррористических мероприятий, а позднее — Контртеррористическим управлением (КТУ).

Разработку СПД профинансировали Европейский союз и Правительство Норвегии.

Реализация СПД разделена на три фазы, при этом финальная⁷ в значительной степени сосредоточена на проектах по «противодействию насильственному экстремизму» (ПНЭ). Таким образом, большинство международных проектов, реализуемых в Центральной Азии под эгидой ПНЭ, осуществляются под прикрытием СПД. Основные страны-доноры проводят финансирование проектов целевым образом через специализированные организации и подразделения системы ООН (УНП ООН, ПРООН, ЮНЕСКО и пр.). Так ооновские образ и символика эксплуатируются для своеобразного «освящения» проектов по ПНЭ. В отдельных случаях схожим образом используется ОБСЕ.

Особняком здесь стоят США: Вашингтон предпочитает осуществлять проектное финансирование не посредством международных организаций, а через свои национальные органы (Агентство по международному развитию, Институт мира и др.). Такой подход делает работу американцев в Центральной Азии менее прозрачной — все же международные организации, следуя принципам транспарентности, традиционно обнародуют больше информации о реализуемых проектах, включая объемы и источники финансирования. В сравнении с этим открытые сведения об аналогичной односторонней активности правительства США весьма ограничены.

Обобщенную информацию о проектах международных организаций, осуществляемых под эгидой ПНЭ в Центральной Азии, можно найти в *Матрице инициатив региональных и международных орга-*

⁷ «Фаза III проекта РЦПДЦА/КТУ ООН по реализации СПД нацелена на (i) оказание содействия в разработке национальных и региональных стратегий по борьбе с терроризмом (БТ) и предотвращению насильственного экстремизма (ПНЭ) и (ii) укрепление потенциала стран Центральной Азии в области разработки стратегий по БТ и ПНЭ посредством организации семинаров и тренингов по укреплению потенциала на основании запросов, поступающих от стран Центральной Азии». Третья фаза Проекта официально была запущена в ходе Совещания высокого уровня, которое состоялось 30 апреля 2018 года в Ашхабаде. Продолжительность третьей фазы — три года. Подробнее — см. информацию на официальном сайте РЦПДЦА. — URL: <https://unrcca.unmissions.org/ru/%D1%84%D0%B0%D0%B7%D0%B0-iii>.

низаций, направленных на осуществление направлений СПД⁸. Данная матрица, подготовленная КТУ ООН и РЦПДЦА, освещает настоящие и запланированные мероприятия и инициативы региональных и международных организаций, действующих на пространстве Центральной Азии. Последний раз матрица обновлялась на *Второй координационной встрече по ПНЭ*, которая состоялась 14 февраля 2019 г. в Стамбуле⁹. Тогда ООН (в лице представителей РЦПДЦА и КТУ), ЕС и ОБСЕ провели обмен информацией и согласовали дальнейшие действия в области ПНЭ в Центральной Азии.

Общий анализ матрицы оставляет впечатление, что пик проектов по ПНЭ в Центральной Азии пришелся на 2018 г. Вероятно, это связано с запуском в апреле 2018 г. *третьей*, практической фазы реализации СПД, о чем говорилось выше. Ряд старых проектов необходимо было завершить до конца второй фазы, а старт новых — приурочить к запуску фазы третьей. Плюс необходимо учесть, что в матрицу не попали проекты, подготовка которых не велась на дату проведения Стамбульской встречи (февраль 2019 г.).

Помимо матрицы, еще один агрегирующий источник информации о проектах по ПНЭ в Центральной Азии — портал *Центральноазиатской сети по предотвращению и профилактике насильственного экстремизма*¹⁰. Кстати, учреждение сети и ее официального порта-

⁸ Матрица инициатив региональных и международных организаций, направленных на осуществление направлений Совместного плана действий. — URL: https://capve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/final_updated_matrix_ru.pdf.

⁹ UNRCCA conducts second coordination meeting on PVE/CT activities in Central Asia. — URL: <https://unrcca.unmissions.org/unrcca-conducts-second-coordination-meeting-pvect-activities-central-asia>.

¹⁰ Даже на официальном портале встречаются различные наименования этой «сети» («Сеть по вопросам профилактики насильственного экстремизма», «Сеть по предотвращению и профилактике насильственного экстремизма» и пр.). Как очевидно, это свидетельствует, что оригинальное название структуры было создано на английском языке, а русское — лишь попытка перевода.

Заявлено, что сеть «действует в качестве комплексной платформы для сторон в целях обмена исследованиями, материалами и информацией с тем,

ла — само по себе результат одного из проектов под эгидой ПНЭ (речь идет о проекте УНП ООН *Supporting Central Asian States to Strengthen National and Regional Frameworks for Preventing and Countering Violent Extremism*).

Создание портала www.capve.org профинансировало правительство Японии, за его разработку отвечало УНП ООН (Подразделение по предотвращению терроризма и Региональное представительство по Центральной Азии). Хостинг для сайта предоставила Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. Содержательное наполнение сайта Академия и УНП ООН обеспечивают совместно. Портал двуязычен, вся информация дублируется на английском и русском языках.

Сайт был представлен на 27 сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2018 г.). Было заявлено, что цель сайта — «усиление сотрудничества между представителями правительств, группами гражданского общества, академическими кругами, международными экспертами и подразделениями системы ООН». Веб-сайт объединяет ресурсы «с целью понимания существующих подходов и передовой практики для предотвращения преступлений, связанных с радикализацией, подстрекательством и вербовкой отдельных лиц в террористических целях». Пользователям портала предлагаются ресурсы «для понимания текущих подходов и лучших практик по предупреждению преступлений, связанных с радикализацией, подстрекательством и вербовкой с террористическими целями». Ресурсы включают поисковую систему по тематическим документам

чтобы оценить и отреагировать на движущие факторы радикализации, а также понять существующие подходы и положительные практики для профилактики преступлений, связанных с радикализацией, подстрекательством и вербовкой лиц в террористических целях. Кроме того, сеть нацелена на повышение информированности и готовности учитывать важную роль женщин, молодежи и жертв терроризма в ПНЭ. В рамках проекта по созданию сети, УНП ООН провело серию мероприятий, включая семинары, способствуя построению диалога и взаимодействия в целях укрепления потенциала региона противостоять угрозам терроризма и насильственного экстремизма с соблюдением принципов верховенства права и прав человека». (См.: URL: <https://capve.org/ru/>).

ООН, обучающие модули, «региональные инструменты» и поиск по сторонним ресурсам, а также список контактов ответственных ведомств в каждой из стран, ответственных за реализации проектов по ПНЭ (Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан; Государственная комиссия по делам религий Кыргызской Республики; Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан). По заверениям разработчиков, на портале должен работать календарь событий, относящихся к проектам по ПНЭ в Центральной Азии, однако выполнение этой части техзадания, видимо, не завершено. Вообще, как представляется, проект запуска сети и портала стал примером «освоения бюджета» (в данном случае — японского). Сайт работает с перебоями, информация на нем не обновляется, образовательные и иные ресурсы были загружены единожды — при запуске.

Некоторый интерес представляет перечень партнерских для сети организаций гражданского общества в каждой из центральноазиатских стран. Видимо, это конечные грантополучатели средств, выделяемых на реализацию проектов под эгидой ПНЭ.

Далее перейдем к конкретным проектам под эгидой ПНЭ, реализуемым в регионе.

Евросоюз в настоящее время является ключевым донором нескольких тематических инициатив в Центральной Азии.

Во-первых, это четырехлетний *проект по укреплению сопротивляемости насильственному экстремизму в Азии: STRIVE Asia — Strengthening Resilience to Violent Extremism in Asia*¹¹. Куратором проекта является Генеральный директорат по международному сотрудничеству и развитию (DEVCO). Общий бюджет проекта — чуть менее 2,6 млн евро, из которых 2,15 млн евро — вклад ЕС. Стоит подчеркнуть, что проект рассчитан не только на Центральную, но также Южную и Юго-Восточную Азию, при этом распределение финансирования между субрегионами не уточняется.

Главными операторами проекта выступают УНП ООН, КТУ ООН и ПРООН. Особо подчеркивается, что вовлеченными сторонами

¹¹ Strengthening Resilience to Violent Extremism in Asia. — URL: www.unodc.org/brussels/strive.html.

по реализации инициативы должны быть не только правительства, но также организации гражданского общества и, где это целесообразно, частный сектор. Сроки реализации проекта: с января 2019 г. по январь 2023 г.

Заявленная цель проекта *STRIVE Asia* — устранить «основополагающие факторы насильственного экстремизма посредством комплексного подхода, подразумевающего участие правительств и гражданского общества (в том числе религиозных групп, старейшин общин, женских и молодежных организаций и т.д.), при этом учитывая важность экономического развития, занятости молодежи и свободы религий в соответствии основными политическими документами и приоритетами ЕС».

Ожидаемые итоги реализации проекта могут быть объединены в три большие блока:

- 1) разработка и/или реализация в каждой из стран региона национального плана действий по ПНЭ с привлечением национальных и местных властей, законодательных органов, гражданского общества и частного сектора;
- 2) усиление роли правоохранительных органов по ПНЭ в тесном сотрудничестве с неправительственным сектором;
- 3) укрепление локальной сопротивляемости сообществ, подверженных риску, через поддержку в этих сообществах инициатив в области ПНЭ и борьбы с терроризмом.

Вот конкретная иллюстрация по реализации заявленных целей в Туркменистане. 6 декабря 2019 г. президент Г. Бердымухамедов одобрил Национальную стратегию по предупреждению насильственного экстремизма и борьбе с терроризмом на период 2020–2024 гг., которая была разработана при содействии РЦПДЦА и КТУ ООН¹².

Еще один масштабный проект в области ПНЭ с участием Евросоюза посвящен обращению с заключенными «из числа воинствующих экстремистов» и предотвращению радикализации, ведущей

¹² UNRCCA and UNOCT assisted Turkmenistan on developing the National Strategy on Prevention of Violent Extremism and Countering Terrorism for 2020–2024. — URL: <https://unrcca.unmissions.org/unrcca-and-unoct-assisted-turkmenistan-developing-national-strategy-prevention-violent-extremism-and>.

к насилию, в тюрьмах: *Supporting the Management of Violent Extremist Prisoners and the Prevention of Radicalization to Violence in Prisons*¹³. Данный проект реализуется только в трех государствах мира: Казахстане (единственная центральноазиатская страна), Тунисе и Уганде. Общий бюджет проекта составляет чуть более 9 млн евро, из которых 4 млн евро — вклад ЕС. Коспонсорами инициативы также выступают правительство Нидерландов и КТУ ООН.

Операторами проекта выступают УНП ООН, КТУ ООН при участии Исполнительного директората Контртеррористического комитета СБ ООН. Проект стартовал в декабре 2018 г. и по плану должен завершиться в декабре 2021 г. (на данный момент нет информации о том, как на реализацию инициативы повлияла пандемия).

Заявляемые цели проекта — предотвратить распространение насильственного экстремизма (с особым вниманием на тех заключенных, которые могут быть уязвимы в этом отношении) и эффективно обращаться с заключенными-экстремистами (с особыми вниманием на тех заключенных, которые были вовлечены в насильственный экстремизм) при уважении правочеловеческих стандартов.

Отметим, что из всех трех стран — участниц проекта Казахстан должен получить наибольшее финансирование. В марте 2019 г. УНП ООН и казахстанский МВД подписали Рабочий план по борьбе с насильственным экстремизмом в местных тюрьмах. В соответствии с положениями документа на реализацию плана в течение трехлетнего периода Казахстан должен получить 6,91 млн долл. США (из которых 4,72 млн вложит ЕС, 1,4 млн — Нидерланды, 0,79 млн — ООН). В рамках проекта должны быть проведены оценки рисков и потребностей заключенных; разработаны программы реабилитации в тюрьмах, поддержки освобожденных и альтернативы заключению.

В числе конкретных мер, предпринятых в рамках проекта к настоящему времени, — проведение арт-мастер-классов для заключенных, а также организация обучающих программ (включая онлайн-курсы) для офицеров исполнительной системы и представителей профильных вузов Казахстана. Как можно судить, наибольшая часть ресурсов

¹³ United Nations Office on Drugs and Crime. — URL: www.unodc.org/brussels/en/vep-radicalization-violence-prisons.html.

проекта расходуется именно на программы дополнительного образования. Многие из них посвящены т.н. «Правилам Нельсона Манделы» — Минимальным стандартным правилам ООН по обращению с заключенными — и иным соответствующим стандартам, включая гендерные. Также в рамках проекта продвигается разработанный УНП ООН *«Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах»* (доступен на русском языке).

Вообще проект 2018–2021 гг. явился продолжением и развитием той работы, которую УНП ООН проводило еще на второй фазе реализации СПД. Так, офис УНП ООН в Центральной Азии взаимодействовал с пенитенциарными администрациями в государствах Центральной Азии посредством разработки программ по реабилитации в тюрьмах, работе с заключенными из числа «воинствующих экстремистов». В 2017 г. в Казахстане и Киргизии УНП ООН в партнерстве с государственными учреждениями и гражданским сообществом поддержало организацию национальных и региональных конференций по предотвращению радикализации и насильственного экстремизма в тюрьмах. В Киргизии было выпущено учебное пособие по работе с заключенными из числа «воинствующих экстремистов», а также инструмент по оценке и классификации рисков. Также в Киргизии был запущен механизм внутри- и межведомственной координации; введены законодательные и нормативные положения; проводились мероприятия по укреплению потенциала в области работы с заключенными из числа «воинствующих экстремистов» для тюремного персонала (в том числе около 250 психологов, социальных работников и оперативно-режимных сотрудников); проведены тренинги по обучению инструкторов; усовершенствована система оценки рисков и безопасности тюрем.

Активным оператором по реализации проектов под эгидой ПНЭ в Центральной Азии является ПРООН.

Так, ПРООН проводит масштабное региональное исследование в области изучения движущих факторов и мотивов, обуславливающих насильственный экстремизм в Центральной Азии, и оценки эффективности программ реагирования и вмешательства. Исследование заявлялось под заголовком «Путь к насильственному экстремизму —

и обратно в Центральной Азии». В 2017–2018 гг. ПРООН в Таджикистане провела углубленное исследование факторов, способствующих радикализации в отдельных общинах, для обеспечения возможности проведения целенаправленных мероприятий по противодействию радикализации, а также информирования и оказания влияния на диалог на национальном уровне. Затем аналогичное исследование было начато в Киргизии.

ПРООН в Казахстане проводит многострановые меры по ПНЭ «Укрепление устойчивости сообщества и регионального сотрудничества в целях предотвращения насильственного экстремизма в Центральной Азии», охватывающие Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, *при поддержке правительства Японии*. Проект нацелен на «молодежь разных возрастов, входящих в группу риска, для решения вопросов социальной и экономической изоляции посредством обеспечения индивидуальной поддержки достойного труда/предпринимательства и, по запросу, мероприятий по развитию навыков». Заявлено, что меры по обеспечению занятости совмещены с обеспечением формальных и неформальных платформ для социальной поддержки, сетей и консультационных услуг, которые нацелены на создание условий для молодежных сетей и индивидуальных лиц, способствующих противостоянию факторам притягательности экстремизма, разработке и распространению позитивной контрпропаганды, использованию современных технологий связи и личному взаимодействию.

В рамках своего проекта, реализованного в четырех странах Центральной Азии (с марта 2018 г. в течение 30 месяцев), ПРООН в Казахстане создало региональную платформу для (виртуального) укрепления и обмена знаниями, информационно-пропагандистской деятельности и связи между странами-участниками по деятельности, связанной с предотвращением насильственного экстремизма. Между национальными экспертами в Центральной Азии, а также другими партнерами, такими как Япония, США, ЕС и т.д., международными организациями и НПО будут распространяться «накопленные исследования и опыт в области коренных причин насильственного экстремизма и методов его устранения». Также будут организованы региональные диалоги с использованием как виртуальных, так и фи-

зических платформ для выявления, критической оценки и подведения итогов по извлеченным урокам в области ПНЭ.

ПРООН, ЮНИСЕФ, УВКПЧ, ООН Женщины сотрудничают при поддержке Фонда миростроительства ООН в осуществлении проекта «Инклюзивное управление и система правосудия для предотвращения насильственного экстремизма» в десяти муниципалитетах в северной и южной частях Киргизии (сроки реализации: январь 2018 г. — 2021 г.). Проект нацелен на «укрепление потенциала государственных учреждений на всех уровнях для предотвращения насильственного экстремизма посредством передачи знаний и оказания поддержки в разработке и применении принципов верховенства права, гендерной чувствительности и механизмов соблюдения прав человека».

Как указывалось выше, важным проводником проектов по ПНЭ в Центральной Азии выступает ОБСЕ.

С 2016 г. организация осуществляет инициативу «Лидеры против нетерпимости и насильственного экстремизма» (LIVE), которая должна укрепить «потенциал лидеров гражданского общества для эффективного и безопасного создания инициатив против насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму». В рамках проекта разработаны и внедрены учебные курсы (учебная программа и материалы) для лидеров молодежи, женщин-лидеров, а также лидеров общин. Офисы ОБСЕ в Центральной Азии были вовлечены в реализацию мероприятий на местах. К примеру, Программный офис ОБСЕ в Душанбе организовал семинары, посвященные роли молодежи и средств массовой информации в разработке контрпропаганды против насильственной экстремистской и террористической пропаганды в открытом доступе, а также семинар для журналистов о том, как освещать темы, связанные с ПНЭ. Программный офис ОБСЕ в Бишкеке провел серию тренингов, нацеленных на «повышение потенциала» журналистов и студентов, изучающих журналистику, в области освещения вопросов, связанных с ПНЭ и межобщинными отношениями.

Также Программный офис ОБСЕ в Бишкеке реализует проект по «поддержке правительства Кыргызстана в деле реинтеграции и реабилитации преступников, обвиненных в насильственном экстремизме, и предотвращения насильственной радикализации в тюрьмах».

Программный офис ОБСЕ в Душанбе в сотрудничестве с ЮНЕ-СКО активно работает по тематике ПНЭ с местным образовательным сообществом, как заявляется, «для усиления роли образования в предотвращении насильственного экстремизма среди молодежи». Преподавателям «оказывается помощь» в разработке «специальных образовательных программ по предотвращению и противодействию влиянию и идеологии насильственного экстремизма посредством информирования учеников об опасностях НЭРВТ». В 2018 г. такая «помощь» в формате тренингов была реализована во всех регионах Таджикистана.

Программный офис ОБСЕ в Бишкеке с 2018 г. оказывает «действие» Государственной комиссии по делам религий и Министерству образования Киргизии во введении учебного курса «Основы религиозной культуры» в общеобразовательных школах по всей стране.

В завершение дадим краткую информацию о двух проектах, которые под эгидой ПНЭ в Центральной Азии осуществляют США.

Американское Агентство по международному развитию реализует проект «Поддержка стабильности в странах Центральной Азии» (*Central Asia Support for Stable Societies — CASSS*). Официальный обзор проекта¹⁴ содержит амбициозную заявку, что в рамках инициативы «будут идентифицированы и апробированы новые меры по ПНЭ». Данные меры включают использование передовых цифровых технологий, с помощью которых собираются и анализируются большие объемы информации. Объявлено, что такие исследования проводятся для «выявления факторов риска и предотвращения насильственного экстремизма». Вместе с тем как на самом деле американцы будут использовать получаемые данные, сказать весьма сложно. Команда проекта работает в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Во всех четырех странах команда «определяет сообщества, уязвимые для экстремистского влияния; опишет факторы риска и защитные факторы насильственного экстремизма на индивидуальном, семейном, общинном и общественном уровнях, а также предоставит кон-

¹⁴ US Agencet for International Development. URL: www.usaid.gov/ru/central-asia-regional/fact-sheets/central-asia-support-stable-societies.

цептуальное видение общих путей и процессов, ведущих к радикализации». Данных о бюджете проекта CASSS не имеется.

Другой американский проект по ПНЭ — «Диалог правительств и сообществ по ослаблению насильственного экстремизма в Центральной Азии» (*Government-Community Dialogues to Reduce Violent Extremism in Central Asia*). Оператором проекта выступает Американский институт мира, учрежденный правительством США. Инициатива реализуется в рамках явно антироссийского формата C5+1 (центральноазиатская пятерка + США). Заявляемая цель — усиление сотрудничества на межгосударственном и внутригосударственном уровнях, чтобы обеспечить эффективный ответ трансформирующемуся насильственному экстремизму в Центральной Азии.

На практике в рамках проекта создана «региональная диалоговая платформа» — «Региональная консультативная рабочая группа», в которую входят представители органов власти, технические эксперты, исследователи и представители гражданского общества из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Афганистана. Встречи группы проходят дважды в год и финансируются США. Рабочая группа готовит для своих правительств рекомендации по ПНЭ, а также проводит оценку ситуации в Афганистане на мир и безопасность в регионе.

В рамках проекта Институт мира выделяет гранты на реализацию тематических инициатив. Обязательное условие для получения финансирования — заявка должна подаваться совместно представителями органов власти и НПО.

Детали бюджетирования проекта, как и в случае с CASSS, американцами не обнародуются.

Делая выводы, можно констатировать следующее. Основными донорами проектов под эгидой ПНЭ в Центральной Азии выступают ЕС (союзный бюджет), отдельные европейские страны (в частности, Норвегия, Швеция, Нидерланды), Япония, США. Есть информация о вкладах в реализацию отдельных проектов Саудовской Аравии.

Большинство доноров — за исключением США — предпочитают привлекать к реализации проектов операторов из числа международных организаций и учреждений.

Большинство инициатив по ПНЭ явно выходят за рамки борьбы с преступностью и вообще правоохранительной работы. Во-первых,

это очевидно из перечня главных адресатов проектов: НПО; действующие журналисты, а также студенты-журналисты и филологи; образовательное сообщество, включая учителей и преподавателей вузов, и т.д. Это видно также по тому, какие правительственные органы часто выступают заказчиками проектов по тематике, относящейся, казалось бы, к сфере безопасности. Приведем примеры Агентства США по международному развитию и Генерального директората ЕС по международному сотрудничеству и развитию, которые в принципе к противодействию экстремизму и терроризму имеют опосредованное отношение. В какой-то степени это справедливо и в отношении ПРООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, выступающих в роли международных операторов ряда проектов.

Таким образом, можно констатировать, что многостороннее противодействие терроризму и экстремизму в Центральной Азии ведется весьма активно. По ряду направлений — в форматах ОДКБ, СНГ, ШОС — речь идет о реальном противодействии преступности и устранении угроз национальной безопасности стран региона. Однако в отдельных случаях под прикрытием антитеррористической и антиэкстремистской деятельности внерегиональные державы пытаются реализовать в Центральной Азии свои собственные конъюнктурные цели.

Мустафабейли Али Митхадович

«МЯГКАЯ СИЛА» ЗАПАДА НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Понятие «мягкая сила» введено в научный оборот в книге американского политолога Джозефа Ная «Призванные к лидерству: меняющаяся природа американской силы», изданной в 1990 г. Практика использования «мягкой силы», т.е. ненасильственных методов и средств в целях продвижения государственных интересов, имеет, однако, давнюю историю. Это и заключение династических и иных брачных союзов, и подкуп правителей и их приближенных, и пропагандистские мероприятия, и некоторые другие мягкие меры.

Особенно востребованной «мягкая сила» стала в период противостояния двух мировых общественно-политических систем. Глашатаями Октябрьской революции, ее идеалов, успехов первого в мире социалистического государства были Владимир Маяковский, Илья Эренбург, Алексей Толстой, Эльза Триоле, Луи Арагон и другие выдающиеся отечественные и зарубежные деятели культуры. В идеологическом противоборстве с обеих сторон были задействованы средства массовой информации, культурные представительства, общественные и гуманитарные контакты разного формата и содержания. В СССР под руководством Международного отдела ЦК КПСС активно функционировал Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, продолжателем которого является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Исторический опыт применения «мягкой силы» демонстрирует справедливость постулата, работающего и в настоящее время: «мягкая сила» становится эффективной и даже победоносной там и тогда, где и когда существует благоприятная общественная почва для ее восприятия.

Подтверждением этого является устойчивая социальная обстановка в России, весьма слабые позиции политических сил, оппонирующих власти, несмотря на концентрацию на российском направлении значительных ресурсов и средств «мягкой силы» США и их европейских союзников. До принятия Федерального закона от 23 мая 2015 г.,

который ввел в правовое поле понятие «нежелательная организация», особую активность в России проявляли американские НКО: «Национальный фонд в поддержку демократии», Международный республиканский институт, «Национальный демократический институт международных отношений», фонды Сороса, Форда, Макартуров. Разработку стратегии и аналитическое обеспечение их работы осуществляют компании «Стратфор» (Strategic Forecasting Inc.)¹, РЭНД (Research and Development)², фонды Карнеги за международный мир. Координацией деятельности названных структур занимается Агентство США по международному развитию (USAID), действующее под эгидой Государственного департамента. После их признания «нежелательными в России» они продолжают функционировать с территории других государств, используя Интернет, социальные сети, радио и телевидение, агентурные связи, подопечные российские НКО.

В интервью министра иностранных дел С.В. Лаврова телеканалу «RTVI» указывается, что в России действует 220 тыс. НКО, из которых 180 наделены статусом иностранных агентов³, финансируемых из-за рубежа⁴. В 2019 г. расходы Запада на поддержку российских НКО, работу с ними увеличились на 20% и составили 1,2 млрд долл.⁵ В 2020 г. в связи с пандемией антироссийская активность несколько поубавилась, однако в 2021 г. произошел новый всплеск. Вся дея-

¹ Американская частная разведывательно-аналитическая компания.

² Американская НКО, выполняющая функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, вооруженных сил и связанных с ними организаций.

³ Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», был подписан президентом В.В. Путиным 20 июня 2012 г. Закон касается НКО, получающих денежные средства и иное имущество от иностранных источников и занимающихся политической деятельностью. 4 июня 2014 г. издан закон, предоставляющий право Министерству юстиции включать соответствующие НКО в реестр «иностранцев».

⁴ Youtube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bGR2GUbG3tu>.

⁵ В Госдуме отметили увеличение зарубежного финансирования российских НКО. — URL: <https://ria.ru/20190521/1553655141.html>.

тельность на данном направлении постоянно находится в поле зрения и контроля Государственного департамента США.

«Мягкая сила» США вздыбилась, максимально прибавив агрессивность, в связи с инициированной В.В. Путиным конституционной реформой, которую поддержали 77,92% российских граждан, обладающих правом голоса. В частности, председатель Хельсинкской комиссии США при ОБСЕ конгрессмен Элси Хейстингс и ее сопредседатель сенатор Роджер Уикер в совместном заявлении, выдержанном в вызывающем провокационном стиле, дали свой комментарий по поводу итогов общенародного референдума: «...Благодаря сфальсифицированному, мошенническому голосованию российский народ, а также те, кто живет под российской оккупацией, останутся под властью наделенного еще большими полномочиями Путина, который будет править, пока ему не перевалит за восемьдесят». Заявление было распространено по каналам «Голоса Америки», вещающего не менее, а возможно, и более активно, чем в советские времена⁶.

CNN, согласившись с тем, что В.В. Путин одержал убедительную победу, утверждал, тем не менее, что в информационном пространстве не было слышно альтернативных точек зрения. «Financial Times» замечает, что имя Владимира Путина не фигурировало в избирательных бюллетенях, но голосование фактически шло за него. Затем следует ничем не подтвержденная информация о том, что учителей, врачей и других бюджетников якобы заставляли голосовать.

ВВС приводит высказывания неких необозначенных оппозиционеров, заявивших, что полученные результаты будто бы не отражают реальных общественных настроений. Далее акцент делается на том, что В.В. Путин, призвав россиян поддержать поправки ради обеспечения стабильности в стране, не сообщил о своем намерении «править пожизненно»⁷. Примерно в том же духе освещают результаты плебисцита другие ведущие западные СМИ.

⁶ Хельсинкская комиссия США осудила российское голосование по поправкам к конституции. — URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/husters-and-wickers-denounce-fraudulent-vote-in-russia/5486243.html>.

⁷ Вместе с Западом. — URL: <https://naspravdi.info/novosti/vmeste-s-zapadom>.

Европейский союз выразил сожаление, что «в преддверии общенационального голосования не была допущена агитация как за, так и против поправок, что лишило избирателей доступа к сбалансированной информации». Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) ожидаемо призвала исключить поправку о приоритете Конституции России над международными договорами и выразила надежду, что Россия будет соблюдать установленные нормы и выполнять обязательство по исполнению решений Европейского суда по правам человека. Относительно голосования крымчан и жителей Донбасса было выражено мнение о том, что владельцы российских паспортов не должны были участвовать в референдуме⁸.

Вдохновленная западными спонсорами российская оппозиция постаралась действовать в унисон с ними. Известное своими связями с западными фондами Межрегиональное общественное движение в защиту прав избирателей «Голос» сразу по окончании референдума выступило с демагогическим заявлением о том, что референдум «войдет в историю страны как пример покушения на суверенитет народа»⁹. Партии «Яблоко» и «Парнас» отказались от участия в голосовании и призвали к этому всех российских граждан. Позиция «Яблока» состояла в необоснованном, не выдерживающем критики мнении о том, что внесение поправок в Конституцию России является разрушением основ конституционного строя страны, российской правовой системы в целом¹⁰.

Положение Основного закона о возможном продлении пребывания В.В. Путина на посту президента будет подвергаться нападкам российской оппозиции и западников и в будущем, хотя очевидно, что предоставление права баллотироваться не является гарантией быть из-

⁸ Новости и аналитика о Германии. — URL: <https://www.dw.com/ru>.

⁹ «Войдет в историю страны как пример покушения на суверенитет народа». Движение «Голос» подвело итоги голосования по поправкам к Конституции. — URL: <https://meduza.io/feature/2020/07/02/voydet-v-istoriyu-strany-kak-primer-pokusheniya-na-suverenitet-naroda-dvizhenie-golos-podvelo-itogi-golosovaniya-po-popravkam-k-konstitutsii>.

¹⁰ «Яблоко» направило Путину пять оснований, почему поправки в Конституцию нарушают закон и должны быть отозваны. — URL: <https://www.yabloko.ru/news/2020/02/06>.

бранным. Электорат В.В. Путина сохранится только в том случае, если мощный социальный блок новой Конституции будет претворен в жизнь.

Наступление агрессивной «мягкой силы» тем не менее продолжилось. Поводом для новой атаки на руководство России послужило тяжелое заболевание оппозиционного политического деятеля А.А. Навального, который, по версии берлинской больницы Charité, был отравлен субстанцией из группы ингибиторов холинэстеразы (расхожее название — «Новичок»). Запрос российской стороны о предоставлении материалов исследования так и не был удовлетворен без внятного профессионального объяснения причин. Это обстоятельство не помешало, однако, Евросоюзу призвать российские власти к немедленному расследованию якобы совершенного преступления, а Европарламент большинством голосов принял резолюцию об очередных санкциях против России, которые, в частности, предусматривают поддержку российской оппозиции и неправительственных организаций. Давление Запада усилилось в связи с заменой условного приговора Навальному на реальный за многочисленные нарушения установленного законодательством порядка.

Следующей мишенью для очередной пристрелки американской и другой «мягкой силы» стало «вмешательство» Москвы во внутренние дела Белоруссии. Факт вхождения Республики Беларусь в состав Союзного с Россией государства западным истеблишментом игнорируется.

Одна из главных целей перманентного противоборства Запада с Россией состоит в недопущении создания вокруг нее реального союза постсоветских государств. В данном контексте в антироссийских внешнеполитических построениях Вашингтона и Брюсселя особое место всегда отводилось **Украине**. Важность ее, как известно, не утрачивается и сегодня. Один из идеологов американской внешней политики З. Бжезинский утверждал, что если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия вновь превратится в мощное имперское государство, раскинувшееся на просторах Европы и Азии¹¹. На самом деле мощь

¹¹ Бжезинский об Украине. Главные цитаты за 20 лет. — URL: <https://ua-ru.info/news/114843-bzhezinskiy-ob-ukraine-glavnye-citaty-za-20-let.html>.

России никак не связана с Украиной и процессами, происходящими в этой стране.

Украина была готова к восприятию любых проектов Запада, связанных с уходом от российского влияния. Идея формирования национальной самостоятельности жила в сознании украинцев со времен Запорожской Сечи. Еще в середине XVII в. здесь возникло деление на административно-территориальные округа. Избранная казаками рада являлась важным административным, законодательным и судебным органом. Сечь возглавлял кошевой атаман (позже — гетман), имевший неограниченные диктаторские полномочия. В период гетманства Юрия Хмельницкого на раде, собранной близ города Ржищева, было постановлено ходатайствовать перед царем о расширении прав малорусского народа, усилении гетманской власти и утверждении самостоятельности малорусской церковной иерархии. Ходатайство было отвергнуто.

Первое украинское государство — Украинская Народная Республика (УНР) было образовано в январе 1918 г. после падения Временного правительства России. В апреле 1918 г. УНР была ликвидирована в результате государственного переворота и появления на ее месте подконтрольной Германии Украинской державы, которая вскоре была свергнута, а УНР воссоздана. Летом 1920 г. под ударами Красной армии республика прекратила свое существование, однако идеи украинства, т.е. формирования и утверждения национальной идентичности, продолжали жить и при советской власти. Более того, на начальных этапах формирования и укрепления рабоче-крестьянской интернациональной государственности украинство не только поощрялось, но даже навязывалось. Руководство СССР рассчитывало привлечь таким образом украинцев на свою сторону. В 20-х — начале 30-х гг. XX в. была развернута кампания украинизации, руководство которой было возложено на Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Украины Л.М. Кагановича. В 1927 г. был издан приказ о переходе партийно-государственного делопроизводства на украинский язык. Служащим было вменено в обязанность изучать украинский язык на государственных курсах, которые завершались выпускными экзаменами. В сжатые сроки организовывалась деятельность украинских театров, музеев, издательств, библиотек украинской литературы,

научных учреждений, осуществлялась государственная поддержка украинских художников. В 80% средних школ и 30% вузов преподавание велось на украинском языке. На украинском языке издавалось 50% книг. В открывшейся Академии наук велась работа над толковым словарем украинского языка. В рамках Академии наук открылся Институт украинского научного языка для разработки терминологии в различных областях науки. Политика украинизации способствовала национальному самоутверждению украинцев в качестве титульной нации, которой предназначалась главенствующая роль в политической, общественной и культурной жизни республики. Развитие такой тенденции стало признаваться советскими властями уже опасным явлением, угрожающим целостности государства. Со второй половины 30-х гг. XX в. политика украинизации стала сворачиваться под лозунгом борьбы с буржуазным национализмом. Массовые репрессии обрушились на так называемых национал-уклонистов, в первых рядах которых оказалась украинская интеллигенция. Враждебным было объявлено и украинское крестьянство, которое обвинялось в саботаже социалистического строительства, приверженности националистическим идеям. Гонениям подверглось и духовенство.

С самого начала Великой Отечественной войны фашистская Германия считала Украину одним из ключевых направлений не только боевых действий, но и антисоветской пропаганды. Ее эффективность была незначительной и распространялась главным образом на западе республики, отошедшем к СССР только в 1939 г.¹² Советское руководство в противовес нацистской пропаганде, а также в целях поднятия боевого духа украинцев сочло необходимым вернуться к политике поощрения и развития украинского национального патриотизма. В работу был введен тезис об украинской государственности. Украине формально было предоставлено право сношения с зарубежными государствами. Указом Президиума Верховного Совета СССР

¹² Полагаем нецелесообразным останавливаться на детально изученной теме коллаборационистской Организации украинских националистов (ОУН) и ее боевого крыла — Украинской повстанческой армии (УПА), действовавшими на территории УССР с начала Великой Отечественной войны до конца 50-х гг. прошлого столетия во главе с С. Бандерой и Р. Шухевичем.

от 10.10.1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого. Военнослужащие награждались им за особые боевые заслуги¹³. По завершении Второй мировой войны между СССР, США и Великобританией была достигнута договоренность о членстве в ООН Украины и Белоруссии.

Предпринятые политические шаги не означали, что советская власть продолжит поощрять амбиции украинцев. Уже вскоре возобновились обвинения в буржуазном национализме и преследование сторонников национального возрождения Украины.

После XX съезда КПСС, положившего конец сталинской эпохе, и наступления периода хрущевской оттепели и брежневского политического спокойствия и застоя некоторые запреты на развитие украинской национальной самобытности были сняты. В это время вышли в свет «Украинская советская энциклопедия», «История украинской литературы», многотомный словарь украинского языка.

19 февраля 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, на основании которого Крымская область, входившая в состав РСФСР, была передана Украине. Обсуждаются различные версии причин принятия такого решения. Его ошибочность, однако, подтверждена всей историей «украинского» Крыма.

Горбачевская перестройка не внесла сколько-нибудь существенных изменений в политику Москвы на украинском направлении.

После распада СССР первые же президенты Украины, обретшей независимость, Л.М. Кравчук и Л.Д. Кучма, занимавшие в советское время высокие партийно-государственные и правительственные посты¹⁴, сразу взяли курс на укрепление украинства внутри страны и независимость Украины от России.

¹³ Украинская советская культура. — URL: https://studbooks.net/57041/kulturologiya/ukrainskaya_sovetskaya_kultura.

¹⁴ Л.М. Кравчук завершил советскую карьеру, занимая должность 2-го секретаря ЦК КПУ, позже председателя Верховного Совета Украинской ССР. Л.Д. Кучма — лауреат Ленинской премии 1979 г. за деятельность в ракетостроительной отрасли СССР. В 1982–1992 гг. — генеральный директор одного из наиболее крупных предприятий по производству ракетно-космической техники «Южный машиностроительный завод».

Л.М. Кравчук баллотировался и был избран на пост президента в образе националиста и «отца независимости». В 1992 г. он активно поддерживал митрополита Филарета, настойчиво добивавшегося создания Украинской православной церкви Киевского патриархата.

Л.Д. Кучма, занимавший президентское кресло в течение двух сроков — с 1994 по 2004 г., евроинтеграцию считал приоритетом внешней политики, хотя одновременно придерживался принципа равноправного сотрудничества как с Западом, так и с Россией, членами СНГ, странами Азии и Латинской Америки.

31 мая 1997 г. был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, а 9 июля того же года Украина подписала Хартию об особом партнерстве с НАТО. 23 мая 2002 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины под председательством Л.Д. Кучмы принял решение о том, что вступление в НАТО является стратегической целью страны.

Третий президент, В.А. Ющенко, стал автором новой украинской идеологии, проповедовавшей радикальный национализм и русофобию. Главной ее темой был, как известно, так называемый голодомор — массовый голод на Украине 1932–1933 гг., хотя эта трагедия поразила и обширные территории самой России. По словам В.А. Ющенко, голодомор являлся способом ослабления украинского народа, лишения его государственности. В 2006 г. Верховная рада приняла закон, квалифицирующий голодомор как геноцид украинцев. В Киеве появились призывы потребовать от России, как правопреемницы СССР, компенсацию за голодомор. Вторым главным идеологическим постулатом В.А. Ющенко являлась реабилитация ОУН — УПА. Их лидеры С. Бандера и Р. Шухевич, якшавшиеся с нацистами, были признаны героями Украины.

На внешнеполитическом фронте В.А. Ющенко убежденно и активно развивал запущенный Л.Д. Кучмой курс на европейскую и североатлантическую интеграцию. В частности, В.А. Ющенко поддержал решение Вашингтона о размещении американских противоракетных систем в Центральной и Восточной Европе.

Размежевания России с Украиной тем не менее не произошло, однако ее двери широко распахнулись не только для «мягкой», но и военной силы Запада во главе с США. В 2008 г. украинское руководство

направило письмо НАТО с просьбой присоединить страну к Плану действий по членству в Североатлантическом договоре. Обращение было отклонено, однако настойчивость украинской стороны не ослабевала. В 2019 г. вступили в силу поправки к конституции, закрепившие на уровне конституционной нормы стратегический курс на получение полномасштабного членства в ЕС и НАТО. 12 июня 2020 г. Североатлантический альянс признал Украину в качестве партнера с расширенными возможностями, означающими, что Альянс и Киев будут повышать совместимость войск, улучшать логистику и командные связи. НАТО будет помогать Украине реформировать армию.

Примерно за год до государственного переворота 2014 г. на Украине действовало 13 западных систем «мягкой силы» и более 70 местных НКО. Помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии В. Нуланд в интервью телеканалу CNN заявила, что Вашингтон выделил 5 млрд долл. «на поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству»¹⁵. Ключевая роль в распространении подрывной «демократии», как и в России до принятия соответствующих законов, принадлежала Государственному департаменту, действовавшему в связке с USAID. Такая схема работает и сейчас практически на всех направлениях СНГ.

Дальнейшее развитие событий, дела последующих после В.А. Ющенко президентов хорошо известны. Подчеркнем, однако, что их итогом стало обнищание Украины и полная утрата суверенитета страны, управляемой, как известно, Вашингтоном и Брюсселем под контролем американцев. Неизменная задача коллективного Запада состоит в том, чтобы сохранить статус-кво в напряженных отношениях между Москвой и Киевом и добиться максимально возможного отторжения Украины от России.

Национальные амбиции **белорусов** проявляются не так остро, как украинцев, но существуют. Они стали заметными еще в середине XIX века. Большая часть белорусской элиты принимала участие либо поддерживала движение за самоопределение и независимость 1863–1864 гг. Его оформление, развитие и упадок происходили в рам-

¹⁵ Госдеп: США вложили \$5 млрд в «поддержку демократии» на Украине. –URL: <https://ria.ru/20140422/1004886020.html>.

ках и под влиянием борьбы поляков и литовцев против Российской империи за воссоздание польско-литовского государства Речи Посполитой, в которое входили и белорусские земли. Процесс национальной идентификации белорусов тем не менее продолжился. Революция 1905 г. придала импульс развитию национального самосознания. В 1915 г. в Вильне (современный Вильнюс), оккупированной Германией, действовало Белорусское общественное собрание. В декабре 1917 г. на Первом Всебелорусском съезде была провозглашена независимая Белорусская Народная Республика, просуществовавшая до декабря 1918 г., когда Красная армия заняла Минск. Целый ряд белорусских политических организаций продолжил свою деятельность на территории Польши. Некоторые их представители были избраны в польский парламент.

Советская политика коренизации, поощрявшая развитие белорусского языка, национальной культуры, осуществлялась с начала 20-х до середины 30-х годов XX в. Как и на Украине, она завершилась репрессиями в отношении сторонников утверждения национальных идей.

В дальнейшем вплоть до распада СССР белорусский национализм существенно не проявлялся. Его разогревом уже в независимой Белоруссии, прежде всего в антироссийском контексте, по исторической традиции стали активно заниматься Польша и Литва (разумеется, под эгидой США и Евросоюза).

Опорой во внедрении в Белоруссию американской и европейской «мягкой силы», ее антироссийской деятельности служат местные либеральные политические организации, ориентирующиеся на так называемые национальные ценности и интересы, т.е. независимость страны, демократические свободы, рыночную экономику, возрождение белорусского языка и культуры, лишение русского языка статуса второго государственного, вхождение в ЕС и НАТО. Наибольшей активностью отличаются Объединенная гражданская партия (создана в 1995 г.), Партия «Белорусский народный фронт» (создана в 1993 г.), Консервативно-христианская партия — БНФ (образовалась после раскола Белорусского народного фронта в 1999 г.). Последнее политическое объединение придерживается экстремистских позиций. Согласно информации, помещенной на партийном сайте, организация представляет белорусское освободительное движение, борющееся с российской экспансией, про-

московским оккупационным антибелорусским режимом, выступает за возвращение в качестве государственной символики бело-красно-белого флага и герба «Погоня». Именно под этой символикой проходят протестные акции в городах Белоруссии. В стране созданы и многочисленные НКО прозападного толка, работающие за счет американских и европейских грантов. Среди их получателей заметную роль играют Bel.Bir, формально занимающийся запуском бизнес-проектов и их поддержкой при содействии западных компаний, правозащитный центр «Весна», политическое движение «Говори правду», издание «Народная воля» и др. По линии этих и подобных НКО USAID практиковал, в частности, организацию поездок в США белорусских предпринимателей, политологов, лидеров общественных и политических объединений, в том числе и проправительственных. Программы таких стажировок в обязательном порядке включали тему неэффективности интеграции с Россией. Финансовые средства западной «мягкой силы» расходовались и на другие конкретные цели: квоты на обучение белорусской молодежи в вузах США и Европы, поддержку библиотек, медицинских учреждений и одновременно на развитие гражданского общества. С 2008 по 2019 г. на Белоруссию израсходовано 128 млн долл.¹⁶

В течение первых президентских сроков А.Г. Лукашенко «мягкая сила» западников была скована установками и запретами авторитарного, в то время антизападного, главы государства, ориентировавшегося на Россию, подписавшего с ней сначала Договор о создании Сообщества Беларуси и России (1996), затем Договор о Союзе Беларуси и России (1997) и, наконец, Договор о создании Союзного государства (1999). Американским и другим западным «боевым» системам «мягкой силы», таким как Фонд Макартуров, фонд «Евразия», Германский фонд Маршалла, «Открытое общество» Сороса, Freedom House, Национальный фонд демократии и др., удалось, однако, настроить свою работу из Варшавы, Вильнюса, а после 2014 г. и из Киева.

В 2014–2015 гг. произошел разворот президента А.Г. Лукашенко и его команды в сторону многовекторного внешнеполитического курса с упором на сближение с Вашингтоном. Проявилось оно в ходе

¹⁶ Eadaily. — URL: <http://eadaily.com/ru/news/2020/01/31/kto-prodvigaet-interesy-ssha-v-belorussii-edinstvo-vlasti-i-oppozicii>.

официального визита в Минск госсекретаря США М. Помпео. Однодневный контакт состоялся 1 февраля 2020 г. в преддверии президентских выборов в Белоруссии. А.Г. Лукашенко, скорее всего, рассчитывал на то, что американцы проявят лояльность к его желанию не покидать свой пост и не будут мешать, а общественность страны, либеральная оппозиция, оценит способность главы государства подружиться с Западом и намерение развивать с ним сотрудничество.

Не получилось ни того, ни другого. М. Помпео пообещал вернуть отозванного из Минска в 2008 г. посла, увеличить капиталовложения в белорусскую экономику, обеспечить ее энергоносителями на все 100%, поддерживая, таким образом, суверенитет и независимость Белоруссии (это — назло России, с которой А.Г. Лукашенко не смог договориться по нефтяным поставкам), отметил продвижение в деле обеспечения гражданских свобод, но по возвращении в США заявил, что Вашингтон пока не планирует снимать введенные в 2004 г. экономические санкции за нарушение прав человека. В течение своего весьма непродолжительного пребывания в Минске М. Помпео с молчаливого согласия А.Г. Лукашенко успел пообщаться с белорусскими правозащитниками. Что касается оппозиции, то она за время послаблений президента в отношении общественных дел¹⁷ активизировалась, окрепла, заметно повысила свой рейтинг, что проявилось после шестого по счету избрания А.Г. Лукашенко на пост президента. Если выступления оппозиции после каждой избирательной кампании, парламентской или президентской, выглядели беспомощно, то в 2020 г. массовое протестное движение охватило многие города Белоруссии, включая столицу. При этом если на Украине западники делали вид, что стремятся содействовать политической стабилизации, то в Белоруссии они действовали в открытую на государственном уровне, используя весь арсенал «мягкой» и политической силы.

А.Г. Лукашенко проявляет стойкость, опирается на вооруженные силы, сохраняющие верность президенту, а также поддержку России, обещая ей продвинуться в сторону реальной интеграции. Предотвраща-

¹⁷ В период своей «многовекторности» президент дал волю НКО, поощрял так называемую свободную прессу, агитировавшую за независимость от России, ослабил контроль за западной «мягкой силой».

щенная российскими спецслужбами попытка покушения на Лукашенко свидетельствует о том, что оппозиция не гнушается никакими методами борьбы с союзным с Россией белорусским государством.

Запад предпринимает усилия для запуска в **Центральной Азии** всего инструментария «мягкой силы». Дело, однако, сводится в основном к экономическим проектам в **Казахстане, Туркменистане и Узбекистане**, что, впрочем, устраивает американцев и европейцев, нацеленных на внедрение в экономическое поле этих стран, богатых углеводородными и другими природными ресурсами. **Таджикистан** представляет интерес для Вашингтона главным образом в контексте безопасности в связи со значительной по длине границей с Афганистаном и развернутой в республике 201-й российской военной базой, сформированной в 2004 г. Работа западников осуществляется, разумеется, и на политическом поприще, в частности в формате «5+1», а также в гуманитарной сфере с акцентом на образование и культуру. Туркмения вместе с тем постоянно находится под огнем жесткой критики за диктаторские порядки, отсутствие гражданских свобод, преследование инакомыслия, что, однако, не является препятствием для развития бизнес-связей с Вашингтоном и европейскими партнерами.

Работа США и ЕС с названными странами осуществляется в постоянном режиме на различных уровнях, в том числе высшем. Экспрезидент Казахстана Н.А. Назарбаев со времени установления дипотношений с США в 1991 г. совершил семь официальных визитов в Вашингтон и провел две встречи с американскими президентами Б. Обамой и Д. Трампом. По итогам первого визита в Вашингтон были подписаны договор о поощрении и взаимной защите инвестиций, соглашение о стимулировании капиталовложений, совместное заявление о заключении Конвенции об избежании двойного налогообложения. Во время состоявшегося в Вашингтоне в 2018 г. казахстано-американского саммита стороны заключили более 20 договоров и соглашений о развитии торгово-экономического сотрудничества, в том числе в авиационной, космической, нефтяной, нефтехимической, аграрной сферах, на сумму порядка 7 млрд долл.¹⁸

¹⁸ Визит на семь миллиардов: Назарбаев подписал в США ряд соглашений. — URL: <http://ria.ru/20180117/1512758748.html>.

Что касается других областей кооперации, то Казахстаном с подачи США были разработаны и приняты несколько циклов индивидуального плана партнерства с НАТО. В гуманитарных делах были достигнуты договоренности о расширении связей в научной и образовательной сферах.

В 1999 г. общественность Центральной Азии и за ее пределами удивило особое отношение американцев к Н.А. Назарбаеву, которому был вручен диплом «За выдающийся вклад в продвижение демократии»¹⁹. Интенсивное заинтересованное взаимодействие Казахстана с Вашингтоном не мешает Астане инициировать все интеграционные проекты и активно участвовать в них, в первую очередь в рамках ЕАЭС, быть одним из ключевых членов ОДКБ, осуществлять широкую многовекторную кооперацию с Москвой.

История общения Узбекистана с Западом не столь безоблачна. С одной стороны, суть внешнеполитических принципов, заложенных первым президентом страны И.А. Каримовым, состоит в приоритете сотрудничества с США и Европой, однако с другой — в неприятии ценностей западной демократии, не соответствующих культуре, традициям, менталитету узбекского народа. Отметим, что и Н.А. Назарбаев не видел путей слияния с европейской культурой, как-то заметив, что казахстанцы и европейцы «видят разные сны».

Отношения Узбекистана с Западом особенно осложнились после трагических событий 2005 г. в Андижане. США и Европейский союз резко осудили тогда узбекские власти за жестокое подавление беспорядков в этом городе и ввели целый ряд жестких экономических и других санкций против Узбекистана. В ответ И.А. Каримов потребовал закрытия американской базы в г. Ханабад. В дальнейшем положение выправилось. Отмена в 2009 г. санкций, стремление узбекского руководства преодолеть трения послужили импульсом развития разноплановых связей, прежде всего экономических. Активно заработали аккредитованные в республике представительства 30 американских компаний и банков. Примером сотрудничества Узбекистана

¹⁹ Что связывает Казахстан и США: главные вехи двусторонних отношений. — URL: <http://ru.sputnik.kz/politics/20180116/4283087/chto-svyazyvaet-kazahstan-i-ssha-glavnye-vekhi-dvustoronnih-otnochenij.html>.

с крупным американским бизнесом стала деятельность в этой стране представительства «Дженерал Моторс». В 2011 г. «ГМ Узбекистан» вошел в десятку наиболее эффективных предприятий этой корпорации. Американцы и европейцы, конкурируя друг с другом, стали внедряться в энергетическую отрасль.

Разнообразные проекты были запущены в сфере науки и образования на основе межправительственного соглашения о научно-техническом сотрудничестве. В Ташкенте функционируют офис Американского совета по международным исследованиям и научным обменам, представительство Американского совета по международному образованию, посольство США осуществляет образовательные программы Уильяма Фулбрайта, Хьюберта Хамфри, предоставляет квоты на обучение в американских вузах (ежегодно 250 стипендий)²⁰. Интересно, что казахстанские и узбекские власти не поощряют карьерного роста в политических государственных структурах выпускников западных учебных заведений²¹.

Незначительная, но точечная и шумно разрекламированная помощь (125 тыс. долл.) была оказана посольством США в рамках программы по сохранению исторического и культурного наследия Узбекистана. Еще одна гуманитарная акция уже по линии USAID оказывалась нуждающимся слоям населения. В 2011 г. объем гуманитарной помощи составил 21 млн долл., а число получателей достигло 500 тыс. человек. По каналам американских НПО в 2010 г. Узбекистану была направлена партия медикаментов и медицинского оборудования на сумму 12 млн долл.²²

Состоявшийся в 2018 г. визит в США действующего президента Ш.М. Мирзиёева послужил началом нового этапа двустороннего

²⁰ США и Узбекистан — обзор пройденного пути и вопросы будущего. — URL: <http://caa-network.org/archives/8342>.

²¹ «Мягкая сила» США в Центральной Азии — программы обмена, твиттер-дипломатия и “проамериканизм”. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a2a6a5e8c8be390056bce19/miagkaia-sila-ssha-v-centralnoi-asii--programmy-obmena-twitterdiplomatiia-i-proamerikanizm-5b34870fd0c55c00a9f8138e>.

²² США и Узбекистан — обзор пройденного пути и вопросы будущего. — URL: <https://caa-network.org/archives/8342>.

сотрудничества, признанного стратегическим партнерством. Объем сделок, намеченных на переговорах, составил примерно 6 млрд долл. Позднее в Ташкенте прошла неделя американского бизнеса, организованная USAID и Министерством торговли республики. Участники форума подписали 13 соглашений на сумму 2,5 млрд долл. В целях реализации запланированных программ впервые была достигнута договоренность о привлечении американских консультантов в Министерство финансов, Государственный налоговый комитет и Агентство по развитию рынка ценных бумаг²³.

Многогранное сотрудничество связывает Узбекистан с Россией. На всех уровнях поддерживаются политические контакты. Развиваются торгово-экономические, научные, гуманитарные, образовательные связи. В итоге нескольких раундов переговоров с российским руководством по вопросу членства Узбекистана в ЕАЭС Ташкент дал согласие пока на статус наблюдателя. От членства в ОДКБ Узбекистан по-прежнему воздерживается.

USAID расположился и в Таджикистане, координируя, по своему обыкновению, деятельность американско-европейской «мягкой силы» и подопечных местных НПО. В стране задействованы Национальный фонд поддержки демократии, фонды Сороса, «Ага Хана», «Евразия», «Институт войны и мира», работает Центр американского образования в Душанбе.

Особого «мягкого» влияния в Таджикистане не наблюдается. Как зарубежные, так и местные НПО контролируются в соответствии с жесткими законодательными установками, дееспособная оппозиция по существу отсутствует, народ, переживший длительную гражданскую войну (1992–1997), не расположен к новой конфронтации, большинство населения привержено исламу, национальным традициям, далеким от какой бы то ни было демократии. Свидетельством внутренней политической стабильности стали президентские выборы октября 2020 г., признанные легитимными ШОС и Евросоюзом. Более 90% избирателей проголосовали за нынешнего президента

²³ Ритм Евразии. — URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-01--proizoshel-li-kardinalnyj-proryv-v-ekonomicheskikh-otnoshenijah-uzbekistana-i-ssha-i-44608>.

страны Э. Рахмона, занимающего пост главы государства с 1994 г. в течение пяти сроков. В 2015 г. Э. Рахмон объявлен «Основателем мира и национального единства, лидером нации».

USAID поспел и в Туркменистан, не замечая диктаторского антидемократического по всем европейским статьям режима. В феврале 2020 г. был запущен проект по развитию предпринимательства и бизнес-среды в Туркмении. В рекламном анонсе значится, что USAID поможет туркменским предприятиям создать новые рабочие места, повысить профессиональный уровень занятых в бизнесе работников и их хозяев, расширить объем и номенклатуру экспортных товаров, включая пищевые продукты, ковроткачество и даже информационные и коммуникационные технологии, активизировать сотрудничество с американскими и международными компаниями.

За 25 лет, прошедших со времени установления дипломатических отношений между Туркменистаном и США, было заключено 167 двусторонних контрактов в электроэнергетике, авиации, сельском хозяйстве и других сферах на сумму около 3,5 млрд долл.²⁴

Как американцы, так и европейцы морально поддерживают проект по сооружению газопровода «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия», первый камень которого был заложен в 2015 г. в туркменском городе Мары. США обещают обеспечить его безопасность на территории Афганистана, хотя пока не в состоянии создать безопасные условия для своей жизнедеятельности в этой стране.

После подписания в августе 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспия Вашингтон и Брюссель стали настойчиво советовать Ашхабаду решительно добиваться договоренности с прикаспийскими государствами о прокладке транскаспийского газопровода из Туркмении в Европу.

К углеводородным ресурсам Туркмении проявляют интерес такие энергетические гиганты, как BP, “Chevron”, “Exxon Mobil”, “Shell”, “Total”. Однако на данном этапе главный партнер Туркменистана в нефтегазовой отрасли — Китай.

В **Киргизстане** «мягкая сила» Запада всегда работала в условиях абсолютной вседозволенности. Фундамент такого доброжелатель-

²⁴ Туркменистан с компаниями США реализовал 167 проектов стоимостью \$3,5 млрд. — URL: <https://business.com.tm/ru/post/5346/1>.

ства был заложен еще первым президентом суверенной республики, принципиальным поборником российской демократии начала 90-х гг. прошлого века, личным другом Б.Н. Ельцина — А.А. Акаевым. Восприимчивость к европейским свободам проявлял русифицированный промышленный, а потому и более образованный Север страны. Юг республики, отличающийся приверженностью исламу, своеобразием, свободолобием, но не европейским, а киргизским, смотрел на демократические нововведения «со своей колокольни». По этой причине большинство из упоминавшихся американских и европейских НПО во главе, как обычно, с Государственным департаментом в тандеме с USAID действовали главным образом на киргизском Севере с центром в Бишкеке. Один из сотрудников киргизского внешнеполитического ведомства в приватной беседе с автором настоящей статьи утверждал, что USAID не считает нужным даже информировать руководство Киргизстана о своих проектах в республике.

На киргизском Севере интерес был направлен на государственные структуры, интеллигенцию, деловые круги, щедро спонсируемые местные НПО и независимые СМИ. Вашингтон и Брюссель постоянно отмечали расположенность Бишкека к широкому сотрудничеству, объявляли Киргизстан самым демократичным центральноазиатским государством, где действуют избирательная система, свобода слова, печати и собраний. Киргизы, со своей стороны, не ущемляя никакими запретами западных «защитников» прав человека, в то же время регулярно жаловались на их увлеченность строительством демократии при крайне недостаточном внимании к экономическим проблемам республики. В 2002 г. дело дошло и до скандала, правда не на экономическую тему. Власти поддержали требование муфтия прекратить навязчивое протестантское миссионерство. Киргизов, в том числе крестьян, уговаривали обратиться в христианскую веру, обещая отправить детей на учебу в Европу или дать деньги на строительство детских садов и школ. Люди, поддавшиеся на эти посулы, подвергались остракизму, лишались допуска на мусульманские кладбища, права пользоваться ирригационными сооружениями, хотя, на словах обещая стать христианами, они, конечно же, оставались мусульманами.

Так или иначе, «мягкая сила» в Киргизии чувствовала себя вполне комфортно. Регулярно происходящие государственные перевороты

остаются за скобками. Ни одному президенту (в том числе С.Ш. Жээнбекову), избранному без замечаний со стороны придирчивых наблюдателей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, не удавалось уйти со своего поста с миром. Борьба за власть между кланами Севера и Юга стала традицией, естественным правилом президентской истории Киргизстана: А. Акаев — северянин, К. Бакиев — южанин, А. Атамбаев — северянин, С. Жээнбеков — южанин, действующий президент С. Жапаров, свергнувший С. Жээнбекова, — северянин. Запад не замечает переворотов. Перманентная киргизская нестабильность, скорее всего, отвечает интересам западных партнеров: Киргизстан — член ОДКБ, ЕАЭС, здесь расположены российские базы. «Кувыркание» Бишкека естественным образом сказывается отрицательно на позициях Москвы в Центральной Азии, что и является задачей Вашингтона и Брюсселя, особенно в контексте их новой стратегии, откровенно нацеленной на вытеснение России и Китая из региона.

Южный Кавказ отличает сложная настройка. **Грузины и армяне**, освобожденные в свое время Россией от османского и персидского ига, **азербайджанцы**, получившие благодаря вхождению в Российскую империю, позднее и в Советский Союз возможность ускоренного общественно-экономического, да и политического развития, став независимыми, по-разному в непростом режиме общаются с нашей страной. Этим объясняется различная степень воздействия антироссийской «мягкой силы» Запада, развившей значительную активность в постсоветский период.

В Грузии на первых же этапах суверенитета распространились протестные настроения в отношении России, обвинявшейся в поддержке сепаратизма абхазов и южных осетин. Грузинская элита игнорировала, однако, исторически сложившееся стремление и тех, и других отделиться от Грузии, охваченной междоусобной вооруженной борьбой за власть²⁵.

Усилия западников сначала были сосредоточены на отстранении от власти Э.А. Шеварднадзе, избранного в 1992 г. главой грузинско-

²⁵ В 1931 г. Абхазия по решению руководства СССР вошла в состав Грузинской ССР в качестве автономной республики. Южноосетинская автономная область в составе Грузии была образована в 1922 г.

го государства, позже — президентом страны. Бывший советский государственный и партийный деятель, осознавая значимость России для решения проблем Грузии, предпринял ряд конкретных шагов по сближению с Москвой: в 1993 г. Грузия стала членом СНГ, пребывание в стране российских военных баз и миротворцев было узаконено. Правда, в дальнейшем внешнеполитический курс Тбилиси стал демонстрировать тяготение к Вашингтону и НАТО, но тогда на грузинской политической арене уже появилась новая фигура, если не созданная Западом, то, во всяком случае, продвигавшаяся им. М.Н. Саакашвили — выпускник Международного института прав человека в Страсбурге, Колумбийского университета в Нью-Йорке, работал в американской юридической фирме Patterson. В совершенном М.Н. Саакашвили и его сторонниками государственном перевороте²⁶ и отставке Э.А. Шеварднадзе эта организация сыграла важную роль. Супруга М.Н. Саакашвили С. Рулофс — гражданка Нидерландов — преподавала в том же Международном институте прав человека, в Колумбийском университете, работала в Международном комитете Красного Креста. В 2004 г. М.Н. Саакашвили занял кресло президента и освободил его в 2013 г. В этот период русофобия в Грузии, разогревавшаяся западной «мягкой силой», достигла своего апогея. 8 августа 2008 г. грузинская армия начала боевые действия против Южной Осетии и Абхазии. Жертвами нанесенных по Цхинвалу артиллерийских ударов стали десятки мирных жителей, а также российские миротворцы. Россия вступила в конфликт, осуществляя «операцию по принуждению к миру». 16 августа президентами России, Грузии, Абхазии и Южной Осетии был подписан план мирного урегулирования конфликта. 26 августа Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии. 2 сентября Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией. Нет сомнений в том, что атака на Южную Осетию и Абхазию была не только согласована, но и спровоцирована западниками во главе с США. «Мягкая сила» эффективно сработала: Грузию удалось оторвать от России и подчинить своим интересам.

Таких же успехов добилась «мягкая сила» в Армении, которая давно тяготилась полной зависимостью от России. Ключевым прин-

²⁶ Впоследствии он был назван «революцией роз».

ципом внешней политики Еревана с начала постсоветского периода была многовекторность, означавшая союзнические отношения с Россией при приоритете развития сотрудничества с США и ЕС. С 1991 по 2015 г. руководители Армении (президенты, премьер-министры, министры иностранных дел) совершили 32 визита в США. Американские официальные представители разного уровня за период с 1992 по 2015 г. 24 раза посещали Армению. По итогам этих контактов было подписано несколько соглашений о торгово-экономических и научно-технических связях, а также о деятельности Корпуса мира в Армении²⁷, статусе в республике американской Международной школы²⁸.

Число сотрудников посольства США в Ереване превышает 2 тысячи человек. Американские дипломаты постоянно отслеживали обстановку по всей стране, беспрепятственно совершая поездки в различные районы, завязывая контакты с местным населением. При экс-президенте С.А. Саргсяне существовала традиция посещения американского посольства главой государства для поздравления руководителя дипломатической миссии с национальным праздником США — Днем независимости²⁹.

Связи с НАТО были установлены в 1992 г., когда Армения присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества, который в 1997 г. был переименован в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). В 2005 г. Ереван подписал План действий индивидуального партнерства с НАТО, предусматривающий осуществление с 2010 г. программы совершенствования механизмов управления системой обороны Армении на основе демократического гражданского контроля и реформирование армии в целях ее приближения к международ-

²⁷ Корпус мира — федеральное агентство правительства США, учрежденное в 1961 г. в целях продвижения мира во всем мире и дружбы. Главная конкретная задача заключается в обеспечении лучшего понимания американцев со стороны народов, которым Корпус мира оказывает услуги.

²⁸ «Колледжи объединенного мира». Декларируемая миссия — «превратить образование в силу, способную объединять людей, нации и культуры во имя мирного и стабильного будущего» (разумеется, под эгидой США).

²⁹ Movostink. — URL: <http://movostink.ru/armenia/164274-serzh-sargsyan-v-poslanii-baraku-obame-armeniya-gotova-sdelat-vse-vozmozhnoe-dlya-razvitiya-tesnogo-partnerstva-s-ssha.html>.

ным стандартам. Армения принимает участие в натовских учениях, в том числе на своей территории³⁰.

Стремясь к сближению с Европой, армяне в течение нескольких лет работали над соглашением о полномасштабной ассоциации с ЕС. Однако оно не было подписано, поскольку в 2015 г., в соответствии с настоятельными рекомендациями России, Армения стала членом ЕАЭС. Вместе с тем консультации с ЕС продолжались и завершились 24 ноября 2017 г. подписанием Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, из которого были исключены положения о таможенных преференциях сторон.

С молчаливого согласия властей в республике свободно функционировало более 300 (заместитель председателя Совета Федерации К.И. Косачев называл более точную цифру — 350) прозападных НПО, цель которых заключалась в дискредитации российско-армянских отношений. Казалось бы, Запад должен быть доволен внедрением своей «мягкой силы» в армянское общество и его элиту. Республика, однако, оставалась союзницей России, ее форпостом в Закавказье. Экспансия «мягкой силы», таким образом, продолжалась. Во время массовых беспорядков, охвативших столицу и другие города Армении в 2016 г., Вашингтон и Брюссель по существу приняли сторону бунтарей, угрожавших свергнуть президента и его команду. Тогда многовекторное, в том числе и пророссийское, правительство удержалось.

«Мягкая цель» коллективного Запада была достигнута (правда, ненадолго) при премьер-министре Н.В. Пашиняне, совершившем в 2018 г. так называемую бархатную революцию. С первых дней своего пребывания у власти лидер Армении пытался встать на рельсы самостоятельности, суверенности своей страны и ее независимости, прежде всего от российского влияния. Правда, Армения оставалась членом ОДКБ и ЕАЭС. Неуклюжие усилия Н.В. Пашиняна и его единомышленников привести страну к «свободе» под западным покровительством и защитой явились причиной сокрушительного поражения Армении в 44-дневной войне с Азербайджаном за Нагорный Карабах (27 сентября — 10 ноября 2020 г.) и острейшего внутривосточного кризиса. Боевые действия были остановлены благодаря инициати-

³⁰ НАТО и Армения. — URL: <https://НАТО.pф/ru/armenia.html>.

ве Москвы о подписании руководителями Азербайджана, Армении и России — И.Г. Алиевым, Н.В. Пашиным и В.В. Путиным — Заявления о прекращении боевых действий и вводе в Нагорный Карабах российских миротворческих сил. Армения в результате избежала дальнейших военных потерь и перехода всего Нагорного Карабаха под контроль азербайджанских войск. Учитывая явно негативный для Армении опыт работы с Россией в довоенный период, а также предстоящие переговоры о статусе Нагорного Карабаха, Н.В. Пашиным и его команда изменили тональность общения с Москвой, благодарят ее за помощь в ходе войны и выражают надежду на всестороннее сотрудничество в перспективе. Обстановка в Армении остается тем не менее крайне напряженной. Оппозиция, управляя массовыми беспорядками, объявила премьера предателем отечества.

Миротворческая миссия России усилила ее позиции на Южном Кавказе, подняла авторитет на всем пространстве СНГ да и на международной арене в целом. Такое положение, несомненно, не устраивает западных партнеров, в первую очередь сопредседателей Минской группы — США и Францию, оказавшихся вне процесса карабахского урегулирования — одной из сложных международных проблем. Следует ожидать нового наступления «мягкой силы» коллективного Запада в целях разрыва союзнических уз, связывающих Армению и Россию.

Независимый Азербайджан также неоднозначно относился к России как союзнице Армении, но на официальном уровне проявлял сдержанность и даже доброжелательство, справедливо считая, что конструктивное сотрудничество с Москвой способствует экономическому и политическому благополучию республики и к тому же может обеспечить решение проблемы Карабаха с учетом интересов и азербайджанской стороны. При этом Азербайджан, в отличие от демократической Армении, постоянно находился под огнем критики Брюсселя и Вашингтона в связи с утвердившейся в республике антидемократической государственной системой. Работа зарубежных и местных НКО жестко контролируется правительственными органами. Азербайджан принял закон, аналогичный российскому, о регулировании деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов.

Между И.Г. Алиевым и генеральным секретарем Совета Европы была достигнута договоренность о возобновлении диалога между представителями гражданского общества и правительством Азербайджана в форме Совместной рабочей группы по правам человека (СРГПЧ). Это событие произошло после того, как Баку в очередной раз подвергся критике со стороны Вашингтона и Брюсселя. По мнению ряда российских экспертов либерального толка, СРГПЧ создана для отвода глаз. Многие ее члены якобы от гражданского общества на самом деле финансируются правительством.

Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (структура Совета Европы) по итогам переговоров с официальными представителями Баку объявила, что Азербайджан не выполняет соответствующих рекомендаций, препятствуя работе независимых НКО. Примечательно, что лидеры США и ЕС в качестве наказания Азербайджана проигнорировали его приглашение принять участие в церемонии открытия в Баку в 2015 г. первых в истории Европейских игр.

И.Г. Алиев и его окружение не без оснований считают, что их страна может позволить себе не следовать в фарватере европейской демократии, поскольку западные партнеры более всего заинтересованы в сотрудничестве с республикой в энергетической сфере, что является определяющим фактором в их политике на азербайджанском направлении.

Противодействием западной «мягкой силе» на пространстве СНГ, несомненно, должна быть «мягкая сила» Москвы, которой необходимо доказывать на конкретных примерах преимущества сотрудничества с Россией и взаимодействия в интеграционных структурах нашего содружества.

Пономарева Елена Георгиевна

ТЕХНОЛОГИИ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: КАЗУС БЕЛОРУССИИ

Перевороты и изменения, на которые по старому масштабу требовались бы века, теперь совершаются в десятилетия, даже в годы. История стала торопливой, гораздо более торопливой, чем наша мысль.

Лев Троцкий

Президентские выборы 9 августа 2020 г. перевернули страницу не только истории современной Белоруссии, но и России: Белая Русь стала экспериментальной и стартовой площадкой для деструктивных практик реформирования политического пространства Союзного государства и дестабилизации ситуации внутри Российской Федерации. При всей уникальности белорусского кейса он является продолжением стратегии «управляемого хаоса» и технологически родственен механизмам гибридной войны, шире известным как «цветные революции» — политические перевороты современности.

Политические перевороты современности: теория и методы

Технологии смены политических режимов, разработанные в XX–XXI вв. и учитывающие опыт, накопленный за предыдущие столетия, позволяют успешно осуществить смену режима практически в любой стране мира вне зависимости от формы правления и характера политического режима. Самыми уязвимыми в этом смысле являются геополитически и геоэкономически значимые регионы. Этот тезис убедительно доказан событиями последних десятилетий, когда были деформированы и трансформированы политические режимы целого ряда стран. При этом нельзя забывать, что возможность и успех политической деструкции зависят от комплекса внутренних и внешних факторов. В этом ряду на первом месте — организационно-финансо-

вая, методическая и техническая составляющая протестов. На втором или третьем — политические и социально-экономические характеристики страны-мишени.

Разработкой технологий и методик по организации и осуществлению политических переворотов стали активно заниматься еще в конце XVII века. Одной из самых значимых работ по этой теме стала книга Г. Нода, переведенная в 1711 г. У. Кингом на английский язык, — «Политические размышления о высокой политике и мастерстве государственных переворотов»¹. Начало научному изучению технологий смены политических режимов в новейшее время положил итальянец К. Малапарте, а его теория государственного переворота сохранила актуальность до настоящего времени².

Одной из самых серьезных современных работ по данной проблематике можно считать книгу американского историка и специалиста по военной стратегии Э. Люттвака — «Государственный переворот. Практическое пособие». Книга, написанная в 1968 г., претерпела не только несколько переизданий и была переведена на 14 языков. В России, что представляется весьма симптоматично, она впервые увидела свет в 2012 г. — году президентских выборов, отмеченных активностью появившегося в 2011 г. белоленточного движения, породившего такое явление, как «болотная смута».

Значение работы Люттвака переоценить сложно. Сам автор представил книгу как «практическое руководство к действию, своего рода справочник государственного переворота: здесь описаны технологии, которые можно применить для захвата власти в том или ином государстве». Будучи своего рода «кулинарным справочником», книга «дает возможность любому вооруженному энтузиазмом и правильными ингредиентами непрофессионалу совершить свой собственный переворот; нужно только знать правила»³.

¹ См.: Люттвак Э. Государственный переворот. Практическое пособие. М.: РФСОиН, 2012. С. 9.

² Малапарте К. Техника государственного переворота (1931). М.: Аграф, 1988.

³ Люттвак Э. Государственный переворот. Практическое пособие. М.: РФСОиН, 2012. С. 4.

Наша задача обратная — сделать невозможным не только для непрофессионалов, но и для профессионалов осуществить политический переворот в России, как и в союзных странах. Для этого необходимо не только современные технологии деструкции с целью обезвреживания, но и понимать тайные смыслы современных «революций», а именно интересы их заказчиков, сценаристов и исполнителей.

Отличие от классических государственных переворотов, предполагающих, как правило, силовой захват власти, современные технологии смены политических режимов базируются на т.н. ненасильственных методах сопротивления. Теоретиками и концептуалистами «ненасильственной» технологии политпереворота по праву считаются Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Генри Торо, Джин Шарп. Согласно последнему (по его методикам осуществлялись смены режимов в Белграде (2000), Тбилиси (2003–2004), Киеве (2004, 2013–2014), Бишкеке (2005), Ереване (2004, 2007, 2018), Баку (2005), в странах арабского востока (2011) и попытка смены режима в августе 2020 г. в Белоруссии), ненасильственное сопротивление выражается в отказе от сотрудничества наиболее активной части общества — новых пассионариев — с действующим правительством и иными органами государственной власти⁴.

Самая известная книга Шарпа — «От диктатуры к демократии» — писалась для Бирмы и впервые увидела свет в 1993 г. в Бангкоке. С целью детального изучения противника в начале 1990-х гг. Шарп находился на контролируемых бирманскими повстанцами территориях. Как заверял технолог, «мы (интересно, кого он имел в виду? Свой институт, Госдепартамент, ЦРУ? — *Е.П.*) думали, что Бирмой все и кончится», но текст начал распространяться по планете⁵. Сначала книгу якобы нашли в магазине в Бангкоке студенты из Индонезии. В Сербию экземпляр привезли «борцы за мир из Калифорнии», по-

⁴ Шарп Дж. Общественная оборона. Система вооружения в эпоху постмилитаризма. Вильнюс, 2002. С. 12–13.

⁵ Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода. — URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/02/120217_gene_sharp_revolutions_interview.

сле Белграда о брошюре узнали на Украине, и пошло-поехало. Теперь это пособие переведено на десятки языков и широко растиражировано в Интернете. Очевидно, что в стихийность такого широкого распространения могут верить только наивные люди. Однако обратимся к сути его концепции.

Целью ненасилия служит *бескровный переворот (bloodless coup)*, смена режима, осуществляемая без массовых жертв. Шарп обращал особое внимание на то, что свержение режима возможно благодаря *гражданскому восстанию (civilian insurrection)* — ненасильственному выступлению против существующей власти. Это предполагает повсеместный отказ от признания законности существующей политической системы, массовые забастовки и демонстрации с требованием отставки правительства/главы государства или сепаратистскими требованиями, прекращение экономической деятельности и отказ от всякого политического сотрудничества. Отказ от сотрудничества может включать действия государственных служащих, но при этом не исключены мятежи (!) в частях полиции и армии. На завершающих стадиях, как правило, возникает параллельное правительство⁶.

Необходимо отметить, что условно несилевой способ смены политического режима (не в меньшей степени, чем силовой) невозможен без серьезной подготовительной и организационной работы. Слова всемирно известного теоретика и практика революций Л.Д. Троцкого не только не потускнели с годами, но приобрели особый смысл: «Восстание — это не искусство. Восстание — это машина. Чтобы завести ее, нужны специалисты; и ничто не сможет ее остановить... Остановить ее смогут только техники»⁷.

Однако, в отличие от начала XX века, сегодня будущих «революционеров»/политических лидеров — ударную колонну переворотов — готовят открыто. На это выделяются огромные деньги не только разными фондами, общественными инициативами, институтами

⁶ Шарп Дж. Общественная оборона. Система вооружения в эпоху постмилитаризма. Вильнюс, 2002. С. 10.

⁷ Троцкий Л.Д. История русской революции. — URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl009.htm>.

по поддержке гражданского общества, но и правительствами. Так, за последние 12 лет только США в общей сложности потратили на «демократизацию» Белоруссии более 130 млн долларов. Основные средства шли на финансирование СМИ, политических организаций, различных мероприятий, НКО, а также государственных учреждений — библиотек и вузов⁸. В 2019–2020 гг. Агентство США по международному развитию (USAID) выделило на осуществление программ по «продвижению демократии, многопартийности и обеспечению свободы СМИ» в Белоруссии 8,5 млн долларов⁹. В феврале 2021 г. власти ФРГ приняли план действий «Гражданское общество Беларуси» на сумму 21 млн евро. В частности, он предусматривает предоставление психологической помощи, убежища и стипендий оппозиционерам, поддержку независимых (т.е. антиправительственных) СМИ¹⁰. И это далеко не полный перечень внешних игроков, заинтересованных в дестабилизации Белоруссии и отмеченных своей активностью в других странах, где имели место политические перевороты или их попытки.

«Ненасильственное» свержение действующего главы государства и правительства с легкой руки американских журналистов получило название «цветные революции» (ЦР). Однако далеко не все политические перевороты попадают в эту категорию, хотя некоторые технологии, и не только «цветность», окрашенность ЦР, могут использоваться для раскрутки, «возгонки» любого переворота. Это обстоятельство заставляет пристально изучать технологические методы модерации поведения больших масс людей, захвата и переформатирования власти.

⁸ Горюнов О. Щедрость напоказ: как США финансируют антироссийскую оппозицию в Минске // Новые Известия. 21 января 2020. — URL: <https://newizv.ru/news/politics/21-01-2020/schedrost-napokaz-kak-ssha-finansiruyut-antirossiyskiyu-oppozitsiyu-v-minske>.

⁹ Заграница им поможет: сколько Запад потратил на белорусские протесты. — URL: https://news.rambler.ru/world/45027897/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

¹⁰ Берлин выделил около 21 миллиона евро на поддержку белорусской оппозиции. — URL: <https://ria.ru/20210206/belorussiya-1596326658.html>.

Телеграм-каналы — технология горизонтальной сетевой регуляции общественных настроений

Важнейшим кумулятивным ресурсом по дискредитации политического режима и в стратегическом плане деструкторов — по свержению власти в Республике Беларусь (РБ) — стали телеграм-каналы (ТК), и прежде всего NEXТА (665 тыс. подписчиков¹¹) и ее «дочки» (NEXТА Live — 1 397 тыс. и LUXТА — 159 тыс.). Однако NEXТА/NEXТА¹² — это не только телеграм-история. Ресурс имеет свой сайт в Интернете (Nextanews), канал на YouTube (641 тыс. подписчиков), страницы в Instagram (310 тыс.), Twitter (65,7 тыс.), Facebook (17 800) и ВКонтакте (21 тыс.). Таким образом, существует разветвленная сеть, фактически монополизировавшая протестный ресурс в РБ и за ее пределами.

В последние годы отечественная наука обогатилась серьезными исследованиями технологий манипуляции сознанием больших масс людей посредством компьютерных технологий и интернет-ресурсов. В частности, активно изучаются социальная и цифровая эпистемология¹³, цифровая управляемость¹⁴ и феномен искусственной социаль-

¹¹ Численность ресурсов дается по данным на 30 марта 2021 года.

¹² 20 октября 2020 г. решением суда Центрального района Минска интернет-мессенджер Telegram — NEXТА Live и логотип (цифровой водяной знак) NEXТА признаны экстремистскими материалами. Руководство ресурса приняло решение о смене логотипа и названия на «NEXТА Live». На территории России решение белорусских властей не действует (Telegram-канал Nexta после решения суда сменил название и логотип. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f8eeff19a794738ea55d692>). В тексте использовано двойное написание названия ресурса.

¹³ Личность в координатах медиа/ под ред. Е.В. Выровцевой, Л.Р. Дускаевой. СПб.: Алетей, 2020; Социальные и цифровые исследования науки/ под ред. А.А. Аргаматовой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. М.: Русское общество истории и философии наук, 2020.

¹⁴ Горбатов Д.С., Оршанская Е.О., Сенаторова А.В. Типология интернет-мемов в политической сфере: агрессоры, протекторы... трикстеры// Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность.

ности¹⁵. Специфика национальных практик сетевого поведения рождает потребность исследования метаданных протестов в контексте человеко-компьютерных взаимодействий¹⁶ и формирования «новой нормальности» политических процессов¹⁷. Таким образом, данное исследование базируется на прочном научном фундаменте.

Проведенный анализ технологий манипуляции сознанием и модерации поведения больших масс людей (как граждан РБ, так и гостей — в том числе незваных) основан преимущественно на материалах NEXTA Live. Ресурс показал феноменальный рост аудитории: менее чем за полгода количество подписчиков увеличилось более чем в 20 тыс. раз. Если 5 марта 2020 г. NEXTA Lite (28 марта канал был переименован в NEXTA Live) имела 100 тыс. пользователей, то на пике протестов, с 9 августа и до начала октября 2020 г., — более 2 млн. Угасание протестной активности, связанное не только с эффективным противодействием госструктур, но и с очевидным доминированием сторонников действующего режима в офлайн-формате, а также определенным разочарованием в лидерах оппозиции и общей усталостью

Сб. научн. ст. / под ред. Г.В. Мерзляковой, Л.В. Баталовой, С.А. Васюра. Ижевск: Удмуртский университет, 2020. С. 4–12; *Сморгунов Л.В.* Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 62–75.

¹⁵ *Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д.* Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12; *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47.

¹⁶ *Нагорняк К.И.* Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2000 года // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 23 (1). С. 60–77; *Чимаров С.Ю.* Тактика онлайн-мобилизации протестного движения в Республике Беларусь // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68. С. 151–155.

¹⁷ Коммуникативные агрессии XXI века / под ред В.А. Сидорова. СПб.: Алетейя, 2019.

от ее разрушительных действий, к концу 2020 г. серьезным образом (более чем на полмиллиона) снизило число подписчиков ресурса. Однако до сих пор NEXTA Live остается не имеющим аналогов в русскоязычной среде телеграм-каналом¹⁸. Чем же определен феномен именно этого ресурса, формально связанного с именем одного человека?

В 2015 г. белорус Степан Путило (1998 г.р.) запустил YouTube-канал NEXTA (название — игра слов: *next* переводится с английского как «следующий», на белорусском *nexhta* означает «некто»/«кто-то»). Западные и прозападные аналитики утверждают, что это было исключительно личное дело креативного юноши, решившего «аккумулировать весь треш, который происходит в лукашенковской Беларуси»¹⁹. Однако здесь не все так просто. Во-первых, Степан — потомственный противник режима Лукашенко. Во-вторых, он случайно или сознательно — это не важно, но давно оказался под «колпаком» польских спецслужб и в результате стал лицом проекта заинтересованных в трансформации белорусской системы сил. Разберемся.

Его отец — Александр Путило — с 2008 г. спортивный комментатор польского спутникового телеканала «БелСат» (Belarusian Satellite/Белорусское Спутниковое). «Белсат» — классический пример работы «вражеских голосов» — создан 23 апреля 2007 г. на базе TVP²⁰ по инициативе МИД Польши. На старте проекта TVP получило из госбюджета 16 млн злотых (около 4 млн евро). В последующие годы финансирование постоянно увеличивалось. Существование на средства польского правительства не мешает БелСату позиционировать себя как «первый независимый канал на белорусском языке», дающий «точную и независимую информацию о событиях в РБ, Европе и мире»²¹. Учитывая постановку задач и источники финансирования, телеканал не лукавит — он действительно независим от наци-

¹⁸ Telegram Analytics. — URL: <https://tgstat.com/ru>.

¹⁹ Юзбекова И. Как четыре человека создали главный телеграм-канал белорусского протеста. — URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/407119-kak-chetyre-cheloveka-sozdali-glavnyy-telegram-kanal-belorusskogo-protesta-s>.

²⁰ TVP — Telewizja Polska (Польское государственное телевидение).

²¹ Першае незалежнае тэлебачанне ў Беларусі. — URL: <https://belsat.eu/about/>

ональных интересов современной Белоруссии и является подрывным ресурсом.

По словам Путило-младшего, решение запустить телеграм-канал созрело «не без влияния друзей»²² осенью 2018 г. К тому моменту Степан окончательно сформировался как противник режима: в 2017 г. не только поучаствовал в Марше рассерженных оппозиционеров, но и собрал около 5 000 подписей в поддержку легализации или как минимум декриминализации марихуаны в РБ. Показательно, что отправлены подписи были не в белорусский парламент, а... в Палату представителей США, где в это время рассматривали возможность изменения статей УК, касающихся употребления легких наркотиков. Из-за угрозы возбуждения уголовного дела по статье 368 УК РБ «Оскорбление президента» за ролики на YouTube в начале 2018 г. С. Путило покинул республику и обосновался в Польше.

Его профессиональный рост проходил под присмотром не только журналистов, но и заинтересованных в свержении действующего в РБ режима сил (кураторами оппозиционных ресурсов, учитывая их разветвленность и эффективность, а также охрану самого Путило²³, вполне могут быть офицеры из службы внутренней безопасности (АВВ) и разведки (АВ) Польши). Не удивительно, что его первый «документальный» фильм «Лукашенко. Уголовные материалы» снимался под президентские выборы (вышел 25 октября 2019 г.) и представляет умело выстроенную компиляцию фактов, домыслов и интерпретаций. Даже описание видео не оставляет сомнений, в чьих интересах запущен этот «фильм» и какие цели он преследует: «Кривые тайные тропы, приведшие к власти малоизвестного директора совхоза, многочисленные преступления, политические убийства и даже секретный психиатрический диагноз — обо всем этом вы узнаете в этом фильме. А главное, поймете, почему Беларусь 25 лет топчется на месте и страдает от нищеты, пока все страны-соседи идут

²² Юзбекова И. Как четыре человека создали главный телеграм-канал белорусского протеста. — URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/407119-kak-chetyre-cheloveka-sozdali-glavnyy-telegram-kanal-belorusskogo-protesta-s>.

²³ NEXTA — главное медиа белорусских протестов. — URL: <https://liveam.tv/vdud-18-09-2020.html>.

вперёд и развиваются... Владелец 18 резиденций, двух “боингов”, со странным стремлением к российскому престолу, превратил жизнь белорусов в ад»²⁴. Шаблонные фразы про «политические убийства», «страдание от нищеты» и «ад» вообще за гранью разумного и напоминают скорее клише из учебников пропаганды времен Третьего рейха.

21 ноября 2019 г. суд Центрального района Минска признал эти видеоматериалы экстремистскими, но они до сих пор находятся в свободном доступе и имеют почти 3,5 млн просмотров (правда, рост числа просмотров остановился с конца 2020 г.). Через год, когда стали очевидны многочисленные факты подрывной деятельности НЕХТЫ, в ноябре 2020 г. на основании Договора между Белоруссией и Польшей о правовой помощи по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 26 октября 1994 г. Генеральная прокуратура РБ направила в адрес Министерства юстиции Польши просьбу о заключении под стражу и выдаче граждан РБ С. Путило и Р. Протасевича (до сентября 2020 г. был главредом NEXTA) для привлечения к уголовной ответственности²⁵. 7 февраля 2021 г. Следственный комитет РБ направил в Польшу документы на их экстрадицию²⁶.

С конца 2019 г. ресурс привлекал внимание пользователей размещением видео и описаний разного рода социальных проблем и бытовых инцидентов. По сути до весны 2020 г. это был канал криминальной хроники, но с важной особенностью — любая информация подавалась сквозь призму виновности властей. Например, во дворе

²⁴ Лукашенко. Уголовные материалы. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6IL6rMikkJg>. На фоне спада аудитории 8 марта 2021 г. NEXTA выпустила еще один фильм «Лукашенко. Золотое дно». И хотя по качеству контента и техническим параметрам он оказался совсем скучным и непрофессиональным, его посмотрело к текущему моменту 6 млн 350 тыс. человек.

²⁵ Генпрокуратура Беларуси обратилась в Минюст Польши с просьбой о заключении под стражу и выдаче С. Путило и Р. Протасевича для привлечения к уголовной ответственности. — URL: <http://prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/genprokuratura-belarusi-obratilas-v-minyust-polshi-s-prosboy-o-zaklyuchenii-pod-strazhu-i-vydache-pu/>

²⁶ Белоруссия направила в Польшу документы на экстрадицию основателей Nexta. — URL: <https://www.fontanka.ru/2021/02/07/69753491/>

хулиганы избили подростка — виновата милиция; произошел пожар — плоха противопожарная служба, и т.п. В результате у тех, кто пользовался ресурсом, сформировалось устойчивое убеждение в некомпетентности служащих и полной разбалансировке властной вертикали, что закономерно требует изменений во всей государственной системе.

По мере приближения к выборам на канале усиливался издевательско-насмешливый тон в отношении представителей всех уровней власти и формировался новояз оппозиции. Госслужащие именовались не иначе, как «лукашисты», народ — как «рабы», силовики — «каратели», «тихари», «космонавты», экономика — «луканомика», режим — «оккупационная администрация», «новый холокост». Это далеко не полный перечень новой терминологии, причем здесь представлена самая неагрессивная.

Регулярные посты и сводки о подготовке к президентским выборам стали публиковаться на всех оппозиционных ресурсах с февраля 2020 г. К этому моменту их аудитория была «прокачана» в соответствующем ключе и готова к дальнейшему агрессивированию в отношении действующего режима.

Серьезным поводом для закрепления в сознании лабильных граждан представлений о власти как «насквозь лживой, трусливой и неэффективной»²⁷ стало распространение вируса COVID-19. Если в России весной 2020 г. большинство осуждало избыточные меры в борьбе с распространением заболевания, то оппозиция в РБ видела свою задачу в формировании т.н. «народного карантина». Так, сравнение Александром Лукашенко коронавируса с психозом²⁸ было довольно эффективно использовано против режима. Посты в соцсетях с подписью: «Стало известно, почему РБ не вводит карантин, — тут президент колхозник» — самая мягкая оценка политики властей того периода. А ведь президент был прав — на 18 марта 2020 г. в стране с

²⁷ NEXTA Live. — URL: https://t.me/nexta_live. Посты с апреля по май 2020 г.

²⁸ Лукашенко: люди могут больше пострадать от паники, чем от самого коронавируса. — URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-ljudimogut-bolshe-postradat-ot-paniki-chem-ot-samogo-koronavirusa-383885-2020/>

населением 9 млн 408 тыс. чел. был зафиксирован всего 51 случай инфицирования²⁹. Впоследствии, несмотря на рост числа заразившихся, ситуация находилась под контролем властей, а отсутствие локдауна помогло уберечь хрупкую экономику республики от катастрофических последствий. Однако для оппозиции важно было к августу накалить ситуацию до предела. Если в марте оппозиционные ресурсы распространяли фейки о том, что власть занижает сведения о заболевших, то в апреле Минздрав РБ обвинили в том, что в сводках выздоровевших фигурируют умершие. Тогда же появляется информация о закупке властями Витебска 1 500 «полуфабрикатов» гробов, сопровождаемая вопросом: «Зачем так много? Уж не из-за психоза ли?»³⁰. До начала лета 2020 г. пандемия оставалась в топе тем, используемых против власти.

6 мая в Могилеве был задержан один из потенциальных кандидатов на выборах в президенты блогер Сергей Тихановский³¹ (автор канала «Страна для жизни»). Через две недели его выпустили, а 29 мая он и еще несколько пикетчиков были задержаны в Гродно. На следующий день Тихановского этапировали в Минск и завели уголовное дело за нападение на сотрудника милиции. В последующие дни были задержаны еще несколько активистов штаба супруги блогера — Светланы Тихановской. Это вызвало довольно бурную реакцию, что можно оценивать как репетицию поствыборных митингов.

²⁹ Лукашенко назвал психозом ситуацию с пандемией коронавируса. — URL: <https://www.interfax.ru/world/699919>.

³⁰ NEXTA Live. — URL: https://t.me/nexta_live. Пост от 6 апреля 2020 г.

³¹ 11 марта 2021 г. Главным следственным управлением СК РБ было завершено расследование уголовного дела в отношении С. Тихановского, лидера незарегистрированного объединения «Народная грамада» Н. Статкевича и приближенных к ним лиц. Тихановскому предъявлено окончательное обвинение по следующим статьям УК РБ: ч. 1 ст. 293 (организация массовых беспорядков); ч. 3 ст. 130 (разжигание социальной вражды); ч. 2 ст. 191 (воспрепятствование работе ЦИК); ч. 1 ст. 342 (организация действий, грубо нарушающих общественный порядок). Наказание по наиболее тяжкой статье предусматривает лишение свободы сроком до 15 лет (См.: — URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/preview/sergeju-tixanovskomu-predjjavleno-okonchatelnoe-obvinenie-9763>).

Задержание блогера произошло на старте избирательной кампании и стало фактором ее активизации. Очереди, чтобы поставить подписи за кандидатов, в разных городах растягивались до 1,5 км. Запущенная на ТК программа «Чем ближе выборы — тем больше репрессий» аккумулировала информацию о всех задержаниях, которые подавались исключительно как политические. Параллельно была запущена тема «Площадь-2020» (аналог майдана на Украине в 2014 г.), т.е. людей психологически готовили к протестным акциям после выборов. Также была предпринята попытка перехвата сюжета Парада Победы³², который в условиях COVID-19 оценивался не иначе как «парад самоубийц». Оппозиционные ресурсы писали о том, что людей якобы загоняют на Парад (кому-то предлагают деньги, кому-то зачеты по физкультуре или дополнительный выходной). При этом в некоторых городах были предприняты попытки проведения Антипарада.

Когда блицкриг по захвату власти сразу после выборов провалился, ресурс обнародовал план своей «победы». Это исключительно эмоционально-пропагандистский текст, главная задача которого — побудить население выступить не столько против режима, сколько против своей страны: план фиксирует ведение настоящей войны по шести направлениям-фронтам.

Протестный фронт предполагает еженедельные воскресные марши, забастовки и акции; *экономический* — задержку и неуплату налогов, снятие средств из госбанков, задержку оплаты ЖКХ услуг, отказ от покупки товаров госпредприятий и др.; *информационный* — активное расширение оппозиционной телеграм-сети. В рамках *политического фронта* «борьба» заключается в отзыве «оккупационных депутатов» и выход из всех проправительственных общественных

³² Несмотря на настойчивые рекомендации ВОЗ, 9 мая 2020 г. в Минске состоялся Парад по случаю 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. По Проспекту Победителей промаршировали около 3 тыс. военнослужащих, по центру города проехала военная техника, в воздушной части парада были задействованы 36 самолетов (в том числе Су-30, Су-25, МиГ-29) и вертолеты Ми-24. Среди почетных гостей на трибунах были ветераны Великой Отечественной войны, а также послы РФ, КНР, КНДР, Вьетнама, Венесуэлы, Венгрии, Сербии, Словакии и Турции. На всем постсоветском пространстве 9 мая Парад Победы прошел еще в Ашхабаде.

организаций. *Фронт правосудия* охватывает противодействие эффективной работе судебных и правоохранительных органов. Не менее значимым в плане является *международный фронт*, призванный объединить диаспору и внешних игроков вокруг Светланы Тихановской, а также активизировать создание фондов солидарности и сбор средств/донатов³³. Вплоть до сегодняшнего дня план «победы» наряду с проектом построения «новой Беларуси» является актуальным сюжетом: он регулярно появляется на канале и часто фиксируется как «закрепленное сообщение». Иными словами, с повестки дня этот вопрос не снят. При этом на практикуемом новоязе оппозиция — это «партизаны», а действующая власть — «оккупанты и фашисты». Таким образом, подверженная информационной интоксикации часть белорусского общества готова отказаться от памяти предков и встать под нацистские бело-красно-белые знамена (БКБ — на белорусском языке БЧБ — символика посвящен отдельный параграф).

Вернемся к эволюции протестов. 31 мая 2020 г. была осуществлена первая акция по деанону силовиков: опубликованы личные данные инспектора ДПС ОГА, который попытался задержать нарушителей общественного движения. С этого момента деаномизация (деанон) — публикация фамилий и имен, адресов проживания, места работы, данных членов семьи — становится одним из главных способов борьбы оппозиции с представителями госструктур. До сих пор эффективных мер по противодействию практике деанона власти РБ не разработали. Аналогичная ситуация имела место в России после протестных акций 23 января 2021 г.

Лето-2020 пришло на канал NEXTA мемами «Саша трехпроцентный» и «Таракан». Ярлык «Таракан Трехпроцентович» появился благодаря фейку, который запустил основатель компании Tazeros Global Systems (TGS) А. Хачуян. Российские СМИ растиражировали его с подачи ресурса Лента.ру³⁴. Для расчета рейтинга кандидатов в президенты Хачуян использовал информационное пространство с апре-

³³ NEXTA Live. — URL: https://t.me/nexa_live. Пост 28 августа 2020 г.

³⁴ Рассчитан рейтинг Лукашенко. URL: Выборы в Республике Беларусь 2020. — URL: <https://tazeros.com/dashboard/6390a36a-d33c-4e18-9b84-ca0f7b2aa854>.

ля по июнь 2020 г., т.е. прямых вопросов респондентам не задавали. Согласно итогам анализа TGS, переизбрание Лукашенко поддерживали 3,8% изученной аудитории. Три процента «отзеркалили» 97%, которые стали опознавательным знаком и даже своего рода религией оппозиции (ЯМЫС97%; #Марш97%), хотя в исследовании Хачуяна цифра 97 нигде не фигурировала, а указывалось, что 71% пользователей были готовы голосовать за любого кандидата кроме Лукашенко. При этом даже такой ангажированный анализ показал, что только 13% планировали принять участие в акциях протеста³⁵.

В июне окончательно обозначились внешние интересанты: Европарламент заявил о возможности введения санкций против режима Лукашенко. По мере развития кризиса санкционный круг белорусских политиков, чиновников, судей и даже журналистов, которые работали на сохранение стабильности в обществе, постоянно расширялся. В сентябре законодательный орган ЕС не только признал оппозиционный Координационный совет во главе с Тихановской временным правительством страны, но и предложил «ввести санкции против россиян, непосредственно поддерживающих президента Белоруссии А. Лукашенко»³⁶. Важно знать, что заинтересованные в дестабилизации РБ находятся не только на Западе, но и в России. На протяжении последних лет ряд отечественных СМИ конструировал негативный образ белорусского лидера, формируя при этом в российском социуме установку «хватит кормить Беларусь». Чем закончился подобный подход в 1991 г. по отношению к Кавказу и Средней Азии, хорошо известно. Поэтому и цели кураторов подобного дискурса в отношении Белоруссии очевидны. Кстати, первое зарубежное интервью С. Тихановская как кандидат в президенты дала 7 июня 2020 г. телеканалу «Дождь».

19 июня 2020 г. канал Путило зафиксировал положение принципиальной важности: «В РБ родилась новая форма протеста — без лидеров, без центра». Это именно то, что отличает современные по-

³⁵ Выборы в Республике Беларусь 2020. — URL: <https://tazeros.com/dashboard/6390a36a-d33c-4e18-9b84-ca0f7b2aa854>.

³⁶ Европарламент предложил ввести санкции против поддерживающих Лукашенко россиян. — URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/16/podderjka/>

литические перевороты. «Создание с использованием технологий сетевого маркетинга и рекламного менеджмента гигантских социальных големов позволяет охватить значительное число протестного электората всех спектров, привлечь их на улицу различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием “вырваться” из размеренной повседневности»³⁷. В результате деятельности новых социальных медиа формируется ризоморфная нелинейная среда, обладающая креативным потенциалом самоорганизации: «в гибридной реальности смешаны виртуальные миры и факты действительности»³⁸.

Впервые ризомность (множественность, спутанное корневище) сознания была описана в 1976 г. французскими исследователями Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Согласно этой парадигме, у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. Связи линий ризомы образуют так называемое «плато» — временную зону устойчивости в ее постоянно пульсирующей конфигурации³⁹. В белорусском случае в роли «плато» выступила НЕХТА, породившая массу гетерогенных структур (десятки ТК), посредством которых информация управляет материей — массами. Возникшая горизонтальная сетевая регуляция бросила вызов государственной вертикали. При этом первая не несет, в отличие от последней, никакой ответственности за решения и действия.

Эффективность НЕХТЫ как кумулятивного ресурса протестов во многом определена кроссплатформенным мессенджером Telegram, позволяющим обмениваться сообщениями и медиафайлами многих форматов и доступным для всех известных систем (Android, iOS,

³⁷ Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель-Observer. 2021. № 2. С. 13.

³⁸ Аргамакова А.А., Унит О.В., Шайхутдинова Д.Р. Проектирование социальных структур на основе кибернетических методов // Социальные и цифровые исследования науки / под ред. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. М.: Русское общество истории и философии наук, 2020. С. 184.

³⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

Windows, Phone, macOS, Linux). Наличие «секретных» чатов (Secret Chats) при особом режиме шифрования позволяет сохранять историю переписки лишь на тех двух устройствах, на которых был создан чат. Кроме того, Telegram не предоставляет никому, кроме самих администраторов канала, информацию о том, кто его ведет и кто на него подписан. Таким образом, противодействие со стороны государства возможно только в случае масштабного отключения Интернета. Ризомность платформы ярче всего проявляется в возможности сторонних разработчиков при помощи специального интерфейса прикладного программирования создавать боты — специальные аккаунты, управляемые программами, которые в свою очередь могут отвечать на определенные команды в персональных и групповых чатах, осуществлять поиск в Интернете или выполнять иные задачи⁴⁰.

Таким образом, современные технологии, способные создавать горизонтальные и гетерогенные сетевые ризомы, рожают нового «массового человека», убежденного в собственном превосходстве и всеисилии. Ощущение превосходства и безнаказанности берedit «желание господствовать. И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда его черта — вмешиваться во все, навязывать свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, то есть в духе “прямого действия”»⁴¹. Эти строки Х. Ортега-и-Гассет написал в 1930 г., но именно сейчас они приобрели особый смысл.

Методика активизации протестов

«В предвыборной кампании если не все, то довольно многое пошло не так, как, по идее, должно было пойти. Началось все с того, что выросшая неопределенность стала непреодолимым искушением для прозападных и националистических игроков, решивших, что в новой ситуации, нарушив правила, они легко смогут “сорвать банк”»⁴².

⁴⁰ Telegram Bot Platform. — URL: <https://telegram.org/blog/bot-revolution>.

⁴¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2003. С. 88.

⁴² *Коктыш К.Е.* Белорусское балансирование. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/beloruskoe-balansirovanie/>

Нарушение «правил» заключалось в ряде принципиальных моментов. Во-первых, это выход на авансцену большой политики не-системной и ранее маргинальной ультранационалистической оппозиции. Во-вторых, использование нетрадиционных для РБ платформ коммуникации и аккумуляции протестных настроений — телеграм-каналов. В-третьих, это утрированная до уничижения национального достоинства апелляция оппозиции к внешним игрокам. Четвертой и самой значимой отличительной чертой протестов-2020 стала цель слома всей социально-экономической и политической системы РБ, начиная от символов и заканчивая союзными отношениями с РФ. И если на старте протестов их лидеры предпочитали заверять аудиторию, что «последний политик будет тот, кто предложит выстроить стену между Белоруссией и Россией»⁴³, то по мере проявления за ними очевидных «ушей» западных спецслужб⁴⁴ поменялась не только риторика, но и четко обозначились стратегические цели — выход из интеграционных объединений, лишение русского языка статуса государственного, присоединение к санкциям против РФ. Остановимся на самых значимых этапах динамики протестных настроений.

С 20 июня 2020 г. в сознание оппозиционно настроенных масс внедряется тезис «Революция — это праздник!». В ТК активно размещались видео с танцующими на улицах людьми и музыкальные ролики. Веселые и радостные лица — неизменное сопровождение информации о грядущих «битвах». Активно поддерживалась мысль о легкости и праздности «революции». Например, в ноябре 2020 г. был запущен проект «Протестный карнавал». Фраза, приписываемая яркой представительнице анархизма, разрушительнице закона, брака и государства Эмме Голдман (1869–1940), «Если я не могу танцевать, это не моя революция», становится плакатным слоганом протестов. «Невыносимая легкость» (вспомним М. Кундеру) протестного бытия стала очевидной к концу года, поэтому и пришлось инициировать «карнавалы».

⁴³ Белорусская оппозиция оценила будущее отношений с Россией. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/08/2020/5f3c14599a7947fa80455a74>.

⁴⁴ За белорусской оппозицией «торчат уши» зарубежных руководителей. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/3044497.html>.

На подготовительной стадии протестов были апробированы основные методы дестабилизации:

- массовые протестные акции с применением сценок и провоцированием ОМОНа;
- пикеты солидарности с политзаключенными;
- пикеты солидарности диаспор (28 июня они прошли в 14 городах США, крупных городах Германии и Польши, в столицах ряда европейских стран и в Тбилиси. После 9 августа «география солидарности» постоянно расширялась);
- флэшмобы разных форматов (цепи солидарности, вело- и автопробеги; шествия домохозяек с кастрюлями; коридоры позора и т.п.);
- аплодисменты как акция расположения и одновременно устрашения силовиков;
- стояние на коленях перед силовиками;
- челледжи (жанр интернет-роликов, в которых блогер выполняет задание на видеокамеру и размещает его в сети, а затем предлагает повторить это задание своему знакомому или неограниченному кругу пользователей с хештегом #своеместо. Главным «героем» челледжей был Лукашенко).

В июле заметно активизировался внешний фактор. Amnesty International обнародовала петицию в защиту задержанных блогеров, а ОБСЕ отказалась отправлять наблюдателей на выборы (якобы из-за коронавируса), но при этом, не дожидаясь итогов выборов, предложила рассмотреть пакет санкций против белорусских властей.

14 июля прошла генеральная репетиция августовских беспорядков — первый массовый организованный выход за отставку Лукашенко. В ходе протестов люди четко следовали указаниям из памяток и видео, размещенных в ТК-ресурсах (как драться с ОМОНОм, как двигаться малыми группами, как психологически воздействовать на стражей порядка). Велосипедисты и автомобилисты представляли отдельную мобильную силу. До часу ночи Минск гудел клаксонами. В тот же день был запущен бот (@nextamail_bot) для получения оперативной информации от пользователей. Иными словами, к блицкригу все было готово.

В день выборов 9 августа были использованы новые технологии агрессивирования. Искусственное создание очередей велось по не-

скольким методикам. Во-первых, долгое нахождение в кабине для голосования. Закон никак не ограничивает это время, а потому мер воздействия на такого провокатора у стражей порядка практически нет. Во-вторых, после голосования оппозиционеры не уходили, а становились в конец очереди, создавая тем самым иллюзию массовости и плохой организации избирательной кампании (метод «карусели»). В-третьих, к стоянию в очередях привлекались не только граждане РБ (опять же для массовости), но сочувствующие россияне и украинцы.

К такой форме активности власти были не готовы. Не ожидали они и митингов с криками «Мы хотим отдать голос» перед белорусскими посольствами в разных странах мира после закрытия избирательных участков. Все это имело цель сформировать как внутри страны, но прежде всего за ее пределами убежденность в нарушении демократических процедур, а значит в нелегитимности озвученных Минском итогов голосования.

Еще до окончательного подсчета голосов НЕХТА выложила сотни постов из разных городов страны о победе Светланы Тихановской. В результате протестный электорат был разогрет настолько, что для его выхода на улицу не нужно было особых указаний. Тем не менее время встречи противников Лукашенко было обозначено заранее — 22 часа.

С 9 августа ресурс Путило перешел в круглосуточный и ультрафейковый режим работы. Ложная информация присутствовала практически в каждом посте, начиная от количества протестующих и данных о переходе милиции на их сторону и заканчивая убийствами и изнасилованиями оппозиционеров. Впоследствии все эти фейки были разоблачены; по каждому случаю жесткого задержания была проведена следственная проверка и вынесены судебные решения.

10 августа была обнародована памятка протестующим, главный посыл которой заключался в децентрализации действий: «Будь как вода!» Рекомендовалось формировать группы до 20 человек, не стоять в одной точке, а постоянно передвигаться, избегать центральных площадей, занимать и блокировать прилегающие к ним улицы, быть хорошо экипированными и защищенными (каска, шлемы, респираторы, защитные щитки). Иными словами, НЕХТА призывала к жест-

кому противостоянию, к настоящей битве. В интервью российскому каналу РБК Путило признался: «Мы действительно публикуем план, потому что люди нас спрашивают, что делать дальше, каким образом протестовать. И мы, совещаясь с различными администраторами крупнейших белорусских Telegram-каналов, с различными активистами, правозащитниками, обсуждаем всевозможные варианты развития событий»⁴⁵.

Выезд из страны 11 августа С. Тихановской вывел кризис на новый уровень. С этого момента внешние игроки открыто поддерживают сторону оппозиции, а потому все рассуждения о «борьбе народа с диктатурой, за свободу и независимость» потеряли какой-либо смысл. Внешний центр управления протестным движением был окончательно раскрыт, запущен сценарий создания «правительства в изгнании». 17 августа Тихановская заявила о готовности стать национальным лидером — оппозиционный голем поменял формат. На следующий день был объявлен состав Координационного совета белорусской оппозиции, а 19 августа обнародован его первый президиум (С. Алексиевич, Л. Власова, С. Дылевский, М. Знак, О. Ковалькова, М. Колесникова и П. Латушко).

11 сентября в Варшаве был торжественно открыт «Белорусский дом» — новый центр поддержки деятельности оппозиционеров соседней республики. Церемонию посетили премьер-министр Польши М. Моравецкий, тем самым продемонстрирован высочайший уровень иностранного вмешательства. К сказанному следует добавить, что все известные сотрудники НЕХТЫ — граждане РБ — проживают в Польше. Однако не стоит забывать, что деятельность ТК направлена на дестабилизацию ситуации не только в Беларуси: по словам Путило, примерно треть подписчиков — жители России, Украины и Казахстана⁴⁶. После задержания и осуждения А. Навального НЕХТА стала одним из главных ресурсов по координации действий оппозиции в России, здесь были использованы все наработанные практики. Но в отличие

⁴⁵ *Бобенко М., Калюков Е.* Создатель Nexta рассказал о чате для координации протеста в Белоруссии. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/08/2020/5f4622ee9a79474bcff67273.

⁴⁶ Там же.

от Белоруссии, в России «блицкриг осуществить невозможно», здесь «будут качать вдолгую»⁴⁷.

Впрочем, сценарий молниеносной войны не удался и в РБ, хотя надежды на это у оппозиции и ее кураторов были. Пик протестов — фаза «всплеска» — длилась до инаугурации А. Лукашенко 23 августа. На следующий день НЕХТА объявила о начале «нового этапа» борьбы. Надо отдать должное организаторам протестного движения: креатива у них не убавилось. Были предприняты попытки максимально полного охвата всех социальных слоев населения, начиная от студентов и заканчивая пенсионерами. Ежедневно организовывались социально ориентированные протесты: «Бабушки против ОМОНа»; марши женщин, молодости, мира, районов; марш гордости и т.п.

25 октября была объявлена акция «Народный ультиматум», а на следующий день назначена общенациональная забастовка. Однако как ни старались организаторы, на улицы выходило все меньше людей, протестное движение перешло в стадию затухания, что, однако, не означало завершения кризиса. Он окончательно перешел на внешний контур. В то же время остались внутренние проблемы, решение которых может окончательно погасить «пожар на болоте».

Что же касается роли зарубежья, то «колоссальное давление внешних игроков на политическое руководство РБ (вплоть до признания президентом одного из кандидатов на выборах), а также активное финансирование ими оппозиционных групп и оказываемая последним информационно-технологическая помощь из-за рубежа — доказательства сложной и бескомпромиссной геополитической битвы, развернувшейся за последний значимый осколок исторической России»⁴⁸. Внешний фактор белорусских протестов — многоуровневое явление. На низовом речь идет о поддержке блогеров и НПО, на среднем — влияние посредством медиасферы, на верхнем — масштабное дипломатическое и экономическое давление на руководство республики.

⁴⁷ «Будут качать вдолгую». Лукашенко сравнил протесты в Белоруссии и России. — URL: <https://life.ru/p/1365207>.

⁴⁸ *Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г.* Румыния-89: революция или перепорот? // *Обозреватель-Observer*. 2020. № 11. С. 65.

Важно также понимать, что провал блицкрига не означает отказа внешних игроков от задуманного. В феврале 2021 г. глава МИД ФРГ Х. Маас заверил белорусскую оппозицию: «Будьте уверены — Германия и ЕС на вашей стороне»⁴⁹. ФРГ — не единственная опора оппозиции. Из крупных акторов в их ряду ЕС, Канада и США. Логистическую и информационную помощь готовы оказывать белоопозиции Вильнюс и Рига, Киев и Кишинев, Таллин и Тбилиси. К этому следует добавить постоянно расширяющиеся и обновляющиеся санкции против республики. Бьют не только по экономике, но оказывают самое широкое гуманитарное давление. Так, 7 декабря 2020 г. Исполком МОК ввел санкции против руководства Национального олимпийского комитета РБ, в том числе первого вице-президента — Виктора Лукашенко. Это было обосновано тем, что «руководство НОК должным образом не защитило белорусских спортсменов от политической дискриминации»⁵⁰. 8 марта 2021 г. МОК принял решение в качестве временной обеспечительной меры не признавать Виктора Лукашенко новым президентом, а Дмитрия Баскова — членом исполкома НОК РБ. Очевидно, что это решение носит «сугубо политический характер» и противоречит базовому принципу Олимпийского движения — «спорт вне политики»⁵¹.

17 апреля 2021 г. на канале ОНТ в специальном сюжете председатель КГБ Иван Тертель рассказал подробности о попытке покушения на президента Белоруссии и подготовке вооруженного мятежа в стране. К этому моменту была завершена многоступенчатая спецоперация по задержанию заговорщиков и раскрытию заказчиков переворота. Факт заинтересованности западных стран в дестабилизации ситуации в республике и подготовке покушения на ее лидера подтвердил В. Путин. «Можно иметь любую точку зрения по поводу политики

⁴⁹ ФРГ выделит белорусской оппозиции 21 млн евро. — URL: <https://www.bfm.ru/news/464440>.

⁵⁰ Минск считает политическим решение МОК о непризнании избрания главой НОК Виктора Лукашенко. — URL: <https://tass.ru/sport/10863373>.

⁵¹ Официальная позиция НОК Беларуси о решении Исполкома МОК от 8 марта 2021 года. — URL: <https://noc.by/news/ofitsialnaya-pozitsiya-nok-belarusi-v-otnoshenii-resheniya-ispolkoma-mok-ot-8-marta-2021-goda/>

Лукашенко Александра Григорьевича. Но практика организации госпереворотов, планов политических убийств, в том числе и высших должностных лиц, — ну это уже слишком, все границы перешли уже. А ведь чего только стоит признание задержанных участников заговора в том, что готовилась блокада Минска, включая городскую инфраструктуру и средства коммуникации, полное отключение всей энергосистемы столицы Белоруссии! Это значит, между прочим, что по сути велась подготовка к массивированной кибератаке»⁵².

Нет никаких сомнений, что в обозримом будущем Запад не признает легитимность режима Лукашенко, но для успешного развития Минску вполне достаточно России, евразийского пространства, Китая, стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В то же время можно прогнозировать, что и политика западных стран, учитывая современные реалии, вряд ли будет монолитной. В таких условиях власти нужно проявлять не только твердость в отстаивании суверенитета страны, но и активнее работать с гражданским обществом, в том числе в процессе формирования особого отношения к символам прошлого, настоящего и будущего.

Знаковая система — эффективная технология протестов

Знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, позволяют осуществить максимально быстрое и глубокое воздействие на психологию и поведение больших масс людей; определить «своих» и «чужих»; зафиксировать отношение к прошлому, настоящему и будущему. Именно поэтому их разработке и использованию в практиках политической деструкции уделяется особое внимание.

Во-первых, воздействуя на предсознание и подсознание, знаковые системы продуцируют простые (архаические) генерализованные эмоции (например, ярость, отвращение, блаженство, страх), которые подавляют или возбуждают волевые действия. Поэтому в условиях (гибридной) войны, социальной или религиозной революции роль

⁵² Послание В.В. Путина Федеральному собранию. 21 апреля 2021 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418>.

знаковых систем хотя и не определяющая, но весьма значительная, поскольку они формируют настроение масс.

Во-вторых, символы визуально актуализируют социальный опыт (личный, родовой, этнический, конфессиональный, сословный, национальный) и вызывают тем самым отзвук, который побуждает на первом этапе к самоидентификации, далее следует выбор, а затем — поступок. Таким образом, «символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени»⁵³.

В-третьих, зрительный опыт, как и обонятельный, вкусовой, тактильный и элементарный звуковой, является более архаичной структурой в сравнении с опытом вербальным. Воздействие на зрительный анализатор, особенно в сочетании с элементарными звуками (например, удары по пустым кастрюлям, использование автомобильных клаксонов или дудок болельщиков), более инструментально и эффективно для навязывания желаемого поведения индивиду или массе, чем вербальное воздействие. Именно поэтому для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях политических переворотов активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круге на черном фоне — символ белградской «революции», который впоследствии использовали во всех странах-мишенях) или зрелища: шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые по социальным сетям.

Зрелище — особо важный, но и более сложный в сравнении с символикой технологический прием. Он продуцирует коллективное чувство — синтонию, формирующее новое качество отношений между объектами воздействия — зрителями. Кроме того, ролевое зрелище (например, театр, кино, акты обнажения или самосожжения, передаваемые по социальным сетям) дополняет синтонию самоидентификацией с «героем» или усвоением страсти «героя». В результате замороженность конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие информационно-коммуникативных

⁵³ Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // *Обозреватель — Observer*. 2012. № 3. С. 45.

технологий позволяет серьезным образом усилить эффект невротической синтонии. В современных условиях внедрение программ быстрого общения (форумы, социальные сети, сетевые медиа, блоги и т.п.) серьезным образом повышает внушаемость. Это происходит, в частности, потому, что в реальности люди начинают переходить на «птичий язык», свойственный виртуальности, — наступает т.н. деградантная синтония.

Главным символом белорусских протестов стал бело-красно-белый (БКБ/БЧБ) флаг, использованный в качестве государственной атрибутики Белорусской народной республики (БНР, 1918–1919) и на заре становления Республики Беларусь (1991–1995). Происхождение цветов флага, по одной из версий, восходит к Великому княжеству Литовскому: сохранились изображения БКБ полотнищ в битве под Оршей в 1514 году. Однако обращение сценаристов белорусского майдана к этим цветам связано с историей XX века и потому вызывает диаметрально противоположные оценки. Если бы не события Второй мировой войны, в горниле которой погиб каждый третий житель БССР⁵⁴, флаг узкой прослойки белорусских националистов остался бы полумаргинальным символом.

В период немецкой оккупации (1941–1944) БКБ флаг и герб «Погоня»⁵⁵ использовались (неофициально) белорусскими коллаборационистами. Они активно добивались признания этих символов на территории генерального округа Белоруссия рейхскомиссариата Остланд со стороны немецких оккупационных властей, но безрезультатно. Тем не менее этот флаг стала использовать созданная 21 декабря 1943 г. коллаборационистская администрация — Белорусская центральная рада. В июне 1944 г. по ее инициативе состоялся Второй Всебелорусский конгресс — съезд всех пособников нацистов, который завершился парадом Белорусской краевой обороны под БКБ символикой. Таким образом, эти цвета навсегда вошли в историю как

⁵⁴ *Иоффе Э.* Погиб каждый третий. — URL: <https://www.sb.by/articles/pogib-kazhdyy-tretiy.html>.

⁵⁵ Под БКБ флагом с 2014 г. добровольческий вооруженный отряд «Погоня», состоящий из граждан РБ, принимает участие в конфликте на востоке Украины на стороне Киева.

символы карателей и убийц: БКБ полотнища развевались везде, где совершались военные преступления и осуществлялся геноцид белорусов, русских, евреев, поляков. Справедливости ради нужно отметить, что создатель БКБ полотна инженер-строитель Клавдий Дуж-Душевский (1891–1959) отказался от сотрудничества с нацистами. За укрывательство в своем доме еврейской семьи в 1943 г. он был арестован Службой безопасности рейсхфюрера и отправлен в концлагерь в Правенишкесе. Освобождение в 1944 г. принесла Красная Армия⁵⁶.

После августовских событий 2020 г. БКБ цвета не могут восприниматься только как принадлежность к субкультуре и исторический символ предательства, крови и слез. Сегодня это цвета экстремистских групп, которые совершали террористические акты (рельсовая война, поджоги машин и домов силовиков) и осуществляли подготовку к ним в ходе протестных акций. Бело-красно-белые цвета замараны не только преступлениями прошлого, но сегодняшними попытками через экстремизм и радикальные действия ввергнуть Беларусь в новую катастрофу. Таким образом, БКБ флаг имеет четкую идеологическую маркировку — это национализм, неонацизм или стремление отвергнуть историю, связанную с Россией.

Почему же в стране, заплатившей огромную цену за свободу от нацизма, все большее число людей готовы вставать под его знамена? БКБ символ оппозиции возник не вдруг, он формировался и осознавался на протяжении всего существования современной республики как знаковая система протеста. Причем именно власть предприняла решающие шаги по приданию этим цветам той силы, которую они имеют сегодня. Поясним.

Решение о современной государственной символике РБ, которая заменила БКБ флаг и герб «Погоня», было принято по итогам референдума 14 мая 1995 г. (ему предшествовала широкая дискуссия в обществе о роли и значении цветов флага в истории страны). С того момента БКБ флаг стал символом оппозиции не только режиму Лукашенко, но всему советскому прошлому и российскому настоящему. Сегодня правильно говорить о сформировавшейся в республике

⁵⁶ Корбут В. Клавдий-строитель. — URL: <https://www.sb.by/articles/klavdiy-stroitel.html>.

и за ее пределами бело-красно-белой знаковой системе: эти цвета представлены не только флагами, но растиражированы в разного рода мерчах (разнообразная продукция с символикой — футболки, косынки, кружки, значки и т.п. — от англ. merchandise/продвигать).

25 августа 2020 г. Telegram добавил официальную анимацию в виде БКБ флага, которая существует наряду с эмодзи (анимационные картинки) официального символа республики. Причем если красно-зеленое полотнище представлено только одним рисунком, то БКБ символика — в четырех вариациях. Более того, как только пользователь нажимает на официальный флаг РБ, сразу же появляются БКБ варианты. «Спасибо» Павлу Дурову и его команде — только бизнес и никаких оценок. Фиксация бело-красно-белой символики в самом быстрорастущем на данный момент мессенджере означает выход на глобальный уровень. Теперь ее распространение остановить практически невозможно.

Активное закрепление в сознании определенной части населения данных цветов как протестной символики происходило в течение последних 20 лет и непосредственным образом связано с празднованием 25 марта Дня воли — даты принятия в 1918 г. Третьей уставной грамоты, провозглашавшей «независимость» БНР. Начиная с 2000 г. власть запрещала шествия оппозиции в центре городов, но разрешала проведение митингов в строго определенных местах. Из года в год главным символом этих акций была БКБ символика; из года в год шествия сопровождалась столкновениями с милицией и задержаниями. Но ни разу не был поднят вопрос не только о запрете символов коллаборационизма (одним запретом проблему не решить), но и об их дискредитации. До 2017 г. акции имели скорее маргинальный характер и их немногочисленных участников можно было относительно легко распропагандировать. Однако режим выбрал тактику заигрывания с оппозицией, которая никогда не скрывала свои проекты будущего: с БКБ флагом всегда соседствовал флаг ЕС.

В 2017 г. случился перелом — националистические символы объединили тысячи людей, ранее лояльных власти. Поводом для их протеста стали Декрет о социальном иждивенчестве (шире известен как «закон о тунеядстве»), повышение пенсионного возраста и рост оплаты ЖКХ услуг. Подавляющее большинство требований Марша рас-

серженных белорусов носили социально-экономический характер, но важно другое — он прошел под БКБ флагами. Кроме того, в тот год впервые за долгое время празднования Дня воли довольно многочисленными акциями состоялись в областных центрах, которые все активнее расцветались бело-красно-белыми цветами.

100-летнюю годовщину БНР в стране отметили с размахом. Мингорисполком не только разрешил митинг, но и концерт в центре города — на площади перед Оперным театром. Показательно, что в октябре 2020 г. за выражение солидарности с оппозицией во время спектакля, что вылилось в исполнение гимна «Магутны Божа»⁵⁷, были уволены главный концертмейстер Р. Саркисова, оперный певец И. Сильчуков, дирижер А. Галанов, а также ряд музыкантов.

Что же касается празднования векового юбилея БНР, то отсутствие у политического руководства РБ стратегического видения проявилось, в частности, в потакании оппозиции: все расходы по организации чествования националистов городские власти взяли на себя,

⁵⁷ Стихотворение «Магутны Божа» (Могучий Боже) было написано в 1943 г. женой офицера польской армии Ф. Кушеля — Натальей Арсеньевой. В 1947 г. Н. Равенский, выехавший в 1944 г. в Германию, положил стихи на музыку. Так родился религиозный гимн послевоенной антисоветской белорусской эмиграции. Современное развитие музыкального символа оппозиции тоже произошло с попустительства властей. С 1993 г. в Могилеве в костеле Успения Пресвятой Девы Марии проходит Международный фестиваль духовной музыки «Магутны Божа». В 2003 г. к 100-летию Арсеньевой на территории музея-усадьбы изобразительного искусства г. Старые Дороги Минской области на гранитном валуне был установлен горельеф, на котором изображены ее портрет и текст «Молитвы за Беларусь». Вряд ли кто из поющих сегодня «гимн» знает, что в 1944 г. вместе с мужем — командиром коллаборационистской военной организации Белорусская краевая оборона Арсеньева перебралась в Германию. С 1949 г. жила в США. Работала в эмигрантской газете «Беларус», на радио «Свобода», в Белорусском институте науки и искусства в Нью-Йорке. До 1980-х г. принимала активное участие в политической жизни белорусской эмиграции. В СССР произведения Арсеньевой были запрещены. И хотя слова хора являются лишь молитвой о «счастливой, тихой и приветливой» Белоруссии, история его происхождения сделала его гимном белорусских националистов.

обеспечив охрану правопорядка, медицинское обслуживание, уборку во время и после мероприятий, установку биотуалетов. По подсчетам организаторов, в течение дня мероприятие посетило до 50 тыс. человек. В ГУВД Минска заявили, что милиция не вела подсчета участников мероприятия, а лишь обеспечивала безопасность⁵⁸. Единственное, что предприняла власть, — это временное задержание людей с националистической символикой за пределами территории разрешенного митинга. На выходе из сквера сотрудники ОМОН «лопали» бело-красно-белые шарики и под угрозой задержания просили убрать любую национальную символику⁵⁹. Мягко говоря, странное решение: проносить нацисимволику на разрешенный митинг и продавать ее в ходе мероприятия можно, но в другом месте ее использовать нельзя. При этом сам факт ее наличия не осуждался, как и не разъяснялось, чем же она опасна.

После националистического триумфа-2018 на следующий год оппозиция потребовала разрешения на проведение массовых мероприятий на стадионе «Динамо». Эта многофункциональная арена мирового уровня — главный стадион республики — расположена в центре Минска на ул. Кирова. Открытие стадиона после пятой, самой масштабной реконструкции состоялось 21 июня 2018 г. Тогда же арене был присвоен Сертификат Всемирной легкоатлетической ассоциации первой категории, а в октябре 2018 г. она получила высшую — четвертую категорию УЕФА. Иными словами — это место гордости современной республики.

В итоге вопрос вышел на самый высокий уровень. 1 марта 2019 г. в ходе «Большого разговора с президентом» А. Лукашенко в свойственной ему экспрессивной манере запретил проведение Дня воли на стадионе. «Зачем вы лезете на “Динамо”?.. Вы знаете, сколько я вложил туда, собирая по крохам деньги, нажимая на предпринимателей, бюджет выделял — подготовились к Европейским играм. Всему миру проде-

⁵⁸ ГУВД Минска: Подсчет участников концерта у Большого театра оперы и балета 25 марта мы не вели. — URL: <https://news.tut.by/economics/586345.html>.

⁵⁹ День Воли 2018: как прошел концерт в Минске у Оперного театра. — URL: <https://www.kp.by/daily/26810.7/3845982/>

монстрируем! А вы уже лезете на стадион, если есть место для проведения подобных акций»⁶⁰. Сразу же посыпались возмущения, гневные письма, ультиматумы, угрозы несанкционированными мероприятиями. В итоге торжество (это действительно было торжество с музыкой, БКБ атрибутикой, цветами и радостью на каждом лице) состоялось в Киевском сквере (Центральный район Минска). Заметим, что спустя несколько месяцев — 6 августа 2020 г. — сквер вошел в летопись протестного движения. На проводимый здесь День открытых дверей учреждений допобразования «неожиданно» для организаторов собрались несколько тысяч сторонников С. Тихановской, а звукооператоры (конечно же, не случайно) включили песню В. Цоя «Перемен!». С этого момента она стала неофициальным гимном протестов и замкнула круг исторических аллюзий — под нее рушили Советский Союз.

Что же касается Дня воли-2019, то он стал идеологической подготовкой к протестам-2020. В ходе мероприятия был организован сбор подписей за утверждение белорусского языка как единственного государственного (т.е. речь шла об отмене Ст. 17 Конституции РБ), за утверждение БКБ флага и герба «Погоня» в качестве государственных символов, а также за выход из Союзного государства и ОДКБ.

В частности, один из лидеров партии Белорусская христианская демократия и сооснователь молодежной организации Белорусского народного фронта П. Северинец вещал: «Мы собрались в то время, когда Кремль собирается захватить Беларусь, когда Лукашенко торгует независимостью страны. К сожалению, и Кремль, и режим работают на то, чтобы разъединить нас, но в истории побеждает тот, кто выходит тесными рядами». Тему продолжила депутат А. Канопацкая: «Беларусь сегодня может стать независимой страной. Мы должны все вместе объединиться для того, чтобы договор о Союзном государстве был денонсирован. Мы призываем провести референдум для денонсации этого договора»⁶¹. В конце мероприятия

⁶⁰ Лукашенко запретил День воли на «Динамо». — URL: <https://www.moyby.com/news/344174/>

⁶¹ В Минске в День воли призывали отказаться от Договора о Союзном государстве. — URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/03/25/v-minske-v-den-voli-prizyvali-otkazatsja-ot-dogovora-o-sojuznom-gosudarstve-47864.html>.

эти идеи были озвучены в рамках политического манифеста, букве и духу которого строго следуют лидеры оппозиции. По сути уже в 2019 г. (при активной поддержке внешних игроков) была поставлена цель дискредитации Лукашенко, его делигитимации и осуществления переворота, однако никто не был привлечен к уголовной ответственности. Между тем УК РБ содержит ряд статей, под которые подпадают подобные действия: Ст. 361 (Призывы к действиям, направленным на причинение вреда нацбезопасности); Ст. 367 (Клевета в отношении президента); Ст. 369/1 (Дискредитация Республики Беларусь); Ст. 369/2 (Получение иностранной безвозмездной помощи в нарушение законодательства РБ); Ст. 369/3 (Нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий) и другие.

Не менее значимые по масштабу и накалу праздничные мероприятия, посвященные Дню воли, прошли в Гродно. Митинг и концерт были также санкционированы городскими властями. Организаторами выступили местные активисты при поддержке единомышленников со всей Беларуси, культурной площадки «Арт Сядзіба» и Партии БНФ. Праздник собрал несколько тысяч человек.

Таким образом, за последние годы сформировался устойчивый сегмент оппозиционно настроенных, преимущественно молодых белорусов, готовых встать под националистические знамена БНР и коллаборантов. В подавляющем большинстве молодежь не знает историю этих символов, но это не ее вина. Это результат организации учебно-воспитательного процесса в школах, колледжах и университетах. Использующие БКБ символику не задумываются о стратегических целях тех, кто им ее предложил. Они видят в этом что-то новое, разрушающее привычные нормы. Поэтому совершенно закономерно главным символом протестов, стартовавших после президентских выборов, стал БКБ флаг. Поражает то, что власть никак не противодействовала ни формированию культа этих цветов, ни производству и завозу в страну миллионов тонн этой символики. Например, 17 октября 2020 г. вывешенный на ЖК «Каскад» в Минске БКБ флаг размером 71 м в длину и 36 м в ширину весил 200 кг! Незаметно изготовить такое полотно невозможно: по рассказам его создателей,

флаг две недели шили на производстве. Крепили его на металлических тросах⁶². И это лишь один пример.

Даже беглый взгляд в недавнее прошлое позволяет констатировать, что современную БКБ аудиторию власть вырастила сама. В республике повторилась прибалтийская и украинская история: сначала немногочисленные марширующие по улицам с националистической символикой хлопцы; затем оппозиционные информресурсы (в том числе на деньги из-за рубежа) формируют устойчивый рост количества сторонников националистов; потом они избираются в парламент и на президентские посты. И наконец, получив власть, именно националисты запрещают советскую символику и русский язык, разрывают экономические и политические отношения с Россией, превращают страну из партнера или союзника в стратегического противника. Временные и случайные попутчики националистов слишком поздно понимают, что те натворили. Однако чтобы «отыграть назад», требуется не только невероятная концентрация энергии, но и изменение мировой конъюнктуры. Поэтому, несмотря на глубокое проникновение вируса национализма в белорусское общество, пока не поздно, нужно сделать все возможное, чтобы избавиться от него.

В январе 2021 г. Генпрокуратура РБ запустила процедуру признания БКБ флага экстремистским, что предполагает запрет на его использование на территории страны⁶³. Однако даже если будет принят такой закон, этого явно недостаточно для эффективного противодействия деструктивным идеям. Нужна комплексная программа по реформатированию понятийных конструкций активной части белорусского общества. Это долгая и многотрудная работа, а потому нужно к ней приступать немедленно.

* * *

⁶² В Минске активисты вывесили самый большой в мире бело-красно-белый флаг. — URL: <https://strelkamag.com/ru/news/v-minske-aktivisty-vyvesili-samyi-bolshoi-v-mire-belo-krasno-belyi-flag>.

⁶³ Прокуратура приняла к рассмотрению обращение о символике. — URL: https://www.tvr.by/news/chp/prokuratura_prinyala_k_rassmotreniyu_obrashchenie_o_simvolike/

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, политические перевороты современности представляют собой комплекс высокотехнологических когнитивных и организационных приемов, которые используются заинтересованными в дестабилизации конкретной страны-мишени силами. Последние имеют как внутреннюю, так и внешнюю природу. Запуск процедуры деструкции происходит, как правило, в самый сложный для системы момент, когда она находится в состоянии турбулентности и ее легко пошатнуть.

Во-вторых, эволюция протестов в Белоруссии прошла три основные фазы: подготовительную, стадию «всплеска» и затухания. Последняя опасна тем, что пока представляет «пожар на болоте»: протестующие ушли с улиц, но далеко не все согласились с поражением. Поэтому власти предстоит многотрудная работа по переформатированию сознания определенной части населения РБ.

В-третьих, основным информационно-коммуникативным ресурсом дестабилизации ситуации в республике стали оппозиционные телеграм-каналы (прежде всего, платформы NEXTA). Массовость (впервые в истории Беларуси протестные демонстрации на пике собирали более 150 тыс. чел.) протестов определена предшествующей (в течение нескольких месяцев) работой в социальных сетях и мессенджерах по формированию негативного отношения к власти и уверенности в том, что она падет, как только толпа выйдет на улицу. В то же время нельзя забывать о том, что виртуальная активность всегда выше реальной — сочувствующих намного больше, чем тех, кто участвовал в уличных акциях. Поэтому крайне важно выстроить активную и эффективную коммуникацию с обществом.

В-четвертых, у проектировщиков протестов отсутствовала четкая программа будущего. Представленный НЕХТОЙ план «победы» представляет методику дестабилизации существующей системы, а не построения новой. Требования отставки президента превратили протест в выброс эмоций. Уличный бунт на фоне комбинации жестких и гибких (например, пятичасовой разговор Лукашенко с представителями оппозиции в СИЗО КГБ) действий властей после выброса эмоций потерял свой разрушительный потенциал.

В-пятых, твердая и осмысленная поддержка Западом одного из кандидатов в президенты привела к формированию «правитель-

ства в изгнании», что окончательно разрушило иллюзии относительно его планов. В результате часть прежде лояльно настроенных к оппозиции граждан изменили свою позицию. Раскрытая попытка покушения на президента РБ и организации переворота с самыми негативными последствиями — стала последней каплей в дискредитации «миротворческого» образа внешних игроков. В то же время стало окончательно ясно, что Запад будет в обозримой перспективе использовать протестное движение как повод усиления давления не только на Минск, но и на Москву.

В-шестых, белорусская власть сделала определенные выводы из своих ошибок и выбрала путь жесткого следования правовым нормам по защите конституционных норм, суверенитета и безопасности граждан (решения Генпрокуратуры о признании экстремистскими ТК, привлечение к уголовной ответственности создателей НЕХТЫ и др.). Одним из действенных способов предотвращения процессов по реформатированию политической системы является прочное закрепление в сознании людей определенной знаковой системы; создание своей сакральной зоны, посягательство на которую будет восприниматься ими как угроза.

Проведенный анализ и сделанные выводы представляются актуальными в разработке превентивных мер по противодействию политической деструкции не только в РБ, но и в современной России. Тем более когда (прав был Троцкий) история стала слишком торопливой, а на подготовку переворотов уходят не века и даже не десятилетия, а годы и месяцы.

Гласер (Кукарцева) Марина Алексеевна

ОСОБЕННОСТИ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН АФРИКИ¹

В фокусе исследований данного раздела — социетальная безопасность и ее особенности в Африке. В академической литературе существует широкое и узкое понимание социетальной безопасности. В широкой интерпретации социетальная безопасность означает императив защиты государством традиционного для большинства общества языка, культуры, религиозной и национальной идентичности, обычаев². Общество рассматривается как фиксированный, целостный объект, имеющий четкие границы, с которыми большинство индивидуумов себя отождествляет. В узком смысле концепция социетальной безопасности означает способность общества справляться с катастрофами и чрезвычайными ситуациями — кризисный менеджмент³. Здесь термин «общество» часто используется для обозначения всего населения государства, включая меньшинства, что означает слияние собственно социетальной и социальной безопасности. В настоящей работе мы исследовали ключевые проблемы социетальной безопасности стран Африки, применяя ее широкую трактовку.

В ее рамках угрозы, или факторы, влияющие на социетальную безопасность, разделены на три основные категории: миграция, горизонтальная конкуренция и вертикальная конкуренция⁴. В случае

¹ Работа подготовлена при грантовой поддержке Факультета Мировой экономики и Мировой политики Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики «Кризис современного гуманитаризма на примере обеспечения социетальной безопасности в Южной и Восточной Африке».

² *Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P.* Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. 1993. London. Printer.

³ Societal Security and Crisis Management. Governance Capacity and Legitimacy Editors: Lægheid, Per, Rykkja, Lise H. (Eds.) New Security Challenges 2019 Palgrave Macmillan pp. XVII, 397.

⁴ *Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P.* Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. 1993. London. Printer.

миграции приток людей извне привносит чужую культуру, иные ценности, традиции, паттерны поведения, в результате чего «первичная» культура страны начинает «размываться». В горизонтальной конкуренции группа подвергается культурному или лингвистическому влиянию извне, ей приходится интенсифицировать защиту своей идентичности. В вертикальной конкуренции группа вынуждена трансформировать свою идентичность в более широком смысле, например в связи с интеграцией: национальная идентичность vs региональная идентичность. Эти три вида угроз могут поступать как извне, так и изнутри, а общество для своей защиты может обратиться как к государству, так и к самому себе. В последнем случае могут быть использованы как военные (ополчение, этнические чистки, убийство, физическое изгнание и пр.), так и невоенные (культурный национализм, культурцид и пр.) средства защиты. Главная цель — ликвидация чуждого меньшинства. Особую сложность представляет решение дилеммы социетальной безопасности, возникающей в ситуации, когда действия одного сообщества, предпринимаемые для укрепления своей идентичности, ведут к ответной реакции другого, что в результате ослабляет первое сообщество и может привести к неконтролируемой спирали национализма и насильственному конфликту⁵.

Ключевой исследовательский вопрос мы формулируем следующим образом: каково соотношение факторов, влияющих на социетальную безопасность в странах Африки: миграции, горизонтальной и вертикальной конкуренции?

Для оптимального поиска ответа на поставленный вопрос мы используем метод кейсов. Выбранные для исследования страны: Эфиопия, Мадагаскар, Руанда, Кот-д'Ивуар и Буркина-Фасо. Наш выбор сделан на основе принципа максимального различия систем: несмотря на все различия указанных стран, общность ключевых принципов проводимой в них политики безопасности позволяет выстроить иерархию факторов влияния на особенности социетальной безопасности⁶.

⁵ *Roe P. Ethnic violence and the societal security dilemma. London: Routledge, 2004.*

⁶ *Мангейм Джарол Б., Рич Ричард К. Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997. С. 342.*

Кот-д'Ивуар — политика «ивуаризции» («Ivoirity») иностранцев, спровоцировавшая конфликты идентичности и массовую миграцию в Буркина-Фасо; *Буркина-Фасо* — страна-реципиент беженцев из Кот-д'Ивуара; *Руанда* и *Мадагаскар* — специфика языковой политики и особенности формирования «гибридной» языковой идентичности; *Эфиопия* — особенности конфликтов идентичности и конфликтов между титульными и нетитульными группами.

Проблемы безопасности общества в обозначенных странах являются опциями, позволяющими проиллюстрировать (с известной долей допущений и погрешностей) общую специфику проблем социальной безопасности в странах Африки, ведь почти весь континент столкнулся с аналогичными проблемами, связанными со строительством национальных государств и обеспечением их безопасности⁷.

Особенности социальной безопасности в Африке

Политика безопасности в странах Африки обладает рядом особенностей: «гибридность институтов менеджмента безопасности, сочетающие юридические полномочия и принудительные средства правовой защиты современного государства с местным культурным репертуаром»⁸; слабость самих государств и государственной власти новых режимов; борьба за политическую власть постколониальных африканских правящих элит, несоблюдение конституций в странах Африки пришедшими к власти элитами или перекраивание ими основного закона страны «под себя»; продолжающееся вмешательство западных стран в происходящие в Африке процессы⁹. Эти особенности политики безопасности формируют параметры ее обеспечения

⁷ *Gaeta Feliz*. “État-nation face au processus de transition en Afrique noire” *Omalý Sy Anio* 1994 (31–33). P. 713–729.

⁸ *Niagale Bagayoko, Eboe Hutchful & Robin Luckham*. Hybrid security governance in Africa: rethinking the foundations of security, justice and legitimate public authority // *Conflict, Security & Development*. 2016. Vol. 16:1. No 1–32. P. 19. DOI: 10.1080/14678802.2016.1136137.

⁹ *Zeferino Carico Andre Pintinho*. The Security Vectors in Africa // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*. Vol. 6. No 11. Jan./Jun. 2017. P. 60, 69. — URL: <https://ciaonet.org/record/61215?search=1>.

во всех векторах — традиционных и нетрадиционных. В африканском контексте объективные, а нередко и субъективные обстоятельства часто вынуждают власти противопоставлять эти векторы друг другу. Такое противопоставление опасно тем, что конфликты легко приобретают социетальный характер. Трудности их разрешения заключаются в сложности их ключевой проблемы — в содержании африканской идентичности, куда включено неопределенное множество аспектов — от племенной принадлежности, через язык, этнос, место проживания, до пищевых привычек и местных религиозных культов¹⁰.

Сегодня житель современной Африки, за очень небольшим исключением, не является носителем «чистой» доколониальной идентичности, это практически невозможно. Ведь и в Европе в поисках аутентичности тоже не собираются возвращаться к европейским практикам времен античности, средневековья или XIX в., ориентированным на старые технологические уклады, другую широту восприятия и понимания мира. Житель современной Африки в большинстве случаев является носителем измененной, «новой» идентичности, в которой, однако, мера изменений может колебаться в весьма широком диапазоне. Это связано с колониальными практиками конструирования и регуляции идентичности¹¹. Постколониальное вмешательство начала XX в. должно было изменить эти практики и вместе с созданием доступных для такой операции элементов доколониальной идентичности закрепить и новую, со свойственными ей «behavioral change» — необходимой коррекцией традиционных для африканцев способов восприятия мира, поведенческих норм на государственном, социальном и индивидуальном уровнях так, чтобы «на выходе»

¹⁰ *Мирзеханов В.Л.* Религия, политика и поиски идентичности в постколониальном обществе (на материалах Черной Африки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2(32). С. 14–21; *Бондаренко Д.М., Хохолькова Н.Е.* Метаморфозы идентичности африканоамериканцев в постсегрегационную эпоху и теория афроцентризма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 11(2). С. 30–45. — URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-2-30-45>.

¹¹ *Calvert P., Calvert S.* Politics and society in the Third World. Second Editions. Longman. London, 2001. 320 p.

получить «современного» африканского гражданина¹². В результате африканец оказывается как бы между двумя мирами — условно европейским и условно традиционным, национальным, тяготея, в зависимости от обстоятельств, то к одному, то к другому или стараясь насильственно, в разных целях, прервать связь с одним из них. Разные политические силы инициируют процессы секьюритизации африканской идентичности, а в ряде случаев она сама становится угрозой африканским обществам¹³.

Социетальная безопасность и миграция в странах Африки: Кот-д'Ивуар — Буркина-Фасо

Для Африки проблема больших внутриконтинентальных миграционных потоков не нова. В «Докладе о миграции в мире 2020» международной организации по миграции подробно расписаны регионы Африки с анализом специфики имеющихся в них миграционных потоков. Подчеркнуто, что «существуют важные миграционные коридоры, проходящие внутри Африки и ведущие из нее, многие из которых возникли из-за географической близости и исторических связей, а также под воздействием факторов перемещения»¹⁴.

Буркина-Фасо не раз переживала угрозу крупнейшего миграционного кризиса. Рассмотрим кейс миграции из Кот-д'Ивуара в Буркина-Фасо в 2000-е гг. в связи с политикой «ивуаризации» Кот-д'Ивуара.

В Кот-д'Ивуаре живут представители более 60 различных этнических групп, говорящие на десятках разных языков и диалектов и имеющие свои собственные уникальные традиции, культуры и легенды. Это придает культуре Кот-д'Ивуара динамичность, но и рождает конфликты. Как и в большинстве африканских стран, границы Кот-д'Ивуара в свое время установили европейцы. В результате практически каждая

¹² *Abrahamsen R.* African Studies and the Postcolonial Challenge // *African Affairs*. 2003. Vol. 102 (407). P. 189–210.

¹³ *Кривушин И.В.* Сто дней во власти безумия: руандийский геноцид 1994 г. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

¹⁴ UN Migration. Доклад о миграции в мире 2020. — URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.

этническая группа в Кот-д'Ивуаре оказалось разделенной, ее многочисленные представители живут в соседних странах — Гвинее, Гане, Буркина-Фасо, Мали. Среднестатистический ивуариец имеет много общего в культурном и лингвистическом плане с их жителями¹⁵. При этом в Кот-д'Ивуаре всего четыре основные этнические группы: аканы (самая многочисленная), кру, вольтийцы и манде, которые можно разделить на десятки более мелких групп. Север страны заселен этническими группами, в основном трудовыми мигрантами и их потомками из Буркина-Фасо и Мали, преобладающая религия здесь ислам. На юге живут в основном коренные ивуарийцы, аканы, преобладающая религия — христианство. Неудивительно, что проблема национальной идентичности важна для Кот-д'Ивуара, при этом этничность, религия и политика взаимосвязаны и могут влиять на политический выбор людей¹⁶.

В 1993 г., после смерти первого президента Феликса Уфуэ-Буа-ньи, его премьер-министр Алассан Уатгара, северянин, мусульманин и председатель Национального собрания, и Анри Конан Бедье, христианин с юга, вступили в борьбу за власть, в которой победителем вышел Бедье. Бедье заручился поддержкой элиты и защитников аутентичной идентичности Кот-д'Ивуара, чтобы утвердить и узаконить свою политическую власть. В 1995 г. он представил ивуарийскому обществу концепцию «Ivoirité» — «ивуарства», подчеркивающая самобытность Кот-д'Ивуара. «Ivoirité» призвана была выразить чувство принадлежности к ивуарийской нации независимо от этнической принадлежности, то есть стать разновидностью «здорового» национализма. «Чтобы построить “Мы”, нужно различать “Они”. Нам нужно суметь установить дискриминацию МЫ/ОНИ таким образом, чтобы это было совместимо с плюрализмом национальностей»¹⁷. Очень скоро концепция «Ivoirité» стала этническим национализмом, была

¹⁵ *Habeeb W.M. and Rotberg R.I.* 2005. Ivory Coast (Africa: Continent in the Balance). Broomall, PA: Mason Crest Publishers pp. 47–48.

¹⁶ *Kone D.* The Concept Of «Ivoirité»// An Identity Based Concept And Its Impact On Socio-Political Life In Ivory Coast Akofena. No 2. Vol. 1. Septembre. P. 219.

¹⁷ *Curdiphe:* “L’ivoirite, ou l’esprit du nouveau contrat social du president Henri Konan Bedie”// Politique Africaine. 2000. No. 78. P. 66.

использована властями как репрессивный инструмент, применяемый по этническому и религиозному принципу, фактором исключения из политического участия и получения гражданства для граждан страны — потомков иммигрантов из соседних стран. И это стало ключевым пунктом дискриминации в борьбе за политическую власть в Кот-д'Ивуаре, инструментом этнического разделения¹⁸.

В 1994 г. новый закон исключил многих потенциальных кандидатов из борьбы за пост президента, поставил под сомнение права ивуарийцев на доступ к земле и привел к миллионному потоку беженцев в Буркина-Фасо¹⁹. В 2002 г. в стране вспыхнуло восстание севера, закончившееся сотнями убитых и миллионом беженцев в Буркина-Фасо. Однако в этом случае беженцы не встретили в стране-реципиенте категорического неприятия их идентичности. Ее социетальной безопасности всерьез ничего не угрожало, в отличие от экономической и социальной.

Здесь мы встречаемся с первыми двумя возможными векторами влияния миграции на социетальную безопасность африканских стран. С одной стороны, иммигранты одного и того же этноса, оказавшись по разные стороны границы, были ущемлены в правах, дискриминированы и были вынуждены бежать (Кот-д'Ивуар). С другой стороны, вернувшись в Буркина-Фасо, они оказались в своей же этнолингвистической среде и не встретили серьезного социетального отторжения со стороны местных сообществ. Обратный поток беженцев спустя несколько лет из Буркина-Фасо в Кот-д'Ивуар обнаружил возможности вполне комфортного сосуществования разных этносов и взаимообогащения их языков.

Африканская миграция в целом, в отличие от Европы, не ведет к резкой интенсификации проблем социетальной безопасности. Многие племена и этносы разделены искусственно, они говорят на одном языке, исповедуют одну религию, имеют схожие культуру и обычаи.

¹⁸ *Francis Akindès. Côte d'Ivoire: Socio-political Crises, 'Ivoirité' and the Course of History* African Sociological Review// Revue Africaine de Sociologie Vol. 7. No. 2, Sept.

¹⁹ ICG: International Crisis Group. 2003. Cote d'Ivoire: "The War Is Not Yet Over"// ICG Africa Report No. 72 (November 28, 2003).

Горизонтальное измерение социетальной безопасности: Эфиопия и Мадагаскар

Многие африканские страны были идентифицированы языком колониальной власти — франкоязычные, португалоязычные, англоязычные. Колонизация породила новую языковую иерархию. П. Кальвет выделяет два ее этапа²⁰. Первый, «вертикальный», был сделан африканскими элитами, второй, «горизонтальный», связан с распространением европейских языков среди всего остального населения — в регионах, небольших городах, деревнях. Однако сложно согласиться с мнением Джона Спенсера о том, что колониализм по сути «заморозил возможности функционального развития почти всех африканских языков»²¹. В большом количестве случаев родной язык никуда не исчезал, продолжал и продолжает играть значимую роль в обществе. В исследовании этого феномена значительную роль сыграла теория «этнолингвистической жизнеспособности», разработанная Г. Говардом в конце 1970-х гг. Ее цель — определить, «что заставляет группу вести себя как особый и активный коллективный субъект в межгрупповых ситуациях»²². Дополняя эту теорию собственными полевыми исследованиями на северо-востоке Нигерии, Джонатан Оуэнс показывает, что мы находим здесь сложные лингвистические общества, которые продвигают стабильное многоязычие, часто с несколькими *lingua franca*. Малые этнолингвистические группы не обязательно встречаются с угрозами со стороны политически или демографически доминирующих больших групп. Скорее, как утверждает Оуэнс, сложная лингвистика, по-видимому, способствует сохранению языков меньшинств²³. Вместе с тем, в языковой поли-

²⁰ Calvet L. *La guerre des Langues*, Paris: Payot, 1987.

²¹ Spencer J. *Language and development in Africa: The unequal equation* // Nessa Wolfson and Joan Manes (eds.), *Language of Inequality*. 1985. P. 394.

²² Giles H. et al. *Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations* // Giles, H. et al. (eds.). *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London: Academic Press, 1977. Pp. 307–48.

²³ Peter Probst & Gerd Spittler. *From an Anthropology of Astonishment to a Critique of Anthropology's Common Sense* // *An Exploration of the Notion*

тике африканских стран могут происходить странные метаморфозы, как, например, в Руанде.

Кейс Руанды

Население страны в основном говорит на национальном языке киньяруанда, хотя в силу известных обстоятельств меньшинство населения сносно владеет французским: «Почти все говорят на киньяруанда; для многих это единственный язык, который они знают. Это общий язык семей, церквей, рынков, деревенских собраний и радиопередач»²⁴. Власти страны не раз публично подтверждали важность владения языком киньяруанда. «У нас есть общий язык: киньяруанда. Это действительно редкое преимущество. Заседания кабинета министров проходят на киньяруанде, потому что некоторые министры говорят по-английски, а некоторые — по-французски. Но любой человек, кто приходит по делам в правительственное учреждение, может говорить на киньяруанда», — подчеркивал Клавер Йиса, директор по политическому планированию министерства образования Руанды²⁵. Министерство сформировало научную программу обучения детей на их родном языке, что было поддержано Агентством США по международному развитию, которое инвестировало сотни миллионов долларов в разработку и выпуск учебников киньяруанда. Президент Поль Кагаме не раз акцентировал культурное значение киньяруанда, призывая СМИ и всех руандийцев продвигать значе-

of Local Vitality in Africa Bayreuth African Studies Online No. 1 (March 2005) P. 9–12.

²⁴ *Timothy P. Williams*. Jan. 24, 2020 For the third time in 11 years, Rwanda changed the language used in primary schools. — URL: https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29440/in-rwanda-language-change-in-schools-leaves-students-and-teachers-struggling?utm_source=Active+Subscribers&utm_campaign=2cf0bf00ee-022421-insight-subs&utm_medium=email&utm_term=0_35c49cbd51-2cf0bf00ee-64251773&mc_cid=2cf0bf00ee&mc_eid=96eeb63d17.

²⁵ *Chris McGreal*. Fri 16 Jan 2009 13.08 GMT The Guardian Why Rwanda said adieu to French. — URL: <https://www.theguardian.com/education/2009/jan/16/rwanda-english-genocide>.

ние родного языка²⁶. Проблема в том, что за последние 12 лет правительство Руанды трижды меняло язык обучения в начальных школах, переходя с киньяруанда на английский²⁷.

Английский стал официальным языком в Руанде, наряду с французским и киньяруанда, после прихода к власти Патриотического фронта Руанды в 1994 г.²⁸ Многие из его лидеров — беженцы тутси, выросшие в изгнании в англоязычных Уганде и Танзании, что заставило некоторых исследователей взглянуть на переход с французского на английский как на попытку принести пользу англоязычной элите²⁹. «Франкоговорящие хуту, организовавшие геноцид, были вытеснены англоговорящими мятежниками тутси»³⁰. До 2008 г. руандийские педагоги преподавали на киньяруанде в течение первых трех лет начальной школы, а затем переходили на французский или английский в четвертом классе, что было сделано в рамках задачи эффективно очистить страну от французского языка³¹. В 2008 г. Руанда приняла английский язык в качестве основного языка обучения, «понижив» статус киньяруанда. Лидеры государства утверждали, что, перейдя на англоязычное обучение в большинстве школ, страна вырастит поколе-

²⁶ *Fred Mwasa*. December 3, 2019 How CHOGM 2020 Pushed Gov't To Re-embrace English As Language Of Instruction In Schools. THE Chronicles. — URL: <https://www.chronicles.rw/2019/12/03/how-chogm-2020-pushed-govt-to-re-embrace-english-as-language-of-instruction-in-schools/>

²⁷ *Timothy P. Williams*. Jan. 24, 2020 For the third time in 11 years, Rwanda changed the language used in primary schools; См. также: *Timothy P. Williams*. The Political Economy of Primary Education: Lessons from Rwanda <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.03.037>.

²⁸ The Constitution of the Republic of Rwanda, 2003 // The Official Gazette of the Re-public of Rwanda, 2003.

²⁹ *Timothy P. Williams*. Jan. 24, 2020 For the third time in 11 years, Rwanda changed the language used in primary schools.

³⁰ *Смокотин В.М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 150.

³¹ *Chris McGreal* Fri. 16 Jan 2009 13.08 GMT The Gardian Why Rwanda said adieu to French. — URL: <https://www.theguardian.com/education/2009/jan/16/rwanda-english-genocide>.

ние, владеющее языковым ключом к глобальной торговле и бизнесу. Тем не менее к 2011 г. правительство признало, что самые маленькие ученики испытывали большие трудности, и было принято решение вновь вернуться к киньяруанда для обучения в течение первых трех лет начальной школы, а начиная с четвертого года обучения ввести уроки английского языка. Но в декабре 2020 г. Руанда вновь вернулась к английскому как основному. Официально этот шаг направлен на укрепление связей Руанды со своими англоговорящими соседями из Восточной Африки, включая Уганду, Кению и Танзанию, с которыми она ведет большую часть своей торговли. Кигали также стремится укрепить связи с Великобританией, которая является крупнейшим донором Руанды. Нет никаких сомнений в том, что решение изменить язык, на каком говорит нация, уходит своими корнями и в бельгийское колониальное прошлое, и в наследие роли Парижа в геноциде населения тутси. При этом, хотя новая политика предписывает всем школам использовать английский язык в качестве средства обучения в младших и старших классах начальной школы, киньяруанда и французский все же остаются основными предметами.

Языковая политика Руанды интересна своими стремительными поворотами, при этом она отражает общее настроение политических элит многих африканских государств. Например, Габон заявляет, что рассматривает возможность последовать примеру Руанды и отказаться от французского в пользу английского в случае успеха радикальной образовательной политики³². Кения, где обучение в начальной школе осуществляется на *lingwa franco* суахили, а в средней — на английском, сталкивается с похожими проблемами³³. В Республике Мадагаскар, где национальный язык — малагасийский, многие жители разделяют идею о том, что населению необходимо знать француз-

³² *Jenny CloverTue*. 13 Nov 2012 Learning English Rwanda Jury out on language-switch trend. — URL: <https://www.theguardian.com/education/2012/nov/13/rwanda-english-language-lessons>.

³³ *Ogechi N.O.* (2009) The role of foreign and indigenous languages in primary schools: The case of Kenya. Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 38. 10.5842/38-0-63. Stellenbosch Papers in Linguistics PLUS. Vol. 38. Pp. 143–158.

ский — язык бывших колонизаторов³⁴. Владение европейскими языками часто рассматривается не только как средство международной коммуникации, но и как символ высокого социального статуса, показывая определенный уровень достатка. В Руанде в частных школах родители даже полностью отказывались от обучения детей на киньяруанда. Если их дети в возрасте пяти лет могут выражать свои мысли на английском или французском языках, значит они принадлежат к элитам. И в Руанде, и на Мадагаскаре родители с удовольствием демонстрируют на семейных собраниях своих детей, говорящих по-английски или по-французски.

С одной стороны, создание билингвальной системы психологически закрепляет в сознании многих африканцев идею превосходства европейских языков, что создает «ловушку языка», в которой оказались многие африканские государства после освобождения от колониализма: язык экономики и политики большинства стран Африки является языком бывших империй, от которого они и не могут и не хотят отказываться. С другой стороны — европейские языки оттеняют значимость родного языка. В результате формируется феномен гибридной идентичности, корреспондирующий с гибридностью политических институтов, отвечающих за обеспечение политики безопасности, о чем шла речь в начале этой главы. Например, «французскость» входит в малагасийское общество, создавая гибридную франко-малагасийскую национальную идентичность. Многие местные жители не видят здесь проблемы — нет никакого конфликта идентичностей в том, чтобы быть одновременно малагасийцем и франкоязычным субъектом: в повседневной жизни говорить на малагасийском или на смеси французского и малагасийского, а в офисе — только по-французски. В зависимости от контекста ситуации можно использовать один или другой язык. Французский не нивелирует малагасийской идентичности, а оттеняет ее. Сложнее, когда «французскость» или «британство» не стали частью национальной идентичности, как в Руанде или Бурунди, где существует общенациональный язык, и ее

³⁴ *Roehrer-MacGregor C.* (2013) *French in Madagascar: A Colonial Language After Independence.* — URL: https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1051&context=honors_capstone/

гибридный вариант приходится создавать, преодолевая большие трудности, нередко через социальное насилие. Кигали даже присоединился к Содружеству в 2009 г., как и, например, Мозамбик в 1975 г., хотя страны никогда не были британскими колониями.

Феномен гибридности порождает новые формы идентичности, интерпретируя и трансформируя «под себя» западные и аутентичные культурные ценности. Это может и не представлять угрозы социальной безопасности африканских обществ и вести только к социальным диспропорциям в силу существующих в структурах повседневности представлений о том, что французский, английский — язык «высшего общества», а киньяруанда, малагасийский, — «низов», или английский — язык репрессированного меньшинства, а французский и национальный — язык угнетателей и бандитов. Но нельзя отрицать, что потенциально гибридность ведет к «расплыванию» пространства идентичности, минимизации его связности, в ряде случаев — к его распаду на разнородные фрагменты, где некоторые его составляющие могут приобрести избыточную автономность и вступить в конфликт. В такой ситуации есть опасность появления «эффекта Франкенштейна» — когда инициатор процесса гибридации, получив результат, может потерять контроль над тем, что он создал. Например, после освобождения от колониальной зависимости у населения ряда франкоязычных государств Африки укрепилось осознание себя как особой культурной общности, где ядерной идентичностью является собственная этническая или племенная, а европейская только в малой степени дополняет ее. Примерами подобного рода являются ЦАР времен Ж. Бокассы или Уганда времен И. Амина³⁵.

Чрезвычайно интересным является исследование К. Домбровски-Хана и Г. Слезака языковой ситуации в Банфоре, городе на юге Буркина-Фасо³⁶. Как утверждают авторы, то, что происходит в Банфоре,

³⁵ *Кривушин И.В.* Император Бокасса I и власть в постколониальной Африке // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 152–167.

³⁶ *Peter Probst & Gerd Spittler.* From an Anthropology of Astonishment to a Critique of Anthropology's Common Sense: An Exploration of the Notion of Local Vitality in Africa Bayreuth African Studies Online No. 1 (March 2005) Pp. 11–12.

не является ни гомогенизацией, ни поляризацией, ни гибридизацией, а процессом контекстной иерархизации. Из-за непрерывного потока мигрантов, возвращающихся из Кот-д'Ивуара в Буркина-Фасо, автохтонные языки кар (Car) и керма (Serma, Kirma) малых групп были актуализированы и включены в сложный языковой микс страны, дополняя французский и дьюла (Dyula) — язык негроидного народа Западной Африки, живущего в основном в тропических лесах Кот-д'Ивуара³⁷.

Тем не менее для большинства бывших колониальных стран Африки более распространенной является ситуация, подобная сложившейся в Республике Мадагаскар. В отличие от Западной Европы и Северной Америки, где высоко политизированные этнолингвистические группы нередко находятся в противоборстве, акцентируют конфликтный аспект многоязычия, в Африке акцентирован его позитивный аспект. Африканские страны обнаруживают чрезвычайную жизненность своих оригинальных лингвистических паттернов. Несмотря на то что бывшие имперские державы *volens nolens* продолжают оказывать значительное влияние на ресурсы, экономику, культуру и политику многих государств Африки, это не снижает уровня этнолингвистической жизнеспособности африканских обществ. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что горизонтальное измерение социетальной безопасности в странах Африки не находится в зоне повышенного риска и, как правило (из которого всегда бывают исключения), не ведет к избыточной политизации языковой идентичности африканцев.

Вертикальное измерение социетальной безопасности в странах Африки: Эфиопия

В вертикальном измерении социетальной безопасности группа поставлена перед необходимостью бороться за сохранение своей идентичности в связи с вынужденной интеграцией: этническая/национальная/племенная идентичность vs региональная идентичность, например.

³⁷ The Alphabets of Africa. Rhonda L. Hartell, ed. 1993. UNESCO and Summer Institute of Linguistics Dakar: 319 pp. — URL: https://www.sil.org/system/files/repdata/12/77/98/127798868643523450662397862180540491536/AlphaAfrica_36235.pdf

Одним из иллюстративных кейсов являются события, происходящие в Эфиопии, второй по численности населения стране Африки.

После крушения военного режима в 1991 г. и захвата государственной власти Революционно-демократическим фронтом эфиопского народа (EPRDF) страна была преобразована в этническую федерацию, но проект национального строительства через ассимиляцию и централизацию провалился. «В полиэтничной стране (в Эфиопии проживают более 80 малых и больших народов) любые конфликты нередко принимают форму межэтнических. ... Во всех штатах население делится на “титульные” и “нетитульные” национальности. Только первые пользуются всеми правами, что же касается нетитульных национальностей, то вне “своих” административных единиц (будь это штат, зона или вореда) их права ограничены, что расценивается как дискриминация. Это касается, например, поселенцев амхара, тиграй и оромо в штатах Гамбелла, Бенишангул-Гумуз, Штате южных народов, что также осложняет обстановку»³⁸.

В ключевых конфликтах, происходящих сегодня в Эфиопии — идентичности, внутрифедеральных пограничных, внутрирегиональных из-за федеральных ресурсов, между титульной и нетитульной группами, между правительством и сепаратистскими движениями, — нас интересуют конфликты идентичности (низкой степени интенсивности) и между титульной и нетитульной группами (высокой интенсивности)³⁹.

Став премьер-министром в 2018 г., Абий Ахмед Али быстро провел политические реформы, которые тут же открыли путь для застарелых этнических проблем. Он начал отодвигать на второй план партию премьер-министра Эфиопии Мелеса Зенауи «Народный фронт освобождения Тыграна» (НФОТ), которая ранее играла доминирующую роль в правящей коалиции «Революционно-демократический фронт

³⁸ *Исмаилова Р.Н.* Политический кризис в Эфиопии: «эфиопская весна»? // Институт Африки РАН. 2018. — URL: <https://www.inafran.ru/node/1616>.

³⁹ *Asnake Kefale* Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia: A Comparative Study of the Somali and Benishangul-Gumuz Regions de graad van Doctor aan de Universiteit Leiden. — URL: <https://hdl.handle.net/1887/13839> pp5-7.

эфиопских народов» (РДФЭН), состоявшей из четырех региональных партий. С 1990-х гг. РДФЭН проводил политику этнического федерализма, по сути являвшегося «этнизацией политики и политизацией этничности»⁴⁰. Результатом стала большая политическая централизация, что не только не положило конец этническим конфликтам, но и, наоборот, обострило их, привело к этнизации недовольства. Абий реализовал свои планы по замене РДФЭН единой правящей панэфиопской партией, в 2019 г. получившей название «Эфиопская партия процветания» (ЭПП). «В результате будут укреплены федерализм и административная система страны, сохранено языковое разнообразие и национальная идентичность», — заявил член исполкома коалиции Фекаду Тесема⁴¹.

Однако не все этнические группы разделили предлагаемую действующей властью национальную повестку, в частности тиграй выразили недоверие правительству и другим этносам, акцентируя настроения «мы против них» и «они против нас». Столкнувшись с сопротивлением своей программе со стороны НФОТ, Абий наладил союз с Демократической партией амхара, вошедшей в ЭПП, ведь амхара — второй по величине этнос Эфиопии, его поддержка очень важна. Но это не могло не вызывать недовольство оромо — крупнейшей этнической группы Эфиопии, представители которой никогда не занимали высший пост в стране, пока не помогли привести оромо Абия к власти.

Начались антиправительственные протесты. Местные СМИ сообщали, что в некоторых местах оромо нападали на амхара, а в городе Шашэмэнне в регионе Оромия патрули оромо проверяли удостоверения личности, выявляя амхара⁴². В июле 2020 г. в результате продол-

⁴⁰ *Исмаилова Р.Н.* Политический кризис в Эфиопии: «эфиопская весна»? // Институт Африки РАН. 2018. — URL: <https://www.inafran.ru/node/1616>.

⁴¹ Правящая коалиция Эфиопии приняла решение о превращении в единую партию // ТАСС. 17 ноября 2019. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7137737>.

⁴² *Elias Meseret* | AP July 8, 2020 at 12:51 p.m. GMT+3 Ethiopia's week of unrest sees 239 dead, 3,500 arrested The Washington Post. — URL: https://www.washingtonpost.com/world/africa/ethiopias-week-of-unrest-sees-239-dead-3500-arrested/2020/07/08/8eb30952-c100-11ea-8908-68a2b9eae9e0_story.html.

жавшихся более недели жестких протестов и беспорядков, последовавших за убийством популярного эфиопского певца Хачалу Хундесса (Nachalu Hundessa) — голоса антиправительственных протестов оромо, — погибли по меньшей мере 239 человек и 3 500 арестованы. В числе арестованных — известный активист оромо Джавар Мохаммед и более 30-ти его сторонников. Абий отдал приказ жестко подавить беспорядки и практически окончательно потерял поддержку своей этнической группы. В этой ситуации он все чаще прибегает к помощи амхары, что ситуацию в стране только усугубляет. «Националисты оромо использовали примордиальные элементы, такие как язык и происхождение, не только для объединения различных групп оромо, но и для “повторной этнизации” людей, которые “утратили” свою идентичность оромо из-за их ассимиляции с доминирующей культурой амхара»⁴³. В свою очередь амхара в борьбе за ассимиляцию утверждали, что «быть амхара — это гораздо больше вопрос того, как человек ведет себя, чем то, кем были родители...»⁴⁴. Секьюритизация идентичностей оромо и амхара представляет угрозу не только федеральному правительству, но и социетальной безопасности государства⁴⁵. Рассмотрим в этой связи два взаимосвязанных кейса — пограничный конфликт Эфиопия — Судан и резню в районе Бенишангуль-Гумуз.

Кейс 1. Пограничный конфликт Эфиопии с Суданом

С середины декабря 2020 г. между Эфиопией и Суданом нарастает напряженность на фоне обострения спора по поводу участка сельскохозяйственных земель вдоль границы двух стран. Военные Судана заявили, что одно из их пограничных патрульных подразделений попало в засаду «эфиопских сил и ополченцев» в районе, известном как

⁴³ *Asnake Kefale*. Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia: A Comparative Study of the Somali and Benishangul-Gumuz Regions de graad van Doctor aan de Universiteit Leiden. P. 17.

⁴⁴ *Clapham Christopher*. Transformation and Continuity in Revolutionary Ethiopia, Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. 24).

⁴⁵ *Tsega A.H.* The Tigray Identity and The Paradox in the Securitization of the Oromo and Amhara Identities in Ethiopia// International Journal of African Development. 2018. Vol. 5. Iss. 1. Article 3. Pp. 5–12.

Аль-Фашка (al-Fashqa), где провинция Судана Аль-Кадариф граничит с эфиопским штатом Амхара, там проживает этническая группа амхара. Согласно договору 1902 г. между Великобританией, которая тогда управляла Суданом, и императором Эфиопии Менеликом II, аль-Фашка является частью суданской территории. Однако граница не была обозначена и эфиопские фермеры давно заселили эту землю. В 2008 г. премьер-министр Эфиопии Мелес Зенауи заключил сделку с правительством Судана: Аддис-Абеба признает аль-Фашка частью Судана в обмен на разрешение эфиопским фермерам остаться на этой земле. Тысячи эфиопов-амхара были насильственно выселены со своих земель, а суданские фермеры, которых поддерживала армия, силой возвращали спорные земли вдоль границы. Разумеется, сделка возмутила многих амхара, они обвинили Зенауи, который был родом из северного региона Эфиопии Тыграй, давнего соперника Амхары, в том, что он предал их, уступив землю Судану.

В результате Судан и Эфиопия обвинили друг друга в захвате территории силой, суданские власти сообщили по меньшей мере о десятке смертей, в том числе солдат регулярной армии, в результате вторжений эфиопских ополченцев — амхара. За этим пограничным конфликтом в Эфиопии последовал внутригосударственный, между властями региона Тыграй и федеральным правительством, где вооруженные силы Эфиопии сражались с боевиками бывшей правящей партией страны, НФОТ. Абий, захватив столицу Тыграя Микелэ 28 ноября 2020 г., объявил о победе в регионе. Однако эта война все еще не закончена: боевые действия продолжаются в разных местах, руководство НФОТ отвело войска в горы и до сих пор продолжает нападения на коалицию эфиопских федеральных войск и ополченцев из соседнего региона Амхара.

Кейс 2. Резня в Бенишангуль-Гумуз

Формально включенный в состав Эфиопской империи в конце XX века, Бенишангуль-Гумуз долгое время страдал от восстаний и межобщинных конфликтов, был пограничным пространством между более могущественными соседями: суданцами на западе, высокогорными эфиопами на северо-востоке и оромо на юге. Его коренные

народы, крупнейшими из которых являются этнические группы гумуз, берта и шинаша, веками подвергались набегам со стороны всех трех, многие годы относящихся к ним как к рабам. «Исторически Бенишангуль — это суданская земля, которая была заброшена из-за отсутствия ответственности и патриотизма. Теперь между амхарой, оромо и тыграем идет серьезное соперничество, из-за которого страдают жители Бенишангула»⁴⁶. Краткосрочная оккупация в 1988 г. Ассоса — административного центра Бенишангуль-Гумуза — Фронтом освобождения оромо (OLF) привела к резне около 300 крестьян амхары.

В соответствии с конституцией Эфиопии 1995 г., которая в значительной степени была разработана НФОТ, Бенишангуль-Гумуз получил определенную степень формальной автономии, обзаведясь лидерами, выбранными из местных элит. Конституция Бенишангуль-Гумуза, пересмотренная в 2002 г., определяла пять этнических групп в качестве ее «собственников», наиболее распространенными из которых являются берта и гумуз, но не включала амхара, оромо, тиграй и агау, которые считаются жителями района, но не гражданами. Им разрешено голосовать, но фактически они не могут баллотироваться на выборные должности, хотя в той или иной степени представлены в местной администрации. По сути дела имеет место разделение населения на «своих» и «чужих», чьи формальные права, в частности на землю, неравны. Некоторые из этих так называемых чужаков поселились в регионе в 1980-х гг. в рамках реакции тогдашнего военного правительства Эфиопии на засуху и голод. Но в последнее время их ряды пополнились мигрантами из густонаселенных высокогорных районов, которые ищут свободные земли. Бенишангуль-Гумуз — одно из немногих мест в Эфиопии, где все еще можно приобрести значительные земельные наделы. «Как правило, насилие имеет место между так называемыми поселенцами (известными здесь как *qey*, или “светлокожие”, горцы) и более темными коренными народами, но оно также происходило и среди так называемых аутсайдеров — оромо,

⁴⁶ William Davison, *Mistir Sew*. Turmoil blocks aid as communal conflict rages in gold-seamed Benishangul-Gumuz16 Ethiopia insight November, 2018. — URL: <https://www.ethiopia-insight.com/2018/11/16/turmoil-blocks-aid-as-communal-conflict-rages-in-gold-seamed-benishangul-gumuz/>

амхара, тиграй, агау»⁴⁷. Известный случай — Камаша, на юге Бенишангуль-Гумуз, где давление на этносы оказывали оромо Воллеги.

В 2018 г., после того как OLF вернулся из изгнания по приглашению Абия, между этносами оромо и гумуз возобновился конфликт вокруг спорной границы штата с Оромией — территории Камаша, которая ранее относилась к провинции Воллега до реструктуризации Эфиопии в 1991 г. Сейчас Камаша — самый южный участок Бенишангуль-Гумуз и окружен Оромией с трех сторон. Конфликт возник из-за земли и ресурсов Камаша. В этом месте — богатые месторождения золота, от 12–13 т в год⁴⁸. Это привело к тому, что более 150 тыс. оромо покинули свои дома, а гумуз боялись пересечь границу региона. «Беспрецедентное насилие, которое началось в зоне Камаша 26 сентября и продолжалось в течение октября и ноября 2018 г., вынудило наиболее уязвимые группы (женщины, дети и пожилые люди) бежать без личных вещей, включая одежду»⁴⁹. В результате конфликта оромо и гумуз, согласно данным Центр мониторинга внутреннего перемещения (IDMC), 2,2 миллиона эфиопов оказались в 2018 г. перемещенными внутри страны, что оказалось самым высоким числом перемещенных лиц в мире⁵⁰.

22 декабря 2020 г. премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед посетил обширную низменную территорию Метекел, стратегически важный район в Бенишангуль-Гумузе, места этнической группы гумуз. Там

⁴⁷ *Tom Gardner*. All Is Not Quiet on Ethiopia's Western Front// FP News. January 6, 2021. — URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/06/ethiopia-benishangul-gumuz-violence-gerd-western-front/>

⁴⁸ International Trade Administration Ethiopia — Market Overview. — URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/ethiopia-market-overview?section-nav=4826/>

⁴⁹ *William Davison, Mistir Sew*. Turmoil blocks aid as communal conflict rages in gold-seamed Benishangul-Gumuz16 Ethiopia insight November, 2018. — URL: <https://www.ethiopia-insight.com/2018/11/16/turmoil-blocks-aid-as-communal-conflict-rages-in-gold-seamed-benishangul-gumuz/>

⁵⁰ OCHA service IDMC Mid-Year Figures: Internal Displacement in 2018 12/ september 2018. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/idmc-mid-year-figures-internal-displacement-2018>.

построена плотина Великого Эфиопского Возрождения (GERD)⁵¹. Ее строительство недалеко от границы с Суданом создало новые рабочие места и ресурсы, что в значительной степени принесло пользу группам, не принадлежащим к гумуз, они были вытеснены приехавшими на заработки амхара и агау, что усилило борьбу этносов и стоящих за ними политических сил за господство в регионе, спровоцировало культурицид и этнические чистки.

Причина приезда Абия вполне укладывалась в этот формат — в Метекеле произошла череда ужасных массовых убийств на этнической почве. «Желание врагов разделить Эфиопию по этническому и религиозному признаку все еще существует, — написал Абий в Твиттере после встречи с местными жителями и официальными лицами. — Это желание останется невыполненным»⁵².

На следующий день после приезда премьера в Метекел более 200 человек — этнические амхары, оромо и шинаша — были убиты в деревне Бекоджи (Bekoji) в ходе нападения на рассвете вооруженных людей из гумуз. Почти в это же время, 13 декабря 2020 г. мирные жители в Воллеге, на крайнем западе Оромии, родного региона Абия, были убиты в ходе боев между правительственными войсками и повстанцами оромо (которые также понесли сотенные потери). Правительство обвинило повстанцев в убийстве не менее 19 мирных жителей. Как и в Метекеле, многие из этих жертв были этническими амхарами, проживавшими в этом регионе как меньшинства. «Во время визита Абия участник встречи — гумуза утверждал, что амхарские ополченцы и молодежные группы “нагло вторгаются” в регион, чтобы захватить землю. “Они хотят прогнать нас. Они говорят, что гумузы — суданцы, гумузу в прошлом принижали. Но теперь нам говорят, что мы должны быть истреблены”»⁵³.

⁵¹ *Tom Gardner*. All Is Not Quiet on Ethiopia’s Western Front// FP News. January 6, 2021. — URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/06/ethiopia-benishangul-gumuz-violence-gerd-western-front/>

⁵² *Abiy Ahmed Ali*. 22 дек. 2020 г. — URL: <https://twitter.com/AbiyAhmedAli/status/1341350445651021826>.

⁵³ *Tom Gardner*. All Is Not Quiet on Ethiopia’s Western Front// FP News. January 6, 2021. — URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/06/ethiopia-benishangul-gumuz-violence-gerd-western-front/>

В Метекеле и в Воллеге была развернута федеральная армия для восстановления порядка, хотя правительство Бенишангуль-Гумуза обратилось за помощью сразу после серии убийств, которые начались 6 сентября 2020 г.⁵⁴ В Воллегу федеральные войска впервые были отправлены в начале 2019 г.⁵⁵ В операциях по обеспечению безопасности в Метекеле также участвовали региональные силы безопасности Амхары⁵⁶. Развертывание таких региональных сил — хорошо вооруженных и этнически однородных — является, с одной стороны, тревожной чертой конфликтов по всей Эфиопии, с другой — укрепляет зависимость Абия от войск амхары и в Тиграе, и в Бенишангуль-Гумузе, подчеркивает их растущее значение в государстве. По численности населения амхара занимает второе место в Бенишангуль-Гумузе, они являются самыми влиятельными, особенно в городах, играют ведущую роль в экономике. Поэтому коренное население района считает, что ресурсы, принадлежащие им, контролируются «другими», и берется за оружие. В этом случае обеспечение национальной безопасности становится равной задачам обеспечения социетальной безопасности, но от имени общества говорит не государство, а элиты меньшинств, которые мобилизуют свои сообщества против правительства (группы большинства) и против государства. Оромо и гумузы, возмущаясь господством амхары, с оружием в руках защищают свою идентичность. Одновременно боевые действия в Бенишангуль-Гумузе осложнены тем, что многие члены местного регионального аппарата безопасности правительственных сил в Ме-

⁵⁴ Analysis: Weeks long attacks on civilians leave several dead, injured in Metekel zone// Benishangul Gumuz region. September 16, 2020. — URL: <https://addisstandard.com/analysis-weeks-long-attacks-on-civilians-leave-several-dead-injured-in-metekel-zone-benishangul-gumuz-region/>

⁵⁵ Special Edition: Failed politics and deception: Behind the crisis in western and southern// Oromia. March 20, 2020. — URL: <https://addisstandard.com/special-edition-failed-politics-and-deception-behind-the-crisis-in-western-and-southern-oromia/>

⁵⁶ Analysis: Weeks long attacks on civilians leave several dead, injured in Metekel zone// Benishangul Gumuz region. September 16, 2020. — URL: <https://addisstandard.com/analysis-weeks-long-attacks-on-civilians-leave-several-dead-injured-in-metekel-zone-benishangul-gumuz-region/>

текеле встали на сторону ополченцев гумуза против федеральной армии, при этом граница между комбатантами гумуза и гражданскими лицами практически стерлась. В результате федеральная армия уже не может отделить террористов от мирных жителей, что неизбежно ведет к зачистке всей территории и репрессии всех без разбора.

Между тем кровопролитие становилось просто ужасным, поэтому призывы к более жестким военным мерам, особенно из Амхары, раздавались все громче. «В начале декабря 2020 г. начальник полиции Амхары заявил, что запросил у федерального правительства разрешение на вмешательство в происходящее в Бенишангуль-Гумуз»⁵⁷. Несколько дней спустя спикер регионального правительства Амхара предупредил, что если резня продолжится, то штат начнет «вторую главу» войны в стране после Тыграя — на этот раз войну в Бенишангуль-Гумузе⁵⁸. В октябре 2020 г. заместитель премьер-министра страны, этнический амхара, призвал амхарас в Бенишангуль-Гумузе вооружиться, а в 24 декабря Абий заявил, что отправляет в регион еще больше войск⁵⁹.

Фронт освобождения (OLF) 21 декабря 2020 г. выпустил заявление: «Ситуация в области мира и безопасности в Оромии продолжает ухудшаться; война в Тыграе и вызванный ею гуманитарный кризис беспрецедентны; насилие в Бенишангуль-Гумузе чрезвычайно; нации и народности южного регионального штата переживают хаос. Пограничный конфликт между суданскими и эфиопскими силами грозит погрузить Эфиопию в полномасштабный кризис и распад»⁶⁰. Партия призвала международное сообщество принять меры, чтобы заставить

⁵⁷ News: Amhara region police says it's requesting federal gov't to intervene or be given the task to solve security crisis in neighboring Benishangul region Addis Standart December 8, 2020. — URL: <https://addisstandard.com/news-amhara-region-police-says-its-requesting-federal-govt-to-intervene-or-be-given-the-task-to-solve-security-crisis-in-neighboring-benishangul-region/>

⁵⁸ «Amhara Communications». — URL: <https://www.facebook.com/195313630544124/posts/4857101861031921/?app=fbl>.

⁵⁹ Ethiopian troops kill armed men accused of deadly village attack — Fana TV. Reuters December/ 24. — URL: <https://www.reuters.com/article/ethiopia-violence-int-idUSKBN28Y0NQ>.

⁶⁰ Opposition party Oromo Liberation Front (OLF). — URL: <https://www.facebook.com/OLF1973/posts/1350460122002333>.

правящую партию Эфиопии освободить всех политических заключенных.

На наш взгляд, ситуация, сложившаяся в Эфиопии, является иллюстративным примером того, что Роу назвал «дилеммой социетальной безопасности»: когда действия одного актора (ЭПП), направленные на повышение своей безопасности, вызывают агрессивную реакцию у другого (НФОТ, OLF), что в конце концов снижает безопасность первого⁶¹. Большинство — оромо, амхара — выстраивает защиту «нашей» идентичности от «них» — опасных Чужих, которых необходимо либо ассимилировать, либо уничтожить. Запускаются слабоконтролируемые государством процессы действия и противодействия, при которых политика каждой стороны рассматривается другой как угроза, эфиопские государственные структуры не в состоянии справиться с угрозами социетальной безопасности⁶². К сожалению, это свойственно многим африканским странам. Представители Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) заявили, что только за два дня пограничного конфликта Эфиопия — Судан более 2 тыс. беженцев из Эфиопии бежали в соседний Судан, где тоже немало внутренних конфликтов⁶³. Осенью 2020 г. в результате столкновений между племенами в Порт-Судане на побережье Красного моря вновь погибли люди⁶⁴. Совсем недавно после непродолжительного мирного периода в беспокойном регионе Дарфур снова вспыхнуло насилие⁶⁵. Организа-

⁶¹ *Roe P.* Ethnic violence and the societal security dilemma. London: Routledge, 2004. 200 p.

⁶² *Adegehe A.K.* Federalism and ethnic conflict in Ethiopia. A comparative study of the Somali and Benishangul-Gumuz regions LEI Universiteit Leiden (2009). — URL: <https://hdl.handle.net/1887/13839>; <https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/handle/1887/13839>.

⁶³ Clashes in Ethiopia's Tigray region force thousands to flee to Sudan// UNHCR, November 11, 2020. — URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2020/11/5fab9fd4/clashes-ethiopias-tigray-region-force-thousands-flee-sudan.html>.

⁶⁴ В ходе межэтнических столкновений в Судане погибли шесть человек// ИА REGNUM. — URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3090807.html>.

⁶⁵ В Судане в ходе вооруженных столкновений погибли 18 человек ИА REGNUM. — URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3234493.html>.

ция Объединенных Наций сообщила, что в последнем эпизоде межобщинного насилия там погибло более 250 человек⁶⁶.

* * *

В XXI веке общества стран Африки оказываются лицом к лицу с кризисом своей безопасности. Множатся общества, группы которых в результате религиозных, этнических и других особенностей и в условиях слабости государственных структур непримиримы друг к другу. Часто в этих обществах складывается идентичность, не приемлющая ни постколониальный (гибридный), ни исконно африканский, ни западный варианты. Известные события в Руанде (1994 г.) и Бурунди (1993 г.) показывают, с какой легкостью борьба за идентичность может перерасти в катастрофу. В настоящей работе мы рассмотрели проблемы социетальной безопасности, применяя метод максимального различия систем, в трех ее измерениях (факторах) — экспликации миграции на социетальную безопасность на примере кейсов в Кот-д’Ивуар — Буркина-Фасо, горизонтальное измерение социетальной безопасности на примере кейса лингвистической политики Руанды и Мадагаскара, вертикальное — на примере кейсов конфликтов идентичности титульных и нетитульных групп в пограничном конфликте Эфиопии с Суданом и в Бенишангуль-Гумузе. Рассмотренные кейсы дали возможность ответить на ключевой исследовательский вопрос и выстроить следующую иерархию значимости трех измерений (факторов) социетальной безопасности в Африке.

Наиболее важна вертикальная конкуренция, где группа вынуждена трансформировать или защищать свою идентичность в связи с интеграцией территорий: этническая и племенная идентичность vs региональная идентичность. Миграция, с которой приток людей извне привносит чужую культуру, ценности и традиции, в результате чего «первичная» культура страны начинает «размываться», оказывает мощное, но не витальное влияние на социетальную безопасность

⁶⁶ Новости ООН. Из-за межобщинных столкновений в Дарфуре уже 100 тысяч человек покинули свои дома. 22.01.2021. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394922>.

стран Африки в силу схожести ряда традиций мигрантов, скорости перемещения потоков «туда и обратно». Поскольку современная Африка возникла в результате делимитации колониальными державами границ ранее существовавших государств, исходя из административного удобства последних, без учета этнической принадлежности, многие этносы оказались разъединены, сохранив свои культурно-религиозные обычаи и язык, которые в миграционных событиях являются естественными фильтраторами, купирующими социетальные проблемы. Особенность миграции заключается в трансформации социетальной безопасности в гуманитарную в силу разнонаправленных векторов миграции. Также не экзистенциальна для социетальной безопасности и горизонтальная конкуренция, где группа подвергается культурному или лингвистическому влиянию извне. На жизнедеятельности общества конфликтный аспект многоязычия, хотя и неустранимый, не отражается негативно, в африканском контексте в силу исторических обстоятельств преобладает консенсус, этнолингвистические группы скорее дополняют друг друга, чем противостоят.

Тем не менее можно сделать вывод, что для африканских стран в решении проблем социетальной безопасности насилие — наиболее востребованный инструмент. При этом насилие низкой интенсивности является нормой, а насилие высокой интенсивности — весьма распространено. И то и другое не исключение. Политика безопасности, оправдывающая мобилизацию людей и средств на насилие, ставит вопрос ее правовой и моральной легитимности. Разнообразные и неисчислимые конфликты рождают определенную форму отношения к действительности: сознание многих африканских лидеров способно воспринимать и осваивать новые ситуации только в границах собственных предпосылок дискурса войны и противоборства. Можно утверждать, что в социетальной безопасности африканских стран сформировался свой вариант «нормативной дилеммы» безопасности Хейсманса⁶⁷. Нормативный взгляд на безопасность основан на ценностях, идеях и идентичностях, то есть на том, что должно быть, на нор-

⁶⁷ *Jeff Huysmans*. *Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security*. February 2002. *Alternatives: Global, Local, Political* 27 (1 suppl).

ме. Вместо того чтобы воспринимать безопасность и угрозы как нечто объективное и абсолютное, теория социетальной безопасности изображает их как социальную конструкцию, придавая безопасности множество значений в зависимости от контекста, что вводит нормативную альтернативу традиционному анализу безопасности, создает этическую основу для разработки политики. В результате в разных контекстах могут быть и разные логики безопасности, и эти логики могут бросать вызов друг другу. По мере появления новых акторов, возможностей и угроз меняется и логика социетальной безопасности. В Африке норма — это то, что устанавливают и конструируют обладатель власти в настоящий момент и стоящие за ним (этнические) элиты. Требуются дополнительные усилия внешнего наблюдателя, сбой (нередко драматический) линейной динамики событий, чтобы изменить эту конструкцию.

Глава IV

РОССИЯ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Шамаров Павел Вячеславович

ПРАГМАТИЗАЦИЯ МИРОТВОРЧЕСТВА РОССИИ — ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Обострение межгосударственной конкурентной борьбы и рост конфликтогенного потенциала в мире¹, стратегическая ориентированность трансатлантического сообщества на глобальное доминирование и системное сдерживание Российской Федерации, комплексное использование против нее дискриминационных мер из арсенала санкционного, военного, политико-дипломатического, культурно-идеологического, финансово-экономического, информационно-технического и иного давления² обуславливают дальнейшее углубление цивилизационно-ценностного разлома по оси современная Россия — исторический Запад.

Серьезная флуктуация содержания и механизмов сложившейся по результатам Второй мировой войны системы миропорядка, растущая

¹ *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 января.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 12–15.

агрессивность доктринальных стратегий США и НАТО, рассматривающих Россию в качестве «стратегического соперника»³, объективируют необходимость проактивного применения отечественных прорывных внешнеполитических подходов и технологий⁴, способных нейтрализовать такое недружеское и враждебное, в том числе латентное и гибридное, воздействие.

При этом под *проактивностью* будем понимать системно-наступательное и высокорезультативное внешнеполитическое влияние России, опережающее на «несколько шагов» потенциальные враждебные действия ее геополитических контрагентов, ставящих под сомнение само существование нашего государства⁵ в качестве самостоятельного, значимого и самодостаточного мирового субъекта.

Полагаем, что одним из перспективных внешнеполитических направлений, способствующих «прогрессивному и мирному развитию России»⁶, является прагматичная рационализация политики государства в сфере миротворчества, повышение геополитической востребованности этого внешнеполитического института и наращивание его функциональной отдачи с точки зрения защиты за рубежом российских национальных интересов.

Последнее и формулирует ключевой императив современного миротворчества России — обеспечение национальной безопасности, прагматичное продвижение и защита собственных интересов и стратегических приоритетов на международной сцене, что объективиро-

³ *Иванов О.П.* Ядерное оружие и НАТО в контексте европейской безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / отв. ред. О.П. Иванов. М. : Проспект — Дипломатическая академия МИД России, 2020. С. 7–8.

⁴ *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Нацпроект — сильная, комфортная Россия» 20.02.2019 г. // Российская газета. 2019. 21 февраля.

⁵ *Белозеров В.К., Даниленко И.С., Емельянов А.И., Касюк А.Я., Соловьев А.В.* Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны. М.: НЕОЛИТ: ИПБ СНГ, 2019. С. 189.

⁶ *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г.

вано многими обстоятельствами⁷, основными из которых являются следующие.

Во-первых, такая геополитическая установка содержится в основных концептуально-доктринальных документах России по реализации ее внешнеполитической деятельности именно на основе принципа прагматизма. В частности, такое требование закреплено в Указе Президента России от 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ» (преамбула); Стратегии национальной безопасности РФ от 2015 г. (Ст. 27), Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 (п. 3, ж.) и др.

Во-вторых, на современном этапе развития мировой цивилизации вся международная политика выстраивается на сугубо прагматичной основе, которой следуют не только страны западной идентичности (в первую очередь, США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Дания, Швеция, Норвегия да и нейтральные страны), но и такие ведущие суверенные акторы, как Китай, Япония, Индия и Бразилия.

В-третьих, геополитическая необходимость в прагматизации миротворчества объективирована системной конфронтационной политикой консолидированного Запада в отношении российских национально-государственных миротворческих операций (далее по тексту — МТО), реализуемых по мандатам СНГ или на двухсторонней основе. Ключевыми аспектами такой враждебной трансатлантической позиции являются:

а) оспаривание легитимности и результативности российского миротворчества на территории Содружества⁸;

б) агрессивное противопоставление эгоцентричных притязаний Запада объективным⁹ национальным интересам России;

⁷ Шамаров П.В. Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2020. — 376 с.

⁸ Архитектура евроатлантической безопасности/ под общ. ред. И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. М.: Экон-Информ, 2009. С. 79.

⁹ Белозеров В.К. Коалиционная политика России на пути к прагматизму// Вестник аналитики. 2007. № 2. С. 138.

в) вмешательство США и НАТО во внутренние дела постсоветских государств на основе реализации эгоцентричных национально-блоковых политизированных установок и агрессивных подходов;

г) игнорирование общепризнанных норм и принципов Устава ООН, международного права и решений Совета Безопасности (далее по тексту — СБ) ООН, действующих национальных, межгосударственных и коллективных договоров, обязательств и соглашений¹⁰.

В-четвертых, анализ миротворческой практики коллективного Запада свидетельствует о геополитической склонности США и НАТО к односторонним силовым акциям, реализации концепций «управляемого хаоса» и «контролируемой нестабильности», осуществляемых под видом миротворчества ООН или под предлогом защиты «всеобщих демократических ценностей и универсальных прав человека»¹¹. Вспомним, к примеру, неоднократное и грубейшее попрание норм международного права, ключевых миротворческих принципов, суверенитета и территориальной целостности ряда государств — членов ООН в ходе развязывания Западом нелегитимных (до получения мандата СБ ООН) и безосновательных (на основе фальшивых доводов и голословных обвинений) силовых операций по военному вмешательству во внутригосударственные дела. В их число входят не только агрессия НАТО и военная кампания США вместе с их союзниками против Югославии в 1999 г. и Ирака в 2003 г., но и активно пролоббированная Вашингтоном резолюция СБ ООН № 1973 на начало в 2011 г. военной операции в Ливии якобы в интересах защиты мирного населения «от зверств войск Каддафи». Последнее обеспечило ливийской радикальной оппозиции силовую поддержку со стороны «натовских миротворцев», что привело к садистскому публичному убийству легитимного национального лидера и насильственной смене в Ливии законной государственной власти.

¹⁰ Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель — Observer. 2019. № 11 (358). С. 27–38.

¹¹ Харичкин И.К., Шамаров П.В. Миротворчество как элемент геополитики Российской Федерации и Североатлантического союза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 2 (839). С. 88–101.

По нашей оценке, в данный перечень следует включить и военное вмешательство США и ряда их союзников в 2014 г. в гражданскую войну в Сирии под предлогом вооруженной борьбы с международным терроризмом без санкции СБ ООН и согласия законного сирийского правительства. Полагаем, что все это обусловлено рядом геополитических и сугубо практических соображений, в первую очередь связанных с:

- а) нейтрализацией влияния Ирана на Ближнем Востоке;
- б) противодействием проирански настроенным шиитским группировкам, выступающим на стороне президента Б. Асада¹²;
- г) реализацией в регионе американских экономических интересов.

Одновременно для достижения своих целей США активно используют средства внешнеполитической манипуляции и давления на сирийское правительство. Так, с одной стороны, американцы инициируют по поводу САР институт международных санкций с помощью ложных обвинений, например в применении против гражданских лиц химического оружия, а с другой, блокируют в ООН любое расследование фактов совершения американскими военнослужащими военных преступлений в отношении мирного населения, включая намеренное уничтожение ими объектов гражданской инфраструктуры и культурно-исторического наследия¹³.

В-пятых, агрессивное миротворчество Запада на основе средневекового «кулачного права» объективно вынуждает Россию наращивать собственные рационально-прагматические усилия¹⁴ по сохранению своего геополитического влияния, обеспечению национальной безопасности и защите национальных интересов в ключевых регионах.

¹² Лавров: присутствие США в Сирии мешает восстановлению единства страны. — URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/45371241-lavrov-prisutstvie-ssha-v-sirii-meshaet-vosstanovleniyu-edinstva-strany/>

¹³ Сирия призывает распустить «международную коалицию» и пресечь ее преступления против мирных граждан// Официальный сайт Сирийского арабского информационного агентства SANA. — URL: <http://sana.sy/ru/?p=121237/>

¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 30.11.2016 г.), п. 3 (ж)// Российская газета. 2016. 1 декабря.

В их число, в первую очередь, по нашей оценке, входит постсоветское пространство, о чем недвусмысленно свидетельствует новейшая российская МТО в Нагорном Карабахе, реализуемая на основе трехсторонних договоренностей между Россией, Арменией и Азербайджаном.

Анализ первичных фаз ее реализации (10.11.2020 г. — н.в.) свидетельствует о наращивании результативности миротворчества России на основе более гибкой, рациональной и прагматичной политики. Считаем, что подобная практика обеспечит в долгосрочной перспективе ряд преимуществ по защите за рубежом российских национальных интересов и купированию западной стратегии по ограничению геополитического влияния нашей страны на постсоветском пространстве. При этом убедительно продемонстрированы возросшие национальные возможности России по оперативной переброске в горячую точку СНГ значительного и эффективного миротворческого контингента в составе до двух тысяч военнослужащих, 90 бронетранспортеров, 380 единиц автомобильной и специальной техники¹⁵.

Одновременно полагаем, что экстраполяция на перспективу положительного миротворческого опыта России в СНГ и САР позволяет считать целесообразным, востребованным и оправданным выстраивание отечественного миротворчества на основе соблюдения ряда политических концептов:

— рационализм и здоровый прагматизм, предполагающие отказ от удовлетворения геополитических запросов других суверенных акторов за счет национальных интересов нашей страны;

— предоставление помощи и поддержки (кроме гуманитарной) на основе безусловной реализации стратегических целей и национальных задач России;

— ориентирование МТО РФ на защиту за рубежом ее национальных интересов и обеспечение национальной безопасности;

— обособление в миротворческой практике национальных интересов от влияния частных, непрофессиональных, корыстных и других

¹⁵ Минько Д. Российские миротворцы в Нагорном Карабахе// Сайт РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/13/11/2020/5fac66169a79470981e7ad78/>

негативных субъективно-личностных предпочтений иррационального свойства, даже в случае их временного сопряжения с политико-властной системой России¹⁶;

— адекватное соответствие отечественных расходов на миротворческую и гуманитарную деятельность масштабам решаемых за рубежом военно-политических и других задач. Считаем, что ежегодное поддержание Министерством финансов оперативного резерва на валютном счете МЧС в размере до 50 тыс. долл. США в интересах оказания гуманитарной помощи другим странам явно недостаточно с точки зрения использования гуманитарной практики в качестве механизма геополитического влияния России¹⁷;

— сохранение миротворческого присутствия России в странах и регионах, значимых для ее национальной безопасности. К примеру, выполнение политического требования нового президента Молдовы М. Санду вывести отечественных миротворцев из Приднестровья (которые уже более 25 лет надежно стабилизируют внутривнутриполитическую обстановку) приведет к подрыву геополитического влияния нашей страны в регионе, негативно повлияет на обеспечение ее национальной безопасности, повысит шансы Запада силовым образом извне «новаторски урегулировать» данный конфликт. Последнее предполагает интернационализацию «замороженной ситуации», ее агрессивное разрешение в соответствии с западными стандартами организации социума на основе «трансатлантического консенсуса без мандата СБ ООН», долгосрочное размещение в «европеизированной, но единой Молдове» военных структур и стационарных объектов США и НАТО по примеру Японии, Германии, Боснии, Македонии, Косово, Ирака, Афганистана, Сирии и др. Вышеперечисленное стало бы серьезным

¹⁶ В индексе восприятия коррупции «Transparency International» за 2019 г. Россия имеет достаточно низкий рейтинг (по 100-балльной шкале — 28). См.: *Киселев С.Г., Опокин А.Б.* Зарубежный опыт борьбы с коррупцией на государственной службе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 2 (839). С. 30.

¹⁷ *Борисов А.В.* Гуманитарное измерение «мягкой силы» России // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / отв. ред. О.П. Иванов. — М.: Проспект — Дипломатическая академия МИД России, 2020. С. 207.

геополитическим и военным вызовом для национальной безопасности России, предопределив дальнейшую стратегическую экспансию Запада в восточном направлении с целью военно-политического ослабления нашего государства и нового передела мира.

Отсюда «здоровый прагматизм», в нашем понимании, не предполагает односторонних уступок России в отношении других суверенных акторов даже в обмен на жесты их демонстрационной политической лояльности без подтверждения последней осязаемыми действиями на практике. «Дружескую», но ни к чему не обязывающую внешнеполитическую риторику следует отнести к разновидности «национального шоу», геополитическая значимость которого весьма мала. Напомним, что страны как западной, так и восточной идентичности традиционно обуславливают любую свою государственную помощь выполнением нуждающимися странами ряда четкоговоренных геополитических условий. Считаем, что и России следует вооружиться этим результативным и широко апробированным на международной сцене прагматичным подходом, поставив де-юре препоны «национальной практике некоторых ее партнеров и друзей» пытаться паразитировать на безвозмездной дружбе с нашей страной, решая де-факто за ее альтруистский счет многие свои серьезные национальные проблемы. Парадигма «истинными друзьями России являются ее армия и флот» не потеряла своего геополитического значения и поныне.

С другой стороны, ряд мировых субъектов склонны под влиянием различных факторов игнорировать те или иные принципы и правила международной политики, ориентируясь в своей внешнеполитической деятельности на реализацию собственных прагматических подходов, более адекватно, по их мнению, соответствующих складывающимся в мире обстоятельствам, нормам и правилам¹⁸. При этом военное вмешательство в конфликты как с выполнением надлежащих межгосударственных процедур, так и с их нарушением в целях продвижения национальных интересов уже приобрело на мировой сцене

¹⁸ Копылов И.А., Сацута А.И. Правовая политика государства в политологическом измерении // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1. С. 118.

черты негласной нормы международного права или неформального правового обычая.

К примеру, Россия не приемлет так называемую концепцию «гуманитарной интервенции», сформулированную в США и НАТО еще в 1990-х гг. на основе теоретических понятий «интервенция в гуманитарных целях» и «право демократической интервенции» для оправдания и придания видимости международной легитимности силовым действиям Запада в Ираке в 1991 г. и Сомали в 1992 г.¹⁹ Напомним, что концепция «гуманитарной интервенции» была впервые применена в ходе агрессии НАТО против Союзной Республики Югославия в 1999 г., а впоследствии и Ливии в 2011 г. Обе эти военные агрессии стали прецедентами грубейшего нарушения суверенитета государств — членов Объединенных Наций, попрания норм международного права и Устава ООН²⁰.

Однако именно такая «миротворческая новелла Запада» позволяет доходчиво разъяснить Вашингтону и Брюсселю рациональную легитимность силового вмешательства Москвы в конфликт с Тбилиси в Южной Осетии в августе 2008 г. Полагаем, что с международно-правовой точки зрения и геополитической целесообразности лучшей аргументацией будет юридическое определение жертв абхазского населения и потерь российских военнослужащих в качестве, соответственно, попыток совершения геноцида по этнонациональному признаку и вооруженного нападения на миротворцев. Последнее преступление по существующим международным нормам приравнивается к вооруженной агрессии против самого государства, отрядившего своих граждан для выполнения миротворческих задач. Да и попытка геноцида — достаточное правовое основание для силового подавления агрессии Грузии. Напомним, что в свое время Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун неоднократно сожалел о запоздалом вмеша-

¹⁹ *Ивашиов Л.Г., Белозеров В.К., Касюк А.Я.* и др. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России: — М.: МГЛУ, 2012. С. 65.

²⁰ *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир. Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/20/events/50385/>

тельстве в Руанду в целях силового прекращения извне этнического геноцида, жертвами которого всего за 100 суток стали более одного млн чел.²¹.

Особо подчеркнем, что подавление любых форм геноцида — прямая обязанность любого участника Организации Объединенных Наций в рамках реализации норм ее Устава «по поддержанию международного мира и безопасности» (Ст. 1), тем более Постоянного члена Совета Безопасности ООН, несущего «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (Ст. 24)²².

С другой стороны, острота отечественных возражений в отношении реализации схемы так называемого «внешнего изменения легитимной власти» не помешала России сделать геополитически оправданное казуальное и рациональное исключение *ad hoc* в интересах свержения режима талибов в Афганистане. Оно получило не только политическую поддержку Москвы в СБ ООН, но и было реализовано Россией в ходе оказания военно-технической помощи Северному альянсу²³.

Приведенная нами внешнеполитическая инвариантность позволяет сделать вывод о целесообразности прагматизации отечественного миротворчества, которое, с одной стороны, является международным военно-политическим инструментарием, интегрированным в систему обеспечения глобальной безопасности, а с другой, способствует легитимному продвижению и защите за рубежом национальных интересов России, обеспечению ее национальной, военной и внутренней безопасности.

Отсюда полагаем, что с учетом тенденции дальнейшего осложнения международной обстановки, стратегической потребности в гаран-

²¹ Суходолов Н.В. Понятие и признаки гуманитарной интервенции // Актуальные проблемы российского государства. 2009. № 3. С. 644–653; Шамаров П.В. Реализация норм международного права в деятельности Уголовного трибунала по Руанде // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1 (33). С. 134–139.

²² Устав Организации Объединенных Наций / Официальный сайт ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html/>

²³ Архитектура евроатлантической безопасности. С. 80.

тировании независимости и государственного суверенитета России, динамичного и мирного ее развития на обозримую перспективу²⁴ наращивание рационально-прагматических возможностей отечественного миротворчества приобретает особое значение вследствие ряда геополитических факторов.

Во-первых, миротворчество де-факто обрело статус практического элемента внешней политики абсолютного большинства суверенных государств — контрибьютеров военно-полицейского персонала для МТО ООН, объединяющих на начало 2021 г. более 82 тыс. чел. из 125 стран мира²⁵.

Во-вторых, миротворческая деятельность де-юре включена подавляющим большинством стран — членов ООН в их национальные внешнеполитические концепции и доктрины.

В-третьих, миротворчество активно влияет на процесс политической модернизации мира, используя конфликтную среду в интересах натурального тестирования перспективных подходов и механизмов в сфере кризисного урегулирования, посткризисного восстановления и миростроительства.

В-четвертых, миротворчество предполагает долговременный процесс, что предоставляет значимому субъекту такой внешнеполитической практики палитру возможностей по имплементации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности.

В-пятых, миротворчество органично реализует геополитическую потребность России в упрочении ее национальных позиций, особого международного статуса и внешнеполитического положения в стратегически значимых, но зачастую нестабильных странах и регионах²⁶.

²⁴ Путин В.В. Послание Президента России Федеральному Собранию 15 января 2020 г.

²⁵ Monthly summary of military and police contribution to United Nations Operations// Официальный сайт ООН. — URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/december_msr_2020.pdf/

²⁶ Шамаров П.В. Значимость международного миротворчества в системе обеспечения национальной безопасности России: геополитические детерминанты и факторы// Представительная власть — XXI век. 2020. № 5–6. С. 57–65.

Вышеперечисленное интенсифицирует потребность в рационализации миротворчества России отнюдь не с позиции «громких», но, к сожалению, несущественных для внешнеполитической практики декларативных заявлений, а на основе системной реализации в конфликтных регионах значимых национальных интересов. При этом наличие эффективного института миротворчества является немаловажным геополитическим фактором для стимулирования международного сообщества, и в первую очередь «наших западных партнеров», к поиску адекватных российским национальным интересам вариантов разрешения кризисной ситуации по примеру сирийской или новейшей постсоветской миротворческой практики.

Из этого следует, что одним из перспективных внешнеполитических ресурсов России является ее миротворчество, организуемое на основе *прагматично-рационального подхода* или целенаправленного воздействия на систему международных отношений исходя из императива национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Такой подход предусматривает эффективное и эффективное (пропагандистское) проецирование в ходе решения миротворческих и гуманитарных задач мягкой асимметричной силы России²⁷ с целью реализации, продвижения и защиты за рубежом ее национальных интересов, а также создание действенного федерального института, способного осуществлять:

— мониторинг, надежное прогнозное и информационно-аналитическое сопровождение конфликтогенного потенциала и кризисных ситуаций в мире на основе национальной системы раннего предупреждения об основных угрозах национальной безопасности России в регионах ее стратегических интересов;

— оперативное развертывание миротворческого контингента, достаточного для упреждающего купирования идентифицированных угроз национальной безопасности;

— интенсификацию и наращивание масштабов института гуманитарных операций, позволяющих при минимальных издержках

²⁷ Борисов А.В. Указ. соч. С. 203–209; Шамаров П.В. Миротворческая деятельность как элемент «мягкой силы» России// Представительная власть — XXI век. 2019. № 7–8 (174–175). С. 44–49.

извлекать максимальные социально-общественные и имиджево-пропагандистские дивиденды, а также оказывать адресную поддержку российским диаспорам и пророссийски настроенному иностранному населению, формировать из его числа новых сторонников нашего государства;

— наращивание отечественного гражданского, военного и полицейского присутствия в структурах и миссиях ООН на территории кризисных и проблемных стран, имеющих для нашей страны стратегическое значение;

— налаживание ситуативного сотрудничества с любым миротворческим актором, деятельность которого в кризисном регионе отвечает на данном этапе национальным интересам России.

Изложенные подходы, по нашему мнению, обуславливают потребность в концептуальном закреплении и последующей реализации на практике *специфичного национально-государственного миротворчества России*, предусматривающего в ряде случаев ситуативный отход от некоторых принципов миротворчества (в частности, беспристрастности и равноудаленности), что предполагает прагматичное привлечение к решению миротворческих задач противоборствующих сторон. При этом допускается превентивно-оперативное силовое вмешательство во внутрисоветский конфликт в целях его локализации и разрешения даже без мандата уполномоченной наднациональной (международной или региональной) организации.

Сформулированный нами рационально-прагматический подход императивен для любой модели миротворчества России. В этой связи напомним, что академическое сообщество отмечает наличие в мире двух таких основных моделей. Первая — миротворческая деятельность в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН или в виде исключения — ее Генеральной Ассамблеи. Вторая модель даже в случае отсутствия мандата ООН допускает вмешательство в конфликт региональных организаций или международных коалиций стран²⁸.

²⁸ Никитин А.И. Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 2. С. 105–111.

На официальном уровне Россия декларирует политическую приверженность реализации первого механизма. Тем не менее представляется, что отечественное миротворчество не только имплементирует оба механизма, но расширяет и обогащает их содержание, инкорпорируя в миротворческую практику ряд специфических черт в рамках реализации следующих вариантов.

Первый — в соответствии с резолюцией СБ ООН, например на Балканах в 1992–2003 гг. К нему также можно отнести МТО в Абхазии (урегулирование грузино-абхазского конфликта в 1994–2008 гг.), которая осуществлялась на основании как решения СНГ о проведении ОПМ, так и ее последующего одобрения Советом Безопасности Объединенных Наций.

Второй механизм — реализация МТО по мандату только пяти (из 11) членов СНГ (Россия, Киргизия, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан) в Таджикистане в 1992 г.

Третий — наиболее распространенный в рамках национально-государственного миротворчества России — моноакторный режим на основе межгосударственных соглашений или с согласия (приглашения) национального правительства, но без мандата уполномоченных организаций. К нему относятся МТО в Приднестровье (с 1992 г. по н.в.), Южной Осетии (2008 г.), Сирии (с 2015 г. по н.в.) и Нагорном Карабахе (с 2020 г. по н.в.).

В связи с этим представляется легитимным внешнее вмешательство одних государств во внутренние других даже в случае отсутствия у подобных действий официального статуса МТО и необходимого мандата на ее проведение, если указанная практика де-факто служит урегулированию конфликтной ситуации; постконфликтному миростроительству; обеспечению национальной и региональной безопасности; защите мирного населения и универсальных прав человека, что и декларируется сегодня в ООН целями миротворчества.

К примеру, проводимая с сентября 2015 г. вооруженными силами России антитеррористическая операция в Сирии не противоречит Уставу ООН (хотя и не располагает мандатом ее СБ), содействует прекращению военного противостояния, запуску политического процесса и восстановлению гражданского порядка, региональной и между-

народной безопасности, имеет ярко выраженную миротворческую, гуманистическую и гуманитарную направленность. Так, с начала процесса сирийского урегулирования наша страна инициативно осуществила тысячи гуманитарных акций, в ходе которых в САР вернулись до 3,5 млн беженцев и внутренне перемещенных лиц, отремонтированы и введены в эксплуатацию более 23,3 тыс. социально значимых и промышленных объектов, доставлено мирному населению свыше 4,5 тыс. т гуманитарных грузов²⁹.

Вместе с тем приходится констатировать, что в современных геополитических условиях традиционные формы миротворчества ООН претерпевают значительные изменения, утрачивая свою востребованность вследствие смещения основных усилий по обеспечению безопасности с глобального на региональный уровень, фундаментальных преобразований в рамках процесса всеобщего мироустройства, вариативности оценок природы и содержания миротворческой практики среди ее основных акторов. При этом свободная интерпретация сущности и значения миротворчества спровоцировала возникновение на международной сцене такого геополитического феномена, как *эффект политико-правовой аберрации миротворческой деятельности*, заключающийся в неумышленном, случайном или преднамеренном искажении, диверсификации и изменении принципиальной сути миротворчества ООН. Укоренение и расширение в мире этого противоречивого феномена позволило ряду региональных и суверенных акторов постепенно подменить принципиальное содержание классического миротворчества Объединенных Наций на так называемые «псевдомиротворительные новации на основе средневекового кулачного права»,

²⁹ Киселенко И. Российский Центр по примирению сторон провел четыре гуманитарные акции в Сирии. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20201111229-DJ2Nv.html; Примаков Е. Гуманитарная миссия России. 2019. 4 апр. // Официальный сайт Российского совета по международным делам. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/gumanitarnaya-missiya-rossii/>; Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019. С. 122–123.

вступающие в противоречие с принципами, целями и задачами классического миротворчества ООН³⁰.

Представляется, что такой дискурс не только требует переосмысления основ российского миротворчества, прагматического реформирования и модернизации его федерального института, но и объективно формирует благоприятные внешнеполитические условия для рационального использования Россией собственных прорывных и новаторских технологий в интересах решения в ходе отечественного миротворчества актуальных задач по обеспечению национальной безопасности и защите национальных интересов.

В этой связи напомним, что накопленный миротворческий потенциал позволяет России реализовывать три основных типа МТО: а) в индивидуальном порядке; б) в составе Коллективных сил по поддержанию мира ОДКБ; в) в рамках международных миротворческих сил ООН.

Полагаем, что требования по императивному выстраиванию отечественной миротворческой деятельности с позиций «здорового прагматизма»³¹ объективируют государственную потребность в конкретизации указанных типов операций. Причем в их содержание следует включить наиболее целесообразные (с точки зрения обеспечения национальной безопасности), эффективные (с позиции защиты национальных интересов) и эффектные (с точки зрения пропагандистского зарубежного воздействия) правовые, управленческие и организационные формы участия России на выгодных ей условиях в миротворческих и гуманитарных операциях на внутригосударственном, региональном и международном уровнях.

Современные МТО реализуются в сложнейших условиях, которым свойственны: антагонизм интересов противоборствующих

³⁰ Шамаров П.В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение// Представительная власть — XXI век. 2020. № 4(179). С. 38–43.

³¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», преамбула; Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Российская газета. 2015. 31 дек. Ст. 27; Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 3 (ж.).

сторон, противоположность их политических установок и военных целей, отказ от международного посредничества и вмешательства, готовность к бескомпромиссной вооруженной борьбе «до победного конца», игнорирование сотрудничества с миротворцами. Отсюда рационализация миротворчества России связана с:

— выработкой действенных алгоритмов по принятию оптимального политического решения на начало МТО на основе принципов внешнеполитической целесообразности, рациональности и прагматичности, общим критерием которых выступают «именно национальные интересы, а не субъективные пристрастия руководства страны или обстоятельства иррационального свойства»³²;

— организацией надлежащей подготовки миротворческого персонала, его всесторонним оснащением, снабжением и обеспечением с учетом масштаба, интенсивности, специфики и условий того или иного конфликта³³;

— выстраиванием процесса планирования МТО и службы миротворцев в кризисном регионе на основе позитивного международного опыта по обеспечению надежной физической защиты личного состава, адекватного силового реагирования на агрессивные действия и вооруженные провокации со стороны конфликтующих сторон³⁴.

Исторический опыт свидетельствует о целенаправленном искажении Западом отечественного миротворчества в целях его неадекватного восприятия в мире, об использовании достигнутых нашей страной положительных миротворческих результатов в качестве объекта психологических и пропагандистских операций, дезинформационных и клеветнических кампаний, в ходе негативных информационных взбросов в зарубежные, а иногда и отечественные СМИ³⁵.

³² Белозеров В.К. Указ. соч. С. 139.

³³ Шамаров П.В. Проблемы совершенствования материально-технического, финансового и другого обеспечения международного миротворчества России // Военно-юридический журнал. 2019. № 3 С. 25–30.

³⁴ Шамаров П.В. Международное сотрудничество России в сфере миротворчества // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 211–214.

³⁵ Нарышкин С.Е. Материалы VI Московской конференции по международной безопасности, МО РФ, 26–27 апреля 2017 г. М.: Реденекс, 2017. С. 141.

Отсюда одним из перспективных направлений по прагматизации миротворческой политики и практики России считаем организацию на федеральном уровне наступательной и масштабной пропагандистской кампании в иностранных СМИ по развенчанию подобных враждебных акций и формированию в мире пророссийского общественного мнения в отношении геополитической востребованности именно отечественного миротворчества.

Приходится констатировать, что формально-шаблонное, мало-содержательное и непоследовательное разъяснение модальности всего спектра объективно-легитимных российских национальных интересов³⁶ не способствует их уяснению со стороны внутренней аудитории и мировой общественности, в том числе на постсоветском пространстве. Разделяем мнение, что национальные интересы России должны как пониматься и реализовываться правящей элитой и народом, так и их содержание должно четко раскрываться за рубежом на основе эффективно-гибкой коммуникативной и научной компетентности³⁷, поскольку в эпоху глобализации и медиадипломатии до 50% мощи современного государства составляют именно грамотные формирование и подача на мировой сцене его международного имиджа³⁸.

Отсюда в условиях внешнеполитической ориентации США и ведущих западных стран преимущественно на односторонние силовые действия, российским национальным интересам отвечает всемерное укрепление в миротворческом процессе доминантной и определяющей роли ООН на основе ее всеобъемлющей и уникальной легитимности. Решение данной задачи требует значительного увеличения российского влияния в Объединенных Нациях и других значимых

³⁶ *Копылов И.А., Сацута А.И.* Национальная безопасность современной России через призму политико-правовых и нормативных документов государства // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 3 (39). С. 55.

³⁷ *Белозеров В.К.* Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления, размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С. 24–26.

³⁸ *Сушко В.А.* Имидж России в иностранных СМИ и социальных сетях // Обозреватель — Observer. 2019. № 3 (350). С. 46.

международных организациях³⁹, чему, по нашему мнению, будет способствовать следующее.

В первую очередь, это наращивание численности отечественных военно-полицейских контингентов в составе миротворческих сил ООН, поскольку масштабы такого участия являются в современной международной системе критерием позиционирования суверенного актора в качестве «великой державы»⁴⁰. В частности, следуя указанному подходу, только Китай направил в МТО ООН с начала 1990-х гг. свыше 40 тыс. своих миротворцев⁴¹.

Во-вторых, эффективное лоббирование российских представителей (как официальных, так и работающих по индивидуальным международным контрактам) на руководящие посты в ООН. К примеру, консолидированный Запад (в первую очередь, США, Великобритания, Франция и Германия) системно, активно и успешно использует практику резервирования номенклатурных должностей в системе Объединенных Наций: ее международном Секретариате (Нью-Йорк и Женева), МТО, полевых и политических миссиях, включая должности спецпредставителей и эмиссаров Генерального секретаря, руководителей компонентов, медиаторов высокого уровня по предупреждению кризисных ситуаций, ответственных сотрудников центрального аппарата ООН⁴².

В-третьих, последовательный внешнеполитический курс на официальное обретение российскими МТО в СНГ и за его пределами (на-

³⁹ *Любимов А.П., Ефимова Л.Л.* Международные организации. Хрестоматия / Московский гуманитарный университет, Юридический факультет. М., 2005. 400 с.

⁴⁰ *Никитин А.И.*, ред. «Концерт великих держав» XXI века — многосторонний диалог великих держав в посттрансатлантическую эпоху. М.: МГИМО/ИМЭМО, 2015. С. 46.

⁴¹ Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019. С. 202.

⁴² National Security Strategy of the United States of America, Dec. 2017. Washington: the White House, 2017. 56 p; National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015 — Williams Lea Group, London. 2015. P. 60; White Paper on German Security Police and the Future of the Bundeswehr — 2016. Berlin: the Federal Government. 2016. P. 63 и др.

пример, Ближний Восток) статуса «международных миротворческих операций ООН» с одновременным широким освещением процесса получения таких мандатов и результатов предпринимаемых Россией усилий в ведущих мировых СМИ.

В-четвертых, обеспечение высокого уровня международной поддержки МТО РФ и ее доктринальных миротворческих инициатив на основе системного и паритетного сотрудничества со всеми без исключения членами ООН, а не только с ее «западным сегментом», в рамках которого еще с советских времен у нашей страны сохраняются принципиальные разногласия и геополитические проблемы⁴³.

Представляется, что указанное взаимодействие целесообразно наращивать, в первую очередь, со странами, не входящими в «золотой миллиард человечества», на основе учета двух геополитических факторов. Во-первых, именно указанные акторы являются основными поставщиками военно-полицейских контингентов для нужд МТО ООН. Во-вторых, большинство указанных государств не разделяют «альтруистские» политические взгляды Запада по поводу якобы его исторической цивилизаторской миссии по превращению отсталых стран в современных членов мирового сообщества⁴⁴. При этом подчеркнем, что в нашем восприятии термин «международное сообщество» не аутентичен понятию «консолидированный Запад», даже с учетом текущего засилья в ООН и ОБСЕ евроатлантических подходов по поводу так называемой «безальтернативности эволюции цивилизованного мира именно по западным стандартам».

В-пятых, это наращивание сертифицированной и эффективной подготовки для миротворческих структур ООН высокопрофессиональных специалистов, в том числе для гражданского компонента. В частности, в Германии с 2002 г. успешно действует созданный по совместной инициативе федерального правительства и бундестага

⁴³ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим// Российская газета. 2020. 19 июня.

⁴⁴ Иванова Л.В. Сомали: две стороны миротворчества// Миролюбие и миротворчество в Африке: сб. науч. ст. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона/ отв. ред. А.С. Балезин. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 122.

Берлинский центр международных миротворческих операций «ZIF» (нем. Zentrum für internationale Friedenseinsätze), который готовит во взаимодействии с МИД ФРГ квалифицированных гражданских экспертов для нужд ООН⁴⁵.

Одновременно приходится констатировать очевидную опасность недооценки геополитических возможностей миротворчества по прагматичной защите за рубежом национальных интересов России, игнорирования на федеральном уровне значимости этого института для обеспечения национальной безопасности. Так, сущность и цели отечественного миротворчества увязываются в настоящее время главным образом с:

— укреплением превентивного антикризисного и миростроительного потенциала ООН⁴⁶;

— выплатой членских взносов и финансирования в рамках бюджета ООН операций по поддержанию мира на уровне 2% (260 млн долл. США)⁴⁷;

— институтом официального постоянного представительства в ООН в основном в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее, прежде всего в рамках участия в деятельности Специального комитета по операциям по поддержанию мира (С-34);

— подрядными услугами в сфере авиационных транспортных перевозок в объеме до 14% от всех потребностей ООН (порядка 400 млн долл. США)⁴⁸, поскольку тыловое обеспечение миротвор-

⁴⁵ Миссия ради мира// Официальный сайт МИД ФРГ. — URL: <https://www.deutschland.de/ru/mirotvorcheskie-missii-oon-golubye-kaski-germanii>; Центр международных миротворческих миссий: от лица Германии и в интересах миропорядка// Информационный портал germania-online. — URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/aussenpolitik/zentrum-fuer-internationale-friedenseinsaeetze-wird-15/1939082>.

⁴⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента России 30.11.2016 г.), п. 31 // Российская газета. 2016. 1 декабря.

⁴⁷ *Братерский М.В.* Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики// Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 165.

⁴⁸ *Nikitin A.* The Russian Federation// Providing Peacekeepers. The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions/

ческих контингентов ежедневно требует доставки продовольствия и горюче-смазочных материалов на сумму более 2,5 млн долл. США⁴⁹;

— причастностью к официальным мероприятиям, операциям и миссиям под голубым флагом, имеющим незначимые или символические масштабы (на 1 января 2021 г. в составе международных миротворческих сил ООН насчитывалось лишь 83 российских представителя);

— подготовкой для ООН до 250 полицейских-миротворцев, из которых порядка 100 — иностранцы⁵⁰, в основном из стран ОДКБ.

При этом отметим, что если Россия готовит для миротворчества специалистов незначимого или экспертного уровня, то, к примеру, Франция (в рамках унифицированной программы «оперативное миротворчество») — старших офицеров национальных вооруженных сил из 28 стран — поставщиков миротворческих контингентов для операций ООН на франкоязычных территориях. В ходе обучения изучаются такие вопросы, как планирование, организация и проведение МТО; управление кризисами и конфликтами; оперативная совместимость подразделений; нормы этики и деонтология (международное гуманитарное право и правила поведения миротворцев); постконфликтное миростроительство (обеспечение внутренней безопасности, содействие в восстановлении гражданской инфраструктуры, защита населения, реинтеграция и социальная адаптация бывших комбатантов). Всего с 2016 г. в рамках данной программы подготовлено для операций ООН более 160 миротворцев-руководителей⁵¹.

A.J. Bellamy, P.D. Williams (eds). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 163.

⁴⁹ *Никитин А.И.* Миротворчество ООН: обновление принципов, формирование практики// *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. Т. 60. № 3. С. 23.

⁵⁰ К 45-летию участия России в миротворческой деятельности ООН. 2018. 25 ноября// *Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН.* — URL: <https://russiaun.ru/ru/news/unpko251118>.

⁵¹ *Безопасность и оборона: Франция, ООН и МОФС готовят инструкторов для франкоязычных миротворческих контингентов.* 2019. 31 января// *Официальный сайт Министерства Европы и иностранных дел*

С учетом вышеперечисленного полагаем, что с рационально-прагматичной точки зрения миротворческую практику следует считать приоритетным внешнеполитическим проектом России, способствующим:

- нейтрализации антироссийской и русофобской политики;
- парированию попыток использования против нашей страны подрывного асимметричного или гибридного воздействия, которое может осуществляться в том числе под видом МТО или кризисного урегулирования⁵²,
- противодействию распространения в мире теорий «управляемого хаоса», «контролируемой нестабильности» и «легитимного интервенционизма»;
- созданию комплекса результативных государственных мер по гарантированию за рубежом прав российских граждан, местного этнического русского и русскоязычного населения.

Подчеркнем, что последнее является ключевой задачей России, закреплённой в п. 45 (г) ее Концепции внешней политики, п.п. 22 и 31 Военной доктрины и Ст. 10 (п. 2) Федерального Закона «Об обороне», что соответствует современной практике значимых мировых акторов. В частности, важнейшей задачей США традиционно является надежное обеспечение безопасности своих граждан за рубежом⁵³. Великобритания, Германия, Франция и другие страны западной идентичности разделяют подобные подходы, демонстрируя намерение проводить эвакуационные и спасательные операции своих соотечественников с задействованием национальных вооруженных сил.

Франции. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/securite-desarmement-et-non-prolifération/actualites-et-evenements-lies-a-la-defense-et-la-securite/article/securite-defense-la-france-l-onu-et-l-oif-forment-des-instructeurs-pour-les>.

⁵² Герасимов В.В. Гибридная война требует высокотехнологичного оружия и научного обоснования// Военно-промышленный курьер. 2016. № 9(654). — URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/29579>; Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью// Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66.

⁵³ National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, 2017. 56 p.

В целом представляется, что все вышеперечисленное должно консолидироваться в содержании ранее раскрытого нами рационально-прагматического подхода, который учитывает во внешнеполитической деятельности безусловный императив национальных интересов России и только затем — основополагающие цивилизационные мировоззрения, убеждения и установки человечества, легитимные запросы других субъектов международного права. Правильность данной внешнеполитической линии подтверждается всей драматичной историей коалиционной внешней политики и практики российского государства с начала XVIII в. и до новейшего времени, когда национальные интересы страны приносились в жертву геополитическим запросам ее мнимых европейских союзников. Именно поэтому на современном этапе «общечеловеческие ценности» могут интересовать Россию преимущественно с точки зрения реализации общепринятых принципов и норм ООН, международного права и соответствующей российским интересам прецедентной практики, а практическое миротворчество — целенаправленного, прагматичного и эффективного воздействия на систему межгосударственных отношений исходя из примата реализации собственных национальных интересов.

Считаем, что все это позволяет сформулировать *«российскую модель национально-государственного миротворчества»*, допускающую в критических обстоятельствах (при прямой угрозе национальной безопасности, национальным интересам или региональной безопасности) прямое силовое вмешательство в конфликт на основе межгосударственных соглашений в целях прекращения вооруженного противостояния, восстановления правопорядка и стабильности в условиях преобладающей ответственности России за удержание мира без эгоцентричной политизации и интернационализации миротворческого процесса⁵⁴.

По нашему мнению, именно ближнее зарубежье традиционно выступает в качестве «основного испытательного полигона» для миротворческой практики России, а степень реализации ее интересов в СНГ во многом предопределяет направленность и содержание

⁵⁴ Шамаров П.В. Миротворческая модель России на постсоветском пространстве // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48). С. 1807–1813.

отечественной внешнеполитической доктрины на постсоветском пространстве, статус и рамки национальных позиций на мировой сцене. При этом во внимание следует принять тот факт, что именно Российская Федерация — правопреемница СССР, который после завершения Второй мировой войны приложил максимум усилий для сохранения стратегической стабильности и международного мира⁵⁵. Такая позитивная историческая память (вопреки проискам «наших западных партнеров» и ряда отечественных аналитиков и СМИ⁵⁶) все еще жива на планете. Кроме того, именно наша страна за последние годы накопила уникальный миротворческий опыт и на современном этапе выступает на мировой сцене в качестве защитницы и гаранта прав этнического русского и русскоязычного населения, позиционируя эту деятельность в качестве приоритета своей внешней политики⁵⁷.

Отсюда представляется геополитически востребованным, рациональным и целесообразным законодательно закрепить за Россией право распространять свою национальную юрисдикцию на отдельные районы иностранного государства в случае проведения на его территории российских МТО с целью защиты прав, свобод, жизни и здоровья российских и русскоговорящих граждан. Указанный постулат логически следует из сформулированного на Западе принципа «частичного ограничения государственного суверенитета»⁵⁸ в случае разрастания в какой-либо стране гуманитарной катастрофы, осуществления на ее территории геноцида, других тягчайших нарушений международного гуманитарного права, связанных с преступлениями против человечности. Полагаем, что такой подход корреспондируется с официальной позицией США и НАТО, считающих себя вправе

⁵⁵ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим.

⁵⁶ Харичкин И.К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России: дис. ... д-ра филос. наук/ Воен. ун-т. М., 1999. С. 182.

⁵⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 55 (а).

⁵⁸ Шамаров П.В. Принципы международного миротворчества// Обозреватель — Observer. 2017. № 2 (325). С. 70.

не только гарантировать безопасность своих граждан в любой точке планеты, но и обеспечивать правопорядок и безопасность населения других стран, на территории которых эти фундаментальные ценности, по мнению Запада, не реализуются должным образом на внутригосударственном уровне.

Таким образом, вычленяется необходимость в адаптации внешнеполитической доктрины России посредством инкорпорирования в ее содержание федерального миротворчества, организуемого на основе учета передового мирового опыта и российской специфики, принципов прагматизма, целесообразности и рациональности. Все это предполагает разработку (уточнение):

- интегративной модели миротворчества России и долгосрочной (на 25–30-летнюю перспективу) национальной стратегии ее участия в такой практике как под эгидой ООН, СНГ и ОДКБ, так и в многоакторном режиме;

- номенклатуры потенциальных миротворческих операций, отвечающих национальным интересам, внешнеполитическим и государственным возможностям страны. Считаем необходимым детализировать и расширить укоренившийся еще в конце прошлого столетия перечень возможных МТО РФ с точки зрения защиты и продвижения за рубежом национальных интересов, обеспечения и укрепления национальной безопасности;

- типового алгоритма выработки и принятия прагматического политического решения на рациональное участие страны в МТО;

- универсального государственного подхода по организации, реализации и всесторонней поддержке отечественных МТО;

- действенного идеологического обеспечения внешнеполитической деятельности, нацеленной на повышение миротворческого имиджа, рейтинга и статуса России, нивелирование русофобской и антироссийской риторики западных акторов, проактивную защиту за рубежом прав российских граждан, этнического русского и русскоязычного населения.

Одновременно приоритетным направлением прагматичного миротворчества следует считать не только военную составляющую, но и институт «добрых услуг» и посредничество, роль и значение которых в концептуально-доктринальных документах России до сих

пор не раскрыты и не закреплены⁵⁹. При этом отечественная внешняя политика должна в большей степени ориентироваться на миротворческие возможности, прежде всего в СНГ, что объективировано следующим.

Во-первых, российские граждане особо равнодушны к тому, что происходит в непосредственной близости от границ их государства — на территории бывшего СССР — общей родины для большинства из них.

Во-вторых, до сих пор сохраняется достаточно «прохладное» отношение ООН к проведению МТО в СНГ и напротив — ужесточение позиций США, НАТО и ЕС к российскому миротворчеству на территории Содружества. При этом Запад оценивает такие МТО России в качестве «новоимперских устремлений Кремля» по реконфигурации (сложившейся после развала СССР) европейской системы безопасности и непосредственно затрагивающих ключевые интересы альянса⁶⁰. Полагаем, что такие голословные обвинения обусловлены традиционной склонностью трансатлантического сообщества к обострению и интернационализации любых внутригосударственных конфликтов в геополитических интересах США и НАТО.

В-третьих, отечественное миротворчество в СНГ не только сдерживает эскалацию и предотвращает конфликты на его территории, но и является важной компонентой системы обеспечения национальной (в том числе внутренней) безопасности России и структурной составляющей ее военной политики. Указанный дискурс объективирует необходимость расширения номенклатуры и возможностей отечественных МТО. При этом ограничивать российское миротворчество рамками участия в традиционных операциях ООН

⁵⁹ *Шамаров П.В.* Проблемы участия России в практическом миротворчестве ООН// ЭНИ Военное право. 2019. № 1 (53). С. 385–390.

⁶⁰ *Анастасов П.* Что происходит на Черном море и вокруг него и как это сказывается на НАТО?// Черноморский регион: важнейший перекресток// Официальный сайт НАТО. — URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2018/05/25/chernomorskij-region-vayonejshij-perekrestok/index.html>; *Flanagan S.J., Chindea I.A.* Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy: Regional Perspectives from a 2019 Workshop US: The German Marshall Fund of the United States : RAND Corporation, Santa Monica, Calif. 2019. P. 4.

по поддержанию мира, на наш взгляд, с геополитической точки зрения нецелесообразно, с геостратегической — недальновидно, а с военной — опасно.

Последнее вычленяет объективную потребность в прагматичной адаптации (с точки зрения использования миротворчества для защиты национальных интересов) ряда действующих доктринальных документов в области обеспечения национальной безопасности России, в частности ее Военной доктрины (2014 г.), Стратегии национальной безопасности (2015 г.), Концепции внешней политики (2016 г.), Федеральных Законов «О безопасности» (2014 г.), «О порядке предоставления военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» (1995 г.). Требуется также разработка и утверждение новых законодательных актов в интересах уточнения и расширения диапазона рациональных МТО РФ, закрепления особого статуса отечественных миротворцев, в том числе перечня их социально-правовых гарантий, регулируемых устаревшими нормами 1990-х гг.

Таким образом, прагматизация политики в сфере миротворчества в целях укрепления национальной безопасности России и продвижения за рубежом ее национальных интересов требует:

- увеличения масштаба и результативности миротворческой практики;

- разработки новых эффективных миротворческих алгоритмов и механизмов (адекватных складывающейся международной обстановке, текущим и перспективным угрозам и вызовам), их системного и целеустремленного продвижения на международном уровне;

- наращивания на качественном и количественном уровнях национального присутствия в ООН, выстраивания миротворчества в кризисных и постконфликтных регионах на основе геополитической целесообразности и рационально-прагматического подхода;

- укрепления взаимовыгодных партнерских отношений со всеми без исключения странами — членами ООН;

- «мягкого парирования» силового доминирования Запада в миротворческой сфере. В этих целях целесообразно интенсифицировать работу по разъяснению на различных международных площадках эгоцентричного миротворчества США и НАТО, направленного на:

а) институциональное, в том числе прямое военное, вмешательство во внутригосударственные дела без санкции СБ ООН в интересах свержения легитимных, но неугодных правительств;

б) подмену и преуменьшение глобальной роли Объединенных Наций и мирового значения России для разрешения мировых проблем безопасности;

в) безосновательное увеличение военного потенциала в приграничных с нашей страной⁶¹ и другими «недемократическими» государствами областях.

Полагаем, что «основному субъекту обеспечения национальной безопасности — политической элите России»⁶² в своей деятельности по организации результативного (с позиции защиты национальных интересов) миротворчества, с учетом усложняющейся международной обстановки, целесообразно принимать в расчет необходимость решения следующих задач:

— ориентирование миротворческой практики на превентивное снижение уровня внешних угроз, защиту за рубежом национальных интересов;

— существенное наращивание инициативного вклада России в разработку проектов концептуально-доктринальных документов в сфере международного миротворчества;

— системное разъяснение в мире сущностного различия между эгоцентрично-агрессивным трансатлантическим кризисным урегулированием Запада и конструктивно-аполитичным миротворчеством России;

— интенсификация сотрудничества со странами третьего мира — главными поставщиками в ООН миротворцев, традиционно рассматривающих Россию в двоякой роли: а) с точки зрения правопреемницы СССР и достаточно успешной, по их мнению, геополити-

⁶¹ Герасимов В.В. Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019. С. 29; Выступление министра обороны Республики Беларусь А.А. Равкова // Материалы VI Московской конференции по международной безопасности. С. 53.

⁶² Харичкин И.К. Указ. соч. С. 158.

тической альтернативы Западу; б) значимого мирового субъекта, сдерживающего на международной сцене агрессивно-силовое доминирование США и НАТО;

— принятие рационального политического решения на значительное увеличение российского присутствия в структурах ООН;

— развертывание за рубежом российских миротворческих контингентов только на основе принципов прагматичности, рациональности и целесообразности в зонах стратегических и первоочередных национальных интересов;

— расширение национального участия России в международной гуманитарной практике.

Рациональная адаптация российской внешней политики к непростым мировым реалиям⁶³ обуславливает сосредоточение федеральных усилий на реформировании института миротворчества России с позиции приоритетного обеспечения ее национальной безопасности. Это предполагает проактивную внешнеполитическую идеологию по повышению отечественного миротворческого рейтинга, основу которого может составить отсутствие консолидированного восприятия в мире России в качестве угрозы международному миру и безопасности даже среди ведущих членов НАТО⁶⁴.

Приоритетность прагматичного рационализма в миротворчестве предоставит российскому МИДу весомую аргументированность значимой «силовой поддержки» в ходе реализации внешнеполитического курса на закрепление за страной статуса одной из ведущих и предсказуемых держав мира, конструирование перспективной системы всеобщей безопасности с учетом ее интересов. Открытая и понятная другим странам рационально-конструктивная и аполитичная миротворческая практика России положительно повлияет на нивелирование усилий Запада завершить процесс окончательной институциональной передачи НАТО и ЕС силовой составляющей ООН по легитимному наднациональному вмешательству, способствуя, таким

⁶³ Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 24 (а).

⁶⁴ *Бейлер А.* Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019. С. 216.

образом, превентивному снижению уровня внешних угроз и укреплению национальной безопасности России.

Таким образом, с учетом тенденций развития международной обстановки, значительного видоизменения традиционных форм миротворческой деятельности, эффекта аберрации и сужения возможностей классического миротворчества ООН, крайне необходима и востребована геополитическая прагматизация внешней политики России в сфере миротворчества. Активное и результативное участие в миротворческих и гуманитарных операциях будет способствовать повышению международного авторитета и значения нашего государства; нивелированию влияния общественно-опасных теорий «социально-политической инженерии», «государственной нестабильности» и «проецирования стабильности во внеблоковых странах»; купированию западной стратегии «по геополитической изоляции России»; срыву попыток силового диктата в ее отношении; наращиванию отдачи отечественных внешнеполитических механизмов по защите за рубежом прав российских граждан, местного этнического русского и русскоязычного населения; формированию в мире позитивного и объективного отношения к нашей стране.

Борисов Алексей Владимирович

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В отечественных документах стратегического планирования, определяющих базовые принципы, приоритеты, цели и задачи в области внешней политики и национальной безопасности, содержатся неоднократные указания на важность «мягкой силы» и значимость гуманитарного сотрудничества как инструмента ее реализации. Так, в Концепции внешней политики России содержится указание на то, что использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы» становится неотъемлемой составляющей современной международной политики и что «объединение усилий международного сообщества влечет за собой необходимость формирования ценностных основ совместных действий»¹. В Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества заявляется о том, что «политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики российского государства на международной арене»², а в Стратегии национальной безопасности в качестве способов обеспечения национальной безопасности указывается «развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах» и «использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества»³.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.

² Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 года.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

Однако неоднократные указания на значимость гуманитарного сотрудничества и иных инструментов «мягкой силы» не ведут к пониманию того, чем является гуманитарное сотрудничество и что такое «мягкая сила». Попытки концептуализации означенных понятий предпринимаются отечественными исследователями, но, как справедливо указывает профессор М.А. Неймарк в единственной на сегодняшний день отечественной монографии, посвященной феномену «мягкой силы», все отечественные исследования «базируются на концептуальных построениях американского ученого и политика Дж. Ная»⁴.

Принимая за точку отсчета подход Дж. Ная, часто не понимая его вполне, воспринимая подход вне интеллектуальной традиции и вне исторического контекста, пытаясь применить его для анализа внешней политики России, отечественные исследователи создают путаницу, приводящую к трактовке «мягкой силы» как информационно-пропагандистского воздействия, некоей разновидности психологических операций. Проблема заключается в отсутствии у отечественных исследователей и политиков четкого понимания простого факта, что «мягкая сила» является не инструментом, а способностью (*ability*), которая существует и в определенных условиях может быть реализована.

Мы не хотим признать очевидное — Дж. Най в работе «Обреченные на лидерство. Изменяющийся характер американской власти» говорил не о силе, он говорил о власти: «Поскольку способность контролировать других часто связана с обладанием определенными ресурсами, политические лидеры обычно определяют власть как обладание ресурсами. Достоинство этого определения (власти. — *А.Б.*) состоит в том, что оно делает власть более конкретной, измеримой и предсказуемой, чем определение поведения»⁵. Дж. Най не настаивает на единственно возможной интерпретации власти, подчеркивая лишь удобство подобного определения⁶.

⁴ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. С. 15.

⁵ Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. P. 26.

⁶ Smith-Windsor B.A. Hard Power, Soft Power reconsidered// Canadian

В теоретической традиции, заложенной Т. Парсонсом и оказавшей определяющее влияние на американскую политическую науку, власть не трактуется как действие, но лишь как символический посредник: «это генерализированная способность обеспечивать выполнение элементами системы своих обязанностей, если эти обязанности легитимированы направленностью на достижение коллективных целей, а в случае неповиновения предполагается предпринять принуждение посредством негативных ситуативных санкций, независимо от того, какой орган фактически реализует это принуждение»⁷. Власть, по Парсонсу, покоится на вере в то, что ключевые акторы способны обеспечить достижение поставленных целей. Таким образом, говоря о «мягкой власти», не имеется в виду непосредственное информационное воздействие на общественное мнение и поведение той или иной страны или региона.

В статье Р. Кеохейна и Дж. Ная «Власть и независимость в информационную эпоху», написанной в развитие идей транснационализма, содержится следующее утверждение: «но что такое власть? Основное различие можно провести между трактовкой власти через поведение — как способностью получать желаемые результаты, и через ресурсы — обладание которыми связано со способностью достичь желаемых результатов. ... “Жесткая власть” — это способность заставить других делать то, что они не сделали бы самостоятельно, используя угрозу или обещание вознаграждения. Будь то “экономическая морковка” или “военная палка”, способность уговаривать или принуждать уже долгое время является центральным элементом власти. ... “Мягкая власть”, с другой стороны, — это способность получить желаемое, потому что другие хотят того же, чего хотите вы. Это способность достигать цели посредством привлечения, а не принуждения. ... “Мягкая власть” может опираться на привлекательность идей и культуры или способность определять повестку дня с помощью стандартов и институтов, которые формируют предпочтения других»⁸.

Military Journal. 2000. No 1 (3). Pp. 51–56.

⁷ *Parsons T. On the Concept of Political Power// Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York: Free Press, 1967. P. 308.*

⁸ *Keohane Robert O. and Nye Joseph S. Jr. Power and Interdependence in*

У нас же в Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г. «мягкая сила» определялась как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁹. Интересно сравнить вышеприведенное определение с трактовкой стратегических коммуникаций, которое содержится в Словаре военных и связанных с ними терминов Министерства обороны США: «усилия правительства США, направленные на понимание и привлечение ключевых аудиторий к созданию, укреплению или сохранению условий, благоприятных для продвижения интересов, политики и целей правительства Соединенных Штатов посредством использования скоординированных программ, планов, тем, сообщений и продуктов, синхронизированных с действиями всех инструментов государственной власти»¹⁰. Два определения практически синонимичны. И если термин, определяемый в американском словаре, отражает точку зрения исполнительной власти и предполагает целенаправленные усилия и координацию, то есть наличие механизма управления коммуникациями, то наше определение отличается тем, что оно предельно широко и неконкретно.

Из отечественного определения не следует, какие, в каком случае и с какой целью будут применены методы и технологии. Оно же, в свою очередь, позволяет, а зачастую и побуждает делать предельно общие и не имеющие каких-либо последствий заявления, подобные тому, которое содержится в решении по итогам круглого стола, состоявшегося 23 июля 2020 г. в Комитете Совета Федерации по обороне и безопасности: «В Российской Федерации разрабатываются и апробируются формы и методы ответных действий... Вместе с тем попытки России защититься и отразить иностранную гуманитарную интервенцию, нейтрализовать сетевую работу иностранной “мягкой

the Information Age//Foreign Affairs. Vol. 77, No. 5 (Sep. — Oct., 1998). P. 86.

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года № Пр-251.

¹⁰ U.S. Joint Chiefs of Staff, Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Joint Publication 1-02, April 12, 2001 (as amended through March 4, 2008). P. 522.

силы” воспринимаются США и Европейским союзом как посягательства на основы мировой демократии»¹¹.

Проблема заключается в том, что отечественный подход не имеет ничего общего с «мягкой силой», которая определяется Дж. Наем как «способность достигать цели посредством привлечения, а не принуждения»¹². Наша позиция предполагает синонимичность «мягкой силы» пропаганде, которая вряд ли возможна в современном мире, тем более в условиях, когда мы не контролируем каналы коммуникаций, а следовательно, не только не определяем социально-политический дискурс, но и не санкционируем доступ к последнему. Пропаганда не достигает целей в условиях, когда человеку предоставлена возможность выбора источников информации, более того, сам человек подчас выступает ее источником. У. Липпман утверждал: «Без цензуры — в той или иной форме — пропаганда, в строгом смысле этого слова, невозможна»¹³, понимая под последней возможность той или иной группы людей перекрыть другим прямой доступ к происходящему, подать «новости в таком ключе, чтобы они служили целям этой группы»¹⁴. Сказанное Липпманом в 1922 г. не потеряло актуальности и сегодня. Вопрос лишь в том, что осуществлять контроль множющихся коммуникационных каналов становится все труднее.

Проблема контроля коммуникаций актуальна не только для России. Еврокомиссия к исходу 2020 г. планирует представить предложения по новому закону о цифровых услугах. По заявлению еврокомиссара по внутреннему рынку Тьерри Бретона, это вызвано тем, что «онлайн-платформы ... играют центральную роль в повседневной жизни, эко-

¹¹ Решение «круглого стола» комитета по обороне и безопасности Федерального собрания Российской Федерации «О роли законодательных (представительных) органов власти в обеспечении гуманитарных задач обороны Российской Федерации: чем грозит нашей стране агрессивная „мягкая сила“ Запада?» — URL: http://defence.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/118743/

¹² *Keohane Robert O. and Nye Joseph S. Jr. Power and Interdependence in the Information Age// Foreign Affairs. Vol. 77. No. 5 (Sep. — Oct., 1998). P. 86.*

¹³ *Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 51.*

¹⁴ Там же. С. 49.

номике и демократии. ...Европа должна быть готова установить свои правила»¹⁵. В США все чаще предпринимаются попытки регулирования интернет-платформ и социальных сетей, в связи с чем интересна дискуссия, развернувшаяся весной 2020 года вокруг подписания президентом США указа, направленного на недопущение премодерации публикаций пользователей социальных сетей¹⁶. Однако ни одна из попыток установить контроль над киберпространством не увенчалась полным успехом.

Государства все в меньшей степени оказывают влияние на контроль информационных потоков — их наличие, скорость, формы и содержание. Поскольку источников информации становится все больше, современные технологии позволяют генерировать и транслировать информацию каждому, кто имеет доступ к сети Интернет, а каналы, по которым может транслироваться информационное сообщение, относительно доступны, и эта доступность будет нарастать со временем, вопрос контроля содержания каналов информации все меньше относится к компетенции государства, и попытки регулирования в этом случае — лишь разновидность некой «фантомной боли».

Информационная революция привела к тому, что традиционные СМИ, которые предполагали возможность централизации управления информационными потоками, пользуются все меньшей популярностью среди потребителей информации¹⁷. Современные средства массовой информации трансформируются в средства массовой коммуникации. В основе коммуникации — диалог, цель которого взаимодействие, успешность и продолжительность которого — приводит к формирова-

¹⁵ Еврокомиссия установит кодекс поведения в интернете// Российская газета. 16.06.2020 URL: https://rg.ru/2020/06/16/evrokommisiiia-ustanovit-koдексы-povedeniia-v-internete.html#social_redirect.

¹⁶ Trump signs executive order targeting social media companies, calls it a ‘big day’ for ‘fairness’// ABC news Network. — URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-sign-executive-order-targeting-social-media-companies/story?id=70925213>.

¹⁷ Медиапотребление в России — 2020. Исследовательский центр компании «Делойт». — URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html>; News Use Across Social Media Platforms 2018. Pew Research Center. — URL: <https://www.journalism.org/2018/09/10/news-use-across-social-media-platforms-2018/>

нию доверия. Но доверие не только цель коммуникации, а еще и необходимое условие ее успеха. Без доверия невозможно эффективно коммуницировать в силу целого ряда причин: во-первых, в условиях информационного изобилия недоверие к источнику информации приводит к игнорированию последней со стороны потребителя, а во-вторых, недоверие минимизирует, если не полностью устраняет, поведенческий отклик со стороны адресата информационного сообщения. Именно доверие к источнику информации выступает признаком «мягкой силы». Принципиально — признаком, а не источником «мягкой силы».

Доверие предполагает основанную на репутации и опыте уверенность в будущем и основанные на этой уверенности действия¹⁸. В докладе, подготовленном по итогам ситуационного анализа, проведенного под эгидой МИД России, при поддержке Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и Международного общественного фонда «Российский фонд мира», Совета по внешней и оборонной политике и журнала «Россия в глобальной политике», постулируется необходимость идей, направленных в будущее: «в условиях разворачивающейся идейной борьбы за контуры нового миропорядка России необходимо усилить и конкретизировать тот привлекательный и устремленный в будущее месседж, который она предлагает себе и миру: в чем ее позитивный вклад в мировое развитие, почему мир и граждане страны должны быть заинтересованы в активной и влиятельной роли России. Если это не будет сформулировано и тем более если внешняя политика России будет нацелена на исправление старых несправедливостей и ошибок (как часто было в недавнем прошлом), ей может угрожать новое замедление. Новых игроков несправедливости 1990–2000-х годов не интересуют, Запад же раскаиваться не готов»¹⁹. Но обращенность к будущему не подразумевает возникновения доверия.

¹⁸ *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2016. С. 82.

¹⁹ Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России [Текст]: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г./ С.А. Караганов, Д.В. Сулов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 9.

Будущее — это не только ожидания того, что мир будет как минимум не хуже, но и учет возможности наступления негативных событий, при том что предотвратить их наступление невозможно. То есть будущее означает не только доверие, но и риск. Неопределенность будущего предполагает, что доверие должно базироваться на репутации, информация о которой, вне зависимости от ее характера, не может быть оценена непосредственно. Всю информацию люди получают из средств массовой информации, что позволяет последним исказить ее, вольно или невольно. К искажениям информационного посыла, который производят СМИ, добавляются искажения, происходящие в силу культурных различий участников коммуникации. Американский социолог Джордж Мид утверждал, что для оценки, заслуживает ли партнер доверия, мы мысленно становимся на место партнера и, оценивая ситуацию с его точки зрения, констатируем, обладает ли он должной компетенцией и ресурсами, чтобы исполнить обязательства, взятые в отношении нас. Это достаточно легко в том случае, если все участники коммуникации разделяют одни и те же ценности и руководствуются одними и теми же нормами — в условиях непосредственного контакта коммуникаторов. Но в условиях глобального информационного обмена, когда участники коммуникации принадлежат к разным культурам и вдобавок вынуждены адаптировать свое послание к требованиям канала коммуникации, — искажения неизбежны.

Каким же образом можно выстроить эффективную коммуникацию в условиях, когда правила коммуникации установлены не нами, каналы коммуникаций находятся вне нашего контроля, а отечественные СМИ рассматриваются как инструмент пропаганды и источники фейковых новостей? Заслуживает внимания отчет фонда «Русский мир» за 2019 год (последний доступный), где во введении содержится следующее заявление: работу по продвижению русского языка и культуры приходилось делать в условиях продолжающегося усиления русофобских настроений политических деятелей ряда западных стран. После резолюции Европарламента 2016 г., в которой в качестве основных информационных угроз Евросоюзу назывались фонд «Русский мир», агентство Sputnik, телеканал RT и федеральное агентство «Россотрудничество», и резолюции 2018 г. о мерах по «борьбе с российской пропагандой» в октябре 2019 г. была принята очередная ре-

золюция, в которой вновь выражена глубокая озабоченность «крайне опасным характером российской пропаганды»²⁰.

Внимания заслуживают не только конфронтационный тон заявления, предполагающий, что в неэффективности отечественной гуманитарной деятельности виноваты «русофобски настроенные политические деятели ряда западных стран», но и признание того факта, что предпринимаемые нами в рамках гуманитарного сотрудничества усилия — оцениваются как пропаганда и встречают активное противодействие. Так, уже в 2015 г. Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force) Европейской службы внешнеполитической деятельности (EEAS) создала проект EUvsDisinfo, цель которого — «более эффективное реагирование на текущие кампании Российской Федерации по дезинформации, затрагивающие Европейский союз, его государства-члены и соседние страны»²¹, а 2 мая 2021 г. министр иностранных дел Великобритании Доминик Рааб заявил в интервью агентству Reuters, что страны G7 рассмотрят британское предложение разработать механизм быстрого реагирования «для противодействия российской пропаганде и дезинформации»²².

Пропаганда, по мнению американского исследователя Ф. Тейлора, подразумевает заинтересованность тех, кто ее производит: «пропаганда использует коммуникацию, чтобы передать собственную идею или идеологию, которые исходно предназначены для удовлетворения интересов человека или группы людей, осуществляющих коммуникацию»²³. Примечательны два момента. Во-первых, Ф. Тейлор указывает на коммуникацию как средство пропаганды. Он не рассматривает ее лишь как информационное воздействие, передаваемое по каналам СМИ; коммуникация, по мысли автора, подразумевает все

²⁰ Отчет о деятельности фонда «Русский мир» в 2019 году. — URL: https://russkiymir.ru/fund/docs/report_2019.pdf.

²¹ EUvsDisinfo. Официальный сайт. — URL: <https://euvsdisinfo.eu/ru/%d0%be-%d0%bd%d0%b0%d1%81/>

²² Страны G7 усилят противодействие российской пропаганде // Deutsche Welle на русском языке. 2.05.2021. — URL: <https://www.dw.com/ru/strany-g7-aktivizirujut-protivodejstvie-rossijskoj-propagande/a-57402453>.

²³ Цит. по: Булкина И.В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Казань, 2000. С. 20.

возможные формы взаимодействия, в том числе «с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»²⁴. Во-вторых, ключевым признаком пропаганды, по Тейлору, является содержание коммуникации, которое в данном случае ориентировано на интересы иницилирующего коммуникацию субъекта.

В связи с последним стоит обратить внимание на то, что в разделе «Гуманитарное сотрудничество и права человека» Концепции внешней политики России лишь в четырех из тринадцати задач не упоминается Россия, славянские народы, россияне и соотечественники²⁵. А в разделе, посвященном информационному сопровождению внешнеполитической деятельности, высказывается намерение «добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействовать усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую для этого государственную поддержку»²⁶. Таким образом мы уравниваем гуманитарное сотрудничество и информационное сопровождение, «мягкую силу» и пропаганду, сводя на нет возможности и преимущества всех этих инструментов. «Мягкая сила» может выступать содержанием каналов коммуникации, и утверждение о использовании «мягкой силы» и ее продвижении — утверждение о необходимости демонстрации успехов, достигнутых страной. В связи с вышеизложенным стоит обратить внимание на предложение, высказанное министром народного просвещения графом Уваровым, сделанное в ходе обсуждения мер по купированию пропагандистского эффекта знаменитого травеолога маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», на который по сей день ссылаются «профессиональные русофобы». Уваров предлагал не полемизировать с маркизом по поводу деталей и крайностей, а сосредото-

²⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года № Пр-251.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

точится на «изображении в истинном свете фундаментальных, исконных отношений, связующих престол с нацией, а нацию с престолом, т.е. изображение того, что есть, в противовес клеветам г-на де Кюстина, — следует также непринужденно и деликатно изобразить и то, чего еще нет»²⁷.

В Национальной стратегии США по публичной дипломатии и стратегическим коммуникациям заявляется, что «Америка должна предлагать позитивное видение надежды и возможностей, основанное на наших (США. — *А.Б.*) основных ценностях. Эти ценности включают нашу глубокую веру в свободу, а также в достоинство и равенство каждого человека. Мы считаем, что все люди заслуживают жить в справедливых обществах, которые руководствуются верховенством закона и свободны от коррупции и запугивания. Мы считаем, что люди должны иметь возможность высказывать свое мнение, мирно протестовать, свободно поклоняться Богу и участвовать в выборе своего правительства. Мы хотим, чтобы все люди, мальчики и девочки, получали образование, потому что мы знаем, что образование расширяет возможности, и мы считаем, что образованные люди с большей вероятностью будут ответственными гражданами, терпимыми и уважающими различия друг друга. Мы хотим расширить круг процветания, чтобы люди во всем мире могли зарабатывать на жизнь и обеспечивать свои семьи»²⁸. В документе не говорится о ситуативных целях, которых можно достигнуть здесь и сейчас, применительно к текущему моменту, не упирают на национальные интересы, которые должны быть обеспечены посредством «информационно-коммуникационных, гуманитарных и других альтернативных классической дипломатии методов и технологий»²⁹. Предложенное послание уни-

²⁷ Мильчина В.А., Основат А.Л. Петербургский Кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. — URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM.

²⁸ U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. — URL: <chrome-extension://ohfgljdgelakfkfepogkclcohadegdpj/f/https://2001-2009.state.gov/documents/organization/87427.pdf>.

²⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года № Пр-251.

версально, так как все люди хотят жить в достатке, находиться под защитой закона, пользоваться благами цивилизации, свободно исповедовать свою религию. США предлагают альтернативу в том числе и тем, кто находится в уязвимом положении, которые упоминаются, наряду с лидерами общественного мнения и молодежью, в качестве целевой аудитории.

Най утверждал: «“Мягкая сила” — это способность получить желаемое, потому что другие хотят того же, чего хотите вы»³⁰, именно поэтому трансляция универсальных ценностей во внешнеполитических коммуникациях США соседствует с рассказом о стране. В США с 1948 г. действует закон Смита — Мундта «Об обмене в сфере информации и образования», где во второй статье заявлено в качестве цели: «позволить правительству Соединенных Штатов содействовать лучшему пониманию Соединенных Штатов в других странах и увеличить взаимопонимание между народом Соединенных Штатов и народами других стран»³¹. По сути «мягкая сила» в американской внешней политике — это успехи страны, достигнутые в экономической, политической и военной области, то есть то, что образует ее репутацию и способствует установлению отношения доверия к транслируемой ею информации. Не случайно образование и информационный обмен дополняют друг друга. Образовательный обмен подразумевает не только предоставление образовательных услуг, но, что важно, способствует социализации обучающихся, усвоению ими ценностей и норм того общества, которое предоставляет образовательные услуги. Эффективная коммуникация возможна лишь тогда, когда источник информационного воздействия и его реципиент говорят на одном языке, когда реципиент вполне понимает, а в идеале — разделяет ценности и нормы общества, которое инициирует коммуникацию.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что «мягкая сила» составляет основу акта коммуникации, позволяет установить отношения

³⁰ *Keohane Robert O. and Nye Joseph S. Jr. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs. Vol. 77. No. 5 (Sep. — Oct., 1998). P. 86.*

³¹ *United States Information and Educational Exchange Act of 1948 (Smith-Mundt Act). — URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf>.*

доверия и взаимопонимания. Она не выступает в качестве источника, содержания или канала коммуникации, но привлекает и удерживает внимание, способствует установлению доверия к источнику и содержанию информационного сообщения, побуждая реципиента совершать действия, ожидаемые субъектом информационного воздействия.

«Мягкая сила» связана с государством как с территориальной единицей, что позволяет заявлять о «мягкой силе» России, США, Великобритании и т.п. Но в этом случае мы говорим не о государстве, как организации, обладающей монопольным правом на применение легитимного насилия, а о нации, то есть людях, проживающих на определенной территории и разделяющих определенный набор ценностей и норм. В этом и заключается эффект «мягкой силы» — современные средства информации и коммуникации, образовательные технологии позволяют человеку выбирать идентичность, соотнося себя с той или иной культурой.

Ценности, составляющие ядро любой культуры, представляют собой «критерии или стандарты для выбора из имеющихся альтернатив»³², что подразумевает наличие и необходимость выбора. Но выбор осуществляется не между принадлежностью к тому или иному государству, а между возможным успехом или возможной неудачей. На это справедливо указывает С. Хантингтон: «но что же делает культуру и идеологию привлекательными? Они становятся привлекательными, когда в них видят корень материального успеха и влияния. ... Ослабление экономической и военной власти ведет к неуверенности в собственных силах, кризису идентичности и попыткам найти в других культурах ключи к экономическому, военному и политическому успеху»³³. Вторая часть приведенной цитаты позволяет предположить, что «мягкая сила» заключается не в культуре, носителем которой выступает та или иная нация и которая считается великой, а в уверенности, что приверженность ценностям данной культуры и следование ее нормам будут способствовать успеху. Это побуждает индивидов ис-

³² Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. С. 14.

³³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 142–143.

кать информацию, воспринимать ее и трансформировать в определенные действия, выгодные субъекту информационного воздействия.

То, что в отечественных документах стратегического планирования, выступлениях политиков и научном дискурсе принята инструментальная трактовка «мягкой силы», рассматривающая последнюю как синоним «стратегических коммуникаций», приводит к сумбуру в целеполагании. Во множестве планирующих и программных документов есть указания на необходимость усиления «гуманитарного» или «культурно-гуманитарного» влияния³⁴. То есть мы расходует ресурсы лишь для того, чтобы обеспечить «повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве»³⁵, как утверждается в Стратегии национальной безопасности России, не задаваясь вопросом: что собой представляет означенное пространство, почему и зачем мы должны играть в нем лидирующие роли? Возможно, необходимость такой цели кому-то и очевидна — так, в ходе парламентских слушаний на тему «О гуманитарном векторе международной политики России на современном этапе», состоявшихся в апреле 2019 г., «усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве» заявлено как приоритетная цель³⁶.

В Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в статье седьмой, определяющей принципы

³⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683; Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Утверждена Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259; Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р.

³⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

³⁶ В ГД прошли парламентские слушания о гуманитарном векторе международной политики России// Официальный сайт Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. — URL: <http://komitet.info/press/news/19784/>

стратегического планирования, помимо прочего говорится: «участники стратегического планирования должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки и с учетом ресурсных ограничений и рисков», а также что «должна быть обеспечена возможность оценки целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности с использованием количественных и (или) качественных показателей, критериев и методов их оценки»³⁷. Как измерить культурно-гуманитарное влияние и наше место в гуманитарном пространстве? Гуманитарная деятельность может рассматриваться как средство обеспечения национальных интересов, как способ легитимации внешнеполитических усилий России, но не как способ продвижения нашей культуры и деятельность по защите прав соотечественников. Тем более что, определяя культуру как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей»³⁸, трудно представить, каким же образом будут транслироваться «факторы, влияющие на трансляцию и распространение духовных ценностей».

Возможно, именно подобное положение дел — понятийная путаница, нормативная неопределенность и одновременно потребность в оценке — способствуют тому, что ответственные за проведение гуманитарной политики занимаются измерением активности в гуманитарном пространстве, справедливо предполагая, что эффект, достигнутый благодаря этой активности, оценить весьма трудно. Именно это усиливает соблазн показать прогресс, указывая на количество проведенных мероприятий, а не пытаться измерить, каким образом изменилось восприятие страны в результате их проведения. Таким образом, мы сталкиваемся с последствиями, которые наилучшим образом описывает «закон Кэмпбелла»: «чем шире количественный показатель используется для принятия социальных решений, тем больше он подвержен злоупотреблениям и тем больше пригоден для

³⁷ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

³⁸ Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.

извращения социальных процессов, которые контролируются с его помощью»³⁹.

Нормативная неопределенность, сумбур в целеполагании немало способствуют тому, что гуманитарная деятельность ведется многими субъектами, чья деятельность принципиально не согласована и не координируется. Министерства иностранных дел, обороны, культуры, науки и высшего образования, по делам ГО и ЧС, Росмолодежь, Ростуризм и другие организации, в том числе созданные государством, такие как фонд «Русский мир» или RT, ведут гуманитарную деятельность и решают гуманитарные задачи. Нескоординированность деятельности множества «гуманитарных» субъектов порождает дублирование, распыление сил и средств. Один из документов, в котором более или менее детально описан сбалансированный координационный механизм, — Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества⁴⁰. Этот же документ возлагает на МИД обязанности по разработке «общей стратегии политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества». Но в 2014 г. утверждаются Основы государственной культурной политики, в которых содержится положение, что «государственная культурная политика России охватывает такие сферы государственной и общественной жизни, как ... поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество» и предполагается, что для организационного, аналитического и информационного обеспечения, разработки и реализации государственной культурной политики создается «координационный орган, к полномочиям которого относятся: разработка проекта стратегии государственной культурной политики, уточнение стратегических задач по ее реализации»⁴¹.

³⁹ *Мюллер Д.* Тирания показателей: Как одержимость цифрами угрожает здравоохранению, бизнесу и власти. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 30.

⁴⁰ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 года.

⁴¹ Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.

Между утверждением первого и второго документа прошло четыре года, но принятие положения о создании координирующего органа свидетельствует лишь о том, что механизм координации не работает. Но возможна ли координация в принципе, в условиях, когда не ясны не только цель, но и вид и характер деятельности?

Не только нескоординированность препятствует проведению эффективной гуманитарной политики, особенно на постсоветском пространстве, которое в Концепции внешней политики России обозначено в качестве приоритетного направления внешнеполитических усилий России⁴². Существуют две ключевые, вытекающие из непонимания сути гуманитарной деятельности причины низкой эффективности гуманитарного посыла России. Первая причина заключается в весьма специфичном выборе аудитории, вторая же — в содержании гуманитарного послания.

К кому мы обращаемся? Гуманитарное послание всегда трансгранично и внегосударственно. Это обращение к народу поверх государственных границ. В наших же документах стратегического планирования мы либо избегаем конкретизировать целевую аудиторию, либо делаем упор на взаимодействие с соотечественниками и гражданами России, проживающими за рубежом, призываем рассматривать «многомиллионную русскую диаспору — Русский мир — в качестве партнера»⁴³. Но это не единственная аудитория, к которой мы обращаемся. Так, в Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества указывается, что «стержневой задачей» гуманитарной политики России является «формирование и укрепление отношений взаимопонимания и доверия с зарубежными странами, развитие равноправного и взаимовыгодного партнерства с ними, наращивание участия страны в системе международного культурного сотрудничества»⁴⁴. Упор

⁴² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утверждены Президентом РФ 18.12.2010).

на страновой уровень взаимодействия и упоминание о необходимости участия в «системе международного культурного сотрудничества» не оставляет сомнений в том, что еще одним адресатом нашего гуманитарного послания выступают властвующие элиты государств.

В связи с последним интересно заявление лидера молдавских социал-демократов Виктора Шелина: «... в Молдове, где доминировали геополитические интересы России, уже доминируют геополитические интересы Румынии. Но еще хуже дела обстоят в геополитических предпочтениях молдавского народа: если в 2012–2014 годах молдавский народ отдавал предпочтение РФ и в опросах поддерживал отношения с Россией на уровне 56%, а с Румынией — 8%, то в 2020 году доверие к России упало в два раза. Парадокс, но четыре года Кремль открыто поддерживал президента Игоря Додона...»⁴⁵. Потерпев поражение в первом туре, «пророссийский» политик И. Додон на своей официальной странице в Фейсбуке заявляет о возможности экономических санкций со стороны России: «...Санду называет Россию агрессором, врагом Республики Молдова. Куда мы будем экспортировать наши яблоки, другую продукцию после таких слов?»⁴⁶. Апелляция к возможности продавать яблоки на рынках России звучит не очень убедительно, учитывая, что в 2020 г. молдавский экспорт в Румынию достиг 706 697,55 тыс. долларов, в то время как экспорт в Россию составил 216 846,95 тыс. долларов⁴⁷.

Комментируя причины окончательного поражения И. Додона во втором туре выборов, Станислав Секриеру заявляет, что «он слишком часто ездил в Россию, из-за чего выглядел для многих марионеткой в руках Москвы. Явная (а также скрытая, разоблаченная позднее

⁴⁵ Громова С. Москва теряет экономическое влияние на Кишинев и Тирасполь. Молдавский и приднестровский бизнес переориентировались на Румынию. Независимая газета. — URL: https://www.ng.ru/cis/2020-09-22/1_7970_moldova.html.

⁴⁶ Пост Игоря Додона на странице в социальной сети Facebook от 3.11.2020 г. 18.59. — URL: <https://www.facebook.com/dodon.igor/posts/5262701140422515>.

⁴⁷ Экспорт Республики Молдова по основным странам-партнерам (2005–2020). Ежеквартальные данные. Национальное Бюро Статистики Молдовы. — URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=336>.

в СМИ) поддержка со стороны России сыграла против него»⁴⁸. Обращает на себя внимание, что И. Додон, который воспринимался как пророссийский политик, в ходе избирательной кампании увязывает пророссийский выбор не с привлекательностью России, не с общим историческим наследием, но с возможностью сбыта молдавской продукции на российском рынке, что звучит как угроза применения Россией санкций в случае нежелательного для И. Додона исхода голосования. Такие угрозы не способствуют установлению долгосрочных отношений доверия к российским инициативам со стороны граждан страны — реципиента внешнеполитического воздействия.

Обращение к властвующей элите приводит к тому, что доверие к российским инициативам ставится в зависимость от доверия к политикам, органам государственного управления, политическим режимам. Так, исследования общественного мнения, проводившиеся в 2020 г. Белорусской аналитической мастерской (BAW), показали динамику общественного мнения, прямо противоположную риторике действующего президента Республики Беларусь А. Лукашенко, — так, в канун президентских выборов 2020 г. белорусская государственная пропаганда показывала альтернативных кандидатов в президенты как «марионеток Москвы», сообщала о российских боевиках, направленных Москвой для дестабилизации предвыборной ситуации в Беларуси. Но этот негативный по отношению к России месседж привел к росту пророссийских ориентаций. После 9 августа Россия признала результаты выборов в Беларуси, Кремль однозначно поддержал Лукашенко, а белорусская пропаганда стала пророссийской. И если в сентябре на вопрос «На ваш взгляд, в каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси — в Европейском союзе или в союзе с Россией?» вариант «с Россией» выбирали 51,6% опрошенных, то в ноябре таких было лишь 40%. Одновременно BAW зафиксировала рост симпатий в отношении союза с ЕС за тот же период — с 26,7 до 33%⁴⁹.

⁴⁸ *Секриеры С.* Что ждет Молдавию при новом президенте // Московский Центр Карнеги — Фонд Карнеги за Международный Мир. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/83281>.

⁴⁹ Социолог: Белорусы негативно оценили поддержку Лукашенко Кремлем // Deutsche Welle. — URL: <https://p.dw.com/p/3m0VC>.

Таким образом, избирая правящую элиту в качестве целевой аудитории, мы сталкиваемся с проблемами дважды — во-первых, формируя линейную зависимость межгосударственных отношений от сохранения позиций властвующей элиты; во-вторых, это заставляет нас жертвовать ресурсами и зачастую репутацией для сохранения позиций политика, настроенного «пророссийски». Именно поэтому огромное значение для нас приобретают вопросы транзита власти, которые в случае неблагоприятного исхода приводят к пересмотру условий межгосударственных отношений. Так произошло в результате «революции роз» в Грузии, «оранжевых революций» в Украине, а неоднократные заявления С. Тихановской о возможном пересмотре договоров с Россией⁵⁰ и М. Санду о необходимости вывода российских войск из Приднестровья⁵¹ лишь подтверждают зависимость позиций России в регионе от сохранения у власти пророссийски настроенного политика. Таким образом, мы не только формируем зависимость поддерживаемого политика от России. Растет и зависимость России от поддерживаемого политика и конструируемого им режима. Именно поэтому «цветные революции», происходящие на постсоветском пространстве, воспринимаются как безусловная угроза интересам России — сказывается наша растущая зависимость от сохранения существующего режима в той или иной стране.

При этом почему-то упускается из виду, что в современном мире, даже в случае персоналистских режимов, «волеизъявление народа» является единственным источником легитимности. Как следствие — регулярно приводящиеся выборы требуют от России вмешательства с целью недопущения прихода к власти сил, чью позицию предсказать трудно или невозможно. Но за все тридцать лет существования постсоветского пространства нет ни одного случая, когда «Россия в соседней стране привела бы к власти нужного ей лидера»⁵².

⁵⁰ Тихановская пообещала пересмотреть договоры Лукашенко с Россией // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4586326>.

⁵¹ Юрәнец А. «Полный вывод войск России»: как Майя Санду будет возвращать Приднестровье // Газета. ru. — URL https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/20_a_13369015.shtml.

⁵² «Попытка превратить Белоруссию в округ России чревата обратным результатом». Эксперт Федор Лукьянов рассказал, как РФ может вы-

Минимизировать зависимость от позиции (действительной или декларируемой) действующей элиты можно, лишь наращивая усилия по воздействию на общественное мнение граждан той или иной страны, поощряя давление на власть в сторону большего сотрудничества с Россией и поддержки российских внешнеполитических инициатив. Тем более что такой, и надо отметить, весьма успешный, внешнеполитический опыт есть. Формирование позитивного имиджа молодого советского государства, прорыв политической и экономической блокады, привлечение помощи и инвестиций решались в том числе и путем развития неформальных связей между СССР и ответственностью западных стран. Так, созданное по инициативе Комиссии заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР Объединенное бюро информации было позиционировано как неофициальный информационный центр, никаким образом не связанный с властями, а преемнику Бюро — Всесоюзному обществу культурных связей с границей (ВОКС) был предоставлен официальный неправительственный статус⁵³.

В Концепции внешней политики России, в разделе, посвященном гуманитарному сотрудничеству, содержится очень важное указание на необходимость использования «ресурсов, потенциала и инициативы институтов гражданского общества», однако оно не сопровождается созданием институциональных предпосылок для формирования и успешного функционирования специализированных НПО.

Проблемы межэлитного взаимодействия осложняются еще и тем, что, избирая соотечественников и Русский мир в качестве ключевых адресатов гуманитарного послания⁵⁴, Россия, по мнению «постсоветских» элит, подвергает сомнению возможность наций на про-

браться из тупика в стране Лукашенко. «Московский комсомолец» № 28436 от 9.12.2020. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/12/08/popytka-prevratit-belorussiyu-v-okrug-rossii-chrevata-obratnym-rezultatam.html>.

⁵³ См. подробно: Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛО, 2015. 568 с.

⁵⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.

странстве бывшего СССР, что, как уже указывалось, ставит под вопрос легитимность режимов постсоветских государств. Но Русский мир, несмотря на содержащееся в Концепции внешней политики положение⁵⁵, не совсем диаспора, если понимать под последней этнос, живущий за пределами страны своего происхождения. Это те, кого профессор Калифорнийского университета Р. Брубейкер называет «accidental diasporas» («нечаянные диаспоры»), проводя различие между понятиями «movement of peoples across borders» и «movements of borders across peoples» («движение народов через границы» и «движение границ сквозь народы»)⁵⁶, и кто в таком случае может быть назван да и называется «разделенным народом», но не России, а несуществующей ныне страны — СССР. Примечательно, что подобный подход у нас нашел нормативное закрепление. При ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств мы заявили, что «попытки исключения из сферы действия Рамочной конвенции постоянно проживающих на территории государств-участников Рамочной конвенции лиц, ранее имевших гражданство, но произвольно лишенных его, противоречат целям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств»⁵⁷. Такое видение находит отражение и в общественно-политическом дискурсе — «Русский мир», особенно в определении Президента России В. Путина, данном на VI Всемирном конгрессе соотечественников, «собирал и объединял всех, кто духовно связан с Россией, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории»⁵⁸, — представляет некий вариант трансграничной нации, вступающий в противоборство с попытками, разной степени успеш-

⁵⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.

⁵⁶ *Brubaker R. Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present.* — Institute for Advanced Studies, 2000. P. 2. — URL: https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853582_pw_71.pdf.

⁵⁷ Федеральный закон от 18.06.1998 № 84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств».

⁵⁸ Выступление Президента РФ Путина В.В. на VI Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/59003>.

ности, нациестроительства на территории государств постсоветского пространства.

Свидетельством принадлежности к Русскому миру выступает декларируемая готовность человека либо группы людей заявить о намерении принять вненациональную идентичность, приняв историю, культуру и язык страны, отличной от страны проживания. В этом случае, особенно в условиях принципиальной несогласованности исторических политик государств постсоветского пространства и стремления последних к демонстративному отказу от русского языка как государственного, подобные заявления рассматриваются как угроза национальному единству, а те, кто заявляет подобное, не более и не менее как ирредента. Неоднократные заявления, в том числе содержащиеся в приводившихся в данной статье документах стратегического планирования, и детализированные в законодательстве положения о необходимости защиты прав соотечественников⁵⁹ позволяют рассматривать соотечественников не просто как национальное (этническое) меньшинство, но, как инструмент давления на лиц, принимающих решения в странах постсоветского пространства, поощряя ирредентизм «нечаянной диаспоры» Русского мира и провоцируя правительства новых стран на ответные, далеко не всегда пропорциональные меры либо являясь поводом для изменения российского внешнеполитического курса в отношении той или иной страны.

Русский мир как трансграничная версия национализма выступает прямым вызовом «национализирующим» усилиям культурных и политических элит государств постсоветского пространства, предлагая части граждан последних принять некую вненациональную идентичность. Россия предлагает соотечественникам принять трансграничное гражданство, поощряя процессы диссимиляции, способствуя формированию национального меньшинства на территории постсоветских стран и требуя соответствующего к нему отношения. Подобное положение дел не может не вызывать озабоченности постсовет-

⁵⁹ Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

ских элит, чьи усилия по построению наций и утверждению своей легитимности на националистической основе встречают (или они думают, что встречают) противодействие со стороны России. Специальный представитель Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства, Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константин Затулин справедливо указывает на то, что «казахская элита очень напряженно относится к гипотетическим претензиям России на влияние в Казахстане, хотя такого рода претензии никто у нас не выдвигает. В Казахстане за все время своей независимости очень четко следят за тем, чтобы русская община не поднимала голову. В 1990-е гг. это выразилось в известном “усть-каменогорском деле”. ... Это была попытка приписать русским новую пугачевщину, на мой взгляд, абсолютная провокация спецслужб Казахстана, которая носила превентивный характер для того, чтобы прервать любой процесс самоопределения в политическом и общественном плане для русских в Казахстане»⁶⁰.

Возможно, что подобное положение вещей спровоцировало наше послание соотечественникам, которое, вне зависимости от возможного поведенческого отклика со стороны последних, вызывает напряженность в отношениях с элитами и как минимум не способствует установлению отношений доверия. Тем более что мы не провозглашаем внятных целей, обращаясь к соотечественникам. И в самом деле, что мы хотим? В Федеральном законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в качестве целей означенной политики указывается, что «Российская Федерация оказывает соотечественникам содействие в реализации и обеспечении прав и свобод человека и гражданина, в том числе прав:

— использовать русский язык и родные языки народов Российской Федерации для развития духовного и интеллектуального потенциала;

⁶⁰ *Затулин К.* Лукашенко, как ребенок, капризничает и обижает маму, а затем ластится // «БИЗНЕС Online». — URL: <https://www.business-gazeta.ru/print/423611>.

— устанавливать и свободно поддерживать связи между соотечественниками и связи с Российской Федерацией, а также получать информацию из Российской Федерации;

— создавать национально-культурные автономии, общественные объединения и религиозные организации соотечественников, средства массовой информации и участвовать в их деятельности;

— участвовать в работе неправительственных организаций на национальном и международном уровнях;

— участвовать в развитии взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Российской Федерацией;

— осуществлять свободный выбор места жительства или реализовать право на возвращение в Российскую Федерацию»⁶¹.

Но первые четыре пункта — не более чем пересказ положений, закрепленных в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ⁶², Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам⁶³, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств⁶⁴. Можно предположить, что собственно целями являются оставшиеся две:

— во-первых, стимуляция усилий соотечественников по развитию взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Россией;

⁶¹ Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

⁶² Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Принят 29 июня 1990 г. 35 государствами-участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. — URL: <http://www.hro.org/docs/illex/intconf/3.php>.

⁶³ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

⁶⁴ Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS N 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) — URL: <https://rm.coe.int/16800c1316>.

— во-вторых, поощрение переселения соотечественников в Россию.

В этом случае необходимо признать, что первая и вторая цель противоречат друг другу. Способствуя переселению соотечественников, Россия снижает численность аудитории, которой адресуется послание. Поддерживая стабильную аудиторию вне пределов наших границ и стимулируя ее политическую активность, мы снижаем поток возможных переселенцев и невольно способствуем политической дестабилизации государств постсоветского пространства в силу того, что в этих странах не предусмотрено механизмов для канализации конвенционального влияния на лиц, принимающих внешнеполитические решения. Помимо прочего, наше послание соотечественникам провоцирует их на диссимилиацию, которая представляет собой активное противодействие попыткам правительств стран пребывания интегрировать тех, кто ассоциирует себя с Русским миром, в национальное сообщество. Таким образом, обращение — не более чем попытка создания устойчивой общности, которая, по нашим предположениям, может оказать решающее влияние на внешнеполитический курс правительства.

В отечественной традиции, особенно среди авторов, пишущих по проблематике соотечественников и Русского мира, сложилось устойчивое неприятие термина «диаспора» в применении к соотечественникам.

Одни настаивали на том, что отсутствие диаспоральной политики, о необходимости которой говорилось все постсоветские годы, оказалось для России благом. «Если бы случилось так, что диаспоральная политика стала частью последовательной государственной политики России, — заявляли они, — то она неизбежно проводилась бы в рамках этнической идентификации. ... Но государство, проводящее диаспоральную политику исключительно (или даже если в первую очередь) в отношении этнических русских, есть государство для этнических русских»⁶⁵.

⁶⁵ Градировский С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // «Русский архипелаг». — URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/diaspor-politic/iskus/

Другие же, в частности К. Затулин, указывают, что «российские соотечественники в странах СНГ и Прибалтики, в значительной, большей части не попадают под такое определение». Сами они категорически отвергают свое отнесение к «диаспоре», предполагают, что диаспору надо еще создать. Но и Затулин настаивает на внеэтнической идентификации тех, кто будет к ней причислен⁶⁶.

Обратим внимание на то, что этническая сущность Русского мира отвергается и В. Путиным, который в уже упоминавшемся выступлении на VI Всемирном конгрессе соотечественников, обращаясь к собравшимся, заявил: «Русский мир ... никогда не строился исключительно и только по этническому, национальному или религиозному признаку»⁶⁷.

Отрицание этнического содержания Русского мира отражает два момента:

— во-первых, присущее отечественной традиции примордиалистское понимание этноса;

— во-вторых, отказ от ограничения аудитории общностью происхождения, а именно такова российская трактовка этничности, позволяющая произвольно варьировать размерами мира, который нуждается в защите.

Выступая на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, Президент России В. Путин, комментируя ситуацию, сложившуюся в 2013–2014 гг. в Украине, заявляет: «Имею в виду, когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком. ... И хочу, чтобы все понимали: наша страна будет и впредь энергично отстаивать права

⁶⁶ Затулин К. Россия и ее диаспора в новых государствах. Доклад на конференции Института политических исследований, Париж, 10 июля 2001 г. // «Русский архипелаг». — URL: http://archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/diaspor-politic/zatu-dokl/

⁶⁷ Выступление Президента РФ Путина В.В. на VI Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/59003>.

русских, наших соотечественников за рубежом, использовать для этого весь арсенал имеющихся средств: от политических и экономических — до предусмотренных в международном праве гуманитарных операций, права на самооборону»⁶⁸.

В приведенной выше цитате интересно не то, что Президент заявляет о неперемнной защите соотечественников за рубежом, но то, что он противопоставляет этническую принадлежность и самоидентификацию, предполагая, что этническая принадлежность — данность, которая исключает добровольный выбор. Это утверждение, прибегая к термину американского исследователя Бернарда Яка, «мифа этнической нации», который гласит, что «в процессе создания национальной идентичности у вас вообще нет никакого выбора: вы — это только то, что вы унаследовали от предыдущих поколений, и ничего больше»⁶⁹. Это не отрицание нации как политического сообщества, не противоречие «повседневному плебисциту» Э. Ренана, но лишь утверждение, что «не индивиды определяют национальное сообщество, а национальное сообщество определяет индивида»⁷⁰. Это подход к национальному строительству «разделенного народа», мечтающего обрести или же возродить свое государство, именно этим и объясняется зарождение концепции в рамках немецкого идеализма И.Г. Гердера и И.Г. Фихте. Последний же утверждал, что государства имеют естественные границы, которые соответствуют распространению национального языка: «Первые, исконные и подлинно естественные границы государства, несомненно, внутренние границы. Говорящие на одном языке привязываются друг к другу тысячами невидимых нитей самой природой ... они принадлежат друг другу и по природе составляют одно неделимое целое. ... Из этой внутренней границы истекает ограничение посредством территории; и по естественному

⁶⁸ Выступление Президента РФ Путина В.В. на Совещании послов и постоянных представителей России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46131>.

⁶⁹ Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с. С. 60.

⁷⁰ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 528 с. С. 33.

ходу событий люди являются народом не потому, что они живут между определенными горами и реками, но напротив, они живут вместе, потому что стали народом по высшему закону природы»⁷¹. По всей видимости, наши гуманитарные усилия, направленные на продвижение языка, культуры и общего исторического наследия, направлены на формирование нации, как искусственного сообщества, под которым принято понимать «людей, объединенных общей культурой и ощущением общего наследия и отличающегося от других людей»⁷².

Проблема лишь в том, что, создавая нацию, Россия неизбежно сталкивается с противодействием элит, использующих националистические идеи как способ легитимации собственной власти. На просторах бывшего СССР, как следствие советской же национальной политики, построение национальных государств упирается в тезис, который сформулировал Массимо д'Адзелио: «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев...»⁷³. По сути, все страны на постсоветском пространстве вовлечены в процесс создания казахов, узбеков, украинцев, белорусов... Но тогда наши усилия по продвижению языка, культуры и истории должны встречать и встречают активное противодействие со стороны политических элит молодых государств. А взаимодействие с элитами будет осложнено постоянной угрозой (не важно, мнимой или реальной) ирредентизма «соотечественников, управляемых Москвой». Тем более в условиях, когда некоторые отечественные политики выступают с заявлениями, которые ставят под сомнение суверенитет и территориальную целостность новых государств⁷⁴.

Примечательна реакция казахстанской стороны на заявление депутатов Государственной Думы России В. Никонова и Е. Федорова

⁷¹ Цит. по: *Кедури Э.* Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с. С. 70.

⁷² *Манн М.* Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «бестселлер»), 2016. 928 с. С. 42.

⁷³ Цит. по: *Литнер В.* Италия. История страны. М.: Мидгард, Эксмо, 2007. 384 с. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=193705&p=41#section_127.

⁷⁴ *Баймухаметов С.* Никоновщина как диагноз: почему мы опять поспорились с Казахстаном // Газета «Новые известия». — URL: <https://newizv.ru/article/general/13-12-2020/nikonovschina-kak-diagnoz-pochemu-my-opyat-possorilis-s-kazahstanom>.

о принадлежности северных территорий Республики Казахстан. Ответ не касается исключительно правовой стороны вопроса принадлежности территорий северного Казахстана, он затрагивает вопрос нации как таковой. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в своей статье «Независимость — самое дорогое» не просто указывает на то, что «после подписания в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря наши границы не только на суше, но и на море были окончательно определены и разрешены», он задается вопросами: «Какую страну мы оставим следующим поколениям?», «Что еще необходимо сделать, чтобы укрепить нашу государственность?». И отвечая на эти вопросы, он говорит о многовековой истории Казахстана, необходимости возрождения исторического сознания, о казахском языке как объединяющем факторе, национальном единстве, новом казахстанском патриотизме — «человек не рождается патриотом. Он становится патриотом, получая образование и воспитание, испытывая воздействие социальной среды, формируя свою гражданскую идентичность»⁷⁵. Лидер Народной партии Казахстана Айкын Кунуров, отвечая на «череду выпадов со стороны депутатов Госдумы РФ», объявляет сбор средств на установку флаштока и строительство духовно-культурного центра в приграничной с Россией Северо-Казахстанской области, а также предлагает сделать обязательным в старших классах предмет «Краеведение», который, помимо прочего, «...сыграет большую роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения»⁷⁶.

Никто не апеллирует к международному праву и двусторонним соглашениям, но все утверждают нацию, обладающую многовековой историей и обретшей независимость. Тогда почему наши усилия, направленные на формирование диаспоры, под которой понимается как минимум «рассеяние этноса в пространстве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую диаспора, несмо-

⁷⁵ Тоқаев, Қасым-Жомарт. Тәуелсіздік бәрінен қымбат// egemen.kz. — URL: <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat>.

⁷⁶ Лидер НПК объявил сбор средств на установку флаштока на границе с Россией// ИА Tengrinews.kz. — URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/lider-npk-obyavil-sbor-sredstv-ustanovku-flagshтока-424528/

тря на отделение, продолжает ориентироваться эмоционально или политически»⁷⁷, должны встретить понимание? Разве кто-то заинтересован в существовании граждан, чья лояльность не просто сомнительна, но не существует в принципе?

Транслируя культуру, навязывая свою интерпретацию истории, настаивая на изучении и использовании в практике повседневного общения русского языка, лица, отвечающие за формирование и реализацию гуманитарной политики России на постсоветском пространстве, не совсем понимают, зачем кто-то должен воспринимать нашу систему ценностей. Человек, который является гражданином другой страны, но избирает эту систему в качестве определяющей, неожиданно окажется в условиях планеты, где гравитация существенно отличается от земной. Он не умеет и не может действовать в новой среде, навыки, им полученные, не работают. Перед ним два выхода: научиться жить по новым правилам, тем, которые соответствуют реальности, или же изменить средовые параметры. Так и в нашем случае: поведенческий ответ возможен лишь в двух вариантах — ассимиляция или миграция, в том числе «внутренняя».

И то и другое не может быть признано приемлемыми целями гуманитарной деятельности России, так как в обоих случаях возможное влияние России на политику стран постсоветского пространства будет сокращаться. Утверждая, что влияние лишь возможно, укажу на то, что легальных каналов влияния на лиц, принимающих решения, в условиях авторитарных режимов стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, просто не существует. Наши усилия по формированию диаспоры и установлению взаимодействия с ней лишены смысла и рассматриваются руководством бывших советских республик как действия, направленные на подрыв суверенитета новых государств.

Именно поэтому в рамках гуманитарного сотрудничества не стоит предлагать выбор идентичности и, как следствие, требовать подтверждения лояльности. Тем самым лишь стимулируется рост количества

⁷⁷ Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6

«профессиональных соотечественников» и «патриотов на окладе». Россия должна предлагать альтернативу, которая будет востребована, привлекательна и разделяема. А это возможно в том числе при условии пересмотра содержания гуманитарного послания и выбора его конечных адресатов, что вряд ли достижимо в современных обстоятельствах, которые не предполагают сколь-нибудь действенной координации. Координация начинается с ответа на следующие вопросы: что есть гуманитарная политика, какие формы она может принимать и какие задачи могут быть решены с помощью гуманитарных инструментов? Возможно, для этой цели необходим закон, который будет предшествовать многочисленным документам в области стратегического планирования, ограничивая их, делая принципиально реализуемыми, обеспечивая целедостижение и контроль эффективного расходования сил и средств. Лишь обеспечив выполнение вышеизложенных условий, мы сможем рассматривать нашу гуманитарную политику как действенный и эффективный инструмент.

Козюлин Вадим Борисович

РОЛЬ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В сентябре 2019 г. в России была сформулирована стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ)¹. Два десятка стран, принявших национальные ИИ-стратегии, видят пути развития искусственного интеллекта примерно одинаково, но интересы государств не совпадают, а часто — противоречат друг другу. Задача государственных органов, ответственных за многостороннее сотрудничество, — помочь отечественным ИИ-разработчикам занять соответствующую масштабу и потенциалу нашей страны долю на мировых рынках, создать международные партнерства и правовые режимы, которые позволят глобальной ИИ-индустрии уверенно и гармонично развиваться на благо будущих поколений.

Важность и сложность этой миссии возрастают оттого, что в нынешних условиях российское государство не в состоянии конкурировать с глобальными игроками в части финансовой поддержки ИИ-отрасли. 90% рыночной капитализации 70 крупнейших цифровых платформ мира приходится на долю США и Китая. Доля Европы составляет 4%, а Африки и Латинской Америки в совокупности — всего 1%².

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта создает заметное напряжение в международном сообществе. Оно проявляется в глобальной гонке за ИИ-лидерство, дискуссиях по ключевым вопросам регулирования ИИ-технологий.

Российской дипломатии необходимо осваивать цифровые технологии, цифровую экономику и цифровые финансы — сферы, где

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>.

² Доклад о цифровой экономике 2019, Создание стоимости и получение выгоды: последствия для развивающихся стран, UNCTAD, Женева 2019. — URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf.

сегодня проверяется на прочность российский суверенитет. Эти знания придется получать самообразованием и довольно быстро. Иначе Россия станет пользователем зарубежных продуктов, ее финансовая сфера «уйдет в сеть», выпадет из-под государственного контроля, основные экономические решения будут приниматься без учета российских интересов.

Российская дипломатия взаимодействует с большим числом международных площадок, на которых сегодня формируются правила регулирования ИИ: определяются этические нормы, решаются вопросы об ИИ-стандартах и оценке качества ИИ-продуктов, об обмене ИИ-технологиями и информацией и о защите данных, создается нормативная база по науке и образованию, формируются новые трудовые отношения, обсуждается проблема «цифрового неравенства».

Международные организации вынуждены считаться с интересами «цифровых лидеров» — в первую очередь США и Китая, а также Евросоюза. В продвижении собственных интересов Россия может и должна находить единомышленников и среди «цифровых лидеров», и среди государств, ставших жертвами «цифрового неравенства».

До этого России предстоит определиться в своих подходах к ряду проблем, которые в условиях современной политической конфликтности выходят на уровень национальной безопасности, в частности:

— о границах информационной открытости России. Наша страна сегодня стала источником больших данных для иностранных суперкорпораций, полем для зарубежных приложений интернет-торговли и интернет-платежей;

— об иностранном информационном влиянии на территории России. В атмосфере усиливающейся конфронтации с США и странами НАТО западное технологическое господство в российском интернет-пространстве может стать прямым дестабилизирующим фактором, который потребует принятия экстренного регулирования;

— о пределах допустимого вмешательства правоохранительных и других государственных служб с использованием систем технического контроля и наблюдения в личную жизнь российских граждан (также не вполне решен).

Хотя ИИ-среда сегодня характеризуется высокой конкурентностью, основные приоритеты государств в сфере развития искусственного интеллекта в целом совпадают. В мире есть согласие в том, что все ИИ-разработки должны вестись в интересах человека; что создание и использование ИИ-продукции должно отвечать определенным этическим нормам; новые стандарты и правила предпочтительно создавать при сотрудничестве всего мирового сообщества; а всеобщему прогрессу будут служить обмен информацией и технологиями, открытые базы данных, наличие широкого экспертного сообщества и глобального рынка труда. Этот позитивный заряд, свойственный интернациональному сообществу ИИ-разработчиков, нужно попытаться задействовать для построения справедливой системы международных отношений будущего.

Ведущие международные площадки в отношении регулирования ИИ

В 2019 г. ООН опубликовала обновленный доклад «United Nations Activities on Artificial Intelligence», в котором сообщалось о 37 учреждениях и органах ООН³, которые применяют искусственный интеллект для решения самых насущных мировых проблем⁴. Вопросы регулирования ИИ наиболее активно обсуждаются на площадках ЮНЕСКО, Совета Европы, Международного союза электросвязи, Конференции ООН по торговле и развитию, Всемирной организации интеллектуальной собственности.

ЮНЕСКО. Доклад ООН 2018 г. “United Nations Activities on Artificial Intelligence” так обозначил задачи ЮНЕСКО: «определение этических принципов» и обсуждение способов «достижения справедливости, подотчетности, прозрачности, гендерного равенства, куль-

³ ОДВЗЯИ, ФАО, ИКАО, МОТ, ИМО, МОМ, ЮНЭЙДС, ЮНКТАД, ЭКОСОС, UNDPRA, ЕЭК ООН, ЮНЕП, ЮНЕСКО, РККК ООН, ЮНФПА, УНГП, Хабитат ООН, УВКБ, ЮНИСЕФ, ЮНИКРИ, ЮНИДИР, ЮНИДО, UNDRR, ЮНИТАР, УВР ООН, УНП ООН, УВКП, ЮНОПС, ЮНФПА, УООН, ООН-Женщины, ЮНВТО, МПП, ВОЗ, ВОИС, ВМО и Всемирный банк.

⁴ United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI), 2019. — URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2019-1-PDF-E.pdf.

турного разнообразия» ИИ на основе «уважения человеческого достоинства и защиты основных прав человек»⁵.

В ноябре 2019 г. на 40-й сессии ЮНЕСКО страны-участницы поручили этой организации разработать этические нормы применения искусственного интеллекта⁶. Предполагается, что группа международных экспертов в течение 18-и месяцев подготовит соответствующие рекомендации. В качестве цели политики ЮНЕСКО в области ИИ обозначено использование возможностей ИИ для построения «общества знаний» и достижения целей устойчивого развития⁷.

Совет Европы. Начиная с 1949 г., Совет Европы выступает за то, чтобы права человека, демократия и верховенство права лежали в основе развития, включая развитие технологий. 11 сентября 2019 г. был создан специальный комитет по искусственному интеллекту (CANAI), куда вошла и Россия. Комитет проводит многосторонние консультации и готовит элементы правовой базы для разработки, проектирования и применения искусственного интеллекта на основе стандартов Совета Европы в области прав человека, демократии и верховенства права с учетом международно-правовых документов и работ, проводимых другими органами Совета Европы, международными и региональными организациями. В декабре 2020 г. CANAI опубликовала Feasibility Study со своими рекомендациями⁸. Совет Европы выступает основным «конкурентом» ЮНЕСКО в гонке за этической стандартизацией искусственного интеллекта. Формирование европейского регулирования в сфере искусственного интеллекта скажется и на деятельности российских компаний и разработчиков ИИ.

Международный союз электросвязи (МСЭ). МСЭ проводит ежегодный глобальный форум “AI for Good Global Summit”, который стал

⁵ United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI), 2018. — URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2018-1-PDF-E.pdf.

⁶ ЮНЕСКО разработает этические нормы применения искусственного интеллекта// ТАСС. 21 ноября 2019 г. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/7175785>.

⁷ Artificial Intelligence for Sustainable Development, UNESCO, 2019. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000370308>.

⁸ Feasibility Study, CANAI, Strasbourg, 17 December, 2020. — URL: <https://rm.coe.int/cahai-2020-23-final-eng-feasibility-study-/1680a0c6da>.

главной дискуссионной платформой ООН по использованию ИИ в таких областях, как образование, здравоохранение и благосостояние, социальное и экономическое равенство, космические исследования, интеллектуальный транспорт⁹.

В сентябре 2018 г. МСЭ выпустил доклад научно-исследовательского характера «Оценка экономического воздействия искусственного интеллекта» о том, как ИИ изменяет экономику¹⁰. На сайте МСЭ создана посвященная ИИ страница. Своей целью МСЭ видит формирование общего понимания возможностей новых технологий и потребностей в технической стандартизации и политическом руководстве¹¹.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). ВОИС организовала глобальную дискуссию на тему «Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект» о правах на ИС, созданную искусственным интеллектом. Помимо того, что ИИ способен в автономном режиме создавать изобретения, он широко применяется в сфере управления административными процессами, связанными с охраной ИС. ВОИС предлагает неожиданный подход к вопросу о «цифровой фабрикации» и регулированию fake news, а также изучает такие сферы, как защита неприкосновенности частной жизни, обеспечение сохранности определенных категорий конфиденциальных данных¹².

Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). «Цифровое неравенство» исследуется ЮНКТАД. В ее «Докладе о цифровой экономике 2019» говорится: «Существует опасность того, что страны независимо от их уровня развития превратятся просто в поставщиков

⁹ All for Good. — URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/AI/Pages/default.aspx>.

¹⁰ О выполнении Стратегического плана и о деятельности Союза за 2018–2019 годы (ежегодный отчет о ходе работы МСЭ). — URL: <https://www.itu.int/en/council/planning/Documents/ITU-Annual-report-2018-Russian.pdf>.

¹¹ All for Good. — URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/AI/Pages/default.aspx>

¹² Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта, Всемирная организация интеллектуальной собственности, 13 декабря 2019 г. — URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053.

необработанных данных для таких цифровых платформ, но при этом им придется платить за “цифровой интеллект”. ЮНКТАД предлагает более справедливое распределение выгод, получаемых от данных и “цифрового интеллекта”»¹³.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). 22 мая 2019 г. 42 страны приняли Recommendation of the Council on Artificial Intelligence¹⁴. Главным соавтором рекомендаций стали Соединенные Штаты. Адресованный правительствам документ имеет статус межправительственного соглашения, включает пять принципов и пять рекомендаций и фактически является первым межправительственным стандартом для ИИ. В июне 2019 г. саммит G20 (включая Китай, Индию и Россию) единодушно поддержал принципы ИИ ОЭСР. Эксперты ОЭСР намерены вскоре представить практическое руководство по внедрению своих принципов¹⁵.

Европейская комиссия (ЕК). Европейская комиссия активно выступает за открытость информации и принятие этических принципов ИИ. Экспертные группы ЕК публикуют «Обзоры цифровой повестки в мире»¹⁶, выпустили глубокие исследования, в частности «Белую книгу» On Artificial Intelligence — A European Approach to Excellence and Trust¹⁷, а также Ethics guidelines for trustworthy AI¹⁸ и другие.

¹³ Доклад о цифровой экономике 2019, Создание стоимости и получение выгоды: последствия для развивающихся стран, UNCTAD, Женева 2019.

¹⁴ OECD Legal Instruments/ — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

¹⁵ Принципы искусственного интеллекта ОЭСР приняли 42 страны, Вика Рябова, 24.05.2019. — URL: <http://d-russia.ru/printsiyu-iskusstvennogo-intellekta-oesr-prinyali-42-strany.html>.

¹⁶ Евразийская экономическая комиссия. — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Forms/11.aspx?RootFolder=%2fru%2fact%2fdmi%2fworkgroup%2fDocuments%2fdigest&FolderCTID=0x012000B2C70EDC411EA9499DE24DBDBCAC9DE0>.

¹⁷ White Paper on Artificial Intelligence — A European approach to excellence and trust, 19 February, 2020. — URL: https://ec.europa.eu/info/files/commission-report-safety-and-liability-implications-ai-internet-things-and-robotics_en.

¹⁸ Ethics guidelines for trustworthy AI, 8 April 2019. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai>.

Под эгидой ЕК была разработана концепция «Цифровая Европа» на 2021–2027 гг. с бюджетом в размере 9,2 млрд евро¹⁹.

Группа «Global AI Partnership» в рамках G7. В 2018 г. лидеры Канады и Франции объявили о создании в рамках «Большой семерки» группы, ответственной за развитие ИИ на основе общих принципов «прав человека, инклюзивности, многообразия, инноваций и экономического роста». Предполагается, что Global AI Partnership будет постоянным форумом, в состав которого войдут эксперты из частного сектора, академических кругов и некоммерческих организаций, а ОЭСР станет выполнять функции секретариата. Инициаторы не скрывают антикитайской направленности начинания²⁰. Учитывая сумму потенциалов G7 и ОЭСР, Global AI Partnership может стать одним из крупнейших игроков в регулировании ИИ.

Влияние других международных и региональных организаций на дискурс вокруг глобального регулирования ИИ не столь заметно.

БРИКС. В ноябре 2016 г. страны БРИКС приняли «Совместную программу развития и план действий по ИКТ», который включал шесть ключевых направлений²¹.

В сентябре 2017 г. лидеры БРИКС в Сямьиньской декларации высказались за изучение возможности «создания института будущих сетей БРИКС». Страны поддержали «установление международно применимых правил обеспечения безопасности инфраструктуры ИКТ, защиты данных и Интернета»²². В 2019 г. появились сообщения о том, что «в БРИКС заинтересованы в создании альянса по разви-

¹⁹ Евросоюз включается в четвертую промышленную революцию, Фемида Селимова, 22 апреля 2019 г. — URL: https://ng-ru.turbopages.org/h/ng.ru/world/2019-04-22/7_7563_eu.html.

²⁰ US joins global AI group, citing technology threat from China, International News, 29 May 2020. — URL: <https://sciencebusiness.net/international-news/us-joins-global-ai-group-citing-technology-threat-china>.

²¹ The BRICS have a joint IT action plan, 15 ноября 2016 г. — URL: https://www.rbth.com/world/2016/11/15/the-brics-have-a-joint-it-action-plan_647897.

²² BRICS Leaders Xiamen Declaration Xiamen, China, 4 September 2017, — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/en/mEsqRkedzqYLDwXo6AbZnCkmAo9Xta3d.pdf>.

тию ИИ»²³. Очевидно, что группе стран недостает воли и энергии для реальных совместных дел, а планирование касается главных образом проектов технологического характера.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В июне 2019 г. на саммите в Бишкеке главы государств — членов ШОС приняли «Концепцию сотрудничества государств — членов ШОС в сфере цифровизации и ИКТ»²⁴. Тема безопасности традиционно доминирует в решениях организации, касающихся ИКТ²⁵. Создание системы мониторинга возможных угроз в глобальном информационном пространстве и противодействию им под эгидой РАТС остается наиболее заметным полем деятельности ШОС в части ИИ²⁶. На этом направлении ШОС намерена развивать диалог со специализированными учреждениями ООН²⁷. Между тем Китай организует на полях ШОС разнообразные образовательные мероприятия и использует площадку ШОС для продвижения китайских торговых и платежных технологий²⁸. Учитывая значительный разброс в уровне технологического развития государств — членов ШОС, организации полезно сделать акцент на обмене знаниями и технологиями. Возможно, следует об-

²³ РФПИ: Страны БРИКС готовы создать альянс по развитию искусственного интеллекта, 14 Ноября 2019 — URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/1588/>

²⁴ Генеральный секретарь ШОС принял участие в Международном экономическом форуме государств — членов СНГ, 16 марта 2020 г. — URL: <https://e-cis.info/news/568/86013/>

²⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60750>.

²⁶ Бишкекская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, 14.06.2019. — URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2019-06-14--bishkekская-deklaracija-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva-43255>.

²⁷ Выступление Генерального секретаря ШОС Владимира Норова на пресс-конференции, 12 июня 2020 г. — URL: <http://rus.sectsc.org/news/20200612/655988.html>.

²⁸ Выступление Генерального секретаря ШОС Владимира Норова на вебинаре: «Цифровые решения для предпринимателей в эпоху COVID-19: Ключевые уроки от Alibaba», 29 мая 2020 г. — URL: <http://rus.sectsc.org/news/20200529/651410.html>.

судить инициативу Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева о создании Центра ШОС по информационной безопасности²⁹.

Евразийская организация экономического сотрудничества (ЕАЭС). «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», принятые президентами стран ЕАЭС в октябре 2017 г., стали институционально-законодательной основой цифровой повестки ЕАЭС. Главной задачей определены разработка и проведение согласованной со странами Союза политики в области развития интернет-экономики, формирования общих правил цифровой торговли, единых стандартов обмена информацией и обеспечения ее защиты³⁰. Формирование цифрового пространства признано и сверхзадачей, и главным достижением ЕАЭС, под которое ЕАЭС формирует нормативную и институциональную базу³¹.

Тема регулирования ИИ (общие правила и стандарты в этой сфере) могла бы стать для ЕАЭС важной сферой диалога с Евросоюзом³².

Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Искусственный интеллект представляет интерес для ОДКБ главным образом применительно к международной безопасности, предотвращению информационных войн, использованию ИИ террористами. В целом активность ОДКБ в отношении международного регулирования ИИ низка³³.

²⁹ Токаев предложил создать Центр ШОС по информационной безопасности, 14 июня 2019 г. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6549425>.

³⁰ Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации — URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВВ.pdf>.

³¹ Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Казахстан А.Н. Бородавкина на государственном приеме по случаю празднования Дня России, 24.07.2019 г. — URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/kz/-/asset_publisher/44tjMzWwjAFr/content/id/3733708.

³² Министр ЕЭК Валова: ЕС должен обрести стратегическое видение для диалога с ЕАЭС, 31 Января 2018 г. — URL: <https://1prime.ru/Interview/20180131/828400454.html>.

³³ Эксперты: как обеспечить международную информационную безопасность в формате БРИКС, ШОС, ОДКБ, 16 июня 2017 г. — URL: <https://>

Ключевые проблемы международного регулирования ИИ

Эксперты спорят по ряду вопросов в отношении регулирования ИИ.

1. Разный уровень развития ИИ-технологий ведет к разделению мира на «haves and have nots» — на страны или социальные группы, которые обладают технологиями, и на не имеющих их. Некоторые страны призывают к сотрудничеству, обмену знаниями, ресурсами в сфере ИИ и многостороннему взаимодействию, «цифровые лидеры» подогревают глобальную конкуренцию.

2. Технологические лидеры выступают за приоритет технического развития. ЕС предлагает «превентивное» регламентирование ИИ-разработок исходя из принципа предосторожности.

3. Страны Запада считают принципиально важными при внедрении ИИ вопросы, связанные с гендерным неравенством и правами меньшинств. Группа государств, в которую входит и Россия, полагает, что эти вопросы не связаны с развитием ИИ-технологий³⁴.

России необходимо определить собственную позицию по этим и другим вопросам, которые в будущем будут определять глобальный технологический ландшафт и место нашей страны на «цифровой карте мира».

Этические нормы

В мире нет единой позиции по поводу «границ дозволенного» для ИИ, например относительно того, насколько и в каких объемах допустимо контролировать перемещение граждан и использовать технологию распознавания лиц при помощи камер наружного наблюдения. Мысль о том, что системы ИИ должны создаваться и исполь-

digital.report/ekspertyi-kak-obespechit-mezhdunarodnuyu-informatsionnuyu-bezopasnost-v-formate-briks-shos-odkb/

³⁴ Актуальные задачи международного взаимодействия по развитию и регулированию искусственного интеллекта, 20 февраля 2020 г. — URL: <https://d-russia.ru/aktualnye-zadachi-mezhdunarodnogo-vzaimodejstviya-po-razvitiyu-i-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta.html>.

зоваться на благо человека и человечества, практически единодушно поддерживают все страны мира. Однако есть различия в подходах.

Евросоюз стал флагманом движения «За ИИ, ориентированный на интересы человека» (Human-Centered Artificial Intelligence). ЕС стремится сделать этику главным «оселком» при разработке любых подходов в использовании ИИ, ключом к обеспечению «ответственной конкурентоспособности». По некоторой информации, Совет Европы планирует ввести жесткое регулирование отдельных систем ИИ. В частности, предполагается следующее.

— Запрет на применение ИИ-систем для манипулирования поведением людей, проведения оценки социального поведения, использования информации об отдельных лицах или группах лиц для проведения социального скоринга или для неизбирательного наблюдения.

— Внедрение системы удаленной биометрической идентификации в общественных местах (например, системы распознавания лиц) сможет осуществляться только при наличии специального разрешения властей.

— Приложения ИИ, отнесенные к категории «высокорисковых», перед внедрением будут проходить особую проверку. К «высокорисковым» будут относиться те системы, которые могут угрожать безопасности и жизни людей, а также основным правам и демократическим свободам (например, беспилотные автомобили и дистанционная хирургия и др.).

— Правила будут в равной степени применяться как к компаниям ЕС, так и к зарубежным³⁵.

Эксперты Еврокомиссии выделили четыре этических принципа для ИИ-систем: уважение человеческой личности, предотвращение ущерба, беспристрастность и предсказуемость³⁶.

³⁵ Europe seeks to limit use of AI in society, Jane Wakefield, April 15, 2021. — URL: <https://www.bbc.com/news/technology-56745730?fbclid=IwAR0bBGZGFtopbCtUIWKQvBq2vFaOJwAuRgBUlXqUW776XiZN0MYB663E>.

³⁶ Ethic Guidelines for Trustworthy AI, Independent High-Level Expert Group on Artificial Intelligence, European Commission, Brussels, 8 April 2019. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai>.

В июле 2017 г. Госсовет *КНР* опубликовал национальную стратегию развития ИИ под названием «План развития искусственного интеллекта следующего поколения»³⁷. Этические нормы, международно-правовые аспекты ИИ на фоне подробно расписанных технологических целей в Стратегии представляются второстепенной задачей. С позиций КПК этические нормы выглядят троянским коном, с помощью которого Запад стремится подорвать действующую в Китае политическую систему. Вероятно, отчасти поэтому рассмотрение вопросов этики растянуто до предельного срока, на который рассчитана Стратегия: «предварительная разработка системы правовых норм, этических норм и политики в области ИИ» должна быть сделана к 2025 г. К 2030 г. запланировано «создание более совершенной системы законов и правил, этических норм и политики в области искусственного интеллекта».

В 2016 г. в *США* был принят план НИОКР в области ИИ, который содержал три относительно технических метода «разрешения конфликтов на основе ценностей»³⁸. Два программных опубликованных в 2019 г. документа — подписанный Президентом Трампом план *Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence*³⁹ и *U.S. Chamber of Commerce Principles of Artificial Intelligence*⁴⁰ — вовсе не упоминают слово «этика». Зато отдельный документ, содержащий этические принципы использования искусственного интеллекта в сфере вооружений, приняло Министерство обороны США. Этические принципы в формулировке Пентагона напоминают гарантийные

³⁷ China Government. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.

³⁸ The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan, National Science and Technology Council, Networking and Information Technology Research and Development Subcommittee, October 2016, — URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf.

³⁹ *Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence*, February 11, 2019. — URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/>

⁴⁰ *U.S. Chamber of Commerce Principles on Artificial Intelligence?* — URL: https://www.uschamber.com/sites/default/files/chamber_ai_principles_-_general.pdf.

обязательства к новой системе вооружений. Минобороны заявило, что будет придерживаться выполнения пяти требований: «ответственность», «объективность», «контролепригодность», «надежность» и «управляемость» ИИ⁴¹. Безусловно, этические правила лежат в основе американской демократии и власти США будут готовы поддерживать их на уровне принципов, но не в ущерб американским геополитическим интересам.

Россия. В российской ИИ-стратегии по этому поводу говорится: «Для стимулирования развития и использования технологий искусственного интеллекта необходимы адаптация нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, и выработка соответствующих этических норм. При этом избыточное регулирование в этой сфере может существенно замедлить темп развития и внедрения технологических решений»⁴². Таким образом, российская позиция состоит в том, чтобы принять международные этические принципы, но избежать избыточного регулирования. Важно, чтобы этические нормы не стали шлагбаумом для российских ИИ-разработчиков, которые ведут работу в высококонкурентной среде, осложненной международными санкциями. В вопросах этических правил для ИИ России представляется целесообразным придерживаться позиции, близкой к позициям США и Китая: то есть проводить исследования по данной проблематике и изучать положительный опыт.

Геополитические приоритеты

Выступая в Москве на конференции по искусственному интеллекту AI Journey, Президент РФ Владимир Путин отметил: «Мы должны и, убежден, способны стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта, это вопрос нашего будущего, места России

⁴¹ DOD Adopts Ethical Principles for Artificial Intelligence, February 24, 2020 — URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2091996/dod-adopts-ethical-principles-for-artificial-intelligence/>

⁴² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/>

в мире»⁴³. Насколько российские приоритеты совпадают с интересами других игроков?

КНР. Мировое первенство в сфере ИИ стало для КНР частью более масштабной задачи — возратить Китаю утраченное положение технологического лидера. В три этапа, к 2030 г. Китай видит себя «в авангарде инновационных стран и экономических сил»⁴⁴. Китайская Стратегия ориентирована скорее на соперничество, чем на взаимодействие. В ней отмечается, что ведущие страны мира сегодня стремятся перехватить инициативу в новом раунде международного научно-технического соревнования и Китай должен «твердо захватить стратегическую инициативу на новом этапе международной конкуренции в развитии ИИ».

США. Вашингтон твердо намерен «сохранить за Соединенными Штатами мировое лидерство в области ИИ»⁴⁵.

В феврале 2019 г. Президент Дональд Трамп запустил «Американскую инициативу в области ИИ»⁴⁶ и подписал «Исполнительный указ о сохранении американского лидерства в области искусственного интеллекта», где говорится: «Постоянное американское лидерство в области искусственного интеллекта имеет первостепенное значение для поддержания экономической и национальной безопасности Соединенных Штатов и формирования глобальной эволюции искусственного интеллекта в соответствии с ценностями, политикой и приоритетами нашей страны»⁴⁷.

⁴³ Путин: РФ способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта // ТАСС, 9 ноября 2019 г. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/7096728>.

⁴⁴ A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan, July 20, 2017 — URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2017/07/20/a-next-generation-artificial-intelligence-development-plan/>

⁴⁵ The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan, National Science and Technology Council, Networking and Information Technology Research and Development Subcommittee, October 2016 — URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf.

⁴⁶ Whitehouse. — URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/>

⁴⁷ Там же.

Вашингтон ориентирует государственные органы на «создание международной среды, поддерживающей американские исследования и инновации в области искусственного интеллекта и открывающей рынки для американских отраслей искусственного интеллекта, одновременно защищающей наши технологические преимущества в области ИИ». Примером того, какими методами США могут «защищать преимущества», может служить противостояние американского правительства с китайскими компаниями Huawei Technologies, ZTE, China Mobile и China Unicom⁴⁸. России следует быть готовой к тому, что США будут добиваться ИИ-лидерства внеэкономическими методами, которые уже испытали на себе «Лаборатория Касперского»⁴⁹ и российское приложение FaceApp⁵⁰.

Евросоюз. Европейская «Белая книга» по вопросам искусственного интеллекта отмечает, что «Европа имеет хорошие возможности для осуществления глобального лидерства в создании альянсов вокруг общих ценностей и продвижения этического использования ИИ»⁵¹. ЕС видит свое лидерство в первую очередь в распространении этических норм и продвигает свою позицию в ООН, Совете Европы, ЮНЕСКО, Всемирной торговой организации и Международном союзе электросвязи.

В стремлении остаться среди государств — лидеров ИИ Россия может опереться на партнеров по ЕАЭС, союзников по ОДКБ. Возможно ожидать содействия международных организаций, выступающих за формирование международных механизмов обмена данными и ИИ-технологиями, за «справедливое распределение плодов

⁴⁸ Why the US government sees China Mobile as a national security threat, Li Tao, 4 Jul, 2018 — URL: <https://www.scmp.com/tech/china-tech/article/2153634/why-us-government-sees-china-mobile-national-security-threat>.

⁴⁹ США обвинили «Лабораторию Касперского» в шпионаже, 12 октября 2017. — URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2017/10/12/1652496.html>.

⁵⁰ FaceApp responds to privacy concerns, Natasha Lomas, July 17, 2019. — URL: <https://techcrunch.com/2019/07/17/faceapp-responds-to-privacy-concerns/>

⁵¹ White Paper on Artificial Intelligence — A European approach to excellence and trust, Brussels, Chapter «International Aspects», 19.2.2020. — URL: <https://www.europeansources.info/record/white-paper-on-artificial-intelligence-a-european-approach-to-excellence-and-trust/>

цифровизации», это структурные подразделения ООН: ЭКОСОС, ЮНКТАД и в первую очередь ЮНЕСКО. Однако подходы Евросоюза в этом вопросе также не противоречат интересам России.

Защита данных и международный обмен ИИ-технологиями

Вопрос о защите данных не является технической проблемой. Ситуацию характеризует ставшая популярной фраза: «Данные — новая нефть»⁵². Для любой страны важно установить контроль над собственными данными, во-первых, чтобы добиться технологической самостоятельности. Во-вторых, большие данные представляют ключевой ресурс для создания эффективных ИИ-систем, они необходимы для обучения нейронных сетей, поскольку результаты машинного обучения пропорциональны объему данных. Вопрос о правах на использование этих данных пока не нашел универсального решения.

Российская ИИ-стратегия предписывает обеспечить «особые условия (режимы) для доступа к данным, персональным в том числе, в интересах научных исследований, создания технологий ИИ и их прикладного применения». Российское законодательство устанавливает обязанность хранения на территории России персональных данных россиян, используемых интернет-серверами⁵³. Очевидно, и «большие пользовательские данные» должны быть признаны собственностью государства. России следует продвигать такое положение на международной арене и требовать исполнения российского закона иностранными компаниями, действующими на территории РФ.

Другая сторона проблемы хранения данных — участие России в международном обмене. Согласно российской ИИ-стратегии, к 2024 г. «должен существенно повыситься уровень участия российских специалистов в международном обмене знаниями, их вклад в создание открытых библиотек ИИ».

⁵² Битва за данные: какие войны называют за новую нефть// Rusbase, 08.08.2017 г. — URL: <https://rb.ru/longread/game-of-data/>

⁵³ Вступил в силу закон о хранении и обработке персональных данных россиян с использованием серверов, находящихся на территории России, 1 сентября 2015 г. — URL: <https://www.garant.ru/news/648095/>

КНР. Благодаря большой численности населения, лидерству в мобильных платежах и электронной торговле Китай смог собрать гигантский объем данных для обучения нейронных сетей. Китай выступает за «создание открытых ресурсов и открытость всех видов программного обеспечения и технологических платформ». «Данные и знания станут первым фактором экономического роста», — гласит Стратегия Китая⁵⁴. Можно предположить, что платформы обмена данными будут иметь «китайскую специфику», то есть использоваться государственными институтами Китая для решения геополитических задач. С 2003 г. в Китае действует «суверенный интернет», за сохранностью которого следит система Golden Shield Project — крупнейшая система цензуры интернет-содержания и блокировки зарубежных сайтов.

США. В семерке «суперплатформ», контролирующей две трети совокупной капитализации глобального рынка данных, две китайские компании Tencent и Alibaba пока идут следом за «Большой пятеркой» американских IT-гигантов: Microsoft, Apple, Amazon, Google и Facebook⁵⁵. То есть Big Five безраздельно господствуют в мировом обороте данных.

В сентябре 2019 г. были опубликованы «Принципы искусственного интеллекта Торговой палаты США», где говорится: «Политика, ограничивающая потоки данных, например требования к локализации данных, представляет собой барьеры для доступа на рынки, которые уменьшают связанные с ИИ инвестиции и инновации и ограничат доступ к технологиям ИИ. Правительства должны неуклонно стремиться к тому, чтобы данные продолжали поступать через международные границы»⁵⁶.

⁵⁴ Data and knowledge will become the first factor for economic growth.

⁵⁵ Доклад о цифровой экономике 2019, Создание стоимости и получение выгоды: последствия для развивающихся стран, UNCTAD, Женева 2019. — URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf.

⁵⁶ U.S. Chamber of Commerce Principles on Artificial Intelligence? — URL: https://www.uschamber.com/sites/default/files/chamber_ai_principles_-_general.pdf.

Таким образом, в мире есть две полярные тенденции в части открытости данных: американский подход, подкрепленный позицией ОЭСР, ориентированный на «доступ к данным без границ», и китайский подход, жестко ограничивающий потоки информации национальными границами.

Евросоюз. Европейская комиссия выступает за открытость информации и намерена добиваться этого через обсуждение, в том числе — на международных площадках. Об этом, в частности, говорится в «Белой книге» *On Artificial Intelligence — A European Approach to Excellence and Trust*: «Комиссия будет внимательно следить за политикой третьих стран, которые ограничивают потоки данных, и будет решать проблемы необоснованных ограничений на двусторонних торговых переговорах и через принятие мер в рамках Всемирной торговой организации»⁵⁷.

При этом ЕС уделяет большое внимание защите персональных данных⁵⁸.

ЮНКТАД. В 2019 г. ЮНКТАД выпустила «Доклад о цифровой экономике», в котором обсуждается, каким образом можно «переломить существующие тенденции к концентрации богатства и обеспечить более справедливое распределение плодов цифровизации»⁵⁹. Один из вариантов решения для государств с ограниченным потенциалом: власти этих стран должны иметь право облагать ИИ-платформы налогом.

Для *России* представляется важным не просто сохранить «цифровой суверенитет» и юридические права на производимые на российской территории данные. Необходимо быть участником международного информационного обмена, использовать международное

⁵⁷ The Commission will closely monitor the policies of third countries that limit data flows and will address undue restrictions in bilateral trade negotiations and through action in the context of the World Trade Organization. White Paper on Artificial Intelligence — A European approach to excellence and trust, 19 February, 2020. — URL: https://ec.europa.eu/info/files/commission-report-safety-and-liability-implications-ai-internet-things-and-robotics_en.

⁵⁸ General Data Protection Regulation, 25 мая 2018 г. <https://ogdpr.eu/ru>.

⁵⁹ Доклад о цифровой экономике 2019, Создание стоимости и получение выгоды: последствия для развивающихся стран, Женева 2019. — URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf.

сотрудничество в интересах обучения российских ИИ-алгоритмов, формировать сообщество стран, заинтересованных в сотрудничестве с российскими ИИ-разработчиками.

Кроме того, для России остается не вполне решенным вопрос о приемлемости доминирования иностранных мегакорпораций в российском интернет-пространстве. Так, Эдвард Сноуден считает, что такой режим фактически оправдывает или легализует шпионаж⁶⁰.

Экономические приоритеты

Российская ИИ-стратегия ориентирует государственные органы на «обеспечение необходимых условий для привлечения, в том числе из иностранных государств, лучших специалистов в области искусственного интеллекта... устранение административных барьеров при экспорте продукции (работ, услуг) гражданского назначения, созданной на основе искусственного интеллекта»⁶¹.

Российская сторона может использовать несколько распространенных в мировой практике способов: в частности, применение антимонопольного законодательства, технической сертификации в качестве регулятора для вхождения иностранных корпораций на внутренний рынок; унификацию ИИ-стандартов с европейскими, чтобы облегчить доступ российским производителям на рынок Европы; регулирование налогового режима для иностранных корпораций, которые не связаны с российской торговлей или бизнесом, по примеру США «на валовой основе»; создание налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций отраслям и предприятиям, направленным на внешние рынки; изучение зарубежного опыта нетарифных видов протекционизма, и в первую очередь защиты торговых марок от поглощения иностранными компаниями.

⁶⁰ Edward Snowden says big tech firms like Amazon, Google and Facebook have business models that are tantamount to ‘abuse’ Charlie Wood, Nov 4, 2019. — URL: <https://www.businessinsider.com/edward-snowden-says-big-tech-has-business-model-like-abuse-2019-11>.

⁶¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/3>.

Трудовые отношения

Утечка мозгов представляет серьезный вызов для выполнения российской ИИ-Стратегии. В докладе «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений» говорится, что, по данным Росстата, в 2015 г. из России уехали 51,8 тыс. граждан, а в 2016 г. — около 59,7 тыс.⁶².

Доклад ООН “United Nations Activities on Artificial Intelligence”⁶³ предлагает разработать профессиональные стандарты для инженеров по ИИ, а также обеспечить их права⁶⁴.

ОЭСР рекомендует правительствам «оказывать поддержку тем, кто пострадал от перемещения, и обеспечить доступ к новым возможностям на рынке труда»⁶⁵.

Российский подход к правовой защите ИИ-специалистов предписывает обеспечить «простоту и удобство соблюдения иностранными специалистами требований российского трудового и миграционного законодательства, в том числе при получении гражданства Российской Федерации и разрешений на работу»⁶⁶. России необходимо отработать механизм привлечения высококлассных иностранных ИИ-специалистов, возможно, разработать облегченный механизм получения российской визы, гражданства, льготный режим налогообложения, доступную систему информирования о вакансиях в различных регионах России.

⁶² Утечка мозгов из России ускорилась, 23 января 2018. — URL: https://lenta.ru/news/2018/01/23/brain_drain/

⁶³ United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI), 2018. — URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2018-1-PDF-E.pdf.

⁶⁴ Искусственный интеллект: международно-правовые коллизии и этические нормы, Андрей Торин, Международная жизнь, 25.04.2020. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26137>.

⁶⁵ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence of the Organisation for Economic Co-operation and Development 22/05/2019. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

⁶⁶ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/3/>

Инвестиции, обмен данными, наука и образование

Российские региональные власти заинтересованы в привлечении зарубежных инвесторов. Российским властям, в том числе региональным, может быть целесообразно собрать информацию о проектах частно-государственного финансирования в регионах с тем, чтобы привлечь к участию в них заинтересованных иностранных участников. ЕАЭС может стать площадкой для совместных ИИ-проектов внутри организации, а также в рамках сопряжения ЕАЭС с китайским проектом «Один пояс — один путь». Как известно, Китай стремится сделать ОПОП инструментом продвижения технологий искусственного интеллекта в странах — участницах проекта, и это стремление можно использовать к обоюдной выгоде. Нормативная и институциональная база для запуска единого цифрового пространства ЕАЭС глубоко проработана⁶⁷. Сотрудничество с Советом Европы в сфере искусственного интеллекта может также стать важным направлением, создающим базис для взаимодействия и в других областях.

Россия может рассчитывать на партнерство с ОЭСР, в программном документе которой говорится: «Правительствам следует совместно работать в рамках ОЭСР и других глобальных и региональных форумов для содействия обмену знаниями в области искусственного интеллекта»⁶⁸. Россия могла бы поставить вопрос о создании на своей территории исследовательского центра ИИ-технологий по примеру Международного центра исследований в области ИИ в Любляне, решение об открытии которого было принято на Исполнительном совете ЮНЕСКО в 2019 г.⁶⁹ Как отмечал на посвященном ИИ сове-

⁶⁷ Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Казахстан А.Н. Бородавкина на государственном приеме по случаю празднования Дня России, 24 июля 2019 г. — URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/kz/-/asset_publisher/44tjMzWwjAFr/content/id/3733708.

⁶⁸ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence of the Organisation for Economic Co-operation and Development 22/05/2019. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.

⁶⁹ Об открытии 206-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО, Сообщение для СМИ, 05-04-2019. — URL: <https://www.mid.ru/web/guest/>

щении Президент РФ, «Россия должна стать одной из ключевых площадок для решения сложнейших научных задач с участием ученых со всего мира»⁷⁰. Россия может рассчитывать в реализации своих планов на содействие КНР, которая намерена «поощрять и направлять отечественные инновационные таланты и команды для укрепления сотрудничества с ведущими мировыми научно-исследовательскими институтами искусственного интеллекта»⁷¹.

Международные стандарты в сфере ИИ

Торговые войны и гонка технологий могут осложнить «развитие международного сотрудничества Российской Федерации по вопросам стандартизации и обеспечение возможности сертификации продукции (работ, услуг), созданной на основе искусственного интеллекта»⁷².

США. Дональд Трамп стремился закрепить за Соединенными Штатами функцию «технического руководства» стандартами. Своим указом он распорядился определить «возможности и вызовы лидерству Соединенных Штатов в области стандартизации, связанных с технологиями искусственного интеллекта»⁷³. При этом «федеральные приоритеты в области инноваций» основаны на гибких руководя-

organizacia-ob-edinennyh-nacij-po-voprosam-obrazovania-nauki-i-kul-tury/-/asset_publisher/IKce0ngQQV7r/content/id/3602845.

⁷⁰ Владимир Путин провел совещание по искусственному интеллекту, 30.05.2019. — URL: <http://d-russia.ru/vladimir-putin-provyol-soveshhanie-po-iskusstvennomu-intellektu.html>.

⁷¹ A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan, July 20, 2017. — URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2017/07/20/a-next-generation-artificial-intelligence-development-plan/>

⁷² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/3>.

⁷³ Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, February 11, 2019. — URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/>

щих принципах, а не жестких правилах, которые могли бы замедлить освоение новых технологий и выход на рынки. Вероятно, Вашингтону предстоит дискуссия с европейскими союзниками по поводу стандартов ИИ, поскольку в ЕС существуют собственные институты и собственные представления о стандартизации ИИ.

Евросоюз стал крупным глобальным игроком в области технического регулирования, в частности автором строгих правил конфиденциальности данных. Страны Европы нередко принимали жесткие стандарты и правила в качестве меры протекционизма. Нарушители, такие как Google, были вынуждены уплатить большие антимонопольные штрафы⁷⁴. Основные стандарты ЕС были прописаны еще до появления ИИ-продуктов, и в Европе считают, что они требуют дополнения⁷⁵. Для ЕС важно получить их поддержку в международных организациях по стандартизации⁷⁶.

Экспертная группа высокого уровня по искусственному интеллекту (AI HLEG), созданная Европейской комиссией в июне 2018 г., подготовила этические руководящие принципы для надежного искусственного интеллекта⁷⁷.

Европейский опыт здорового протекционизма мог бы пригодиться российским регуляторам, в том числе с тем, чтобы координировать действия, а то и влиять на изменения в своих интересах.

⁷⁴ Artificial intelligence: How is the EU planning to make up ground on US and Chinese firms? Sandrine Amiel, 19/02/2020. — URL: <https://www.euronews.com/2020/02/19/the-eu-s-new-ai-strategy-what-you-need-to-know>.

⁷⁵ Commission Report on safety and liability implications of AI, the Internet of Things and Robotics, 19 February 2020. — URL: https://ec.europa.eu/info/publications/commission-report-safety-and-liability-implications-ai-internet-things-and-robotics-0_en.

⁷⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Artificial Intelligence for Europe, Brussels, 25.4.2018. — URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-237-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF>.

⁷⁷ Ethics Guidelines For Trustworthy AI, High-Level Expert Group on Artificial Intelligence, 8 April 2019. — URL: <https://ec.europa.eu/futurium/en/ai-alliance-consultation/guidelines>.

КНР. Китайская стратегия развития ИИ признает стандарты слабым местом экономики: «адаптация к развитию ИИ требует срочного совершенствования базовой инфраструктуры, регулирования и правил, а также стандартов»⁷⁸ Усвоив болезненные уроки с экспортными ограничениями, введенными странами Запада против китайских компаний, руководство КНР понимает, что успехи в области технических стандартов критически важны для экономического роста и национальной безопасности страны⁷⁹.

России следует обсудить с китайской стороной инициативу создания международных организаций по искусственному интеллекту. Такого рода организации могли бы стать площадкой не только для согласования базовых стандартов ИИ-технологий (выпуском международных стандартов занимается Международная организация по стандартизации)⁸⁰, но для обсуждения принципов справедливого построения мировой цифровой экономики, поиска путей сокращения дискриминации и нечестной конкуренции на рынке ИИ-продукции.

* * *

Российские компании сегодня занимают скромное место на мировом рынке высокоинтеллектуальной продукции. В списке двух тысяч ведущих мировых компаний Forbes Global 2000 можно встретить 23 российских предприятия, подавляющее большинство которых

⁷⁸ A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan, translated jointly by Graham Webster, Paul Triolo, Elsa Kania, and Rogier Creemers. John Costello, July 20, 2017. — URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2017/07/20/a-next-generation-artificial-intelligence-development-plan/>

⁷⁹ Understanding China's AI Strategy, Clues to Chinese Strategic Thinking on Artificial Intelligence and National Security, Gregory C. Allen, FEBRUARY 06, 2019. — URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/understanding-chinas-ai-strategy>.

⁸⁰ ИСО/МЭК разработает международные стандарты в области искусственного интеллекта, 01.11.2018. — URL: <https://tehnolet.cntd.ru/news/read/isomk-razrabotaet-mejdunarodnye-standarty-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta/novosti-cifrovoj-ehkonomiki>.

из добывающих секторов экономики⁸¹. Высокотехнологичные компании в России тоже есть, большинство хорошо известны в стране, а многие обладают высоким экспортным потенциалом⁸². Имеются и стартапы, которые в перспективе рассчитывают на зарубежные рынки и обладают для этого энергией. Одной из проблем российских ИИ-предприятий специалисты называют отсутствие опыта и связей для выхода на международный рынок⁸³. Такое положение не соответствует потенциалу нашей страны, которая сильна кадрами, профильным образованием и инженерной школой. Опыт других государств показывает, что не в последнюю очередь благодаря государственной поддержке высокотехнологичные компании мирового уровня могут возникать словно из ниоткуда, быстро развиваться и становиться флагманами отрасли. Государственным органам нужна обратная связь с разработчиками, четкие цели и понимание того, как их достичь.

Хотя Россия сегодня не в состоянии оказать существенную финансовую помощь отечественным предприятиям ИИ-отрасли, наша страна обладает мощным государственным аппаратом, который может и должен содействовать российскому ИИ-бизнесу на мировой арене.

⁸¹ The World's Largest Public Companies, Forbes, May 13, 2020. — URL: <https://www.forbes.com/global2000/#e3ce89d335d8>.

⁸² 50 российских компаний — лидеров мирового рынка. 31 декабря 2019 г. — URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/50-российских-компаний-лидеров-мирового-рынка-краткий-обзор/>

⁸³ Почему искусственному интеллекту нелегко живется в России, Форбс, 17 января 2019 г. — URL: <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/tehnologii/371225-pochemu-iskusstvennomu-intellektu-nelegko-zhivetsya-v-rossii>.

*Шмелев Борис Александрович,
Мухина Яна Борисовна*

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (2014–2021 ГГ.)

Россия с момента провозглашения своей независимости рассматривала укрепление сотрудничества с новыми независимыми государствами в качестве приоритетного направления своей внешней политики. Концепции внешней политики России 1993, 2000, 2010, 2013 и 2016 годов четко определяли значимость для РФ отношений с этими странами. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., «приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием»¹.

Москва исходила из формата равноправного и тесного сотрудничества без установления жестких обязательств по отношению к ней со стороны своих партнеров и союзников. Она в немалой степени способствовала становлению новых независимых государств. Россия предоставляла этим государствам значительные дотации на энергоносители и сырье. Российское государство потушило этнополитические конфликты в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе, в Таджикистане, не поддержало сепаратистское движение в Крыму. Вскоре выяснилось, что российские партнеры по СНГ с удовольствием принимают помощь от Москвы, добиваются различных льгот и преференций от нее, но не хотят брать на себя никаких политических обязательств перед ней, что проявлялось в первую очередь в проводимой ими многовекторной политике. Вследствие этого Россия начала проводить в отношении своих соседей т.н. «прагматичный

¹ Новая Концепция внешней политики Российской Федерации. — URL: Osinform.org/print:page,1,59104-novaja-koncepciya-vneshney-politiki-rf-polniyy-tekst.html.

курс». Она стала руководствоваться в государственном строительстве идеями великодержавия, что подразумевало сосредоточенность прежде всего на укреплении собственной мощи и влияния в мире².

Это изменение в подходе РФ к сотрудничеству со странами СНГ проявилось в прекращении в 2005 г. дотирования поставок в них российских энергоносителей. Все преференции в экономических отношениях России с Украиной, Белоруссией, Молдовой, Арменией и Грузией были ликвидированы, что придавало сотрудничеству с ними новое качество. Эти страны переставали быть для РФ «ближним зарубежьем» и превращались для нее просто в зарубежные государства³.

В начале XXI столетия политические процессы, проходившие в странах СНГ, привели к тому, что постсоветское пространство перестало представлять собой единое геополитическое целое. Страны Балтии стали членами НАТО и ЕС и выступали с жестких антироссийских позиций. После августовской войны 2008 г. между Россией и Грузией дипломатические отношения между двумя странами были разорваны, Молдова ориентировалась в своей внешней политике на вступление в ЕС. Узбекистан при президенте Каримове отклонял все предложения участвовать в интеграционных группировках во главе с Россией. Туркменистан демонстративно проводил политику удаленности от России, не желая участвовать в работе СНГ. Азербайджан вступил в движение неприсоединения и придерживается политики неучастия в военно-политических и экономических союзах во главе как с Россией, так и с Западом.

Особенно сильный толчок дезинтеграционным процессам в СНГ дала произошедшая на Украине в 2004 г. «цветная революция». Пришедшие к власти украинские националисты провозгласили стратегической целью своей внешней политики вхождение в евроатлантическую зону безопасности, т.е. вступление в НАТО, и присоединение к европейской экономической интеграции, т.е. получение членства в ЕС.

² См.: *Тренин Д.В.* Россия и страны СНГ: взросление отношений // *Внешняя политика России: 2000–2020*: Научное издание в 3 т. / Рос. совет по международным делам / под общ. ред. И.С. Иванова. — М.: Аспект Пресс, 2012. С. 209.

³ Там же. С. 210.

Политика РФ по сохранению своего влияния в странах СНГ наталкивалась на меры, предпринимаемые ЕС и США по углублению взаимодействия с ними. Важную роль здесь играла и играет Программа «Восточное партнерство», одобренная ЕС в 2009 г. Брюссель приступил к ее реализации в 2010 г. Программа Восточного партнерства развивала европейскую политику соседства применительно к шести странам СНГ: Украине, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Армении и Азербайджану. Обязательным условием присоединения к ВП являлся отказ от сотрудничества с Россией в Таможенном союзе. ВП предусматривало адаптацию правовых систем стран-партнеров к европейским нормам посредством т.н. политики гармонизации⁴. Сразу же изъявили желание в ней участвовать Украина, Молдавия и Грузия. Белоруссия, Армения и Азербайджан предложение об участии в Программе отклонили. Программа представляла собой реальный вызов усилиям России по развитию интеграции в СНГ.

В свою очередь США в июле 2011 г. представили мировому сообществу стратегию Нового шелкового пути, которая должна была стать альтернативой существующим или перспективным региональным интеграционным объединениям с участием России, Китая и Ирана в Центральной Азии. Кроме того, и Китай проводил политику активного развития сотрудничества с новыми независимыми государствами на основе интеграционной стратегии, которая в 2013 г. получила название Экономический пояс Шелкового пути, а затем была трансформирована в проект «Один пояс — один путь».

Ответом России на этот геополитический вызов явились шаги по налаживанию реальной интеграции с теми странами, которые были

⁴ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit Prague, 7 May 2009. — URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/691808/1f3a06aa0b55c92121f701ed30dc4eb3/090507-erlaerung-prag-date.pdf>;

Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Warsaw, 29–30 September 2011. — URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/691806/3368455918a6be17a784f006e431e5d4/110930-joint-decl-eastern-partnership-summit-date.pdf>;

Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Vilnius, 28–29 November 2013 Eastern Partnership: the way ahead. — URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/691804/1c84fced5f62f7a74a9a42e13808ab18/131129-joint-decl-vilnius-date.pdf>.

в этом заинтересованы и ориентировались в своей политике на Россию. В 2010 г. начал свою работу Таможенный союз трех стран — Белоруссии, Казахстана и России. В 2012 г. эти три страны образовали Единое экономическое пространство.

В начале второго десятилетия XXI века в Российской Федерации происходит принципиальная переоценка понимания своего места и роли в мире. Становится очевидным, что Запад не готов сотрудничать с РФ на принципах равноправия и видит в ней своего младшего партнера. Поэтому Россия откладывает в сторону идею «европейского выбора» и выдвигает концепцию, в соответствии с которой она является самостоятельным центром силы, не принадлежащим ни Западу, ни Востоку и действующим исключительно в собственных интересах. Ее внешняя политика должна быть деидеологизирована и максимально прагматична⁵.

Новое видение роли России в мире предполагало укрепление влияния РФ на постсоветском пространстве, и в первую очередь предотвращение размывания геополитического, экономического и культурного единства пространства и блокирование центробежных тенденций, набиравших силу в СНГ. В качестве инструментального проекта российской политики по достижению этих целей Россия предложила странам СНГ создать Евразийский Союз. В своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете «Известия» в октябре 2011 г., Председатель Правительства В.В. Путин выступил с идеей новой интеграции постсоветского пространства. Он предлагал «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира» и при этом играть роль эффективной «связки между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»⁶. По его мнению, к безусловным достоинствам Евразийского Союза «относится сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала», что позволит ему «быть кон-

⁵ Тренин Д. Одинокое плавание. М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. С. 9, 170.

⁶ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segonya/viewer>.

курентноспособным в индустриальной и технологической гонке», добиться превращения в один «из полюсов современного мира»⁷. В статье подчеркивалось, что «вхождение в него, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу»⁸. Формулируя концепцию ЕАЭС, В.В. Путин отмечал, что «Евразийский Экономический Союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»⁹. Предложение РФ о создании ЕАЭС было вначале поддержано лишь двумя странами — Республикой Беларусь и Казахстаном.

С самого начала провозглашения идеи ЕАЭС как нового интеграционного проекта было очевидным, что его перспективы связаны с «достижением Россией экономической самодостаточности, ее превращением не только в лидера региональной интеграции, но и Центр развития всего региона. До восстановления в России своего промышленного сектора, проведения последовательной политики импортозамещения и освоения новых технологий интеграция в Евразии не сможет получить устойчивого импульса развития»¹⁰. Тем самым внешняя политика РФ на постсоветском пространстве обуславливалась успехами внутренней политики по развитию страны, и от ее результатов во многом зависела судьба проекта.

В России содержание проекта вызвало критику со стороны практически всех слоев российского политикума. Либералы говорили об экономической несостоятельности Союза и видели в нем опасность новой политической реинтеграции постсоветского пространства на основе экономического объединения, т.е. создания СССР-2. Патриоты посчитали проект В.В. Путина исключительно либераль-

⁷ *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-integratsionnyy-proekt-dlya-evrazii-budushee-kotoroe-rozhdaetsya-segodnya/viewer>.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. А.Б. Вардомский. СПб.: Алетей, 2019. С. 27.

ным, идущим в русле геополитических интересов США и других стран Запада. Они считали, что в публичном формате идеология проекта полностью соответствовала правилам ВТО и представляла собой переходный формат к «большой евроинтеграции» от «Лиссабона до Владивостока». По их мнению, Евразийский Союз безусловно нужен, но не в такой форме, т.к. он не отвечает интересам России¹¹. Таким образом, проект ЕАЭС с самого начала стал заметным фактором внутривнутриполитической жизни.

Предложенный Россией формат ЕАЭС вызвал возражение и со стороны стран-участниц, в первую очередь Казахстана. По настоянию именно казахстанской стороны формат Союза был ограничен только экономическими отношениями и исключал политическое, гуманитарное и культурное взаимодействие. Правда, с конца 2018 г. Казахстан стал рассматривать эти два последние аспекта сотрудничества в качестве направления дальнейшего углубления интеграционного взаимодействия в ЕАЭС¹².

Евразийский Экономический Союз начал функционировать с 1 января 2015 г., имея наднациональный орган — Евразийскую Экономическую Комиссию, действующую с 2012 г., хотя и с ограниченными компетенциями. ЕАЭС стал главным интеграционным проектом для РФ на постсоветском пространстве. СНГ отходил на второй план, а ЕврАзЭС был упразднен. Усилия по укреплению ЕАЭС становятся одним из важнейших направлений российской внешней политики.

Значимость интеграционного проекта ЕАЭС для России многократно возрастала из-за начавшегося в 2014 г. украинского кризиса. Он взорвал всю систему европейской безопасности, привел к возникновению новой холодной войны между РФ и коллективным Западом,

¹¹ Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: сборник статей/ Ин-т «Справедливый мир», Рос. ассоц. полит. науки, Фонд им. Фридриха Эберта, Ин-т социологии РАН; [ред. кол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец]. — М.: Ключ-С, 2013. С. 144.

¹² Евразийская интеграция в турбулентном мире/ отв. ред. А.Б. Вардомский. СПб.: Алетей, 2019. С. 173.

способствовал усилению дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, надолго дестабилизировал российско-украинские отношения.

Успешный исход своей политики по развитию интеграции на постсоветском пространстве Россия не без оснований увязывала с участием в нем Украины. Украинское государство обладало мощным промышленным потенциалом, развитой наукой и могло способствовать реализации интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Россия была весьма заинтересована во взаимодействии с Украиной в реализации интеграционных проектов, в том числе и ЕАЭС. Однако Киев ориентировался на вступление в ЕС.

В условиях усложнения своего геополитического положения ЕАЭС расценивается Россией как важный фактор укрепления ее международных позиций в наметившейся конфронтации с Западом. Исходя из этого, Россия была заинтересована во вхождении в ЕАЭС других новых независимых государств. Однако только Киргизстан и Армения проявили готовность вступить в Евразийский Экономический Союз. С геополитической точки зрения их членство отвечало российским интересам, хотя, учитывая слабость их экономик, накладывало дополнительные обязательства на Россию.

Российской дипломатии приходится проявлять гибкость и в то же время настойчивость для сглаживания многочисленных противоречий интересов партнеров по Союзу. Начало функционирования ЕАЭС совпало с периодом экономического спада, который переживали страны-участники. Это вело к сокращению степени внутренней интегрированности, которая и до этого была на невысоком уровне. Доля во взаимной торговле в общем объеме торговли стран ЕАЭС в 2014 г. составляла 11,7 %, что значительно ниже минимального¹³. В последующие годы этот порог преодолеть не удалось. Экономический кризис, который переживают страны ЕАЭС, неудовлетворенность результатами становления интеграции, ориентированной в первую очередь на российский рынок, несопоставимость масшта-

¹³ Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016. С. 53.

бов экономик стран членов Союза, невысокий уровень эффективности наднациональной институциональной структуры ЕАЭС, противоречивость целей и ожиданий стран от участия в интеграционном процессе, неготовность к компромиссам по ряду принципиальных позиций, связанных с членством в ВТО и сотрудничеством с третьими странами, приводят к возникновению конфликтов. Урегулирование этих и других проблем во взаимоотношениях стран — членов ЕАЭС затрудняется экономическим кризисом, который переживает Россия. Он вызван структурным кризисом, жесткой монетарной политикой, переходом на режим плавающего валютного курса, высокой волатильностью цен на основные экспортные сырьевые товары, внешними ограничениями (санкциями и контрсанкциями). Зависимость стран - членов ЕАЭС от состояния российской экономики усиливает неустойчивость их собственного экономического развития, тормозит интеграционные процессы, снижает их заинтересованность в участии в интеграционном сотрудничестве, толкает к присоединению к другим интеграционным проектам. Без достижения Россией экономической самодостаточности, без ее превращения не только в лидера региональной интеграции, но и в центр развития региона, восстановления своего промышленного потенциала, разработки новых технологий ЕАЭС не сможет превратиться в устойчивый и эффективный институт интеграции. Поэтому возможности РФ исполнять роль главного интегратора на постсоветском пространстве ограничены, что во многом определяет и динамику взаимоотношений в ЕАЭС.

Ограниченность российских политических и экономических ресурсов заставляет страну реалистично оценивать свои возможности на постсоветском пространстве и не ставить перед внешней политикой России задач, которые она не в состоянии решить. Сегодня Москва недостаточно сильна политически, чтобы контролировать происходящие здесь политические процессы и сохранять ЕАЭС как зону своих преимущественных интересов, т.е. закрыть его для проникновения сюда третьих стран и не допустить геополитической переориентации новых независимых государств на иные центры силы, в первую очередь ЕС, НАТО, США, Китай. Одновременно имеющийся у нее экономический потенциал, состояние ее экономики не позволяют ей

выступать в качестве надежного драйвера экономических преобразований в этих странах.

Политическая элита в новых независимых государствах видит главную цель своей политики в укреплении независимости и суверенитета своих государств, что предполагает в первую очередь независимость от России. Для этого они идут на разностороннее сотрудничество с внерегиональными центрами силы, которые, в свою очередь, охотно идут на взаимодействие с ними. Смысл политики США и ЕС в отношении постсоветского пространства состоит в обеспечении такой ситуации, при которой ни одна держава не могла бы контролировать это геополитическое пространство, в то время как мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный доступ. Они всеми силами стремятся не допустить монополизации Россией доступа на постсоветское пространство. Учитывая совокупность всех этих факторов, российская внешняя политика ставит перед собой реальные цели, достижение которых может иметь положительный эффект для национальной безопасности страны, т.е. она стала более реалистичной и прагматичной, приобрела охранительный характер, с тем чтобы не допустить дальнейшего размывания влияния России в регионе. Все более очевидным становится, что стягивание постсоветского пространства вокруг России, создание успешного и устойчивого экономического, а тем более военно-политического союза возможно лишь в том случае, если страны-участницы придерживаются одинаковой или близкой системы ценностей и взглядов по основным характеристикам государственного строительства.

Одной из серьезных проблем, с которой РФ столкнулась в своей политике на постсоветском пространстве, является отношение к т.н. «цветным революциям». У этого термина не имеется точного определения, но в основном под ним понимается смена правящих режимов, осуществляемая преимущественно с использованием ненасильственных методов борьбы в виде массовых уличных акций протеста. Причины, по которым в ННГ возникают «цветные революции», различны, но всех их объединяет желание представителей различных социальных слоев в этих государствах добиться смены правящих режимов. Эти революции являются спонтанной реакци-

ей общества на существующие противоречия общественной жизни, которые и заводят социально-экономическое развитие страны в тупик¹⁴.

Россия в этих условиях оказывается перед сложным выбором. Согласно Всеобщей декларации прав человека, право на восстание является естественным правом граждан на сопротивление против узурпации власти. И с этим принципом Россия не может не считаться. В то же время все «цветные революции» имеют весьма существенный геополитический подтекст, т.к. их лидеры в той или иной форме заявляют о своей геополитической и геоэкономической переориентации с сотрудничества с Россией на углубление взаимодействия с НАТО, ЕС, США. И Россия оценивает такую смену геополитических и геоэкономических вех как угрозу интересам своей национальной безопасности, что в условиях холодной войны с коллективным Западом является реальностью. Поэтому в принципиальном плане РФ расценивает «цветные революции» как дестабилизирующее явление на постсоветском пространстве, как один из существенных факторов в геополитическом противостоянии в первую очередь с США. В своем выступлении на заседании Совета безопасности РФ В.В. Путин приравнял «цветные революции» к экстремизму, который, по его словам, используется в современном мире как инструмент геополитики и передела сфер влияния¹⁵. С российской точки зрения, под предлогом демократизации внутренние социально-экономические и политические проблемы используются для того, чтобы сменить неудобные правительства на контролируемые извне режимы, что представляет собой «новую форму войны»¹⁶.

Подходя к «цветным революциям» на постсоветском пространстве с этих позиций, Россия достаточно сдержанно относилась к ним

¹⁴ *Пастухов В.Б.* Украинская революция и русская контрреволюция. М.: ОГИ, 2014. С. 74.

¹⁵ Путин пообещал не допустить «цветной революции» в России. — URL: https://www.bbc.com/Russian/Russia/2014/11/141120_russia_putin_extremism.

¹⁶ Counterig Color Revolutions: Russian,s New Security Strategy and its Implications for U.S. Policy. — URL: <https://russiamil.wordpress.com/2014/09/15/countering-color-revolutions-russians-security-strategy-and-its-implications-for-u-s-...>

до тех пор, пока не задевались напрямую ее интересы национальной безопасности. Тогда следовала жесткая реакция с ее стороны, которая не исключала и применения вооруженной силы. Были предприняты решительные действия в отношении Украины после прихода к власти в результате государственного переворота в Киеве украинских националистов в феврале 2014 г., что вынудило российское руководство принять срочные меры по воссоединению Крыма с Россией. Россия готова поддержать всеми возможными способами А.Г. Лукашенко в его противостоянии с белорусским оппозиционным движением, опасаясь, что если оно придет к власти в стране, вектор геополитической ориентации Минска может измениться с пророссийского на прозападный, что является для Москвы неприемлемым. Была определена своеобразная красная линия, которую новые независимые государства не должны ни в коем случае пересекать. Это вступление в НАТО и смена вектора геополитической ориентации. С другими переменами во внешней и внутренней политике под влиянием «цветных революций» Россия готова мириться, считая их внутренним делом государства. Но дело в том, что в новых независимых государствах выросло новое поколение постсоветских людей, у которых сформировался ярко выраженный запрос на справедливость, честное правосудие, борьбу с коррупцией, клановостью, nepотизмом, на достойную жизнь, и реализовать его они рассчитывают в том числе с помощью Запада, что и создает предпосылки для укрепления его влияния на постсоветском пространстве. И Россия противопоставить этому тренду свою концепцию развития не в состоянии. По существу она проводит в регионе охранительную политику, стремясь законсервировать сложившийся здесь статус-кво. Когда же он разрушается под влиянием процессов эволюции обществ, России приходится вмешиваться с тем, чтобы не допустить ослабления своих позиций. Россия сегодня не в состоянии удовлетворить ценностные запросы развивающихся обществ в постсоветских государствах, так как она не может ответить на них в своем собственном развитии, что во многом определяет и будет определять характер взаимоотношений между ними и РФ.

Одним из важнейших направлений внешней политики России на постсоветском пространстве является укрепление военно-политической безопасности, что связано с необходимостью ее активного

участия в урегулировании имеющихся здесь кризисов и проведения миротворческих операций. Кризисы возникли в результате исторической нелегитимности границ новых независимых государств, бывших советских республик или этнополитических конфликтов. В момент распада СССР бывшие межреспубликанские административные границы лидерами новых независимых государств единогласно были признаны в качестве межгосударственных. Но в Советском Союзе эти границы были произвольно определены советским руководством, исходя из потребностей строительства нового социалистического государства. После распада Советского Союза государственные границы новых независимых государств не соответствовали требованиям этнокультурного, исторического, геополитического развития как самих государств, так и проживавших в них народов. Вследствие этого подрывалась стабильность не только в них самих, но и провоцировалась напряженность в соседних странах, затрагивались интересы обеспечения их национальной безопасности, что приводило к возникновению как внутригосударственных, так и межгосударственных конфликтов.

Все возникающие на постсоветском пространстве кризисы в той или иной степени влияют на безопасность России, поэтому она не может не принимать самого активного участия в их урегулировании. РФ представляет собой своеобразную стратегическую ось всего постсоветского пространства и как региональная держава несет особую ответственность за поддержание здесь стабильности и мира. Поэтому она самым активным образом осуществляет кризисный менеджмент в интересах урегулирования конфликтов, а в тех случаях, когда для этого не имеется политических предпосылок, «замораживает» их, с тем чтобы локализовать и не допустить их обострения. Правящая элита в новых независимых государствах осознает, что Россия выступает в качестве важнейшего фактора разрешения конфликтов, без ее участия их урегулирование практически невозможно, что ставит ее в центр их внешней политики. Тем не менее в своей политике кризисного менеджмента РФ сталкивается с большими трудностями, обусловленными ростом национализма, борьбой различных кланов за влияние в новых независимых государствах.

В своем подходе к их разрешению российская дипломатия столкнулась с практически не разрешимой проблемой соотношения трех

ведущих принципов современного международного права: права наций на самоопределение и провозглашение своего собственного государства, уважение территориальной целостности государства и невмешательства во внутренние дела государства. Отношение России к этим трем принципам в процессе урегулирования конфликтов определяется реально сложившейся ситуацией во взаимоотношениях с конфликтующими странами и ее геополитическими интересами, а также интересами национальной безопасности.

Наиболее разрушительными последствиями для РФ, постсоветского пространства обладает украинский кризис. Российско-украинский конфликт имеет глубокие идеологические и геополитические корни, что обуславливает его длительность и необходимость комплексного подхода к его урегулированию со стороны российской дипломатии.

Составной частью украинского кризиса является конфликт на Юго-Востоке Украины, который сразу же приобрел черты внутриукраинского гражданского конфликта вследствие стремления к региональному самоопределению в форме автономизации. С самого начала его возникновения Россия приняла активное участие в поисках путей его урегулирования с учетом как своих собственных интересов, так и интересов самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Первой серьезной попыткой положить конец конфликту явилось подписание Соглашения Минск-1, в разработке которого российская дипломатия принимала деятельное участие. Однако всплеск боевых действий на Юго-Востоке Украины в начале 2015 г. показал его нежизнеспособность, так как он не закреплял баланса интересов непосредственных его участников и стоящих за ними внешних сил. Западные страны проявляли нежелание идти на серьезные уступки России, Украина рассчитывала разрешить конфликт с помощью силы, а не договоренностей с ДНР и ЛНР. В свою очередь Москва старалась не допустить такого развития событий и оказывала ополченцам политическую поддержку и материально-техническую помощь. Вторые Минские соглашения, заключенные в феврале 2015 г. при совместном посредничестве России, Германии и Франции оказались более эффективными с точки зрения прекращения боевых действий в регионе и перехода к урегулированию политическими средствами. Благодаря

российской дипломатии в документе были закреплены положения об особом статусе некоторых районов Юго-Востока Украины в рамках возможной автономизации региона. Ожидания Запада, что Россия «сдаст» ЛНР и ДНР и не будет решительно отстаивать их интересы с тем, чтобы еще более не обострять отношения с западными партнерами, не оправдались.

Украинские националисты восприняли соглашение Минск-2 крайне негативно. Под их давлением украинское правительство и Верховная Рада начали саботировать их имплементацию. Украина стала настаивать на том, что первоочередным вопросом в урегулировании конфликта является передача под ее контроль границы между самопровозглашенными ДНР и ЛНР и Россией, решение проблемы безопасности, после чего можно перейти к политическому урегулированию посредством выборов. Россия же выступает за организацию внутриукраинского политического диалога и проведение в регионе выборов с последующим внесением в Конституцию Украины изменений, закрепляющих особый статус Донбасса. Москва, учитывая реалии политического процесса на Юго-Востоке Украины, в котором движение за автономизацию и федерализацию не получило широкой поддержки со стороны населения, исходит из возможности интеграции ДНР и ЛНР в украинское государство при условии предоставления им широкой автономии, т.е. она исходила из принципа уважения территориальной целостности Украины в границах, которые она имела до распада Советского Союза. При этом подчеркивалось, что после проведения референдума в Крыму и включения его в состав России полуостров является составной частью российского государства и вопрос о его принадлежности обсуждению не подлежит.

По мере того как процесс урегулирования кризиса в «нормандском формате» на основе Минских соглашений зашел в тупик, украинское руководство попыталось достигнуть урегулирования в Донбассе, используя миротворческий контингент ООН и усиление санкционного давления на Россию. Оно рассматривает вооруженный конфликт в регионе как результат агрессии со стороны РФ. Москва же твердо стоит на позиции, в соответствии с которой речь идет о внутреннем конфликте, в котором она выступает в качестве посредника между украинскими властями и самопровозглашенными республиками.

Политика РФ в отношении конфликта на Юго-Востоке Украины исходит из того, что его урегулирование возможно только на основе выполнения положений Минского соглашения, которые Киевом должны быть реализованы в полном объеме. Без этого говорить о мирной интеграции ЛНР и ДНР в украинское государство не приходится, так как население самопровозглашенных республик не хочет жить в государстве, где их считают людьми второго сорта, которых можно люстрировать и отправлять в лагеря для перевоспитания. Россия стремится не допустить военно-силового подавления силами украинской армии самопровозглашенных республик. В то же время Москва старается избежать прямой военной интервенции в Донбассе и размещения там своих регулярных воинских частей. Это потребовало бы политического признания независимости самопровозглашенных республик, что автоматически означало бы отказ от Минских соглашений с последующим обвинением России в агрессии против независимого государства. Однако если Киев силой оружия попытается установить свой контроль над ЛНР и ДНР, то Россия не остановится перед использованием своих вооруженных сил для того, чтобы не допустить такого развития событий. ЛНР и ДНР имеют общую границу с Россией, являются частью «российского» и «русского мира», где проживают российские граждане. Поэтому Москва не может остаться в стороне и предпримет все необходимые меры для защиты своих граждан¹⁷.

Администрация украинского президента пытается добиться пересмотра основных положений Минских соглашений, против чего решительно выступает российская дипломатия, которая указывает на то, что они являются на сегодняшний день единственной основой преодоления кризиса на Юго-Востоке Украины и альтернативы им не имеется.

Другим конфликтом, угрожающим стабильности на постсоветском пространстве и в первую очередь на Южном Кавказе, в урегулировании которого Россия принимает самое активное участие, является нагорнокарабахский.

¹⁷ Официальный представитель МИД России Мария Захарова предостерегла украинские власти от попыток реализовать силовой сценарий в Донбассе // Ведомости. 12 марта 2021.

Лидирующая роль России в мирном процессе на Южном Кавказе обусловлена ее исторической вовлеченностью в происходящие в регионе события, добрососедскими отношениями со сторонами конфликта, ее стремлением укреплять безопасность и стабильность на прилегающих к ее границам территориях. В своем подходе к урегулированию нагорнокарабахского конфликта Россия исходила из того, что ответственность за его достижение лежит в первую очередь на Армении и Азербайджане, мирному решению конфликта не имеется альтернативы и она готова поддержать компромиссные договоренности, которые бы устраивали все вовлеченные стороны, а в случае их достижения готова выступить в качестве их гаранта. Российская дипломатия также подчеркивала, что жизнеспособным может быть лишь такое решение проблемы, которое обеспечит стабильность и безопасность Южного Кавказа и сохранит исторически сложившийся баланс геополитических интересов в регионе и не приведет к его превращению в арену международного политического и военного соперничества. Благодаря усилиям российской дипломатии в ноябре 2008 г. на трехсторонней встрече президентов России, Армении и Азербайджана была принята Маендорфская декларация, в которой армянский и азербайджанский президенты заявили о своем стремлении решить конфликт исключительно мирными политическими средствами, путем продолжения прямого диалога при посредничестве стран — сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Президенты двух стран также договорились продолжить работу над согласованием политического урегулирования нагорнокарабахского конфликта на основе Мадридских предложений. Однако в силу принципиальных различий в подходах двух стран к урегулированию конфликта российской дипломатии не удалось добиться его решения на основе взаимных договоренностей и перспективы нового вооруженного конфликта между странами становились все более реальными. В апреле 2016 г. на линии соприкосновения в Нагорном Карабахе произошла масштабная эскалация вооруженного противостояния, которое нарушало взятые сторонами взаимные обязательства по Соглашению о бессрочном прекращении огня. Благодаря усилиям, предпринятым Россией, боевые действия были прекращены. Соответствующие договоренности об этом были достигнуты на встрече начальников Генеральных штабов Азербайджана и Армении в Москве.

Вооруженный конфликт показал, что сложившийся статус-кво в регионе исчерпал себя, он не устраивает ни одну из конфликтующих сторон, и в первую очередь Азербайджан, и его поддержание требует от российской дипломатии новых подходов к урегулированию конфликта или же ей следует согласиться с его неизбежным «размораживанием», что означало бы новую армяно-азербайджанскую войну. Россия столкнулась со сложной проблемой, и уклониться от участия в ее решении она не могла. Москва заинтересована в стабильных, дружественных, взаимовыгодных отношениях как с Арменией, так и с Азербайджаном в рамках своей политики на постсоветском пространстве и с учетом нарастающего геополитического противостояния с Западом.

Поэтому военные действия между двумя странами ставили Россию перед необходимостью выбора объекта поддержки, что таило в себе угрозу неизбежного ухудшения отношений с одним из них, что не отвечало российским интересам. В этих условиях, понимая, что сохранить статус-кво не представляется возможным, Москва стремилась путем переговоров найти новый баланс интересов между Арменией и Азербайджаном. Формула этого баланса интересов конфликтующих сторон благодаря усилиям российской дипломатии была выработана в 2013 г. в рамках Минской группы ОБСЕ, на встречах в верхах в Казани, а затем в Санкт-Петербурге в 2016 г. В ее основу были положены «обновленные или базовые Мадридские принципы». Благодаря гибкости проводимой РФ политики и Армения, и Азербайджан сохранили доверие к ней и рассматривают Москву как важного медиатора, по-прежнему играющего особую роль в процессе урегулирования на Южном Кавказе, что обеспечивается высоким уровнем доверия между российской политической элитой, с одной стороны, и армянской и азербайджанской, с другой.

Тем не менее предотвратить размораживание конфликта Россия не смогла. Инициативу по урегулированию конфликта взял в свои руки Баку, который посчитал, что настало время решить конфликт силой, заявив, что все усилия решить его мирным путем успеха не имели и поэтому политика переговоров исчерпала себя. 27 сентября 2020 г. азербайджанские войска начали наступательную операцию против Нагорно-Карабахской Республики и к началу ноября разгромили ее во-

оруженные силы, взяв под свой контроль большую часть территории НКР. На Южном Кавказе сложилась совершенно иная геостратегическая ситуация, которая требовала от России быстрой реакции. Хотя Армения и является союзником России по ОДКБ, Россия отказалась от ее безусловной поддержки, мотивируя это тем, что Азербайджан не напал на территорию Армении и она тем самым не подверглась агрессии, что освобождает РФ от выполнения взятых на себя обязательств по ее защите. В этом конфликте Россия проводила политику посредничества и не встала на сторону ни одной из конфликтующих сторон. В создавшихся условиях это была единственно правильная политика, отвечавшая интересам национальной безопасности России. Она позволила ей сохранить свое участие в политическом процессе и способствовать стабилизации обстановки.

С самого начала конфликта Россия совместно с США и Францией — сопредседателями Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху заявляли о том, что они самым решительным образом осуждают эскалацию насилия в зоне нагорнокарабахского конфликта, и призывали к прекращению боевых действий между вооруженными силами конфликтующих сторон, а руководителей Армении и Азербайджана — взять на себя обязательства добросовестно и без предварительных условий возобновить переговоры по существу урегулирования при содействии сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Благодаря усилиям российской дипломатии в ночь на 10 ноября 2020 г. лидеры России, Азербайджана и Армении подписали трехстороннее соглашение, которое прекращало военные действия, возвращало Азербайджану Агдамский, Кельбаджарский и Лачинский районы, а также город Шуши, предусматривало ввод в регион российских миротворцев на срок в пять лет при автоматическом продлении их присутствия на очередной пятилетний срок, если ни одна из сторон за шесть месяцев до истечения срока не выступит против этого. Без подписания этого соглашения положение в регионе было бы гораздо более драматичным. Был бы не только разгромленный Карабах и унижена Армения, но произошло бы существенное укрепление позиций и влияния Турции, а о какой-либо особой роли России в регионе можно было бы просто забыть, что означало бы ее серьезное геополитическое

поражение¹⁸. В соответствии со всеми резолюциями ООН, Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Азербайджана, также как и территории, захваченные Армией обороны Арцаха в начале 90-х гг. прошлого столетия. Армения с тех пор не подвела никакой правовой основы под свою политику в отношении Нагорного Карабаха. Неопределенность статуса НКР для Армении, союзника России по ОДКБ, не позволяла Москве выступить в защиту этой территории. С формально-юридической точки зрения, Россия рассматривала этот конфликт как сугубо внутреннее дело Азербайджана, т.к. он на территорию собственно Армении не напал и вел боевые действия с сепаратистами на своей территории. Боевые действия велись между Армией обороны Арцаха и азербайджанскими войсками. Армения официально не вводила в Карабах свои войсковые подразделения, хотя и не препятствовала отправке туда добровольцев¹⁹.

Благодаря вводу российских миротворцев жителям НКР обеспечена защита, а Россия получила возможность в какой-то степени контролировать действия противоборствующих сторон.

В ходе боевых действий в Нагорном Карабахе и нарастающей напряженности между Арменией и Азербайджаном Россия выполнила все взятые ею обязательства, вытекающие из многосторонних и двусторонних договоров, подписанных между РФ и Арменией, на что неоднократно указывало и армянское руководство. По словам российского Президента В.В. Путина, «Армения не чувствовала себя брошенной, забытой. И Россия сделала все, чтобы этого не было»²⁰. В первые дни войны, когда условия мира были намного более благоприятными для Армении, армянское руководство упустило возмож-

¹⁸ РСМД — Нагорный Карабах-2020: разморозка конфликта и реформирование его регулирования. — URL: [https:// russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorny-karabakh-2020-ramorozka-konflikta-i-reformatirovaniye-ego-uregulirovaniya](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorny-karabakh-2020-ramorozka-konflikta-i-reformatirovaniye-ego-uregulirovaniya).

¹⁹ *Ананьев А.* Вокруг Карабахского конфликта// *Международная жизнь.* — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28202>.

²⁰ *Путин В.В.* Ответы на вопросы СМИ по ситуации в Нагорном Карабахе. — URL: www.kremlin.ru/events/president/news/64431.

ность согласовать с Баку статус Карабаха на приемлемых для себя условиях, но когда оборона Нагорного Карабаха рухнула и Шуша была сдана, вопрос о статусе отпал, так как Азербайджан отказался его обсуждать, диктуя Еревану свои условия с позиции победителя. Тем самым окончательный статус Нагорного Карабаха оказался неурегулированным. Россия настояла на сохранении нового статус-кво в регионе с тем, чтобы в будущем, когда будут созданы условия для нормальной жизни, для восстановления отношений между Арменией и Азербайджаном можно было начать переговоры об окончательном статусе Нагорного Карабаха. Это решение об отложенном статусе Нагорного Карабаха Россия приняла с учетом сложившейся в регионе обстановки, баланса сил конфликтующих сторон и интересов Армении и Азербайджана²¹. Тем самым нагорнокарабахский конфликт не получил пока еще окончательного разрешения и для его урегулирования России придется приложить немало усилий.

Активно участвуя в поисках путей урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины и нагорно-карабахского конфликта, Россия не упускала из вида и ситуацию в Приднестровье, которая, хотя и находилась все последние годы в замороженном состоянии, тем не менее потенциально содержала в себе угрозу дестабилизации обстановки в регионе. Приднестровский конфликт, после того как он был переведен в мирную фазу в 1992 г., не был отмечен вооруженными столкновениями противоборствующих сторон. При посредничестве России, ОБСЕ и Украины в 1996 г. были подписаны два меморандума об урегулировании конфликта, но они не привели к его завершению. Не удалось достигнуть позитивных результатов и в последующие годы, несмотря на усилия российской дипломатии развязать приднестровский узел. Выработанный государственной комиссией по содействию политическому урегулированию конфликта во главе с Е. Примаковым проект соглашения был раскритикован как в Молдове, так и в ПМР и поэтому не был реализован. В 2003 г. Россия предложила новую модель урегулирования конфликта, которую разработал Д. Козак, бывший в то время заместителем руководителя администрации Пре-

²¹ *Путин В.В.* Ответы на вопросы СМИ по ситуации в Нагорном Карабахе. — URL: www.kremlin.ru/events/president/news/64431.

зидента РФ. Документ, получивший название «Меморандум Козака», предполагал создание на территории Молдовы асимметричной федерации под названием «Федеративная Республика Молдова», в состав которой входили бы также два субъекта федерации — Приднестровье и Гагаузия²². Этот документ предусматривал нахождение на территории будущей федерации российских миротворцев, что вызвало резкое возражение как со стороны Кишинева, так и со стороны ЕС, а также массовые антироссийские выступления в стране. В такой обстановке политических предпосылок для реализации проекта не имелось и он был отложен в сторону. Была предпринята попытка решить приднестровскую проблему с помощью создания «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», известного как формат «5 + 2», в котором Молдова и Приднестровье выступают как стороны конфликта, Россия, Украина и ОБСЕ — как посредники, а ЕС и США — как наблюдатели. Однако участники «Постоянного совещания» имели разные концепции урегулирования конфликта и поэтому каких-либо положительных сдвигов в разрешении проблемы не удалось достичь. Ситуация усугубляется также и тем, что конфликтующие стороны подходят к разрешению конфликта с взаимоисключающих позиций: в Тирасполе заявляют, что ПМР является независимым государством и в этом качестве республика должна быть признана мировым сообществом. Кишинев же настаивал и настаивает на том, что Приднестровье является неотъемлемой частью РМ и никак иначе этот вопрос рассматриваться не может. На этих позициях стоял молдавский президент-социалист И. Додон, ее же придерживается и вновь избранный президент Республики М. Санду.

В этих условиях разрешение конфликта и объединение конфликтующих сторон в рамках единого государства нереально и для российской дипломатии это было бы непосильной задачей. Ситуация для России усложняется еще и тем, что 22 июня 2018 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию о выводе оперативной группы российских войск из Приднестровья, что свидетельствует о поддержа-

²² «Меморандум Козака»: российский план объединения Молдовы и Приднестровья. — URL: <https://regnum.ru/news/458547.html>.

ке большей части мирового сообщества позиции Молдовы. Делегации 64 государств выступили в ее поддержку, 14 стран выступили против, и 83 страны воздержалось. МИД России охарактеризовал этот документ как «провокационный»²³.

Для разрешения приднестровской проблемы Указом Президента РФ от 11 июля 2018 г. специальным представителем Президента по развитию торгово-экономических связей с РМ был назначен Д. Козак, что означало намерение российского руководства вернуться к «Меморандуму Козака» 2003 г. как основе урегулирования конфликта. Но в настоящее время реальных предпосылок для этого не имеется. Кишинев по-прежнему отрицает всякую возможность федерализации страны, лежащую в основе «плана Козака», а ПМР после почти тридцатилетнего самостоятельного развития создала свою независимую квазигосударственность и отказываться от нее не собирается.

Приднестровская проблема в течение многих лет находилась на периферии внимания европейских государств, направленного на решение многочисленных вопросов европейской безопасности. Однако в контексте украинского кризиса и нарастающей конфронтации между Россией и Западом она стала одним из важных пунктов международной повестки дня. Дальнейшее поддержание статус-кво для России становится все более проблематичным, и ей приходится прилагать немалые усилия с тем, чтобы сохранить свое влияние в регионе и обеспечить соблюдение интересов своей национальной безопасности.

Избранная в 2020 г. на должность Президента РМ Майя Санду придала новую динамику процессу урегулирования приднестровского конфликта. С одной стороны, она заявляет о том, что не видит никаких предпосылок для возобновления боевых действий в Приднестровье²⁴. По ее мнению, конфликт должен быть разрешен исключительно мирными дипломатическими средствами²⁵. С другой стороны, она вы-

²³ ОБСЕ высказалась за вывод российских миротворцев из Приднестровья. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/07/09obse-vyskazalas-zavyvod-rossiyskih-mirotvorcev-iz-pridnestroviya>.

²⁴ Санду не увидела угрозы карабахского сценария в Приднестровье. — URL: <https://www.rbc.ru/holitics/30/11/2020/5fc4b5cc9a7947fb5a1ee3b6>.

²⁵ Там же..

стует против федерализации страны как основополагающего принципа урегулирования конфликта и «мягкого подхода» к переговорам с Тирасполем, который «не может быть эффективным». Одновременно она настаивает, как она делала и ранее, «на полном выводе российских войск с территории Молдавии и замене российских миротворцев в Приднестровье на миссию гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ»²⁶. Если ее заявления будут трансформироваться в реальные политические шаги и она при поддержке Запада будет оказывать давление на Россию с тем, чтобы заставить ее выполнить свои требования, то ситуация вокруг Приднестровья может резко обостриться, что вынудит РФ принять ответные меры. Поэтому полностью исключать возникновение в этом регионе кризиса, сходного с украинским, не представляется возможным. Россия четко обозначила свою позицию в ответ на заявления М. Санду. Как отметил министр иностранных дел РФ С. Лавров, «Москва не может согласиться со словами избранного президента Молдавии Майи Санду о необходимости вывода Оперативной группы войск из Приднестровья ввиду угрозы возникновения нового конфликта в этом регионе»²⁷. В этих условиях наиболее рациональными действиями российской дипломатии являются усилия по сохранению сложившегося статус-кво, т.е. замораживанию конфликта и продолжению поиска новых возможностей для его урегулирования.

Важным направлением политики России на постсоветском пространстве является развитие двустороннего сотрудничества с новыми независимыми государствами. За прошедшие после распада СССР тридцать лет на этом пространстве произошли необратимые изменения. Его геополитическая целостность под влиянием воздействия внутренних и внешних факторов оказалась нарушенной. Одна группа государств в своей внешней политике ориентируется на установление

²⁶ Избранный президент Молдавии выступила за вывод российских войск из Приднестровья. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/20_a_13369015.shtml.

²⁷ Лавров заявил о несогласии России с требованием вывести войска из Приднестровья. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/12/01_a_13382371.shtml.

тесных экономических, хозяйственных и военно-политических союзнических отношений с Россией. Вместе с РФ они входят в ОДКБ и ЕАЭС. Другая группа государств строит свое сотрудничество с Россией на принципах партнерства. Они проводят политику балансирования между РФ и Западом и не стремятся к вхождению в их военно-политические и интеграционные группировки, предпочитая проводить политику своеобразного неприсоединения. Третью группу представляют государства, отношения с которыми у России характеризуются открытой враждебностью. Это требует от Москвы проведения на постсоветском пространстве своеобразной дифференцированной внешней политики, в рамках которой она стремится реализовать свои приоритеты, используя для этого различные средства и методы.

Среди стран первой группы особое значение РФ придает взаимоотношениям с Республикой Беларусь. В свою очередь и Минск рассматривает Москву в качестве своего важнейшего стратегического союзника. Взаимодействие с Россией во многом определяет экономическое развитие Республики Беларусь. По показателям экономического воздействия РФ и торгово-экономической связанности Беларусь значительно опережает все другие постсоветские страны. Россия — это главный внешнеторговый партнер Беларуси. На долю России приходится примерно 49% внешнеторгового оборота. Она представляет собой безальтернативного поставщика энергоресурсов, основной рынок сбыта продукции многих отраслей белорусской экономики, в первую очередь обрабатывающей промышленности. Предприятия индустриального сектора РБ поставляют на российский рынок от 70 до 90% экспортируемой продукции²⁸. Россия является для Беларуси стратегически важной страной-транзитером. Через ее территорию идет большая часть продукции, экспортируемой Беларусью в другие страны ЕАЭС и СНГ и импортируемой из них. Особое значение для РБ имеют поставки из России на основе интеграционных соглашений российских энергоресурсов — нефти и природного газа. Экономическая помощь и поддержка с стороны России в различных формах в разные годы составляла от 11 до 27% ВВП Беларуси. Объ-

²⁸ Статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. С. 61, 67.

емная поддержка РФ во многом обуславливает устойчивость реализуемой в РБ экономической модели, нацеленной на формирование социально ориентированной рыночной экономики при ведущей роли государства в хозяйственной жизни и обеспечении высокого уровня социальной защищенности населения. Однако внешнеэкономическая ориентация в первую очередь на РФ несет в себе многие риски и угрозы. Экономический кризис, который Россия переживает в последние годы, оказывает заметное негативное влияние на Беларусь, что ощущается в связанных с Россией отраслях белорусской экономики, в социальной сфере, в которой уменьшение объемов российских субсидий из-за переживаемых экономических трудностей вынуждает белорусские власти сокращать выполнение своих социальных обязательств перед населением. Сейчас становится очевидным, что в условиях переживаемого экономического кризиса Россия не сможет выступать в качестве драйвера социально-экономического развития РБ.

Одним из важнейших факторов, определяющих характер двусторонних российско-белорусских отношений, является различие подходов двух стран к строительству Союзного государства, обусловленное несовпадением их национальных интересов. Для России сотрудничество с Беларусью важно в первую очередь (но не только) с геополитической и геоэкономической точек зрения с учетом нарастающей конфронтации с Западом. Беларусь для нее — это ворота в Европу, союзник на дальних подступах к России. Поэтому РФ рассматривает РБ как стратегического союзника и стремится увязывать предоставление ей экономических преференций с продвижением к более глубокой военно-политической интеграции двух стран, подчеркивая при этом, что «об объединении речи не ведется»²⁹. Беларусь, для которой эти преференции жизненно необходимы, видит в их получении основной смысл интеграции двух стран, но не стремится к форсированию интеграции в политической и военной сферах, опасаясь утраты своего суверенитета. По словам белорусского президента, «сейчас мир изменился, так что разговоры о том, что Белоруссия должна войти

²⁹ Дмитрий Песков: «Друзей у России гораздо больше, чем недругов». — URL: https://aif.ru/politics/russia/dmitriy_peskov_druzey_u_rossii_gorazdo_bolshe_chem_nedrugov.

в состав России, или Россия должна войти в состав Белоруссии, или мы вообще как-то должны слиться, создав единые органы управления, было бы глупо даже работать в этом направлении. И абсолютно не нужно»³⁰. Тем самым несовпадение национальных интересов двух стран представляет собой крайне сложную проблему, без решения которой дальнейшее продвижение по пути интеграции будет весьма затруднительным³¹.

Другим государством, сотрудничество с которым имеет для России ключевое значение, является Казахстан. Главное место в их взаимодействии занимают экономические вопросы, связанные как с двусторонними отношениями, так и с развитием Евразийского Экономического Союза. По российской оценке, «у нас общая позиция в том, что касается развития интеграционных процессов на нашем общем геополитическом пространстве, евразийском пространстве»³². Между двумя странами поддерживаются интенсивные контакты на разных уровнях и по различным направлениям, выстроен постоянный политический диалог на высшем уровне. Традиция регулярных встреч на высшем уровне и установившиеся доверительные отношения представляют собой важный фактор, играющий огромную роль в налаживании равноправных и взаимовыгодных связей, осуществляются интенсивные контакты на уровне правительств обеих стран, торгово-экономическое, межпарламентское и культурное сотрудничество. С полным основанием можно говорить о том, что сложился стратегический альянс между Россией и Казахстаном. Между двумя государствами не имеется неразрешимых проблем и острых противоречий. Таких взаимоотношений у Москвы не налажено не только ни с одной другой страной центральноазиатско-

³⁰ Лукашенко раскрыл карты. Но Кремль молчит. — URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20210305/1030746984.html>.

³¹ *Шурубович А.* Российско-белорусская интеграция вновь на перепутье // Мир перемен. 2020. № 1. С. 165–179.

³² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с заместителем Премьер-Министра, Министром иностранных дел Республики Казахстан М.Б. Тлеуберди, Нур-Султан, 8 апреля 2021 года. — URL: https://www.mid.ru/posledniye/_dobavlenniyе/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4670761.

го региона, но и на всем постсоветском пространстве. В то же время в развитии Казахстана проявляются тенденции, которые у РФ вызывают беспокойство, т.к. в перспективе могут негативно отразиться на двусторонних отношениях. К их числу следует отнести рост национально-патриотических настроений в казахском обществе, пересмотр на официальном и неофициальном уровнях различных событий в истории Казахстана, несущих антироссийский и антирусский подтекст, перевод алфавита казахского языка с кириллицы на латиницу. Высокий уровень доверия, установившийся между руководителями двух стран, позволяет надеяться, что влияние этих факторов будет минимизировано.

Среди второй группы государств по масштабу сотрудничества в политической и экономической областях выделяются российско-азербайджанские отношения, которые носят характер стратегического партнерства. Правовой основой двустороннего сотрудничества является подписанный в 1997 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой, в соответствии с которым обе страны обязуются не участвовать в агрессивных действиях друг против друга, в том числе и через третьи страны, осуждают сепаратизм во всех его проявлениях, обязуются не поддерживать сепаратистские движения³³. Вступив в 1997 г. в проамериканский блок ГУАМ — Организацию за демократию и экономическое развитие, образованную Грузией, Украиной, Азербайджаном, Узбекистаном и Молдовой, Баку не пошел по пути конфронтации с Россией, а настойчиво искал возможности для взаимодействия с РФ, обоснованно полагая, что противостояние с ней пагубно отразится на его безопасности. Одним из факторов, определяющих эволюцию двусторонних российско-азербайджанских отношений, являются доверительные отношения, которые сложились между российским Президентом В.В. Путиным и азербайджанскими элитами³⁴. Несмотря на тесное и многоплановое сотрудничество

³³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. — URL: <https://docs.cntd.ru/documtnt/8305322>.

³⁴ Как после войны в Карабахе у России появился новый союзник в Закавказье. — URL: https://lenta.ru/articles/2020/12/23/rus_azer/

с Турцией, Баку не умаляет значимости для себя взаимоотношений с Москвой и ищет возможности для их укрепления, выстраивая в этих целях прагматичную политику на российском направлении. Занимаясь национальным строительством и поиском своей идентичности, участвуя в различных политических и экономических проектах, инициированных Западом, Баку всегда стремится учитывать российские интересы и не ущемлять их. Азербайджан показал всем новым независимым государствам, что независимость можно обеспечить не обязательно на основе конфронтации с Россией или же с помощью безоговорочной лояльности ей. Баку «показывает пример всем постсоветским республикам, что если уважительно относиться к Москве, не поддаваться давлению третьих стран и вести, что называется, честную игру, то можно договориться на самых выгодных для себя условиях, где будут соблюдены интересы всех сторон»³⁵.

Нейтральная и конструктивная позиция, занятая Москвой в отношении военных действий, предпринятых Баку в Нагорном Карабахе осенью 2020 г., способствовала дальнейшему укреплению доверия между двумя странами, авторитета России в Азербайджане. Сегодня Москва стремится к тому, чтобы с помощью совместных экономических проектов подтолкнуть Азербайджан и Армению к достижению устойчивого мирного решения конфликта, для чего ей необходимо соблюдать баланс в отношениях с каждой из них. Такая российская политика создает новые предпосылки для углубления российско-азербайджанского взаимодействия. По словам В.В. Путина, «для нас и Армения, и Азербайджан — равные партнеры» и никто в урегулировании ситуации в Нагорном Карабахе «не заинтересован больше России»³⁶.

Российско-азербайджанские отношения опираются на взаимную заинтересованность в развитии экономического сотрудничества. Азербайджан закупает у России большие объемы оружия, причем платит за это «живыми» деньгами, в отличие от многих других рос-

³⁵ Как после войны в Карабахе у России появился новый союзник в Закавказье. — URL: https://lenta.ru/articles/2020/12/23/rus_azer/

³⁶ О перспективах СНВ-3, Нагорном Карабахе и Белоруссии. Ключевые ответы Путина на «Валдае». — URL: <https://tass.ru/politika/9793835>.

сийских партнеров. Влиятельным фактором в форматировании двусторонних связей является наличие в России многочисленной азербайджанской диаспоры и азербайджанского бизнеса в РФ, которые выступают в качестве связующего звена между двумя нашими государствами. Сегодня между двумя странами не имеется каких-либо глубоких противоречий, обусловленных столкновением интересов, что в перспективе могло бы подорвать их взаимное сотрудничество. Такая ситуация является результатом гибкости российской политики, с одной стороны, и прагматичности подходов Баку, с другой. Заявление азербайджанского президента И. Алиева «Для нас Россия важнейший партнер, друг, добрый сосед, мы очень дорожим этими отношениями» представляет собой реальную характеристику сложившихся двусторонних связей³⁷.

В третьей группе новых независимых государств центральное место принадлежит российско-украинским отношениям. Проводимая Украиной внутренняя и внешняя политика представляет собой весьма серьезный вызов интересам национальной безопасности России.

Россия расценила приход к власти в Киеве украинских националистов как угрозу своей национальной безопасности, а действия Запада, поддержавшего и одобрившего государственный переворот, как силовой передел сфер влияния. Ее реакция была жесткой и решительной, чего западные страны явно не ожидали. Россия провела в марте 2014 г. референдум в Крыму, и на основе его результатов было принято решение о включении полуострова в состав РФ. В начавшемся в апреле того же года внутривосточном гражданском конфликте в Донбассе, когда часть проживавшего там населения отказалась признать легитимность новой власти в Киеве и с оружием в руках выступила против нее, Москва поддержала восставших дончан, считая их действия оправданными. Все это привело к глубокому кризису российско-украинских отношений, которые перешли в состояние холодной войны.

³⁷ Влияние стран Востока на мировой порядок и роль России- темы дискуссионного клуба «Валдай» . — URL: https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2019-10-03/373340-vlijanie_stran_vostoka_na_mirovoy_poryadok_i_rol_rossii_temy_diskussionnogo_kluba_Valday”.

Для Украины Россия является агрессором и оккупантом. Как говорится в принятом Верховной Радой 18 января 2018 г. Законе «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины над временно оккупированными территориями в Донецкой и Луганской областях», Россия — это «агрессор», а неподконтрольные украинскому правительству территории названы «оккупированными Россией»³⁸. В военных доктринах Украины, принятых в 2015 и 2021 гг., Россия была названа ее военным противником³⁹. Украина не признала и не признает присоединение Крыма к России, рассматривая его в качестве временно оккупированной территории, и его возвращение в состав Украины является важнейшей внешнеполитической задачей страны. Украинские власти неоднократно заявляли о том, что отношения с Россией не могут быть нормализованы, если Россия не вернет Крым.

Итоги деятельности П. Порошенко в качестве президента свидетельствовали о том, что украинские власти возвели в ранг государственной политики русофобию и проводили целенаправленную политику конфронтации с Россией, разрыва сложившихся между двумя народами духовных скреп и перевода страны в зону притяжения западноевропейской цивилизации.

Новый президент Украины В. Зеленский, сменивший П. Порошенко, никаких принципиальных изменений в свою внешнюю и внутреннюю политику не внес и продолжил проводить ту же линию, которой придерживался его предшественник. Он стоит на позициях

³⁸ Закон «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины над временно оккупированными территориями в Донецкой и Луганской областях» от 18.01.2018 № 2268-VIII. — URL: search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/t182268.html; Рада признала Россию агрессором и оккупантом: что изменится? — URL: <https://www.bbc.cjm/ukrainan/features-russian-42731853>.

³⁹ О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 2 сентября 2015 года «О новой редакции Военной доктрины Украины» Указ Президента. Решение от 24.09.2015 № 555.2015. — URL: search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/usss_15.html; Стратегія воєнної безпеки України. — URL: <https://www.mil.gov.ua/diyalnist/reformi-ta-planuvannya-usferi-oboroni/voenna-doktrina.html>.

конфронтации с Москвой и старается создавать ей проблемы везде, где только это можно сделать, и строит отношения между двумя странами по логике холодной войны и «игры с нулевой суммой».

Со своей стороны Россия, как это записано в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., заявляла о своей заинтересованности «в развитии всего многообразия политических, экономических, культурных и духовных связей с Украиной на основе взаимоуважения, выстраивания партнерских отношений при соблюдении своих национальных интересов»⁴⁰. У российского руководства были некоторые надежды на то, что новый украинский президент будет проводить в отношении России более взвешенную политику, очищенную от тех радикальных шагов и заявлений, которые были характерны для периода правления П. Порошенко. Выступая на пресс-конференции 25 апреля 2019 г., Президент РФ В.В. Путин заявил, что Россия «готова восстановить отношения с Украиной в полном объеме», но не может этого сделать «в одностороннем порядке»⁴¹. Из Москвы шли сигналы о готовности российского руководства нормализовать двусторонние отношения. В.В. Путин подчеркивал: «У нас есть много общего, мы единый народ, пусть со своими особенностями, культурой и языком»⁴². При этом основа для оздоровления двусторонних российско-украинских отношений была четко обозначена: вопрос о статусе Крыма не обсуждается, гражданский конфликт на Донбассе — это внутриукраинская проблема, его урегулирование возможно только на базе выполнения Минских договоренностей?⁴³. В ответ украинский президент четко зафиксировал свою позицию

⁴⁰ Новая концепция внешней политики РФ — полный текст. — URL: osinform.org/print:page,1,59104-novaya-koncepciya-vneshney-politiki-rf-polniyy-tekst.html.

⁴¹ Россия готова восстанавливать отношения с Киевом, но не в одностороннем порядке — Путин// Интерфакс-Украина, 25.04.2019. — URL: <https://interfax.cjm.ua/news/political/584014.html>.

⁴² Путин надеется договориться с Зеленским о возможности двойного гражданства. — URL: <https://interfax.com.ua/news/political/584702.html>.

⁴³ Путин не поздравил Зеленского со вступлением в должность. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3975353>.

по отношениям с Россией: «после аннексии Крыма, агрессии в Донбассе из общего у нас осталось только одно — государственная граница. И контроль за каждым миллиметром с украинской стороны Россия должна вернуть. Только тогда мы сможем продолжать поиски общего. Братскими наши отношения точно назвать нельзя»⁴⁴.

Политика В. Зеленского убедительно демонстрирует, что не имеется предпосылок для нормализации российско-украинских отношений, вывода их из того тупика, в котором они оказались. Процессы развития двух стран разводят их все дальше друг от друга, и их противостояние становится все более системным и многоплановым. Преодоление конфронтации между ними потребует немало времени и сил. Говорить о партнерстве и сотрудничестве между двумя странами в этих условиях не приходится, так как речь идет о взаимоотношениях двух враждебных друг другу государств.

В период с 2014 по 2021 г. Россия проводила свою политику на постсоветском пространстве в условиях конфронтации с Западом, ужесточения соперничества за влияние в регионе с другими центрами силы, растущей социально-политической турбулентности в новых независимых государствах, в обстановке переживаемого ею экономического кризиса, ограничивающего ресурсы ее внешнеполитической активности. Новые вызовы и угрозы безопасности требовали от российской дипломатии быстрых и адекватных ответов, которые бы их парировали. Становится очевидным, что ситуация на постсоветском пространстве претерпевает принципиальные изменения и фактор неопределенности становится доминирующим. Постсоветский период трансформации новых независимых государств заканчивается, они превращаются в составную часть прилегающих геополитических регионов, и их развитие начинает подчиняться во все возрастающей мере логике их эволюции. Постсоветское пространство как геополитическое понятие уходит в прошлое. Это требует от российской внешней политики новых концептуальных подходов к защите своих интересов в отношениях с СНГ.

⁴⁴ Зеленский: у России и Украины из общего осталась только граница. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3961492?from=hotnews>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргамакова А.А., Упит О.В., Шайхутдинова Д.Р.* Проектирование социальных структур на основе кибернетических методов// Социальные и цифровые исследования науки/ под ред. А.А. Аргамаковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. М.: Русское общество истории и философии наук, 2020.
2. *Акаев А.* Учение В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева о ноосфере, коэволюции// Партнерство цивилизаций. 2013. № 1–2. С. 93–97.
3. *Акопов Г.Л.* Медиаменеджмент в контексте информационных войн и распространения дезинформации// Век информации. 2018. № 2–2.
4. *Александренко В.Н.* Внешняя политика САСШ и учение Монроэ// Журнал министерства юстиции. 1903. № 4.
5. *Арбатов А.Г.* Кризис контроля над ограничением и нераспространением ядерного оружия// Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 10. С. 897–901.
6. *Архитектура евроатлантической безопасности/* под общ. ред. И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. М.: Экон-Информ, 2009.
7. *Аузан А.* Развитие и «колея» зависимости// Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105.
8. *Батуева Е.В.* Политический диалог по вопросам управления Интернетом// Мировая политика: новые проблемы и направления: сборник научных статей/ под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 15–22.
9. *Бейлер А.* Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019.
10. *Бедрицкий А.В.* Американская политика контроля над кибернетическим пространством// Проблемы национальной стратегии. 2010. № 2 (3). С. 25–40.
11. *Белозеров В.К.* Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления, размышления после Венской конференции по стратегии// Власть. 2020. № 1. С. 24–26.

12. *Белозеров В.К.* Коалиционная политика России на пути к прагматизму // Вестник аналитики. 2007. № 2.
13. *Белозеров В.К., Даниленко И.С., Емельянов А.И., Касюк А.Я., Соловьев А.В.* Социум. Государственная стратегия, Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны. М.: НЕОЛИТ; ИПБ СНГ, 2019.
14. *Бернгарди Фридрих фон.* Германия и следующая война. СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1912. 480 с.
15. Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации. Коллектив авторов Волгоградского научно-исследовательского противочумного института // Журнал микробиологии. 2018. № 3. С. 87–96.
16. *Блищенко В.* Признание государства в международном праве // Обозреватель — Observer. 2017. № 5. С. 5–13.
17. *Бобылёв Н.Г., Сергунин А.А.* Принципы стратегического планирования устойчивого развития российских арктических городов // Вестник Северо-восточного федерального университета. Серия «Экономика, социология, культурология». 2019. № 2 (14). С. 7–15.
18. *Бондаренко Д.М., Хохолькова Н.Е.* Метаморфозы идентичности африкано-американцев в постсегрегационную эпоху и теория афроцентризма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 11 (2). С. 30–45.
19. *Боннар А.* Греческая цивилизация. В 3 томах. Т. 3. От Еврипида до Александрии / пер. с фр. М.: ИЛ, 1958. С. 17. 388 с.
20. *Борисов А.В.* Гуманитарное измерение «мягкой силы» России // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020.
21. *Бородкин Л.И.* Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1. С. 4–16.
22. *Бочаров И.Ф.* Практические аспекты ядерного сдерживания // США и Канада. 2009. № 12. С. 17–32.
23. *Братерский М.В.* Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. № 1. Т. 13.
24. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира / пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

25. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. / пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.
26. *Брубейкер Р.* «Диапоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // *Диапоры.* 2000. № 3.
27. *Васильев В.И.* Правый популизм в Германии: тревожная тенденция // *Обозреватель — Observer.* 2017. № 1. С. 47–65.
28. *Веджвуд С.В.* Тридцатилетняя война. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2012. 571 с.
29. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. 334 с.
30. *Гаврилова С.М.* Кризис традиционных политических сил и рост популярности «политической альтернативы» в Европе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2019. № 2(20). С. 78–89.
31. *Гаврилова С.М.* «Несистемные» политические партии в странах Европы // *Международная жизнь.* 2018. № 10. С. 125–140.
32. *Гаврилова С.М.* Политическая альтернатива и будущее Европы // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2019. № 4(22). С. 203–217.
33. *Гаврилова С.М.* Россия и Италия: тенденции сотрудничества // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2020. № 2(24). С. 64–77.
34. *Гаврилова С.М.* Рост правопопулистских настроений и кризис традиционных политических партий в Европе // *Дипломатическая служба.* 2017. № 6(75). С. 19–27.
35. *Гаврилова С.М.* Современная Европа: преемственность и поиск новых решений // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2021. № 2(28). С. 195–205.
36. *Гаврилова С.М.* Феномен правого популизма в современной Европе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2020. № 4(26). С. 212–221.
37. *Гаджиев К.* Размышления о великой трансформации в условиях турбулентности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64. № 11.
38. *Гальперин М.Л.* Россия в Совете Европы: 25 лет юридического и судебного сотрудничества // *Международная жизнь.* 2021. № 2.

39. *Голомидова П.С., Сабуров А.А.* Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы// Арктика и Север. 2016. № 25. С. 61–77.
40. *Горбатов Д.С., Орианская Е.О., Сенаторова А.В.* Типология интернет-мемов в политической сфере: агрессоры, протекторы... трикстеры// Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность. Сб. научн. ст./ под ред. Г.В. Мерзляковой, Л.В. Баталовой, С.А. Васюра. Ижевск: Удмуртский университет, 2020.
41. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 528 с.
42. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Эксмо, 2017. 576 с.
43. *Дегтерев Д.А.* Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. М.: ВАГШ ВС РФ, 2019.
44. *Дегтярев Д.А., Истомин И.А.* Системное моделирование международных отношений// Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 18–29.
45. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
46. *Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни// Вестник Моск. ун-та. Сер. 18 «Социология и политика». 2018. Т. 24. № 1. С. 58.
47. *Дынкин А., Телегина Е.* Пандемия и посткризисный мир// Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 64 (8).
48. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: НЛЮ, 2015.
49. Евразийская интеграция в турбулентном мире/ отв. ред. А.Б. Вардомский. СПб.: Алетейя, 2019.
50. Европа в поиске новых решений: Монография/ отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осколков. М.: Институт Европы РАН, 2020. 140 с.
51. Европа в эпоху перемен: Монография/ отв. ред. Т.В. Зверева. М.: Дипломатическая академия, 2017. 483 с.
52. *Зайков К.С., Тамицкий А.М.* Межнациональные отношения в Российской Арктике: состояние и перспективы// Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2016. № 5.
53. *Зиновьева Е.С., Казанцев А.А.* Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа// Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4.

54. *Иванов О.П.* Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса// Современная Европа. 2017. № 6(78). С. 34–46.
55. *Иванов О.П.* Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США// Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2020. № 7(366). С. 39–52.
56. *Иванов О.П.* Европа в зеркале политологии// Международная жизнь. 2018. № 6. С. 147–152.
57. *Иванов О.П.* Модернизация стратегии НАТО и Россия// Современная Европа. 2020. № 3(96). С. 117–127.
58. *Иванов О.П.* Применение вооруженных сил США за рубежом: правовые основы и политическая практика// Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2021. № 3(374). С. 27–41.
59. *Иванов О.П.* Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией// Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2018. № 9(344). С. 5–18.
60. *Иванов О.П.* Ядерное оружие и НАТО в контексте европейской безопасности// Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир/ отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020.
61. *Иванова Л.В.* Сомали: две стороны миротворчества// Миротворение и миротворчество в Африке: сб. науч. ст. к 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона/ отв. ред А.С. Балезин. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019.
62. *Ивашов Л.Г., Белозеров В.К., Касюк А.Я.* и др. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России. М.: МГЛУ, 2012.
63. *Иноземцев В.Л.* США в новом столетии: лидер или империя?// Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. С. XXXI. 352 с.
64. *Калиниченко П.А., Некотенева М.В.* Геномный суверенитет развивающихся стран: приоритеты правового регулирования// Генетические технологии и право в период становления биоэкономики. Монография/ отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М.: Проспект, 2020.
65. *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира// Россия в глобальной политике. 2020. № 2.
66. *Касенова М.Б., Якушев М.В.* Управление интернетом. Документы и материалы. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 395 с.

67. *Касенова М.Б.* Интернет и международное публичное право: ретроспектива доктринальных подходов// Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 18–24.
68. *Касенова М.Б.* Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права// Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). С. 43–64.
69. *Кедури Э.* Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
70. *Кокошин А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.
71. Коммуникативные агрессии XXI века/ под ред В.А. Сидорова. СПб.: Алетейя, 2019.
72. *Коос С.* Объясняя этическое потребительское поведение в Европе (эмпирические данные по 19 странам)// Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2.
73. *Коньшев В.Н., Парфенов Р.В.* Гибридные войны: между мифом и реальностью// Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66.
74. *Копылов И.А., Сацута А.И.* Национальная безопасность современной России через призму политико-правовых и нормативных документов государства// Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 3 (39). С. 55.
75. *Копылов И.А., Сацута А.И.* Правовая политика государства в политологическом измерении// Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1.
76. *Кривушин И.В.* Император Бокассы I и власть в постколониальной Африке// Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 152–167.
77. *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. 1789–1793. М.: Наука, 1979. 576 с.
78. *Крутских А.В., Стрельцов А.А.* Проблемы применения международного права к злонамеренному использованию ИКТ// Международная жизнь. 2014. № 11.
79. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Этническая история китайцев в XIX — начале XX века. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 413 с.
80. Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: сборник статей/ Ин-т «Справедливый мир», Рос. ассоц. по-

- лит. науки; Фонд им. Фридриха Эберта; Ин-т социологии РАН; [ред. кол.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец]. М.: Ключ-С, 2013.
81. *Кучинская М.Е.* Политика сдерживания России: «новая норма» (a new normal) для НАТО// Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40).
 82. *Лагутина М.Л.* Соуправление в Арктике или «арктические партнерства»: российский подход// Международное сотрудничество в Арктике/ под ред. Н.К. Харлампиевой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2017. С. 44–47.
 83. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России)// Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 59–60.
 84. *Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И.* Глобальное управление. М.: МГИМО-Университет, 2013. 220 с.
 85. *Левит Л.В.* Приполярный совет инуитов как институт гражданского общества в арктических государствах и орган по защите прав и интересов аборигенного населения// Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 11. С. 58–62.
 86. *Левощенко В.С.* Новый аспект в международной защите прав человека: этика и биомедицина// Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2000. № 2. С. 135.
 87. *Личность в координатах медиа*/ под ред. Е.В. Выровцевой, Л.Р. Дускаевой. СПб.: Алетейя, 2020.
 88. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
 89. *Лобов М.Б.* Четверть века в общеевропейском правовом поле// Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3 (81).
 90. *Любимов А.П., Ефимова Л.Л.* Международные организации. Хрестоматия/ Московский гуманитарный университет, Юридический факультет. М., 2005. 400 с.
 91. *Люттвак Э.* Государственный переворот: Практик. пособие. М.: РФСО-ИН, 2012.
 92. *Мазур И.И., Чумаков А.Н., Кацура А.В.* Планетарное человечество. На краю пропасти. М.: Проспект, 2016. 208 с.
 93. *Макаренко С.И.* Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. — СПб.: Научные технологии, 2017.

94. *Малапарте К.* Техника государственного переворота (1931). М.: Аграф, 1988.
95. *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997. 554 с.
96. *Манн М.* Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «бестселлер»), 2016. 928 с.
97. Материалы VIII Московской конференции по международной безопасности 23–25 апреля 2019 г. МО РФ. М.: Синхротел, 2019.
98. *Метаморфозы мировой политики / Ред. Лебедева М.М.* М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.
99. *Мировая политика в фокусе современности: Монография / отв. ред. М.А. Неймарк.* М.: Дашков и К°, 2018. 515 с.
100. *Михневич С.В.* Фактор «умной силы» в процессах институализации международных отношений // Вестник международных организаций. 2015. № 10(4).
101. *Мозель Т.Н.* Тернистый путь европейской интеграции // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4(14). С. 6–19.
102. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999. 288 с.
103. *Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М.* Человек и биосфера. М.: Наука, 1985. 272 с.
104. *Моммзен Т.* История Рима. В 5 т. / пер. с нем. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1936–1949.
105. *Монтгомери Дж.* Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 42–56.
106. *Москалькова Т.В.* Взаимодействие уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с Советом Европы: история, достижения, перспективы // Международная жизнь. 2021. № 2.
107. *Мюллер Д.* Тирания показателей: Как одержимость цифрами угрожает здравоохранению, бизнесу и власти. М.: Альпина Паблишер, 2019.
108. *Нагорняк К.И.* Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2000 года // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 23(1). С. 60–77.

109. *Надлер В.К.* Меттерних и европейская реакция. Харьков: Университетская типография, 1882. 286 с.
110. *Нарочницкая Е.А.* Типология и перспективы европейского сепаратизма// Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Доклады Института Европы РАН. 2018. № 357. С. 253–280.
112. *Нарочницкая Н.А.* «Аналитические институты» — глаза, уши и мозг Америки// Наш современник. 2004. № 3. С. 185–194.
113. *Нарышкин С.Е.* Материалы VI Московской конференции по международной безопасности, МО РФ, 26–27 апреля 2017 г. М.: Реденекс, 2017.
114. *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017.
115. *Неймарк М.А.* Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность»// Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 3.
116. *Неймарк М.А.* Россия-НАТО: есть ли у прошлого будущее?// Обозреватель — Observer. 2020. № 12.
117. *Нестеров А.Г., Джаяни М.С.* Движение пяти звезд как феномен «протестной партии» в Италии XXI века// Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 290–303.
118. *Никитин А.И.* Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики. Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3.
119. *Никитин А.И.* Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования// Индекс безопасности. 2011 № 2. Т. 17. С. 105–111.
120. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир/ отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020. 416 с.
121. *Овруцкий А.В.* Глобальный кризис как кризис сверхпотребления: социально-философские аспекты// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 102–105.
122. *Окамото Сюдзэй.* Японская олигархия в русско-японской войне/ пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 317 с.
123. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2003.
124. *Палеолог М., Штоль В.* Православная церковь и истоки ирредентизма в Восточной и Юго-Восточной Европе// Обозреватель — Observer. 2013. № 7. С. 5–14.

125. *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. В 3 т. М.: ИЛ, 1962. Т. 1. Система взглядов колониального периода (1620–1800). 526 с.
126. *Парсонс Т.* Социальная система. М.: Академический проект, 2018.
127. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе // Доклады Института Европы РАН № 357 / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: Институт Европы РАН, 2018. 140 с.
128. *Пастухов В.Б.* Украинская революция и русская контрреволюция. М.: ОГИ, 2014.
129. *Пашенцев Е.Н.* «Закон о борьбе с противниками Америки через санкции» в контексте стратегической информационно-психологической войны // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 66.
130. *Пашенцев Е.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. №76. С. 286 — 287.
131. *Пашенцев Е.Н.* Стратегическая провокация «Украина». М.: МЦСПИК, 2014.
132. *Пашенцев Е.Н., Фан К.Н.А., Дам В.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80.
133. Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / Редкол. И.С. Семеновко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М., ИМЭМО РАН, 2014. 218 с.
134. *Пономарева Е.Г.* Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель — Observer. 2021. № 2.
135. *Пономарева Е.Г., Самсонов А.Г.* Румыния-89: революция или переворот? // Обозреватель — Observer. 2020. № 11.
136. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель — Observer. 2012. № 3.
137. *Портнов В.А.* От редактора // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. М., 2020. № 11. С 1–5.
138. Программные документы борьбы за мир демократию и социализм. М.: Госполитиздат, 1961. 92 с.

139. *Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д.* Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований// Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12.
140. *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47.
141. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение/ под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
142. Санкции+. Что еще в арсенале давления Запада на Россию? Аналитический доклад/ под ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2014.
143. *Сахаров А.Г.* Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета// Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 66–79.
144. *Семенов И.С.* Эволюционные циклы и проблемы прогнозирования политических изменений// Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 173–178.
145. *Сивицкий В.А., Гулумян В.Г.* Европейская хартия местного самоуправления как субсидиарная система гарантий местного самоуправления в Российской Федерации// Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3 (81). С. 13-20.
146. *Смокотин В.М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 222 с.
147. *Сморгунов Л.В.* Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций// Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 62–75.
148. Современная мировая политика/ под ред. В.П. Бажанова. М.: Дашков и К°, 2018. 450 с.
149. Современный мир и геополитика/ под ред. М.А. Неймарка. — М.: Канон +, 2015. 448 с.
150. Социальные и цифровые исследования науки/ под ред. А.А. Аргамковой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. М.: Русское общество истории и философии наук, 2020.
151. *Сурма И.В.* Виртуальное противоборство и кибербезопасность: внешнеполитические вызовы и угрозы// Сборник материалов круглого стола

- «Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации». М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 481–497.
152. *Сурма И.В.* Внешнеполитические вызовы и угрозы цифровому суверенитету государства// Сборник докладов участников XIII международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». 22–27 апреля 2019 г. Гармиш-Партенкирхен, Германия. — М.: НАМИБ, 2020. С. 136–146.
 153. *Суходолов Н.В.* Понятие и признаки гуманитарной интервенции// Актуальные проблемы российского государства. 2009. № 3. С. 644–653.
 154. *Сушко В.А.* Имидж России в иностранных СМИ и социальных сетях// Обозреватель — Observer. 2019. № 3 (350).
 155. *Тарасьянц Е.В.* Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований. М.: БИ, 2011. — 224 с.
 156. *Талев Н.* Черный лебедь: под знаком неопределенности. М.: Колибри, 2009.
 157. *Талейран Ш.М.* Мемуары. М.: Academia, 1934. 759 с.
 158. *Тосака Дзюн.* Японская идеология. М.: Прогресс, 1991. 250 с.
 159. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М.: Институт экономики РАН, 2016.
 160. *Тренин Д.* Одинокое плавание. М.: Изд-во Р. Элинина, 2009.
 161. *Тренин Д.В.* Россия и страны СНГ: взросление отношений// Внешняя политика России: 2000–2020: Научное издание в 3 т./ Рос. совет по международным делам; под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2012.
 162. *Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е.* Правовое регулирование процедуры генного редактирования: зарубежный опыт// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. Т. 25. № 1.
 163. *Троицкий М.* Сила и слабость иерархии// Независимая газета — Сценарии. 2016. 23 декабря.
 164. *Файф Ч.А.* История Европы XIX века. В 3 т. М.: К.Т. Солдатенков, 1889–1890.
 165. *Фортуатов В.В.* История мировых цивилизаций. СПб.: Питер, 2011. — 528 с.
 166. *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. Эссе/ пер. с фр. М.: Международные отношения, 1999. 168 с.

167. *Фюре Ф.* Постыжение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 219 с.
168. *Хазанов А.М.* Центральная Азия среди планетарных и региональных игроков// Центральная Азия в системе международных отношений. М., 2004.
169. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги)// Pro et Contra. 1997. Т. 2. С. 114–154.
170. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2019.
171. *Харичкин И.К.* Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России: дис. ... д-ра филос. наук./ Воен. ун-т. М., 1999.
172. *Харичкин И.К., Шамаров П.В.* Миротворчество как элемент геополитики Российской Федерации и Североатлантического союза// Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 2 (839). С. 88–101.
173. *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект-Пресс, 2015. 208 с.
174. *Цыганов В.В., Ковалев В.И., Бочкарева Ю.Г.* Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне// Информационные войны. 2013. № 3 (27).
175. *Чернухина Л.С.* Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия// Журнал Российского права. 2014. № 7 (211). С. 104–116.
176. *Чимаров С.Ю.* Тактика онлайн-мобилизации протестного движения в Республике Беларусь// Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68. С. 151–155.
177. *Шамаров П.В.* Значимость международного миротворчества в системе обеспечения национальной безопасности России: геополитические детерминанты и факторы// Представительная власть — XXI век. 2020. № 5–6. С. 57–65.
178. *Шамаров П.В.* Международное сотрудничество России в сфере миротворчества// Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 211–214.
179. *Шамаров П.В.* Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра пол. лит. наук. М., 2020. 376 с.

180. *Шамаров П.В.* Миротворческая деятельность как элемент «мягкой силы» России// Представительная власть — XXI век. 2019. № 7–8 (174–175). С. 44–49.
181. *Шамаров П.В.* Миротворческая модель России на постсоветском пространстве// Вопросы политологии. 2019. № 8 (48). Т. 9. С. 1807–1813.
182. *Шамаров П.В.* Модель трансатлантического миротворчества НАТО// Обозреватель — Observer. 2019. № 11 (358). С. 27–38.
183. *Шамаров П.В.* Принципы международного миротворчества// Обозреватель — Observer. 2017. № 2 (325).
184. *Шамаров П.В.* Проблемы совершенствования материально-технического, финансового и другого обеспечения международного миротворчества России// Военно-юридический журнал. 2019. № 3 С. 25–30.
185. *Шамаров П.В.* Проблемы участия России в практическом миротворчестве ООН// ЭНИ Военное право. 2019. № 1 (53). С. 385–390.
186. *Шамаров П.В.* Реализация норм международного права в деятельности Уголовного трибунала по Руанде// Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1 (33). С. 134–139.
187. *Шамаров П.В.* Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение// Представительная власть — XXI век. 2020. № 4 (179). С. 38–43.
188. *Шарп Дж.* Общественная оборона. Система вооружения в эпоху пост-милитаризма. Вильнюс, 2002.
189. *Швейцер В.Я.* Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новые диспозиции// Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Доклады Института Европы РАН. 2018. № 357. С. 9–15.
190. *Шлезингер А.* Циклы американской истории/ пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
191. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2016.
192. *Энджелл Норман.* Великое заблуждение. М.: Социум, 2009.
193. *Ювачёв М.Ю.* Инструменты «мягкой силы» в дестабилизации общественно-политической ситуации в стране// Сборник материалов круглого стола «Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации». М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. С. 572–584.
194. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

195. *Яковенко А.В.* Гражданская дипломатия между Россией и США востребована как никогда// *Международная жизнь*. 2021. № 1. С. 110–113.
196. *Яковенко А.В.* Евразийская интеграция: от общегуманитарного к общегуманистическому пространству// *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. Ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. Москва, 2020. С. 271–273.
197. *Яковенко А.В.* Европа в эпоху перемен// *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 1 (23). С. 6–14.
198. *Яковенко А.В.* Мир на пороге перемен: пандемия как катализатор// *Сер. Избранные лекции Университета*. 2020. Выпуск 210. 478 с.
199. *Яковенко А.В.* COVID-19: поле битвы или возможность для сотрудничества?// *Международная жизнь*. 2020. № 5. С. 8–11.
200. *Японский милитаризм (военно-историческое исследование)*. М.: Наука, 1972. 376 с.
201. *Abrahamian E.* The US media, Huntington and September 11 // *Third World Quarterly*. 2003. No 24 (3). Pp. 529–544.
202. *Abrahamsen R.* African Studies and the Postcolonial Challenge// *African Affairs*. 2003 Vol. 102 (407). Pp. 189–210.
203. *Abulafia D.* Mediterranean history as global history// *History and Theory*. 2011. No 50 (2). Pp. 220–228.
204. AFDD 3-13. Information Operations. USAF, 2011. 65 p.
205. *Axelrod R.M.* The Complexity of Cooperation: Agent-Based Models of Competition and Collaboration. Princeton University Press, 1997.
206. *Bazarkina D., Kramar K.* Chapter 6. Reputation Management of Russian Companies in the European Union in the Context of Russia and the EU's Strategic Communication// *Strategic Communication in EU-Russia Relations: Tensions, Challenges and Opportunities*. Ed. by Evgeny Pashentsev. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. Pp. 161–211.
207. *Bicchi F.* The Mediterranean, between unity and fault line// *Global Affairs*. 2018. No 4 (2–3). Pp. 329–339.
208. *Bildt C.* Europe Surrounded Not by a Ring of Friends-But by a Ring of Fire. Washington, DC: Center for Strategic and International Studiesp 2015.
209. *Boniface P.* Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot. Paris: Éditions Eurolles, 2020.
210. *Bottici C., Challand B.* Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self- fulfilling prophecy// *European Journal of Social Theory*. 2006. No 9 (3). Pp. 315–336.

211. *Bourbeau P.* On Resilience. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
212. *Bridge R.* Europe's Balance of Power, 1815–1848// Allied Diplomacy in Peacetime: The Failure of the Congress 'System', 1815–23/ Alan Sked. 1979. Pp. 34–53.
213. *Calvert P., Calvert S.* Politics and society in the Third World. Second Edition. Longman. London, 2001. 320 p.
214. *Calvet L.* La guerre des Langues, Paris: Payot, 1987. 294 p.
215. *Chambers I.* Mediterranean crossings: The politics of an interrupted modernity. Durham, NC: Duke University Press, 2008.
216. *Chandler D., Coaffee J.* (Eds.) The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge. 2016.
217. *Clapham C.* Transformation and Continuity in Revolutionary Ethiopia, Cambridge: Cambridge University Press. 1988. 284 p.
218. Climate and Environmental Change in the Mediterranean Basin — Current Situation and Risks for the Future. MedECC. Edited by W. Cramer, J. Guiot, K. Marini. Marseille: Union for the Mediterranean. 2020.
219. *Coaffee J., Fussey P.* Constructing Resilience Through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience// Security Dialogue. 2015. № 46(1). Pp. 86–105.
220. *Coaffee, J.* From Counterterrorism to Resilience// The European Legacy. 2006. № 11(4). Pp. 389–403.
221. *Colley Th., Granelli F., Althuis J.* Disinformation's Societal Impact: Britain, COVID, and Beyond// Defence Strategic Communications. 2020. Vol. 8. Autumn.
222. *Cramer W., Guiot J., Fader M.* Climate change and interconnected risks to sustainable development in the Mediterranean// Nature Clim Change. 2018. No 8. Pp. 972–980.
223. *Determann L., Guttenberg K.T.* On War and Peace in Cyberspace: Security, Privacy, Jurisdiction/ Symposium 2014: The Value of Privacy Hastings Constitutional Law Quarterly UC// Hastings College of the Law San Francisco, California. 2014. April.
224. *Gompert L., Binnendijk H.* The Power to Coerce. Countering Adversaries Without Going to War. Cal., RAND, 2016. Pp. 1–40.
225. Global Trends 2030: Alternative Worlds. ODNI. 2012.
226. *Curdiphe:* “L’ivoirite, ou l’esprit du nouveau contrat social du president Henri Konan Bedie”// Politique Africaine. 2000. No 78. Pp. 65–69.

227. *Campbell D.* National Deconstruction: Violence, Identity, and Justice in Bosnia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 304 p.
228. *Dabashi H.* The Arab Spring: The End of Postcolonialism. NY: Zed Books. 2012.
229. *Denisenko V., Trikoz E.* Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic// E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175. № 14013. Pp. 1–7.
230. *De Cesari C.* Museums of Europe: Tangles of memory, borders, and race// Museum Anthropology. 2017. No 40(1). Pp. 18–35.
231. *Drissa Kone.* The Concept of “Ivoirité”// Identity Based Concept and its Impact on Socio-Political Life in Ivory Coast Akofena. No 2. Vol. 1. Septembre. Pp. 217–228.
232. *Dumont P.* Le français et les langues africaines au Sénégal. Paris: Agence de Coopération Culturelle et Technique & Karthala. 1983. 380 p.
233. *Ehteshami A.* Making Foreign Policy in the Midst of Turmoil// R. Hinnebusch, A. Ehteshami (eds.)// The Foreign Policies of Middle East States. Boulder, CO: Lynne Rienner. 2014.
234. *Evans B. & Reid J.* Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge: Polity Press. 2014.
235. Fin du leadership américain? L'état du monde 2020. Editions La Découverte, Paris, 2019. 181 p.
236. *Forbes B.C.* Equity, Vulnerability and Resilience in Social–Ecological Systems: Contemporary Example from the Russian Arctic// Research in Social Problems and Public Policy. 2008. No 15. Pp. 203–236.
237. Francis Akindès Côte d'Ivoire: Socio-political Crises, 'Ivoirité' and the Course of History// African Sociological Review// Revue Africaine de Sociologie. Vol. 7. No. 2. Sept.
238. *Gaeta F.* “État-nation face au processus de transition en Afrique noire” Omaly Sy Anio 1994(31–33). Pp. 713–729.
239. *George W. Baer* Burden of Empire: an appraisal of western colonialism in Africa south of the Sahara by L.H. Gann and Peter Duignan New York, Praeger for The Hoover Institution, 1967. Pp. xii+ 435 The Journal of Modern African Studies. Vol. 7. Issue 1. April 1969. Pp. 168–170.
240. *Gerges F.A.* America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
241. Getting to Zero: The Path to Nuclear Disarmament. Ed. by Catherine McArdle and Judith Reppy. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 432 p.

242. *Gilens M. & Page B.* Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens// *Perspectives On Politics*, No 12(3). P. 564–581.
243. *Giles H.* et al. Towards a Theory of Language in Ethnic Group Relations// *Giles H.* et al. (eds.). *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London: Academic Press. 1977. P. 307–348.
244. *Gore A.* *The Future*. NY: WH Allen. 2013. P. 121.
245. *Görgülü A., Kahyaoglu G.D.* *The Remaking of the Euro-Mediterranean Vision*. Bern: Peter Lang AG. 2019.
246. *Habeeb W.M. and Rotberg R.I.* *Ivory Coast (Africa: Continent in the Balance)*. Broomall, PA: Mason Crest Publishers. 2005.
247. *Henry L.A., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Tysiachniouk M.* *Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism// Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. № 8. Pp. 1340–1368.
248. *Huntington S.P.* *The clash of civilizations?// Foreign Affairs*. 1993. No 72(3).
249. *Horden P., Purcell N.* *The corrupting sea: A study of Mediterranean history*. Oxford, England/Malden, Mass: Blackwell, 2000.
250. *Huysmans J.* *Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security*. February 2002 *Alternatives: Global, Local, Political* 27 (1 suppl).
251. *Joseph J.* *Varieties of Resilience: Studies in Governmentality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
252. *Kelman I., Loe J., Rowe E.W., Wilson E., Poussenkova N., Nikitina E., Fjærtøft D.B.* *Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region// Arctic Review on Law and Politics*. 2016. Vol. 7. No 2. Pp. 152–178.
253. *Keohane R.O. and Nye Jo.S. Jr.* *Power and Interdependence in the Information Age// Foreign Affairs*. Vol. 77, No 5 (Sep. — Oct., 1998).
254. *Knake R.* *Internet Governance in the Age of Cyber Insecurity/ Robert K. Knake*. New York: Council on Foreign Relations, 2010. 43 p.
255. *Kurbalija J.* *Internet Governance: Issues, Actors and Divides// Jovan Kurbalija and Eduardo Gelbstein*. Diplo Foundation and the Global Knowledge Partnership, 2005. 144 p.
256. *Kym A., Lee A.J.* *Why Are US and EU Policies Toward GMOs So Different?// AgBioFo-rum*. 2003. No 6(3).

257. *Maass A.* Financial Instruments and the European Neighbourhood Policy// Schumacher T., Marchetti A., Demmelhuber T. (Eds.) The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy. Oxon: Routledge. 2017. Pp. 234–245.
258. *Malcolm J.* Multi-stakeholder Governance and the Internet Governance Forum/ Jeremy Malcolm. Perth: Terminus Press, 2008. 611 p.
259. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?// Journal of Common Market Studies. 2002. No 40(2). Pp. 235–258.
260. *Mansell R.* Imagining the Internet: Communication, Innovation, and Governance/ Robin Mansell. Oxford: Oxford University Press, 2012. 289 p.
261. *Marie Miran-Guyon.* The Political Economy of Civil Islam in Côte d'Ivoire. Politischer Islam in Westafrika. Eine Bestandsaufnahme, Friedrich Ebert Stiftung-Lit Verlag. 2006. P. 82–113.
262. *Mathiason J.* Internet Governance: the New Frontier of Global Institutions/ John Mathiason. New York: Routledge, 2009. 178 p.
263. Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. Cal., RAND. 2018.
264. *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 40–42.
265. *Morgan M.P.* The Concept of Deterrence and Deterrence Theory// Oxford Research of Politics, July, 2017.
266. *Mueller M.L.* Networks and States: the Global Politics of Internet Governance/ Milton L. Mueller. Cambridge, Mass: MIT Press, 2010. 313 p.
267. *Niagale Bagayoko, Eboe Hutchful & Robin Luckham* (2016) Hybrid security governance in Africa: rethinking the foundations of security, justice and legitimate public authority, Conflict, Security & Development, 16. P. 1–32.
268. *Nikitin A.* The Russian Federation// Providing Peacekeepers. The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions/ A.J. Bellamy, P.D. Williams (eds). Oxford: Oxford University Press, 2013.
269. *Nye J.S. Jr.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power, New York, Basic Books, 1990.
270. *Nye J.S.* The future of power. Public Affairs, 2011. 320 p.
271. *Ogechi N.O.* The role of foreign and indigenous languages in primary schools: The case of Kenya. Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 38. 10.5842/38-0-63. Stellenbosch Papers in Linguistics PLUS. 2009. Vol. 38. Pp. 143–158.
272. *Pace M.* The politics of regional identity: Meddling with the Mediterranean. London/ New York: Routledge, 2006.

273. *Palmer R.R.* The World of the French Revolution. N.Y., 1971.
274. *Parsons T.* On the Concept of Political Power// Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York: Free Press, 1967.
275. Pivot to the Pacific? The Obama Administration's «Rebalancing» Toward Asia, Congressional Research Service, March 28, 2012.
276. *Probst P. & Spittler G.* From an Anthropology of Astonishment to a Critique of Anthropology's Common Sense: An Exploration of the Notion of Local Vitality in Africa Bayreuth African Studies Online No. 1 (March 2005). Pp. 9–12.
277. *Roberts B.* Ban the Bomb? Or bomb the Ban?// European Leaders Network. Policy Brief. 2018.22 March.
278. *Rogers A., De Bousingen D.D.* Bioethics in Europe. Strasbourg: Council of Europe Press. 1995. 366 p.
279. *Roe P.* Ethnic violence and the societal security dilemma. London: Routledge, 2004. 200 p.
280. *Rittel H.W.J., Webber M.M.* Dilemmas in a General Theory of Planning// Policy Sciences. 1973. No 4. Pp. 155–169.
281. *Schumacher T.* Uncertainty at the EU's Borders: Narratives of EU External Relations in the Revised European Neighbourhood Policy Towards the Southern Borderlands// European Security. 2015. № 24 (3). Pp. 381–401.
282. *Sergunin A., Konyshov V.* Russia's Arctic Strategy// Russia: Strategy, Policy and Administration. Ed. by Irvin Studin. London: Palgrave, 2018. P. 138; Rohr J. IWGIA Report 18: Indigenous Peoples in the Russian Federation. Copenhagen: International Work Group for Indigenous Affairs, 2014.
283. *Smith-Windsor B.A.* Hard Power, Soft Power reconsidered// Canadian Military Journal. 2000. No 1 (3).
284. Societal Security and Crisis Management. Governance Capacity and Legitimacy Editors: Lægreid, Per, Rykkja, Lise H. (Eds.) New Security Challenges. 2019. Palgrave Macmillan. P. XVII, 397.
285. *Spencer J.* Language and development in Africa: The unequal equation. In: Nessa Wolfson and Joan Manes (eds.), Language of Inequality. 1985. Pp. 387–399.
286. Testimony of Ambassador Donald A. Mahley, House Government Reform Committee, Subcommittee on National Security, Veterans Affairs and International Relations, The Biological Weapons Convention: Status and Implications, July 10, 2001. U.S. Government Printing Office, 2002. 93 p.

287. The Alphabets of Africa. Rhonda L. Hartell, ed. 1993. UNESCO and Summer Institute of Linguistics Dakar. 319 p.
288. *Timerbaev R., Welch S.* The IAEA`Role in Nuclear Arms Control// The Nonprolifer. Rev. 1994. Spring-Summer. Vol. 1. No 3. Pp. 19–20.
289. *Tomes R.* Releaning Countersurgency Warfare// US Army War College, 2004. Overextending and Unbalancing Russia. RAND. 2019.
290. *Trikoz E.N., Gulyaeva E.E., Belyaev K.S.* Russian experience of using digital technologies in law and legal risks of AI// E3S Web of Conferences. 224, 03005 (2020).
291. *Tripp A.M.* The political mediation of ethnic and religious diversity in Tanzania. In: Young, Crawford, ed. The accommodation of cultural diversity. Case studies. New York: St. Martin’s Press, 1999. Pp. 37–71
292. *Tsega A.H.* The Tigray Identity and The Paradox in the Securitization of the Oromo and Amhara Identities in Ethiopia// International Journal of African Development. 2018. Vol. 5. Iss. 1, Article 3. Pp. 5–12.
293. *Van Deveer S.* Environmental Security: Conceptual Contestation and Empirical Relevance in the Mediterranean. Security and Environment in the Mediterranean. Berlin: Springer, 2003.
294. *Wagner W., Anholt R.* Resilience as the EU Global Strategy’s New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising?// Contemporary Security Policy. 2016. № 37(3). P. 414–430.
295. *Walker J., Cooper M.* Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation// Security Dialogue. 2011. No 42(2). Pp. 143–160.
296. *Waltz Kenneth N.* Nuclear Myths and Political Realities// American Political Science Review, 1990. Vol. 84. Pp. 720 –730.
297. *Warden J.A.* The Enemy as a System// Airpower Journal. 1995. Vol. 9. No 1.
298. *Wæver O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P.* Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London. Printer, 1993.
299. *Wehrey F., Sokolsky R.* Imagining a New Security Order in the Persian Gulf. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2015.
300. *Williams M.C.* Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics// International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. No 4. Pp. 511–531.
301. *Winters J. & Page B.* Oligarchy in the United States?// Perspectives On Politics. No 7(4). 2009. Pp. 731–751.
302. *Witney N., Dennison S.* Europe’s Neighbourhood: Crisis as the New Normal// European Council on Foreign Relations. Policy Memo. 2015.

303. *Yohoe K.* An Offensive Leap: Fn Analogy of Hypersonic Weapons to Early ICBMs// Centre for Strategic and International Studies (CSIS). Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2019. P. 12.
304. *Zeferino Carico Andre Pintinho.* The Security Vectors in Africa// Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. Jan./Jun. 2017. Vol. 6. No 11. Pp. 52–72.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ:
НОВЫЕ КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

Монография

*Под научной редакцией
О.П. Иванова*

*Корректор В.В. Шапошникова
Компьютерная верстка И.С. Надворского
Дизайн обложки В.Р. Хованской*

Подписано в печать 11.10.2021. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 39,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 116 экз.)

Издательство ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

